

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

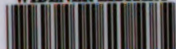
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

WIDENER LIBRARY

HX 4KWF Z

3 2044 014 096 192

Slaw 1635.45

HARVARD COLLEGE LIBRARY

Bought with the income of
THE KELLER FUND

Bequeathed in Memory of
JASPER NEWTON KELLER
BETTY SCOTT HENSHAW KELLER
MARIAN MANDELL KELLER
RALPH HENSHAW KELLER
CARL TILDEN KELLER

161

ВЪ ТУМАНѢ СМУТНЫХЪ ДНЕЙ.

СБОРНИКЪ
СТАТЕЙ, ДОКЛАДОВЪ и РЪЧЕЙ
ПРОФЕССОРА А. С. ВЯЗИГИНА.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія журнала „Мирный Трудъ“, Дѣвичья улица, № 14-й.
1908.

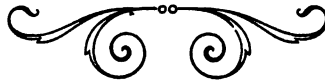
*Мирнолюбивому Сергею Викторову
собратьщику из доброй памяти*

ПРОФ. А. С. ВЯЗИГИНЪ.

ВЪ ТУМАНЪ СМУТНЫХЪ ДНЕЙ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ, ДОКЛАДОВЪ и РЪЧЕЙ.

Харьковъ.

Типографія журнала „Мирный Трудъ“, Дѣвичья улица, домъ № 14.

1908.

Star- 1636.45

✓

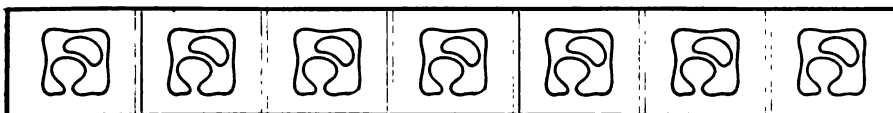

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловіе	V
Программа „Мирнаго Труда“	1
„Педагоги“ комедія Э. Эрнста и „Дѣти Ванюшина“ драма С. Найденова	9
Два слова о культѣ новизны	19
Что такое „національный“	24
Философское завѣщаніе Спенсера.	36
Э. Я. Фортинскій	38
Итоги перваго года	48
Новое проявленіе роста русскаго самосознанія	53
Значеніе публицистической дѣятельности В. С. Соловьева	70
Отъ редакціи	90
„Лена или Седанъ“?	93
Русское Собраніе въ Петербургѣ	99
Рѣчь при открытіи „Харьковскаго Отдѣла Русскаго Собранія“	107
Ближайшія задачи „Харьковскаго Отдѣла Русскаго Собранія“	110
Новый оплотъ Православія въ Харьковѣ	118
Необходимость преобразованій	121
Кн. Дмитрій Петровичъ Голицынъ	130
Василій Львовичъ Величко	138
По поводу пребыванія Царя въ Харьковѣ	155
Новые отдѣлы „Русскаго Собранія“	164
Обновленіе	172
О настроеніи русской молодежи.	189
Надежда Россіи	198
Мнимая спасительность парламентаризма	204
Опасныя стороны новаго закона о бракѣ	218
Десятилѣтіе правленія Государя Императора Николая II	224
Россія и революція	237

По поводу студенческихъ безпорядковъ	249
Причины обостренія университетскихъ безпорядковъ	259
Отвѣтъ „Вѣстнику Европы“	265
Отъ редакціи	273
Гоненія на русскую молодежь	282
Мертвое учрежденіе	301
Нѣсколько словъ о В. Н. Каразинѣ	310
Является-ли „Русское Собраніе“ противникомъ всякихъ преобразованій?	323
Отвѣтъ Г. А. Щечкову	343
Государственная Дума	349
По поводу Высочайшаго Манифеста отъ 17 Октября 1905 года	361
Письмо въ редакціи Харьковскихъ газетъ	369
Письмо проф. Н. А. Гредескула въ ред. газеты „Харьковский Листокъ“	369
Письмо въ редакцію газеты „Южный Край“	374
Уроки жизни	380
Къ избирателямъ въ Государственную Думу отъ сторонниковъ проч- наго порядка и законности	384
Первая годовщина „Харьковского Отдѣла Русскаго Собранія“	391
О дѣятельности „Харьковского Отдѣла Русскаго Собранія“ за 1904—1905 гг.	400
Возрожденіе средневѣковаго настроенія	411
Программы чтенія для самообразованія	424
Значеніе „освободительнаго движенія“	433
Что дадутъ намъ забастовки?	439
Письмо русскому крестьянству	445
„Что надо теперь дѣлать русскимъ людямъ?“	450
Папа Григорій Великій, какъ церковно-общественный дѣятель	455

ПРЕДИСЛОВІЕ.

— — —

„Въ туманѣ смутныхъ дней
Въ нелегкій путь пошли мы,
Огнемъ любви палимы,
Любви къ землѣ своей“.

В. Величко.

Пережитое недавно Россіей „освободительное безуміе“ не было неожиданностью для многихъ, ибо подготовка революціоннаго движенія производилась у насъ съ рѣдкой откровенностью: изъ года въ годъ затапывались все глубже въ грязь наши историческія святыни, высмѣивались народныя вѣрованія, попиралась правда и царило беззаконіе, такъ какъ иначе нельзя назвать преступное забвеніе долга и обязанностей, своекорыстное попустительство и равнодушное потворство власти имущихъ. Съ ужасомъ и тревогой смотрѣли любящіе святую Русь люди на грозное будущее, сулившее великія потрясенія для нашего отечества, которое въдобавокъ ослаблялось экономическими нестроеніями въ государственномъ и народномъ хозяйствѣ, развращалось отреченіемъ „интеллигенціи“ отъ прошлаго и преклоненіемъ передъ космополитическими идеалами, всесвѣтной революціей и диктатурой пролетаріата, утратившаго вѣру, совѣсть, родину и честь; передовые журналы и газеты усиленно проповѣдывали „переоцѣнку всѣхъ цѣнностей“, восхваляли „непротивленіе злу“, глумились надъ „ошибками историческаго христіанства“, насаждали обожаніе „сверхчеловѣка“, пресмыкались передъ „новыми людьми“, не знавшими ни добра, ни зла, ставили въ образецъ для юныхъ поколѣній или преступниковъ, или скотоподобныхъ босяковъ. „Капиталь“

Маркса былъ своего рода Евангеліемъ для юношества, которое лучшіе годы своей жизни отдавало подготовкѣ къ революціоннымъ выступленіямъ, а не вдумчивому изученію особенностей родной земли. Оно готовилось не къ служенію отечеству, но къ его порабощенію международному капиталу подъ личиною соціалистическаго рая. Тайныя общества и сѣзды работали надъ сплоченіемъ всѣхъ тѣхъ, кто съ ненавистью и презрѣніемъ относился къ устоямъ русской жизни. Народъ, забытый и заброшенный, дичалъ, пропитывался суевѣріями, присоединялъ, благодаря неправильно поставленной школѣ, верхоглядство невѣжества къ наслѣдственной темнотѣ. Его не *учили добру и христіанской истинѣ, а просвѣщали* свѣтомъ челоуѣконенавистническихъ, противообщественныхъ ученій; его не лѣчили, а растлѣвали его душу пропагандой зависти, насилія и отрицанія, оставляя гнить и голодать его тѣло. Всевозможныя ухищренія пускались въ ходъ, чтобъ превратить въ революціонное „пушечное мясо“ подрастающія поколѣнія, темныхъ крестьянъ и сбитыхъ съ толку рабочихъ. Дѣло ихъ распропагандированія велось настойчиво, упорно, съ большимъ напряженіемъ, и, не взирая ни на что, бюрократическое правительство пребывало въ сладкой увѣренности: „все обстоитъ благополучно“.

Надъ Россіей все гуще и гуще спускался сумрачный туманъ приближавшихся смутныхъ дней. Онъ заволакивалъ мало по малу школу, судъ, земство, городское самоуправленіе, деревню, заводы и фабрики; его волны проникали въ среду пастырей церкви и захлестывали столпы нашей бюрократіи. Нужно было очень хорошее зрѣніе, чтобъ уловить въ этой надвигающейся мглѣ очертанія подползавшихъ къ русскимъ святынямъ враговъ. Но даже голосъ зоркаго стража терялся въ густомъ воздухѣ, пропитанномъ тяжелыми испареніями, и предостереженія пропадали даромъ для широкихъ круговъ. Впрочемъ, многіе, имѣя уши, просто не слушали досадныхъ разоблаченій, требовавшихъ отъ нихъ живого дѣла вмѣсто канцелярскихъ отписокъ: спокойнѣе было получать свои оклады и утѣшаться мыслью о всеобщемъ благополучіи, чѣмъ доискиваться причинъ нестроений

и работать надъ ихъ искорененіемъ. Другіе были до такой степени самоувѣрены, что питали искреннее убѣжденіе, будто ничто не можетъ укрыться отъ бдительнаго взора начальства, которое слышетъ даже, какъ „трава растетъ“, а тѣмъ болѣе знаетъ всѣ ходы подпольной крамолы.

Поэтому всякая попытка къ общественной самодѣятельности и пробужденію самосознанія въ народныхъ глубинахъ встрѣчала непримиримо-враждебное отношеніе со стороны не только правящей бюрократіи, слишкомъ полагавшейся на свои силы, но и революціонныхъ круговъ, которые не хотѣли допускать общественнаго отрезвленія и дружной работы надъ улучшеніемъ условій народнаго труда и поднятіемъ благосостоянія русской деревни, ибо всякое измѣненіе къ лучшему портило задуманную игру и вырывало козыри у тѣхъ, кто, потирая руки, злорадно твердилъ: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“.

Всѣ попытки къ преобразованіямъ съ высоты престола разбивались о косную неподвижность общества, привыкшаго къ постоянной опецѣ, о глухое и упорное противодѣйствіе внутреннихъ враговъ и тупое самоослѣпленіе самодержавныхъ бюрократовъ, которые умѣли бросать препятствія на пути къ осуществленію царскихъ предначертаній, разъ они шли въ разрѣзъ съ привычками канцелярій и вѣдомствъ. Достаточно припомнить всѣ заботы Государя о религіозномъ и національномъ воспитаніи русскаго юношества, чтобъ убѣдиться въ полнѣйшемъ пренебреженіи исполнительной властью согрѣтыхъ искренней любовью къ народу указаній Государя. Онъ не находилъ вокругъ себя въ достаточномъ числѣ преданныхъ, понимающихъ Его намѣренія и самоотверженныхъ работниковъ и потому Его манифесты оставались гласомъ вопіющаго въ пустынь. Изъ года въ годъ все выше поднимались головы смутьяновъ, ободряемыхъ безнаказанностью, явнымъ усиленіемъ своей „партіи“ и духовнымъ разваломъ русскаго общества.

Правда, въ кровавую годину войны, казалось, солнце народной любви къ родинѣ разсѣетъ своими лучами ползущій туманъ смуты, но врагъ не дремалъ и воспользовался

всѣмъ, чтобъ сломить нѣжные ростки національнаго самосознанія. Мало того; лучшія народныя чувства были поруганы вѣстями съ полей битвъ: неподготовленность, бездарность, хищенія, явная измѣна, преступная пропаганда, изнѣженность и своекорыстіе, воровство пожертвованій, собранныхъ чистыми душами и ни одной побѣды послѣ безконечныхъ отступленій и даже горделивой похвалы, а потомъ нежданный, нежеланный, позорный, но прославленный миръ...

Народное недовольство было ловко использовано руководителями нашей революціи, но они, подражая примѣру французскаго образца, забыли, что во Франціи революцію не смогла произвести только космополитствующая интеллигенція: патріотически настроенный, но обманутый вожаками французскій народъ безъ стойкаго сопротивленія, по своимъ національнымъ особенностямъ, ринулся въ бездну смуты очертя голову.

Лжи и обмана было слишкомъ много пущено въ ходъ и на Руси, но все таки русскій народъ стихійно, грубо понималъ, что „освободители и соблазнитель, будя жадность, зависть и ненависть, отрицая Бога, посягая на власть Царя и лишая первенства русскій народъ, покушаются на нѣчто высшее, составлявшее святыню ряда поколѣній, создавшее самые устои государственнаго бытія Россіи. Наглость зарвавшихся инородцевъ, возмнившихъ себя господами положенія и открыто глумившихся надъ горемъ и растерянностью русскихъ людей, открыла глаза многимъ простодушнымъ обывателямъ и бурный потокъ „освободительнаго движенія“ былъ задержанъ черносотенною плотиною, воздвигнутой на скоро, какъ попало, изъ грудъ жертвъ революціонной злобы и пламенной любви къ Родинѣ.

Несомнѣнно, что первый бурный натискъ разбился объ это неприхотливое сооруженіе стихійныхъ народныхъ чувствъ. Но напоръ не прекратился и черезъ плотину стали уже кое гдѣ просачиваться предательскія струйки. Опасность отсрочена, но не миновала, ибо надо укрѣпить воздвигнутую народомъ преграду. Надо дѣтишу стихійнаго, оскор-

бленнаго чувства придать стойкость убѣжденнаго сознанія, и не позволить врагу обойти народное дѣло, подмыть и ослабить его устои. Каждый по мѣрѣ силъ обязанъ внести свою лепту въ эту великую, всенародную работу и да будетъ выпускаемый въ свѣтъ сборникъ статей, рѣчей и докладовъ, вызванныхъ горячей любовью къ родинѣ, скромнымъ камушкомъ, который закроетъ какое либо опасное мѣсто въ народномъ сооруженіи, укажетъ другимъ работникамъ на необходимость совмѣстными усиліями и планомѣрнымъ трудомъ отстаивать духовно то, что бурное народное движеніе вырвало изъ наглыхъ и цѣпкихъ рукъ.

Въ издаваемомъ нынѣ первомъ томѣ помѣщены статьи, написанныя до 1906 года, т. е. до того времени, когда освободительное движеніе стало уже искать себѣ иное русло послѣ октябрьскихъ „погромовъ“ и декабрьской революціи въ Москвѣ. Первая изъ этихъ статей излагаетъ программу журнала „Мирный Трудъ“, основаннаго въ предвидѣніи революціоннаго броженія, въ противовѣсъ гнету космополитическихъ увлеченій нашей передовой печати. Въ ту пору (1902 годъ) можно было достичь многого, если-бы наше общество лучше понимало положеніе вещей и настоящую необходимость духовнаго отпора разрушительнымъ ученіямъ. Хотя и тогда одни спали, возложивъ надежды на сыскныя отдѣленія, а другіе боялись отступить отъ моднаго преклоненія передъ ложными кумирами, усиленно прославляемыми захваченной инородцами печатью, тѣмъ не менѣе уже давно замѣчались поиски иныхъ путей¹⁾, и при большей самостоятельности и самодѣятельности, при большей сплоченности русскихъ людей, борьба противъ развратителей приняла-бы характеръ беспощаднаго обличенія ихъ ухищреній²⁾. Надо было только правительству и обществу всматриваться глубже въ причины нестроений и пробуждая дремлющее національное самосознаніе русскаго народа со-

¹⁾ См. статью „Возрожденіе средневѣковаго настроенія“ (стр. 411—423). Она была напечатана въ Русской Бесѣдѣ за 1896 г.

²⁾ См. статью „Программы чтенія для самообразованія“ (стр. 424—432), помѣщенную первоначально въ Русской Бесѣдѣ за 1895 г.

здать незыблемую идейную почву, на которой не проросли-бы плевелы различных лжеучений, упорно насаждаемых российскими интеллигентами въ мундирахъ первыхъ сановниковъ Имперіи. Впрочемъ вмѣсто того, чтобъ зорко слѣдить за воспитаніемъ юношества не путемъ неисполняемыхъ циркуляровъ, а тщательнымъ подборомъ лучшихъ силъ для учительской дѣятельности, наше правительство радѣло больше о процвѣтаніи монополіи, чѣмъ объ участи злосчастныхъ педагоговъ ¹⁾).

Но на зарѣ смутныхъ дней въ нашихъ университетахъ и другихъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ всетаки не было такого увлеченія революціоннымъ политиканствомъ въ ущербъ научной правдѣ, какое замѣчается въ послѣдствіи. Достаточно сказать, что сознательный націонализмъ и отрицаніе плодотворности революціонныхъ переворотовъ, легшіе въ основу программы „Мирнаго Труда“, встрѣтили сочувствіе въ преподавательскихъ кругахъ и, напримѣръ, почти всѣ профессора историко-филологическаго и юридическаго факультетовъ Харьковскаго Университета не только дали свои имена, въ качествѣ будущихъ сотрудниковъ журнала съ явнымъ уклономъ къ славянофильству, но даже выступили открыто противъ нападокъ іудействовавшаго „Харьковскаго Листка“. Краснорѣчивымъ показателемъ тогдашняго настроенія огромнаго большинства профессорской семьи служить открытое и мужественное выступленіе на студенческой сходкѣ въ защиту необходимости самодержавія для Россіи проф. Н. А. Гредескула, въ послѣдствіи одного изъ кадетскихъ „лидеровъ“ и героевъ печальной памяти „выборгской кумедіи“. И онъ далъ хотя небольшую замѣтку для первой книжки „Мирнаго Труда“.

Подобное отношеніе къ этому журналу тѣмъ болѣе знаменательно, что Харьковъ издавна пользовался славой крупнаго революціоннаго центра, ибо въ немъ сосредоточилось три высшихъ учебныхъ заведенія, нѣсколько круп-

---

¹⁾ См. статью „Причины обостренія университетскихъ безпорядковъ“ (стр. 259—264), представляющую собой отрывокъ изъ письма къ С. Ѳ. Шарпову, написаннаго въ 1901 г. и напечатаннаго въ „Бороздахъ“.

ныхъ заводовъ и фабрикъ. Какъ торговый центръ и желѣзнодорожный узелъ онъ привлекалъ къ себѣ много пришлаго люда; свыше 20 тысячъ іудеевъ, въ большинствѣ „непрописанныхъ“, многочисленная польская колонія, нѣсколько десятковъ украинофильствующихъ чудаковъ оказывали замѣтное вліяніе на внутреннюю жизнь „столицы Слободской Украйны“. Но несмотря на дѣятельную и многолѣтнюю пропаганду революціонеровъ именно въ Харьковѣ были условія, благоприятныя для выступленія съ исповѣданіемъ сознательнаго націонализма, широкаго и терпимаго. Въ этомъ отношеніи благотворно дѣйствовало богатое духовное наслѣдіе покойнаго профессора А. А. Потебни, учениками и слушателями котораго явились всѣ члены первоначальной редакціи „Мирнаго Труда“. Раздраженные его появленіемъ враги русскаго дѣла пустили въ ходъ клевету и злобные навѣты, упрекая въ чловѣконенавистничествѣ и ретроградствѣ. Извѣстно, какое впечатлѣніе производятъ подобные упреки на наше образованное общество, безвольное и несамостоятельное. Многіе испугались, что іудейскіе писаки причислятъ ихъ къ сонму реакціонеровъ и къ новорожденному журналу стали относиться съ недоброжелательствомъ уже за то, что онъ ребромъ поставилъ національный вопросъ. Поборники революціи понимали, что пробужденіе русскаго самосознанія сводитъ на нѣтъ ихъ многолѣтнюю упорную работу, а потому „Мирный Трудъ“ осужденъ былъ на смерть за свою дерзкую попытку создать идейное противотеченіе революціонному космополитизму. Проступокъ былъ тѣмъ болѣе тяжелымъ въ глазахъ „интеллигентныхъ читателей“, что въ журналѣ появились статьи, обличающія недостатки „угнетеннаго племени“. Естественно, что вся еврейская и еврействующая печать должна была покарать изданіе, виновное въ оскорбленіи „невиннаго“ и „безгрѣшнаго“ народа. Первоначально пытались высмѣять и оклеветать его въ іудейской печати, но потомъ по всей линіи былъ отданъ приказъ замалчивать самое существованіе „Мирнаго Труда“, такъ какъ выяснилось, что высмѣиваемые взгляды находятъ сторонниковъ и получаютъ такимъ

образомъ нежелательное для іудеевъ распространіе. Послѣдствія не замедлили сказаться въ остановкѣ роста подписки, а потому и крайней убыточности изданія. Никто изъ виновниковъ его возникновенія не располагалъ свободными средствами для покрытія убытковъ и въ изданіи произошелъ перерывъ.¹⁾ Оно возобновилось черезъ годъ и существуетъ доселѣ единственно благодаря все растущимъ долгамъ издателя и полному безкорыстію гг. сотрудниковъ.

Тѣмъ временемъ Харьковскій кружокъ поборниковъ русскихъ историческихъ идеаловъ вошелъ въ болѣе тѣсное общеніе съ своими петербургскими единомышленниками, ставшими на первую стражу подъ стягомъ Русскаго Собранія. Плодомъ этого общенія было учрежденіе профессорами и преподавателями мѣстныхъ высшихъ учебныхъ заведеній перваго его Отдѣла въ Харьковѣ и расширеніе круга дѣятельности учредителей. Имъ пришлось выступать съ рѣчами, докладами²⁾ и статьями, разъясняющими цѣли и стремленія новаго общества.³⁾ Естественно, что возобновленный „Мирный Трудъ“ сталъ главнымъ проводникомъ воодушевлявшихъ членовъ Отдѣла началъ и, оставаясь вѣрнымъ своему идейному знамени, отстаивалъ подъ гулъ начавшейся войны необходимость національнаго пробужденія⁴⁾ и широкихъ преобразованій на національныхъ основахъ.⁵⁾ Патріотическій подъемъ, несомнѣнно пережитый Россіей въ началѣ войны, явственно показалъ, что ядро русскаго народа совер-

¹⁾ См. „Итоги перваго года“ (стр. 48—52).

²⁾ См. „Василій Львовичъ Величко“ (стр. 138—154). „Десятилѣтіе правленія Государя Императора Николая II“ (стр. 224—235). „Россія и революція“ (стр. 236—248). „Является ли Русское Собрание противникомъ всякихъ преобразованій“ (стр. 323—342). Церковно-общественная дѣятельность папы Григорія Великаго (стр. 455 слѣд.)

³⁾ См. „Русское Собрание въ Петербургѣ“ (стр. 99—106). „Рѣчь при открытіи Харьковского Отдѣла Русскаго Собранія“ (стр. 107—109). „Ближайшія задачи Харьковского Отдѣла Русскаго Собранія“ (стр. 110—117). „Новые Отдѣлы Русскаго Собранія“ (стр. 164—171). „Первая годовщина“ Х. О. Р. С. (стр. 391—399); О дѣятельности Харьк. Отдѣла Русскаго Собранія за 1904—1905 г. (стр. 400—410).

⁴⁾ См. „Отъ редакціи“ (стр. 90—92).

⁵⁾ См. „Необходимость преобразованій“ стр. (121—129).

шенно здорово и болѣзнь чужебѣсья привилась лишь поверхностно къ русскимъ людямъ. ¹⁾ Но столкновение съ внѣшнимъ врагомъ и боевыя неудачи окрылили надежды темныхъ силъ, которыя употребили всѣ усилія, чтобъ бросить отзывчивую русскую молодежь на скользкую тропу дѣятельнаго выступленія противъ правительства. Крамольные посябвы, брошенные вражеской рукой въ предшествующіе годы, стали всходить и своимъ буйнымъ ростомъ начали заглушать нѣжные ростки національнаго самосознанія. Естественно, что школьные нестроенія должны были вызвать желаніе положить конецъ развращенію юныхъ душъ, ²⁾ которыя жаждали воды чистаго знанія и пламенѣли любовью къ родинѣ. ³⁾ Ихъ положеніе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ было невыносимо тяжелымъ, но они бодро стояли за свободу своихъ убѣжденій противъ „либеральныхъ насильниковъ“ ⁴⁾ и находили въ кругу „мирныхъ труженниковъ“ нравственную и духовную поддержку. Это идейное единеніе между наставниками и студентами, конечно, не нравилось „освободителямъ“ и вотъ на „Мирный Трудъ“ былъ сдѣланъ клеветнической извѣтъ, нашедшій себѣ гостепріимный пріютъ на страницахъ „опрятнаго“ „Вѣстника Европы“. На брошенный ему вызовъ ⁵⁾ никто, однако, не рискнулъ открыто выступить, ибо злонамѣренность вымысла нетрудно было доказать и тогда у клеветниковъ вырвано было бы ихъ жало. Они предпочли остаться „анонимными“ и, распуская настойчиво завѣдомую неправду, отрывать студентовъ отъ общенія съ „мирными труженниками“. Это сулило болѣе успѣшное революціонизированіе студенчества и умаленіе вліянія „русско-собранныхъ“, которымъ стали грозить бойкотомъ. Студентамъ воспрещалось посѣщать ихъ лекціи и записываться въ число ихъ слушателей. Началось открытое

---

¹⁾ См. „По поводу пребыванія Царя въ Харьковъ“ (стр. 155—163.)

²⁾ См. „Обновленіе“ (стр. 172—188).

³⁾ См. „О настроеніи русской молодежи“ (стр. 189—197).

⁴⁾ См. „По поводу студенческихъ безпорядковъ“ (стр. 249—258). „Гоненія на русскую молодежь“ (стр. 282—300).

⁵⁾ См. „Отвѣтъ Вѣстнику Европы“ (стр. 265—272).

гоненіе на „правыхъ“ профессоровъ, при чемъ застрѣльщикомъ выступилъ проф. Н. А. Гредескулъ, уже превратившійся въ яростнаго сторонника всякихъ „равноправій“ и въ конституціонномъ увлеченіи забывшій свои собственные слова о необходимости самодержавія для Россіи. Когда постыдный портсмутскій миръ подорвалъ довѣріе народа къ правительству и смута подняла высоко голову, одной изъ ближайшихъ задачъ было поставлено изгнаніе русско-собранцевъ изъ университета, или, по крайней мѣрѣ, лишеніе ихъ возможности читать лекціи студентамъ. Нападенію прежде другихъ подверглись проф. Т. И. Буткевичъ, нынѣ членъ Государственнаго Совѣта, проф. М. А. Остроумовъ, вышедшій вскорѣ въ отставку за выслугою 25 лѣтъ и проф. А. С. Вязигинъ, нынѣ членъ Государственной Думы. Послѣдній воспользовался рѣчью проф. Гредескула въ Университетскомъ Совѣтѣ и добился гласнаго повторенія выпускаемыхъ изъ-за угла обвиненій ¹⁾). Для болѣе полной характеристики клеветническихъ извѣстовъ слѣдуетъ замѣтить, что упоминаемый проф. Гредескуломъ учитель Сахаровъ былъ удаленъ до появленія въ печати статьи „Обновленіе“, а проф. Степановъ добровольно сложилъ съ себя обязанности директора II гимназіи, такъ какъ ему не удалось „выкурить“ черносотеннаго и прямолинейнаго „преподавателя исторіи, принадлежавшаго къ членамъ Русскаго Собранія. Статья „Мирнаго Труда“ вовсе не имѣла въ виду привлечь громы на главы отдѣльныхъ лицъ, но ставила цѣлью обратить общественное вниманіе на рядъ возмутительнѣйшихъ попустительствъ со стороны „власть имущихъ“. Прошло нѣсколько лѣтъ, но и теперь, послѣ освободительной передраги, можно только повторить, что отмѣченныя въ статьѣ „Обновленіе“ явленія недопустимы въ здоровой школѣ, ибо благодаря имъ тысячи отцовъ и матерей оплакиваютъ нынѣ грустную участь своихъ сыновей и дочерей, развращенныхъ на школьной скамѣ освободителями, кото-

---

¹⁾ См. Письмо въ редакціи Харьковскихъ газетъ. Письмо проф. Гредескула и письмо проф. Вязигина (стр. 369—379).

рые хладнокровно посылали на путь кровавых преступлений молодежь и втягивали ее въ политическую борьбу.

Отповѣдь проф. Гредескулу вызвала въ харьковскомъ обществѣ живой интересъ и сочувствіе къ „русско-собранцамъ“. Тогда въ іудейскомъ Харьковскомъ Листкѣ стали появляться письма несчастныхъ попугаевъ, которые никогда не читали, ни одной строки находившагося подъ херемомъ „Мирнаго Труда“ и все таки заявляли о своей солидарности съ проф. Гредескуломъ. Обозленные неудачей „освободители“ уклонились отъ дальнѣйшей полемики, отъ разсмотрѣнія затронутыхъ въ „Обновленіи“ вопросовъ по существу и перешли къ „активному бойкоту“, вслѣдствіе котораго проф. А. С. Вязигинъ и Я. А. Денисовъ не могли читать лекцій въ университетѣ и подвергались заочнымъ оскорбленіямъ на студенческихъ сходкахъ. Ихъ имена были вывѣшены на „позорныхъ плакатахъ“, помѣщенныхъ въ окнахъ университетскаго зданія, и имъ выражено за подписями ихъ слушателей „презрѣніе“ не за плохое чтеніе лекцій, ибо даже враги признавали ихъ свѣдущими и дѣльными спеціалистами, не за превращеніе каеедры въ орудіе пропаганды, ибо самое придиричивое слѣдствіе, произведенное студентами, установило, что лекціи читались вполнѣ научно, безъ политики, а за ихъ „дѣятельность въ Русскомъ Собраніи“. Условіемъ снятія бойкота было поставлено прекращеніе чтенія докладовъ и выходъ изъ „реакціоннаго общества“. Такъ проявлялась свобода слова, совѣсти и убѣжденій, за которую распинались „либералы“. Они вели себя подобно инквизиторамъ и этотъ бессмысленный бойкотъ, конечно, не заставилъ гонимыхъ измѣнить своимъ воззрѣніямъ. Въ отвѣтъ на запугиванія они учредили Харьковскій Союзъ русскаго народа и тѣмъ самымъ приобрѣли болѣе обширную народную аудиторію. Такимъ образомъ произошло сближеніе образованныхъ русскихъ людей, сознательныхъ націоналистовъ, съ низами, носителями стихійнаго націонализма. Борьба получила чисто идейную окраску и Харьковъ не зналъ „погромовъ“ потому, что харьковская черная сотня научилась бороться

словомъ и убѣжденіемъ. Въ свою очередь, единеніе съ народомъ отразилось и на литературной дѣятельности, ибо составленные по полномочію рабочихъ и крестьянъ-союзниковъ листки ¹⁾ получили широкое распространеніе во многихъ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, будучи перепечатываемы единомышленниками во всѣхъ концахъ Россіи.

Такъ въ самый разгаръ „освободительнаго движенія“ намѣчался и осуществлялся идейный отпоръ насильникамъ. Харьковское русское собраніе устраивало засѣданія, несмотря на всѣ запугиванія и „смертные приговоры“, даже въ тяжелые осенніе дни злополучнаго 1905 года и выступило, однимъ изъ первыхъ, съ объединяющей программой ²⁾. Эти усилія не пропали даромъ. Несомнѣнный успѣхъ выпалъ на долю стараній харьковскихъ борцовъ за родныя святыни. Правда, борьба далеко не кончена, но поле духовной битвы будетъ за нами:

Сплотимся лишь тѣснѣй
Вокругъ родного дѣла.
Освѣтимъ правдой смѣло
Туманы смутныхъ дней...

¹⁾ См. „Что даютъ намъ забастовки?“ (стр. 439—444). Письмо русскому крестьянству (стр. 445).

²⁾ „Къ избирателямъ въ Государственную Думу отъ сторонниковъ прочнаго порядка и законности (стр. 384—390).

ПРОГРАММА „МИРНАГО ТРУДА“.

— — —

Установленная трудами великихъ языковѣдовъ прошлого (XIX) вѣка тѣсная и неразрывная связь между языкомъ даннаго народа и его міросозерцаніемъ даетъ правильное и безпристрастное рѣшеніе столь жгучаго и спорнаго вопроса о національной самобытности, ставя его на вполне научную почву: строй мышленія каждого человѣка, уголь его зрѣнія, опредѣляются, помимо его сознанія, постояннымъ и могучимъ воздѣйствіемъ роднаго языка, хранителя мыслительной работы ряда угасшихъ поколѣній; всякое заимствованное понятіе неизбѣжно пропитывается національнымъ духомъ, приспосаблиется къ его особенностямъ и подвергается творческой переработкѣ.

Эти выводы точной науки наносятъ смертельный ударъ космополитическимъ мечтаніямъ и увлеченіямъ: внѣ народности нѣтъ мышленія, нѣтъ познанія, нѣтъ творчества.

Стало быть, и каждый русскій не можетъ отрѣшиться отъ своей національности, ибо еще ребенкомъ, съ первымъ своимъ лепетомъ, началъ проникаться ею, постепенно все тѣснѣе и неразрывнѣе сливаясь всѣмъ существомъ съ родной стихіей.

Отъ свѣта науки исчезаютъ не одни только призраки „мірового гражданства“: она рѣшительно осуждаетъ и не въ мѣру усердныя старанія рьяныхъ охранителей, бьющихъ въ набатъ передъ мнимой опасностью: нашъ великій народъ не утратитъ своего облика и своей духовной самобытности, пока на землѣ будетъ звучать живая русская рѣчь.

„Великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ“ самъ по себѣ рождаетъ глубокую вѣру въ лучшее будущее для народа, его создавшаго.

Къ двадцатому вѣку у насъ накопился уже богатый и разнообразный матеріалъ для замѣны „стихійнаго націонализма“, свойственнаго и дикарямъ, признаніемъ значенія народности, присущимъ только культурнымъ людямъ: за истекшее столѣтіе русская литература приобрѣла міровое значеніе и стала предметомъ ревностнаго изученія и подражанія для нашихъ недавнихъ „учителей“; русское искусство также пользуется общепризнанной славой; творенія русскихъ композиторовъ находятъ восторженную оцѣнку со стороны знатоковъ музыки и за предѣлами нашей родины; русскіе ученые внесли уже, на различныхъ поприщахъ знанія, свою, и притомъ не малую, лепту въ общую научную сокровищницу; русская философская мысль проявляетъ вполне самостоятельное отношеніе къ существующимъ построеніямъ и намѣчаетъ путь, ведущій къ примиренію крайностей.

Безвозвратно минуло время, когда даже передовымъ русскимъ людямъ казалось, что намъ, „отщепенцамъ челоувѣчества“, нечего противопоставить блестящимъ и разностороннимъ успѣхамъ нашихъ западныхъ сосѣдей! Мы вошли уже, не какъ этнографическая величина, а какъ полноправный членъ въ среду культурныхъ народовъ.

Но, слѣдуя завѣту нашего великаго національнаго поэта—„на поприщѣ ума нельзя намъ отступать“! Достигнутые крупные успѣхи возлагаютъ на насъ уплату великаго долга передъ роднымъ народомъ, передавшимъ намъ въ языкѣ плоды многовѣковыхъ наблюденій и обобщеній, обеспечившимъ своимъ потомъ и кровью возможность дальнѣйшаго развитія и преуспѣянія.

Недостижимость полнаго отрѣшенія отъ своей національной стихіи возлагаетъ на каждого вѣрнаго сына своего народа нравственную обязанность любить и лелеять, хранить и изучать все родное.

Однако, расширенный наукою кругозоръ заставляеть насъ оставаться далекими отъ огульнаго осужденія всего чужого и кичливаго превознесенія всѣхъ народныхъ свойствъ и даже недостатковъ. Только горделивое самомнѣніе, только

узкая исключительность возносить „превыше всего“ свой народъ и обрекаетъ весь міръ на рабское усвоение „истинной культуры“, отождествляемой съ своей собственной. Сознательный націоналистъ долженъ обнаруживать терпимость и уваженіе къ особенностямъ иноплеменниковъ, признавая право на существованіе и за другими націями.

Недаромъ нашъ широко образованный мыслитель и поэтъ „всѣ зоветъ народы въ духовный міръ, въ Господень храмъ“ и „благословляетъ всякое племя на жизнь вольную и развитіе самобытное“.

Да и наука показала, что истина лишь частично становится доступной отдѣльнымъ народамъ: всѣ они подходятъ къ ней своимъ вѣковымъ путемъ; всѣ открываютъ въ ней особыя стороны; всѣ стремятся обладать ею, но никто не можетъ схватить ее въ совокупной цѣльности, постигаемой только „соборнымъ сознаніемъ“. Народность служить для всего человѣчества лишь орудіемъ для болѣ глубокаго и полного проникновенія въ тайны природы и мысли.

Отсюда вытекаетъ для насъ настоятельная необходимость провѣрки своей отправной точки сличеніемъ ея съ угломъ зрѣнія другихъ народовъ, необходимость дополненія и исправленія своего плодами дѣятельности другихъ.

Для насъ немыслимо дѣйствительное самопознаніе помимо тщательнаго изученія нашихъ ближайшихъ родичей по крови и языку—славянъ. Всестороннее и внимательное ознакомленіе съ ихъ литературой и наукой, бытомъ и исторіей, раздвигая нашъ кругозоръ, спасаетъ отъ крайне нежелательной исключительности и самодовольства, пробуждаетъ ясное сознаніе общеславянскихъ интересовъ и даетъ возможность лучше понять и уяснить свои особенности и недостатки, присущіе всему „опально мировому племени“ и служащіе помѣхой для осуществленія упованій и чаяній всѣхъ его лучшихъ представителей.

Намъ нельзя поворачиваться спиною и къ Западу „странъ святыхъ чудесъ“, по выраженію родоначальника нашего славянофильства, А. С. Хомякова. Пока мы выно-

сили на своихъ плечахъ борьбу съ кочевниками, вырабатывали свой государственный укладъ и расширяли свои предѣлы, народы Запада продѣлали великій историческій опытъ, слѣдствія котораго явственно сказываются на нашихъ глазахъ. Они достигли неоспоримыхъ успѣховъ во всѣхъ отрасляхъ науки и искусства; они взошли на высоты матеріальной культуры и явили міру великіе образцы подвижниковъ истины и художниковъ слова. Но у нихъ же съ поразительною яркостью обнаруживаются зіяющія общественныя язвы, выясняющія всю односторонность западно-европейской цивилизаціи.

Намъ нельзя, однако, въ слѣпомъ ужасѣ передъ ними вырывать,—какъ все еще приглашаютъ иные ревнители,—глубокой, непреходимой пропасти между „гнилымъ Западомъ“ и нашимъ „во благополучіи пребывающимъ отечествомъ“. Все человѣчество связуется нынѣ слишкомъ тѣсными и несокрушимыми узами, чтобъ народы отгораживались другъ отъ друга пресловутой „китайской стѣною“; да и въ ней сдѣланъ теперь незаполнимый проломъ. Живое взаимодействіе народовъ лишь облегчаетъ ихъ совмѣстную работу на благо общечеловѣческой семьи. Надо только каждому ея члену, оставаясь самимъ собою, не гоняться за недостижимымъ, не рвать со своимъ прошлымъ и не покидать устоевъ, воздвигнутыхъ трудами длинной вереницы поколѣній. Нѣтъ основаній считать путь, избранный западной Европой, единственно вѣрнымъ и для всѣхъ обязательнымъ! Нельзя усматривать въ ея недавнемъ прошломъ и настоящемъ точный показатель нашего будущаго.

Для избѣжанія пережитыхъ ею и грозящихъ ей превратностей необходимо съ особымъ вниманіемъ и осматрительностью взвѣсить хорошее и дурное въ общественномъ строѣ и укладѣ жизни нашихъ западныхъ сосѣдей, а не требовать ускореннаго имъ подражанія, не видѣть наше единственное спасеніе въ простой пересадкѣ ихъ учрежденій и нравовъ на нашу почву. Такое наивное и слѣпое увлеченіе западно-европейскими порядками доживаетъ въ настоящее время свои послѣдніе дни. Его несостоятель-

ность непреложно обличена научными изысканіями, посвященными сравнительному изученію судебъ всѣхъ отраслей человѣческаго рода.

Еще недавно „всеобщая исторія“ считала въ сущности только западно-европейскую культуру достойнымъ предметомъ для научныхъ занятій, признавая лишь за ней міровое значеніе; остальные народы считались сырымъ матеріаломъ, предназначеннымъ для воспріятія благъ западно-европейской цивилизаціи. Къ концу XIX вѣка „всеобщая исторія“ сознаетъ свою ошибку и начинаетъ все болѣе преобразовываться во „всемирную“.

Прежнія узкія рамки раздвинулись подъ вліяніемъ обстоятельнаго изученія какъ угасшихъ уже древнихъ цивилизацій, такъ и существующихъ нынѣ самобытныхъ культуръ, начало которыхъ теряется въ густомъ сумракѣ прошитыхъ тысячелѣтій. Европейцы были еще истыми варварами, когда въ Индіи и Китаѣ процвѣтала уже своеобразная гражданственность, объ которую, на нашихъ глазахъ, разбиваются въ прахъ всѣ усилія насадителей „истинной культуры“. Однако событія послѣднихъ лѣтъ вовсе не знаменуютъ собою приближеніе „конца всемирной исторіи“. Нѣтъ! Передъ нами загорается заря новаго, длиннаго дня: разрозненные и обособленные потоки только начинаютъ сливать свои воды въ единое, общее русло и въ стоячихъ, казалось, озерахъ Востока замѣчается жизнь и движеніе. Человѣчество не исходило уже всѣ дороги, не уперлось въ глухую стѣну: народы только выходятъ, каждый съ своимъ камнемъ, на постройку широкаго и торнаго пути дѣйствительно мірового общенія. И намъ нечего ныть, отчаиваться въ лучшемъ будущемъ и безсильно опускать руки; наоборотъ, мы должны приложить всѣ старанія, чтобы на этомъ міровомъ смотру наша кладка оказалась достойной великаго народа.

Къ сожалѣнію, въ наше общество далеко еще не проникли твердые и ясные выводы современной науки. Оно все еще недостаточно знаетъ свое родное и легковѣрно усваиваетъ обобщенія, безъ должныхъ доказательствъ, какъ

непреложную истину, какъ своего рода откровеніе. Западъ по прежнему остается поставщикомъ вѣяній и идей, заимствуемыхъ безъ провѣрки и порождающихъ только умственный и нравственный сумбуръ. Крайности и извращенія, встрѣчающія стойкій отпоръ и дружное опроверженіе на мѣстѣ своего происхожденія, у насъ принимаются за руководящія начала, за новыя слова, вливающія жизнь въ одряхлѣвшій міръ. Поклонники новизны пытаются водворить у насъ культъ силы, настроенія и страсти, объявляютъ безпощадную войну „обанкротившемуся“ разуму и суровой логикѣ, усматриваютъ спасеніе отъ нашихъ болѣзней въ скорѣйшемъ усвоеніи прелестей капитализма и кадятъ передъ новымъ кумиромъ—босяками, выдавая ихъ за носителей обновляющихъ идеаловъ...

Такъ заходитъ къ намъ съ Запада сильное умственное теченіе, сулящее породить значительныя осложненія, ибо оно обрѣтаетъ страстныхъ поборниковъ въ средѣ нашего юношества, склоннаго, по самому возрасту, къ увлеченіямъ и совершенно неподготовленнаго къ критическому разсмотрѣнію, широкому, вдумчивому пониманію и борьбѣ за истину культурными средствами. У насъ ему проповѣдуютъ быстрое и легкое усвоеніе готоваго міровоззрѣнія по данной указкѣ, окрашенной яркой исключительностью и нетерпимостью, а не выработку твердыхъ убѣжденій путемъ самодѣятельности, тщательнаго исканія правды, продолжительнаго изученія представителей различныхъ направленій человѣческой мысли. Дѣло клонится къ вербовкѣ борцовъ въ ряды опредѣленныхъ партій, а не къ воспитанію самостоятельно мыслящихъ гражданъ, дорожащихъ спокойствіемъ и благомъ своего отечества. У насъ ни семья, ни школа обыкновенно не даютъ подросткающимъ поколѣніямъ достаточнаго знакомства съ нашей родиной, ея государственнымъ строемъ и особенностями исторической жизни и быта другихъ странъ, не раскрываютъ передъ пытливой, юной душой постепеннаго хода ихъ развитія, не внушаютъ правильнаго пониманія пагубнаго значенія насильственныхъ переворотовъ и разрыва съ вѣко-

выми устоями. Слепая вѣра въ чудодѣйственную и всеисцѣляющую силу революцій находитъ пламенныхъ исповѣдниковъ лишь между горячими и неопытными головами, хотя таетъ какъ воскъ отъ свѣта, проливаемого точнымъ знаніемъ. Ни природа, ни исторія не дѣлаютъ скачковъ и только медленное, незамѣтное для поверхностнаго взгляда, накопленіе благоприятныхъ условій создаетъ прочное улучшение. Не насилія, не революціи вели и ведутъ людей къ благу! Прозорливѣйшіе мыслители всѣхъ временъ безповоротно осудили преклоненіе передъ грубой силой, неспособной стать, по своей сущности, выше права; почти два тысячелѣтія назадъ провозглашены пророческія слова: „взявшій мечъ отъ меча погибнетъ“.

Конечный исходъ всѣхъ революцій ясно показываетъ, что онѣ не приводили къ намѣчаемымъ, идеальнымъ цѣлямъ. Сознаніе непригодности насилія, какъ средства къ достиженію желанныхъ преобразованій, пустило глубокіе корни въ болѣе культурной средѣ западныхъ народовъ и даже значительная часть представителей крайнихъ партій открыто предпочитаетъ эволюціонный путь революціонному.

Изступленные вопли горсти „непримиримыхъ“ фанатиковъ не помогутъ разрушительному началу, таящему въ себѣ самомъ собственное осужденіе. Необходимо и намъ постоянно помнить, что разумъ и трудъ—двѣ руки, при помощи которыхъ человѣчество въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ возводитъ величавое зданіе современной цивилизаціи.

Безвѣстные труженики завѣщали намъ плоды, добытые ихъ упорными усиліями, и тѣмъ самымъ возложили на насъ священный долгъ сохранить и преумножить полученное наслѣдіе для потомства, расширить путь для счастья грядущихъ поколѣній.

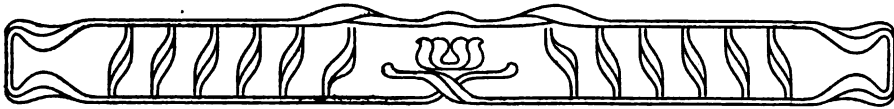
Не пустыя и звонкія слова, не боевые кличи и громкія рѣчи, способныя сладкимъ дурманомъ опьянить юныя головы, нужны нашей дорогой, терзаемой столькими общественными недугами, родинѣ. Ей нужна наша работа, медленная и утомительная, не показная и не блестящая, надъ искорененіемъ упорной косности и грубаго самомня-

щаго невѣжества. Наше отечество прежде всего нуждается въ скромныхъ труженникахъ, дѣлающихъ свое „маленькое дѣло“ ради подъема общаго культурнаго уровня, являющагося слѣдствіемъ настойчивой работы каждаго надъ собою, а не туманныхъ стремленій къ насильственнымъ и кореннымъ переворотамъ, заранѣе осужденнымъ исторіей на полную неудачу: единственной зиждущей силой, выдержавшей вѣковыя испытанія, былъ и остается *мирный трудъ*.

Таковы основныя, возрѣнія опредѣляющія задачи новаго повременнаго изданія и подлежащія *дальнѣйшему раскрытію и обоснованію на его страницахъ*.

1902 г. „Мирный Трудъ“ № 1.

ПЕДАГОГИ, ком. О. Эрнста
и
ДѢТИ ВАНЮШИНА, др. С. Найденова.

— — —

Театръ издавна имѣетъ значеніе обширной аудиторіи, гдѣ въ живыхъ образахъ даются отклики на запросы, волнующіе общество. Успѣхъ того или иного драматическаго произведенія служитъ наилучшимъ показателемъ тѣхъ требованій, какія данная публика примѣняетъ къ сценѣ; огромное большинство не поднимается до чуткаго пониманія настоящихъ художественныхъ красотъ: одни ищутъ развлеченія, отдыха послѣ утомительной работы или житейскихъ невзгодъ; другіе жаждутъ поученія, раскрытія гнетущихъ ихъ недоумѣній, указанія выхода изъ тяжелаго положенія.

Обѣ разсматриваемыя пьесы, шедшія съ большимъ успѣхомъ на подмосткахъ харьковскаго театра, касаются важнѣйшихъ „злобъ дня“, а потому имѣютъ большое общественное значеніе. Первая рисуетъ передъ зрителемъ недочеты *современной школы*; вторая вводитъ въ жизнь *семьи*, утратившей прежніе устои, но не выработавшей новаго уклада.

О. Эрнстъ переноситъ насъ въ мужскую народную школу глухого нѣмецкаго городка и разворачиваетъ передъ нами картину педагогическаго мірка съ его разновидностями. Главный интересъ комедіи сосредоточивается на борьбѣ между представителями „двухъ противоположныхъ крайностей“, узкимъ и тупымъ формалистомъ—старшимъ учителемъ Флахсманномъ и молодымъ поборникомъ нововведеній, преподавателемъ Флеммингомъ. Правда, авторъ вводитъ и любовную интригу, завершающуюся бракомъ Флемминга и Гизы Хольмъ,

юной учительницы въ той же школѣ. Но развитіе этого романа очерчено очень блѣдно и растянуто; нескончаемые поцѣлуи и объятія только замедляютъ дѣйствіе и расколаживаютъ впечатлѣніе. Здѣсь ярко сказывается отсутствіе у Эрнста художественнаго чутья и сознанія мѣры, составляющее важнѣйшій недостатокъ его дѣтища.

Равнымъ образомъ и фигуры обоихъ борцовъ набросаны слишкомъ широкими и густыми мазками, портящими рисунокъ. Флахсманнъ является у автора воплощеніемъ всевозможныхъ пороковъ и напоминаетъ собою театральнаго „злодѣя“ добраго старого времени. Лицемерный развратникъ и подлый доносчикъ, пресмыкающійся передъ сильными и угнетающій бѣдняковъ, онъ оказывается, въ концѣ концовъ, уголовнымъ преступникомъ, присвоившимъ имя и права своего покойнаго брата. Это открытіе развязываетъ запутанное положеніе совершенно искусственно. Естественный исходъ требуетъ удаленія Флахсманны не какъ преступника, а какъ человѣка, совершенно непригоднаго для школьнаго дѣла, въ которое онъ вноситъ мертвящій застой и мелочной формализмъ. Этотъ „мучитель дѣтей“ вырабатываетъ 123 параграфа правилъ для водворенія порядка въ школѣ, придумываетъ особые приемы для методическаго открыванія столовъ учениками, „не смѣющими поднять палецъ выше головы“, заставляетъ зубрить имена пророковъ „и въ обратномъ порядкѣ“, возмущается малѣйшими отступленіями отъ установленныхъ программъ и преслѣдуетъ всякое облегченіе, помимо его вѣдома, учениковъ, обязанныхъ вѣшать фуражки на указанныхъ имъ крючкахъ, обертывать книги и тетради бумагой установленнаго цвѣта, писать непримѣнно подъ угломъ въ 45° и т. п.

По убѣжденію Флахсманны, „школа не нуждается въ новыхъ путяхъ: требуется только точное выполненіе обязанностей, *особенно въ мелочахъ*. Педагогика въ настоящее время такъ совершенна, что не нуждается *ни въ какой реформѣ*“. Стоя на этой точкѣ зрѣнія, „старшій учитель“ требуетъ отъ своихъ подчиненныхъ покорности авторитету начальства: „мнѣ нѣтъ никакого дѣла до Руссо.

Здѣсь важно то, что говорю я“. „Учитель долженъ ограничиваться уроками въ своемъ классѣ и предоставить все остальное начальству — вотъ его отвѣтъ жаждущему обновленія школы Флеммингу.

Флеммингъ, нашедшій у насъ очень хорошаго истолкователя въ лицѣ талантливаго артиста г. Лепковского, по замыслу автора, долженъ являться носителемъ идеала. Толки объ его выдающихся способностяхъ, умѣнии обращаться съ дѣтьми и блестящихъ успѣхахъ въ преподаваніи раздаются постоянно. Но поступки свидѣлствуютъ, что мы имѣемъ дѣло съ еще неустановившимся „буршемъ“, богато одареннымъ, но совершенно невоспитаннымъ и неучтивымъ. Онъ педагогъ по призванію, по непреодолимому влеченію, толкнувшему его изъ слесарей въ учителя. Онъ много работалъ и читалъ: познакомился и съ Ничше и съ Шопенгауэромъ, съ Гербартомъ и Наторпомъ, изучилъ творенія великихъ нѣмецкихъ историковъ, представителей самыхъ противоположныхъ направленій, каковы прогрессивный Лампрехтъ и клерикальный Янсенъ, субъективный Гейссеръ и критическій Ранке, проникся идеями Руссо и Песталлоци.

Однако, слѣды воздѣйствія среды не искоренены такимъ широкимъ образованіемъ: Флеммингъ грубъ и непозволительно рѣзокъ, задоренъ, упрямъ, и склоненъ черезчуръ отгнать свое превосходство предъ другими. Онъ позволяетъ себѣ выходки, роняющія достоинство учителя въ глазахъ родителей: „такъ, однажды, вернувшись съ друзьями ночью, въ три часа, съ попойки, онъ кидается, изъ хвастовства, одѣтымъ, въ мельничный прудъ, долго въ немъ плаваетъ и попадаетъ въ протоколъ за недозволенное купаніе“. Онъ наивно утверждаетъ, будто „надо *желать невозможнаго*, чтобъ *достичь* великаго“. „Онъ никакъ не хочетъ подчиняться дисциплинѣ“ и бросаетъ въ лицо Флахсманну кличку „плохого сапожника, имѣющаго одну только колодку для всѣхъ“. За эту дерзость онъ привлекается къ отвѣту передъ дисциплинарнымъ судомъ. Школа должна лишиться педагога-художника, властелина дѣтскихъ душъ, но Флемминга спасаетъ членъ училищнаго совѣта, проф.

Прелль, которому поручено слѣдствіе по возбужденному Флахсманномъ дѣлу.

Проф. Прелль, художественно воплощенный даровитымъ артистомъ, г. Глюске-Добровольскимъ,—самое удачное лицо въ произведеніи Эрнста. Подъ нѣсколько смѣшной наружностью и брюзжаніемъ скрывается превосходный знатокъ людей и истинный цѣнитель достоинствъ и недочетовъ преподаванія. Побывавъ на урокахъ Флемминга, онъ преклоняется передъ его преподавательскими способностями, рядомъ мѣткихъ вопросовъ убѣждается въ его начитанности, признаетъ въ немъ своего единомышленника и задается цѣлью сохранить для школы такого „чудеснаго“ учителя. Нежеланіе Флемминга извиниться передъ оскорбленнымъ Флахсманномъ и отказъ даже принять заслуженный выговоръ вынуждаютъ Прелля, къ искреннему сожалѣнію, прибѣгнуть къ примѣрному взысканію, т. е. удаленію виновнаго. Но тутъ открывается обманъ Флахсмана и на его мѣсто Прелль назначаетъ Флемминга, который „общаетъ вести училище въ духѣ почтеннаго члена училищнаго совѣта, отличать настоящее дѣло отъ показной фальши, судить о работѣ cadaго по результатамъ и относиться съ полнымъ довѣріемъ къ индивидуальной свободѣ, какъ учителя, такъ и ученика“.

Повидимому, все кончается благополучно, но это благополучіе призрачно. Невозможно питать увѣренность, что „герой“ справится съ своей задачей: онъ имѣетъ противъ себя „среду“ и „толпу“. Классы остаются по прежнему переполненными, и даже Флеммингъ не въ состояніи былъ хорошо исправлять десятки тетрадей, грозящихъ „одуреніемъ“ преподавателю. Въ обществѣ далеко не всѣ сочувствуютъ новымъ приемамъ преподаванія и обращенію Флемминга съ учениками. Преподаватели, выведенные въ пьесѣ, по своимъ индивидуальнымъ способностямъ не могутъ явиться сотрудниками Флемминга. Ему нужно творчество, а они заурядные, сѣренькіе люди. Вейденбаумъ умѣетъ только угождать начальству и превратилъ свой классъ „въ кабинетъ восковыхъ фигуръ“. Дирксъ обманомъ скрываетъ свое не-

радѣніе и дѣлаетъ учениковъ своими соучастниками. Риманъ превратится вскорѣ „въ остывшую печь“. Гиза Хольмъ не имѣетъ никакихъ педагогическихъ талантовъ. Ремеръ „не читалъ ни одной книги послѣ окончанія курса“ и т. д.

Развѣ можетъ даже самый одаренный человѣкъ обойтись безъ надежныхъ помощниковъ? Прелль показываетъ основную ошибку Флемминга: „Вы судите всѣхъ учителей по себѣ. *Законы написаны для всѣхъ равно.* Мы не можемъ позволить одному то, чего не можемъ позволить всѣмъ“. Нельзя исключеніе возводить въ общее правило. Флемминги могутъ сдѣлать многое, но нельзя требовать ихъ качествъ отъ всѣхъ преподавателей. Художники—являются единицами; работники и труженики нужны тысячами. Мало-знающій жизнь и увлекающійся Флеммингъ, сдѣлавшись старшимъ учителемъ и семейнымъ человѣкомъ, неизбѣжно станетъ терпимѣе и будетъ относиться къ другимъ съ большимъ уваженіемъ, сознавая, что каждый даетъ по мѣрѣ своихъ силъ.

Назначеніемъ способнѣйшаго на отвѣтственный постъ, Прелль раскрываетъ и другое заблужденіе Флемминга, возмущающагося тѣмъ, что „при владычествѣ чиновничества все возможно“. При всякомъ общественномъ строѣ бываютъ злоупотребленія, но „каждый народъ имѣетъ такое правительство, какое заслуживаетъ“. Чиновники выходятъ изъ нѣдръ того же общества. Оно выдѣляетъ Флахсманновъ и Вейденбаумовъ наряду съ Преллемъ и Флеммингомъ. Никакія распоряженія и указы не могутъ превратить негодныхъ преподавателей въ дѣльных. Это превращеніе является плодомъ не внезапнаго перерожденія, а настойчиваго труда, благодаря которому способности Флемминга развернулись въ полномъ блескѣ. Стало быть, обновленія школы слѣдуетъ ожидать не отъ талантовъ отдѣльныхъ лицъ, не отъ новыхъ законовъ, а отъ трудоспособности и самодѣятельности самого общества, обязаннаго позаботиться о будущемъ подрастающихъ поколѣній, спасти ихъ отъ нравственной порчи и умственной тупости, насаждаемыхъ Флахсманнами и ему подобными *лжепедагогами*.

Еще больше значенія имѣетъ самодѣтельность общества при упорядоченіи вопроса о воспитаніи дѣтей въ нѣдрахъ современной семьи, обыкновенно сваливающей на школу этотъ тяжелый трудъ,

Каковы плачевные плоды подобнаго уклоненія родителей отъ самой святой своей обязанности наглядно показываетъ драма г. Найденова (псевдонимъ). Она изображаетъ обыденную жизнь состоятельной купеческой семьи одного изъ волжскихъ городовъ. Тутъ еще сохранились остатки прежняго патріархальнаго уклада, но уже замѣчаются новыя вѣянія. Отецъ держитъ дѣтей въ „страхѣ божьемъ“, но старается дать имъ образованіе, отдавая своихъ сыновей и дочерей въ гимназію, чтобъ „вывести ихъ въ люди“. По своему, онъ хорошій семьянинъ, живетъ въ „любви и согласіи“ съ женою, не покладая рукъ работаетъ надъ упроченіемъ матеріальнаго благополучія своихъ и горячо ихъ любитъ. Мать, простая, недалекая женщина, души не чаетъ въ своихъ дѣтяхъ. Казалось бы, что такая семья, съ обыденной точки зрѣнія, можетъ разчитывать на сравнительную прочность и благополучіе. Но на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ иное: родители лишь формально выполняютъ свой долгъ и не заботятся объ установленіи между старшими и младшими дружескихъ, искреннихъ отношеній, построенныхъ на взаимномъ пониманіи, полной откровенности дѣтей, разумной любви, живомъ обмѣнѣ мыслей и чуткой отзывчивости къ запросамъ юной души. Дѣти, обутыя, одѣтыя, накормленные и отданные въ школу, растутъ, безъ всякаго призора, безъ задушевной ласки и сердечнаго попеченія. Въ домѣ создается тяжелая, удушливая атмосфера, пропитанная развратомъ, озлобленіемъ, завистью и гнетущимъ страхомъ передъ отцомъ, человѣкомъ, въ сущности, добрымъ, искренно желающимъ блага и полного счастья своимъ дѣтямъ. Безличная и наивная мать, мягкая, сердечная, поглощена хозяйствомъ, угожденіемъ мужу и внѣшнимъ благочестіемъ. Дѣти идутъ въ разбродъ, преслѣдуютъ каждый себялюбивыя цѣли и вырастаютъ черствыми эгоистами, враждующими другъ съ другомъ и недовольными укладомъ сво-

ей домашней жизни, превосходно переданной авторомъ: передъ нашими глазами встаетъ цѣльная картина заурадной купеческой семьи, средняго достатка, нарисованная смѣлой кистью и яркими красками. Повседневный ея обиходъ изображенъ съ мелочными, но въ высшей степени характерными подробностями, выхваченными прямо изъ жизни. Ни въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ домочадцевъ старикъ не находитъ опоры; мало по малу выясняется передъ нимъ царящая въ его домѣ рознь; онъ проникается тяжелымъ сознаніемъ, что велъ дѣтей неправильно и въ его душѣ пробуждается рядъ мучительныхъ вопросовъ. Прежніе, казалось, испытанные способы воздѣйствія на дѣтей оказываются до очевидности несостоятельными. Отношенія обостряются: обнажается во всей своей отвратительной наготѣ таящаяся въ домѣ мерзость: пропасть раздвигается все шире и горькое сознаніе собственной виновности охватываетъ старика. Въ умилительной сценѣ съ младшимъ сыномъ, безпутнымъ, но далеко не испорченнымъ въ конецъ, Алешей, отецъ получаетъ точный и неумолимо вѣрный отвѣтъ на думы, терзающія его душу: „Не надо такъ огорчаться“, утѣшаетъ Алеша старика, „вы ни въ чемъ не виноваты. Вы дѣлали все, что по вашему убѣжденію было нужно намъ. Трудились, работали для насъ, кормили, одѣвали, учили... Вы знали, что мы чему то учимся, что то читаемъ, гдѣ то бываемъ, но какъ мы воспринимаемъ, гдѣ бываемъ, вы этого не знали. По крышамъ еще мальчишками мы убѣгали сверху и нерѣдко взрослыми продѣлывали то же самое. Насъ развращали няньки и горничныя, мы сами себя развращали, старшіе—младшихъ. Все это дѣлалось наверху и вы ничего не знали... Вы рождали насъ и отправляли на верхъ. Рѣдко мы спускались къ вамъ, внизъ, если не хотѣлось пить и ѣсть. Вы поднимались къ намъ только тогда, когда находили необходимымъ ругать насъ и бить. И вотъ мы выросли, мы сошли съ верху уже взрослыми людьми, со своими вкусами, желаніями и требованіями, и вы не узнаете насъ; вы спрашиваете, откуда мы такіе? Какъ должно быть, тяжело вамъ“... Отецъ и сынъ дошли, нако-

нецъ, до взаимнаго пониманія и уволенному изъ гимназій Алешѣ старикъ открываетъ возможность иной, лучшей, трудовой жизни. Но пока Алеша въ далекомъ Петербургѣ готовится къ поступленію въ высшее учебное заведеніе, проводитъ часы въ Эрмитажѣ у любимыхъ картинъ и мечтаетъ „заниматься съ утра до вечера“ „на свободѣ“ съ новыми отзывчивыми друзьями, въ родномъ углу разыгрывается послѣднее дѣйствіе пьесы. Старикъ совершенно изнемогаетъ среди близкихъ, всю испорченость которыхъ онъ теперь понимаетъ, но измѣнить что либо не можетъ. Онъ падаетъ духомъ; извѣрившись въ правильности прежняго пути и не находя новаго, онъ опускаетъ руки и предоставляетъ домашнимъ жить по ихъ собственному усмотрѣнію. Всѣмъ начинаетъ верховодить старшій сынъ—Константинъ, безсердечный эгоистъ. Онъ добивается удаленія изъ дому замужней сестры, которой отведенъ былъ родителями, по честному слову, столъ и уголъ. Онъ безжалостно бросаетъ на произволъ судьбы обольщенную имъ дѣвушку, высылаетъ стариковъ-родителей на верхъ изъ комнаты, гдѣ „мать родила всѣхъ дѣтей“, перемѣняетъ всю обстановку, стараясь приноровиться ко вкусамъ своей будущей тещи, генеральши Кукарниковой. Мать и старая прислуга никакъ не могутъ приспособиться къ новымъ порядкамъ и получаютъ отъ новаго домовладыки рѣзкія замѣчанія. Старикъ Ванюшинъ не выдерживаетъ обрушившихся на него испытаній, становится разсѣяннымъ и забывчивымъ; душевное равновѣсіе его исчезаетъ: онъ обнаруживаетъ признаки очевиднаго психическаго разстройства, которое доводитъ его до самоубійства. Послѣдняя сцена драмы, когда томительныя ожиданія, охватившія всѣхъ, разрѣшаются подъ звуки пѣнія романса, исполняемаго невѣстой Константина, внесеніемъ трупа несчастнаго старика, должна произвести потрясающее впечатлѣніе, но властная рука режиссера произвела „нѣкоторыя“ измѣненія и мы не видѣли „той страшной паузы“, той нѣмой картины, которой авторъ мастерски заканчиваетъ свое произведеніе. Вызавшее столько нареканій четвертое дѣйствіе, при правильной постановкѣ, во-

вовсе не покажется излишнимъ и самоубійство Ванюшина станетъ совершенно понятнымъ. Къ сожалѣнію, эта роль, требующая большого художественнаго чутья и крупнаго таланта, не нашла у насъ достойнаго исполнителя: наводящій страхъ и гнетущій всѣхъ Ванюшинъ уже въ первомъ дѣйствіи изображался слегка брюзжащимъ старичкомъ, дѣлающимъ видъ, что сердится. Это сдѣлало непонятнымъ *постепенный* переломъ, происшедшій въ его душѣ, и обусловило упреки, посылаемые автору. Но его талантъ одержалъ блестящую побѣду: съ глубокимъ вниманіемъ тысячи мыслящихъ родителей и сознательно смотрящихъ на жизнь „дѣтей“ смотрятъ драму Найденова и уносятъ домой ясное сознаніе, что необходимо внести больше благожелательной уступчивости, снисходительной терпимости и, главное, отзывчивой сердечности въ жизнь своей семьи, чтобы она была построена на незыблемомъ основаніи взаимной разумной любви, а не являлась какимъ то собраніемъ людей, связанныхъ „случайностью рожденія“. „Дѣти Ванюшина“ заставляютъ всякаго задуматься надъ вопросомъ, правильно ли я веду дѣло воспитанія своихъ дѣтей, все ли благополучно у *моего* домашняго очага, облегчаемъ ли *мы* тяготы другъ друга, оказываемъ ли мы взаимную поддержку, необходимую для прочнаго успѣха „общаго дѣла“. Увы, сколько искреннихъ людей даютъ отрицательный отвѣтъ и скорбно понижаютъ головами въ мучительномъ раздумьи, хватитъ ли силъ перестроить свою семейную жизнь по новому, по хорошему.

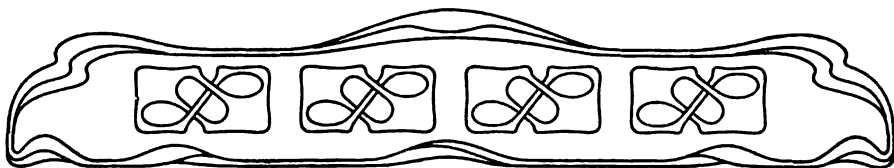
Все растущее отчужденіе дѣтей отъ родителей составляетъ несомнѣнную язву нашего времени. Юность не можетъ быть вполне самостоятельной и быстро подчиняется разнымъ постороннимъ вліяніямъ, не встрѣчающимъ противовѣса и надлежащаго отпора въ нѣдрахъ семьи. Увлеченіе Алеши какой то „хористкой изъ театра“ обусловлено раннимъ знакомствомъ съ грязью, благодаря примѣру старшаго брата, который чуждъ, какъ и многіе, сознанія своей огромной отвѣтственности. Старшія поколѣнія должны зорко слѣдить за своими словами и поступками, понимая, что

готовятъ себѣ въ будущемъ тяжелыя и горькія испытанія своей несдержанностью. Гдѣ намъ мечтать о переустройствѣ всего общества, когда мы не умѣемъ создать прочнаго домашняго очага, не умѣемъ воспитать своихъ собственныхъ дѣтей, въ погонѣ за призраками забываемъ свой первый долгъ. Обновится семья—обновится и общественная жизнь. Поэтому великое дѣло обновленія, въ которомъ такъ нуждается наше общество, надо дружно начинать съ „маленькаго дѣла“, доступнаго каждому,—возсозданія прочнаго семейнаго уклада.

1902 г. „Мирный Трудъ“ № 1.

ДВА СЛОВА О КУЛЬТѢ НОВИЗНЫ.

— — —

Укладъ жизни первобытныхъ народовъ основывается на безхитростномъ подражаніи предкамъ, на господствѣ изустнаго преданія. „Жить по старинѣ“ является правиломъ повседневнаго поведенія. Но и въ этомъ царствѣ обычая замѣчается склонность къ новизнѣ, къ подражанію инымъ образцамъ, заносимымъ купцами или заимствуемымъ у сосѣдей. По мѣрѣ ослабленія былой замкнутости слабѣютъ прежніе устои и жадная погоня за новымъ становится преобладающимъ теченіемъ. Стихійное увлеченіе новымъ выдвигаетъ иное мѣрило: „что ново, то и хорошо“. Свое, родное, старое представляется уже негоднымъ, подлежащимъ немедленной замѣнѣ иноземнымъ, а потому якобы болѣе совершеннымъ. Въ новомъ не замѣчаютъ недостатковъ, за старымъ не признаютъ достоинствъ.—Этотъ культъ новаго не разъ обусловливалъ явленіе всемірно-историческаго значенія и приводилъ къ очень крупнымъ послѣдствіямъ: слѣпое подражаніе охватываетъ людей съ неудержимой силой и направляется по преимуществу на легко доступную внѣшность, тогда какъ глубоко заложенные въ основѣ заимствуемыхъ новшествъ національныя черты не поддаются усвоенію. Отсюда проистекаетъ увлеченіе идеями космополитизма, ведущее къ паденію самобытныхъ началъ и общее пониженіе культурнаго уровня.

Поясненіемъ могутъ служить быстрые успѣхи романизации западной Европы и елленизации Востока въ послѣдніе вѣка древняго міра, когда сложная, богатая духовно и ма-

теріально культура сдѣлалась достояніемъ роя полудикихъ варварскихъ народцевъ, старавшихся усвоить языкъ, нравы, учрежденія своихъ недосягаемыхъ образцовъ. Разноплеменные варвары облакаются въ греческія и римскія одежды, ломають классическую рѣчь, называютъ себя греческими и римскими именами, но въ сущности остаются, въ огромномъ большинствѣ, полудикарями, неспособными по своему національному характеру подняться на высоту истинныхъ основъ заимствуемой культуры, созданной греко-римскимъ геніемъ. Да и ея уровень понижается: она тонкимъ слоемъ окрашиваетъ миллионы людей, но лишается прежней сгущенности, а потому и творческой силы. Ея бывшая сосредоточія впадаютъ въ заустѣніе; Греція и Италія живутъ воспоминаніями о минувшей славѣ; окраины поглощаютъ ихъ силы и средства; утрачивается чистота крови; носителями культуры выступаютъ разные инородцы, приспособляющіе ее къ своему пониманію; чуждые элементы изъ поколѣнія въ поколѣніе прокладываютъ себѣ путь къ торжеству. *Романизация и елленизация смѣняются варваризацией*; темные вѣка наступаютъ послѣ блестящаго періода и даже внѣшнія блага не могутъ поддерживаться на достигнутомъ уровнѣ; полезные навыки забываются; замираетъ цвѣтущая промышленность, не находящая болѣе способныхъ и развитыхъ работниковъ; угасаетъ бившая ключемъ умственная жизнь; приходятъ въ упадокъ литература и искусство; исчезаетъ чистота языка, запыленного наплывомъ варварскихъ словъ. Первоначальная раздробленность водворяется на мѣстѣ государственнаго строя; узкій и нетерпимый націонализмъ торжествуетъ побѣду надъ неосуществимымъ призракомъ „мірового гражданства“. Такимъ образомъ, утрата варварами ихъ самобытности и непомѣрно быстрое приобщеніе ихъ къ культурѣ ставитъ ее въ огромную опасность. Нужны цѣлые вѣка для переработки заимствованнаго внѣшнимъ образомъ и возникновенія потребности въ возвратѣ къ ея внутреннимъ, духовнымъ основамъ. Погоня за новымъ не приводитъ и варварскія племена къ добру, заражая ихъ по преимуществу темными чертами заимствуемой цивили-

заци, расшатывая ихъ былой строй и ставя подражаніе чужому безъ разбора на мѣсто сохраненія хорошаго своего.

Пониженіе общаго культурнаго уровня грозитъ и тѣмъ народамъ, которые, имѣя за собой вѣка существованія и уже достигнувъ извѣстныхъ высотъ развитія, увлекаются безмысленнымъ культомъ новизны. Это увлеченіе показываетъ, что въ жизни общества получаютъ преобладаніе люди, сохранившіе свойства дикарей, не способныхъ къ обдуманному и сознательному выбору. Всюду мы видимъ какое то *болѣзненное, лихорадочное исканіе новаго во что бы то ни стало*. На нашихъ глазахъ процвѣтаетъ уродливое декадентство, ищущее *новыхъ* путей для передачи неуловимыхъ ощущеній и настроеній. Художники вмѣсто картинъ намазываютъ какія то „пятна“, чтобы вызвать въ зрителѣ впечатлѣніе *смѣлой новизны*. Писатели останавливаются, въ погонѣ за *новыми предметами*, на воспроизведеніи искаженныхъ, нездоровыхъ чувствъ, новой психологіи, отыскиваютъ въ мірѣ преступниковъ и босяковъ *обновляющіе идеалы* самаго разрушительнаго свойства, какъ нельзя болѣе напоминающіе страсть варваровъ къ истребленію всего имъ непонятнаго. Невѣжественные изобрѣтатели выдумываютъ *новые языки* (воляпюкъ, эсперанто) не могущіе, конечно, передать глубину культурныхъ идей, но зато *легко усваиваемые*. Новоявленные пророки силятся создать *новыя религіи* для замѣны исповѣданій, цѣлыя тысячелѣтія удовлетворявшихъ запросамъ даже лучшихъ представителей человѣческаго генія. Чуть не ежедневно появляются универсальныя *новыя средства* отъ всевозможныхъ болѣзней. *Новые* безвкусные образцы вытѣсняють художественныя издѣлія. Спросъ публики на новое подмѣчаютъ ловкіе предприниматели: стряпають *новыя* пьесы, восхваляютъ *новѣйшія изобрѣтенія*, товары; газеты угощаютъ испеченными въ редакціи *новыми* „утками“, сообщаютъ неprovѣренныя слухи ради удовлетворенія страсти читателей къ *новостямъ*. Критика упрощаетъ свою задачу: она не руководитъ толпой, не разъясняетъ ея заблужденій, но льститъ ея вкусамъ; полуграмотные писаки, безсильные разсмотрѣть вопросъ

по существу, спѣшатъ засвидѣтельствовать свое всезнаніе и торопливо наклеиваютъ ярлыки, отождествляя старое съ невѣрнымъ и *новое* съ правильнымъ. Даже въ область науки закрадывается это наивное преклоненіе передъ новымъ: нерѣдко при выходѣ въ свѣтъ научнаго изысканія предлагается смѣшной вопросъ, „что *новаго* внесла Ваша диссертация“. „Въ этой книжкѣ нѣтъ *ничего новаго*“ раздается уничтожающій приговоръ не всегда свѣдующаго судьи. Отъ начинающихъ работниковъ требуютъ *новыхъ* матеріаловъ, *новыхъ* взглядовъ и выводовъ. Отсюда проистекаютъ мучительныя потуги дать что либо оригинальное, хотя и недоказанное. Выдумываютъ въ изобиліи *новыя* теоріи, лишеныя всякаго научнаго значенія и забываемыя чуть ли ни въ минуту ихъ рожденія. Произвольныя утвержденія, натяжки и ухищренія получаютъ нежелательное распространеніе. Злоупотребляютъ „последнимъ словомъ науки“, понимая его не въ смыслѣ окончательнаго рѣшенія вопроса, но вывода *новѣйшей* работы, ему посвященной, щеголяютъ выраженіями: „современная наука“, современные методы, изысканія“, гонятся за положеніями послѣдней, только что увидѣвшей свѣтъ книжки или статьи. Накопляется огромная литература, услѣдить за которой нѣтъ возможности, да и необходимости, въ виду того, что спокойное и трезвое разсмотрѣніе вопросовъ по существу даетъ несравненно болѣе надежныя плоды и приводитъ, помимо желанія, къ дѣйствительно новымъ воззрѣніямъ.

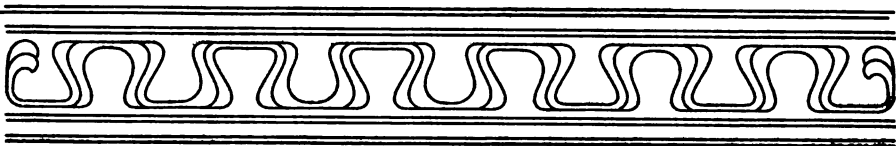
Такъ въ разныхъ областяхъ общественной жизни скаывается постоянное преклоненіе передъ моднымъ божествомъ—новизной. Но этотъ культъ въ себѣ самомъ носить зачатки смерти и разложенія. Поверхностность, верхоглядство, жалкое непониманіе дѣйствительныхъ нуждъ и потребностей—вотъ наиболѣе выпуклыя черты его поборниковъ. У нихъ нѣтъ устойчивости, нѣтъ ничего прочнаго, дающаго силу жить. Вѣдь *новое* сегодня будетъ старо завтра, его вытѣснитъ *новѣйшее*, обреченное на гибель неизбѣжнымъ появленіемъ *наиновѣйшаго* и т. д. безъ конца и остановки. Болѣе послѣдовательные поклонники новизны, утра-

тивъ всѣ прежніе устои, ощущаютъ пресыщеніе жизнью и прибѣгаютъ къ послѣднему средству для обрѣтенія новаго и неизвѣданнаго, поднимая въ минуту рокового отчаянія завѣсу, скрывающую таинственный загробный міръ съ его *новымъ* отвѣтомъ на мучительные запросы.

Необходимо глубокое проникновеніе въ общество правильныхъ представленій *о точной наукѣ*, отдѣляющей *истинное отъ ложнаго*, одинаково отвергающей и застарѣлое заблужденіе и новое, невѣрное измышленіе. *Она не гонится за новизною, но ищетъ истины.* Восхвалять „послѣднія новинки“, „только-что полученные изъ-за границы товары“ обязаны приказчики галантерейныхъ магазиновъ; независимо же мыслящіе люди должны оцѣнивать основательность даже *самыхъ новыхъ* направленій, отнюдь не стараясь выдвигать принципы, почему то царящіе въ наше время надъ умами толпы. Требованіе серьезной науки совпадаетъ, такимъ образомъ, съ великимъ завѣтомъ апостола Павла, гласящимъ: „вся же искушающе, добрая держите“.

1902 г. Мирный Трудъ № 2.

ЧТО ТАКОЕ „НАЦИОНАЛЬНЫЙ“?

Die Umschau № 26. Was ist national?

— — —

Извѣстный географъ Кирхгофъ попытался выяснить, что такое „національный“, въ интересной и хорошо продуманной статьѣ подъ приведеннымъ заглавіемъ. Сущность его взглядовъ такова: существеннымъ условіемъ созданія націи является не общее происхожденіе, но естественное выдѣленіе извѣстной страны въ силу рѣзко очерченныхъ географическихъ границъ: „чудовищная область, изъ которой Александръ Великій пытался сдѣлать одну державу распалась столь-же быстро, какъ государство Чингисъ Хана или монархія Наполеона I“. Государства съ случайными границами недолговѣчны; наоборотъ при естественныхъ географическихъ очертаніяхъ, они постоянно имѣютъ продолжительное національное существованіе. Таковы: Португалія, Испанія, Италія, Нидерланды—Швейцарія. Государственное единство Франціи покоится отнюдь не на первоначальномъ кровномъ родствѣ, но на естественномъ вліяніи, обусловленномъ существованіемъ рѣзкихъ внѣшнихъ границъ (море и горы). Кельтскія колѣна, предки французовъ, распространялись и на Испанію, на британскіе острова, западную и южную Германію, равнымъ образомъ и на верхнюю Италію; только часть Кельтовъ заселила Францію и сплывалась здѣсь съ другими чуждыми народцами. Такія пространства, обладающія естественными границами, являются какъ бы формами, въ коихъ масса различныхъ народностей смѣшивается и отливается въ форму единой націи. Масса можетъ мѣняться, форма остается.

Долины рѣкъ, доступные кораблямъ берега, открытыя равнины, легкопереходимыя горы—постоянно порождаютъ въ извѣстной мѣстности тѣ же самые пути для сообщенія и торговли. Торговля же и общеніе являются наиболѣе вліятельными создателями народовъ. Они дѣйствуютъ не столь шумно, какъ природныя катастрофы или битвы народовъ, но оказываютъ воздѣйствіе ежедневно, а ничтожныя причины въ миллиардномъ итогѣ приводятъ къ великимъ послѣдствіямъ*.

„Такія замкнутыя мѣстности могутъ неоднократно привести къ образованію націи. Такъ Италія произвела античную націю, объединеніе которой закончилось ко времени Августа, затѣмъ, послѣ ея уничтоженія великимъ переселеніемъ народовъ, новоитальянскую, образованіе которой завершилось лишь въ 1870 г. Оба раза эта нація занимала область отъ Альпійскихъ горъ до Сициліи: Далмація, какъ и нынѣ, сюда не входила“.

„Разъ страна не имѣетъ такихъ естественныхъ границъ, внутри коихъ могла бы развиваться замкнутая нація, то онѣ должны быть созданы хотя бы силою. Нѣмцы исключительно ради территоріально-національных интересовъ отняли Эльзасъ и нѣмецкую Лотарингію: Мецъ необходимъ, какъ ключъ къ выходящей къ Рейну долиной Мозеля, а стѣна Вогезовъ въ высшей степени желательна для прикрытія нашей западной границы. Въ такихъ естественныхъ предѣлахъ и образуются, по мѣткому выраженію Шиллера, націи—путемъ медленнаго, но вѣрнаго процесса сліянія различныхъ элементовъ на той же самой почвѣ. Нація не можетъ имѣть общее происхожденіе: чѣмъ она больше и древнѣе, тѣмъ смѣшаннѣе она была первоначально. Русскій народъ никогда не былъ такъ великъ, какъ въ наши дни. Никогда его успѣхи въ міровой политикѣ не были столь велики и разносторонни: отъ Балтійскаго моря до конца исполинской китайской дороги въ Восточной Азіи все покорно скипетру Бѣлаго царя и остается только немного подождать вовлеченія Индіи въ кругъ русскихъ интересовъ. Но русскій народъ сложился въ эту

полную силу и самосознающую націю изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ. Великорусское племя въ средней Россіи такъ ассимилировало всѣхъ жителей восточно-европейской равнины, что, за исключеніемъ Поляковъ и Литовцевъ, едва ли сохранились на огромнѣйшемъ пространствѣ осколки нѣкогда самостоятельныхъ народовъ. Россія была болѣе пестрой, чѣмъ нынѣшняя Австрія; нѣмецкія, финскія, татарскія, тюркскія, мало- и великорусскія составныя части нынѣ прочно сплавлены, послѣ того какъ Петръ Великій и Екатерина II пріобрѣли для великоруссовъ, первоначально сидѣвшихъ только въ центрѣ, господство надъ окрестными народами и берега Балтійскаго и Чернаго морей и тѣмъ создали возможность образованія обширнѣйшаго національнаго государства, постепенно подвергающаго обрусенію все нерусское и находящаго почву для себя въ строѣ поверхности, представляющей обширную низменность, не раздѣляемую никакими горными цѣплями. Послѣднее обстоятельство всегда оказываетъ благопріятное вліяніе на устраненіе народныхъ противоположностей и созданіе прочнаго государственнаго единства въ силу возможности безпрепятственнаго общенія. Всѣ бывшія національности, живущія на этой великой области, за исключеніемъ поляковъ, чувствуютъ себя теперь русскими. Это явленіе въ жизни націй, эта ассимиляція не представляется чѣмъ то необычайнымъ. Наша нѣмецкая нація служитъ подтвержденіемъ этого положенія. Великія націи являются продуктомъ ассимиляціи. Государства, въ духовной жизни которыхъ не замѣчается этого явленія, не могутъ притязать на названіе „нація“ и обречены на распаденіе или завоеваніе. Поясненіемъ этой мысли можетъ служить примѣръ „Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ“ и „Бразильскихъ Соединенныхъ Штатовъ“. Въ то время какъ „United states“ являются дѣйствительно „соединенными“ въ силу уподобленія всѣхъ составныхъ частей—англо-германской, дѣлающей безвредными всѣхъ противящихся ея преобладанію, о „Estados Unidos do Brazil“ можно говорить только съ ироніей, такъ какъ это обозначеніе только официальное и нѣтъ никакой

бразильской націи. Первоначальные обитатели, Индійцы, остались Индійцами, не хотящими ничего знать о превращеніи въ великую націю. Они стоятъ, подобно своимъ сѣверо-американскимъ собратамъ, во враждебныхъ отношеніяхъ къ мѣстному правительству. Но въ то время какъ Вашингтонское правительство сумѣло устранить „красную опасность“ планомѣрной культурной работой и воспитаніемъ, связанными съ суровыми мѣрами противъ краснокожихъ, сановники въ Ріо де Жанейро до сихъ поръ ничего не сдѣлали, чтобы въ дѣйствительности управлять и властвовать внутри чудовищно-обширной Бразиліи. Къ этому присоединяются противоположности между вселившимися Европейцами, не говоря уже о презрѣніи къ цвѣтнымъ съ примѣсью негритянской крови. Несмотря на трескъ ракетъ, торжественные виваты и напыщенные фразы въ день 15 ноября, національный праздникъ республики, Нѣмцы, Индійцы, Испанцы, Польки, Французы не сдѣлались по своимъ чувствамъ Бразильцами. Въ то время какъ въ С. Америкѣ каждый гражданинъ республики чувствуетъ себя только какъ американецъ, какая бы кровь ни текла въ его жилахъ, жители Бразиліи и понынѣ строго раздѣляются и совершенно далеки отъ того, чтобы смотрѣть на себя какъ на дѣйствительныхъ гражданъ Бразиліи; союзный парламентъ въ Ріо служитъ лишь средствомъ для проявленія рѣзкой противоположности между южными штатами и сѣверомъ. Для cadaго Бразильца ясно, что распаденіе его огромнаго государства--вопросъ лишь времени“.

„Въ то время, какъ Бразилія представляетъ примѣръ національной слабости, другая республика обнаруживаетъ благотѣльное воздѣйствіе духовнаго сочетанія чужекровныхъ элементовъ въ національномъ тѣлѣ, это—Франція. Статистика показываетъ, что здѣсь уже давно число рожденій не стоитъ въ здоровомъ отношеніи къ числу смертей. Въ 1890 и 1891 г. это послѣднее даже превысило число рожденій на 36,446 и 10,505 случаевъ. На основаніи этого факта мы привыкли смотрѣть на французовъ, какъ на вымирающую націю. Сообразно старому понятію о націи, конечно, есть извѣстная опора для разговоровъ

въ этомъ родѣ. Но развѣ въ дѣйствительности Франція пуста, бѣдна населеніемъ? Безусловно нѣтъ: изъ года въ годъ количество народонаселенія возрастаетъ, хотя и не въ такой степени, какъ въ нашей нѣмецкой имперіи; великая нація пополняетъ пробѣлы, образующіеся вслѣдствіе незначительнаго количества рожденій, переселяющимися элементами и такъ прочно ихъ ассимилируетъ съ народнымъ тѣломъ, что спустя нѣсколько десятилѣтій они чувствуютъ себя—только французами. Этой силой Франція обладала издавна и было бы большою глупостью говорить о французской націи въ древнемъ смыслѣ этого слова. Хотя она по преимуществу кельтическаго происхожденія, но уже въ стародавнія времена она приняла въ себя на югозападѣ иберійскихъ Аквитановъ, на юговостокѣ Лигуровъ, не принадлежащихъ къ Кельтамъ, на сѣверовостокѣ родственныхъ имъ Бельговъ. Можно установить также норманнскую примѣсь на сѣверѣ и сарацинскую на югѣ. Равенштейнъ доказалъ статистическимъ путемъ, что это втягиваніе чуждыхъ элементовъ и въ наши дни ведетъ къ приросту населенія во Франціи: изъ Англіи, Бельгіи, Германіи, Швейцаріи, Италіи и даже Испаніи подмога переходитъ французскія границы, чтобы слиться потомъ съ французской націей. Въ Бретани мы и въ наши дни распознаемъ еще Кельтовъ, почти 1 мил. душъ, переселившихся изъ Англіи. На крайнемъ югозападѣ живетъ приблизительно 100 тысячъ Басковъ, на юговостокѣ и на Корсикѣ около 600,000 итальянцевъ. Швейцарцы имѣютъ мѣстопробываніе въ Бургундіи, Нѣмцы—въ Парижѣ, не только въ качествѣ, главнымъ образомъ, гувернеровъ, но на всѣхъ поприщахъ, добывающихъ пропитаніе: отъ гессенскихъ подметальщиковъ улицъ и южнонѣмецкихъ рѣзчиковъ барановъ до финансовыхъ дѣльцовъ и ученыхъ, мы находимъ французовъ нѣмецкаго происхожденія. Да и итальянцы приходятъ не только какъ перелетныя птицы, въ видѣ довольныхъ малымъ и дешовыхъ, а потому и столь ненавистныхъ рабочихъ: Италія ежегодно даетъ приливъ крови, прочно остающійся въ жилахъ французскаго народа. Мы встрѣча-

емъ итальянскія имена во всѣ времена и во всякихъ слояхъ народа, отъ Казеріо до Золя, отъ Мазарини до Гамбетты. Изъ Нормандіи притекають Англичане, такъ что нація выглядѣла бы очень пестро, если бы мы захотѣли приложить къ ней устарѣлый масштабъ кровнаго родства; въ дѣйствительности же эта великая нація образуетъ строго замкнутое единство. Конечно, утонченный парижанинъ составляетъ сильную противоположность благочестивому, но грубому жителю Пуату, подвижной, какъ ртуть, Гасконецъ—неуклюжему Овернцу, продувной Норманецъ прямодушному Бургундцу, но всѣ они—французы и всѣ чувствуютъ себя французами, говорятъ на французскомъ языкѣ и образуютъ великую націю. Имъ не приходитъ въ голову думать о національных стремленіяхъ, которыя такъ сильно выступаютъ въ Австріи. Подобное мы имѣемъ и въ прусскомъ государствѣ: Французскія имена нѣкоторыхъ его гражданъ напоминаютъ объ ихъ происхожденіи отъ тѣхъ бѣглецовъ, которымъ Великій курфирстъ далъ гостепріимное убѣжище. Но было бы не только смѣшно, но прямо безчестно, смотрѣть на нихъ какъ людей, не принадлежащихъ къ нашей нѣмецкой націи: они, несмотря на свои французскія имена, послужили мечемъ офицеровъ и духомъ ученыхъ нашему національному развитію. По крови они настоящіе, часто даже чистые французы, но ихъ национальность—нѣмецкая, ибо они нѣмцы по своему языку, своей душѣ, образу своихъ мыслей и чувствъ, по своимъ духовнымъ интересамъ. Мыслимо ли, вопреки этому факту, говорить о кровномъ родствѣ и семейныхъ преданіяхъ какъ необходимомъ основаніи для образованія націи! Да и разговорный языкъ не является единственнымъ указателемъ для опредѣленія націи. Конечно, такимъ путемъ можно съ точностью установить национальность, но не націю. Датчане въ предѣлахъ нашей имперіи притязаютъ на право быть причисленными къ другой націи, хотя на ихъ долю выпадаетъ единственный успѣхъ—сдѣлаться смѣшными. Но никто еще не осмѣлился внушить мазурамъ въ Восточной Пруссіи идею, будто, несмотря на ихъ разговорный языкъ,

они принадлежатъ къ другой націи, а не нѣмецкой. Также фризъ въ Ганноверѣ и Ольденбургѣ, конечно чувствуютъ себя только нѣмцами. Всѣ они—нѣмцы, ибо принадлежатъ къ числу гражданъ имперіи, все равно, слушаютъ ли они эту истину охотно, или нѣтъ. Указателемъ принадлежности къ націи служитъ принадлежность къ гражданамъ государства. Подобно тому какъ древній Римъ дѣлалъ зависимою отъ обладанія правами гражданства принадлежность къ римской націи, и въ наши дни это обладаніе является рѣшающимъ признакомъ для опредѣленія націи любого человѣка. Поляки внутри нашей имперіи въ дѣйствительности—нѣмцы и на нихъ должны официально смотрѣть какъ на таковыхъ. Поэтому они должны, хотя бы они становились на дыбы передъ этими фактами, получать политическое нѣмецкое воспитаніе и ассимилироваться съ нами по языку и духу. Мы вовсе не думаемъ запретить имъ употребленіе ихъ языка въ частныхъ отношеніяхъ, но съ тѣмъ большей энергіей мы должны протестовать, пока существуетъ нѣмецкая имперія, противъ самаго призрака признанія за польскимъ языкомъ официальнаго значенія“.

„Если эта теорія встрѣчаетъ ожесточенное противодѣйствіе въ станѣ поляковъ, то еще съ большимъ оживленіемъ она не принимается въ нашей нѣмецкой средѣ партіей антисемитовъ. Воспитаніе или личное отвращеніе для многихъ нѣмцевъ даютъ достаточное основаніе, чтобы видѣть въ живущихъ среди насъ израильянахъ—принадлежащихъ къ чуждой націи и отказывать имъ въ равноправіи съ остальными гражданами. Нѣтъ необходимости говорить объ личныхъ склонностяхъ и отвращеніяхъ, о фило- и антисемитизмѣ: мы указали лишь на правильность нашей теоремы въ данномъ случаѣ. Исторія еврейскаго народа является лучшимъ доказательствомъ правильности установленнаго нами понятія о націи. Евреи образовывали націю только тогда, когда знали прочныя предѣлы своего государства, только тогда національная еврейская мысль была въ силѣ. За эту націю Маккавеи вели отчаянную борьбу, ради нее никогда не было недостатка въ самоот-

верженномъ геройскомъ мужествѣ. Но съ утратою опредѣленнаго естественно отграниченнаго національнаго государства пала въ развалины и сама еврейская нація. Въ прахъ и пепелъ разсыпалась вмѣстѣ со стѣнами Іерусалима и національная мысль. Это почувствовали сами евреи. Они сознавали, что связаны съ Іерусалимомъ и обѣтованною землею, если хотятъ оставаться націей. Поэтому они сдѣлали политическое сосредоточіе страны очагомъ культа съ цѣлью дать сборный пунктъ своимъ соплеменникамъ, разсѣяннымъ подобно пшеницѣ, и сохранить ихъ для націи. Еврейскіе патріоты постоянно чувствовали, что потеря государства равнозначуща гибели націи, поэтому постоянно вспыхивали пламенные попытки снова приобрѣсти обѣтованную землю и священный городъ, пока, наконецъ, онѣ завершились окончательнымъ крушеніемъ вмѣстѣ съ паденіемъ Баръ Кохбы. Съ этой эпохи нація болѣе не имѣла тѣсной связи. Она распалась и раздѣлилась между націями Европы и С. Америки; только языкъ культа вмѣстѣ съ самимъ культомъ оставался духовными узами, доставлявшими имъ нѣкоторую духовную связность. Гражданское угнетеніе, презрѣніе со стороны христіанскихъ и мохамеданскихъ народовъ, совмѣстно выносимая нужда и преслѣдованіе, заточеніе въ гетто (особые замкнутые кварталы для евреевъ) послужили средствомъ для новаго пробужденія въ еврейскомъ сознаніи, что онъ еврей, до тѣхъ поръ пока онъ отвоевалъ себѣ, хотя и особое, но все таки извѣстное положеніе въ гражданской жизни. Мы убѣждены, что гражданское равноправіе и въ политической жизни націи гораздо скорѣе ассимилировало бы ихъ, чѣмъ это происходитъ. Католики Германіи также имѣютъ особый богослужебный языкъ (латинскій), особая обрядности, которыя не всегда совпадаютъ съ обрядами остальнаго большинства націи. Но развѣ они *поэтому* принадлежатъ къ другой націи, чѣмъ протестанты. Граждане моисеева вѣроисповѣданія также принадлежатъ къ нѣмецкой націи, какъ и лица другихъ исповѣданій, ибо они граждане той имперіи, для учрежденія которой была пролита и еврейская кровь“.

„Разсмотримъ, наконецъ, національныя отношенія Англіи и С. Америки. Кто хочетъ особенно закалить свое сердце въ спорѣ по вопросу о сущности и образованіи націи, тотъ долженъ вглядѣться въ нынѣшніе Соединенные Штаты. Именно они—смѣсь всѣхъ европейскихъ націй плусъ негры и китайцы. Едва ли могло быть болѣе различныхъ составныхъ частей. Но, несмотря на это, національное единство достигнуто. Природа ихъ страны имѣетъ необходимыя для объединенія черты, а человѣкъ въ свою очередь сумѣлъ побѣдить при помощи желѣзныхъ дорогъ существующія противоположности между хорошо орошеннымъ и богатымъ полезными ископаемыми Востокомъ и сухимъ, богатымъ благородными металлами нагорнымъ Западомъ, несмотря на исполинское отдаленіе береговъ Атлантическаго и Тихаго океановъ, и сильныя помѣхи для общенія въ видѣ скалистыхъ горъ и цѣпи Невады. Къ поколѣнію, созданному англійскими переселенцами предшествующихъ столѣтій, прильнули по языку и житейскимъ обычаямъ всѣ позднѣйшіе выходцы изъ Европы по закону уподобленія въ силу ежедневнаго общенія. Жизнь на одной и той же почвѣ, въ томъ же самомъ климатѣ дѣйствуетъ не менѣе уравнивающимъ образомъ на тѣлесную организацію и на темпераментъ. Брачныя узы смыкаютъ народныя противоположности, но главнымъ образомъ, на общей основѣ качествъ почвы, возникаетъ совмѣстное дѣйствіе общихъ цѣлей въ земледѣліи, промыслахъ и торговлѣ, внушающее желаніе одинаковаго упорядоченія хозяйственныхъ учрежденій при помощи національнаго государства, независимаго отъ чужестранцевъ, хотя бы они были оставшимися на родинѣ, въ Англіи, братьями и отцами. Отпаденіе отъ Англіи колоній на атлантическомъ берегу С. Америки было только выраженіемъ свѣжаго и бодрого національнаго интереса. Стремленіе къ освобожденію и отдѣленію шло рука объ руку съ стремленіемъ къ самостоятельному объединенію колонистовъ, другими словами, они чувствовали себя какъ націю, и кто могъ бы оспаривать, что жители Соединенныхъ Штатовъ дѣйствительно образуютъ великую на-

цію? Англія также является превосходнымъ образчикомъ для установленія воздѣйствія такихъ естественныхъ границъ на національное развитіе. Англичане—нѣмцы по происхожденію, сдѣлались самостоятельной націей, потому что Англосаксы переселились въ такую область, которая въ силу своей замкнутости особенно содѣйствовала образованію націи. Нельзя приводить возраженіе, что они народъ смѣшаннаго происхожденія, такъ какъ имѣютъ въ своихъ жилахъ слишкомъ много кельтской крови. Мы—нѣмцы имѣемъ гораздо болѣе славянской крови въ своихъ жилахъ.

„Рѣзкой противоположностью является Австро-Венгрія, но именно ея національная раздробленность даетъ прекрасное доказательство въ пользу нашей теоріи. И здѣсь природа страны не представляла бы никакихъ препятствій для великаго національнаго развитія. Могучая объединительная артерія для единства хозяйственной жизни дарована странѣ въ видѣ Дуная. На немъ лежатъ обѣ великолѣпныя столицы, въ немъ имѣется главный путь сношенія, даже съ Чехіей, ибо пути изъ Чехіи въ дунайскія, моравскія провинціи и даже въ Вѣну, открыты, тогда какъ, наоборотъ, въ сѣверную Германію ведетъ лишь узкій проходъ Эльбской долины въ видѣ естественной соединительной дороги. Но здѣсь на небольшомъ огороженномъ пространствѣ рѣзко столкнулись непримиримыя народныя противоположности. Венгрія съ 1867 года почти самостоятельна и связана съ Австріей только личной уніей и Мадьяры упорно и настойчиво стремятся расширить свое національное государство до стѣны карпатскихъ горъ. Въ Чехіи чехи грезятъ о царствѣ вѣнца Вячеслава и до послѣдней капли крови готовы бороться съ нѣмцами, въ Галиціи царятъ поляки на своихъ обычныхъ основаніяхъ и угнетаютъ русиновъ въ силу минутнаго преобладанія. Словаки въ Каринтіи и Крайнѣ, Итальянцы въ Тиролѣ радѣютъ о боевомъ кличѣ противъ нѣмцевъ—всюду непримиримая борьба, которая едва-ли могла бы вестись съ большею страстностью и противъ внѣшняго врага. Во многихъ кругахъ смотрятъ на Австро-венгерскую монархію, какъ на еще ходячій трупъ, отчасти

усматриваютъ единственное средство спасенія въ политическомъ присоединеніи къ нѣмецкой имперіи“.

„Противники нашего пониманія воспользуются этимъ примѣромъ, чтобы выставить возраженіе: націи въ сущности произошли изъ кровнаго родства. Нѣтъ! Австрія доказываетъ, что нелѣпая внутренняя политика и другія несчастныя обстоятельства, прежде всего произведенная вопреки географіи смѣсь земель, мѣшаютъ сліянію различныхъ народовъ; къ тому же общность экономическихъ интересовъ чрезвычайно мала у крайнихъ частей, напр., у адриатическаго побережья и галицко-буковинскаго предгорія Карпатъ. Россія была по народностямъ еще болѣе пестрой, чѣмъ Австрія, но здѣсь одна всѣмъ управляющая воля послѣдовательно заботится о національномъ развитіи. Пока въ Австро-Венгріи правила какъ въ нѣмецкой націи, пока ненѣмецкіе народы должны были подчиняться нѣмцамъ, оказавшимъ въ прошломъ великія услуги Австріи своей болѣе древней культурой и великими національными подвигами, Австро-Венгрія была замкнутой націей, хотя и образованной изъ различныхъ національностей. Подобно тому какъ нѣмецкій языкъ въ качествѣ языка команды въ войскѣ, образованномъ изъ нѣкоторыхъ этнически различныхъ отрядовъ, является прочнымъ узломъ для военной связности, такъ нѣмецкій языкъ, въ качествѣ правительственнаго языка во внутренней жизни, далъ бы различнымъ національностямъ общее основаніе. Таафе нарушилъ это преобладаніе нѣмецкаго въ языкѣ и правительствѣ; онъ нанесъ этимъ смертельный ударъ нѣмецкому въ Австріи, но еще хуже было дѣйствіе этой плохоразсчитанной политики для всей монархіи: онъ отнялъ у нея руководящую идею, желая сдѣлать ее обособленной націей, онъ отрѣзалъ корневой стержень. Нынѣ вмѣсто связки посоховъ, прочно связанныхъ нѣмецкими узами, министерству данъ въ руки одинъ, быть можетъ, два посоха, которые должны жалкимъ образомъ сломаться, если оно серьезно вздумаетъ на нихъ опереться. Въ Австріи нѣтъ теперь настойчиваго желанія изъ смѣси націй сдѣлаться націей. Слово Бисмарка о без-

силіи правительственной мудрости передъ національной идеей народа нашло въ политикѣ Таафе свое горькое подтвержденіе. Старый канцлеръ какъ то сказалъ: народами правятъ не благо-разумныя побужденія; они руководятся великими чувствами“.

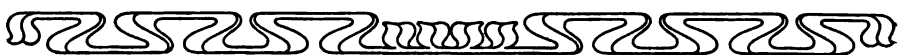
„Классическимъ примѣромъ такого образованія націи является и Китай. До 200 г. до Р. Х., слѣдовательно еще въ ту пору, когда Римъ спорилъ съ Карфагеномъ изъ за гегемоніи на Средиземномъ морѣ, на югѣ нынѣшней китайской имперіи не жило ни одного настоящаго китайца. Теперь же, безусловно, мы должны говорить о великой китайской націи, наполняющей политическія границы имперіи. И здѣсь различныя составныя части сплывились въ одно цѣлое. Различными народами въ теченіи длительнаго поступательнаго движенія, въ силу желанія части населенія сдѣлаться націей внутри естественныхъ границъ, было достигнуто національное единство, какъ въ Россіи благодаря великоруссамъ и въ Соединенныхъ Штатахъ благодаря новоангличанамъ“.

„Не національность, не родство по крови или языку создаетъ націи, но пространство и общіе интересы, связывающіе его обитателей“,—таковъ общій выводъ знаменитаго ученаго.

Какъ всякое широкое обобщеніе, это положеніе Кирхгофа вызываетъ рядъ возраженій. Приводимые имъ примѣры не всегда неоспоримо убѣдительны; да и онъ самъ чувствуетъ ихъ слабость, признавая и могущественное воздѣйствіе правительствъ въ дѣлѣ созданія націи, рѣзко подчеркивая рѣшающую роль общегосударственнаго языка, какъ наилучшаго выразителя и распространителя общихъ интересовъ, которые только благодаря ему переходятъ изъ области неяснаго инстинкта въ страну сознанія. Статья выдающагося знатока географическихъ условій содѣйствуетъ, такимъ образомъ, укрѣпленію положенія о могущественной, несравненной роли языка, какъ опредѣлителя національности, и показываетъ, что у нашихъ западныхъ со-сѣдей ученые не стыдятся исповѣдывать свои національныя чувства, покончивъ съ туманнымъ миражемъ космополитизма.

„Мирный Трудъ“ 1902 г. № 3.

Философское завѣщаніе Спенсера.

— — —

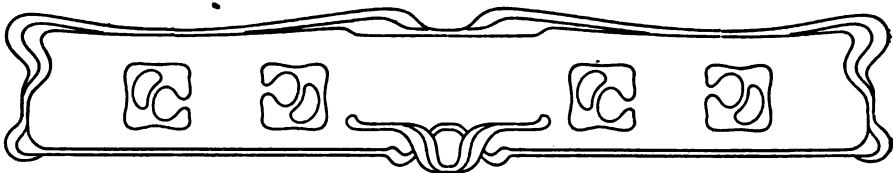
Извѣстный англійскій философъ, Гербертъ Спенсеръ, обнародовалъ недавно свое философское завѣщаніе, озаглавленное „Факты и разъясненія“. Въ высшей степени поучительны выводы знаменитаго мыслителя, являющіяся итогомъ многолѣтняго пытливаго наблюденія и вдумчивой работы: Спенсеръ приходитъ къ заключенію, что элементы первобытнаго варварства возрождаются въ душахъ современныхъ культурныхъ людей, слишкомъ многому учившихся и слишкомъ малому научившихся. *Одичаніе врывается во всю отрасли общественной жизни.* Это безотрадное явленіе съ одинаковой силой обнаруживается даже въ областяхъ искусства, литературы и науки. Въ искусствѣ преобладаютъ чувственные или декадентскіе сюжеты; литература опустилась до шовинизма и такіе люди, какъ Киплингъ, пріобрѣтаютъ всемірную славу не благородствомъ и красотой формъ, не глубиной и оригинальностью содержанія, а простымъ и грубымъ воздѣйствіемъ на кровожадные инстинкты толпы. Въ наукѣ господствуетъ полное пренебреженіе къ широкимъ вопросамъ; мысль педантически заковывается въ узкія рамки специальностей; разростается ужасающая страсть къ монографіямъ, къ мелкимъ, детальнымъ изслѣдованіямъ, не требующимъ ни творческаго подъема, ни глубокаго анализа, а просто только кропотливой усидчивости.

Это властное вторженіе первобытнаго варварства въ нашу культурную жизнь внушаетъ Спенсеру мучительный страхъ передъ грознымъ будущимъ, не сулящимъ выхода: пышный расцвѣтъ детальной науки идетъ теперь рука объ руку съ угасаніемъ истинной мысли; внѣшность заглушаетъ содержаніе и плоды неудержимо растущей техники покупаются цѣною постепеннаго исчезновенія лучшихъ духовныхъ силъ. Техника и прикладныя знанія развиваются, но нравственность падаетъ, а разумъ и воля вырождаются.

Эволюція человѣчества уперлась въ непреодолимую преграду; за „интеграціей“ слѣдуетъ „диссолюція“, за повыше́ніемъ—пониже́ніе. Философія исчерпала себя, познание сущностей, остается невозможнымъ и результатомъ всѣхъ многовѣковыхъ усилій человѣческаго ума, затраченныхъ на разгадку міровой тайны, является огромный вопросительный знакъ.

Спенсера не обманываютъ призрачныя мечты присяжныхъ обновителей одряхлѣвшаго общества—соціалистовъ: ихъ идеалы сѣры, буднично скучны и проникнуты прекло́неніемъ передъ своеобразной „казармой“; въ ней заточается живой источникъ всякаго поступательнаго движенія—личность: она осуждена здѣсь на вырожденіе, будучи замкнута въ тѣсную клѣтку нелѣпой организаціи, не знающей ни свободы конкуренціи, ни свободныхъ поисковъ личнаго счастья.

Много подтвержденій напрашивается въ голову по поводу приведенныхъ сужденій англійскаго мыслителя. Дѣйствительно, повсюду раздаются горькія и, увы, справедливыя жалобы на все яснѣе обрисовывающееся пониже́ніе культурнаго уровня. На смѣну угасающимъ духовнымъ силамъ не выходятъ новые борцы за чистое знаніе, за святую и великую истину. Погоня за удовольствіями, чисто матеріальнаго свойства, дѣлается цѣлью и смысломъ жизни для лицъ, стоящихъ по ту сторону добра и зла; утрачивается отличие между преступнымъ и дозволеннымъ; подобные извѣстному японскому адвокату, Коррикію, верхогляды и болтуны играютъ роль выразителей общественнаго мнѣнія и критиковъ, хотя не обнаруживаютъ ни малѣйшей способности понять критикуемое. Бахвальство и зубоскальство считаются признакомъ „передового человѣка“; жалкое модничанье и прекло́неніе передъ *новымъ* губятъ самостоятельность. Надвигается густой мракъ и полный застой... Единственнымъ спасеніемъ является дружная поддержка обществомъ благородныхъ начинаній правительства, самодѣятельность на національной основѣ и стремленіе служить положительнымъ завѣтамъ Спасителя, а не разрушительнымъ наказамъ самозванныхъ пророковъ.

Ө. Я. ФОРТИНСКІЙ

(род. 15 февраля 1846 г. † 12 декабря 1902 г.).

— — —

Немногочисленная въ Россіи семья „всеобщихъ“ историковъ только что понесла тяжелую утрату: 12 декабря скончался представитель ея старшаго поколѣнія, профессоръ университета св. Владиміра, Ө. Я. Фортинскій. Покойный происходилъ изъ духовной среды, давшей Россіи не мало замѣчательныхъ ученыхъ и общественныхъ дѣятелей. Жажда научнаго знанія увлекла юношу изъ рязанской семинаріи въ петербургскій университетъ, а упорный трудъ и врожденный талантъ помогли сыну скромнаго сельскаго священника съ честью занять кафедру всеобщей исторіи въ университетѣ св. Владиміра. 30 лѣтъ продолжалась здѣсь разносторонняя и плодотворная дѣятельность усопшаго, который своимъ личнымъ примѣромъ, своей мягкой отзывчивостью на пытливые запросы молодежи сумѣлъ сдѣлаться любимымъ наставникомъ многихъ поколѣній, подготовленныхъ имъ къ отвѣтственной работѣ учителя и самостоятельнымъ изысканіямъ, какъ показываютъ, между прочимъ, его ученики. проф. Н. П. Дашкевичъ, А. Н. Ясинскій, В. К. Пискорскій, внесшіе не малый вкладъ въ сокровищницу русской науки. Тщательно слѣдя за научной разработкой своего предмета,—средней исторіи, Өеодоръ Яковлевичъ постоянно заботился о соотвѣтствіи читаемаго имъ курса съ требованіями все растущей, объективной науки, а не мимолетныхъ модныхъ теченій. Не политическая исторія, не художественное воспроизведеніе событій и личностей далекаго прошлаго, а тщательное изученіе обще-

ственного строя и присущихъ ему учреждений, ихъ постепенное видоизмѣненіе приковывало вниманіе покойнаго и служило предметомъ его университетскихъ чтеній. Онъ не гонялся за дешевымъ успѣхомъ, не любилъ трескучихъ фразъ, избѣгалъ цвѣтовъ краснорѣчія, прикрывающихъ внутреннюю пустоту и бессодержательность, рано или поздно разгадываемая слушателями, отворачивающимися отъ своего минутнаго кумира. Приобрѣтя очень хорошую критическую подготовку въ „историческомъ семинаріи“ геттингенскаго университета и парижской „школѣ хартій“, гдѣ процвѣтало обученіе умѣлому обращенію съ сложнымъ историческимъ матеріаломъ, покойный не замедлилъ пересадить приобретенныя познанія на родную почву и открылъ свои „практическія занятія“, сдѣлавшіяся разсадникомъ новыхъ ученыхъ силъ. Здѣсь былъ центръ преподавательскихъ заслугъ покойнаго. Успѣхъ, выпавшій на долю Θεодора Яковлевича, былъ не столь громокъ, но за то очень проченъ и его имя съ глубокой и чистосердечной признательностью приносится многочисленными учениками, составляющими, такъ сказать, его „живое наслѣдіе“. Но онъ оставилъ родинѣ не только воспитанныхъ имъ сѣятелей историческаго знанія, но и свои многочисленные труды, служащіе и понынѣ памятниками осторожнаго метода, умѣлаго обращенія съ первоисточниками и глубокаго изученія литературы, относящейся къ затронутому вопросу.

Ученикъ И. И. Срезневскаго, В. В. Бауэра, В. И. Ламанскаго и В. Г. Васильевскаго, Θ. Я. Фортинскій избралъ для своихъ крупныхъ работъ вопросы, имѣющіе интересъ не для однихъ только „всеобщихъ историковъ“, въ узкомъ смыслѣ этого слова: его магистерская диссертация посвящена „Титмару Мерзебургскому и его хроникѣ“ (П. 1872), какъ извѣстно являющейся источникомъ первостепенной важности для исторіи западныхъ славянъ и отчасти русскихъ. Молодой авторъ проявилъ здѣсь самостоятельность, хорошее усвоеніе историческаго метода и умѣнье проникнуть въ особенности міровоззрѣнія средневѣковаго епископа и горячаго патріота. Докторская же степень получена имъ

за обширное изслѣдованіе, „Приморскіе вендскіе города и ихъ вліяніе на образованіе ганзейскаго союза до 1370 года“ (Кіевъ 1877). На частномъ примѣрѣ пяти приморскихъ вендскихъ городовъ (Любека, Ростокъ, Висмара, Стральзунда и Грейфсвальда) выясняется слѣдующее общее положеніе: „развитіе городскихъ учреждений, развитіе городской торговли, возникновеніе заграничныхъ нѣмецкихъ конторъ и, наконецъ, образованіе большого союза купцовъ и городовъ нѣмецкой ганзы совершались параллельно и въ тѣснѣйшей связи другъ съ другомъ“. Такимъ образомъ, послѣ *анализа* труда средневѣковаго хрониста *Θ. Я. Фортинскій* взялся за разработку темы, требующей *синтетическихъ* построеній, въ противоположность господствующей въ монографической литературѣ вопроса односторонности, оста-навливающейся, въ ущербъ цѣльности и ясности общей постановки, на какой либо отдѣльной чертѣ, подробности, городѣ.

Объ эти диссертациі встрѣтили сочувственный пріемъ въ ученомъ мірѣ и обезпечили за едва достигшимъ 30 лѣтняго возраста авторомъ полученное имъ по избранію совѣта университета св. Владиміра, почетное званіе ординарнаго профессора. Достиженіе высшей ученой степени и прочнаго общественнаго положенія не повлекло за собой, какъ это часто бываетъ, прекращеніе научной дѣятельности. *Θеодоръ Яковлевичъ* съ неослабѣвающимъ вниманіемъ слѣдилъ за появленіемъ выдающихся историческихъ трудовъ и отмѣчалъ ихъ, рассматривая ихъ значеніе, на страницахъ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій. Выборъ этихъ произведеній свидѣтельствуетъ о стремленіи разобратъ въ современныхъ вопросахъ при помощи точныхъ выводовъ исторической науки. Такъ на примѣрѣ, профессоръ *Фортинскій* выражаетъ полное сочувствіе западнымъ изслѣдователямъ, „занимающимся изученіемъ вопроса о сельской общинѣ не ради одного историческаго интереса, но и задающихся при этомъ чисто практическими цѣлями: въ извѣстіяхъ о судьбѣ сельскихъ общинъ въ средніе вѣка они ищутъ указаній для разрѣшенія капитальнѣйшаго вопроса нашего времени—

объ установленіи возможно лучшихъ отношеній между централизацией и мѣстнымъ самоуправленіемъ“. обстоятельно изложивъ содержаніе глубоко поучительной работы Бабо (A. Babeau, *le village sous l'ancien r gime Paris 1878*), Ѳеодоръ Яковлевичъ обращаетъ особое вниманіе своихъ читателей „на заключительный выводъ современнаго французскаго ученаго“. „Выходитъ, что монархія, не давая общинамъ политическихъ правъ, но за то предоставляя имъ самимъ вѣдать свои собственныя дѣла, безспорно содѣйствовала развитію крестьянъ въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи, и при томъ, можетъ быть, въ большей степени, чѣмъ конституціонное или республиканское правительство, считающее себя въ правѣ издала, на основаніи показаній немногихъ депутатовъ, управлять всѣми дѣлами деревень“.

Свою актовую рѣчь, произнесенную въ 1881 г., профессоръ Фортинскій посвящаетъ „Положенію городскихъ ремесленниковъ въ Германіи въ средніе вѣка“. На выборѣ этой темы для академической бесѣды сказалось также желаніе дать откликъ на „привлекшій къ себѣ общее вниманіе рабочій вопросъ“. По словамъ нашего автора, „за послѣдніе двадцать—тридцать лѣтъ, рядомъ съ многочисленными научными изслѣдованіями о рабочемъ вопросѣ, къ намъ постоянно приходятъ съ Запада извѣстія то о возникновеніи кооперативныхъ ассоціацій, пытающихся уничтожить господство капитала надъ трудомъ, то объ союзахъ рабочихъ, имѣющихъ въ виду добиться расширенія политическихъ правъ четвертаго сословія, то о замыслахъ социалистовъ передѣлать по своему весь настоящій общественный строй. Нельзя сказать, чтобы всѣ эти разнообразныя попытки рѣшить рабочій вопросъ имѣли прочный успѣхъ на практикѣ, рядъ же неудачъ естественно возбуждаетъ сомнѣніе въ правильности теоретическихъ соображеній ученыхъ политико-экономовъ и вмѣстѣ заставляетъ внимательнѣе приглядываться къ указаніямъ опыта. Такихъ указаній стали искать не только въ изученіи дѣятельности различныхъ современныхъ рабочихъ союзовъ и обществъ,

но и въ исторіи цеховъ“. „За послѣдніе двадцать лѣтъ не проходитъ почти года безъ того, чтобы не явилось болѣе или менѣе цѣннаго изслѣдованія или по исторіи нѣмецкихъ цеховъ вообще, или по исторіи ремесленниковъ одного города, или даже по исторіи одного какого либо цеха. Составители подобныхъ монографій обыкновенно не теряютъ изъ виду современнаго рабочаго вопроса и въ своихъ заключительныхъ выводахъ указываютъ, между прочимъ, и на тѣ стороны дѣятельности цеховъ, которыя представляются имъ заслуживающими полнаго одобренія и даже примѣненія къ улучшенію положенія современныхъ рабочихъ“. Этотъ современный интересъ рабочаго вопроса побудилъ профессора представить своимъ слушателямъ страницу изъ его исторіи въ средніе вѣка, уяснить имъ „причины соединенія городскихъ ремесленниковъ въ цехи, тѣ условія, подъ вліяніемъ которыхъ ремесленныя корпораціи достигли процвѣтанія и, наконецъ, тѣ обстоятельства, которыя повели къ упадку цеховъ со времени реформации“.

Сжатое изложеніе затронутаго вопроса, опираясь на приводимую богатую литературу, даетъ, однако, всѣ существенныя свѣдѣнія и вводитъ въ строй жизни средневѣковаго ремесленника, которому жилось далеко не такъ плохо, какъ теперь.

Равнымъ образомъ, „публичная лекція въ пользу недостаточныхъ студентовъ и голодающихъ Самарской губерніи“ является умѣлою попыткою разъяснить истинный характеръ „совершающагося въ Западной Европѣ въ настоящее время (1873 г.) сильнаго религіознаго, такъ называемаго старокатолическаго движенія“. Желая объяснить переходъ на сторону папы многихъ епископовъ, первоначально отказавшихся признать догматъ о папской непогрѣшимости, авторъ ищетъ критерій для оцѣнки старокатолическаго движенія въ „программѣ мюнхенскаго конгресса, постановившаго, что старо-католики будутъ держаться католицизма въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ утвержденъ на Тридентскомъ соборѣ половины XVI вѣка. Но Тридентскій соборъ своими постановленіями завершилъ зданіе като-

лицизма, сложившееся въ средніе вѣка, отсюда необходимость „уяснить себѣ значеніе папства, развившагося въ средніе вѣка“, для полученія отвѣта на злободневный вопросъ, „дѣйствительно ли провозглашеніе догмата о непогрѣшимости папы противорѣчитъ сложившемуся тогда католицизму“. Опытной рукой проф. Фортинскій набрасываетъ очеркъ „развитія папской власти въ средніе вѣка“ и явственно показываетъ, что „провозглашеніе догмата о папской непогрѣшимости было естественнымъ, логическимъ послѣдствіемъ всего предшествующаго развитія и практики католической церкви. Какъ скоро католики признали за вѣрныя послышки, на которыхъ основано ученіе о папствѣ, они должны были признать и справедливость вытекающаго изъ нихъ слѣдствія, какъ бы оно нелѣпо ни казалось для всякаго непредубѣжденнаго мыслителя и въ особенности историка, который можетъ указать длинный рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ не только о безнравственности папъ, но и объ ихъ уклоненіяхъ отъ католицизма. Съ этой точки зрѣнія понятно будетъ подчиненіе папъ епископовъ, первоначально отрицавшихъ догматъ о непогрѣшимости“.

Такъ талантливый ученый освѣщалъ явленія современности свѣтомъ своей любимой науки, не зарываясь всецѣло въ груды книгъ, не увлекаясь только чисто кабинетными вопросами. Въ его рукахъ точное знаніе служило маякомъ для желающихъ разобраться въ противоположныхъ и бурныхъ теченіяхъ современности. Такое направленіе научной дѣятельности Θεодора Яковлевича въ нашихъ глазахъ, заслуживаетъ полнаго одобренія и подражанія: слишкомъ много развелось на Руси всезнаекъ, рѣшающихъ всякіе злободневные вопросы на основаніи уцѣлѣвшихъ въ головѣ скудныхъ обрывковъ элементарныхъ свѣдѣній, двухъ—трехъ популярныхъ книжекъ, или узкопартийныхъ завѣтовъ. Необходимо, чтобы люди науки не боялись жизни, не пугались „страшныхъ словъ“ и всякихъ ярлыковъ, такъ охотно и такъ неудачно приклеиваемыхъ разными добровольцами лжелиберальнаго сыска. Нашему обществу такъ нужно твердое и ясное, вполне опредѣленное мнѣніе свѣдущихъ

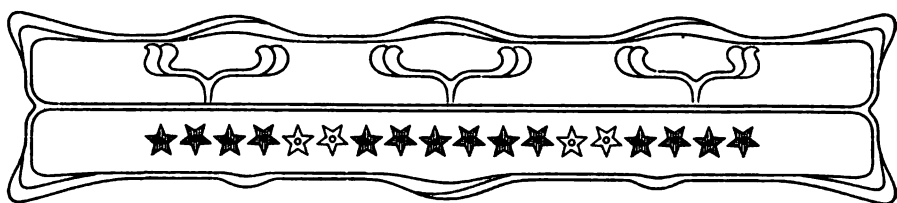
лицъ, такъ нужны люди съ продуманными и цѣльными воззрѣніями, съ стойкими убѣжденіями! Покойный профессоръ и былъ однимъ изъ столь малочисленныхъ у насъ людей долга и знанія. Не гоняясь за популярностью, не угоджая толпѣ, онъ дѣлился съ обществомъ своими обширными познаніями: онъ находилъ время для участія въ публичныхъ чтеніяхъ, устраиваемыхъ Кіевскимъ Обществомъ Нестора Лѣтописца, и для преподаванія на, къ сожалѣнію рано отцвѣтшихъ, высшихъ женскихъ курсахъ: страстный порывъ русской женщины къ наукѣ встрѣтилъ въ Θεодорѣ Яковлевичѣ сочувственный откликъ, а не подозрительное недовѣріе къ ея силамъ. Расширеніе женскаго образованія является одной изъ насущнѣйшихъ потребностей нашихъ дней, ибо оно одно можетъ удержать за матерью, главной охранительницей высокихъ идеаловъ семьи, руководство подрастающими поколѣніями. Невѣжественная или полуобразованная мать рано утрачиваетъ свое вліяніе надъ дѣтьми и становится безсильной оказать должное противодѣйствіе разнымъ постороннимъ темнымъ вліяніямъ, такъ властно захватывающимъ сердца молодежи въ наше смутное время. Θεодоръ Яковлевичъ, наряду съ другими профессорами университета св. Владиміра, приложилъ стараніе удовлетворить этому назрѣвшему запросу и велъ на курсахъ преподаваніе своего, столь важнаго для выработки общественныхъ идеаловъ, предмета. Не легкомысленный крикъ моды, не цвѣтистая рѣчь, а трезвая, ясно выраженная мысль послужила причиной выпавшаго здѣсь на долю покойнаго успѣха. Само собою понятно, что для поддержанія своихъ чтеній, какъ въ университетѣ, такъ и на курсахъ, на подобающей научной высотѣ, профессору Фортинскому приходилось зорко слѣдить за все растущимъ изслѣдованіемъ. Не гоняясь, во что бы то ни стало, за новымъ, Θεодоръ Яковлевичъ постоянно *искалъ истинное*, а потому и разбирался въ новѣйшихъ изысканіяхъ, какъ показываютъ его многочисленныя замѣтки о новыхъ историческихъ работахъ, написанныя, обыкновенно, въ годъ ихъ выхода въ свѣтъ. Эти замѣтки свидѣтельствуютъ, что покойный профессоръ

считалъ какъ бы своею обязанностью останавливать общее вниманіе только на выдающихся сочиненіяхъ, имѣющихъ *положительное* значеніе. Изъ безчисленнаго множества „новинокъ“ онъ умѣлъ выбрать важное и полезное и считалъ лишнимъ упражняться въ критическихъ разборахъ, заканчивающихся суровыми, для авторовъ, приговорами. Природная мягкость и доброжелательность здѣсь особенно сказывались и отъ покойнаго не осталось ни одной рецензіи, написанной въ сколько нибудь рѣзкихъ выраженіяхъ. Обыкновенно онъ объединялъ въ болѣе или менѣе обширномъ очеркѣ рядъ однородныхъ сочиненій и тѣмъ самымъ прекрасно вводилъ читателя въ литературу вопроса. Таковы, напримѣръ, его обстоятельныя статьи, посвященныя „Научной разработкѣ исторіи перваго крестоваго похода“, „Подготовкѣ къ изданію грамотъ Оттона Великаго“, „Комитету историческихъ и научныхъ трудовъ“ во Франціи, „Научно-исторической и научно-издательской дѣятельности Георга Вайтца“, „Опытамъ систематической обработки исторической критики“ и т. д. Здѣсь всюду видѣнъ превосходно освѣдомленный ученый, чуждый полемическаго задора, тщательно выискивающей истинное и съ большою осторожностью принимающей новыя рѣшенія сложныхъ и трудныхъ вопросовъ, затронутыхъ въ разсматриваемыхъ имъ работахъ. Наиболѣе плодотворной была литературно-научная дѣятельность проф. Фортинскаго въ 1870—80 годахъ, когда онъ не несъ еще столь отвѣтственныхъ и сложныхъ обязанностей ректора университета св. Владиміра. За послѣдніе же 12 лѣтъ онъ напечаталъ всего лишь двѣ сравнительно большихъ статьи: „Борьба Парижскаго Университета съ нищенствующими монахами въ половинѣ XIII вѣка“ и составленный по порученію Императорской Академіи Наукъ „Разборъ сочиненія Н. М. Бубнова подъ заглавіемъ: „Сборникъ писемъ Герберта какъ историческій источникъ“. Первая изъ нихъ является публичной лекціей въ пользу голодающихъ, даетъ цѣнныя свѣдѣнія объ общемъ развитіи образованія въ средніе вѣка и приходитъ къ слѣдующему выводу: „упроченіе академической свободы преподаванія и

слушанія, умноженіе и улучшеніе средствъ для научныхъ занятій учащихся и учащихся чрезъ сооруженіе и обезпеченіе коллегій—вотъ болѣе важные результаты, къ какимъ привела борьба парижскаго университета съ нищенствующими монахами *въ половинѣ XIII вѣка*“. Стало быть, въ „темные“ средніе вѣка университеты обладали такими благами, какими они не пользуются и въ наше „просвѣщенное“ время! Разборъ выдающагося труда проф. Бубнова, нашедшаго самый лестный пріемъ и на Западѣ, даетъ рядъ тонкихъ критическихъ замѣчаній и явственно вырисовываетъ преодолѣнные авторомъ трудности и добытыя имъ научныя положенія. Будучи ректоромъ, проф. Фортинскій, однако, не забросилъ чтеніе лекцій, но по прежнему работалъ надъ передачей своимъ слушателямъ проверенныхъ самостоятельной мыслью итоговъ научной работы, какъ показываютъ „Обозрѣнія преподаванія въ университетѣ св. Владиміра: читаемые покойнымъ курсы, рекомендуемыя имъ пособія, предлагаемыя для соисканія медалей темы—все наглядно свидѣтельствуетъ, что глубокий научный интересъ постоянно увлекалъ впередъ покойнаго. Руководимыя имъ практическія занятія, по подбору пособій и рассматриваемыхъ вопросовъ, должны были служить превосходной школой для участниковъ. Здѣсь и въ самое послѣднее время учились работать хорошо и дѣльно; въ истекшемъ, напр. году въ „Университетскихъ запискахъ“ печатается работа „Борьба за инвестиру во время императора Генриха V“ исполненная его младшимъ ученикомъ Л. Н. Беркутомъ, на тему, данную покойнымъ профессоромъ. Въ научной жизни университета ректоръ О. Я. Фортинскій по прежнему принималъ живое и дѣятельное участіе: онъ выступалъ въ отвѣтственныхъ роляхъ официальнаго оппонента на диспутахъ; онъ помогалъ своимъ товарищамъ въ ихъ ученыхъ занятіяхъ, какъ свидѣтельствуетъ м. п. кн. Е. Н. Трубецкой къ предисловію къ своему извѣстному труду, „Религіозно-общественной идеалъ западнаго христіанства въ XI вѣкѣ“; даже въ текущемъ году были объявлены Обществомъ Нестора Лѣтописца публичныя чтенія проф. О. Я. Фортинскаго „о папствѣ и имперіи“. Словомъ,

до послѣднихъ дней покойный жилъ широкими научными и общественными интересами и можно было бы ожидать дальнѣйшаго продолженія его почтенной дѣятельности, но тяжкія невзгоды, терзающія наши университеты и прервавшія ихъ правильную жизнь, особенно чувствительно обрушились на Теодора Яковлевича и сломили его, казалось, крѣпкое здоровье. Но, и умирая, онъ духомъ былъ со своими учениками и дорогимъ для него университетомъ: онъ оставилъ свою прекрасную библіотеку студентамъ университета св. Владиміра и тѣмъ на вѣчныя времена создалъ памятникъ своей сердечной отзывчивости и искренняго участія къ нашей молодежи, которая такъ жаждаетъ услышать отъ своихъ наставниковъ правдивое и честное слово. Она понимала, что покойный профессоръ отдавалъ ей всю свою душу и почтила его память теплыми и глубоко прочувствованными рѣчами. Намъ остается также склонить голову предъ свѣжей могилой и пожелать, чтобъ воплощенный Теодоромъ Яковлевичемъ образецъ мирнаго труженика послужилъ путеводной звѣздой для послѣдующихъ работниковъ на общественной нивѣ.

ИТОГИ ПЕРВАГО ГОДА.

— — —

Выпускаемой въ свѣтъ пятой книжкой „Мирный Трудъ“ заканчивается первый годъ своего существованія. Наше скромное начинаніе оказалось жизнеспособнымъ и встрѣтило поддержку въ разныхъ мѣстахъ Россіи и зарубежнаго славянскаго міра: не желаніе имѣть литературный заработокъ, но живое сочувствіе къ призыву „Мирнаго Труда“ побудило многочисленныхъ добровольцевъ пойти на подмогу небольшому кружку поборниковъ русской національной идеи, поднявшихъ свой стягъ въ Харьковѣ. Благодаря этому отклику мы могли дать своимъ подписчикамъ приблизительно на 20 листовъ болѣе обѣщаннаго наибольшаго размѣра.

Нашъ починъ былъ сочувственно отмѣченъ и на страницахъ многихъ повременныхъ изданій. Правда, нашлись у насъ и ожесточенные хулители, главнымъ образомъ изъ мѣстныхъ „критиковъ“, мнящихъ себя представителями „самыхъ сверхпрогрессивнѣйшихъ воззрѣній“. Но мы, памятуя завѣтъ апостольскій (см. *второе посланіе Апостола Павла къ Тимошею гл. 2 ст. 23*), считали излишнимъ отвѣчать на всевозможные извѣты, извращения и уловки этихъ своеобразныхъ „блюстителей порядка“ и самозванныхъ „выразителей взглядовъ интеллигентныхъ читателей“. Для каждого независимо мыслящаго человѣка было совершенно ясно, что именно наши противники проповѣдуютъ духовный застой и, по существу, ничѣмъ не отличаются отъ средневѣковыхъ изуверовъ, душившихъ всякій проблескъ свободной мысли,

возстающей противъ „общепринятыхъ положеній“ и господства прозябающаго „большинства“.

Какъ и слѣдовало ожидать, „Мирный Трудъ“ былъ преданъ торжественной анаемѣ и на вѣки отлученъ отъ сонма „прогрессивныхъ органовъ“ людьми, которые, очевидно, не понимаютъ, что отсутствіе тупого и бессмысленнаго преклоненія передъ „модными ученіями“, признаваемыми за непреложный авторитетъ неосвѣдомленной толпой, является залогомъ *поступательнаго движенія* человѣчества въ царство вѣчной истины, безусловнаго добра и нетлѣнной красоты. Не наивная и явно недостижимая погоня за „самымъ наинновѣйшимъ“, но неуклонное исканіе вѣрныхъ путей въ эту безконечную высь, указанную христіанствомъ, неустанное стремленіе къ безсмертнымъ его идеаламъ должны опредѣлять для всѣхъ насъ цѣль и смыслъ жизни. Люди знанія обязаны поднимать выше и очищать запросы своихъ согражданъ, а не принижать все до уровня „точки зрѣнія большинства“. Намъ надо дружно возстать противъ назойливаго нытья и безплодныхъ поисковъ образцовъ гдѣ-то на днѣ, или по ту сторону добра и зла. Вѣдь все слышнѣе раздается настойчивый призывъ чуткихъ сердцемъ и крѣпкихъ духомъ къ водворенію возвѣщеннаго Евангеліемъ царства Божьяго, т. е. къ осуществленію великихъ христіанскихъ завѣтовъ во всѣхъ отрасляхъ государственнаго и общественнаго строя, во всей обширной области международныхъ отношеній... Естественно, что всѣ возмнившіе себя полными господами положенія, фанатики „культы новизны“, не умѣющіе даже разграничить понятія: „истинное“, „новое“ и „лучшее“, поклонники космополитизма и ревнители спасительности революцій озлобились противъ „Мирнаго Труда“ и не замедлили пустить въ ходъ свои излюбленныя, старыя средства: замалчиваніе, извращеніе и запугиваніе путемъ приклейки разныхъ ярлыковъ, не пользующихся популярностью. Но нынче и замоскворѣцкія купчихи перестали робѣть передъ „жупеломъ“, тѣмъ болѣе не побоится „страшныхъ словъ“ убѣжденный въ своей правотѣ человѣкъ, страстно ищущій торжества одной только правды. Онъ порадуется даже, видя,

что его противники, вмѣсто того, чтобы во всеоружіи знанія изобличить „несостоятельное“ мнѣніе, имъ исповѣдуемое, вынуждены прикрывать свое безсиліе такими избитыми способами. Значить, въ тайникѣ души, они сами сознаютъ, что не могутъ опровергнуть его по существу. Заугольные возраженія, „тонкіе“ расчеты и „дальновидные“ подвохи не приводятъ въ такихъ случаяхъ къ „желаннымъ результатамъ“: не уныніе, а бодрость духа и приливъ свѣжихъ силъ испытываютъ смѣлые борцы противъ угодничества толпѣ, подвергнувшіеся подобной травлѣ; подъ ея напоромъ не отказываются отъ выработанныхъ убѣжденій, но укрѣпляются въ нихъ. Да и на независимо мыслящую часть русскаго общества она производитъ впечатлѣніе, какъ разъ обратное видамъ мнимыхъ изобличителей и „добровольныхъ доносчиковъ“: крайняя нетерпимость даже къ ошибочному взгляду на вещи совершенно чужда русской душѣ, вообще не склонной замыкаться въ тѣсныя партійныя рамки; она остается глухой къ проповѣди всякаго предвзятаго „фобства“, но и не мирится съ искаженіемъ истины ради какаго бы то ни было пристрастнаго „фильства“, не принимаетъ за „человѣко-ненавистничество“ и „мракобѣсіе“ указаніе на національные пороки *любого народа*, но и не можетъ не возстать противъ тяжелаго гнета присвоенной извѣстнаго рода „передовыми публицистами“ монополіи видѣть черное и позорное *только во всемъ русскомъ*. Нельзя молчать, когда систематически затапываютъ въ грязь наше прошлое, злобно осмѣиваютъ настоящее и отказываютъ даже въ надеждѣ на лучшее свѣтлое будущее! И этотъ походъ ведется съ открытой наглостью и явнымъ издѣвательствомъ, съ дикимъ злорадствомъ по поводу многочисленныхъ болѣзней, терзающихъ нашу дорогую родину. Но гдѣ ихъ нѣтъ? гдѣ и когда не было никакихъ недочетовъ? какая „просвѣщенная“ страна осуществила на Западѣ идеаль „общаго блага?“ Какой строй искоренилъ горькую нужду бѣдняковъ, изгналъ неправду, невѣжество и преступленія? Много у насъ всякихъ золъ, неурядицъ и беззаконій, но необходимо ихъ честное изобличеніе, а не огульное глум-

леніе; для цѣлесообразной борьбы съ общественными язвами нужно знаніе ихъ происхожденія и умѣніе пользоваться *наличными* средствами, а не призывы къ насильственнымъ переворотамъ „непрощенныхъ благодѣтелей“, стремящихся передѣлать нашъ исторически сложившійся укладъ и народный характеръ по какому то отвлеченному образцу. Надо *будить* наше національное самосознаніе, а не *усыплять* самодѣятельность русскаго человѣка увѣреніями въ необходимости предварительнаго его превращенія въ „гражданина міра“, тѣмъ болѣе что у насъ *есть основанія* не отворачиваться съ омерзеніемъ отъ прошлаго и смѣло смотрѣть въ будущее.

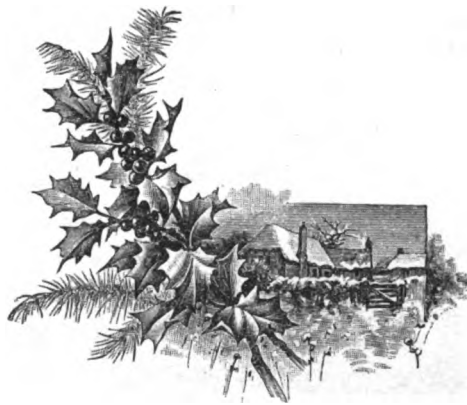
Таковы наши руководящія воззрѣнія и открытое ихъ заявленіе не осталось безплоднымъ: какъ камень, упавшій въ застоявшійся прудъ, заставляетъ всколыхнуться его мертвую поверхность, такъ „Мирный Трудъ“ *простой постановкой вопроса* натолкнулъ уже многихъ на сомнѣніе въ правильности усвоенныхъ ими на вѣру ходячихъ воззрѣній. Слѣпое преклоненіе передъ модными божками, по недоразумѣнію, поставленными на „святое мѣсто“, смѣнилось у нихъ стремленіемъ къ повѣркѣ и обоснованію своихъ мнѣній, началось изслѣдованіе и исканіе. Недаромъ мы видѣли появленіе особыхъ докладовъ, посвященныхъ вопросу о національности, слышали вызванные ими жаркія пренія въ ученыхъ обществахъ и студенческихъ кружкахъ. Равнымъ образомъ поколебалась и вѣра въ необходимость насильственныхъ переворотовъ, тогда какъ призывъ къ борьбѣ съ общественными нестроеніями мирнымъ трудомъ нашель горячихъ сторонниковъ въ средѣ мѣстной учащейся молодежи и вызвалъ живой обмѣнъ мыслей между этими „людьми будущаго“.

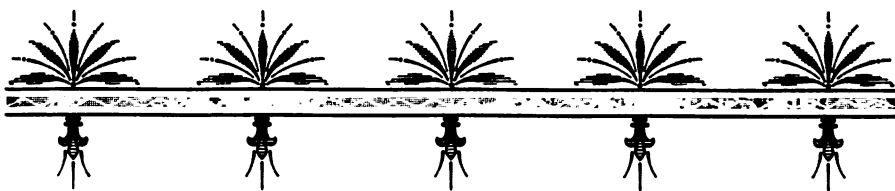
Но пробужденіе стремленія къ самоопредѣленію не остановилась у насъ на почвѣ словесныхъ битвъ: въ Харьковѣ образовалось сплоченное ядро изъ прежде разрозненныхъ и даже не знакомыхъ другъ съ другомъ, убѣжденныхъ поборниковъ русскихъ исконныхъ началъ и нашихъ священныхъ національныхъ устоевъ, завязались тѣсныя

связи съ единомышленниками въ другихъ городахъ и плодомъ этого общенія явилось предстоящее открытіе въ Харьковѣ Отдѣла „Русскаго Собранія“. Такимъ образомъ „Мирный Трудъ“ содѣйствовалъ учрежденію въ своемъ родномъ городѣ надежнаго оплота общерусскаго дѣла, задачи котораго прекрасно и кратко намѣчены предсѣдателемъ „Русскаго Собранія“ въ Петербургѣ кн. Д. П. Голицынымъ, въ его изящной сказкѣ-шуткѣ „Сонъ Улады“:

*„Себя въ обычай мертвый не зароемъ,
Но продавать не станемъ старины.
Русь создалась своимъ домашнимъ строемъ,
Имъ дорожить, что кладомъ, мы должны“*

„Мирный Трудъ“ 1903 г. № 5.

Новое проявленіе роста русскаго самосознанія.

— — —

Какъ извѣстно, большинство нашихъ повременныхъ изданій находится въ инородческихъ рукахъ, а потому голосъ нашей печати нельзя признать выразителемъ дѣйствительнаго настроенія нашего общества. Въ то время, какъ газеты и журналы „передового направленія“ по прежнему неустанно проповѣдуютъ преклоненіе передъ „космополитизмомъ“ и политическими учрежденіями Запада, насаждаютъ подражаніе даже отрицательнымъ проявленіямъ его общественной жизни и старательно подчеркиваютъ наши домашнія неурядицы и постоянные (?) успѣхи „просвѣщенныхъ странъ“, многіе русскіе люди уже поднялись выше наивныхъ вѣрованій въ совершенство зарубежныхъ образцовъ, выковали въ горнилѣ непрестанной работы надъ собою свои собственныя убѣжденія и даже почувствовали смѣлость сказать свое слово во всеуслышаніе, ради раскрытія исконныхъ русскихъ идеаловъ и посильнаго служенія нашему національному самосознанію.

Въ различныхъ мѣстностяхъ нашего обширнаго отечества появились кружки единомышленниковъ, объединенныхъ вѣрностью нашему исторически сложившемуся укладу и готовностью грудью постоять за родное дѣло. Таково, напр., „Русское Собраніе“ въ Петербургѣ, отдѣлы котораго будутъ открыты, кромѣ Харькова, въ Кіевѣ, Одессѣ, Варшавѣ и другихъ городахъ. Естественно, что и въ сердцѣ Россіи, первопрестольной Москвѣ, должны были сказаться

вѣщіе признаки роста нашего самосознанія: помимо плодотворной дѣятельности „Славянскаго вспомогательнаго Общества“, бодро работающаго надъ „культурно-духовнымъ единеніемъ многомилліоннаго славянства“, здѣсь, вокругъ Н. И. Герасимова, сплотилась хорошо подготовленная дружина, поставившая цѣлью своихъ литературныхъ трудовъ дать чуждый надоѣвшимъ шаблонамъ откликъ на „важнѣйшіе вопросы нашей духовной, политической, гражданской и экономической жизни и славянской политики“. Такъ возникли сборники „Заря“ и „Москва“, встрѣтившіе сочувственные отзывы на страницахъ изданій, сохранившихъ свою самостоятельность отъ „инородческихъ капиталистовъ“ и насмѣшливыя ругательства „передовыхъ публицистовъ“, утратившихъ всякое чутье къ пробуждающимся запросамъ общества. Конечно, не обошлось дѣло и безъ примѣненія излюбленнаго боевого приѣма нашихъ лжелибераловъ—*замалчиванія*: надо же предохранить столько лѣтъ убаюкиваемыхъ своеобразными причитаніями и побасенками читателей отъ „тлетворныхъ вліяній“, надо показать, что „прогрессивныя стремленія“ пользуются „всеобщимъ и неоспоримымъ сочувствіемъ“, иначе грозитъ опасность утратить свое привычное обаяніе и вызвать самостоятельное сужденіе въ старательно усыпляемыхъ головахъ!

Само собою понятно, что основныхъ опроверженій и возраженій по существу не было, и это молчаливое признаніе безсилія журнальныхъ критиковъ должно было только содѣйствовать приливу силъ и бодрости у Н. И. Герасимова и его сотрудниковъ. Они продолжаютъ съ успѣхомъ начатое дѣло и въ текущемъ 1903 году, какъ показываютъ два выпуска „литературно-политическаго сборника „Русь“, заслуживающаго прочтенія и размышленія“. Здѣсь дается рядъ прекрасно изложенныхъ статей, посвященныхъ разсмотрѣнію самыхъ жгучихъ современныхъ предразсудковъ и уясненію забытыхъ многими, а потому и неизвѣстныхъ имъ началъ. Красною нитью черезъ оба сборника проходитъ вѣра въ Россію, ея духовную мощь и незыблемость основныхъ устоевъ ея существованія—православія, самодержавія

и народности. Каждая страница согрѣта пламеннымъ желаніемъ дать духовный отпоръ моднымъ построеніямъ и мнимо передовымъ идеямъ, навязываемымъ съ особымъ усердіемъ нашей молодежи, которая, къ сожалѣнію, такъ мало знакома съ русской исторіей и плодами зрѣлой политической мысли. Вдохновителями и руководителями смѣлыхъ поборниковъ „русскаго дѣла“ являются, такъ называемые, „московскіе славянофилы“, давшіе философское обоснованіе и сведшіе въ стройную систему исконныя чаянія и убѣжденія русскаго народа, тысячелѣтнимъ существованіемъ своимъ и достигнутыми крупными успѣхами на различныхъ поприщахъ знанія и литературы засвидѣтельствовавшимъ свою духовную зрѣлость и самобытность.

Однако „Русь“ не даетъ простые перепѣвы и повторенія великихъ завѣтовъ А. С. Хомякова и его сподвижниковъ, но слѣдуя по указанному ими, единственно вѣрному, истинно-національному направленію, вноситъ лучи свѣта въ окружающую насъ тьму мысли, открываетъ глаза, уставшіе отъ созерцанія страшной духовной пустыни, водворяемой въ душахъ вѣтрами мрачнаго невѣрія и слѣпотаго подражанія. Прекрасныя, проникнутыя глубокимъ и кроткимъ религіознымъ чувствомъ, порождающія умиленное душевное настроеніе, статьи *Н. Апокрифа* („*На пути къ вѣчности*“, „*Подъ святымъ покровомъ*“) обнаруживаютъ въ авторѣ искреннюю вѣру и превосходное знакомство съ святоотеческими твореніями, тогда какъ его замѣчанія („*К. Леонтьевъ и гр. Л. Толстой*“) по поводу этихъ двухъ, совершенно различныхъ русскихъ писателей погружаютъ насъ въ бурную пучину тревогъ и сомнѣній, заблужденій и проникновеній, охватывающихъ умъ современнаго человѣка: „*К. Леонтьевъ, знаменитый публицистъ и тайный аеонскій пострижникъ, типичный, помимо какого-либо прямого воздѣйствія Ницше, русскій Ницшеанецъ, даетъ, своеобразный видъ христіанствующаго ницшеанства, полюсъ, крайній полюсу только христіанствующаго толстовства*“. Сопоставленіе этихъ крайностей, въ высокой степени поучительное, устанавливаетъ съ несомнѣнной точностью „односторон-

ность той мысли, которая отправляется не со священныхъ высотъ вѣры, мудрости и любви“, „и сильная, жаждущая спасти человѣчество, тревожная любовь Ницше (взятая въ *ея чистой формѣ*, безъ болѣзненныхъ уклоненій въ сторону апогеоза вражды и зла),—и отреченіе отъ жизни у гр. Л. Толстого ради успокоенія души въ нѣкоторой вѣчной ея области,—и мрачное презрѣніе К. Леонтьева къ человѣку, не оказавшемуся достойнымъ Великаго Призыва и Любви—все это только *порывы къ Богу, тѣ порывы, которые тысячелѣтія тому назадъ вели къ Нему*, но не безсмертные пути мысли, просвѣтлѣвшей вѣчнымъ свѣтомъ на *сущихъ путяхъ межъ Богомъ и человѣкомъ*. „Дѣйствительное христіанство въ безконечномъ своемъ духовномъ содержаніи не охвачено никакимъ испытующимъ мыслителемъ; неисчерпаемое въ священной мудрости и красотѣ, оно покрываетъ всѣ частныя, существенно одностороннія истолкованія. Христіанскіе учителя, которыхъ гр. Л. Толстой упрекалъ въ непониманіи даже *духа христіанства*, для каждаго, умѣющаго вникать въ чужое слово, понимать и цѣнить его не менѣе своей личной мысли, являются дѣйствительно *проводниками души нашей къ Богу*; правда, они не внесли ничего, „своего, новаго и оригинальнаго“, ибо дѣлали болѣе святое и нужное для человѣчества дѣло: они проводили въ людскую жизнь *исповѣданіе Христа всею жизнью*“. Значеніе вѣры раскрывается и въ содержательной статьѣ „*Прогрессъ и религія*“: „европейскій прогрессъ, который русская либеральная мысль ставитъ и нашимъ идеаломъ, есть, оставляя въ сторонѣ успѣхи промышленной техники,—нѣчто очень далекое даже отъ морально-общественнаго совершенствованія: „союзъ прогресса съ бѣдностью,—говоритъ Джорджъ,—есть великая загадка нашего времени“. Во всемъ, что признано, какъ высшее и самое прекрасное въ идеяхъ и въ межчеловѣческихъ отношеніяхъ западной цивилизаціи, есть не всегда замѣтныя, быть можетъ, но глубоко существенныя отраженія Религіи; межъ самою цивилизаціей и христіанствомъ, отвергаемымъ во имя этой же цивилизаціи, есть глубокая гѣнетическая

связь. Элементы христіанства все же заложены въ душѣ современнаго человѣка, хотя ихъ проявленіе въ качествѣ нравственныхъ мотивовъ не только очень часто не сознается культурными людьми въ его дѣйствительномъ значеніи, но иногда принимается за доказательство возможности высокаго этического развитія *внѣ* религіозныхъ началъ. „Долго-временный опытъ жизни показалъ мнѣ, пишетъ проф. А. Н. Бекетовъ, что нѣтъ почти человѣка, который, хотя бы на днѣ души своей, не таилъ нравственнаго огня, называемаго *христіанскою любовью*. Христіанство преображаетъ человѣческій прогрессъ изъ безотчетнаго движенія *куда-то* въ даль, къ невѣдомымъ обителямъ счастья и разума, въ путь къ Небу, обнимающій своимъ безсмертнымъ единствомъ всю ширь и даль судебъ человѣческихъ.“ Глубокая религіозная культура,—жизнь въ *освященныхъ чувствахъ*,—вноситъ всюду вмѣсто случайности и разлада—стройность, миръ, разумъ. „Одного только желаю я, говорилъ Ив. Кирѣевскій,—чтобъ тѣ начала жизни, которыя хранятся въ ученіи святой православной церкви, *господствуя надъ европейскимъ просвѣщеніемъ и не вытѣсняя его*, но, напротивъ, обнимая его своей полнотою, дали бы ему *высшій смыслъ и послѣднее развитіе*.“ Путь религіозно-прогрессивной культуры только одинъ можетъ быть нашимъ національно-прогрессивнымъ движеніемъ: „нужно, писалъ Ю. Самаринъ, чтобы Россія рѣшилась и сумѣла сдѣлаться вполнѣ собою, т. е. историческимъ представительствомъ православно-славянской стихіи“. Наша жизнь, въ ея общемъ характерѣ, полна обломковъ христіанства, но далеко не проникнута всѣмъ свѣтомъ и славою его. Во всецѣломъ возстановленіи въ русской жизни православія „сердцемъ простого, мыслею яснаго, волею твердаго“, видѣли наши національные идеалисты залогъ нашего обновленія и спасенія. Безъ труда, самоотверженности, жертвъ и ошибокъ не создается ничего великаго, самое высокое вдохновеніе обязываетъ къ дальнѣйшему созидательному труду, неуклонному, энергичному. Поэтому и русскій путь религіознаго прогресса прежде всего призываетъ къ великому, почти къ подвижническому *церковно-общественному дѣланію*.

Въ тѣсной связи съ этими положеніями стоятъ замѣчанія, высказанныя въ статьѣ „Путь и правда“: „на отвлеченныхъ принципахъ свободы, равенства и братства французскіе мечтатели надѣялись построить *справедливое общество*, не понимая, что одно желаніе, чтобъ люди стали свободными, равными и братски расположенными другъ, къ другу, не переродитъ людей, если въ самую глубь ихъ души не ляжетъ нѣкоторая новая священная сила духовнаго обновленія.“ „Да будетъ свобода, братство и равенство!“ восклицали мечтатели французской революціи, отчасти идеалисты, отчасти головорѣзы, и полилась кровь, поднялась неистовая грубая власть черни, усилилась взаимная ожесточенная вражда и братоубійственная рознь, воцарился деспотизмъ, худшій изъ худшихъ. Былъ *забытъ Богъ*, и вотъ забыла людей правда и совѣсть и миръ.

„Наша родина, пережившая въ прошломъ вѣкъ всѣ злыя послѣдствія односторонне-бюрократическихъ тенденцій (плодъ страха передъ принципами французской революціи) съ одной стороны и связанныхъ съ ними причинною связью порывовъ общественнаго своеволія (плодъ *вѣры* въ принципы французской революціи) съ другой, съ безповоротной ясностью должна была убѣдиться, что единственно прочнымъ залогомъ мирнаго культурнаго развитія, единственной гарантіей успѣховъ на поприщѣ самобытнаго прогресса можетъ быть только сознательный, спокойно идущій къ цѣли *націонализмъ* общества, выработавшаго свою мужественно гражданскую національную личность. Со времени Александра III Россія вступила на путь *внутренняго собиранія* земли русской.

Движущія силы нашего національно-государственнаго строительства—въ *русскомъ идеалѣ*: Вѣра—Царь—Русь, ибо истинная свобода гражданского общества, необходимая для спокойнаго средоточеннаго движенія къ національно-культурнымъ цѣлямъ, возможна только при *православномъ самодержавіи*. Царь, охраняющій великую землю неприкосновенною въ ея территоріальной, національно-государственной и духовной цѣлости, неустанный собиратель земли Русской, воодушевленный одною державною заботой—устрое-

ніемъ счастья русскаго народа, Царь, стоящій на высотѣ историческаго назначенія родины, не доступенъ никакимъ стороннимъ частнымъ вліяніямъ. Только монархія, такимъ образомъ, осуществляетъ идеаль правленія. Какъ бы, казалось, ни было подъ часъ сильно партійное движеніе, какъ бы ни становился энергиченъ напоръ инородческихъ интригъ, всѣ онѣ безсильны передъ престоломъ, встрѣчаясь въ лицѣ царя съ *русскою правдой*. Къ нашему *православному самодержавію* русскій народъ привязанъ не однимъ только уваженіемъ и традиціонной преданностью, но чувствомъ болѣе глубокимъ и идеальнымъ—чувствомъ любви *существенно-религіознаго характера*: даже русскіе революціонеры стремятся обмануть народъ „царскимъ указомъ“. Съ такимъ народомъ, съ такою глубиною патріотическихъ чувствъ не мѣсто унынію и малодушнымъ сомнѣніямъ,—широко поле для всеобщей работы, дружной, смѣлой, рука объ руку“.

Значеніе незыблемыхъ устоевъ нашего строя раскрывается еще полнѣе при критической оцѣнкѣ направленія, издавна имъ враждебнаго. Ради необходимаго ему отпора *Н. Лѣтописецъ* („Идея и дѣйствительность“) и *Н. Московцевъ* („Въ царствѣ либеральной фразы“) даютъ мѣткую характеристику русскаго либерализма, чуждаго глубокихъ, созидательныхъ началъ, вполнѣ оторваннаго отъ родной почвы и живущаго внѣ дѣйствительности, въ царствѣ громкихъ и красныхъ словъ. Для нашихъ либераловъ „ничего не забывшихъ, но и ничему не научившихся“, непонятны разыгрывающіяся на нашихъ глазахъ событія, обличающія ложь парламентаризма, прекрасно раскрытую самостоятельными людьми Запада: „либеральныя учрежденія, пишетъ *Ницше*, тотчасъ перестаютъ быть либеральными, какъ только они достигнуты; ничто не причиняетъ такого вреда свободѣ, какъ общепризнанныя либеральныя учрежденія. Они подводятъ подъ одинъ уровень высокое и низкое, они дѣлаютъ людей мелкими и трусливыми,—въ нихъ торжествуетъ стадное животное. Либерализмъ въ переводѣ означаетъ торжество *стаднаго начала*“. „Всеобщая подача

голосовъ, пишетъ *Поль Бурже*, т. е. *глупая тиранія числа*, царство силы въ формѣ наиболѣе несправедливой и слѣпой, вотъ режимъ, установленный демократіей всюду, гдѣ она восторжествовала. Къ этому она присоединила бѣшенное пробужденіе толпы, всеобщее недовольство судьбою и постоянную угрозу бунтомъ со стороны четвертаго класса, класса нищеты и ненависти къ цивилизаціи, которая обѣщала свободу, равенство, братство и обанкротилась съ этими неосуществимыми обѣщаніями“. О парламентскихъ выборахъ въ Англіи, образцѣ конституціонныхъ системъ, *И. Тэнъ* рассказываетъ такія прелести: „механика выборовъ груба, иногда грязна. Кандидатъ нанимаетъ отель или гостиницу, держитъ открытый столъ, вина вдоволь, катаетъ избирателей въ своихъ экипажахъ, нанимаетъ музыкантовъ, ораторовъ, которые говорятъ за него въ тавернахъ, иногда людей, которые сыплютъ въ его противника яблоками и кулачными ударами. Выборы стоятъ денегъ; избраніе обходится въ пять, шесть тысячъ фунтовъ и болѣе (50,000—60,000 рублей!) Чтобы избиратель побезпокоился и пришелъ подать голосъ, нужно дать ему что нибудь положительное: мѣсто, обѣщаніе мѣста, нѣсколько хорошихъ обѣдовъ, эля и вина, сколько душа приметъ, иногда денегъ“.

Вотъ куда влекутъ русскій народъ, вмѣсто того, чтобы потрудиться всей собравшейся воедино Россіей надъ всестороннимъ развитіемъ русской культуры въ ея родномъ направленіи! Одна изъ задачъ нашего вѣка, надъ разрѣшеніемъ которой должны сплотиться русскіе люди, лежитъ въ освобожденіи русскаго духа отъ гнета шаблонныхъ теорій, „либерально-соціальныхъ“ и всякаго рода „популярно-научныхъ“ доктринъ; надо не дать русскому уму и чувству утонуть въ потокъ условной лжи и громкихъ фразъ либерализма. Молодые сердца ищутъ идеала, за что стоило бы и жить, и мыслить, и бороться. Но въ чемъ же высшее идеальное значеніе, какъ не въ вѣрѣ и родинѣ, есть ли что священнѣе этихъ началъ религіозно-гражданскаго исповѣданія, и не они ли *путь, истина и жизнь* нашей родной культуры?

„Дорожа больше либеральною внѣшностью, писалъ Ив. Аксаковъ, наши недалновидные „либералы“ только тормозятъ правильное развитіе нашего государственнаго и земскаго строя“. Либералы—типичные *деспоты*; даже теперь каждый изъ нихъ старается внѣшнимъ образомъ показать свое презрѣніе ко всему, что не входитъ въ его узкій катехизисъ. Нападая сами со всею грубостью и жестокостью варварскихъ чувствъ на все святое для тѣхъ, кто вѣруетъ и мыслить по прежнему, они крайне тревожатся однимъ даже неуважительнымъ отношеніемъ къ ихъ идеямъ и „святынямъ“ и, при всякомъ *серьезномъ* отношеніи, критикѣ, провѣркѣ, начинаютъ плакаться на „насиліе“, „засиліе обскурантизма“ и проч. Всѣмъ своимъ отношеніемъ къ Россіи *оскорбляя* народъ, имѣющій тысячелѣтнюю исторію, они еще и отнимаютъ у него многихъ и многихъ возможныхъ бы скромныхъ дѣятелей, внушая всѣмъ и каждому мысль *повелѣвать* народомъ, *перестраивать* его, но не работать для него, наряду съ нимъ, просвѣтляя старый, вѣковой строй его думъ и чувствъ, снабжая знаніями, необходимыми для „борьбы вѣка“? Въ томъ, что у насъ „мало людей“, виновато всего болѣе именно господствующее либеральное литературно-общественное просвѣщеніе, самый духъ его, ибо все оно исключительно держится *внушеніемъ* „формулъ общественнаго благополучія“ и „послѣднихъ рѣшеній науки“; нѣтъ и рѣчи о закаленіи гражданскаго характера, о національномъ воспитаніи, о развитіи способности *самостоятельно* разбираться въ жизни, умно, спокойно и дѣльно находить надлежащую точку опоры; естественно, человѣкъ съ умомъ, разбитымъ предварительнымъ масштабомъ теоретическихъ сужденій, и не воспитанный въ духъ самостоятельно-критическаго исканія—можетъ быть только созерцателемъ, безсильно похаживающимъ около русской жизни, а не дѣятелемъ, умѣющимъ взяться за эту жизнь и поработать на славу. Глумясь надъ Россіей, „либералы“ учатъ и другихъ презирать русскій народъ: каждый еврей, полякъ, армянинъ, восхваляющій „свое“ и порочащій русскую жизнь и русскій народъ, опирается на литературу либерализма“.

„На почвѣ узкаго умственнаго кругозора легче всего развивается фанатизмъ; немудрено, что герои *либеральнаго слова*, будучи всегда рабами теоріи, вырабатываются въ жизни въ самыхъ ярыхъ и нетерпимыхъ фанатиковъ; начинаясь въ прикровенной формѣ въ литературной нетерпимости „передовыхъ лагерей“, деспотическій фанатизмъ либераловъ доходитъ до послѣдняго своего вывода въ литературно-уличномъ свистѣ и мелкомъ скандалѣ общественныхъ демонстрацій; принципъ либерализма: свободно-критическое отношеніе ко всему, что не входитъ въ кругъ идей либеральнаго катехизма, и безапелляціонная обязательность *его догмы*, только къ себѣ они относятъ изреченіе Милля: „вотъ что значитъ свобода мысли: если-бы все человѣчество, кромѣ одного человѣка, согласилось мыслить опредѣленнымъ образомъ относительно извѣстнаго предмета, то и тогда оно не смѣло бы заставлять этого человѣка принять общее мнѣніе“. Бѣдная дѣйствительною культурою, граждански неразвитая либеральная толпа, не понимаетъ, что гражданская свобода есть прежде всего глубоко-національная дисциплина ума и воли, политическая осмотрительность и чуткость, политическій тактъ; для либеральной же толпы вся свобода—только безнаказанность и безконтрольность личнаго *произвола* и право деспотической власти надъ другими; насиліе надъ личностью, *пока*, разумѣется, только еще нравственное, вошло въ догму современныхъ учений. Смутный девизъ практическаго либерализма нашей общественной толпы: „послѣ насъ хоть потопъ“. Наиболѣе ясна только чисто практическая партійная задача: *добиться господства*; даже въ мечтахъ о социалистическомъ строѣ „интеллигенція“ является руководительницей и распредѣлительницей“. „Современный либерализмъ есть явленіе *массовое*, поэтому небольшая группа благороднѣйшихъ просвѣщенныхъ представителей либеральной доктрины не имѣетъ того умиротворяющаго значенія, которое должно бы имѣть даже только въ силу своихъ чисто просвѣтительныхъ стремленій. Отсюда типичное положеніе внутренняго достоинства либеральныхъ идей и поддѣлка подъ „высокія чувства“,

обнаруживающая за собой дѣйствительную душевную низменность. Мелкая злобность идетъ за „благородный гнѣвъ“, пошлая политическая сплетня—за „высоко-критическое отношеніе къ существующему строю“, безконечныя *рѣчи* о „святѣмъ призваніи, о меньшемъ братѣ, о долгѣ служенія“ и проч. ходятъ за просвѣтительную „*работу*“. Удивительное самовосхваленіе и поклоненіе самимъ себѣ, въ лицѣ „группы передовыхъ и честныхъ“, какъ „единственно свѣтлымъ элементамъ“ и проч., было бы только комично, если бы не обнаруживало своего невысокаго основанія: всегда и во всякой средѣ всего болѣе *говорятъ* о своихъ „высокихъ чувствахъ“, „благородныхъ идеяхъ“ и т. п. именно тѣ, у кого эти чувства очень слабы, а подчасъ и фальшивы.

Для лучшаго пониманія психологіи современной либеральной толпы г. Н. Московцевъ совершенно основательно считаетъ необходимымъ знать ту литературу, на которой она воспитывается, ибо мы стоимъ предъ очевиднымъ фактомъ, что самыя большія группы русскаго учащагося юношества проходятъ мимо великаго, безсмертносущаго хрампознанія и остается въ сторонѣ отъ дѣйствительнаго движенія мысли, которое раскрываетъ передъ ними высшая школа; онѣ учатся только у невѣжественныхъ, въ большинствѣ случаевъ, „идейныхъ“ публицистовъ и представителей либеральной беллетристики. Эти современные вожди не культурной толпы—обыкновенно, люди, лишенные серьезнаго образованія, не развившіе литературнаго вкуса, не обладающіе сколько нибудь серьезно поставленной мыслью. „Весьма любопытнымъ типикомъ современнаго умственнаго вождя“ г. Московцевъ признаетъ молодого беллетриста Л. Андреева; недавнее письмо гр. С. Толстой, направленное противъ грязнаго изученія Л. Андреевымъ грязной дѣйствительности, вызвало цѣлый вихрь писемъ „отъ молодыхъ людей и русскихъ женщинъ“ въ защиту своего учителя и вождя. „Русскія Вѣдомости“ въ двухъ большихъ статьяхъ объ Андреевѣ привели цѣлый рядъ подобныхъ писемъ, очень любопытныхъ для психологіи современной культурной толпы. Къ сожалѣнію, приходится засвидѣтель-

ствовать, какъ въ 60—80 годы „идейныя интересы“ известной части нашей „общественной среды“ вращались преимущественно въ кругу „половыхъ вопросовъ“, такъ и теперь, по свидѣтельству этихъ писемъ, наиболѣе живой „обмѣнъ мнѣній межъ юношами и дѣвицами вызываетъ опять таки половой вопросъ“. Эти же письма даютъ возможность „констатировать факты“, что какой либо нравственной и умственной эволюціи въ современной „культурной толпѣ“ отнюдь не замѣчается сравнительно съ эпохой 60—80 годовъ; измѣнились нѣсколько формы „убѣжденій“, но содержаніе осталось тоже самое. Эта жалкая толпа до такой степени не подготовлена къ сколько нибудь серьезной наукѣ и мысли, что единственно подходящую пищу только и можетъ найти у своихъ учителей,—передовыхъ публицистовъ и беллетристовъ, т. е. изо дня въ день слушать *свое* же у *своихъ*. Всякія попытки серьезныхъ мыслителей перевоспитать эту толпу, хотя нѣсколько цивилизовать ея умъ и сердце, познакомить съ серьезной наукой и философіей, показать ей болѣе широкія области мысли и познанія становятся безплодными, не удостоиваясь рекомендаціи отъ „учителей“. Такъ, напр., недавно вышелъ сборникъ „Проблеммы идеализма“, составленный при участіи выдающихся русскихъ профессоровъ: Л. Лопатина, кн. С. Трубецкого, Новгородцева, Булгакова, кн. Е. Трубецкого, Ольденбурга и др.

Эти образованные и научномыслящіе люди высказали рядъ мыслей, противныхъ фанатической догмѣ либерализма, и вотъ, известный въ своемъ муравейникѣ, вождь А. Пѣшихоновъ изъ „Русскаго Богатства“ обрушился на эту замѣчательную книгу со всею свойственной этому типу людей невѣжественною заносчивостью. Съ дешевымъ остроуміемъ новый непогрѣшимый наставникъ вѣщаетъ съ своей литературной кафедрѣ „о пропасти нравственнаго безразличія и общественнаго индиферентизма, до которой дошелъ проф. Булгаковъ“ и т. д. Подборъ звонкихъ словъ о „правдѣ жизни“, „нравственномъ подвигѣ“, „долгѣ чести и совѣсти“, „трясинѣ мистики и дебряхъ метафизики“

вмѣстѣ съ такими неоспоримыми доказательствами какъ „я не сомнѣваюсь“, „я увѣренъ“—замѣняетъ разборъ и критику, для которыхъ нужны глубокія познанія въ философіи и общественныхъ наукахъ. Вѣдь это-то духовное водительство г.г. Андреевыхъ, Горькихъ, Пѣшехоновыхъ, это умственное идолопоклонство и „консервируетъ нашу культурную толпу до столь изумительной сохранности въ теченіе *сорока почти лѣтъ*“! А между тѣмъ всюду замѣчаются вѣще признаки близкой гибели позитивнаго міровозрѣнія на самой его родинѣ, ибо какъ совершенно основательно подмѣтилъ *Н. Лѣтописецъ* („На разсвѣтѣ“) „мы стоимъ передъ очевиднымъ фактомъ если и не полного поворота въ сторону *обновленно-религіозной* культуры, культуры *души и вѣры*, то, по крайней мѣрѣ, напряженнаго исканія, страшнаго движенія именно въ этомъ направленіи: „среди высшей культуры, писалъ *М. де Вогюз*, среди молодежи, сознательной и просвѣщенной, перемѣна въ настроеніи умовъ поразительна; ее можно резюмировать въ нѣсколькихъ словахъ: пробужденіе идеализма, доказанное первыми произведеніями этой молодежи въ литературѣ, философіи, искусствѣ; широкая терпимость и даже живая симпатія ко всѣмъ формамъ религіозной идеи; серьезное исканіе смысла жизни, возрастающій *интересъ къ религіознымъ вопросамъ*, большое равнодушіе и даже нѣкоторое презрѣніе къ чистой политикѣ, безусловная потребность искренности въ отношеніи къ себѣ и другимъ, а потому *несомнѣнное отчужденіе отъ революціонныхъ догматовъ* и отъ условныхъ фразъ, которыми вотъ уже столѣтіе обольщаютъ нашу страну“. *Золя* также говоритъ о неудовлетвореніи народовъ Запада узкимъ позитивизмомъ и о пробужденіи религіознаго чувства, „безпокойнаго, требующаго нравственнаго закона и увѣренности въ высшей справедливости“; противникомъ позитивизма является и *Рескинъ*, отстаивающій красоту и учащій, что „самый доходный изъ всѣхъ видовъ *національной* промышленности—изготовленіи душъ высокаго качества; вмѣсто того, чтобы считать пріобрѣтеніе денегъ единственнымъ богатствомъ страны, настоящая политиче-

ская экономія должна бы учить народы трудиться надъ приобрѣтеніемъ того, что приводитъ къ жизни, и презирать и уничтожать все то, что ведетъ къ ея разложенію“. Смертоносный призракъ космополитизма, разлагающаго національную личность, губящаго творчество—отступаетъ передъ широкимъ націонализмомъ. Намъ, русскимъ, слѣдуетъ помнить слова Карамзина: „мы излишне смиренны въ мысляхъ о своемъ народномъ достоинствѣ; я не говорю, что любовь къ отечеству должна ослѣплять насъ, что мы всѣхъ и во всемъ лучше, но *русскій долженъ знать свою цѣну*“. Вотъ сущность русскаго націонализма, обязывающаго прежде всего къ широкой національно-выдержанной работѣ.

„Въ малопросвѣщенной общественной толпѣ, неспособной самостоятельно разобраться въ цѣнности идей и степени точности утверждений разнообразныхъ теченій русской публицистики, мыслящей подъ наводненіемъ „безспорныхъ“ утверждений своихъ вождей, весьма, обычно „передовое мнѣніе“, что національное направленіе прежде всего идетъ „противъ распространенія въ народной средѣ научныхъ знаній и культуры“. Ложь этихъ измышленій показываетъ статья „Великій московскій починъ“, знакомящая съ просвѣтительными заботами о московскихъ рабочихъ, которымъ „вмѣстѣ съ разъясненіемъ началъ вѣры даются и свѣдѣнія изъ родной исторіи, съ цѣлью національно-гражданскаго воспитанія народныхъ массъ. Москва указываетъ такимъ образомъ всей Россіи прямой и вѣрный путь народнаго внѣшкольнаго просвѣщенія“.

Какъ видно изъ этого бѣлаго обозрѣнія, всѣ статьи обоихъ выпусковъ „Руси“ связаны единствомъ основныхъ воззрѣній и служатъ великому дѣлу обновленія нашей Родины, но приведенныя извлеченія не исчерпываютъ всего духовнаго богатства сборника, такъ какъ въ немъ имѣется множество содержательныхъ статей по самымъ животрепещущимъ вопросамъ: таковы, напримѣръ, статьи Ник. Недомена „*Жидовинъ могучъ богатырь*“, оцѣнивающія „политику евреевъ въ Россіи“ и защиту еврейства В. Соловьевымъ, равно какъ рядъ „*Политическихъ писемъ опальнаго*

боярина“, проводящихъ зрѣлыя и вполне своевременныя мысли о государствѣ, не исчерпывающемъ свои обязанности служеніемъ запросамъ *одного* какого либо поколѣнія, но живущемъ для будущаго: „государственная мысль, принявшая по отношенію къ событіямъ точку зрѣнія той или иной партіи, извѣстнаго теоритическаго ученія, ближайшихъ интересовъ тѣхъ или иныхъ общественныхъ группъ, допускающая элементъ политическаго сентиментализма, губить все свое государственное значеніе и перестаетъ быть верховнымъ рѣшающимъ моментомъ воплощеннаго въ политической силѣ разума родной исторіи. Почему и дѣйствія политической силы, останавливающей (въ глазахъ общества) извѣстное общественное движеніе, въ дѣйствительности (передъ судомъ исторіи) суть дѣйствія, *подвигающія* національную жизнь по ея вѣрному пути. Реакція сама по себѣ вовсе не совпадаетъ съ понятіемъ регресса,—напротивъ, всякая реакція, которая *исправляетъ совершенное представленіе о прогрессѣ* и дополняетъ его, является новымъ элементомъ прогресса“. Возникшее со времени Александра III идейно-русское теченіе требуетъ къ себѣ глубокаго правительственнаго вниманія, какъ начало той силы, которая въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи должна перестроить наше общество. „Не только Петръ Великій былъ бы намъ полезенъ теперь, но даже и палка его, учившая русскаго дурака уму разуму“, говорилъ благороднѣйшій западникъ—Грановскій. И онъ совершенно правъ, ибо высокія національныя и международныя цѣли можетъ принять по праву и осуществлять только сильное, сплоченное, геройское государство. Вѣрить въ себя, вѣрить въ свои силы можетъ только народъ, сознающій ихъ нравственно-государственное значеніе, руководимый великою державною силой. Все-таки, не смотря ни на что, силенъ еще духомъ русскій народъ, не потерялъ онъ инстинкта спокойной, вѣковой исторической мудрости. Онъ не пойдетъ за „вожаками“, онъ пойдетъ только за героемъ русской жизни, а всенароднымъ русскимъ героемъ можетъ быть только Вождь своего народа—православный Царь“. Это понима-

ютъ и иноземцы, какъ показываетъ письмо Карлейля къ Герцену: „признаюсь, я никогда не считалъ, пишетъ знаменитый историкъ-философъ, а теперь, если это возможно, еще меньше, чѣмъ прежде, считаю благомъ всеобщую подачу голосовъ во всѣхъ ея видоизмѣненіяхъ. *Я несравненно больше предпочитаю царизмъ, нежели чистую анархію, развитую парламентскимъ ораторствомъ, свободой печати и подсчетомъ голосовъ.* Россію я всегда почиталъ, какъ какое-то огромное, темное неразгаданное дитя провидѣнія: ея внутренній смыслъ еще неизвѣстенъ и ея путь, очевидно, еще не свершенъ въ настоящее время“.

„Русская государственная мысль, какъ носительница разума родной исторіи, не можетъ не быть чисто русской и *исключительно* русской, ибо она и въ исторической дѣйствительности связана съ русскимъ народомъ, его великимъ духомъ, создавшимъ великую имперію, съ его богатырскими силами, положенными за каждую пядь земли нынѣшней Россіи. Вотъ почему только наивны, если не хуже, всѣ эти современныя, очень не рѣдкія, рѣчи о какихъ-то „сотняхъ народностей“, будто-бы „составляющихъ Россію“. Великая русская земля, какъ это должно быть извѣстно и каждому „полуграмотному, не составляетъ какого-то „соединенія“ народностей, *въ томъ числѣ* и русской,— она создана *только* нашими *русскими* предками, ихъ трудами и лишеніями, вся она полита *русскою* кровью, посѣяна костями *русскаго* народа-богатыря“.

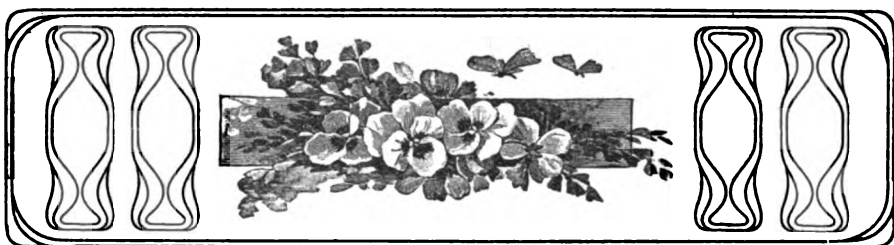
Эти мужественныя и глубоко справедливыя идеи надо настойчиво проводить въ независимыхъ русскихъ повременныхъ изданіяхъ для отрезвленія нашего общества и, прежде всего, злополучной молодежи, лишенной настоящаго руководства. Чтеніе, внимательное и вдумчивое, сборниковъ „Русь“ принесетъ ей огромную пользу, перенесетъ изъ заоблачной страны на родную почву и внушитъ ей сознаніе долга и обязанностей передъ Россіей и уваженія къ ея политическому строю. Нельзя не порадоваться, что изданіе сборниковъ Н. И. Герасимовымъ возобновится съ осени текущаго года, причемъ онъ „надѣется придать имъ иную,

наиболѣе удобную для читателей форму“ (періодическую). Для такого расширенія своей дѣятельности московскій кружокъ поборниковъ русской національной идеи располагаетъ всѣми данными, такъ какъ и въ сборникахъ помѣщались прекрасныя произведенія Н. Гусляра, написанныя былиннымъ языкомъ, рядомъ съ чисто публицистическими статьями и критическими замѣтками.

Въ сборникахъ всюду замѣтенъ одинъ духъ, одно сознаніе, одна готовность служить по совѣсти и убѣжденію Родинѣ. Всюду замѣтно прекрасное знакомство съ русской литературой и исторіей русской мысли, равно какъ съ твореніями различныхъ западно-европейскихъ писателей. Смѣлый починъ москвичей всколыхнулъ великую матушку Русь и, какъ показываетъ объявленіе о продолженіи изданія, вызвалъ приливъ свѣжихъ силъ, намѣтившихъ для разсмотрѣнія очень интересные вопросы политической, общественной, литературной и экономической жизни Россіи и славянства. „Въ добрый часъ“! скажетъ всякій кто только дорожить свободой мысли, не пресмыкается передъ модными идолами и любитъ дѣйствительную исторически-сложившуюся Русь, а не миражъ, созданный въ несамостоятельныхъ головахъ деспотическимъ внушеніемъ разныхъ книжныхъ и безжизненныхъ теорій, исповѣдуемыхъ непризнанными „кабинетными реформаторами“.

1903 г.

Значеніе публицистической дѣятельности В. С. Соловьева.

Въ 67-й книжкѣ „Вопросовъ Философіи и Психологіи“ помѣщено окончаніе интересной статьи: „*Что даетъ современному сознанию философія Вл. Соловьева*“. Статья эта заслуживаетъ особеннаго вниманія уже потому, что принадлежитъ проф. кievскаго университета С. Н. Булгакову, съ честию занимающему почетное мѣсто въ рядахъ немногочисленной дружины смѣлыхъ и вдумчивыхъ поборниковъ святой истины, не способныхъ преклонить колѣна передъ современнымъ Вааломъ и не поддакивающихъ раболѣпно мнимо образованной толпѣ, составляющей пресловутое „большинство“, притязающее на непогрѣшимость своихъ наивныхъ *върваній* въ какія то плохо понятыя таинственныя *откровенія* „точной науки“ и съ нетерпимымъ фанатизмомъ слѣпо исповѣдующее жалкія и вполнѣ необоснованныя „модныя теоріи“, не имѣющія ничего общаго съ дѣйствительно научнымъ знаніемъ. Еще въ концѣ января текущаго 1903 года проф. Булгаковъ прочиталъ въ кievскомъ литературно-артистическомъ Обществѣ рефератъ „о философскихъ воззрѣніяхъ Вл. Соловьева“, гдѣ вкратцѣ коснулся „всѣхъ основныхъ вопросовъ, затронутыхъ нашимъ философомъ, отъ гносеологіи до политики *настоящаго дня*“. Несомнѣнно, что именно эта злободневность реферата вызвала огромный наплывъ публики, пожелавшей услышать живое и убѣжденное слово. Пылкія пренія, вы-

званные докладомъ, воодушевленная защита дорогихъ убѣжденій и страстное исканіе истины, явственно сквозившее въ мастерскомъ изложеніи ученія Вл. Соловьева, захватили напряженное вниманіе присутствующихъ, показавшихъ своими рукоплесканіями совершенно противоположнымъ мнѣніямъ, что въ сердцѣ современнаго средняго человѣка живутъ уже *два* правды и онъ стоитъ на распутьи.

Отрадно отмѣтить, что и въ кievскомъ обществѣ нашлось достаточно безпристрастія, чтобъ спокойно выслушать и даже отнестись съ сочувствіемъ къ многочисленнымъ заявленіямъ проф. Булгакова, идущимъ въ разрѣзъ съ узкой догмой лжелиберальнаго ученія, господствующаго надъ умами извѣстной части нашей „интеллигенціи“. Очевидно, она стоитъ на поворотѣ въ сторону идеализма и, если продолжаетъ еще нерѣшительно топтаться на мѣстѣ, то единственно потому, что привыкла плыть по теченію, и не находитъ новые пути самостоятельнымъ размышленіемъ. Вниманіе, выпавшее на долю проф. Булгакова, ясно свидѣтельствуешь, что онъ сумѣлъ задѣть въ сердцахъ кievлянъ натянутыя и настроенныя уже на извѣстный ладъ струны, а потому его успѣхъ имѣетъ крупное общественное значеніе и поднимаетъ въ значительной степени интересъ къ его „реферату“, положенія котораго развиты и обоснованы болѣе обстоятельно въ упомянутой выше статьѣ нашего единственнаго философскаго журнала.

Проф. Булгаковъ приходитъ здѣсь къ такимъ общимъ выводамъ о значеніи философіи Вл. Соловьева: „она даетъ стройный и гармоничный синтезъ современной мысли и знанія, цѣльное міросозерцаніе, въ которомъ приняты во вниманіе и согласованы запросы и критической философіи, и метафизическаго творчества, и естествознанія. Нѣтъ ни одной значительной философской и научной идеи XIX вѣка, которая не отразилась бы такъ или иначе въ этомъ построеніи, не была бы въ немъ усчитана. Въ этомъ смыслѣ система Соловьева является послѣднимъ словомъ мірового философскаго развитія. Но есть еще одна черта, дѣлающая ея значеніе *совершенно исключительнымъ для со-*

временнаго атеистическаго общества, это ея отношеніе къ христіанской религіи: философія Соловьева органически сливается съ христіанскимъ вѣроученіемъ, являясь какъ бы критическимъ введеніемъ въ богословіе, осуществляя на дѣлѣ идеаль свободной теософіи“, тогда какъ современная теорія прогресса есть богословіе атеизма. Соловьевъ самъ намѣтилъ задачу всей своей жизни—„оправдать вѣру нашихъ отцовъ, возведя ее на новую ступень разумаго сознанія; показать, какъ эта древняя вѣра, освобожденная отъ оковъ мѣстнаго обособленія и народнаго самолюбія, совпадаетъ съ вѣчной и вселенской истиной“.

Итакъ, „истины христіанства составляютъ все содержаніе теоретической философіи Соловьева“. Но его вѣрованія не оставались мертвыми, такъ какъ они же являются и движущимъ началомъ его публицистической дѣятельности: ему всю жизнь приходилось вести борьбу на два фронта: „по его словамъ“, недостаткомъ сознательности въ русскомъ обществѣ объясняются особая странности въ нашей новѣйшей исторіи: съ одной стороны, люди, требовавшіе нравственнаго перерожденія и самоотверженныхъ подвиговъ на благо народное, связывали эти требованія съ такими ученіями, которыми упраздняется самое понятіе о нравственности: „ничего не существуетъ, кромѣ вещества и силы, человѣкъ есть только разновидность обезьяны, а потому (?) мы должны думать только о благѣ народа и полагать душу свою за меньшихъ братьевъ“. Съ другой стороны, „люди, исповѣдовавшіе, и даже съ особымъ усердіемъ, христіанскія начала, вмѣстѣ съ тѣмъ проповѣдывали самую дикую антихристіанскую политику насилія и истребленія“. По убѣжденію же Вл. Соловьева, христіанство должно быть осуществляемо въ собирательной жизни человечества и давать высшій критерій при оцѣнкѣ всѣхъ явленій и запросовъ текущей жизни. *Словомъ, обязательна христіанская политика*: „если русскій національный идеаль дѣйствительно христіанскій, то онъ тѣмъ самымъ долженъ быть идеаломъ общественной правды и прогресса, т. е. практическаго осуществленія христіанства въ мірѣ...

Нельзя поклоняться христіанской истинѣ и при этомъ мириться съ антихристіанской дѣйствительностью какъ съ чѣмъ то навѣки неизменнымъ и неотвратимымъ. Истинный христіанскій идеалъ русскаго народа есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, широкая практическая задача, обнимающая всѣ общественныя отношенія, внутреннія и внѣшнія" (Солов. V стр. 386).

Правда, „для сторонниковъ индивидуалистическаго христіанства является предметомъ величайшаго соблазна ученіе о прогрессѣ, столь популярное, напротивъ, въ станѣ „погибающихъ за великое дѣло любви“, причемъ эти послѣдніе изошряютъ свои силы въ разрѣшеніи неразрѣшимой задачи: дать прочное логическое обоснованіе этому, по существу дѣла, религіозному ученію, въ предѣлахъ „науки“ развить ученіе о царствіи Божіемъ безъ Бога. Соловьевъ прекрасно показываетъ всю ошибочность и односторонность этихъ обѣихъ точекъ зрѣнія; „Изъ того, что многіе эволюціонисты придерживаются односторонне механическаго понятія объ эволюціи, исключающаго дѣйствіе Высшей Силы и всякую телеологію, изъ того, что многіе проповѣдники историческаго прогресса понимаютъ подъ нимъ безпредѣльное самоусовершенствованіе человѣка безъ Бога и противъ Бога,—изъ этого поспѣшно выводятъ явно вздорное заключеніе, что самыя идеи развитія прогресса имѣютъ какой то атеистическій и антихристіанскій характеръ. Между тѣмъ не только это не такъ, но, напротивъ, эти идеи суть специфически-христіанскія, онѣ внесены въ сознаніе людей только пророками Израиля и проповѣдниками Евангелія“. „Только христіанская идея царствія Божія, послѣдовательно открывающагося въ жизни человѣчества, даетъ смыслъ исторіи и опредѣляетъ *истинное понятіе прогресса*. Христіанство даетъ человѣчеству не только идеалъ абсолютнаго совершенства, но и путь къ достиженію этого идеала, слѣдовательно, оно по существу прогрессивно“. „Идея же царствія Божія необходимо приводитъ насъ (разумѣю всякаго сознательнаго и искренняго христіанина) къ обязанности дѣйствовать,—въ предѣлахъ

своего призванія—для реализаціи христіанскихъ началъ въ собирательной жизни человѣчества, для преобразованія въ духъ высшей правды всѣхъ нашихъ общественныхъ формъ и отношеній, то есть приводить насъ къ христіанской политикѣ“, охватывающей всѣ стороны общественной жизни, отъ международныхъ отношеній до экономическихъ и правовыхъ.

Экономическія и правовыя отношенія разсматриваются Соловьевымъ съ точки зрѣнія христіанской религіи, а потому онъ рѣшительно высказывается противъ социализма и его теоретическаго обоснованія путемъ несостоятельнаго ученія объ экономическомъ материализмѣ. Въ этомъ его безсмертная заслуга, несмотря на допущенныя имъ погрѣшности и неточности чисто спеціальнаго характера: онъ вовсе не вредятъ стройной доказательности его общихъ положеній.

Но еще большее значеніе, какъ одна изъ важнѣйшихъ сторонъ публицистики Соловьева, имѣетъ христіанская постановка и разрѣшеніе національнаго вопроса. Въ своей полемикѣ ему приходилось бороться съ крайностями націонализма, что можетъ породить ошибочное представленіе, будто Соловьевъ былъ космополитомъ, или западникомъ. Въ дѣйствительности онъ является убѣжденнымъ сторонникомъ универсализма, но не отрицательнаго, космополитическаго, безнароднаго, а положительнаго или сверхнароднаго, ибо, по его неоднократнымъ заявленіямъ, христіанство не отрицаетъ народностей, хотя само является сверхнароднымъ: „различныя народности, суть различные органы въ цѣломъ тѣлѣ человѣчества—для христіанина это очевидная истина“ (Сол. V, 10). Послѣднимъ словомъ Соловьева были не завѣты космополитизма, что національность есть химера или естественный фактъ, не имѣющій никакого принципиальнаго значенія, а христіанская заповѣдь: „люби всѣ другіе народы, какъ свой собственный“.

Проф. Булгаковъ подчеркиваетъ, что „до такой высоты въ національномъ вопросѣ еще ни разу не поднималась европейская мысль за всѣ вѣка своего существованія, въ частности въ XIX вѣкѣ: стоитъ лишь вспомнить ограни-

ченный патріотизмъ Фихте и Гегеля. Національный вопросъ рѣшался или въ духѣ космополитизма или зоологическаго патріотизма. Соловьевъ показалъ возможность высшей точки зрѣнія, устраняющей ограниченность предыдущихъ, поставивъ и разрѣшивъ вопросъ въ духѣ положительнаго христіанскаго универсализма“. Но правильное пониманіе значенія дѣятельности любого писателя возможно лишь подъ условіемъ уясненія ея отношенія къ предшественникамъ, а потому проф. Булгаковъ вполне основательно дѣлаетъ въ высшей степени любопытное и знаменательное отступленіе ради смягченія основъ славянофильства и западничества, такъ какъ „споръ этихъ двухъ міросозерцаній далеко не законченъ и все еще ждетъ своего разрѣшенія, которое должно состоять въ *вышемъ синтезѣ* положительныхъ элементовъ того и другого“.

Это мѣсто статьи проф. Булгакова является въ высшей степени характернымъ проявленіемъ переживаемыхъ нами настроеній и стремленія свободомыслящихъ людей отрѣшиться отъ гнета, казалось, неоспоримыхъ основъ міросозерцанія огромнаго большинства такъ называемой „интеллигенціи“. Вопреки ея своеобразному „катехизису“, проф. Булгаковъ признаетъ „первоначальное славянофильство въ такой же мѣрѣ идейнымъ общественнымъ теченіемъ, какъ и западничество“, мало того, отдаетъ ему преимущество въ цѣломъ рядѣ рѣшеній важнѣйшихъ для насъ вопросовъ.

„Во первыхъ, славянофилы отрицательно относились къ западническому космополитизму своихъ противниковъ и видѣли въ національности положительную силу; ими ясно была признана и формулирована идея національнаго призванія“. Тутъ проф. Булгаковъ самымъ безповоротнымъ образомъ становится на ихъ сторону и заявляетъ: „Держась того мнѣнія, что идея національности есть необходимый элементъ міросозерцанія и космополитизмъ есть чепуха, какъ выразился Тургеневъ, мы думаемъ, что въ этомъ пунктѣ были правы славянофилы, а не западники, *и будущее принадлежитъ славянофильскому воззрѣнію*“.

„Во вторыхъ, славянофилы съ самаго начала стали

на философскую и религиозную почву. Напротивъ, въ западнической литературѣ, начиная съ Бѣлинскаго и кончая публицистами нашихъ дней, прочно укоренилась философія атеизма, выступающая подъ различными формами: позитивизма, матеріализма, агностицизма“. И здѣсь проф. Булгаковъ возстаетъ противъ укорѣнившихся предразсудковъ и примыкаетъ къ славянофиламъ: „по основамъ своего философскаго міровоззрѣнія *они стоятъ выше* западниковъ и, вѣрю, восторжествуетъ, наконецъ, эта славянофильская традиція и русская интеллигенція оставитъ такъ мало къ ней идущую философію позитивизма“.

„Третьей особенностью славянофильства является его коренной *демократизмъ*, что выразилось въ ученіи о земельной общинѣ и вообще хоровомъ и артельномъ началѣ, составляющемъ особенность именно славянофильства. Въ связи съ этимъ стоятъ славянофильскія требованія развитія земщины и самоуправления и вполнѣ отрицательное отношеніе къ бюрократическому началу. Славянофилы, слѣдовательно, стоятъ на той же почвѣ свободолюбія и народолюбія, что и западники“. Такая высокая и совершенно справедливая оцѣнка славянофильскаго ученія въ наши унылые и лукавые дни является очень умѣстнымъ напоминаніемъ для нашего общества, слишкомъ скоро произносящаго свои шаблонные приговоры.

Однако и проф. Булгаковъ, признавая за славянофильствомъ будущее, ставитъ условіемъ осуществленія своихъ упованій—освобожденіе программы Хомякова отъ ея отрицательныхъ чертъ. Такъ, по мнѣнію нашего автора, „прежде всего, слѣдуетъ отмѣтить политическій романтизмъ славянофиловъ, приводившій ихъ къ фальшивой идеализаціи дѣйствительности и превращавшій ихъ во многихъ отношеніяхъ въ реакціонеровъ“. „Славянофилы дѣлали, по увѣренію проф. Булгакова, положительную ошибку (?), считая, что Россія можетъ изобрѣсти какую то новую форму гарантіи человѣческихъ правъ сравнительно съ Западомъ и этой своей несчастной ошибкой они больше всего скомпрометировали себя въ глазахъ того нашего передового обще-

ства, которому были одинаково, какъ и имъ, дороги чловѣческія права, но которое справедливо искало ихъ гарантій, опираясь не на романтическія измышленія, а на историческіе примѣры Запада“.

Именно эти историческіе примѣры Запада и показываютъ, на нашъ взглядъ, полную правоту славянофиловъ, отрицающихъ необходимость юридическихъ гарантій и выдвигающихъ на первое мѣсто чисто нравственныя узы, соединяющія христіанскаго Самодержца съ „воздающимъ Кесарево Кесареви“ народомъ. Тяжесть классовой борьбы, грубое насиліе надъ совѣстью и убѣжденіями рѣзче сказывались въ прошломъ Европы, да и въ наши дни юридическія гарантіи свободы совѣсти не спасли Францію отъ позорныхъ гоненій на конгрегаціи, отъ безсовѣстныхъ посягательствъ на право родителей воспитывать своихъ дѣтей въ дорогихъ имъ убѣжденіяхъ и вѣрованіяхъ, не защитили поляковъ отъ прусскихъ насилій надъ даже беззащитными существами, не вырвали западно-европейскаго рабочаго и средняго потребителя изъ цѣпкихъ когтей плутократовъ, сумѣвшихъ превратить эти же пресловутыя гарантіи въ удобный покровъ для самой беспощадной эксплуатаціи и организованнаго грабежа путемъ трестовъ, и т. п. „учрежденій“.

Стало быть, намъ нѣтъ никакого основанія усматривать въ западно-европейскомъ парламентаризмѣ своего рода универсальное лѣкарство. Его несостоятельность изболѣчена окончательно и безповоротно. Кто же станетъ утверждать, что представительныя учрежденія народовъ Запада съ ихъ вѣчной обструкціей, столь частыми потасовками между депутатами, продажностью, партійными кознями, выработанной уже своего рода правящей кастой—дѣйствительно содѣйствуютъ упроченію общаго блага, даже выражаютъ мнѣніе страны, когда постоянно голосуетъ меньшинство имѣющихъ право голоса.

Дѣло явственно дошло до полнаго и нагляднаго вырожденія самага принципа, а рядъ изысканій по психологіи толпы долженъ еще сильнѣе расшатать укоренившійся наивный предразсудокъ, такъ какъ установлено ими, что

нравственный и умственный уровень у всякаго большого собранія ниже чѣмъ у отдѣльныхъ его членовъ. Это объясняетъ противорѣчивыя и опрометчивыя рѣшенія, которыя насчитываетъ тысячами исторія западно-европейскихъ парламентовъ, превращающихся все болѣе и болѣе въ простыя „говорильни“. Изъ-за красныхъ словъ, игры, далеко не всегда безкорыстной, честолюбцевъ стоятъ безъ рѣшенія неотложныя даже дѣла первостепенной важности, напр. смѣта, бюджеты и т. п. Всюду замѣтенъ теперь уклонъ къ сильной власти и ловкое министерство или правительство умѣетъ превосходно проводить свою программу, вопреки желанію страны, превращаетъ свободное избраніе народныхъ представителей въ жалкую и недостойную комедію, принуждая грубой силою голосовать за „правительственныхъ кандидатовъ“. Стоитъ лишь припомнить вздохи нѣмецкаго Михеля по поводу милитаризма и сопоставить съ ними постоянный ростъ прусской арміи, флота и расходовъ по вѣчнымъ перевооруженіямъ! Всѣ народы желаютъ мира, однако почему то великодушный призывъ къ облегченію военныхъ тяготъ исходилъ отъ самодержавнаго монарха, тогда какъ именно западные народы, будто-бы держащіе въ своихъ собственныхъ рукахъ кормило правленія, оказались неспособными выполнить свое „пламенное желаніе“, а парламенты доселѣ вотируютъ все большія суммы на боевыя надобности, такъ какъ отражаютъ намѣреніе и нужды не народовъ, но жаждущихъ власти и богатства классовъ, давно уже превратившихъ въ арену партійной борьбы вмѣсто того, чтобъ быть выразителями и поборниками интересовъ цѣлыхъ странъ.

Только власть, основанная на религіозныхъ вѣрованіяхъ, можетъ удовлетворить современнымъ чаяніямъ народовъ, ибо она неподкупна, безпристрастна, чужда партійныхъ разсчетовъ, проникнута нравственнымъ сознаніемъ великой отвѣтственности передъ нелицепріятнымъ Судіей. Не временная выгода, не честолюбивый разсчетъ, но святая правда, правильное пониманіе нуждъ и противорѣчивыхъ интересовъ, уваженіе къ закону руководить дѣятель-

ностью истинно христіанскаго Самодержца, отличіемъ котораго уже древность признавала—власть надъ свободными, а не надъ рабами. Славянофилы своимъ ученіемъ: „земль—свобода мнѣнія—царю—свобода рѣшенія“ показали, что самоуправленіе, земщина—не только не представляетъ государству никакой опасности, но подводитъ даже подъ него незыблемые устои.

Будущее и тутъ принадлежитъ именно славянофильскимъ воззрѣніямъ и не „сожалѣть“, а сочувствовать надо Вл. Соловьеву за то, что онъ не освободился отъ мнимой „славянофильской ограниченности и романтизма“. Онъ отлично понималъ, что политическія воззрѣнія Хомякова и его сподвижниковъ вытекали изъ ихъ философскихъ и религіозныхъ убѣжденій. Такою же органическою частью ученія Вл. Соловьева являются и его политическія настроенія, „знаменитая тріада: царь, первосвященникъ, пророкъ“. Надо, или оставаться до конца вѣрнымъ послѣдователемъ Соловьева, если дѣйствительно его система стоитъ такъ высоко, какъ утверждаетъ проф. Булгаковъ, и принимать совершенно не модное его воззрѣніе на христіанскаго Помазанника Божьяго, или разрушить собственное увѣреніе въ полной цѣльности и стройности глубокопродуманныхъ убѣжденій русскаго мыслителя.

Собственнымъ примѣромъ проф. Булгаковъ показываетъ, какъ трудно сбросить съ себя иго ходячихъ воззрѣній и сохранить полную самостоятельность. Вѣдь предпочтеніе, отдаваемое имъ „юридическимъ гарантіямъ“, не имѣетъ подъ собой никакихъ основаній: на томъ же Западѣ на нашихъ глазахъ разыгрываются трагедіи возмутительныхъ злоупотребленій; въ странахъ политической и религіозной свободы попирается гласность, карается стойкость убѣжденій, вновь появляется мученичество за вѣру. Никогда и нигдѣ „юридическія гарантіи“ не создавали да и не могли создать воплощенія правъ человѣческой личности, какъ и самые лучшіе законы не могутъ искоренить и даже предупредить правонарушенія и преступленія. Только нравственное перерожденіе на почвѣ глубокихъ религі-

озныхъ вѣрованій, только полное проникновеніе чистыми и высокими христіанскими завѣтами способно спасти какъ отдѣльныя личности, такъ и цѣлыя общества отъ всевозможныхъ пороковъ, беззаконій и попрація священныхъ для христіанина правъ человѣка-брата, одинаково дорогого общему Небесному Отцу.

Давно уже замѣчено, что именно у людей, охваченныхъ горячимъ религіознымъ чувствомъ, живущихъ по вѣрѣ, преступность понижается до нуля, тогда какъ атеистически настроенное, огрубѣвшее въ нравственномъ отношеній общество даетъ ея наибольшій процентъ. И такъ будетъ до скончанія вѣка, ибо никакая юридическая гарантія, никакой законъ не сдержитъ страстное вожделѣніе человѣка, отлично сознающаго условность, „современность“ всяческихъ предписаній.

Только безусловное начало, только божественный завѣтъ можетъ привести къ добровольному, безкорыстному и полному подчиненію, къ самообузданію во имя высшей правды. Иначе, „все позволено“, и остается только „держать“, да становится „по ту сторону добра и зла“. Только нравственная гарантія, только сознаніе обязательности однихъ и тѣхъ же нравственныхъ требованій отъ Вѣнценосца до послѣдняго босяка можетъ послужить надежнымъ устоемъ общественной жизни. Здѣсь таится мощный родникъ живой воды, сулящей Россіи обновленіе и процвѣтаніе. Не истоптанный путь Запада, усѣянный кострами, гильотинами, плахами, приведетъ наше отечество къ выполненію его высокаго призванія, но тернистая стезя Христова. Нашъ народъ, даже оторвавшаяся отъ него часть — „передовое общество“, живутъ прежде *всего вѣрою*: одинъ въ спасительную силу постовъ и обрядовъ, другая — въ послѣднее слово положительной науки“. Сдѣлать народную вѣру духовнѣе, приблизить его еще болѣе къ христіанской истинѣ, уяснить „мнимо передовымъ людямъ“ ихъ дѣйствительную отсталость — вотъ благородная задача, существенно облегченная подвигомъ первыхъ славянофиловъ. Ихъ политическое ученіе народно и неискоренимо, потому

что глубоко проникнуто христіанскимъ духомъ. Оно такъ же вѣчно, какъ и основанная Спасителемъ церковь, потому что своими корнями восходитъ къ золотой святоотческой порѣ.

Поэтому совершенно невѣрно голословное утвержденіе проф. Булгакова, будто „славянофильство какъ политическое міросозерцаніе умерло и никогда не воскреснетъ; оно должно быть въ этомъ пунктѣ восполнено ученіемъ западничества“. Нельзя ошибочнымъ и постороннимъ придаткомъ, изобличеннымъ, вдобавокъ, историческимъ опытомъ, портить цѣльное, стройное и гармоничное зданіе, возведенное славянофилами. Нельзя и увѣрять, со словъ печальной извѣстности г. Милюкова, наше общество въ окончательной гибели или разложеніи славянофильства. Это приѣмъ нисколько не убѣдительный: политическое міросозерцаніе, раздѣляемое и славянофилами, возникло задолго до ихъ появленія, обусловлено принятіемъ христіанства и стихійно сроднилось вѣками существованія съ душою русскаго человѣка, глубоко убѣжденнаго въ христіанскихъ основахъ самодержавія, „самой нравственной и самой свободной формы государственности“.

Славянофилы не изобрѣли, не выдумали это опредѣленіе, но взяли его готовымъ изъ нѣдръ русской народной жизни, изъ сокровищницы исконныхъ идеаловъ русскаго народа, проснувшася для историческаго бытія. Геніальный мыслитель, А. С. Хомяковъ „съ товарищи“ превосходно разобрался въ накопленныхъ вѣками понятіяхъ и благодаря своимъ глубокимъ и разностороннимъ познаніямъ придалъ стройное выраженіе національнымъ русскимъ мыслямъ и идеаламъ. Если теперь русское національное направленіе не имѣетъ представителей, равныхъ по таланту и подготовкѣ первымъ славянофиламъ, то вѣдь и современное западничество не можетъ выставить силы, подобной Бѣлинскому или Герцену, несмотря на всѣ потуги разныхъ „критиковъ“ и зарубежныхъ „издателей“ разыграть ихъ премниковъ. Вѣдь наши дни вообще оказываются порою оскуднѣнія, но нельзя же говорить о смерти русской поэзіи, потому, что всѣ современные поэты стоятъ безконечно ниже Пушкина, нельзя и сравнивать славянофильство съ „по-

койникомъ, вытащеннымъ изъ могилы его приверженцами, гальванизирующими этотъ трупъ“.

Преждевременныя похороны славянофильства изобличаютъ лишь страстное вождельніе его противниковъ, мечтающихъ поскорѣе предать землѣ столь могущественнаго и опаснаго соперника. Въ честномъ бою имъ не одержать побѣды, а потому надо увѣрить всѣхъ и вся, что русскій богатырь почилъ уже непробуднымъ сномъ и съ нимъ нечего считаться. Однако, потребность повторять погребеніе послѣ г. Милюкова явственно показываетъ, что „передовое общество“ нуждается все еще въ самообманѣ и боится мнимо умершаго; вѣдь дѣйствительно усопшихъ погребаютъ только разъ и предоставляютъ „спящимъ во гробѣ мирно спать“. Если же такъ настойчиво увѣряютъ „не бойтесь: мертвецъ не встанетъ“, то тѣмъ самымъ свидѣтельствуется, что существуютъ нѣкія знаменія, соблазняющія маловѣровъ и младенцевъ. Ясно, что такими наивными ухищреніями хотятъ удержать русское юношество отъ изученія славянофильства, равносильнаго смертному приговору для модныхъ и безпочвенныхъ, чуждыхъ духовной природѣ русскаго человѣка, построеній.

Очевидно, что въ данномъ случаѣ проф. Булгаковъ покинулъ высоты безпристрастія и заговорилъ языкомъ не независимо мыслящаго человѣка, но слуги партійныхъ указаній и счетовъ.

То же приходится сказать и о разсмотрѣніи проф. Булгаковымъ „второй отрицательной черты стараго славянофильства—его національной исключительности, склонности къ національному самопревознесенію на счетъ гніющаго Запада“. Это также ходячій упрекъ, бросаемый по недостатку непосредственнаго знакомства съ великими твореніями славянофиловъ въ подлинникахъ; обыкновенно довольствуются разъ навсегда сдѣланными извлеченіями и сопоставленіями и думаютъ, что славянофилы ими уличены и посрамлены. Тутъ не мало зла посѣялъ столь прославленный проф. Булгаковымъ Вл. Соловьевъ, который въ своихъ полемическихъ статьяхъ, какъ доказали А. А. Ки-

рѣвъ и Самаринъ, далеко не всегда точно излагалъ опровергаемыя имъ мнѣнія, разрывалъ связь изложенія, позволялъ себѣ урѣзки и искаженія. Въ этомъ легко убѣдиться, если свѣрить его ссылки съ подлинниками, чего, несомнѣнно, не сдѣлалъ г. Булгаковъ. Трудно также согласиться съ нимъ, когда онъ выдаетъ Данилевскаго за „теоретика національной исключительности“ и тѣмъ показываетъ, что едва ли читалъ внимательно интересное сочиненіе „Россія и Европа“. Неосновательно также возлагать на славянофильство отвѣтственность за совершенно своеобразное ученіе К. Леонтьева, за „культъ грубой силы, проповѣдуемый Катковымъ“ (?) и „его эпигонами“, утерывшими окончательно право считаться представителями идейнаго теченія и опустившимися до уровня добровольныхъ литературныхъ доносовъ и сыска. Всѣ эти сужденія и характеристики избиты и недостойны искренности и пытливой вдумчивости, свойственной проф. Булгакову. Ему стыдно пѣть съ чужого голоса, когда онъ можетъ сказать свое вѣское слово. Для этого ему надо сбросить тяжелыя оковы партійныхъ кличей и оставаться болѣе самостоятельнымъ, что онъ отчасти и дѣлаетъ, признавая въ славянофильствѣ элементы положительнаго развитія, осилившаго „противорѣчія“ и отъ нихъ освободившагося: „противорѣчіе существовало между положительнымъ универсализмомъ христіанскаго ученія, которое исповѣдывалось славянофильствомъ, и націонализмомъ, понимаемымъ въ смыслѣ національной исключительности. Примиряющую формулу впервые далъ въ своей Пушкинской рѣчи Достоевскій, который въ своемъ ученіи о всечеловѣкѣ и всечеловѣчности, какъ основной стихіи русской души, вдохновеніемъ пророческаго экстаза помирилъ западничество и славянофильство. Завѣтъ Достоевскаго исполнилъ Соловьевъ, который провозгласилъ принципъ признанія правъ всякой національности, поставивъ высшей нормой международныхъ отношеній начало любви, а не ненависти народовъ другъ къ другу. Такимъ образомъ, желательный синтезъ славянофильства и западничества, *національный универсализмъ*, въ основныхъ чертахъ со-

вершенъ Соловьевымъ. Слѣдовательно, имъ, по мнѣнію проф. Булгакова, сглажена одна изъ „отрицательныхъ чертъ славянофильства“, по существу же лишь повторена мысль А. С. Хомякова, который „звалъ *всѣ народы* въ Господень храмъ“.

Но все-таки полный синтезъ не осуществленъ доселѣ въ виду наличности второй „отрицательной черты“, такъ какъ „чуждое романтизма западничество, смотрѣвшее дѣйствительности прямо въ глаза, именно въ свободѣ отъ политическихъ предразсудковъ славянофильства имѣло главную притягательную силу для демократическихъ элементовъ нашей интеллигенціи“. Проф. Булгаковъ полагаетъ, что „отъ этой своей несчастной особенности должно непременно (?) освободиться міросозерцаніе славянофильства и отъ нея его не освободили ни Достоевскій, ни Соловьевъ. Достоевскій вмѣстѣ съ Аксаковымъ раздѣлялъ всѣ предразсудки (?) славянофильства, согласно которымъ наибольшая народная свобода достижима при отсутствіи всякихъ юридическихъ ея гарантій, существующихъ на Западѣ. Самъ Соловьевъ не сдѣлалъ всѣхъ выводовъ, проистекающихъ изъ признанія значенія и необходимости юридическихъ гарантій, ибо послѣдовательный отсюда выводъ—политическое *credo* русскаго западничества. Этотъ послѣдній шагъ и остается теперь сдѣлать въ дѣлѣ очищенія (?) славянофильскаго ученія и восполненія его положительными (?) элементами западничества“.

Напрасно проф. Булгаковъ думаетъ, что „такой шагъ не можетъ встрѣтить рѣшительно никакихъ принципиальныхъ возраженій“. Рѣчь идетъ вовсе не объ устраненіи „историческихъ пережитковъ“, а объ искаженіи плода русской и христіанской мысли, ибо „политическіе идеалы западниковъ“ не имѣютъ ни малѣйшихъ корней въ міросозерцаніи и даже бытовыхъ условіяхъ русскаго народа; они усвоены на вѣру горстью, такъ называемаго „передового общества“, усердно повторяющаго до сихъ поръ зады, начертанные увлеченіями и непродуманнымъ преклоненіемъ передъ Западомъ, составляющимъ злополучное наслѣдіе 60-хъ годовъ.

Смѣшно требовать, чтобъ въ угоду „демократическимъ элементамъ нашей интеллигенціи“ многомилліонный народъ перемѣнялъ *свои* политическія убѣжденія словно платье. Ясно, что такое механическое усвоеніе чуждаго намъ по всему и неоправдавшего возлагаемыхъ ожиданій строя, приведетъ не къ очищенію, а засоренію нашей общественной мысли и жизни. Бозвозвратно миновала пора младенческой вѣры въ универсальность парламентаризма и западно-европейскихъ гарантій. Раздвинувшееся поле знакомства съ другими народами и странами, наблюденіе надъ прошлымъ, опытъ настоящаго настойчиво и неотразимо внушаютъ мысль о національности политическихъ учреждений и формъ.

Намъ надо лѣчить свои недочеты своими же испытанными средствами (вспомнимъ Петра), а не гнилыми снадобіями западно-европейскаго производства, отравляющими на мѣстѣ жизнь и обрекающими способные и даровитые народы запада на бесплодную трату силъ и игру честолюбій. И безъ предлагаемаго проф. Булгаковымъ „окончательнаго преобразованія“ славянофильство оказывается способнымъ сдѣлаться знаменемъ и символомъ истинно прогрессивныхъ элементовъ нашего общества, утолить ихъ философскую и религіозную жажду. Шаткія основы позитивнаго міросозерцанія западничества, дѣйствительно, быстро утратятъ свою обаятельность, разъ только всѣмъ станетъ ясно, что переходъ къ новому міросозерцанію не обязываетъ отказываться отъ, по истинѣ, прогрессивныхъ стремленій и основное историческое недоразумѣніе русской жизни, (т. е. культъ политическихъ учреждений Запада и рознь между просвѣщенными, но, увы, немногочисленными поборниками добра и правды) будетъ исчерпано и исчезнетъ, хотя и не такимъ способомъ, какой предлагаетъ проф. Булгаковъ. Его синтезъ славянофильства и западничества никого не удовлетворитъ: ни послѣдовательные западники, ни убѣжденные сторонники широкаго, или „универсальнаго“ націонализма не пойдутъ вслѣдъ за нимъ, не пріймутъ такого механическаго и чисто искусственнаго сочетанія.

Безспорно замѣчаемый ростъ нашего національнаго

самосознанія и очевидное недовольство народовъ Запада ихъ политическимъ строемъ медленно, но постоянно подготавливаютъ полное крушеніе нашего западничества, этого чужаеда-наго растенія, истощающаго родную почву. Въ тоже время незримо наше общество подготавливается къ воспріятію вѣчно живыхъ, чисто національныхъ основъ славянофильскаго ученія. Предразсудокъ, въ жертву которому проф. Булгаковъ принесъ самостоятельность своей мысли, видимо доживаетъ свои послѣдніе годы и даже краснорѣчивыя воззванія его поборниковъ явственно прикрываютъ ихъ собственное недовѣріе къ своимъ увѣреніямъ. Своимъ „И сіе буди, буди“ они подбадриваютъ самихъ себя и пытаются напрасно заглушить неумолкаемый голосъ, твердящій имъ, что безъ народа и противъ народа такъ же невозможно создать политическій строй, какъ и водворить на землѣ рай безъ Бога и вопреки Его волѣ.

Надо надѣяться, что въ своихъ дальнѣйшихъ трудахъ талантливый профессоръ окончательно освободится отъ всяческихъ вліяній и готовности отдать свое дарованіе на службу ложнымъ богамъ. Труденъ первый шагъ, но онъ уже сдѣланъ проф. Булгаковымъ, а ему слишкомъ хорошо извѣстно, что за первымъ шагомъ неизбѣжно слѣдуетъ и второй. Дай Богъ, чтобъ онъ не повернулъ назадъ или куда нибудь въ сторону, но пошелъ бы по начатому пути, ведущему въ лоно православной церкви и храмъ служенія родному народу. Для этого у него имѣются всѣ данныя и онъ умѣетъ и смѣетъ отступать отъ узкихъ и модныхъ ученій, какъ показываетъ его отношеніе къ Толстому, обнаруживающееся при разсмотрѣніи, правда бѣглою, защиты Соловьевымъ идеи христіанской политики противъ проповѣди „непротивленія злу силою“.

Совершенно справедливо проф. Булгаковъ отмѣчаетъ, что „великій писатель земли русской имѣетъ безсмертныя заслуги въ религіозной жизни русскаго общества, ибо онъ первый своей мощной проповѣдью приковалъ вниманіе русской интеллигенціи къ вопросамъ религіи въ то время, когда религія считалась пережитымъ и отжитымъ предразсудкомъ.“

Но онъ усвоилъ такое пониманіе христіанскаго ученія, которое, являясь по меньшей мѣрѣ спорнымъ, принимается многими какъ единственно возможное, и ученіе о „непротивленіи злу“, принципиальное отрицаніе государства и его учреждений, науки, культуры и лежащаго въ ея основѣ раздѣленія труда неосторожно принимается за подлинную сущность христіанскаго ученія.

Многіе, въ особенности индифферентно или враждебно относящіеся къ религіи, вполне искренно считаютъ, что послѣдовательный христіанинъ долженъ отрицать культуру и активную борьбу со зломъ. И однако то и другое въ дѣйствительности является лишь принадлежностью религіознаго идеала буддизма. Но это совсѣмъ не есть идеаль христіанской религіи, учащей, что міръ и исторія есть богочеловѣчскій процессъ, благой по своему замыслу, необходимый по своимъ результатамъ и требующій дѣятельнаго участія отъ индивидуальнаго человѣка и собирательнаго человѣчества. Идея царствія Божія осуществляется не только внутри насъ, гдѣ это осуществленіе можетъ явиться дѣломъ личной совѣсти и личныхъ усилій, но и внѣ насъ, какъ идеаль нормально устроеннаго человѣческаго общества и вмѣстѣ съ тѣмъ результатъ культурнаго развитія человѣчества“. „Соловьевъ выступилъ въ защиту культуры противъ проповѣди опрощенія, какъ простѣйшаго разрѣшенія общественныхъ обязанностей. Вмѣсто „стремленія *слить* всю націю въ безформенную массу“, онъ утверждаетъ „нравственно органическую солидарность между простымъ народомъ и образованнымъ классомъ, обязанность для этого послѣдняго культурно служить народу, *проводя въ его жизнь не собственныя измышленія и своекорыстныя затѣи*, а единственно твердыя и единственно плодотворныя начала общечеловѣческаго просвѣщенія и вселенской правды“.

„Такимъ образомъ“, гласитъ заключеніе интересной статьи проф. Булгакова, „въ общемъ и цѣломъ, вся практическая философія Соловьева была только приложеніемъ основъ его теоретической философіи, а основное начало этой философіи есть жизненное начало христіанства. Цѣ-

лостное и послѣдовательно развитое христіанское міросозерцаніе—вотъ что даетъ современному сознанію философія Соловьева, отвѣчающая самымъ глубокимъ и высокимъ запросамъ человѣческаго духа—стремленію къ цѣльному міросозерцанію, которое было бы не только теоретическимъ, но и практическимъ“. Человѣчество пережило многовѣковое господство отвлеченнаго клерикализма, враждебное свободной мысли и научному изслѣдованію; мы переживаемъ теперь вѣкъ отвлеченнаго раціонализма, отвергнувшаго сначала религію, а затѣмъ и философію во имя точнаго знанія и свободнаго изслѣдованія. Но есть основанія думать, что и этотъ періодъ приходитъ къ концу и уже исчерпываетъ свои положительныя потенціи. На очереди новый высшій синтезъ, въ которомъ испытующій духъ возвращается къ себѣ, къ исконнымъ своимъ запросамъ и, обогащенный всѣми пріобрѣтеніями вѣкового развитія знанія и мысли, освобождается отъ господства, того или иного отвлеченнаго начала, но всѣхъ гармонически соединяетъ. Исканіе этого синтеза было дѣломъ жизни Соловьева. Въ сумеркахъ бытія мы принимаемъ за источникъ еле брезжущаго свѣта то тѣ, то другіе предметы, только сильнѣе другихъ его отражающіе. Съ ясно-видѣніемъ пророка Соловьевъ прозрѣвалъ его источникъ, свѣтъ немеркнушій, невечерній. Онъ самъ всю жизнь шелъ навстрѣчу этому свѣту и звалъ къ нему. Пойдемъ за нимъ!

Этотъ призывъ къ вѣковѣчнымъ истинамъ христіанства совершенно уместенъ въ наше смутное время всеобщаго шатанія и лихорадочныхъ поисковъ смысла жизни. Намъ не надо бросаться изъ стороны въ сторону, не надо увлекаться попытками удовлетворить религіозное чувство возрожденіемъ язычества, заимствованіемъ иноземныхъ культовъ и вѣрованій: у cadaго подъ руками находится неизсякаемый источникъ воды живой, способный утолить самую напряженную духовную жажду—это Евангеліе.

Какъ проводникъ, Соловьевъ можетъ многихъ привести къ христіанству, но всецѣло полагаться на предлагаемая имъ указанія невозможно. Нуженъ личный трудъ, а не покойное усвоеніе готоваго, выстраданнаго другимъ міровоз-

зрѣнія, благо, проф. Булгаковъ объявляетъ его „последнимъ словомъ мірового философскаго развитія“. Слишкомъ ужъ распространено у насъ преклоненіе передъ всякаго рода „последними словами“, губящее самостоятельность, самое дорогое достояніе человѣка. Поэтому намъ вовсе не слѣдуетъ слѣпо итти за новоявленнымъ пророкомъ, но спокойно изучать его творенія, могущія дать очень много полезныхъ указаній при работѣ надъ собственнымъ міровоззрѣніемъ.

Не всѣ раздѣляютъ такое восторженное отношеніе къ Вл. Соловьеву, какое вдохновляетъ проф. Булгакова, и имѣютъ для этого достаточно убѣдительныя основанія. Покойный философъ не все договаривалъ, не всегда оставался безпристрастнымъ искателемъ истины, имѣлъ свои странности и слабости. Все это не умаляетъ значенія его публицистической дѣятельности, но должно служить вѣскимъ предостереженіемъ отъ созданія новаго кумира нашимъ „интеллигентнымъ“ обществомъ, такъ любящимъ добровольно падать ницъ передъ разными модными идолами и строптиво отворачивающимся отъ смиреннаго служенія Богу Вышнему.

Пора перестать уродовать нашу общественную жизнь собственными измышленіями и праздными затѣями, отъ чего предостерегалъ и Соловьевъ. Завѣщанный Спасителемъ великій идеалъ водворенія божескаго царства на вѣки останется не превзойденнымъ и намъ остается только по мѣрѣ силъ работать надъ его осуществленіемъ въ зависящихъ отъ насъ случаяхъ и отношеніяхъ.

1903 г.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ тяжелую годину боевыхъ невзгодъ и ужасовъ нежеланной войны выходитъ въ свѣтъ первая книжка обновленнаго „Мирнаго Труда“. Тысячи человѣческихъ жизней понадобятся для отраженія натиска японскихъ язычниковъ на далекую окраину нашего обширнаго отечества, вынужденнаго взяться за оружіе измѣнническимъ нападеніемъ во время мира и дерзкимъ нарушеніемъ основныхъ требованій международнаго права. Но необходимость защиты чести и достоинства родной земли на кровавомъ полѣ брани только настоятельнѣе подчеркиваетъ неотложную потребность въ объединеніи всѣхъ сыновъ Россіи на поприщѣ мирнаго труда надъ обезпеченіемъ ея внутренняго спокойствія и благосостоянія. Всякаго рода разногласія и разномыслія должны смолкнуть въ грозный часъ такого великаго національнаго бѣдствія, какимъ является война. Какъ пчелы собираются вокругъ матки, прикрывая ее собою, такъ всѣмъ русскимъ надлежитъ сплотиться вокругъ нашего Самодержавнаго Вождя, оскорбленнаго въ своихъ высокочеловѣчныхъ и миролюбивыхъ стремленіяхъ. Неслыханная дерзость надменныхъ язычниковъ заставляетъ вознести къ Господу Браней смиренную молитву о „полагающихъ животъ за други своя“ и въ освященномъ Православной церковью ученіи о „справедливой войнѣ“ почерпнуть необходимое мужество, ибо, по слову Іоанна Златоуста, „Іисусъ Христосъ допустилъ нападенія варваровъ на свое царство, дабы разбудить слабыхъ, способныхъ уснуть въ своемъ нерадѣніи“.

Надвигающіяся событія наглядно опровергаютъ сладкія мечтанія космополитовъ и заставляютъ въ національномъ самосознаніи искать опоры противъ, воодушевленныхъ идей національности, враговъ нашихъ. Недаромъ, глубокой зна-

токъ вопроса о ея вліянні, проф. А. А. Потєбня утверждалъ, что „денаціонализацію можно замѣтить только на отдѣльныхъ личностяхъ; она сводится на дурное воспитаніе, на нравственную болѣзнь, на неполное пользованіе наличными средствами воспріятія, на ослабленіе энергіи мысли, на мерзость запусѣнія на мѣстѣ вытѣсненныхъ, но ничѣмъ не замѣнимыхъ, формъ сознанія, на ослабленіе связи подрастающихъ поколѣній со взрослыми, на дезорганизацію общества, безнравственность, оподленіе“. Въ свою очередь, проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовскій приходитъ къ убѣжденію, что „денаціонализація ведетъ къ упадку личности, къ ослабленію ея умственной дѣятельности, къ нравственному разложенію“. По мнѣнію почтеннаго ученаго „мы не замѣчаемъ психологическаго значенія національности для правильнаго развитія, для нормальнаго душевнаго отправленія функцій личности, какъ не замѣчаемъ своего здоровья, воздуха“.

Названныхъ ученыхъ никто не можетъ заподозрить въ „мракобѣсіи и человѣконенавистничествѣ“, качествахъ, столь усердно навязываемыхъ разными невѣждами всѣмъ сторонникамъ національнаго начала. Рядъ вѣскихъ соображеній побудилъ этихъ представителей безпристрастнаго научнаго знанія, подобно многимъ другимъ, засвидѣтельствовать, что измѣна своему народу отражается самымъ неблагопріятнымъ образомъ на умственной и нравственной жизни личности. Наоборотъ, та же чуждая постороннихъ соображеній наука устанавливаетъ, что все великое въ мірѣ выросло на *національной* почвѣ; бессмертные памятники искусства, литературы, мощныя религіозныя, политическія и общественныя движенія всегда коренились въ глубокихъ народныхъ слояхъ и отражали въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, народный характеръ. Новѣйшія изысканія въ области исторіи мысли и психологіи даютъ вполнѣ незыблемую почву положенію, что, только укрѣпившись въ своихъ національныхъ воззрѣніяхъ, обусловленныхъ языкомъ, какъ орудіемъ идейнаго обмѣна и творчества, возможно служить *общечеловѣческимъ* запросамъ. „Племень святое братство“ можетъ быть осуществлено лишь при взаимномъ уваженіи, при со-

храненіи за каждымъ членомъ міровой семьи его облика, его угла зрѣнія, необходимаго для познанія истины, а не превращеніи всѣхъ народовъ въ какую-то нелѣпую космополитическую смѣсь, превращеніи, равносильномъ гибели широкой и разносторонней культуры.

Стало быть, поборники національнаго самосознанія являются первыми друзьями истиннаго просвѣщенія, а слуги „космополитизма“ — насадителями застоя и виновниками нравственнаго и умственнаго разложенія.

Вотъ почему оказывается совершенно неумѣстнымъ призывъ къ насильственнымъ переворотамъ во имя неосуществимыхъ „космополитическихъ идеаловъ“, отождествляемыхъ, по глубокому заблужденію, съ формами общежитія, выработанными извѣстными народами подъ вліяніемъ особенностей ихъ характера и исторической судьбы. Никогда и нигдѣ революціи не приводили къ торжеству тѣхъ началъ, которыя были начертаны на знаменахъ насильниковъ. Только національное всегда было жизнеспособнымъ, только широкій націонализмъ совмѣщаетъ общечеловѣческое съ народнымъ, одинаково избѣгая двухъ противоположныхъ крайностей — беспочвенныхъ мечтаній о міровомъ гражданствѣ и превознесенія своего во что бы то ни стало надъ чужимъ. Примиреніе дано уже христіанствомъ, заповѣдавшимъ: *вся* испытующе, *добрая* держите.

„Мирный Трудъ“, поставившій своей задачей посильное содѣйствіе пробужденію чуждаго всякой нетерпимости русскаго національнаго самосознанія, не можетъ, поэтому, сдѣлаться органомъ какого-либо узкаго кружка, разсадникомъ партійныхъ завѣтовъ. Нами выбрано лишь направленіе, ведущее, по глубокому убѣжденію нашему, къ осуществленію столь необходимыхъ улучшеній, и намѣчены единственно надежныя средства для ихъ достиженія—общественная дружная созидательная работа на заложенномъ нашими предками основаніи, а не возведеніе въ заоблачной выси прекрасныхъ замковъ, чуждыхъ условій и потребностей нашей дѣйствительности.

„Мирный Трудъ“ 1904 г. № 1.

Іена или Седанъ?

Таково многообъщающее заглавіе недавно вышедшаго въ свѣтъ романа, посвященнаго его авторомъ, Францемъ Бейерлейномъ, „нѣмецкому воинству“ ¹⁾. Это произведение возбудило живое и вполне заслуженное вниманіе во всей германской имперіи, признаваемой многими за „первую военную державу Европы“. Отголоски грсма побѣдъ, одержанныхъ надъ Даніей, Австріей и Франціей въ 60—70-хъ годахъ прошлаго вѣка, внушаютъ и теперь сосѣдямъ страхъ передъ мощной боевой силой объединенной Германіи которая, какъ показываютъ послѣднія разоблаченія, лепѣтъ мечту о полномъ разгромѣ нашего отечества и отобраніи ряда лучшихъ владѣній у „русскихъ варваровъ“, обрекаемыхъ нѣмецкими газетами на служеніе величавому замыслу —возродить всесвѣтное господство германскаго племени надъ видомъ новой западной имперіи, вдохновляющей даровитаго Вильгельма II. Уже поэтому состояніе и духъ нѣмецкой арміи, предназначенной осуществить его честолюбивыя намѣренія, должны представлять особый интересъ для русскаго общества, знакомаго съ требованіями рьяныхъ воинствующихъ публицистовъ Германіи и ея стараніями вызвать пожаръ на Востокъ своимъ покровительствомъ султану, войска котораго, равно какъ и японскіе солдаты, обучены нѣмецкими „инструкторами“.

Романъ г. Ф. Бейерлейна поднимаетъ важный и чрезвычайно интересный вопросъ, стоитъ ли нѣмецкое войско

¹⁾ Franz Adam Beyerlein „Iena oder Sedan?“ Berlin. 1903.

нашихъ дней передъ новымъ Седаномъ, или новой Іеной другими словами, ожидаютъ ли его въ ближайшемъ будущемъ новыя блистательныя побѣды (Седанъ) или полное и позорное пораженіе, въ родѣ Іенскаго, похоронившаго былую славу „непобѣдимыхъ“ полковъ Фридриха II, являвшихся недосягаемымъ образцомъ для тогдашней Европы?

Авторъ даетъ такой отвѣтъ: „Чѣмъ дальше армія подвигается по своему современному пути, тѣмъ могущественнѣе разростается гибель въ ея рядахъ. Неудержимо захватывающее вокругъ себя социалистическое настроеніе войсковыхъ частей и растущее нежеланіе служить—доканчиваютъ извнутри разрушеніе, которое уже извнѣ расшатываетъ прочный строй войска. Съ завязанными глазами оно идетъ навстрѣчу своей гибели, ибо въ его рядахъ все болѣе и болѣе не хватаетъ убѣжденнаго боевого воодушевленія, такъ какъ его постоянно все болѣе воспитываютъ для парадовъ и все менѣе готовятъ къ войнѣ. Вдали уже пылаетъ пламя уничтоженія, уже угрожаетъ крушеніе, а потомки побѣдителей при Седанѣ маршируютъ прямохонько, одеревенѣлые, не сгибая колѣнъ, въ торжественномъ парадномъ шествіи, направляющемся по пути, ведущему къ Іенѣ!“ Для подкрѣпленія этого безотраднаго приговора Бейерлейнъ въ особенности пользуется положеніемъ артиллеріи, которой принадлежитъ рѣшающее значеніе въ современныхъ войнахъ. Онъ рисуетъ рядъ типовъ офицеровъ и солдатъ и показываетъ, какъ лучшіе, болѣе здоровые элементы должны уступать мѣсто худшимъ подъ давленіемъ тяжелаго гнета порядковъ и строя нѣмецкой военной службы. Герой романа Реймерсъ—„великолѣпный человѣкъ и превосходный офицеръ“ кончаетъ свою жизнь самоубійствомъ, „геніальный“ капитанъ Гюнцъ, его другъ, вынужденъ покинуть ряды подъ давленіемъ мелкихъ, бюрократическихъ и мертвящихъ предписаній. Зато майоръ Мобринкъ, работающій только на парадахъ и смотрахъ ради карьеры, поверхностный и надменный Вегштеттенъ, салонный франтъ и любовникъ Ландсбергъ и другіе офицеры, смотрящіе на свои обязанности, какъ на дѣло побочное, главнымъ же

признающіе преимущества своего социальнаго положенія въ частной жизни,—остаются членами арміи, подвигаются въ чинахъ и должностяхъ. Повсюду затхлость—повсюду шаблонъ, повсюду внѣшность и нелѣпья требованія, отравляющія службу рядовыхъ и болѣе благородной части офицеровъ, превращаютъ ихъ въ враговъ отечества и дѣлаютъ войско гнѣздомъ социаль-демократіи. Крестьянинъ Фогтъ, сынъ унтеръ-офицера, одного изъ тѣхъ старыхъ, рыжебородыхъ воиновъ, которые своею кровью стяжали великія побѣды,—настоящій солдатъ по призванію, но нелѣпья требованія лейтенанта доводятъ безупречнаго канонира до неповиновенія; онъ подвергается пятимѣсячному заключенію и государство навсегда теряетъ хорошаго вояку. Безстыдный и безсовѣстный лицемѣръ и подлиза Дукмейзеръ, бывший социалистическій агитаторъ, наоборотъ, умѣетъ держать носъ по вѣтру и добивается тепленькаго мѣстечка унтеръ-офицера. До службы онъ вытравилъ на своей рукѣ слова: „Братство, свобода, равенство“, а теперь уничтожаетъ ихъ ланолиномъ и рисовой пудрой, превратившись изъ яраго социаль-демократа въ злобнаго живодера.

Далекій отъ желанія написать грязный пасквиль на нѣмецкую армію, г. Бейерлейнъ даетъ, согрѣтую любовью къ родинѣ, яркую картину терзающихъ ее немощей и его произведеніе не имѣетъ чисто художественнаго характера, но знакомить въ достаточно выразительныхъ чертахъ съ непосредственно пережитымъ и передуманнымъ. Его обобщенія коренятся въ богатыхъ личныхъ наблюденіяхъ и свидѣтельствуютъ о полной самостоятельности сужденій. Изображая зло, онъ старается постичь и отмѣтить его причины и показать средства къ его пресѣченію: своекорыстныя домогательства, холодное бездушіе и показная внѣшность офицеровъ находятъ себѣ достойное дополненіе въ безмѣрной грубости, безсовѣстности и подкупности унтеръ-офицеровъ, которые позволяютъ „пресмыкающимся подчиненнымъ“ невѣроятныя отступленія отъ дисциплины. „Лучшій матеріалъ для офицерства доставляетъ такъ называемое армейское дворянство“, по большей части мало

зажиточное и связанное взаимными браками членовъ его различныхъ фамилій. Въ этомъ кроется, однако, опасность, такъ какъ односторонній духовный подборъ дѣлаетъ очень узкимъ кругозоръ этихъ офицеровъ и оставляетъ ихъ совершенно безпомощными передъ непонятымъ имъ современнымъ міросозерцаніемъ; какъ вполне непригодный матеріалъ въ корпусъ офицеровъ проникаютъ элементы, которые смотрятъ на свое призваніе, какъ на блестящій, дающій внѣшній почетъ и потому весьма пріятный спортъ... при содѣйствіи родительскихъ денежекъ. Они считаютъ придворный паркетъ и скаковое поле за болѣе важное поприще дѣятельности, чѣмъ манежъ или казармы. Эти офицеры по большей части происходятъ изъ рядовъ крупно-промышленной знати и заносятъ, на мѣсто вошедшей въ поговорку умѣренности и простоты нѣмецкихъ офицеровъ, грубую роскошь, смѣшную сектантскую исключительность и другія страсти въ ихъ среду, страсти, въ коихъ съ ними не можетъ состязаться бѣдное боевое дворянство, погряжающее въ неоплатные долги—изъ ложнаго самолюбія.

Дальнѣйшей причиной упадка дисциплины въ войскѣ г. Бейерлейнъ признаетъ „обѣдненныхъ“ или „паркетныхъ генераловъ“, за коими необходимо поставить „генераловъ юпочниковъ“. Благодаря имъ женскій элементъ вмѣшивается въ чисто служебныя дѣла; не любовь къ отечеству, но угожденіе мужелюбивымъ поклонницамъ танцевъ, оплачивающимъ любовныя заслуги протекціей при повышеніяхъ, составляетъ душу нѣмецкой арміи, въ которой царитъ настоящее многомужество (полиандрія). Рядомъ замѣчается страшное развитіе венерическихъ болѣзней въ полкахъ, густо расположенныхъ въ бѣдныхъ населеніемъ, пустынныхъ пограничныхъ округахъ, гдѣ нѣтъ надлежащаго полицейскаго надзора за развратомъ и цѣлыя области превратились въ настоящіе разсадники пороковъ и болѣзней. Для подъема угасающаго воинскаго духа Бейерлейнъ считаетъ необходимымъ освобожденіе военныхъ упражненій отъ всякаго шаблона, устраненіе маневровъ, при коихъ заранѣе извѣстны всѣ фазы боя обѣимъ сторонамъ: „цѣлью маневровъ должно

служить возможно большее приближеніе къ боевымъ условіямъ“. Затѣмъ настойчиво надо требовать искорененія явленія, ставящаго Германію *ниже всѣхъ другихъ государствъ* —предпочтенія, совершенно неумѣстнаго и часто ничѣмъ не оправдываемаго, дворянскаго элемента при замѣщеніи высшихъ военныхъ должностей, такъ какъ въ Германіи почти совершенно закрыть къ нимъ доступъ простому гражданину, „хотя бы онъ былъ гениемъ“. Это нелѣпое и оскорбительное устраненіе дарованій ради случайныхъ преимуществъ рожденія создаетъ опасныя условія взаимныхъ отношеній офицеровъ, ибо неудовлетворенное и постоянно попираемое честолюбіе является очень прихотливымъ двигателемъ, могущимъ толкнуть, при паденіи дисциплины, на очень вредныя для государства дѣянія. Для противодѣйствія яростной агитаціи неисправимыхъ поборниковъ переворотовъ, Бейерлейнъ считаетъ необходимымъ особенную поддержку крестьянства, менѣе всего склоннаго увлечься призраками социализма. Принадлежащее же къ среднему сословію, офицерство также должно послужить надежнымъ отпоромъ, такъ какъ именно его социаль-демократія обрекаетъ на уничтоженіе.

Всѣ эти замѣчанія нѣмецкаго автора показываютъ, что далеко не все обстоитъ благополучно въ хваленой германской арміи. Не даромъ въ печать проникли указанія, что ростъ социализма до такой степени озаботилъ императора Вильгельма, что онъ рѣшилъ набирать свою гвардію не изъ призывныхъ, а изъ отборныхъ, наиболѣе надежныхъ, солдатъ своихъ полковъ. Предусмотрительный Гогенцоллернъ намѣтилъ и мѣсто для возведенія непреступнаго замка, куда укроется императорская фамилія на случай социальнаго движенія!

Эти вѣще признаки подкрѣпляютъ наблюденія романиста и внушаютъ нѣкоторое успокоеніе на счетъ ближайшаго будущаго: съ такимъ войскомъ, какое даетъ современная, проѣденная социализмомъ, Германія, трудно рассчитывать на завоевательные походы и блестящіе побѣды. Въ

увѣреніяхъ германскихъ дипломатовъ объ ихъ служеніи дѣлу мира приходится признать долю истины, ибо война поставитъ на карту самое существованіе „новой западной имперіи“, а потому простое благоразуміе, если не человеколюбіе, должно удержать отъ заносчивыхъ требованій германскихъ политиковъ и во время предстоящихъ переговоровъ по поводу возобновленія съ Россіей торговыхъ договоровъ.

„Мирный Трудъ“ 1904 г. № 1.

Русское Собрание въ Петербургѣ.

— — —

Однимъ изъ знаменательнѣйшихъ проявленій настроенія современнаго намъ русскаго общества необходимо признать быстрый ростъ и громкій успѣхъ, выпавшій на долю юнаго Русскаго Собранія въ Петербургѣ. Всего только 26 января 1901 года состоялось утвержденіе устава, выработаннаго *сорока учредителями* съ княземъ Д. П. Голицынымъ во главѣ. Первое засѣданіе Русскаго Собранія произошло 12 февраля того же года въ залѣ Кредитнаго общества. Не прошло еще и трехъ лѣтъ, какъ Собраніе насчитываетъ уже *2200 членовъ* и имѣетъ прекрасное, собственное помѣщеніе на одной изъ лучшихъ улицъ столицы. Въ его рядахъ объединились, на почвѣ служенія вѣковымъ устоямъ русской жизни, представители самыхъ разнообразныхъ положеній, сословій и занятій. Рядомъ съ первыми сановниками государства и членами Государственнаго Совѣта мы видимъ скромныхъ чиновниковъ различныхъ вѣдомствъ; попечители округовъ, профессора университетовъ и академій, директора, учителя гимназій, преподаватели городскихъ училищъ; архипастыри и простые священнослужители, кровные и родовитые аристократы и сѣрый людъ мелкихъ купцовъ и подрядчиковъ, фрейлины Ихъ Императорскихъ Величествъ, классныя дамы и домашнія учительницы, выдающіеся артисты и артистки, пѣвцы и пѣвицы, художники, композиторы, писатели, редакторы повременныхъ изданій, книгопродавцы и военные, начиная отъ генераловъ и начальниковъ частей до молодыхъ подпоручиковъ, люди свободнаго труда, инженеры, судьи, присяжные поверенные и представители земскаго и городского самоуправления: предводители дворянства, городскіе головы, гласные,

домовладѣльцы и помѣщики сливаются здѣсь въ обширную семью, связанную единствомъ чисто идейныхъ стремленій, образуютъ собою какъ бы Россію въ маломъ объемѣ, ибо отъ холоднаго сѣвера и до благодатнаго юга, отъ Варшавы до Приморской области, по всему лицу нашей родины разсѣяны члены Русскаго Собранія; ихъ сплотилъ, широко захватывающій нужды и назрѣвшія потребности Россіи, уставъ, тщательно выработанный учредителями во время продолжительныхъ и обстоятельныхъ предварительныхъ собесѣдованій. По словамъ устава (ст. 1), Русское Собраніе „имѣетъ цѣлью содѣйствовать выясненію, укрѣпленію въ общественномъ сознаніи и проведенію въ жизнь исконныхъ *творческихъ* началъ и бытовыхъ особенностей русскаго народа“. Извѣстный знатокъ славянофильства, А. В. Васильевъ, въ своей рѣчи, произнесенной на первомъ общемъ засѣданіи членовъ Русскаго Собранія и посвященной выясненію „исконныхъ творческихъ началъ и бытовыхъ особенностей русскаго народа“, раскрываетъ эти общія выраженія устава и говоритъ: „наше Русское Собраніе, чтобы оправдать свое существованіе и свое имя, должно само идти и вести другихъ впередъ подъ знаменемъ не какихъ либо иныхъ, а именно *христіанскихъ, исконныхъ творческихъ* во вѣки непреложныхъ и нерушимыхъ началъ, т. е. „начала христіанской непреклонной и ничѣмъ неодолимой свободы духа“ и начала свободного подчиненія себя игу Христову, свободного уваженія ко всякой такой же свободной чело-вѣческой личности, свободного самоограниченія и самопожертвованія въ пользу другихъ—начала мірскаго, хорового, общественнаго и государственнаго, ибо безъ этихъ благодатныхъ началъ не можетъ быть крѣпкаго общества и крѣпкаго государства“. Предсѣдатель Русскаго Собранія, извѣстный романистъ, кн. Д. П. Голицынъ, въ своемъ прекрасномъ по мысли и выполненію сообщеніи, прочитанномъ весной текущаго года („О своемъ домѣ“), заявляетъ: „мы служимъ тѣмъ завѣтамъ, которые создали Русь, которые по отношенію къ нашей родинѣ явились *творческими*. Мы считаемъ, что для каждаго народа естественный путь къ

будущему идетъ отъ его прошлаго, а не откуда-нибудь со стороны. Мы увѣрены въ томъ, что не въ убѣжденіяхъ заграничнаго происхожденія почерпается сила, что народный духъ развивается и крѣпнетъ лишь на родной почвѣ. Мы не строимъ китайской стѣны, но хотимъ, чтобы стѣны нашего дома остались цѣлы". „Да поможетъ намъ Богъ быть живыми людьми, вдохновенными носителями завѣтовъ, создавшихъ великую и могущественную Россію, отмечающими лукавыя ученія, навѣянные со стороны, творящими работу свою увѣренно, сознательно, у священнаго стяга, на которомъ начертаны слова: *Православіе, Самодержавіе, Народность!*"

Вотъ въ чемъ Русское Собраніе видитъ устой порядка, мира и благоденствія для нашего отечества; вотъ въ чемъ оно усматриваетъ, опираясь на опытъ прошлаго, залогъ лучшаго, свѣтлаго будущаго. Но учредители прекрасно понимали, что открытое признаніе вѣрности этимъ началамъ лишь обязываетъ къ неутомимому стремленію, на самыхъ различныхъ поприщахъ, къ ясной и опредѣленной цѣли— „укрѣпленію ихъ въ общественномъ сознаніи и проведенію ихъ въ жизнь". Въ виду этого и были намѣчены *ближайшія задачи дѣятельности Собранія*: а) изученіе явленій русской и славянской народной жизни въ ея настоящемъ и прошломъ, б) разработка вопросовъ русской и вообще славянской словесности, художествъ, народовѣдѣнія, права и народнаго хозяйства, а также изслѣдованіе всѣхъ другихъ проявленій русской и славянской духовной и обиходной самобытности, в) охраненіе чистоты и правильности русской рѣчи" (ст. 2 устава).

Ни одинъ безпристрастный человѣкъ не усмотритъ въ этихъ задачахъ „ни желанья повернуть назадъ колесо исторіи", ни проповѣди косности и застоя, ни призыва къ отказу отъ поступательнаго движенія. Всякому ясно, что для цѣлесообразнаго шага впередъ необходимо имѣть надлежащую точку отправленія и опредѣлить заранѣе, куда *надо* идти: иначе все сведется къ безцѣльному шатанью, да слѣпому подражанію „чужеземнымъ образцамъ", пагуб-

нымъ для насъ, способнымъ, лишь въ лучшемъ случаѣ, осудить насъ на бесполезное топтанье на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Беря на себя изученіе и разработку многосложныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ народною жизнью, Русское Собраніе подготавливаетъ ихъ правильное рѣшеніе и служить чисто культурнымъ и высокимъ цѣлямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ „охранительствомъ“, „подмораживаніемъ“ и, такъ называемымъ, „ретроградствомъ“.

Оно идетъ широкимъ, торнымъ путемъ просвѣщенія и избираетъ для осуществленія намѣченныхъ задачъ чисто культурныя средства: Уставъ (ст. 3) предоставляетъ ему право: „а) устраивать членскія общедоступныя засѣданія, чтенія, музыкальные вечера и зрѣлища, а также художественныя и бытовыя выставки, б) выпускать въ свѣтъ временныя изданія, сборники и книги, а также содѣйствовать сбыту книгъ и произведеній народнаго художества, г) устраивать поѣздки и путешествія съ научными и образовательными цѣлями, д) основывать и содержать на средства Собранія книгохранилища и читальни, а также учрежденія, имѣющія цѣлью распространеніе русскаго зодчества, русской одежды, русской утвари и т. п., е) входить съ ходатайствами къ правительству по предметамъ, имѣющимъ отношеніе къ цѣлямъ Собранія“.

Смѣло можно утверждать, что въ Россіи нѣтъ ни одного Общества съ такою обширною, чисто просвѣтительною и разностороннею программю. Она посвящена не изученію или освѣщенію одной какой-либо спеціальной области знанія, но захватываетъ всѣ культурныя запросы нашей родины, имѣетъ въ виду не только отдѣльныя частности, но и всѣ общія условія раскрытія русскихъ началъ во всей полности и величіи. Яркій свѣтильникъ зажженъ Русскимъ Собраніемъ, разсѣивающимъ во всѣ стороны истинный, немеркнуущій свѣтъ, а не гасящимъ просвѣщеніе, какъ склонны утверждать совершенно неосвѣдомленные люди.

Взводить на Русское Собраніе подобное, ни на чемъ не основанное, обвиненіе является величайшей несправедливостью и полнымъ извращеніемъ дѣйствительности. Оно

блистательно опровергается не только уставомъ, но и всей дѣятельностью молодого Общества. На его засѣданіяхъ были прочитаны буквально цѣлыя сотни докладовъ и сообщеній на самыя живыя и общеинтересныя темы, было затронуто множество разнообразныхъ и насущныхъ вопросовъ, разрѣшеніе коихъ необходимо для каждаго мыслящаго русскаго, разъ онъ хочетъ сознательно относиться къ явленіямъ современности.

Тщетно искать въ этихъ докладахъ проповѣди національной исключительности, человѣконенавистничества и нетерпимости, хотя, порою, въ нихъ высказывалась горькая правда, далеко не всѣмъ пріятная. Но, вѣдь, исканіе истины, желаніе обрѣсти правильный выходъ изъ даннаго положенія неизбѣжно должны отмѣтить ошибки, заблужденія и ложныя притязанія. По словамъ кн. Д. П. Голицына, „намъ слѣдуетъ бороться съ нерусскими теченіями, но исключительно средствами мирными, просвѣтительными, никого не оскорбляя, безъ нетерпимости и безъ раздраженія, памятуя, что, по выраженію апостола Іакова, гнѣвъ челоѣка не творитъ правды Божіей. Мы сошлись не для того, *чтобы разрушать чужое, а чтобы укрѣплять свое*. Мы считаемъ, что въ предѣлахъ нашего отечества первенствующее мѣсто должно принадлежать русскимъ. *Для себя, а не для другихъ мы строили свой домъ*. Не для того переживали мы великія испытанія въ теченіе столѣтій, на пространствѣ которыхъ создано наше отечество, чтобъ отказаться отъ своихъ правъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, что наше отношеніе къ инородцамъ должно быть враждебно. Напротивъ, если многіе изъ нихъ искренно обрусѣли, то это было достигнуто терпимостью, обдуманнмъ гостепріимствомъ, а не злобой. Враждебность и озлобленіе противорѣчатъ кореннымъ чертамъ русскаго духа“.

Естественно также, что Русское Собраніе поставлено въ необходимость давать отпоръ не только заносчивымъ притязаніямъ инородцевъ, направленнымъ къ ослабленію нашей родины, но и тѣмъ попыткамъ, которыя имѣютъ въ виду заглушить ростъ нашего самосознанія. Всѣмъ извѣстно что всякаго русскаго, осмѣлившагося сознаться въ своей

любви къ родинѣ, спѣшатъ „мнимо передовые мыслители“ объявить „отсталымъ“. Можно подумать, что все русское — нѣчто прошлое, отжившее, не заслуживающее даже участи ископаемыхъ. Намъ стараются внушить, что все русское плохо, бесплодно, безцѣльно, что служеніе ему противорѣчитъ поступательному движенію человѣчества. Справедливы ли эти нареканія, можно ли и теперь смотрѣть на русскій народъ, какъ на „тысячелѣтнюю обезьяну“? Вѣдь, онъ создалъ одно изъ величайшихъ въ мірѣ государствъ, онъ далъ человѣчеству великихъ художниковъ слова и мысли, онъ явилъ разнообразное творчество на поприщѣ науки и искусства. Это неоспоримо и признано всѣмъ свѣтомъ, кромѣ рабовъ узко-партийныхъ завѣтовъ.

Даже наше далекое прошлое свидѣтельствуется, что и тогда наши предки служили культурѣ. Въ образной и яркой рѣчи талантливый проповѣдникъ и членъ Русскаго Собранія священникъ Григорій⁸ Петровъ отстраняетъ ходячія воззрѣнія на нашу старину: въ своемъ словѣ, передъ молебствомъ, отслуженнымъ по случаю возобновленія занятій Собранія послѣ лѣтняго перерыва, онъ говоритъ: „Древнее арабское изреченіе гласитъ: „кровь мученика и чернила мудреца равноцѣнны, одинаково прекрасны и дороги“... Въ то время какъ остальная Европа чернилами книжной мудрости создавала просвѣщеніе, мы на рубежѣ Азіи кровью сотенъ поколѣній охраняли его. Да и за этой внѣшней, порубежной борьбой съ варварами мы не забывали и не прекращали внутренней, духовной борьбы съ варварствомъ въ себѣ, съ зломъ и неправдой въ душѣ, съ звѣремъ въ человѣкѣ. Въ дремучихъ лѣсахъ древней Руси, въ дуплахъ отшельниковъ, подъ сводами мрачныхъ пещеръ совершалась не менѣе цѣнная просвѣтительная работа, чѣмъ въ древнѣйшемъ болонскомъ университетѣ... совершалась обработка, смягченіе грубаго человѣческаго духа, превращеніе человѣка-звѣря въ человѣка-христіанина. И намъ, право, не стыдно передъ Западной Европой за культурную работу нашихъ предковъ. Сопоставимъ два примѣра. Въ XVI вѣкѣ просвѣщенный итальянецъ Макиавели пишетъ книгу, въ ко-

торой проповѣдуетъ правителю, первому человѣку страны, какъ лучшее средство управленія—ложь, вѣроломство, предательство и убійство изъ-за угла.

Древняя Русь, за 500 лѣтъ раньше, имѣла книгу на ту же тему—„Поученіе Владиміра Мономаха“, гдѣ образъ князя правителя рисуется иными, дивными, по красотѣ и величію духа, чертами.

Въ томъ-же XVI вѣкѣ другой культурный работникъ Запада, англійскій философъ Гоббсъ, естественнымъ положеніемъ вещей, провозглашаетъ „войну всѣхъ противъ всѣхъ“ и основнымъ закономъ жизни считаетъ звѣриную борьбу за добычу: „человѣкъ для человѣка—волкъ“.

Перенесемся снова за пять вѣковъ въ древнюю Русь—и здѣсь въ глухомъ селѣ видимъ трогательные проводы въ жизнь крестьянскаго сына, Ильи Муромца. Напутствуя сына на подвигъ жизни, старики-родители завѣщаютъ крѣпко Ильѣ: „не помысли зломъ на татарина, не убей въ чистомъ полѣ христіанина“.

Американскій моралистъ Эмерсонъ говоритъ: „наиболѣе вѣрнымъ показателемъ истинной культуры народа является не величина и богатство городовъ, а качество жителей. Поэтому-то мы въ правѣ не стыдиться за культурность нашихъ предковъ сравнительно съ современниками ихъ на Западѣ и можемъ вѣрить въ правоспособность русскаго генія—сказать міру свое вѣское слово. Надо только народу осмыслить свой геній, уяснить свои самобытныя силы, понять тайну своей души“.

Другими словами, мы, русскіе, должны стремиться къ *самопознанію*, а не подражанію чужеземнымъ образцамъ, если только хотимъ внести свой цѣнный вкладъ въ общечеловѣческую сокровищницу на благо и пользу всѣмъ племенамъ и народамъ.

Надъ-этимъ-то самогубленіемъ и работаетъ Русское Собраніе, встрѣчающее сочувственный откликъ въ сердцахъ всѣхъ, кому дорога родина и ея вѣковые устои. Не выгода, не погоня за почестями заставляетъ ихъ вступать въ его ряды, а глубокое убѣжденіе въ правильности и своевременности его многообразной и чисто-просвѣтительной дѣятель-

ности. Оно можетъ явиться тѣмъ живымъ родникомъ обновленія, откуда утолить свою духовную жажду наше общество, уставшее отъ поисковъ правды у разныхъ зарубежныхъ наставниковъ. Оно пробуждаетъ самодѣятельность и заставляетъ произвести переоцѣнку различныхъ ходячихъ цѣнностей и отвлеченныхъ построений. Сѣтью своихъ Отдѣловъ оно должно покрыть Россію и послужить выработкѣ настоящаго русскаго общественнаго мнѣнія, правильно понимающаго интересы страны.

Сегодня открывается первый Отдѣлъ—Харьковскій; на очереди стоитъ открытіе Отдѣла въ Варшавѣ. И въ нашемъ городѣ, и въ былой польской столицѣ Отдѣлы насчитываютъ много профессоровъ въ числѣ своихъ членовъ. Это вѣщій признакъ возврата къ русской національной школѣ, потребность въ которой такъ живо ощущается въ наши смутные и лукавые дни.

Велика задача, преслѣдуемая Русскимъ Собраніемъ, великъ подвигъ, на который оно зоветъ русское общество! Его отношеніе къ этому призыву покажетъ степень нашей подготовленности къ самосознанію. Пока нѣтъ основаній питать какія-либо сомнѣнія. Русское Собрание все растетъ, шире развиваетъ свою благую работу и смѣло можетъ глядѣть въ будущее, гдѣ его ожидаетъ рядъ несомнѣнныхъ успѣховъ. Порукѣ осуществленія этихъ надеждъ является постоянное увеличеніе числа членовъ, прибывающихъ цѣлыми сотнями, такъ что Русское Собрание насчитываетъ вдвое больше членовъ, чѣмъ прожило дней. Но особенно внушаетъ довѣріе не ослабѣвающая дѣятельность Собранія, сказывающаяся въ устройствѣ *еженедѣльно*, по крайней мѣрѣ, двухъ всегда интересныхъ и поучительныхъ докладовъ и одного литературно-музыкальнаго вечера, посвящаемаго ознакомленію съ твореніями русской музыки и новыми произведеніями выдающихся литераторовъ, вошедшихъ въ составъ Собранія. Естественно, что отъ такого напряженнаго труда должны получиться только благіе плоды.

1904 г. Мирный Трудъ № 1.

Рѣчь при открытіи Харьковскаго Отдѣла Русскаго Собранія.

— — —

Ваше преосвященство, почтенные гости и дорогіе сочлены! Считаю своимъ первымъ долгомъ душевно поблагодарить Васъ отъ имени Совѣта за вниманіе къ нашему скромному празднику и въ вашемъ присутствіи засвидѣтельствовать нашу общую горячую признательность „Русскому Собранію“ въ лицѣ его представителя, глубокопочитаемаго М. М. Бородинна.

Открытіемъ Отдѣла, „Русское Собраніе“ оказало намъ большое и возлагающее на насъ великую отвѣтственность довѣріе. Присутствіе же полномочнаго представителя Петербургскаго Совѣта устанавливаетъ нашу чисто идейную связь, полное единеніе въ руководящихъ воззрѣніяхъ и готовность рука объ руку работать надъ общимъ дѣломъ—*пробужденіемъ національнаго самосознанія и посильнымъ служеніемъ вѣковому устоямъ нашей исторической жизни.*

Въ этомъ служеніи ощущается настоящая потребность, ибо національная идея вдохновляетъ всѣ народы міра, начиная отъ нашихъ просвѣщенныхъ сосѣдей-нѣмцевъ и кончая исповѣдующими идеалъ панмонголизма японцами, или мечтающими о возстановленіи древняго Сіона евреями.

Всѣ эти стремленія признаются у насъ законными, основательными, но только однимъ русскимъ совѣтуютъ превратиться въ какихъ то „общечеловѣковъ“, порвать съ прошлымъ, покинуть тѣ путеводныя и живительныя начала, которыя сохранили и возвеличили наше отечество среди

многовѣковыхъ испытаній. Одни мы должны быть слугами отвлеченныхъ началъ и рабами кабинетныхъ теорій.

Однако, никто изъ насъ не захочетъ имѣть дѣло съ садовникомъ, стремящимся превратить мощный дубъ въ „дерево вообще“. Стройная береза, развѣсистый клень, плакучая ива, любимая славянами липа, вѣчно зеленая сосны и ели только увеличиваютъ красоту Божьяго міра. Скученъ былъ бы онъ, еслибы неосуществимый замыселъ садовника-теоретика удался и вся многообразная семья деревьевъ замѣнилась бы только „деревомъ вообще“.

Къ чему же намъ отказываться отъ своего народа и его святынь, *слѣдуя внушеніямъ неумныхъ духовныхъ садовниковъ, желающихъ превратить побѣги національной мысли въ ростки несуществующаго „общедерева?“* Всякому ясно, что эта попытка поведетъ только къ искаженію цѣлыхъ поколѣній, но не къ воплощенію такого призрачнаго построенія.

Намъ надо усердно холить и лелеять родное, ибо оно даетъ намъ возможность работать надъ общечеловѣческими задачами, стремиться *по своему пути* къ идеаламъ добра, правды и красоты.

Такимъ пѣстуномъ нашей еще не окрѣпшей національной мысли является „Русское Собраніе въ Петербургѣ“, съ цѣлями котораго такъ прекрасно и обстоятельно познакомилъ насъ глубокопочитаемый гость. Отдѣлу остается идти по стопамъ Собранія и преслѣдовать, въ предѣлахъ своихъ силъ и средствъ, такія же чисто просвѣтительныя стремленія. Эта задача облегчается присутствіемъ въ рядахъ членовъ отдѣла представителей различныхъ наукъ и работниковъ въ различныхъ областяхъ знанія, что позволяетъ намъ устроить вереницу общедоступныхъ чтеній; одновременно съ засѣданіями, посвященными болѣе спеціальнымъ докладамъ, мы намѣреваемся знакомить гг. членовъ съ произведеніями русской музыки и съ забываемой, къ сожалѣнію, народной пѣсней. Мы думаемъ выпускать въ свѣтъ свои изданія и книги, служащія русскому дѣлу и разъясняющія съ національной точки зрѣнія явленія совре-

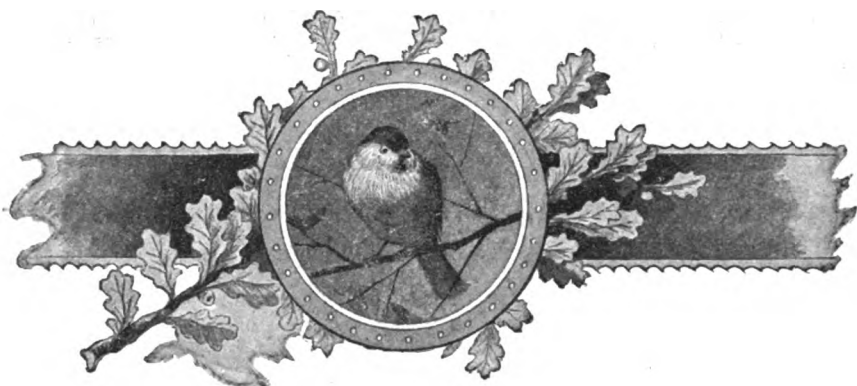
менности. Въ будущемъ передъ нами рисуется читальня и школа Русскаго Собранія, гдѣ бы наши дѣти учились любить родину и проникались сознаниемъ своего неоплатнаго передъ нею долга. Нашъ успѣхъ и ростъ нашего отдѣла будетъ всецѣло зависѣть отъ сочувствія мѣстнаго общества и его готовности дать намъ необходимыхъ работниковъ и потребныя средства.

Немногочисленна дружина учредителей, за то она тѣсно связана единствомъ руководящихъ возрѣній. Всѣ мы считаемъ своей главной обязанностью собственнымъ примѣромъ показать, что можно соединить *служеніе просвѣщенію съ глубокой вѣрностью завѣтамъ нашихъ предковъ, что можно и должно быть образованными людьми и въ то же время оставаться сынами своего народа, подданными Самодержавнаго Царя и покорными дѣтьми нашей общей матери—святой православной церкви.* Мы приложимъ всѣ усилія, чтобы возможно ближе подойти къ давно искомому и желанному сочетанію вѣры и знанія, вносящему въ жизнь устойчивость, опредѣленность и душевный миръ. Зорко слѣдя за успѣхами научнаго изслѣдованія, мы не забудемъ наставленія нашего поэта:

„Ты насъ учи успѣхамъ зарубежнымъ,
Чужого-жъ строя къ намъ не приноси
Хулителемъ безсмысленно мятежнымъ
Того, что Богъ посѣялъ на Руси.
Себя въ обычай мертвый не зароемъ,
Но продавать не станемъ старины,
Русь создалась своимъ домашнимъ строемъ.
Имъ дорожить, что кладомъ мы должны“.

1904 г. Мирный Трудъ № 1.

Ближайшія задачи Харьковского Отдѣла Русскаго Собранія.

— — —

„Дорогіе сочлены! Недостатокъ времени и нежеланіе злоупотреблять вниманіемъ г.г. почетныхъ гостей, пожаловавшихъ на торжественное открытіе Отдѣла, не позволили мнѣ остановиться на его ближайшихъ задачахъ съ желательной обстоятельностью. Теперь мы въ своей семьѣ и я считаю умѣстнымъ вернуться къ уже затронутому вопросу.

Въ сущности, каждый родъ дѣятельности должно разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія: во первыхъ *направленія*, или цѣлей, ею преслѣдуемыхъ, во вторыхъ *средствъ*, выбранныхъ для ихъ осуществленія. Естественно, поэтому, что мнѣ придется коснуться обѣихъ сторонъ.

На предварительныхъ засѣданіяхъ г.г. учредители пришли къ соглашенію: положить въ основу своей будущей дѣятельности программу, выработанную безсмертными представителями такъ называемаго „славянофильскаго ученія“, которые сочетали вѣрность исконнымъ устоямъ нашего общественнаго уклада съ исповѣданіемъ широкихъ, истинно просвѣщенныхъ и человѣколюбивыхъ воззрѣній.

Но мы далеки отъ призыва къ рабскому усвоенію всѣхъ мнѣній великаго мыслителя А. С. Хомякова и его высокоодаренныхъ и доблестныхъ сподвижниковъ—Кирѣев-

скаго, Самарина, Аксаковыхъ; мы прекрасно понимаемъ, что „на поприщѣ ума нельзя намъ отступать“, мы отлично сознаемъ необходимость выдѣлить изъ ученія славянофиловъ проповѣдь „вселенской истины“ и раскрытіе нашихъ народныхъ идеаловъ, равно какъ тщательно устранить все то, что было, или плодомъ ихъ времени, для насъ уже достоянія исторіи, или слѣдствіемъ условій ихъ среды, столь измѣнившейся съ тѣхъ поръ, что зависѣло отъ уровня тогдашнихъ научныхъ знаній, безспорно всегда растущихъ, что, наконецъ, вызывалось личными склонностями и увлеченіями, борьбой съ противниками, для насъ только „великими покойниками“.

Конечно, пересмотръ богатаго умственного и общественнаго сокровища, оставленнаго славянофилами, потребуетъ отъ насъ дружной, совмѣстной работы, но зато обѣщаетъ дать намъ давно искомый ключъ отъ заповѣдной двери, ведущей къ дальнѣйшему національно-самобытному развитію и преуспѣянію обширной державы Всероссійскихъ Самодержцевъ. Наше лихолѣтіе кончится, когда наука, вступивъ въ тѣсный союзъ съ Вѣрой, позоветъ человечество въ безконечную высь идеала, указаннаго Божественнымъ Основателемъ христіанства, когда мы перестанемъ видѣть свѣтъ только на Западѣ, озаренномъ—*нельзя же это забывать*,—Солнцемъ Правды, возсіявшимъ съ высоты Востока. Вѣдь Западъ былъ спасенъ отъ духовной смерти и нравственнаго разложенія проповѣдью Евангелія и заимствованной у Эллиновъ богатой и разносторонней культурой. Да и знаменитое „Возрожденіе“ обязано своимъ просвѣтительнымъ значеніемъ изученію людьми Запада „эллинской мудрости“. Оно медленно и постепенно готовилось въ темные, будто-бы, средніе вѣка живымъ общеніемъ съ Византіей при Каролингахъ, Оттонахъ, въ славную эпоху крестовыхъ походовъ. Успѣхи строго научнаго изысканія нанесли въ послѣдніе годы смертельный ударъ ходячему мнѣнію объ имперіи царьградскихъ властелиновъ: она не была царствомъ косности и мертвящаго застоя, а, наоборотъ, являлась живымъ разсадникомъ знаній, хранитель-

ницей культурнаго наслѣдія древности, воспитательницей варварскихъ народовъ Запада и Востока.

Да и великій идеалъ Царствія Божія, сохраняющаго за каждымъ народомъ его языкъ, нравы, обычаи, насаждающаго правду и миръ на землѣ, воздающаго каждому должное и связующаго „всѣхъ единствомъ духа въ союзъ мира“, „доколѣ *всѣ* прійдемъ въ единство вѣры и познанія Сына Божьяго“—этотъ высочайшій и вѣчный идеалъ вовсе не представляетъ собой исключительное достояніе Запада. Мало того, именно на Западъ онъ былъ извращенъ и приниженъ. Въ наши дни все крѣпнеть сознаніе, что наша православная церковь свято сохранила ввѣренную ей истину. Краснорѣчивымъ доказательствомъ могутъ послужить попытки старокатоликовъ и послѣдователей „англиканства“ получить ея признаніе, воссоединиться съ нами, равно какъ нерѣдкіе случаи перехода, по глубокому внутреннему убѣжденію, въ лоно православія католиковъ и протестантовъ. Чуткіе сердцемъ и просвѣщенные люди Запада напряженно вглядываются теперь въ Востокъ и ждутъ отъ него обновленія...

Прежде можно было легкомысленно восклицать: „Ахъ Франція! нѣтъ лучше края“, прежде можно было преклоняться передъ Германіей Гете, Шиллера, Гегеля, Канта, Бетховена, можно было, увлекаясь, видѣть „совершенныя учрежденія“ въ англійскомъ общественномъ строѣ... Но *теперь*, какая страна Запада можетъ послужить для насъ образцомъ, не страдаетъ сама отъ глубокихъ внутреннихъ болѣзней? гдѣ не видно зловѣщихъ признаковъ упадка истинной культуры? гдѣ воплощенъ идеалъ общаго блага? Всюду смута, ожесточенная борьба классовъ, драки и позорныя перебранки продажныхъ народныхъ представителей, подкупность печати, страшный ростъ преступности и сумасшествія, всюду ясныя знаменія вырожденія, глубокаго нравственнаго паденія и близкаго крушенія парламентаризма, мнимо всеисцѣляющаго средства, обманувшаго наивныя чаянія своихъ поклонниковъ и не удовлетворившаго запросовъ общества. Успѣхи социализма и неистовства анар-

хистовъ предвѣщаютъ близость событій, сулящихъ потрясти самыя основы западно-европейской культуры.

Въ виду этой грозной опасности намъ надо съ особымъ усердіемъ искать *свой выходъ* и внимательно изучать творенія, содержащія критику Запада и указующія для Россіи самостоятельный путь. Тутъ нельзя забыть о подвигахъ первыхъ славянофиловъ. Вѣдь они были сознательными исповѣдниками христіанскихъ началъ, покорными сынами св. православной церкви и, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубокообразованными, всесторонне развитыми людьми, а не самозванными пророками, дерзающими „исправлять“ ученіе Спасителя міра своими невѣжественными измышленіями; они были убѣжденными вѣрноподданными самодержавнаго Царя, но не увѣряли, что нельзя одновременно дѣлать „не за страхъ, а за совѣсть“ государево и земское дѣло; они были вполне русскими людьми, но не проповѣдывали ни религіозной нетерпимости, ни національной исключительности; они призывали нашу молодежь къ изученію Россіи и русской народности, но рѣшительно осуждали всякое уклоненіе въ область политики и скороспѣлаго рѣшенія общественныхъ запросовъ; они ратовали за свободу научнаго мнѣнія и сомнѣнія, за широкую гласность, а не за право болтать всякій вздоръ и, по недомыслію, сѣять распущенность, всезнайство и самомнѣніе, понижающія культурный уровень общества; они стояли за судъ совѣсти, усматривающей въ законной карѣ искупленіе вины и начала обновленія, но не улицы, склонной къ оправданію завѣдомыхъ преступниковъ; они выяснили значеніе „общины“ и „соборнаго сознанія“ въ противовѣсъ произволу личности, нашедшему, на нашихъ глазахъ, столь краснорѣчивое выраженіе въ ученіи о „сверхчеловѣкѣ“, стоящемъ „по ту сторону добра и зла“; они считали Западъ „страной святыхъ чудесъ“, но не холопствовали передъ мнѣніемъ „просвѣщенной Европы“; они не боялись критики, не затыкали уши, чтобы не слышать слово обличенія; они были горячими сторонниками самоуправленія, истыми поборниками земщины, внимательно и рачительно обслуживающей мѣстныя нужды,

но не посягающей на рѣшеніе общегосударственныхъ вопросовъ. Они дали великій образецъ мужественной преданности долгу и благородной твердости убѣжденій, хотя имъ приходилось дѣйствовать при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ: вспомнимъ, что только благодаря истинно русскому Императору, незабвенному Царю Миротворцу, ихъ сочиненія получили право свободного обращенія и распространенія въ Россіи...

У насъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія отступить отъ столь возвышенныхъ завѣтовъ и мы смѣло можемъ начертать ихъ на знамени Отдѣла.

Поставивъ своей задачей дальнѣйшую разработку славянофильскаго ученія, мы подготовимъ почву для примиренія умѣренныхъ западниковъ съ представителями широкаго націонализма, не отвергающаго братства всѣхъ народовъ. Служеніемъ „выясненію, укрѣпленію въ общественномъ сознаніи и проведенію въ жизнь нашихъ исконныхъ творческихъ началъ“ мы пытаемся, въ то же время, дать посильный откликъ на Державный призывъ „всѣхъ вѣрно-подданныхъ къ содѣйствію правительственнымъ начинаніямъ, направленнымъ къ незамедлительному удовлетворенію назрѣвшихъ нуждъ государственныхъ“, „къ укрѣпленію порядка и правды въ русской землѣ въ соотвѣтствіи съ возникающими потребностями народной жизни“. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы постараемся оправдать упованіе нашего великодушнаго Государя „на честное исполненіе всѣми и каждымъ своего служебнаго и общественнаго долга“, ибо „содѣйствуя *утвержденію въ семьѣ, школѣ и общественной жизни нравственныхъ началъ*, при которыхъ, подѣ сънью самодержавной власти, только и могутъ развиваться *народное благосостояніе и увѣренность каждаго въ прочности его правъ*“, мы выдвинемъ чисто идейный и вполне культурный отпоръ „замысламъ, враждебнымъ государственному порядку, и увлеченіямъ началами, чуждыми русской жизни, которые препятствуютъ общей работѣ по улучшенію народнаго благосостоянія“.

Проповѣди насилія, изувѣрства и нетерпимости, при-

зывамъ къ переворотамъ мы противопоставимъ скромное маленькое *дѣло*, будучи убѣждены, что только медленная и упорная работа надъ расширеніемъ собственного умственного кругозора и личнымъ усовершенствованіемъ можетъ повести къ желанной побѣдѣ надъ невѣжествомъ, одичаніемъ и новымъ варварствомъ, грозящимъ похоронить подъ грудами развалинъ и утопить въ потокахъ крови все культурное достояніе человѣчества. Мы хотимъ не погасить, а ярче раздуть священный огонь истиннаго просвѣщенія и духовной свободы.

Таково направленіе нашей дѣятельности, не имѣющей ничего общаго съ „мракобѣсіемъ“ и „человѣконенавистничествомъ“. Въ чемъ же она можетъ проявляться? Въ примѣненіи чисто культурныхъ средствъ, въ ознакомленіи общества съ забытыми имъ поборниками русской національной мысли, въ преслѣдованіи широкихъ общественныхъ задачъ, намѣченныхъ нашимъ уставомъ.

Такъ, ближайшее торжественное засѣданіе мы предполагаемъ посвятить чествованію благороднѣйшаго человѣка, истиннаго поэта и убѣжденнаго исповѣдника славянофильскихъ воззрѣній *Ө. И. Тютчева*. По православному обычаю мы отслужимъ по усопшемъ панихиду, потомъ прочтемъ докладъ о его поэтической дѣятельности и политическихъ идеалахъ. Желательно было бы ввести въ программу этого засѣданія исполненіе его стихотвореній, положенныхъ на музыку, напр. „Я очи зналъ“. Затѣмъ, подготовляются доклады о современныхъ представителяхъ славянофильства, А. А. Кирѣевъ и А. В. Васильевъ. Отдѣлу необходимо особенно торжественно отмѣтить столѣтнюю годовщину рожденія А. С. Хомякова (1 мая 1904 г.) и я предложилъ бы учредить премію за сочиненіе, кратко излагающее его значеніе для русскаго народа.

Ближайшее отношеніе къ намѣченной программѣ имѣли бы доклады, знакомящіе гг. членовъ съ выдающимися поборниками русской національной идеи и посвященные Кирѣевскому, Самарину, Аксаковымъ, Леонтьеву, Каткову, Достоевскому, Крестовскому, Данилевскому, Страхову

и ихъ противникамъ Грановскому, Герцену, Бѣлинскому, Чернышевскому, Градовскому, Вл. Соловьеву и др.

Было бы уместно также почтить особыми сообщеніями 250-лѣтіе присоединенія Малороссіи (январь 1654 г.), 850-лѣтіе кончины Ярослава Мудраго (февраль 1054 г.), 1300-лѣтіе смерти Григорія Двоеслова (мартъ 604 г.), десятилѣтіе кончины В. К. Надлера (апрѣль 1894 г.), 200-лѣтіе кончины царевны Софьи (іюль 1704 г.), 350-лѣтіе покоренія Астрахани (іюль 1554 г.), 200-лѣтіе взятія Дерпта (іюль 1704 г.), десятилѣтіе скорбной кончины Александра III (октябрь 1894 г.), пятидесятилѣтіе славной Севастопольской обороны и столѣтіе Харьковскаго университета.

Само собой понятно, что эти поминанія не исключаютъ чтенія докладовъ по другимъ вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ цѣлямъ Отдѣла. Такъ вскорѣ будутъ подготовлены доклады: „о предпріимчивости русскаго человѣка“, „о замѣнѣ иностранныхъ словъ русскими“, „о народномъ здоровіи и представительномъ правленіи“.

Необходимо также озаботиться устройствомъ литературныхъ и музыкальных вечеровъ; слѣдовало бы на рождественскихъ святкахъ устроить „русскій вечеръ“ съ пѣніемъ святочныхъ пѣсенъ, колядокъ, національными танцами, хороводами, играми и гаданіями.

Этимъ путемъ можно было бы пополнить нашу скудную казну, въ которую должны поступить сборы съ предложенныхъ общедоступныхъ чтеній по богословію, философіи, логикѣ, психологіи, фізіологіи, русской и всеобщей исторіи, литературѣ и т. п. въ зависимости отъ специальности лицъ, которые соблаговолятъ поработать на пользу общую и ради усиленія нашихъ средствъ. Послѣ прочтенія эти лекціи можно было бы пустить въ продажу отдѣльной книгой и тѣмъ самымъ положить начало издательской дѣятельности Отдѣла и болѣе широкому распространенію общепользныхъ свѣдѣній. Само собой понятно, эти вопросы нуждаются въ болѣе всестороннемъ и подробномъ обсужденіи.

Сознавая чистоту своихъ стремленій, честно и открыто исповѣдуя свои русскія убѣжденія, Отдѣлъ имѣетъ полное

право повторить кличъ древне-русскаго богатыря: „кто въ полѣ живѣтъ человѣкъ—отзовись!“

Будемъ же, по мѣрѣ силъ неуклонно стремиться къ осуществленію поставленныхъ задачъ, къ углубленію и выработкѣ самага дорогаго достоянія для всѣхъ мыслящихъ людей *самопознанія*, необходимаго преддверія къ правильному отношенію къ иноплеменникамъ и иновѣрцамъ. Мы не точимъ противъ нихъ ножей и копій, не возбуждаемъ страстей, не проповѣдуемъ травли, но ищемъ правды и готовы считаться со всякимъ научно обоснованнымъ возраженіемъ, памятуя завѣтъ апостольскій и золотыя слова русскаго Самодержца: „я уважаю всякое мнѣніе, когда оно честно, и никому не мѣшаю его высказывать, но съ приличіемъ и тактомъ“.

Къ глубочайшему прискорбію, наши противники не отличаются ни терпимостью, ни тактомъ. Они хотятъ разнузданной свободы только для себя, они наводняютъ своими „произведеніями“ Россію, смущаютъ простецовъ и кричатъ, будто имъ „зажали ротъ“. Едва прошелъ слухъ объ открытіи Отдѣла, какъ они уже прибѣгли къ своимъ излюбленнымъ средствамъ—запугиванію, клеветѣ и сплетнямъ...

Намъ прятать и бояться нечего: наше дѣло чистое, а насиліе никогда не сможетъ побѣдить лучезарную, благую и созидающую идею; нечистыя и недостойныя средства несовмѣстимы съ дѣйствительно высокими и благородными цѣлями. Лучшій же отвѣтъ на злые навѣты даетъ графъ А. Толстой въ своемъ вдохновенно прекрасномъ стихотвореніи:

...„Напрасно хулители

Мнятъ оскорбить насъ своею гордынею,
На берегъ вскорѣ мы, волнъ побѣдители,
Выйдемъ торжественно съ нашей святынею.
Верхъ надъ конечнымъ возьметъ безконечное!
Вѣрою въ наше святое значеніе
Мы же возбудимъ теченіе встрѣчное
Противъ теченія“.

„Мирный Трудъ“ 1904 г. № 1.

Новый оплотъ Православія въ Харьковѣ.

— — —

Каждый безпристрастный наблюдатель нашей общественной жизни долженъ отмѣтить, что за послѣднее время накопился рядъ явленій, краснорѣчиво свидѣтельствующихъ о пробужденіи глубокаго интереса къ вопросамъ религіи и нравственности; дни огульнаго отрицанія и видимаго торжества матеріалистическихъ воззрѣній смѣнились порою напряженного исканія и явнаго поворота къ вѣрѣ; идеалистическія философскія системы привлекаютъ все большее количество убѣжденныхъ сторонниковъ даже между бывшими ревностными послѣдователями марксизма; представители „точныхъ наукъ“, чистые математики, подводятъ прочное основаніе подъ величавое зданіе нашихъ вѣрованій; въ ученыхъ обществахъ поднимаются оживленные споры, по поводу докладовъ, имѣющихъ очень близкую связь съ богословіемъ и этикой; предпринимаются попытки установить живой обмѣнъ мнѣній между мірянами и церковнослужителями; цѣлыя изданія имѣютъ въ виду „христіанскую миссію среди интеллигенціи“; возникаютъ и быстро расцвѣтаютъ Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви; всюду пастыри стремятся къ возстановленію проповѣди; утоленію духовной жажды пасомыхъ, возрожденію прихода и древнихъ братствъ; церковь православная начинаетъ отвоевывать области, захваченныя лжеучителями, и воздвигать новыя твердыни.

Одной изъ такихъ твердынь является открытое въ Харьковѣ 25 января религіознопросвѣтительное братство

Озерянской Божіей Матери, получившее отъ Харьковскаго отдѣла Русскаго Собранія такое привѣтствіе:

Харьковскій Отдѣлъ Русскаго Собранія, поставившій своей задачей посильное служеніе великимъ созидательнымъ началамъ Православія, Самодержавія и Народности, съ глубокой душевной радостью привѣтствуетъ нынѣ возникшее братство, какъ новаго сѣятеля на безпредѣльной нивѣ Господней, какъ могучаго соратника въ борьбѣ съ разлагающими силами невѣрія, безначалія и космополитизма. Памятуя завѣтъ Апостольскій „другъ друга тяготы носите“, Отдѣлъ надѣется найти въ Братствѣ опору и помощь въ „дни лукавые“ и, въ свою очередь, изъявляетъ полную готовность по мѣрѣ силъ содѣйствовать Братству въ его благородномъ служеніи назрѣвшимъ и неотложнымъ потребностямъ времени. Не развлеченія и пустыя утѣхи, а живой глаголъ назиданія и вѣчной правды жаждетъ получить нашъ народъ отъ болѣе образованныхъ сыновъ своихъ; не мнимо „последнія слова науки“, извлеченныя изъ популярныхъ изданій, а непреложное божественное ученіе Спасителя способно служить единственно надежнымъ кормиломъ среди бурь и злоключеній житейскаго моря. Вѣдь наука, только переставъ быть наукою, можетъ сказать обо всемъ свое послѣднее слово, ибо она всегда ищетъ, и вѣчно искать будетъ, истину. Поколѣнія за поколѣніями подвигаются на лишнюю пядь по безконечному пути къ обладанію ею, но людямъ нуженъ отвѣтъ немедленный на неумолкающіе запросы духа; мыслящій человѣкъ не можетъ удовлетвориться „непознаваемостью основныхъ началъ“ или неразрѣшимостью міровыхъ загадокъ, а потому религіозныя вѣрованія неистребимы, будучи заложены глубоко въ существѣ нашемъ: *Anima humana—natura christiana*—наставляетъ насъ уже христіанская древность. Необходимо только очистить эту природу отъ наносныхъ наслоеній, просвѣтитъ омраченную страстями душу немеркнувшимъ свѣтомъ Евангелія и обновленный человѣкъ найдетъ смыслъ жизни въ насажденіи обѣтованнаго Божескаго царства, въ совмѣстной, руководимой многоопытными мужами, работѣ въ вертоградѣ

Господнемъ. Этотъ подвигъ добрый, для всѣхъ христіанъ равно обязательный, нынѣ существенно облегченъ для насъ основаніемъ Братства, испытаннаго нашими предками, просвѣтительнаго и боевого средства для отпора царящему въ мірѣ злу. Подъ водительствомъ непреоборимой Церкви Христовой намъ не страшны никакіе враги, не грозны никакія испытанія, какъ заповѣдалъ ровно 50 лѣтъ назадъ дѣйствительно „великій писатель земли русской“, вѣрный сынъ своего народа и истинный христіанинъ, О. М. Достоевскій:

„Спасемся мы въ годину наводженій,
Спасутъ насъ крестъ, святыня, вѣра, тронъ!
У насъ въ душѣ сложился сей законъ,
Какъ знаменье побѣдъ и избавленій!
Мы вѣры нашей спроста не теряли,
(Какъ былъ какой-то западный народъ);
Мы вѣрою изъ мертвыхъ воскресали,
И вѣрою живетъ славянскій родъ.
Мы вѣруемъ, что Богъ надъ нами можетъ,
Что Русь жива и умереть не можетъ“!

„Мирный Трудъ“ 1904 г. № 1.

Необходимость преобразований.

Уже давно наше правительство и общество пришли къ убѣжденію, что воспитаніе и образованіе подроставшихъ поколѣній находится у насъ далеко не на высотѣ требованій, представляемыхъ нуждами обширнѣйшаго государства и великаго народа. Въ послѣднее время начались подготовительныя работы для проведенія въ жизнь столь необходимыхъ улучшеній, слишкомъ долго остававшихся неосуществленными, но все болѣе и болѣе дѣлалось яснымъ, что только творческая работа, коренное измѣненіе дѣйствующей системы можетъ привести къ желанному обновленію.

Въ самомъ дѣлѣ, высшія учебныя заведенія рядъ лѣтъ не знаютъ спокойныхъ занятій; безпорядки по многоразличнымъ поводамъ сдѣлались обычнымъ явленіемъ; вмѣсто усовершенствованія въ наукахъ и пріобрѣтенія знаній, студенты занимаются политикой, очень мало читаютъ, еще меньше пишутъ и очень много говорятъ по поводу вопросовъ, чрезвычайно сложныхъ и важныхъ, разрѣшая ихъ въ духѣ крайнихъ партійныхъ воззрѣній. Аудиторіи пусты; „конспекты“ и литографированныя лекціи замѣняютъ живое слово и руководство профессора; кружки, носящіе пышныя наименованія, влачатъ жалкое существованіе, имѣя рѣдкія засѣданія, на которыхъ обнаруживается малая подготовка огромнаго большинства участниковъ; испытанія перестали быть горниломъ, удостоверяющимъ работоспособность и развитіе студентовъ; дипломы раздаются почти за выслугу лѣтъ; передъ экзаменами обыкновенно идетъ постыдное выпрашиваніе сокращенія программъ и просьбы о

пониженіи уровня требованій; нравственное разложеніе, умственная спячка и болѣзненноразвитое, повышенное самомнѣніе, по свидѣтельству наблюдателей изъ среды самихъ студентовъ, оказываются выпуклыми чертами, обрисовывающими современную молодежь. Рѣдкій профессоръ не засвидѣтельствуетъ, что изъ года въ годъ составъ студентовъ ухудшается; кругъ ихъ интересовъ замыкается заботами о подготовкѣ великой „бури“, которую они изъ года въ годъ возвѣщаютъ въ одинаковыхъ выраженіяхъ, распространяя нелѣпая „воззванія къ обществу“, „профессорамъ“, „рабочимъ“, „военнымъ“, „товарищамъ“.

Странно измѣнились роли: учащіе выступаютъ всеобщими наставниками и разъясняютъ всѣмъ и каждому, что надо дѣлать. Это непрошенное и смѣшное учительство назойливо навязывается; устанавливается сыскъ и слѣдствіе, ведутся списки профессоровъ либераловъ и консерваторовъ; первыхъ, изрѣдка, поощряютъ сдержанными похвалами, а вторыхъ отдають подъ судъ „всего образованнаго челоуѣчества, караютъ порицаніями“ и „презрѣніемъ“; въ подпольные листки отсылають на нихъ доносы; въ обществѣ распускають объ нихъ сплетни, клеветническія измышленія и возмутительную ложь. Въ этомъ проходятъ годы ученія, а не въ честномъ сознательномъ трудѣ для подготовки себя на служеніе родинѣ. Несчастные даже не понимаютъ, какое великое преступленіе они совершаютъ передъ своей страной, которую упорно хотятъ облагодѣтельствовать на иноземный ладъ. Они не вѣдаютъ, что творять, ибо не постигаютъ даже единственной цѣли своего пребыванія въ высшей школѣ—накопленія знаній для оплаты долга передъ отечествомъ и обществомъ.

Ясно, что наши среднія учебныя заведенія выпускають дурно воспитанныхъ, мало развитыхъ и плохо подготовленныхъ къ научнымъ занятіямъ молодыхъ людей—носителей будущаго нашей родины. Къ сожалѣнію, въ повременной печати можно найти только очень мало данныхъ для воспроизведенія распорядковъ внутренней жизни нашихъ гимназій и реальныхъ училищъ. Поведеніе учениковъ, образъ

дѣйствій учителей не подвергаются гласному обсужденію, а потому весьма многіе склонны думать, что простая перемѣна программъ, истребленіе ненавистныхъ классическихъ языковъ и введеніе ряда новыхъ предметовъ помогутъ горю. Ничуть не бывало: новое вино, влитое въ старыя мѣха, сгинетъ безъ пользы для дѣла, ибо не въ уставахъ, а въ людяхъ—корень всего и залогъ успѣха. Изъ оплеванной классической школы вышло много полезнѣйшихъ дѣятелей на всевозможнѣйшихъ поприщахъ! Стало быть, не погубилъ же классицизмъ всѣхъ и вся, не довелъ до всеобщаго отупѣнія. Впрочемъ, нашъ классицизмъ былъ явленіемъ крайне своеобразнымъ: послѣ 8 лѣтъ занятій однимъ языкомъ и 6 лѣтъ изученія другого, студентъ не въ состояніи разобратся въ нетрудномъ греческомъ или латинскомъ текстѣ! Монахи въ средніе вѣка, іезуиты въ новое время умѣли научить своихъ питомцевъ чтенію и пониманію произведеній классическаго міра. Что было достигнуто въ прошломъ, оказалось не подъ силу русскому юношеству, которому никакъ нельзя отказать въ большемъ культурномъ развитіи, чѣмъ сынамъ далекаго „варварскаго средневѣковья“. Очевидно, что преподаваніе поставлено неправильно и ведется, въ общемъ, мало свѣдущими учителями, не обладающими педагогическими способностями. Это совершенно понятно: не лучшія силы страны стоятъ у священнаго, отвѣтственнаго, опредѣляющаго будущность народа—дѣла воспитанія его сыновъ, а, наоборотъ, въ большинствѣ, неудачники. Присмотритесь къ составу нашихъ историко-филологическихъ факультетовъ: два-три человека, пошедшихъ по призванію, остальные или вступили на тернистую стезю учительства потому, что не могутъ рассчитывать на успѣхъ на поприщахъ адвоката, врача, инженера, требующихъ личнаго почина, развитія, способностей, или пошли вопреки призванію, въ расчетѣ на стипендіи и на скорый, хотя и горькій, кусокъ хлѣба въ будущемъ. Труднѣйшее дѣло воспитанія требуетъ любви, творчества, умѣнья примѣняться къ способностямъ учениковъ, ихъ свѣдѣніямъ, дабы вести ихъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному.

Наши же педагоги зубрятъ лекціи, въ лучшемъ случаѣ, немного почитаютъ книжки и черезъ четыре года становятся неопытными вершителями судебъ нѣсколькихъ десятковъ несложившихся душъ. Воистину слѣпые проводники представляются къ еще не прозрѣвшимъ! Преподаваніе ведется безъ надлежащей повѣрки; не талантъ, а угожденіе открываетъ виды на лучшее будущее для молодого учителя; въ его интересѣ имѣть какъ можно больше „успѣвающихъ“, требовать поменьше, не утруждать себя объясненіями, представляющими готовиться къ урокамъ; можно и почитать... громко учебникъ, размѣтить его, облегчая его усвоеніе изъ страха сдѣлаться виновникомъ „переутомленія“ учениковъ.

У насъ появилась какая то мода всячески „облегчать“ усвоеніе знаній, но вѣдь дѣло не въ ихъ количествѣ, а въ умственномъ напряженіи, потребномъ для ихъ сознательнаго усвоенія. Мозгъ для развитія нуждается въ упражненіи; поэтому облегченія, въ родѣ устраненія буквы ѣ, по существу приносятъ безусловный вредъ, понижая мыслительный трудъ учащихся, ослабляя ихъ способность къ самостоятельному размышленію и сознательному примѣненію правилъ. Свободная отъ умственной работы энергія тратится на поглощеніе запретной литературы, раннее пьянство, карты, развратъ, составленіе прокламацій и образованіе „тайныхъ обществъ изъ гимназистовъ и реалистовъ“. Вотъ почему они не только не выносятъ знаній, но и не приобретаютъ навыка, умѣнья усидчиво работать, напрягать свою работоспособность.

Оглянитесь кругомъ, гдѣ у насъ люди, привыкшіе, подобно нѣмцу, англичанину, американцу, распредѣлять время труда и отдыха, гдѣ стойкіе, упорные труженики, сохраняющіе долго свои силы? Надорванные, истощенные, довольные—вотъ наши работники на любомъ поприщѣ, требующемъ умственного развитія и особыхъ знаній. Всюду поражаетъ отсутствіе жизненной подготовки, точно каждый не живое лицо, а № такой то огромнаго архива или канцеляріи. Какъ могутъ люди такого склада вложить душу живую въ ребенка или юношу? Вѣдь для этого надо самимъ любить

дѣло, искать лучшихъ способовъ для наилучшаго ему служенія, надо умѣть найти въ пытливомъ, отъ природы, сердцѣ „маленькихъ людей“ соотвѣтствующія струны, задѣть ихъ, превратившись въ воспитателя и руководителя изъ чиновника, или „человѣка въ футлярѣ“. Правда, обстановка въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ крайне тяжела: переполненные классы, нерѣдко лишенные даже необходимаго воздуха и свѣта, многочисленные уроки, необходимые для увеличенія заработка въ виду недостаточности жалованія, вопіющій упадокъ дисциплины въ средѣ учениковъ, безконечные циркуляры, вѣчная война съ родителями и общественное пренебреженіе способны черезъ нѣсколько лѣтъ превратить въ полуразвалину самаго одареннаго и бодраго работника. Даже богатырямъ нуженъ успѣхъ, нужно сочувствіе и вліяніе для дальнѣйшихъ подвиговъ. Обыкновенные же люди въ тысячу кратъ болѣе нуждаются во вниманіи къ ихъ запросамъ для постоянной, изо-дня въ день, неуклонной и плодотворной работы, которая труднѣе иного геройскаго подвига, требующаго минутнаго подъема духа и кратковременнаго напряженія всѣхъ силъ. Поэтому общественная поддержка необходима для правильной постановки отвѣтственнаго дѣла воспитанія. Не въ деньгахъ, не въ постоянномъ вмѣшательствѣ въ жизнь школы она должна выражаться, а въ пониманіи важности самаго дѣла. Государства и народы постоянно строятъ свой домъ и отъ подготовки будущихъ работниковъ зависитъ грядущее благосостояніе общества, разрѣшеніе назрѣвшихъ вопросовъ, искорененіе общественныхъ недуговъ, торжество правды и завѣтныхъ идеаловъ, вдохновлявшихъ предковъ. Вотъ эта то связь прошлаго съ настоящимъ и будущимъ и упущена изъ виду нашимъ обществомъ; оно упорно стремится построить воспитаніе своихъ дѣтей по иноземнымъ образцамъ, не взирая на постоянныя обличенія трезвыхъ писателей; многочисленные „Иванушки“ не переводятся у насъ, ибо мы не хотимъ искать правду по „закону святу“, не хотимъ сосредоточить всѣ помыслы на *созданіе русской школы*, оставивъ подражаніе зарубежнымъ порядкамъ. Все равно, оно къ добру не

приведетъ, а только искалѣчить духовно сотни тысячъ людей, которые могли бы принести пользу родинѣ, если бы научились любить ее, понимать ея нужды и *умѣть* работать надъ ихъ удовлетвореніемъ. Даже низшей школѣ у насъ предлагаютъ какія-то особыя задачи, дѣлаютъ ее мѣстомъ навязыванія народу партійныхъ завѣтовъ, тогда какъ народъ жаждетъ учиться для удовлетворенія *своихъ* нуждъ и потребностей: онъ не хочетъ ни изученія „правъ человѣка и гражданина“, ни усвоенія „точныхъ выводовъ современной науки“. Ему надо умѣть писать, считать, читать; онъ придаетъ большое значеніе умѣнію пѣть „божественное“, знанію молитвъ, а въ иныхъ школахъ даже не читаютъ молитвы передъ ученіемъ, что рѣшительно осуждаетъ народъ, привыкшій креститься и призывать Божью помощь, приступая ко всякой работѣ. Учрежденія, призванныя къ попеченію о народномъ образованіи, не принимаютъ во вниманіе запросы мнимо „темныхъ людей“, а прилагаютъ, наприм. Тверское земство, всѣ старанія для ихъ политическаго развитія, для насажденія свободомыслія, недовольства настоящимъ, стремленія къ насильственнымъ переворотамъ. Такъ могутъ поступать только изуверы, узкіе поклонники отвлеченныхъ началъ, а не истинно просвѣщенные люди, любящіе свою родину и своихъ близкихъ. Кѣмъ надо быть, чтобы позволить себѣ превращать святое дѣло просвѣщенія—въ средство для проведенія въ жизнь, цѣною принесенія другими всяческихъ жертвъ, своихъ личныхъ воззрѣній, притязая на ихъ полную непогрѣшимость.

Дорого обошелся намъ рядъ такихъ опытовъ и надо сознаться, что выводъ можетъ быть одинъ: великій народъ до сихъ поръ не имѣетъ національной школы, а потому его самосознаніе остается стихійнымъ чувствомъ, и не сдѣлалось еще постоянно дѣйствующей силой, преслѣдующей опредѣленную цѣль—стремленіе къ извѣчной правдѣ *своимъ* путемъ.

Великое множество волнующихъ наше общество вопросовъ только тогда найдетъ рѣшеніе, способное удовлетворить огромное большинство русскихъ людей, когда мы получимъ русскую школу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и надежду, упованіе

на то, что хотя потомки наши доберутся до устраненія розни, вражды, взаимнаго непониманія, которыя отравляютъ нашу жизнь. Конечно, несогласія неискоренимы, и въ будущемъ не всѣ будутъ смотрѣть на все одинаковыми глазами, но разрывъ между народомъ и образованными людьми, думающими на книжный ладъ, долженъ, наконецъ, прекратиться: разъ излѣчится эта, зіяющая уже два съ лишкомъ вѣка, рана, объединенная Русь встанетъ передъ міромъ во всей своей мощи и величїи. Только врагамъ удобно поддержаніе корня теперешнихъ нестроений,—отсутствія у насъ насадительницы народныхъ идеаловъ—русской школы, которая сниметъ съ насъ пятно невѣжества, безграмотности, темноты и просвѣтитъ свѣтомъ немеркнущимъ—соединивъ насажденіе знанія и полезныхъ навыковъ съ развитіемъ исконной потребности человѣка—найти цѣль и смыслъ существованія въ служеніи Богу и правдѣ Его.

Недаромъ Государь настойчиво указываетъ, что религіозно-нравственное просвѣщеніе, къ которому искони стремится нашъ народъ, должно быть поставлено цѣлью улучшенія народнаго образованія. Въ этой неотложной созидательной работѣ должны соединиться всѣ сознающіе себя русскими людьми: родина властно зоветъ ихъ на помощь братьямъ, гибнущимъ отъ духовнаго мрака, который все грознѣе надвигается на человѣчество. Наступаютъ, повидимому, дни обновленія и заботы о созданіи національной школы. Русскіе люди, открыто исповѣдующіе свою преданность устоямъ нашего Отечества, получаютъ руководящее положеніе въ постановкѣ нашего учебно-воспитательнаго дѣла: на постъ попечителей Петербургскаго и Оренбургскаго учебныхъ округовъ назначаются члены Русскаго Собранія, П. П. Извольскій и Н. Ч. Заіончковскій, а управленіе Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія ввѣряется члену Совѣта Русскаго Собранія, г. В. Г. Глазову, начальнику Николаевской Академіи генеральнаго штаба.

Въ высшей степени важно ознакомиться съ точкой зрѣнія новаго Министра и его пониманіемъ своихъ задачъ. Пока единственнымъ источникомъ для этой цѣли можетъ

послужить лишь его рѣчь, произнесенная 16 апрѣля при приемѣ чиновъ Министерства. Здѣсь В. Г. Глазовъ называетъ „крайне нелегкимъ и отвѣтственнымъ“, „святое дѣло умственного и *нравственнаго* просвѣщенія нашего отечества“, указываетъ, что „какъ человѣкъ военный, привыкъ имѣть дѣло съ людьми, которыхъ *воспитываютъ* въ идеяхъ безпредѣльной преданности Царю и Отечеству и въ неуклонныхъ правилахъ дисциплины и порядка“, признаетъ возложенную Государемъ обязанность осуществимой единственно подъ условіемъ совмѣстной работы, памятуя, что одна изъ статей воинскаго устава предписываетъ начальствующимъ лицамъ отечески пещись, въ предѣлахъ закона, о благосостояніи своихъ подчиненныхъ, а всѣ ихъ отношенія характеризуются прямолинейностью и опредѣляются тѣмъ, что органъ управленія созданъ для людей, а не наоборотъ, и высказываетъ увѣренность найти въ служащихъ „энергичныхъ, одушевленныхъ знаніемъ и опытомъ сотрудниковъ, всею душою преданныхъ дѣлу“.

Нельзя не порадоваться привлеченію къ управленію Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія выдающагося работника въ области военной, любителя старины, окончившаго въ 50 лѣтъ, будучи уже генераломъ, Археологическій Институтъ. Многолѣтняя привычка къ порядку и широкій кругъ интересовъ должны оказать большую услугу при упорядоченіи нашей учебно-воспитательной неурядицы. Распушенность, полный упадокъ дисциплины, вредное направленіе—отмѣтилъ въ стѣнахъ нашей средней школы и бывшій министръ. Болѣзнь опредѣлена точно, но надлежащаго лѣченія до сихъ поръ не было предпринято. Едва ли найдется вѣдомство, гдѣ власть проявлялась бы менѣе стойко, менѣе послѣдовательно, чѣмъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, остановившемся на половинѣ дороги въ дѣлѣ преобразованій. Неопредѣленность положенія, колебанія по вопросу объ участи древнихъ языковъ, внесли большую смуту, чреватую послѣдствіями. Циркуляры о поднятій дисциплины оставались мертвой буквой, а важно не отданное приказаніе, но *исполненное*. Не только ученики, но и ихъ

наставники нуждаются въ указаніи, что на первомъ мѣстѣ стоитъ „воспитаніе въ идеяхъ безпредѣльной преданности Царю и Отечеству и въ неуклонныхъ правилахъ дисциплины и порядка“. Стало быть, разныя поблажки пансіонерамъ, угожденія дѣтямъ вліятельныхъ лицъ, потворство и заискиваніе передъ молодежью, пошленькій либерализмъ иныхъ директоровъ, попирающихъ дисциплину ради „высшихъ соображеній“, встрѣчаютъ въ новомъ Министрѣ явнаго и непреклоннаго противника. Равнымъ образомъ, онъ изъ военной среды вынесъ цѣнную привычку къ совмѣстной дѣятельности, къ достиженію дружными усиліями общей цѣли, а потому можно надѣяться на поднятіе корпоративнаго духа въ учительской средѣ, на усиленіе педагогическихъ совѣтовъ въ ущербъ полновластію директоровъ, обязанныхъ блюсти интересы подчиненныхъ, а не награждать угодниковъ. Ясно, что таланту, работоспособности будетъ данъ должный просторъ и мѣсто „личнаго усмотрѣнія“ займутъ точныя требованія для всѣхъ одинаковаго закона. Это уваженіе къ началу законности, проникшее въ плоть и кровь военныхъ людей, должно послужить искорененію мерзости запустѣнія, водворившейся во „святѣмъ мѣстѣ“. Душевное удовлетвореніе испытываетъ всякій непредубѣжденный человѣкъ отъ простыхъ словъ новаго Министра. Невѣроятно трудна, сложна и отвѣтственна предстоящая ему работа; много преградъ и затрудненій виднѣется впереди, но его прошлое, твердость убѣжденій, самостоятельность и опытность внушаютъ надежду, что неотложное дѣло преобразованій пойдетъ при немъ полнымъ ходомъ, безъ излишней торопливости и нервности.

„Мирный Трудъ“ 1904 г. № 4.

Кн. Дмитрій Петровичъ Голицынъ.

---

14 апрѣля 1904 года исполнилось 25 лѣтъ отъ начала литературной дѣятельности предсѣдателя Совѣта „Русскаго Собранія“ въ Петербургѣ, князя Д. П. Голицына. Харьковскій Отдѣлъ посвящаетъ особое засѣданіе ознакомленію своихъ членовъ съ его произведеніями и въ обстоятельныхъ докладахъ предполагается раскрыть ихъ общественное значеніе. Въ виду этого обстоятельства мы ограничиваемся пока лишь сообщеніемъ краткихъ біографическихъ свѣдѣній и бѣглымъ указаніемъ важнѣйшихъ руководящихъ воззрѣній передового борца за русское дѣло.

Князь Д. П. Голицынъ родился 6 декабря 1860 года въ Висбаденѣ и, получивъ домашнюю подготовку, обычную въ нашихъ родовитыхъ семьяхъ, поступилъ въ Императорскій Академическій лицей. Здѣсь онъ еще на школьной скамьѣ проявилъ свои литературныя дарованія и одно изъ его юношескихъ стихотвореній увидѣло свѣтъ въ „Живописномъ Обозрѣніи“ 14 апрѣля 1879 года. По окончаніи лицея съ дипломомъ перваго разряда нашъ писатель успѣваетъ совмѣстить службу въ государственной канцеляріи съ занятіями литературой и даетъ рядъ беллетристическихъ очерковъ изъ жизни золотой молодежи и высшаго свѣта, а затѣмъ романовъ и повѣстей, затрагивающихъ общественныя злобы дня первостепенной важности. Большинство этихъ произведеній, привлечшихъ вниманіе читателей, издано отдѣльными книжками и подписано псевдонимомъ *Д. Муравлинъ*.

Вотъ перечень важнѣйшихъ сочиненій, которыми князь

Голицынъ подарилъ русское общество: въ 1884 г. выпущены очерки „Убогіе и нарядные“, въ 1885—романы „Баба“ и „Теноръ“, въ 1886—„Хворь“ и „Мракъ“, въ 1887—„Около любви“, въ 1888—рядъ повѣстей и рассказовъ, во главѣ коихъ стоятъ „Князь“, въ 1889—„Рубли“, въ 1891—„Судъ идетъ“, въ 1893—„Дѣти“, въ 1894—„Въ толпѣ“, въ 1895—„Будни“, въ 1899—„Въ Петербургѣ“, 1900—„Вавилоняне“, въ 1902—„Отъ смутныхъ дней“, въ 1903—„На безлюдь“ и „на Руси“. Кромѣ этихъ болѣе или менѣе крупныхъ произведеній князь Д. П. Голицынъ издалъ книгу стихотвореній „Поэзія“ (1895 г.) и написалъ пьесы „Максимъ Сумбуловъ“, „Кража“, „Сонъ Улады“ и „Кашей“. Публицистическія статьи, помѣщаемыя княземъ Голицынымъ въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ прежней редакціи, обращали на себя вниманіе мужественнымъ служеніемъ русскимъ интересамъ, все сильнѣе захватывающимъ его существо, а прекрасное художественное описаніе Черногоріи и Далматинскаго побережья („У синя моря“ 1898 г.) соединило съ изяществомъ и образностью изложенія живое сознаніе необходимости духовнаго единенія славянъ и горячую проповѣдь славянской взаимности, тогда какъ общественное міросозерцаніе его выразилось съ полной опредѣленностью и яркостью въ докладъ „О своемъ домѣ“ прочитанномъ въ Русскомъ Собраніи.

Уже этотъ перечень показываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ далеко не зауряднымъ явленіемъ: сочиненія кн. Голицына поражаютъ, прежде всего, своимъ многообразіемъ; повѣсти, рассказы, стихотворенія чередуются съ описаніемъ путешествія и чисто публицистическими произведеніями. Художникъ-бытописатель оказывается въ то же время и публицистомъ-проповѣдникомъ. Эти двѣ стороны иногда до такой степени сливаются, что инья произведенія (въ особенности послѣднихъ лѣтъ) представляются художественной проповѣдью, проводятъ въ жизнь опредѣленные идеалы, ихъ раскрывая, защищая и возвѣщая. Жгучіе вопросы современности находятъ тутъ живой откликъ; продуманное рѣшеніе получаютъ общественныя недоумѣнія. Небольшой,

напримѣръ, разсказъ „Не убій“ своеобразно освѣщаетъ, получившій особый интересъ благодаря „Крейцеровой сонатѣ“ гр. Толстого, вопросъ о поведеніи мужа при измѣнѣ жены. Князь Голицынъ не разъ возвращается къ нему (ср. „Вавилоняне“) и разрѣшаетъ его въ духѣ высокихъ указаній христіанскихъ завѣтовъ: онъ взываетъ къ снисхожденію, увѣщаетъ прощать ради дѣтей, которымъ отводитъ, вообще видное мѣсто, разъясняя, съ рѣдкой теплотой и любовью, ихъ значеніе въ общей жизни семьи.

Въ противоположность моднымъ писателямъ, яркими красками и съ явнымъ сочувствіемъ, рисуящимъ прелести страсти, любовнаго увлеченія, сильнаго чувства, якобы оправдывающихъ нарушеніе добровольно принятыхъ обязательствъ и забвеніе долга, Дмитрій Петровичъ воспроизводитъ сложный міръ душевныхъ движеній, которыя охватываютъ человѣка, сдѣлавшаго ложный шагъ, и даетъ правдивую картину раскаянія, жажды искупленія и признанія, что личное счастье недостижимо, разъ основывается на несчастіи другихъ, ибо нельзя возвести прочное зданіе собственнаго благополучія на развалинахъ семейнаго уклада ближнихъ, дающаго имъ силу жить и работать.

Такой же идейный отпоръ кн. Голицынъ выдвигаетъ и инымъ „современнымъ“ лжеученіямъ, призывающимъ къ неудержимому и слѣпому подражанію явленіямъ зарубежной жизни. Онъ мѣтко и смѣло указываетъ на главную болѣзнь, разъѣдающую наше общество: „Вавилоняне мы, безсмысленно толпящіеся у недостроенной башни, забывшіе, откуда и съ кѣмъ мы пришли, забывшіе, *куда намъ слѣдуетъ идти*. Своихъ родныхъ мы считаемъ чужими, а у пришельцевъ охотно заимствуемъ идеалы“. „Мы очутились въ положеніи тѣхъ хозяевъ, у которыхъ слишкомъ много гостей; мы уже не дома, а точно въ гостинницѣ; мы становимся какими-то случайными прохожими; никогда это не чувствовалось такъ, какъ въ нынѣшнее время“. Возражая на обычное, пошлое и избитое обвиненіе сторонниковъ вѣрности русскимъ устоямъ въ отсталости, князь говоритъ: „Не тотъ отсталый, кто помнитъ вчерашній день, а тотъ, кто, вне-

запно отрѣшившись отъ всего того, что выработано вѣками, покидаетъ свое историческое мѣсто, забываетъ прежнее и тѣмъ самымъ уходитъ назадъ, по ту сторону высотъ отечественной работы. Промѣнявъ свой домъ на улицу или постоянный дворъ, онъ отрывается отъ творчества, въ лучшемъ случаѣ остается покупателемъ благъ, расходуетъ свое на приобрѣтеніе чужого. Обиліе такихъ лицъ и создаетъ то, что надо называть настоящей отсталостью, потому что они задерживаютъ естественное теченіе народной жизни“.

Но не глумленіе надъ противникомъ, не расхолаживающее всякій порывъ назойливое нытье, не безотрадное сознаніе безвыходности положенія, а вдохновенный призывъ къ труду на благо многострадальной родины, мощно и властно звучить въ его произведеніяхъ: „Да поможетъ намъ Богъ быть живыми людьми, вдохновенными носителями завѣтовъ, создавшихъ великую и могущественную Россію, отмечающими лукавыя ученія, навѣянные со стороны, творящими работу свою увѣренно, сознательно, у священнаго стяга, на которомъ начертаны слова: „Православіе, Самодержавіе, народность“.

Кн. Голицынъ не закрываетъ глаза передъ опасностью, не убаюкиваетъ сладкими надеждами на свѣтлое будущее, но настойчиво подчеркиваетъ потребность тѣснаго единенія всѣхъ русскихъ людей, скорбитъ, что многіе „до сихъ поръ еще не уразумѣли даже того, что имъ пора сплотиться“, ибо подъ покровомъ либеральной болтовни идетъ завоеваніе Россіи инородцами, усиленное насажденіе чуждыхъ духу народа идей, растлѣвающихъ подрастающія поколѣнія. Но это пониманіе дѣйствительности вовсе не обозначаетъ собой проповѣди вражды и ненависти къ инородцамъ: „враждебность и озлобленіе противорѣчатъ кореннымъ чертамъ русскаго духа; ихъ нѣтъ и относительно тѣхъ инородцевъ, которые оказались на Руси въ очень большомъ числѣ, безъ всякой выгоды для нашей государственной жизни, но коль скоро выяснилось, что отъ такихъ то нельзя ожидать содѣйствія общему дѣлу, то о равенствѣ всѣхъ передъ лицомъ Руси не можетъ быть и рѣчи“.

Равнымъ образомъ кн. Голицынъ остается чуждымъ замкнутости, исключительности, нетерпимости: „намъ нужно быть знакомыми съ нерусскими теченіями, насколько они могутъ отразиться на ходъ русскаго дѣла. Намъ, конечно, слѣдуетъ съ этими теченіями бороться, но исключительно средствами мирными, просвѣтительными, никого не оскорбляя, безъ нетерпимости и безъ раздраженія, памятуя, что по выраженію Апостола Іакова, гнѣвъ человѣка не творить правды Божіей“.

Кн. Голицынъ учитъ отдавать должное иноземцамъ, но не преувеличивать ихъ значеніе, какъ показываетъ вдохновенный отпоръ, вложенный имъ въ уста А. П. Вратынцева на замѣчаніе Прилунова, что „Россія не можетъ идти впередъ безъ учителя. Все, что у насъ есть хорошаго, мы получили отъ нѣмцевъ, потому что нѣмцы сдѣлали Россію“. — „У насъ разные взгляды, съ наружнымъ спокойствіемъ проговорилъ Алексѣй Павловичъ, я похвалилъ нѣмцевъ именно за то, что ни одинъ изъ нихъ не скажетъ о своей родинѣ того, что вы сказали о Россіи“. „Германія потому и сильна, что нѣмецъ уважаетъ себя и свое отечество. А вы о своей родинѣ говорите, какъ о мальчишкѣ, нуждающемся въ репетиторѣ. Да, нѣмцы насъ могутъ многому научить, они даютъ намъ примѣръ національнаго самосознанія. Нашими учителями должны быть не они, а ихъ поступки, ихъ примѣръ. Если же мы будемъ чувствовать, что мы все получили отъ нѣмцевъ, то тѣмъ самымъ докажемъ, что мы годимся только на роли бродягъ, не помнящихъ родства. Русскіе люди дѣлали Россію, а иноземные ее разрушали“. „Я въ первый разъ васъ вижу, но я васъ знаю, потому что встрѣчалъ десятки вамъ подобныхъ, перевозящихъ по заграничнымъ странамъ свою готовность бранить Россію. Вамъ нѣмецъ сказалъ, что русскую армію обучали нѣмцы и вы радовались, вмѣсто того, чтобы придушить его именами Суворова, Кутузова, Скобелева, Драгомирова, Гурко. За границей вамъ говорили, что мы отстаемъ отъ западной мысли, а вы не отвѣтили, что Пушкинъ и Гоголь на сто головъ выше тѣхъ, которымъ они у себя въ каждомъ го-

родѣ ставятъ памятники. Твердили вамъ, что мы дикари, а вы не указали, что русскіе—единственный народъ, въ теченіе девяти столѣтій живущій во имя христіанства, отстаивавшій свою вѣру сознательно, могущій считать всю свою исторію крестовымъ походомъ. Когда они вамъ нахально подсказывали, что нѣмцы сдѣлали Россію, вы не нашлись сказать, что, наоборотъ, мы сотворили нѣмцевъ, не только оградили ихъ отъ татаръ, не только взяли на себя всѣ тягости борьбы съ Наполеономъ, но еще приходили къ нимъ постоянно на помощь. Вы имъ не сказали, что у насъ, въ Казанскомъ соборѣ, хранятся ключи города Берлина и что только по нашему великодушію мы ограничились одними ключами. Право, я начинаю думать, что нѣмцы сдѣлали у насъ тѣхъ, которые говорятъ, что нѣмцы сдѣлали Россію“ (На Руси стр. 20—21). Такія горячія рѣчи, естественно, должны будить самосознаніе русскихъ людей, которымъ князь внушаетъ вѣру въ будущее на основаніи прошлаго,—какъ свидѣтельствуется пьеса „Кашей“, изображающая страданія Россіи отъ татаръ, ляховъ и нѣмцевъ при Биронѣ. Основную мысль передаетъ слѣдующая отповѣдь князя Гжатскаго могучему временщику:

„Для насъ—что вѣкъ, то новая верига
Подвижникамъ страдальческой земли.
Давило насъ мученіе злого ига,
Татаре намъ неволю принесли
И не одно насъ мучили столѣтье.
Въ года тяжелой смуты и борьбы
Мы польское познали лихолѣтье,
И храмы гибли, множились гробы.
Платили дань мы всякими дарами,
Платили хану мѣхомъ, серебромъ...
Вы дань берете также, только съ вами
Считаемся духовнымъ мы добромъ,
Вы русскій духъ врагомъ своимъ назвали
И тѣмъ для насъ страшнѣе вы татаръ.
Татаре съ нами честно воевали,
А вы пришли, какъ воры на пожаръ.

Поляки къ намъ водили самозванцевъ...
 То были годы бунта, мятежа...
 Вы къ намъ толпою жалкихъ оборванцевъ
 Вошли въ черту родного рубежа.
 Не въ день одинъ, а долгими годами
 Одѣлись вы, насытились... Теперь
 Вы назвались надъ нами господами
 И родичамъ своимъ раскрыли дверь,
 Зовете ихъ и празднуете тризну
 Надъ русскимъ духомъ, топчете его,
 Но Богъ спасетъ, помилуетъ отчизну
 И не отдастъ отчизна своего!..
 Наступитъ день и родина святая
 Произнесетъ на вашу рѣчь отвѣтъ:
 Наносный соръ все властно отмѣтая,
 Воскликнемъ мы „Вивать Елисаветъ“!

Спасаютъ Россію отъ всѣхъ невзгодъ и испытаній стихійныя силы, напѣвъ которыхъ раздается во время самыхъ тяжелыхъ и опасныхъ для Россіи превратностей, какъ вѣсть грядущаго избавленія:

„Годины темныя унынья и мученья
 Послала намъ судьба,
 Но не познала Русь стыда порабощенья
 Спасла ее борьба.
 Она, покорная велѣньямъ вдохновенья,
 Земному—не раба“.

Въ виду проповѣди такихъ идей, кн. Голицынъ не нашелъ еще правильной и всесторонней оцѣнки, не приобрѣлъ заслуженной извѣстности, но подвергся замалчиванію, лживымъ навѣтамъ и обвиненіямъ. „Передовые“ критики не считаютъ нужнымъ вдуматься въ смыслъ его изобличеній, а наша молодежь, живущая по чужой указкѣ, хорошо слѣдуетъ ей и не читаетъ запрещенныхъ лжелиберальной цензурой произведеній: кн. Голицынъ попалъ въ этотъ списокъ за свою благородную и правдивую, мужественную и стойкую дѣятельность, за вѣрность и постоянство своихъ убѣжденій. Поборники свободы мнѣній уподобились средне-

вѣковымъ изувѣрамъ, составлявшимъ „индексы“, не избавившіе, однако, ихъ отъ утраты вліянія: правда всесильна и рано-поздно пробьется сквозь ухищренія, а потому кн. Голицыну еще предстоитъ славное будущее, какъ руководителю общества, выразителю стремленій миллионовъ русскихъ людей, желающихъ сохранить свою самобытность. Потребность въ положительныхъ, родныхъ русскихъ идеалахъ все сильнѣе сказывается въ общественномъ настроеніи. Надоѣло бесплодное топтаніе на мѣстѣ, хочется двинуться впередъ по пути, завѣщанномъ предками, и бурные выкрики Горькаго, безотрадное нытье Чехова, вѣчныя обличенія, пережевывающія старое, уже пережитое, проповѣдующія уже брошенное на Западѣ, видимо утрачиваютъ бывшее обаяніе. Передъ Россіей встаютъ міровыя задачи и не сѣяніе злобы и вражды, не внушеніе ненависти къ родинѣ способны разрѣшить ихъ. Тутъ нужны творческія, самобытныя силы, стоящія въ живомъ общеніи съ народомъ, проникнутыя его запросами, его вѣрованіями и упованіями. Безъ идеала невозможно жить и дѣйствовать. Хвала же кн. Д. П. Голицыну за вѣрное служеніе нашимъ исконнымъ началамъ, за безтрепетное стояніе на стражѣ чести и славы безпредѣльно дорогой родины. Не сломили его ковы, съ теченіемъ времени ширилось его поприще, такъ какъ ему пришлось перейти, послѣ 21 года службы въ Государственной канцеляріи, въ Министерство Народнаго Просвѣщенія. Любовь къ дѣтямъ, пониманіе ихъ, преданность русскому дѣлу нашли удобное поле для примѣненія, сулящее обильную жатву. Возникновеніе Русскаго Собранія, въ которомъ, съ самаго основанія, кн. Дмитрій Петровичъ состоитъ отвѣтственнымъ руководителемъ, какъ предсѣдатель Совѣта, указываетъ, что призывъ къ единенію русскихъ людей не остался гласомъ вопіющаго въ пустынь. Да увѣнчаетъ еще болѣе существенный успѣхъ благородную дѣятельность выдающагося русскаго человѣка и писателя, во истину сѣющаго „разумное, доброе, вѣчное“. Съ полнымъ основаніемъ „скажетъ ему спасибо сердечное русскій народъ“.

„Мирный Трудъ“ № 4, 1904 г.

Василій Львовичъ Величко.

Сегодня исполнилось 40 дней отъ безвременной кончины извѣстнаго поэта и публициста, В. Л. Величко, всего только *три мѣсяца* назадъ приславшаго намъ „братскій привѣтъ“ и горячее пожеланіе: „дай Богъ новой русской дружинѣ успѣшно и славно служить родному намъ дѣлу“. Даже на смертномъ одрѣ, въ тяжкихъ мукахъ болѣзни, онъ много говорилъ о харьковскомъ Отдѣлѣ, ждалъ отъ насъ вѣстей, горѣлъ желаніемъ сдѣлать полезныя указанія для роста его вліянія... Связь съ нами стала какъ бы наслѣдственной: родные В. Л., узнавъ о сборѣ Отдѣломъ денегъ на военныя нужды, пожертвовали 25 экз. его сочиненій, съ тѣмъ чтобы *вся* выручка была присоединена къ нашей небольшой лептѣ. Вотъ почему на насъ *сугубо* лежитъ священный и скорбный долгъ помянуть усопшаго теплою молитвой и ознакомить, хотя въ общихъ чертахъ, съ его безтрепетнымъ служеніемъ русскому дѣлу.

В. Л. Величко былъ нашимъ землякомъ, уроженцемъ „благословенной Украйны“. Его родъ цѣлыя столѣтія обладалъ помѣстьями въ Прилукскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, и принадлежалъ къ малороссійской знати. И вотъ, потомокъ Самуила Величко, знаменитаго малорусскаго лѣтописца и секретаря Мазепы, всею своею дѣятельностью обличаетъ несостоятельность призывовъ къ борьбѣ съ „чужинцами“, выступаетъ знаменосцемъ „Русскаго Собранія“ въ Петербургѣ, выдаваемого недругами за сонмище „москалей поганихъ“, за *исключительное* проявленіе велико-

русской замкнутости: чуждый узкаго, мѣстнаго патріотизма покойный беззавѣтно и самоотверженно любилъ Россію, для которой, какъ для настоящей общей нашей матери, нѣтъ ни „хохловъ“ ни „кацаповъ“. Величко и былъ убѣжденнымъ поборникомъ общерусской идеи; служенію ей онъ отдалъ всѣ свои богатые дарованія, даже самую жизнь: ранняя смерть его была вызвана слабостью сердца, утомленнаго великими испытаніями и бѣдами; желѣзное, богатырское здоровье не вынесло тяжкихъ превратностей, выпавшихъ на долю покойнаго въ награду за мужественное отстаиваніе русскихъ интересовъ.

Легко и радостно начиналась литературная дѣятельность юнаго поэта, печатавшаго свои изящныя произведенія еще на скамьѣ училища правовѣдѣнія. Недюжинный талантъ открылъ Величко страницы журналовъ самыхъ противоположныхъ направленій. Дружныя похвалы критики привѣтствовали его первый сборникъ стихотвореній. Казалось, только успѣхъ и слава ждали впереди носителя лучшихъ преданій пушкинской школы. Но горячая природа казака не могла удовлетвориться поэтическими лаврами; она жаждала борьбы, подвига за родное русское дѣло, побѣды надъ его злыми врагами. Веселымъ и жизнерадостнымъ вступилъ Василій Львовичъ, въ качествѣ редактора тифлисской газеты „Кавказъ“, на тернистую стезю публицистики. Тяжелымъ оказалось для него новое поприще, превратившее „жреца поэзіи чистой“ въ страстнаго борца за русскія начала: „я лично на себѣ испыталъ радикальный переворотъ, пишетъ Величко ¹⁾, подѣ влияніемъ ряда яркихъ, вопіющихъ фактовъ, воочію доказавшихъ мнѣ и несостоятельность и глубокую безнравственность... буржуазно-либеральнаго исповѣданія. Мнѣ довелось видѣть на кавказской окраинѣ, какъ плутократическая армянская стачка, захвативъ въ свои руки всѣ жизненныя силы цѣлаго края, не исключая совѣсти многихъ представителей служилой интеллигенціи, орудовала всѣми заповѣдями либерализма для того, чтобы совершать

¹⁾ В. Величко „Русскія Рѣчи“. Русскій Вѣстникъ 1902 года, № 5, стр. 121 сл.

и прикрывать самая безчеловѣчныя, самая противообщественныя дѣянія. Выборное начало служило незаконному преобладанію и неправому стяжанію армянскихъ богачей; формально-правовой порядокъ—успѣхамъ, опять таки, представителей этого изворотливаго народца, съ которыми на поприщѣ судебной казуистики не могутъ соперничать сыны племенъ, болѣе наивныхъ и благородныхъ, въ томъ числѣ русскіе. Отсутствие искренно продуманнаго національнаго направленія въ экономической политикѣ повлекло за собой матеріальное закабаленіе даже представителей „господствующей народности“, которая, для блага самихъ же кавказскихъ туземцевъ, должна бы занимать въ краѣ достойное, авторитетное положеніе. Мучительно, до нестерпимости, было глядѣть на неизъяснимыя, бросающія тѣнь на наши правящіе классы, страданія русскихъ простолюдиновъ, погибавшихъ и отъ безпомощности въ тяжелыхъ естественныхъ условіяхъ, и отъ нестроенія мѣстныхъ дѣлъ, и отъ сатанинской безчеловѣчности враждебно вліятельныхъ инородцевъ. Эпопеи духоборческая и переселенческая таковы въ своихъ подробностяхъ, что свидѣтелямъ хоть нѣкоторыхъ эпизодовъ, нельзя вспоминать о нихъ безъ суевѣрнаго ужаса. Любому русскому интеллигенту, заучившему на школьной скамьѣ рядъ теоретическихъ воззрѣній, не оправдываемыхъ жизнью, полезно было бы поближе присмотрѣться къ тому, что совершается въ этомъ краѣ. При малѣйшей склонности къ добросовѣстному, самостоятельному мышленію, онъ сперва будетъ испуганъ и возмущенъ, а потомъ взглянетъ на указанные явленія, какъ на пробный камень, неопровержимо доказывающій нелѣпость или неискренность шаблонно-либеральной программы. Но вотъ что *особенно типично*: всякій разъ, когда приходилось разоблачать наглядными фактами тѣ или иныя темныя стороны мѣстной жизни—это вызывало *яростнѣйшія нападки* со стороны наиболѣе извѣстныхъ представителей современной *либеральной* печати. Этими послѣдними наглядно проявлялось чувство совершенно одинаковаго достоинства съ чувствомъ дореформенныхъ взяточниковъ, готовыхъ утопить

въ ложкѣ воды всякаго, кто откроетъ тѣ или иныя темныя шашни. Вначалѣ я приписывалъ это явленіе недоразумѣнію, клеветѣ, устно и письменно выяснялъ нѣкоторымъ, лично знакомымъ, ревнителямъ „правъ человѣка“ истинное положеніе вещей; показывалъ имъ характерныя письма духовоборовъ, русскихъ простолюдиновъ, наконецъ, даже туземцевъ, пригнетенныхъ мѣстною инородческою плутократіей; ссылался на факты, официально констатированные лучшими представителями русской власти“. „На одной чашкѣ вѣсовъ—реальныя народныя страданія, издѣвательство надъ закономъ, нравственностью, культурой; на другой—приверженность къ программѣ, которая опровергается и наукой и жизнью. Что перевѣситъ? Неужели факты, наглядные, безспорные не имѣютъ силы убѣжденія?“... Оказалось, что *не* имѣютъ. Обличенія В. Л. Величко только сдѣлали его предметомъ злобной ненависти всесильныхъ инородцевъ и превратили его въ глазахъ нашихъ „либераловъ“ въ „мракобѣса“ и „человѣконенавистника“. Все было пущено въ ходъ противъ него, ибо надо было *заставить* замолчать смѣлый и правдивый голосъ. Достаточно прочитать романъ Величко „Норъ-Кагакъ“, чтобъ понять, въ какой *ужасной* средѣ ему приходилось отстаивать русскіе интересы. Немудрено было сдѣлать неосторожный шагъ, которымъ не замедлили воспользоваться его враги: внезапно онъ былъ лишенъ редакторства наканунѣ предверія новаго года и съ опасностью для жизни покинулъ Кавказъ ночью 31 декабря 1899 года. Ему не дали даже закончить годъ! По свидѣтельству достойныхъ лицъ, въ Тифлисѣ не хватило шампанскаго для празднованія инородческими богачами побѣды надъ русскимъ независимымъ человѣкомъ. Ему пришлось спасать въ Петербургѣ даже свое доброе имя ¹⁾ цѣною навсегда подорваннаго здоровья и гибели матеріальнаго благосостоянія: „для выплаты заключенныхъ при внезапной сдачѣ газеты займовъ, онъ долженъ былъ заложить свое родовое имѣніе“. Хотя его изстрадавшееся сердце мучила „боязнь потерять

¹⁾ *Апраксинъ и Бурнашевъ. Послѣдніе дни Велички. Стр. 2. Москва 1904 г.*

землю, изъ преемственной, родовой связи съ которою органически вытекало его міровоззрѣніе“, онъ не внялъ совѣтамъ друзей и, осудивъ себя на лишенія, отказался просить о возмѣщеніи убытковъ.

Однако, было бы большою ошибкой признать Величко совершенно побѣжденнымъ могущественными инородцами: онъ несомнѣнно поднималъ самосознаніе русскихъ людей на Кавказѣ, своими пылкими статьями заставилъ ихъ вдумчивѣе относиться къ окружающему и *во время* предупредилъ наше отечество о коварныхъ замыслахъ и грозно-надвигающейся опасности. Онъ оставилъ послѣ себя *добрую* память среди той части населенія Кавказа, которая не заражена политиканствомъ и не побоялась выразить уѣзжающему свою признательность въ адресѣ, скрѣпленномъ тысячу подписей. Въ Тифлисѣ Василій Львовичъ создалъ оплотъ для русскихъ людей въ видѣ „Отдѣла общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III“ и всячески старался помочь русскимъ переселенцамъ, пожертвовавъ, на примѣръ, въ пользу тифлисской переселенческой столовой всю прибыль отъ продажи своего романа „Норъ-Кагакъ“.

Величко не оказался вопіющимъ въ пустынь: онъ встрѣтилъ, по его собственному свидѣтельству, живой откликъ: „Мнѣ лично было бы грѣшно сѣтовать на кавказскую интеллигенцію и, въ итогѣ, приходитъ къ нелестному для нея выводу. Я имѣлъ счастье убѣдиться, что у нея сердце глубоко русское, чуткое ко всякому искреннему призыву. Въ чужой средѣ, среди чужихъ говоровъ, она стала забывать о родномъ народѣ, но *горячо пошла на встрѣчу народнымъ нуждамъ первой же переселенческой волны*. Плохо крещеные приватъ-доценты на школьной скамьѣ отравили ея головы микробомъ западническихъ мечтаній,—а въ первый же мигъ столкновенія съ рѣзкой дѣйствительностью она поняла *аксіому самодержавія* для Россіи; стоило подняться національнымъ вопросамъ, стоило разобраться въ національныхъ страданіяхъ, и многіе люди, которыхъ въ юности школа и печать оторвали отъ вѣры,—*идутъ съ трепетомъ сердеч-*

нымъ на призывъ матери-церкви“. При такихъ условіяхъ нельзя считать русское дѣло на Кавказѣ непоправимо испорченнымъ. Дальнѣйшая борьба сдѣлалась для Величко прямой обязанностью, а богатый запасъ данныхъ, накопленныхъ во время пребыванія въ Тифлисѣ, и впечатлѣній, вынесенныхъ изъ борьбы съ плутократами, давалъ ему возможность успѣшно продолжать служеніе русскому дѣлу на Кавказѣ и изъ петербургскаго далека.

Сдѣлавшись однимъ изъ редакторовъ „Русскаго Вѣстника“, Василій Львовичъ помѣстилъ рядъ краснорѣчивыхъ и пылкихъ „Русскихъ рѣчей“¹⁾, посвященныхъ русскому дѣлу и междуплеменнымъ вопросамъ на Кавказѣ. Съ рѣдкимъ мужествомъ онъ возвысилъ голосъ противъ злыхъ козней, тонкихъ происковъ и невѣроятныхъ ухищреній, которыя создали для Россіи настойчивую необходимость прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ для обузданія непомерно возросшихъ притязаній. Послѣднія, всѣмъ извѣстныя событія, политическія убійства и волненія, бросанье бомбъ въ молящихся, ясно показали справедливость разоблаченій покойнаго. Онъ не спускалъ глазъ съ Кавказа и собиралъ все новые матеріалы. Послѣднее время онъ всею душою отдался подготовленію къ печати обширной книги, въ основу которой легли бы „Русскія рѣчи“. Василій Львовичъ думалъ подробно развить здѣсь свои мысли о мѣрахъ насущно необходимыхъ для успокоенія взволнованнаго края и цѣлесообразнаго управленія этой пестрой окраиной, завоеванной для культуры кровью многихъ тысячъ русскихъ воиновъ. Книга эта должна была выйти въ свѣтъ въ минувшемъ январѣ, но автору ея не

¹⁾ Вотъ перечень „Русскихъ рѣчей“; I. „Интересное время“ (Рус. Вѣст. 1902 г. май); II. „Отвлеченный и живой человѣкъ“ (іюнь); III. „Врагъ общественной нравственности“; IV. „Какъ дѣлаютъ голову“ (іюль); V. „Роковой вопросъ“ (сентябрь); VI. „Сіонизмъ“ (октябрь); VII. „Исходъ“ (ноябрь); VIII. „Иностранцы и крайны“ (декабрь); IX. „Вопросъ о рабочихъ“ (1903 г. январь); X. „Самоуправленіе и сомодѣтельность“ (февраль, мартъ); XI. „Русское дѣло и междуплеменные интересы на Кавказѣ“, (апрѣль, май, іюнь); XII. „Русское дѣло и междуплеменные интересы на Кавказѣ“ (октябрь, ноябрь); XIII. „Духовная сущность и свобода писателя“ (1904 г. январь). По имѣющимся у насъ вполне точнымъ свѣдѣніямъ „Русскія рѣчи“ выйдутъ вскорѣ особой книгой и составятъ второй томъ сочиненій В. Л. Величко, издаваемыхъ его племянницей М. Д. Муретовой.

удалось довести до конца свою работу, прерванную неумолимой смертью ¹⁾).

Задумываясь надъ причинами, вызвавшими такія нежелательныя явленія на окрайнѣ, купленной Россіей такою дорогою цѣною, Василій Львовичъ остановился на рядѣ данныхъ, свидѣтельствующихъ, что въ современномъ русскомъ интеллигентномъ обществѣ почти совершенно утрачены духовная самостоятельность, живое чувство дѣйствительности и правильное пониманіе нашихъ историческихъ задачъ. Русскіе люди превратились въ рабовъ чисто отвлеченныхъ построений, кабинетныхъ теорій, давно опровергнутыхъ и наукой и жизнью. Пока мы мечтаемъ и говоримъ, наши враги *дѣлаютъ* свое дѣло, куютъ крамолу и сѣютъ сѣмена, сулящія имъ обильную жатву. Величко не могъ остаться равнодушнымъ зрителемъ и изъ подъ его пера вылилась горькая правда въ рѣзкомъ, ничѣмъ неприкрашенномъ видѣ: онъ въ одной изъ лучшихъ „Русскихъ рѣчей“ съ безпощадной наблюдательностью рассказалъ, какъ русской молодежи съ очень раннихъ лѣтъ *дѣлаютъ голову* съ такою же холодной жестокостью, какъ странствующие акробаты уродуютъ ворованныхъ дѣтей для балаганно-коммерческихъ цѣлей. Сравненіе вполне подходящее, ибо людей съ искусственными головами можно считать украденными у матери-Россіи ²⁾).

Вотъ какими путями идетъ эта подготовка „непомнящихъ родства“, безвольныхъ орудій:—„Въ городской семьѣ ребенокъ слышитъ рѣчи, являющіяся отголоскомъ преимущественно безпочвенной и, въ большинствѣ, противонаціональной печати. Старшіе члены семьи заняты торопливымъ добываніемъ средствъ къ жизни, либо прожиганіемъ жизни, или, наконецъ, копченіемъ неба. Некогда ни самостоятельно и серьезно мыслить, ни систематично воспитывать

¹⁾ Исполняя предсмертную волю покойнаго, М. Д. Муретова довела печатаніе книги до конца, при участіи лица, долго работавшаго совместно съ Василіемъ Львовичемъ и основательно ознакомленного съ его взглядами и планами. Эта книга представляетъ собой первый томъ сочиненій В. Л. Величко и носитъ заглавіе „Кавказъ“. Пб. 1904 г.

²⁾ Русскія Рѣчи. Р. В. 1902. № 7 стр. 41 слѣд.

дѣтей. Дай Богъ, чтобъ эти послѣдніе попали въ школу, переходили безъ переэкзаменовокъ, получили дипломы, пристроились затѣмъ на службу и свили бы себѣ потомъ столь же неблагоустроенныя семейныя гнѣзда. Семейные разговоры на общественныя темы отличаются крайнимъ, и притомъ поверхностно-критическимъ отношеніемъ ко всему существующему; правительство оказывается виноватымъ почти безусловно во всемъ. Такія то высокія лица достойны всякаго сочувствія, потому что фрондируютъ, или ведутъ свою особую политику. Печать оказывается чуть не задавленной „произволомъ“, самоуправленіе и учащаяся молодежь—тѣмъ паче. А тутъ еще какая-то латынь, какая-то хронологія! Приходится брать для Коли репетитора, тратить деньги, на которыя можно было бы пріобрѣсти абонементъ въ „Акваріумъ“, на ряду съ прочими земноводными! Если бы „настоящая“ реформа, то можно и безъ репититора обойтись. Затѣмъ, „побольше бы свободы“, нѣкоторая удача въ биржевой игрѣ,—и можно было бы провести лѣто въ Аббаціи, куда теперь укатилъ Иванъ Ивановичъ. Правда, Иванъ Ивановичъ человѣкъ недюжинный, настоящій американецъ: онъ нагрѣлъ казну на крупную сумму и притомъ умудрился получить повышеніе! Это человѣкъ, прямо созданный для Манчжурской дороги! Кстати: какъ жаль, что „Манчжурка“ будетъ уже окончательно выстроена къ тому времени, когда Коля кончитъ курсъ. Вообще, Колянька, будь похожъ на Ивана Ивановича! Онъ такой дѣльный, умный... и передовой: изъ газетъ онъ можетъ держать въ рукахъ только „Русскія Вѣдомости“, изъ журналовъ только что нибудь марксистское. А при этомъ получилъ вторую звѣзду и собирался надѣтъ ее, чтобы поздравить Максима Горькаго съ избраніемъ въ Академію; но только вышли какія-то „независящія обстоятельства“, и поздравлять не пришлось. Кстати, читали вы господа, рассказъ Горькаго „Трое“? Это удивительно, удивительно смѣло! Столь же принципіальныя рѣчи слышитъ Коля въ знакомыхъ домахъ, у друзей своихъ родителей“.

„Поступивъ въ гимназію, онъ старается приносить хорошія отмѣтки, потому что за это его поведутъ въ циркъ,

или на „Дочь Фараона“. Когда онъ, по общепринятому обычаю, обманываетъ учителя, лжетъ начальству, а затѣмъ рассказываетъ объ этомъ дома, то домашніе одобрительно хохочутъ. Школа является прежде всего школою лжи и фальшивыхъ понятій. Даже такіа благородныя въ основѣ чувства, какъ товарищеская солидарность, испорчены тѣмъ, что товарищеская среда является однимъ лагеремъ, а педагогическій персоналъ—другимъ. Эхъ, хорошо надутъ начальство или учинить ему, по возможности, безнаказанную непріятность! Для маленькаго Коли начальство является правительствомъ, казною. Казну онъ инстинктивно не любитъ: казенные пироги непремѣнно невкусны, а пирожки изъ маргарина съ сахариномъ, покупаемые въ сосѣдней булочной,—объяденіе! Если можно ножичкомъ испортить парту—Коля такого случая не упуститъ. Изъ учителей ему милъ именно тотъ, который очень забавно перекривляетъ директора и ругаетъ латиниста: такой храбрый и чрезвычайно передовой! Когда ученики не хотятъ отвѣчать, онъ охотно болтаетъ о постороннихъ предметахъ. Хорошо, что онъ въ V классѣ будетъ преподавать словесность!“

„Годы идутъ, и на смѣну отрывочнымъ впечатлѣніямъ является нѣчто *систематичное*. Кой-кто изъ учителей, нѣсколько „передовыхъ“ товарищей, да 2—3 знакомыхъ студента-„развивателя“ дѣлаютъ Колѣ голову. Ему даютъ хитро составленный списокъ книгъ и статей для прочтенія: прочесть ихъ обязательно, „если онъ хочетъ быть развитымъ и свободнымъ человѣкомъ, а не обскурантомъ“. Можно съ увѣренностью сказать, что въ Россіи почти нѣтъ дипломированнаго человѣка, которому-бы, еще въ гимназическіе годы, не подсунули списка книгъ и повременныхъ изданій для односторонняго „саморазвитія“. Одновременно приучаютъ Колю къ рѣзкимъ, безапелляціоннымъ сужденіямъ о томъ, чего онъ не знаетъ: „Писаревъ, Шелгуновъ и г. Михайловскій (а въ послѣднее время великій Максимъ Горькій)—геніальные, благороднѣйшіе умы, источники свѣта немеркнущаго. Пушкинъ—устарѣлъ, Лермонтовъ—герой безвременья; жаль, что онъ былъ дворяниномъ и офицеромъ.

Гоголь подавалъ надежды, но подъ конецъ впалъ въ религіозное помѣшательство, тѣмъ болѣе досадное, что религія столь же устарѣла, какъ и Пушкинъ. Вотъ Чернышевскій—это настоящій восторгъ! Онъ запрещенъ, но его можно будетъ достать. А потомъ и Карлъ Марксъ! Остерегайтесь мракобѣсія, пуще всего остерегайтесь этого ужаса! Подобно тому, какъ сумасшедшій римскій Цезарь пожалѣлъ, что у челоѣчества не одна голова, которую онъ разомъ могъ бы отсѣчь, нѣкій кн. Мещерскій скорбитъ о томъ, что челоѣчество нельзя сразу высѣчь! И это навѣрное! Онъ спитъ и видитъ, какъ бы это устроить! Это прямо позоръ для современной цивилизаціи! О чемъ бы ни заговорили во время оно Катковъ и Аксаковъ, а въ наши дни кн. Мещерскій, г. Грингмутъ и имъ подобные,—знайте, Коля, что они непремѣнно неправы и неискренни, они никогда, ни въ чемъ не могутъ быть правы, потому что это было бы неприлично и нелиберально. Главное, будьте либеральны, потому что иначе васъ заплюютъ. Развѣ пріятно быть заплеваннымъ!? У васъ, Коля, несомнѣнно, большое дарованіе! Вы можете стать извѣстнымъ челоѣкомъ, прославиться въ Россіи и за границей, повліять на судьбы отечества. Помните же, ради собственнаго блага, что правы только Шелгуновъ, Михайловскій, Карлъ Марксъ, Максъ Нордау, Ницше и вообще порядочные люди; а люди, смотрящіе иначе, чѣмъ мы, конечно, не порядочные и упоминать ихъ имена безъ бранныхъ эпитетовъ прямо неприлично: васъ не только ни въ одно „честное“ изданіе не пустятъ, если вы не проявите настоящихъ гражданскихъ убѣжденій, но всѣ передовые люди будутъ на васъ пальцемъ указывать, какъ на позорное явленіе!“... Коля даже вздрагиваетъ отъ ужаса: лучше смерть, чѣмъ такой позоръ! Онъ уже почитываетъ газеты и видѣлъ, какъ „передовые“ люди умѣютъ травить ближнихъ на башибузукскій манеръ. Годамъ къ 18-ти Коля уже думаетъ, прежде чѣмъ говорить: думаетъ не о томъ, какъ бы не погрѣшить противъ объективной истины, а о томъ, какъ бы не отступить отъ навязанной ему и терроризирующей его программы. У него въ душѣ выро-

стаетъ нѣчто вродѣ пузыря съ рабымъ страхомъ, и этотъ новый органъ остается при немъ, большею частью, на всю жизнь, превращая ее въ безпринципное, безвольное и безплодное прозябаніе. Уста шепчутъ прописныя партійныя формулы, спина гнется передъ каждымъ наглецомъ, произносящимъ ихъ болѣе громко и задорно, а личность Коли превращается въ какую то безформенную, болѣзненно-самолюбивую слизь... „Но постойте, Коля, программа еще не кончена. Вамъ еще нужно кой-что задолбить. Помните, что правительство себѣ на умѣ: оно желаетъ задержать развитіе народа. При иныхъ условіяхъ, вы въ 25 лѣтъ могли бы быть министромъ (вѣдь Алкивіадъ и Периклъ были очень молоды), а при теперешнихъ—дай Богъ вамъ въ 35 быть начальникомъ отдѣленія и трепетать передъ какимъ нибудь вице-директоромъ,—диллетантомъ съ протекціей“.

„Все, что дѣлаетъ бюрократія,—непремѣнно скверно; все, что дѣлаетъ общество,—непремѣнно хорошо! Положимъ, въ газетахъ пишутъ иногда о неправильномъ счетоводствѣ въ той или иной городской или земской управѣ; но, вѣдь, это же сушіе пустяки, или нелѣпая инсинуація. Всякая общественная самодѣятельность, не исключая уличныхъ демонстрацій,—ведетъ къ добру, гражданскому развитію. Если кого нибудь наказали за крайнія мнѣнія, выраженные крайнимъ способомъ, то знайте, что это навѣрно гениальный человѣкъ и великій гражданинъ: иначе бы ему дали орденъ и теплое мѣстечко. Если какое нибудь общественное учрежденіе стѣснено или закрыто, то знайте, что оно непремѣнно было сосудомъ истины. Могли быть у него и отрицательныя стороны, но вы не смѣйте о нихъ упоминать, потому что это было бы не либерально и вы попали бы на дурной счетъ! А быть на дурномъ счету у передовыхъ людей—не только позорно, но и не выгодно; вамъ повредятъ на любомъ поприщѣ: если вы маленькій нуждающійся литераторъ, то вамъ ни откуда пособія не выдадутъ; если вы напишите хорошую книгу, то ее замолчатъ; а если захотите „безсмертія“,—то васъ въ Академію не пустятъ и на порогъ: тамъ крѣпко засѣли представители „свободы мнѣній“... ко-

нечно, только собственныхъ... Даже, если вы чиновникъ,— и то можетъ выйти бѣда! Погодите, это еще не все. Вамъ простятъ многое, особенно при условіи надлежащаго пока- нянія: но есть вещь, которой никто не проститъ; это—„мра- кобѣсіе“ въ національномъ вопросѣ. Помните, что „пестро- тканная Россія есть не нація, а винигретъ изъ множества націй, изъ которыхъ русскіе должны все уступать прочимъ, во имя цивилизаціи, гуманности и прогресса. Если русскимъ людямъ, которымъ эти націи дозволятъ жить на ихъ древ- нихъ или вновь возникшихъ территоріяхъ, окажется тѣс- новато или тяжело, то не смѣйте быть выразителемъ ихъ нужды или сѣтованій! Они, какъ представители великаго народа, должны все терпѣть, въ этомъ весь смыслъ суще- ствованія Россіи... Особенно, милый, благородный, передовой Коля, будьте любезны съ интеллигентными евреями: это священнѣйшая изъ заповѣдей современной цивилизаціи, насущнѣйшее изъ условій современнаго благополучія. Пой- мите, что они—настоящіе страдальцы: у нихъ нѣтъ ни де- негъ, ни связей, ни банкирскихъ конторъ, ни комиссіон- ныхъ предпріятій, поощряемыхъ финансовымъ міромъ, ни газетъ, которыя бы хоть когда нибудь въ ихъ пользу слово сказали! Это кроткіе идеалисты, совершенно разрозненные между собою, всюду преслѣдуемые и всюду желающіе только служить прогрессу и торжеству гуманитарныхъ идей надъ средневѣковыми предразсудками. Они—спасеніе для русской литературы, какъ элементъ высоко-нравственный, талант- ливый, передовой и кроткій. Любовь ихъ къ знанію прямо изумительна. И какое безкорыстіе! Вѣдь еврейскіе интел- лигенты готовы давать свои послѣднія сбереженія на под- держаніе повременныхъ изданій, которыя бы захирѣли въ невѣжественныхъ русскихъ рукахъ. Есть даже такіе при- мѣры, что изданіе идетъ явно въ убытокъ, не взирая на громадную подписку,—и эти ревнители просвѣщенія и сво- боды поддерживаютъ его! Кстати: хотите я васъ познакомлю съ Исаакомъ Абрамовичемъ или съ Фелиціаномъ Борисо- вичемъ, а то и съ обоими? Да-съ, молодой другъ мой, извольте съ ними тѣсно сблизиться, если не хотите чтобы...

Но Коля уже не нуждается ни въ угрозахъ, ни въ поощреніяхъ: *его голова готова*. Уста его превращаются въ граммофонъ и услаждаютъ слушателей мотивами, хорошо запечатлѣвшимися на омертвѣлыхъ пластинкахъ его сознанія. Граммофоны ѣдутъ и въ Калугу, и въ Моршанскъ, и въ Нахичевань, и въ Сморгонь, и въ Портъ-Артуръ. Вездѣ слышится голосъ Шелгунова, рычаніе Михайловскаго, нецензурная брань болѣе современныхъ корифеевъ. И вездѣ шипитъ вкрадчивое подсказыванье Исааковъ Абрамовичей, возвышающееся до самыхъ рѣзкихъ нотъ, когда граммофону кажется, что это можно сдѣлать безнаказанно. Школа, пройденная Колей, создаетъ въ немъ потребность соотвѣтственной печати; печать такого сорта вліяетъ на школу, въ которой будутъ дѣлать голову тысячамъ, сотнямъ тысячъ такихъ граммофоновъ, какъ этотъ Коля. Когда Коля, немножко пробуждаясь отъ столкновенья съ дѣйствительною жизнью, хочетъ сдѣлать самостоятельное обобщеніе, подвести реальный итогъ живымъ фактамъ,—и заикнется, на примѣръ, хотя бы о вліяніи еврейскаго элемента на русскую интеллигенцію,—сотни голосовъ кричатъ ему: „тише, тише, мракобѣсъ этакій!“ Если при этомъ у Коли есть долги, то векселя подаются ко взысканію. Коля смиряется, но не совсѣмъ. Онъ прекрасно чувствуетъ, что никакой расовой нетерпимости у него нѣтъ, и что самъ онъ немедленно готовъ помочь бѣдному еврею, какъ всякому ближнему, гонимому судьбою, или людьми; но онъ сознаетъ, что у всякой расы есть свои дурныя и хорошія стороны и соотвѣтствующая окраска и историческая миссія. Мало по малу видитъ онъ также, что работа правительственныхъ учрежденій бываетъ и очень хороша, а общественныхъ—плоха и предосудительна; не все то вѣрно, что прикрывается либеральнсю фразой, и не все то невѣрно, что стоитъ выше фразъ. „Жупелы“, которыми Колю пугали „либеральные“ гонители самобытной мысли, оказываются зачастую драконами, намалеванными на стѣнахъ китайскихъ крѣпостей для устрашенія непріятели. Многое видитъ онъ ясно, при болѣе близкомъ столкновеньи съ реальною жизнью. Со-

рвался бы, улетѣлъ отъ всей этой лжи, да вотъ бѣда: крыльевъ нѣтъ! Измалодушествовался! Характеръ свой въ три погибели скорчилъ изъ страха передъ цензурою непрощенныхъ опекуновъ; юные годы, предназначенные природой для исканія истины, посвятилъ онъ рабскому заучиванью чужихъ, даже не убѣжденных, а условныхъ формулъ. Не разъ, во имя свободы науки, отказывался онъ отъ занятія наукой; во имя свободы мнѣній отказывался отъ выработки собственного мнѣнія и пассивно участвовалъ, какъ жалкій фигурантъ, въ пригнетеніи и оклеветаніи чужихъ взглядовъ, даже не давъ себѣ труда съ ними ознакомиться. Всегда-ли такъ будетъ? Надо надѣяться, что нѣтъ. Помилосердуйте! Въ Америкѣ, говорятъ, есть такія машины, что если въ одинъ конецъ всунуть обыкновенное бревно, то изъ другого конца выходитъ чуть не докторъ философіи. У насъ наоборотъ: живой здравомыслящій русскій мальчикъ, пройдя черезъ городскую семью и дипломно-публицистическіе эксперименты, превращается въ манекена. Развѣ мыслимо, чтобъ такое положеніе дѣлъ на вѣкъ осталось неизмѣннымъ? Націонализація русской школы—самая жгучая, самая неотложная потребность нашихъ дней. Великая страна должна имѣть своеобразный укладъ обученія юношества, а не подражать уже выброшеннымъ за бортъ образцамъ, не губить своихъ сыновъ въ угоду мечтательнымъ или зловреднымъ ученіямъ. Реформа учебная прежде всего нежелательна нашимъ внѣшнимъ и внутреннимъ врагамъ, усердно тормозящимъ всякія благія начинанія. Что можетъ быть несокрушимѣе стомилліоннаго народа, проникнутаго сознаниемъ своихъ міровыхъ задачъ и вѣрностью историческимъ устоямъ?

Рано-ли, поздно-ли, мы выйдемъ на настоящую дорогу и Василий Львовичъ прозрѣвалъ въ грядущемъ неизбежное наступленіе „дней обновленія“, когда сдѣлается невозможнымъ такое возмутительное насиліе надъ русской душой. Всю свою духовную мощь онъ положилъ на сильное содѣйствіе отрезвленію общества и его ознакомленію съ воззрѣніями, не пользующимися признаніемъ нашихъ мнимо-

передовыхъ людей. Будучи близокъ къ такому выдающемуся мыслителю, какъ покойный Вл. Соловьевъ, Величко составилъ прекрасное обзорѣніе его жизни и твореній ¹⁾, нарисовалъ яркій образъ „вселенскаго христіанина“, который взывалъ къ русской „интеллигенціи, вмѣсто образа Божія все еще продолжающей носить образъ и подобіе обезьяны“: „мы должны же, наконецъ, увидать свое жалкое положеніе, должны постараться *возстановить въ себѣ русскій народный характеръ*, перестать творить себѣ кумира изъ всякой узкой и ничтожной идеи“.

Естественно, что мысль объ открытіи общества, преслѣдующаго такую же благородную цѣль, встрѣтила самое пламенное сочувствіе Величко. Онъ вошелъ въ число учредителей „Русскаго Собранія“, былъ избранъ въ члены Совѣта и взялъ на себя устройство литературныхъ засѣданій, которыя имѣли шумный успѣхъ и привлекали множество посѣтителей. Не разъ Василій Львовичъ выступалъ докладчикомъ по злободневнымъ вопросамъ и тѣмъ поднималъ общественный интересъ къ юному отпрыску русской національной идеи. Клеветническіе приемы были пущены въ ходъ и противъ „Русскаго Собранія“, но нашли сторонниковъ лишь среди лицъ, привыкшихъ, какъ попугаи, повторять чужія слова, да непримиримыхъ противниковъ народнаго самосознанія, грозящаго разрушить всѣ хитроумныя ковы и тонко рассчитанные планы. Василій Львовичъ своими откровенными, прямыми и правдивыми рѣчами раскрылъ глаза многимъ и указалъ надежный путь къ лучшему будущему: „Общій подъемъ самоотверженнаго, вдумчиваго патриотизма, дружная работа общества рука объ руку съ правительствомъ, безъ доктринерской вражды или холопскаго фрондированія—вотъ что нужно теперь нашей родинѣ, вотъ что долженъ ей дать, и непремѣнно дастъ, подъемъ національнаго самосознанія. Конечно, неизбѣжны при этомъ и борьба воззрѣній, и недоразумѣнія, и ошибки, но главное теченіе должно направляться по этому руслу. Въ наши дни

¹⁾ В. Л. Величко. Владимиръ Соловьевъ, жизнь и творенія. Изданіе второе. С.-Петербургъ 1904.

живется тяжело именно потому, что это теченіе не вошло еще въ должную силу. Либерализмъ не удовлетворяетъ никого, топчется на мѣстѣ, все болѣе отставая отъ жизни; устарѣлая мѣстами аргументація консерватизма требуетъ обновленія; босячество и инныя формы общественной анархіи имѣютъ успѣхъ не какъ *направленіе*, а скорѣе какъ *наркотическое развлеченіе общества*, тоскующаго именно отъ отсутствія опредѣленныхъ творческихъ идеаловъ“.

Зарю новаго, свѣтлаго дня Величко лишь прозрѣвалъ въ рядѣ вѣщихъ признаковъ, въ особенности въ мужественномъ исповѣданіи вѣрности русскимъ началамъ нашей молодежи. Всѣмъ намъ памятенъ его почти предсмертные стихи, посвященные „Юнымъ витязямъ“... Василій Львовичъ не имѣлъ счастья дожить до нашихъ дней, когда всюду проявились, въ одинаковыхъ выраженіяхъ, искреннія чувства беззавѣтной преданности нашему Царю, ясное сознаніе *національнаго* достоинства, оскорбленнаго дерзкимъ врагомъ, и глубокая непоколебимая *вѣра*. Вѣдь всюду, по всему лицу нашей родины, раздавалось „Боже, Царя храни“, чередуясь съ пѣніемъ молитвъ. Посрамлены дѣлатели головъ, хвалившіеся своими „успѣхами“ передъ цѣлымъ свѣтомъ! Вмѣсто ожидаемаго разлада, наша молодежь заговорила чисто по русски, прямо, честно и открыто. Быстро слетѣла „космополитическая лжелиберальная“ шелуха и обнаружилось здоровое, неповрежденное русское ядро. „Орлята провалились сквозь вражескія сѣти, ушли отъ книжниковъ, предателей, невѣждъ“.

Въ высшей степени важно, чтобъ этотъ высокій порывъ сказался не въ мимолетномъ подъемѣ духа, но въ постоянномъ и упорномъ трудѣ на благо родины, въ стремленіи расширить свой кругозоръ сопоставленіемъ избитыхъ „либеральныхъ“ кличей съ завѣтами такихъ людей, какъ покойный Величко. Внимательное чтеніе его „Русскихъ рѣчей“ послужить для нашей молодежи началомъ вполнѣ сознательнаго отношенія ко многимъ явленіямъ современной дѣйствительности, но всѣ должны проникнуться убѣжденіемъ, что въ университетахъ и институтахъ нѣтъ мѣста

политиканству: надо работать надъ выковкой *собственныхъ* убѣжденій, а не выступать съ проповѣдью взятыхъ на прокатъ, надо готовиться къ культурной борьбѣ за русскіе идеалы, а не ронять ихъ дешевыми выходками и грубымъ насилиемъ; недостаточно выдавать себя за вѣрныхъ носителей русскихъ началъ, но надо сдѣлаться дѣйствительно сознательными борцами за русское дѣло, а для этого надо учиться надо изучать творенія такихъ людей, какъ нынѣ поминаемый Величко.

Велико духовное наслѣдіе, оставленное русской молодежи горячо любившимъ ее, надежду Россіи, Василиемъ Львовичемъ. Пусть же она въ его произведеніяхъ найдетъ отвѣтъ на свои запросы и сомнѣнія, пусть она продолжитъ тотъ подвигъ, который не дала завершить покойному преждевременная смерть.

„Мирный Трудъ“ 1904 г. № 5.

По поводу пребыванія Царя въ Харьковѣ.

Неожиданное нападеніе прекрасно подготовившейся къ войнѣ Японіи потребовало отправленія на Дальній Востокъ значительныхъ силъ для отраженія надменнаго врага, посягнувшаго на наши кровные интересы. Верховный Вождь русскаго народа и Помазанникъ Божій соизволилъ своимъ царскимъ благословеніемъ, лично преподаннымъ, воодушевить на бранные подвиги братій нашихъ, коимъ выпало на долю счастье грудью встрѣтить дерзкаго непріятеля и своею кровью на поляхъ битвъ отстаивать честь и достоинство великаго Отечества нашего, подготавливая его грядущее величіе и благоденствіе и, по завѣту евангельскому, полагая животъ свой за други своя.

Подобно другимъ полкамъ, и стоявшіе въ Харьковѣ Пензенцы, Тамбовцы и Оренбуржцы удостоились лицезрѣть нашего Государя и получить изъ Его рукъ св. иконы, какъ „благословеніе на походъ отъ Ихъ Императорскихъ Величествъ“. Съ сугубымъ благоговѣніемъ были приняты воинствомъ св. образа, сдѣлавшіеся великой полковой святыней, знаменующей нерасторжимую духовную связь между Царемъ и Его храбрыми воинами. Единство вѣрованій, связующее въ одну семью могущественнаго Самодержца, блестящихъ генераловъ, скромныхъ офицеровъ и „сѣрыхъ“ нижнихъ чиновъ, обнаружилось здѣсь въ полной силѣ и Царь явился выразителемъ народныхъ представленій о власти: какъ отецъ благословляетъ сына, идущаго въ опасный походъ, такъ Государь благословилъ своихъ дѣтей, посылаемыхъ на смерт-

ный бой за родину, нашу общую мать. Обнажились головы солдатскія и руки воиновъ совершали набожно крестное знаменіе, когда полковники, высоко поднявъ даръ царскій, объѣзжали ряды войскъ. Никто изъ видѣвшихъ эту картину не забудетъ ея: не бурное, самонадѣянное сознаніе своей мощи, не гордая увѣренность въ своихъ силахъ, а смиренная вѣра и глубокая покорность волѣ Вышняго ясно отражались на лицахъ каждаго; изъ глубины сердецъ неслась пламенная молитва о дарованіи побѣды, а вѣрующія уста невольно повторяли: „Да будетъ Воля Твоя“.

Въ этомъ молитвенномъ единеніи между Самодержцемъ и подданными таится нерушимая основа нашего государственнаго бытія. Тщетно поборники иныхъ идеаловъ стараются навязать ихъ нашему народу: достаточно было посмотреть на цѣпи Харьковскихъ обывателей и крестьянъ, охранявшихъ 4 мая священную Особу Государя и поддерживающихъ образцовый порядокъ, чтобъ понять отношеніе населенія къ Монарху: чинно, стройно, по истинѣ благолѣпно, цѣлые часы стояли десятки тысячъ въ ожиданіи Его прибытія, зорко слѣдя за каждымъ прохожимъ и любопытнымъ; обычно полиція вызываетъ раздраженіе и пререканія; ничего подобнаго не было въ данномъ случаѣ, ибо дружная поддержка *всѣхъ* была готова пресѣчь всякое проявленіе неподобающихъ величію дня чувствъ. Изрѣдка поставленные драгуны и три придворныхъ казака развѣ могли бы сдержать многотысячную толпу, если-бы она была дѣйствительно настроена на революціонный ладъ? Царь довѣрчиво ввѣрялъ себя охранѣ народа и слышалъ только восторженное „ура“, да сердечные привѣты и благословенія. Гдѣ же были самозванные истолкователи завѣтныхъ думъ народа, вопящіе изъ-за угла „долой самодержавіе?“ Они трусливо притаились по своимъ норамъ; они робко скрыли свои „убѣжденія“, чтобъ потомъ въ пошлыхъ и назойливыхъ прокламаціяхъ возвѣщать необходимость революціи, подготовленной де „всѣмъ ненавистнымъ правительствомъ“. Воистину эти закоренѣлые фанатики имѣютъ глаза и не видятъ, имѣютъ уши и не слышатъ, ничего не забываютъ и ничему не научатся.

Правда, помимо этихъ добровольныхъ слѣпцовъ есть и заблудившіеся благодаря лживымъ увѣреніямъ мнимыхъ проводниковъ, но волны народнаго воодушевленія явственно освѣжаютъ своимъ прибоемъ затхлый воздухъ подпольныхъ пріютовъ, гдѣ ковалась крамола, и тѣмъ спасаютъ тысячи юныхъ жертвъ, обреченныхъ на гибель ради торжества одностороннихъ теорій. Россія властно сказала свое слово: народъ всюду сталъ за Царя, всюду созналъ необходимость поддерживать братій своихъ и обнаружилъ непоколебимую готовность, какъ и въ былые годы, идти по мановенію руки своего Державнаго Повелителя и принести всяческія жертвы для побѣды надъ кичливымъ врагомъ. Вездѣ въ Россіи мы видимъ одинаковыя картины: съ молитвами встрѣчаютъ уходящія на Дальній Востокъ войска, засыпаютъ ихъ отъ сердца приносимыми дарами, благословляютъ на трудный путь и личное горе тонетъ въ морѣ народнаго подъема.

Невольно напрашивается сравненіе: въ Берлинѣ толпы не пускали на вокзалъ, отправляемые на войну съ африканскими „гереро“, отряды, осыпали камнями полицію, произвели безпорядки, потребовавшіе вызова войскъ. У насъ же сотни тысячъ идутъ, осѣняемые крестнымъ знаменіемъ, сопровождаемые умильными молитвами и слезами не отчаянія, а любви. Развѣ здѣсь не видно отличія народнаго характера, развѣ не сказывается здѣсь глубокая пропасть, отдѣляющая безпредѣльно вѣрящаго въ Бога и его домоправительство отъ утратившаго всякую религіозную вѣру, озлобленнаго фанатика.

Кто посмѣетъ сказать, что привѣтствія, всюду встрѣчавшія нашего Государя, лицемѣрны, тотъ только обнаружитъ свою лживость и тупость. Развѣ можно *заставить* повсемѣстно духовенство, дворянство, купечество, мѣщанъ, крестьянъ и рабочихъ одинаково выражать свои чувства, проявлять одинаковую восторженность, пламенные надежды и питать покойную увѣренность, что изъ тяжкихъ испытаній наша дорогая родина выйдетъ побѣдоносно, съ помощью Божіей „посрамятъ всякаго врага и супостата?“ Нѣтъ такой силы, которая заставила бы цѣлый народъ скрыть свои

дѣйствительныя чувства въ столь тяжелые дни испытаній. Ноютъ, ужасаются, падаютъ духомъ и пресмыкаются только оторвавшіеся отъ родной почвы. Ядро же народное не дрогнуло и въ этой его твердости сказывается крупный успѣхъ, сдѣланный общерусскимъ сознаніемъ необходимости государственнаго единства и пониманіемъ важности начинаній Правительства. Вспомнимъ отношеніе народа и общества къ настойчивому стремленію Петра „ногою твердой стать при морѣ“: явное и тайное недовольство, открытые бунты и мятежи, заговоры и козни, поддержка немногихъ и упорное противодѣйствіе косной среды—вотъ, чѣмъ отвѣчала Россія на попытку „въ Европу прорубить окно“. Нынѣ же уже очень многіе понимаютъ, что наше отечество пріобрѣтаетъ широкій выходъ на міровой просторъ, что оно борется ради сохраненія за великимъ народомъ подобающаго мѣста при раздѣлѣ вселенной и всѣ сыны святой Руси проявляютъ безпредѣльную готовность жертвовать жизнью и достояніемъ для разрѣшенія въ нашу пользу всемірно-исторической задачи. Только выродки да невѣжды, не способные по своей духовной искалѣченности постичь значеніе переживаемыхъ дней, злорадствуютъ и уподобляются противникамъ Петровыхъ начинаній, обращая взоры назадъ, а не зовя впередъ. Но наиболѣе прозорливые изъ нашихъ „западниковъ“ уже извлекли изъ текущихъ событій полезный для себя урокъ: они предоставили зеленой молодежи явно несостоятельную проповѣдь насильственнаго переворота и махнули рукой на старческое бормотаніе о необходимости „увѣнчанія зданія“ не „обособленными реформами“, а немедленнымъ введеніемъ представительнаго правленія: они возвысили голосъ за *постепенность*, „доведенную, по словамъ недовольныхъ кабинетныхъ либераловъ, до своего крайняго напряженія“, и подняли вопросъ о возможности правительственнаго учрежденія общеземской Думы, *подведенія фундамента* широкаго самоуправленія *подъ зданіе Самодержавія*, на благо Россіи“. Ясно, что самое поднятіе этого вопроса равносильно сознанію полной безуспѣшности открытой борьбы съ основнымъ устоемъ нашей исторической

жизни—Самодержавіемъ: вождельнное „политическое благоустройство должно создаться безъ боли и ломки, почти незамѣтнымъ образомъ“. Стало быть, надъ почти полстолѣтней разрушительной работой поставленъ всенародно крестъ и всѣ надежды на осуществленіе заимствованныхъ идеаловъ возлагаются теперь на содѣйствіе правительства, которому наивно хотятъ внушить, что ради укрѣпленія положенія надо ему самому произвести, такъ сказать, „мирную революцію“, въ виду несомнѣнной безуспѣшности попытокъ устроить насильственный переворотъ. Крушеніе программы кроваваго бунта выдвигаетъ идею постепеннаго развитія.

Другой вопросъ, цѣлесообразна ли эта затѣя, дѣйствительно ли приведетъ ея осуществленіе къ водворенію всеобщаго благополучія и „политическаго благоустройства“. Историческій опытъ и наблюденіе надъ современностью заставляютъ рѣшительно дать отрицательный отвѣтъ. Въдъ только крайніе теоретики могутъ утверждать, что въ направленіи судебъ народныхъ первенствующее значеніе имѣютъ *учрежденія*. Наоборотъ, всегда люди были творцами своей собственной судьбы и опредѣляли истинный характеръ учреждений, превращая даже задуманныя въ видахъ общаго блага установленія въ тяжкое, невыносимое бремя для насильственно спасаемыхъ; примѣры римской имперіи послѣднихъ вѣковъ, святѣйшей инквизиціи, Конвента, служатъ краснорѣчивымъ доказательствомъ. Наивныя изумленія передъ тысячелѣтнымъ существованіемъ Византійской державы, рисуемой царствомъ безконечнаго застоя и деспотизма, также свидѣлствуютъ, что у большинства существуютъ превратныя представленія о причинахъ гибели и процвѣтанія обществъ; живучесть государствъ не зависитъ исключительно отъ совершенства строя, ибо самое понятіе „совершенства“ представляетъ широкій просторъ для *личнаго* пониманія: для одного социальная анархія является идеаломъ, а другой вздыхаетъ по временамъ, когда рвали языки за свободное слово. Мѣриломъ благосостоянія, поэтому, является не теоретическое, и всегда спорное, превосходство однихъ учреждений передъ другими, ибо всѣ они,

вдобавокъ, имѣютъ кромѣ достоинствъ и недостатки, а соотвѣтствіе политическихъ формъ вѣрованіямъ народа, его представленіямъ о власти, ея правахъ и обязанностяхъ. У насъ всячески восхваляютъ народо-правство и самоуправленіе, но, будемъ искренними и правдивыми, неужели дѣйствительность не показываетъ, что „самоуправленіе“ у насъ не пользуется всенароднымъ сочувствіемъ и сознательной поддержкой всего общества. Заглянемъ въ земскія собранія, городскія думы и въ другія „коллегіальныя учрежденія“, состоящія изъ людей малообразованныхъ или даже мужей науки, изоштившихъ свое мышленіе и постигшихъ, казалось, свои права и обязанности, и что же находимъ: всюду засѣданія сплошь и рядомъ не могутъ состояться то за неприбытіемъ законнаго числа членовъ ¹⁾, то благодаря ихъ преждевременному удаленію; а неотложно важныя дѣла остаются неразсмотрѣнными и нерѣшенными по цѣлымъ мѣсяцамъ. Само собой разумѣется, что это наблюденіе не опровергаетъ преимуществъ самоуправления, взятаго въ идеѣ, но говоритъ очень много противъ смѣшиванія идеальныхъ воззрѣній съ дѣйствительностью: „самоуправленіе“— вещь хорошая, слова нѣтъ, но у насъ встрѣчающая, при осуществленіи, преграды прежде всего въ обществѣ, а не въ правительствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно счесть нашихъ гласныхъ дѣйствительно „излюбленными людьми“, когда большая часть избирателей не является на выборы, усматривая въ своихъ „правахъ“ только тяжелое бремя? развѣ можно видѣть въ лицахъ, выдвинутыхъ горстью избирателей— „земскихъ избранниковъ“, поборниковъ общественныхъ интересовъ, когда большинство ихъ или не является на собранія, или засѣдаетъ, „уоставивъ брады своя“? Утверждать, при такихъ обстоятельствахъ, что мы имѣемъ самоуправленіе, значитъ впадать въ вольный или невольный самообманъ. Вѣдь всюду вершитъ и все дѣлаетъ небольшая кучка людей, сгрудившаяся вокругъ одного какого нибудь

¹⁾ Вотъ разительный примѣръ: въ Харьковѣ на 26 мая назначенъ былъ второй сѣздъ земскихъ избирателей для выбора уполномоченныхъ, по изъ 571 человѣка избирателей въ сѣздъ ни одинъ не прибылъ!

руководителя, передового борца, „общественнаго“ челоѣка по призванію. Если онъ преслѣдуетъ дѣйствительно цѣли высокія, думаетъ о пользѣ общей, работаетъ надъ благосостояніемъ края или города—„самоуправленіе“ приводитъ къ прекраснымъ плодамъ, если же, наоборотъ, вожакъ имѣетъ въ виду личныя выгоды, руководится своекорыстными побужденіями—получается самое безобразное *самоуправство*: пресловутое „самоуправленіе“ вырождается въ земскую или городскую бюрократію, гонящуюся за теплыми мѣстами и большими окладами, тогда какъ населеніе превращается въ тяглую единицу; выжатая изъ него средства тратятся на различныя затѣи или таютъ и исчезаютъ невѣдомымъ образомъ. Если же появляется нѣсколько вожаковъ, немедленно образуются партіи, начинаются интриги, подкобы, происки и взаимныя обвиненія въ очень некрасивыхъ поступкахъ, а дѣло стоитъ или ползетъ черепашиимъ шагомъ. Вотъ почему „широкое самоуправленіе“ въ Россіи приведетъ лишь къ торжеству политикановъ, людей себѣ на умѣ, коихъ большинство между ревнителями „представительства“, а не къ преобладанію безкорыстныхъ работниковъ на земской нивѣ, составляющихъ, въ общемъ, меньшинство. Ясно, что прежде всего нужно самому обществу проникнуться сознаніемъ необходимости дружной, совмѣстной работы надъ мѣстными нуждами, надо воспитать въ подростоающихъ поколѣніяхъ чувство долга и обязанности передъ своимъ отечествомъ, равно какъ готовности служить дѣлу, а не преслѣдовать личныя цѣли. Вотъ задача дѣйствительно высокая и насущно необходимая. Россіи нужны прежде всего *люди*, дѣятели, которые придадутъ жизнь учрежденіямъ, безсильнымъ сами по себѣ облагодѣтельствовать страну. Россіи нужны работники, „свѣдущіе люди“, а не говоруны или честолюбцы, способные только сѣять смуту и раздоръ ради обезпеченія личныхъ интересовъ или классовыхъ выгодъ, въ ущербъ благу земли и милліонамъ народа, безусловно чуждаго стремленію къ вмѣшательству въ управленіе государствомъ.

Борьба изъ-за политическаго вліянія, власти претитъ

чисто русскому человѣку, жаждущему духовной свободы, и не даромъ нашъ народъ смотритъ на власть, какъ на тяжкую ношу, возложенную Богомъ на *прирожденнаго* Государя; по совершенно справедливымъ словамъ носителя славянофильскихъ завѣтовъ, „царь, царствуя, почитается совершающимъ великій подвигъ, подвигъ самопожертвованія для цѣлаго народа—онъ кладетъ душу свою за други свои и тѣмъ самымъ проявляетъ любовь; „больше сія любви никто же имать“, ибо начало власти представляется началомъ принудительнымъ, отвлекающимъ отъ работы надъ собственнымъ духовнымъ перерожденіемъ. Поэтому царь представляется народу выразителемъ начала любви къ нему, любви по возможности абсолютной, а это, конечно, функція священная и самъ царь священенъ, какъ проявитель священнаго начала. *Власть, понятая какъ бремя, а не какъ „привилегія“—краеугольная плита самодержавія христіанскаго*, просвѣтленнаго и тѣмъ отличнаго, отъ такъ сказать, стихійнаго, восточнаго. Покойный Императоръ Александръ III въ своемъ воззрѣніи на власть, какъ на бремя неудобноносимое, проявилъ свою истинно-русскую душу и въ этомъ его „непреходящее“ историческое значеніе ¹⁾.

Совокупность событій послѣднихъ лѣтъ непреложно свидѣтельствуешь, что доселѣ нашъ народъ смотритъ на Самодержца, какъ на всеобщаго печальника, тяжелѣе всѣхъ ощущающаго постигающія Русь невзгоды. Поэтому у вѣрующихъ людей вырастаетъ потребность слиться съ нимъ въ молитвенномъ настроеніи и Царь, колѣнопреклоненный вмѣстѣ съ народомъ передъ высшей святынею, знаменуетъ собой чисто христіанское воззрѣніе на Правителя, ведущаго свой, „ввѣренный Ему Богомъ народъ“, къ высшей, надмірной цѣли. Не царство всеобщей сытости, не нелѣпныя мечты о равенствѣ долей всѣхъ и cadaго на наслажденія и утѣхи земныя, но Царствіе Божіе—торжество извѣчной правды, побѣда лучшихъ сторонъ человѣка, обладающаго образомъ и подобіемъ божества, надъ человѣкомъ-звѣремъ—

¹⁾ См. Д. Х. Самодержавіе (опытъ систематическаго построенія этого понятія). Москва. 1903. Стр. 40 слѣд.

вотъ исконный идеаль христіанскаго Самодержавія, вотъ высокая цѣль, къ которой оно ведетъ многострадальную Русь.

Знаменательный день пребыванія Государя въ Харьковѣ, равно какъ и подробности о посѣщеніи Имъ другихъ городовъ свидѣлствуютъ, что у Царя и народа по прежнему одна вѣра, одинъ Богъ, одна надежда. Не нужны никакія искусственныя основанія, гнилые „фундаменты“ для учрежденія такой великой нравственной силы, имѣющаго такое могучее обаяніе, какъ русское Самодержавіе: Вѣра—вотъ единственная надежная опора всего сущаго и не жалкимъ измышленіямъ затушить тотъ неугасимый пламень любви и довѣрія къ Царю, который горитъ въ сердцахъ безхитростныхъ русскихъ людей, стихійно прозрѣвающихъ всю условность, конечность и односторонность западно-европейскихъ представленій о власти, какъ высшемъ благѣ и цѣли жизненныхъ усилій всѣхъ „передовыхъ людей“. Надъ русскимъ народомъ властвуютъ и въ наши дни вѣчные идеалы христіанства, завѣщавшаго прежде всего искать Царствія Божьяго, „воздавая Кесарево—Кесареви, а Божье—Богови“.

„Мирный Трудъ“ 1904 г. № 5.

Новые отдѣлы „Русскаго Собранія“.

Потребность въ тѣсномъ единеніи всѣхъ русскихъ людей, не преклонившихъ колѣнъ передъ современнымъ Валамомъ и остающихся вѣрными исконнымъ началамъ нашимъ, явственно обнаруживается на сказочно-быстромъ ростѣ „Русскаго Собранія“ въ Петербургѣ, каждое общее собраніе котораго увеличиваетъ на цѣлыя сотни число его членовъ, разсѣянныхъ не только по всему лицу святой Руси, но и по зарубежнымъ странамъ. Этотъ непрерывный приливъ знаменуетъ собой усиленіе сознанія необходимости дружнаго общественнаго отпора дерзко-настойчивымъ стремленіямъ ниспровергнуть самые устои жезнеспособности нашего обширнаго отечества и упорнымъ попыткамъ перестроить его на иноземный ладъ, подъ диктовку узкихъ теоретиковъ и озлобленныхъ фанатиковъ. Всякій сколько нибудь наблюдательный человѣкъ долженъ подмѣтить, что мы стоимъ на распутьи: мнимопередовая часть нашего общества, покинувъ старую исторически предназначенную Россіи дорогу, хочетъ увлечь за собою весь народъ, внушая ему, что избранный ею путь единственно правильный, но болѣе зоркіе люди у насъ и на Западѣ уже давно указывали на разсѣянные по немъ преграды и на пропасть, которою онъ заканчивается. Инстинктивно и стихійно нашъ народъ не поддается на заманчивыя зазыванія и придерживается въ подавляющемъ большинствѣ своей, вѣками намѣченной, тропы. Однако, справедливость требуетъ отмѣтить, что не только учащаяся молодежь, плохо подготовленная школой и, по самому воз-

расту, мало самостоятельная, поддается на посулы самозванных проводниковъ, обещающихъ достиженіе всеобщаго благополучія, разъ будетъ избранъ излюбленный ими путь: мы видимъ во всѣхъ слояхъ общества, начиная съ первыхъ сановниковъ государства и кончая рабочими и крестьянами, людей, отшатнувшихся отъ св. православной Церкви, пренебрегающихъ народными, вѣковыми воззрѣніями и считающихъ измѣненіе нашего государственнаго строя на западно-европейскій образецъ единственнымъ выходомъ изъ переживаемыхъ нами нестроений. Болѣзнь преклоненія передъ иноземнымъ глубоко вкоренилась въ нашу общественную среду, по своему развитію весьма низко стоящую. Наивная вѣра въ спасительность учреждений, въ возможность однимъ почеркомъ пера измѣнить созданное цѣлыми столѣтіями, въ цѣлесообразность бумажныхъ преобразованій, разныхъ „усовершенствованныхъ конституцій“, упорно держится у многихъ російскихъ „общечеловѣковъ“, несмотря на краснорѣчивое свидѣтельство итоговъ т. н. „великой французской революціи“ и всѣхъ революціонныхъ броженій въ другихъ западно-европейскихъ странахъ. Вѣдь всюду сохранились національныя особенности; „свобода, равенство и братство“ оказались лишь красивымъ боевымъ кличемъ, а народы попали въ еще худшую зависимость, сдѣлавшись рабами безсердечной и безжалостной плутократіи, прикрывшей свое господство мнимымъ народовластіемъ, посѣявшей всюду классовую ненависть и всеобщее недовольство. Надъ всѣмъ Западомъ носятся зловѣщіе призраки анархизма и социализма, угрожая погребеніемъ, въ ужасахъ „мірового переворота“, всѣхъ добытыхъ человѣчествомъ благъ культуры, убійствомъ личности и водвореніемъ стаднаго благополучія, цѣною „грядущаго рабства“, по мѣткому выраженію покойнаго Спенсера. Лишенное религіи, національныхъ отличій, даже собственности и семьи „человѣчество“ неминуемо обратится въ звѣроподобныхъ дикарей, опустится до животности и утратитъ все то, что служитъ залогомъ вѣчнаго движенія впередъ къ недостигаемому идеалу всесовершенства, указанному Евангеліемъ.

Естественно, что подобное будущее не представляется желательнымъ для каждого вдумчиваго человѣка и въ его груди зарождается стремленіе предотвратить надвигающуюся опасность, а для этого надо сохранить животворящую вѣру въ Бога, преданность народнымъ святынямъ и домашнему укладу. Чѣмъ сильнѣе ощущается напоръ враждебныхъ вѣяній, тѣмъ настойчивѣе сказывается необходимость дѣятельнаго имъ противодѣйствія, а потому въ мѣстностяхъ, гдѣ русская стихія испытываетъ особенно назойливыя посягательства на наши исконныя начала, замѣчается объединеніе любящихъ Родину вѣрныхъ сыновъ ея. Примѣромъ могутъ послужить Варшава и Одесса: въ бывшей столицѣ польскаго государства и въ сосредоточіи, культурномъ и торговомъ, обширнаго Новороссійскаго края поборники русскихъ идеаловъ протягиваютъ руки своимъ единомышленникамъ въ Петербургъ и возбуждаютъ ходатайства объ учрежденіи варшавскаго и одесскаго отдѣловъ Русскаго Собранія. Временное разрѣшеніе генераль-губернатора позволило образовать въ Варшавѣ „Русскій кружокъ“ подъ предсѣдательствомъ генераль-лейтенанта, А. А. Боголюбова; временный совѣтъ первоначально образовали профессора: Азаревичъ, И. П. Филевичъ и Д. В. Цвѣтаевъ, генераль В. П. Малыгинъ, д. с. совѣтникъ Зиловъ, А. А. Сидоровъ, А. В. Назаревскій и В. И. Тяжельниковъ, несшій обязанности дѣлопроизводителя и недавно передавшій ихъ Д. С. Всеволожскому. Общее число членовъ превышаетъ 100 чел.; тутъ мы находимъ представителей духовенства, профессоровъ, судебныхъ дѣятелей, военныхъ, инженеровъ, учителей, чиновниковъ различныхъ вѣдомствъ и дамъ. Часто устраиваются бесѣды и читаются доклады по разнообразнымъ вопросамъ, напр. полк. Штегельманъ сдѣлалъ сообщеніе о китайской войнѣ, въ которой принималъ участіе, Н. А. Логановъ—„о Холмщинѣ и Подляшѣ“, Л. Н. Явдыкъ—„о славянофильствѣ“, А. А. Сидоровъ—„о польскихъ партіяхъ“, знатокъ дѣла, проф. Д. В. Цвѣтаевъ—„объ обрусѣніи западно-европейцевъ въ Московской Руси“, г. Липинъ—„о значеніи М. И. Глинки въ исторіи русской музыки“, г. Рождественскій—о

„графъ Станиславъ Тарновскомъ, его дѣятельности и ученыхъ взглядахъ на Россію и русскихъ“ и т. д.

Успѣшная дѣятельность „кружка“, явное сочувствіе къ нему русскихъ людей и желаніе ихъ поработать съ еще большей пользой для родного дѣла породили мысль объ открытіи варшавскаго отдѣла „Русскаго Собранія“, въ Совѣтъ котораго и было внесено соотвѣтствующее ходатайство. Въ основу устава нового Отдѣла положены Уставъ „Русскаго Собранія“ и дополнительныя правила, выработанныя для Харьковскаго Отдѣла. Въ силу же мѣстныхъ особенностей допущены и нѣкоторыя отступленія отъ этихъ образцовъ: такъ въ первой статьѣ Устава „Русскаго Собранія“, ради уточненія основныхъ руководящихъ воззрѣній на цѣль дѣятельности Отдѣла, прибавлены слова: „на основѣ Православія, Самодержавія и Народности“. Это добавленіе весьма существенно и желательно, ибо нельзя не отмѣтить, что, безъ поясненій, первая статья Устава, благодаря нѣсколько туманному изложенію, открываетъ просторъ для недоумѣній и личныхъ толкованій, порождающихъ недоразумѣнія, ради устраненія которыхъ и въ Харьковскомъ Отдѣлѣ принята печатная формула заявленія о вступленіи въ число его членовъ, прямо указующая, что „творческими исконными началами“ признаются именно „Православіе Самодержавіе и Народность“. Это добавленіе названо и Предсѣдателемъ Совѣта „Русскаго Собранія“ въ Петербургѣ „весьма желательнымъ“ ¹⁾.

Затѣмъ проектъ Устава варшавскаго Отдѣла ограничиваетъ право быть членами Отдѣла принадлежностью къ православному исповѣданію, тогда какъ въ Русскомъ Собраніи и Харьковскомъ Отдѣлѣ есть и протестанты и католики. Ихъ принятіе обусловлено лишь признаніемъ ими значенія для Россіи Православія, Самодержавія и Народности. Мирное единеніе въ нѣдрахъ Русскаго Собранія представителей всѣхъ исповѣданій, пользующихся, по російскимъ законамъ, полной вѣротерпимостью представляется дѣломъ

¹⁾ Иавѣстія Русскаго Собранія 1904 г. т. I. Записи Совѣта стр. 9.

первостепенной важности, ибо „Русское Собрание“ должно быть Россіей въ маломъ размѣрѣ, а потому инославные и даже иновѣрцы не могутъ быть исключаемы отъ общенія съ православными: вѣдь отъ протестанта и католика, вступающихъ въ ряды членовъ Русскаго Собранія и тѣмъ обнаруживающихъ уваженіе къ нашимъ святынямъ, легко могутъ отвернуться фанатичные исповѣдники лютеранства или папизма. Слѣдовательно, это вступленіе само по себѣ заслуживаетъ нарочитой поддержки, такъ какъ ослабляетъ вѣроисповѣдную вражду, которая отнюдь не является благопріятной для мирнаго преуспѣянія обширной державы Царей. Закрывать двери въ Русское Собрание передъ человѣкомъ другого *христіанскаго* исповѣданія нецѣлесообразно, разъ онъ самъ идетъ на встрѣчу къ сближенію съ Православіемъ, и нужно очень обоснованное сомнѣніе въ искренности его побужденій, чтобъ отклонить его ходатайство. Варшавскій же Отдѣлъ прямо отрицаетъ самую возможность сближенія съ мѣстнымъ обществомъ на „основѣ Православія, Самодержавія и Народности“. Введеніе желанной для него оговорки, смѣемъ думать, излишне подчеркиваетъ отчужденность русскихъ отъ поляковъ и едва-ли вызывается необходимостью: отдѣлъ всегда имѣетъ возможность *не принимать* то или иное лицо въ свой составъ, даже *исключить* члена, обнаружившаго склонность къ противодѣйствию основнымъ задачамъ, но огульно допускать *только* православныхъ едва ли будетъ полезно; иной „православный“ по метрику стоитъ неизмѣримо дальше отъ православія, чѣмъ вѣрующій католикъ или протестантъ. Если мѣстное общество такъ враждебно настроено къ православію, то никто изъ католиковъ и не сдѣлается членомъ „Русскаго кружка“. Стало бытъ прибавка борется съ воображаемой опасностью и оказывается ненужной, но если среди варшавскихъ обывателей есть лица, готовыя совмѣстить вѣрность исповѣданію своихъ предковъ съ служеніемъ исконнымъ творческимъ началамъ, начертаннымъ на знамени Русскаго Собранія, то она вредна, а потому опять излишня.

Мы не сомнѣваемся, что Варшавскій Отдѣлъ имѣлъ свои вѣсскія соображенія для внесенія такой оговорки, такъ какъ Петербургскій Совѣтъ большинствомъ голосовъ постановилъ: „въ виду мѣстной обстановки согласиться на желаніе ограничить пріемъ членовъ лишь лицами православнаго исповѣданія“ ¹⁾. Но въ интересахъ дѣла печатное раскрытіе особенностей этой „мѣстной обстановки“ было бы весьма желательнымъ для уясненія побужденій, заставившихъ сдѣлать такое наводящее на раздумье и сомнѣнія добавленіе.

Дальнѣйшія уклоненія отъ Устава „Русскаго Собранія“ и „Правилъ Харьковскаго Отдѣла“ не имѣютъ такого существеннаго значенія и касаются второстепенныхъ подробностей, которыя были приняты во вниманіе Петербургскимъ Совѣтомъ, нижеслѣдующія постановленія коего могутъ пригодиться для руководства лицамъ, желающимъ открыть Отдѣлы въ другихъ городахъ:

а) Непремѣнно предоставить членамъ Русскаго Собранія пользоваться въ Отдѣлахъ полнымъ правомъ дѣйствительныхъ членовъ, но, такъ какъ Варшавскій Отдѣлъ ограничивается пріемомъ лицъ православнаго исповѣданія, то по отношенію къ нему, это право должно принадлежать лишь православнымъ членамъ Русскаго Собранія. б) Если размѣръ денежнаго взноса (10 руб. ежегодно) затрудняетъ членовъ Совѣта Варшавскаго Отдѣла стать предварительно членами Русскаго Собранія, какъ это указано для Харьковскаго Отдѣла, то, съ цѣлью большаго единства ихъ съ „Русскимъ Собраніемъ“, желательно предоставить имъ это право—по должности ихъ въ Варшавскомъ Отдѣлѣ, т. е. постановить, что члены Совѣта Варшавскаго Отдѣла пользуются правами дѣйствительныхъ членовъ Русскаго Собранія. в) Предоставить Варшавскому Отдѣлу самостоятельное назначеніе Дѣлопроизводителя Совѣта и право входить по мѣстнымъ вопросамъ съ ходатайствами къ представителямъ мѣстныхъ властей помимо Совѣта Русскаго Собранія, что же касается до права закрытія Отдѣла, то оно должно быть предоставлено, какъ и по отношенію Харьковскаго Отдѣла, не Русскому Собранію, а Совѣту Русскаго Собранія, г) Выразить единогласно пожеланіе, чтобы съ цѣлью поддержанія возможно большаго единства между Русскимъ Собраніемъ и его Отдѣлами во всѣхъ статьяхъ проекта, гдѣ нѣтъ существенныхъ отличій отъ соотвѣтственныхъ статей Устава, было доподлинно принято изложеніе послѣдняго“ ²⁾.

По всей вѣроятности, открытіе Варшавскаго Отдѣла, на изложенныхъ выше основаніяхъ, произойдетъ въ недалекомъ будущемъ. Что же касается Одесскаго Отдѣла, то

¹⁾ Извѣстія Русскаго Собранія 1904 г. томъ I, стр. 10.

²⁾ Извѣстія Русскаго Собранія 1904 г. т. I стр. 10—11.

положеніе дѣлъ таково: минувшею весною, подѣ живымъ воздѣйствіемъ примѣра Харькова, многіе одесситы, принадлежащіе къ различнымъ общественнымъ кругамъ задумали учредить въ Одессѣ общество, объединяющее русскихъ людей, пребывающихъ въ этомъ городѣ. Первое собраніе состоялось въ помѣщеніи 16-го стрѣлковаго полка было весьма многочисленнымъ и состояло изъ профессоровъ, представителей военного вѣдомства, дамъ, учителей, общественныхъ дѣятелей и проч. *Единогласно* было постановлено образовать не самостоятельное общество, а отдѣлъ, по образцу Харьковскаго; была избрана коммиссія для подробнаго ознакомленія съ Уставомъ „Русскаго Собранія“ и Харьковскаго Отдѣла и выработки тѣхъ измѣненій, которыя желательны въ виду мѣстныхъ условій. Въ составъ коммиссіи вошли: ректоръ Новороссійскаго университета, проф. А. Н. Деревницкій, генералъ-майоры Полковниковъ и Кардиналовскій, проф. Батцевъ, полковники Кореневъ и Цыбульскій, преподаватели: Спасскій, Лебедевъ, Каменскій, Родзевичъ и законоучитель кадетскаго корпуса, священникъ Петровскій. Коммиссія взяла за образецъ правила Харьковскаго Отдѣла и съ незначительными отъ нихъ отступленіями составила свой проектъ, который и былъ принятъ вторымъ общимъ собраніемъ г.г. учредителей, постановившимъ возбудить ходатайство передъ Совѣтомъ Русскаго Собранія въ Петербургѣ объ открытіи Отдѣла и одновременно обратиться къ градоначальнику съ просьбой о поддержкѣ этого ходатайства. Оно подписано 75 членами учредителями, въ томъ числѣ, помимо вышеназванныхъ лицъ, преосвященнымъ Θεодосіемъ (викаріи), ректоромъ семинаріи архим. о. Анатоліемъ, проф. Кишенскимъ и Тизенгаузенемъ, начальникомъ окружнаго штаба генер. Безродецкимъ, корпуснымъ командиромъ Мыловымъ, директоромъ кадетскаго корпуса Дерюгинымъ, начальникомъ юнкерскаго училища полк. Микулинымъ, одесскимъ предводителемъ дворянства Якунинымъ, многими преподавателями, дамами, военными и представителями мѣстнаго купечества (М. М. Ближенскимъ, А. И. Пташниковымъ, Е. И. Фесенко) и др. Хода-

тайство было вручено присутствовавшему на собраніи члену Русскаго Собранія, проф. Петербургскаго университета, В. М. Грибовскому для передачи кн. Д. П. Голицыну. Въ виду отъѣзда послѣдняго изъ Петербурга на все лѣто, разрѣшеніе дѣла отложено до осени, когда оно и будетъ разсмотрѣно Совѣтомъ.

Помимо Варшавы и Одессы, по нашимъ свѣдѣніямъ, готовится открытіе отдѣловъ въ Вильнѣ, гдѣ ядромъ послужитъ русскій кружокъ, взявшій на свой присмотръ исправленіе православной часовни, пострадавшей недавно отъ взрыва, въ Кіевѣ, гдѣ душею дѣла является проф. В. З. Завитневичъ, въ Воронежѣ, Саратовѣ и другихъ городахъ. Стало быть, нѣтъ никакихъ основаній считать дѣятельность „Русскаго Собранія“ бесплодной: оно несомнѣнно объединяетъ и стягиваетъ въ одно идейное цѣлое многочисленную рать прежде разрозненныхъ русскихъ людей, готовыхъ бороться за Вѣру, Царя и Отечество съ многочисленными врагами русскаго народа, губителями неопытной молодежи, сѣющими смуту, прибѣгающими къ наглой лжи, забрызганными кровью столькихъ вѣрныхъ слугъ Престола. Подъ громъ пушекъ на Далекѣмъ Востокѣ Русь просыпается, озирается пытливымъ окомъ вокругъ и скоро воспрянетъ во всей своей мощи, стряхнувъ своихъ непримиримыхъ внутреннихъ недруговъ. Близокъ часъ, когда всякій долженъ будетъ бросить „уклоняющіеся глаголы“ и прямо сказать, кому онъ служитъ, Самодержавной, Православной Россіи, или международнымъ плутократамъ. Трусливому сидѣнью между двумя стульями нѣтъ мѣста въ такія великія години историческихъ испытаній, каково переживаемое нами время.

„Мирный Трудъ“ 1904 г. № 6.

Необходимость преобразованій въ постановкѣ нашего учебнаго дѣла, о которой мы говорили въ одной изъ ближайшихъ книжекъ „Мирнаго Труда“ ¹⁾, едва-ли можетъ подлежать оспариванію. Въ самомъ дѣлѣ, неудовлетворительность положенія нашей школы, низшей, средней и высшей признается представителями всевозможныхъ общественныхъ воззрѣній: такъ называемые „либералы“ и „консерваторы“ одинаково находятъ, что нужны особыя попеченія и заботы, рядъ цѣлесообразныхъ измѣненій для устраненія такого позорнаго явленія, каковы современные школьные „порядки“. Благодаря бездѣятельности и попустительству власть имущихъ уже давно настала золотая пора торжества для всѣхъ „неуспѣвающихъ“, лѣнтяевъ и празднолюбцевъ. Учителя почти перестали учить, а учащіеся совершенно забыли, что ихъ священная обязанность—учиться. Томительная неопредѣленность требованій подрывала силы даже у тѣхъ, кто привыкъ и хотѣлъ работать; невѣжество и одичаніе подрастающихъ поколѣній уже не вмѣнялись потерявшимъ голову начальствомъ въ вину наставникамъ; все дѣлалось какънибудь, лишь бы не выходило непріятныхъ осложненій, могущихъ повредить успѣшной „карьерѣ“; „все обстоитъ благополучно“—эта пустая отговорка, запрещенная мудрымъ распоряженіемъ Государя, по существу осталась руководствомъ для докладовъ и донесеній о положеніи дѣлъ въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ; на многое, требующее немедленныхъ мѣръ для искорененія, смотрѣли сквозь пальцы, притворялись слѣпыми и глухими, а годы шли и цѣлыя тысячи злополучныхъ юношей развращались и гибли духовно, или искали выхода въ различныхъ крайностяхъ. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда не оставалось никакой возможности скрыть или замолчать какуюнибудь нелѣпую выходку учениковъ или студентовъ—„принимались мѣры“, другими сло-

¹⁾ См. Сборникъ стр. 121--129.

вами производилось удаленіе немногихъ, якобы „наиболѣе виновныхъ“. Они исключались „навсегда“ или „съ правомъ поступленія въ другія учебныя заведенія“ немедленно или черезъ болѣе или менѣе продолжительный срокъ, какъ будто, въ другомъ заведеніи „испорченные юноши“ превратятся тотчасъ-же въ „невинныхъ барашковъ“... какъ будто такимъ способомъ предотвращалась самая возможность повторенія „забастовокъ“ или нарушеній дисциплины. Обрывали нѣсколько листьевъ, а оставляли въ полной силѣ самые корни и... проходило время—выросли свѣжіе побѣги, которые надо было отсѣкать снова. „Искупительныя жертвы“ иногда приносились въ очень обильномъ количествѣ, но обыкновенно втунѣ: рѣдкое сочетаніе малопригодныхъ мѣропріятій съ лишенными почина или злонамѣренными дѣятелями приносило на изумленіе отвратительные плоды. Общество истомилось; отцы и матери ежеминутно дрожали за участь своихъ дѣтей, по отсутствію воспитанія—колеблющихся, словно тростникъ, изъ стороны въ сторону, подпадающихъ легко подъ вліяніе твердыхъ и внушительныхъ наставленій всякихъ добровольныхъ развивателей и печальниковъ о судьбѣ юношества. Большинство преподавателей было сбито съ толку разными слухами, распоряженіями, отмѣнами и тянуло лямку, а призывы къ общественной самодѣятельности не находили живого отклика въ сердцахъ людей 20 числа. Иные „воспитатели“ прямо занимались подготовкой будущихъ борцовъ за освобожденіе, глумились надъ нашими святынями, внушали презрѣніе къ Родинѣ и ея строю, издѣвались надъ любовью къ отечеству и проповѣдовали космополитическія и социалистическія бредни. Понятно, что грядущее сулило безконечную цѣпь смутъ и тревоженій, исказившихъ уже давно задачи и дѣятельность нашихъ учебныхъ заведеній. Мы явственно отбивались отъ одного берега, но не приставали къ другому, а носились въ житейскомъ водоворотѣ „безъ руля и безъ вѣтриль“. Сердце русскихъ людей сжималось отъ мучительной боли и страхъ передъ будущимъ, опасеніе за судьбу Россіи невольно закрадывалось даже въ самыя жизнерадостныя груди.

Нужна была твердая рука, ясное сознание определенной цѣли, умѣнье подойти къ ней и смѣлая готовность вступить въ борьбу съ надвигающимся шкваломъ, чтобъ утлая ладья Министерства Народнаго Просвѣщенія выплыла изъ того лабиринта противоположныхъ теченій, куда ее занесли невзгоды послѣднихъ лѣтъ. Теперь для самого многоопытнаго кормчаго предстоитъ очень трудная задача: надо указать надлежащее направленіе гребцамъ, впавшимъ въ малодушное отчаяніе и утратившимъ работоспособность, надо исправить многочисленныя поврежденія, выбросить излишній грузъ и подчинить суровой „морской“ дисциплинѣ пассажировъ, пробующихъ навязывать свой уставъ капитану. Конечно, для упорядоченія дѣла потребны годы упорнаго и настойчиваго труда, но, слава Богу, появились нѣкія указанія, что, по крайней мѣрѣ, направленіе хода корабля выбрано безповоротно, привлечены къ управленію имъ люди стойкіе, сознающіе важность и отвѣтственность своей задачи, прямо глядящіе въ глаза опасности и выдвигающіе вполне опредѣленныя, а потому и исполнимыя, требованія.

Монаршею волею лица, засвидѣтельствовавшія свою преданность устоямъ Россіи и готовность работать по указаніямъ ея Державнаго Вождя, поставлены нынѣ во главѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и вотъ мы слышимъ изъ устъ ихъ отрадныя слова, вносящія успокоеніе въ мятушіяся души и дающія вполне ясную, простую и осуществимую программу дѣйствій, необходимыхъ для спасенія многихъ тысячъ „неповинныхъ младенцевъ“. Мы имѣемъ въ виду нижеслѣдующую рѣчь, дѣйствительнаго члена Русскаго Собранія, попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, Н. Ч. Заіончковскаго, произнесенную имъ при представленіи ему служащихъ въ учебныхъ заведеніяхъ города Оренбурга: мы не можемъ не привести ее цѣликомъ въ виду ея благородной прямоты и опредѣленной откровенности.

„Я чувствую, говоритъ здѣсь новый попечитель, господа, что ваши взоры обращены ко мнѣ съ рядомъ вопросовъ. Это вполне понятно и естественно.

Попечитель учебнаго округа есть, конечно, прежде всего

вѣрный исполнитель священной Монаршей воли относительно подвѣдомыхъ ему учебныхъ заведеній и долженъ точно и неуклонно руководствоваться распоряженіями Министерства Народнаго Просвѣщенія, тою же волею опредѣляемыми.

Но, господа, въ нашей живой дѣятельности нѣтъ возможности все предузаконить, предусмотрѣть, все урегулировать общими формулами, дать по каждому вопросу предварительныя распоряженія. Да если бы это и было возможно, то все же самое осуществленіе въ школахъ Верховной Государевой воли, проведеніе въ школьную жизнь законовъ и предписаній отдается въ руки мѣстныхъ дѣятелей, ввѣряется ихъ совѣсти, разумѣнію, сознанію долга, ихъ опытности, такту...

Поэтому на долю каждому изъ насъ приходится не мало самостоятельности, а вмѣстѣ съ ней и много отвѣтственности. Моя доля въ той и другой особенно велики.

Въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, особенно сослуживцамъ, я люблю полную ясность, точность, прямоту и откровенность, основанную на взаимномъ довѣріи. Это довѣріе я приношу вамъ вмѣстѣ съ увѣренностью, что и вы отнесетесь ко мнѣ довѣрчиво и будете моими добрыми сотрудниками.

Я скоро, въ началѣ же будущаго полугодія, познакомлюсь съ каждымъ изъ васъ на вашихъ урокахъ; я желаю, чтобы и вы узнали меня возможно скорѣе, и съ этою цѣлью выскажу вамъ тутъ же нѣкоторые свои общіе взгляды на предстоящую намъ совмѣстную работу. Изъ нихъ вы усмотрите, чего я потребую отъ васъ.

Не ищите въ моихъ словахъ намековъ на учебныя заведенія нашего округа: я ихъ еще не знаю и говорить о нихъ спеціально не могу.

Я уже сказалъ вамъ, что попечитель учебнаго округа долженъ быть прежде всего вѣрнымъ исполнителемъ Монаршей воли. Такими же исполнителями ея должны быть, конечно, и всѣ вы.

Эта воля относительно школы возвѣщена намъ ясно и опредѣленно въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 10 іюня 1902 г. на имя бывшаго министра народнаго просвѣщенія Г. Э. Зенгера. Вотъ что въ этомъ рескриптѣ начертано:

„Прежде всего подтверждаю Мое требованіе, чтобы въ школѣ съ образованіемъ юношества соединялось воспитаніе его въ духъ Вѣры, преданности Престолу и Отечеству и уваженіе къ семьѣ, а также забота о томъ, чтобы съ умственнымъ и физическимъ развитіемъ молодежи приучить ее съ раннихъ лѣтъ къ порядку и дисциплинѣ. Школа, изъ которой выходитъ юноша съ одними курсовыми знаніями, не сродненный религиозно-нравственнымъ воспитаніемъ съ чувствомъ долга, съ дисциплиной и уваженіемъ къ старшимъ, не только не полезна, но часто вредна, развивая столь пагубныя для каждаго дѣла своеволие и самомнѣніе“.

Все, въ этихъ священныхъ словахъ выраженное, прошу васъ хорошо запомнить: это будетъ мною твердо и неуклонно исполняемо въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ.

Не скрою, однако, отъ васъ, что я, такъ же какъ и вы, сознаю всю трудность этого исполненія при настоящихъ обстоятельствахъ, которыя требуютъ отъ насъ высшаго напряженія силъ.

Средняя наша школа уже много лѣтъ, начиная съ 1890 г., находится въ неопредѣленномъ, переходномъ, то-есть ненормальномъ, болѣзненномъ состояніи. Кризисъ слишкомъ затянулся,

Нарушеніе равновѣсія въ жизненныхъ функціяхъ главнымъ образомъ одного типа этой школы, какъ это и нужно было ожидать, отразилось и на другихъ, смежныхъ ея типахъ, мужскихъ и женскихъ, и не только на нихъ, но и на школѣ высшей и отчасти низшей, ибо вся цѣпь нашихъ школъ съ низу и до верху составляетъ въ извѣстномъ смыслѣ органическое цѣлое.

Вполнѣ понятно и естественно, что въ ослабленномъ болѣзнью школьномъ организмѣ началось усиленное дѣйствіе вредныхъ микроорганизмовъ внутреннихъ; что облегчилось проникновеніемъ въ него заразныхъ началъ и извнѣ.

Въ открытой школѣ есть два главные основные воспитывающіе элемента,—учителя и учебные предметы.

Всѣмъ извѣстно, съ какою энергіей и, надо признать,

съ какимъ искусствомъ шагъ за шагомъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ часть нашего, такъ называемаго „интеллигентнаго“, общества и нѣкоторые органы печати, одни не вѣдая, что творять, другіе, напротивъ, отлично это вѣдая, подрывали въ глазахъ учащихся авторитетъ какъ учителей, такъ и учебныхъ предметовъ.

Насъ, учащихся, поголовно объявляли бездушными формалистами, тогда какъ русскій человѣкъ по природѣ не формалистъ, а русскіе учитель и учительница постоянно влагали всю душу въ свое дѣло и сократили, какъ извѣстно, среднюю продолжительность своей жизни до крайнихъ предѣловъ; насъ объявили чуть-ли не врагами нашихъ учениковъ, а преподаваемые въ школѣ предметы—частью бесполезными, частью сводомъ вредныхъ, тенденціозно-подобранныхъ побасенокъ, расчитанныхъ, будто бы, на задержку „развитія“ учащихся.

Вмѣсто нихъ стали рекомендовать предметы ни въ какой культурной средней школѣ неизвѣстные... Въ курсъ русской литературы требовали введенія даже представителей декаденства; изъ преподаванія отечественной исторіи стараются—и, повидимому, кое-гдѣ небезуспѣшно—вытѣснить направленіе національное и патріотическое, замѣнивъ его, во всякомъ случаѣ, сомнительными и недоступными учащимся въ средней школѣ, теоріями „естественной эволюціи“ и „экономическаго матеріализма“. О законѣ Божіемъ я уже не говорю.

Школа наша попала въ густую, удушливую атмосферу скептицизма и ея пропитывается.

А за тѣмъ, господа, вмѣсто того, чтобы вести борьбу противъ всего этого, многіе и многіе изъ насъ, педагоговъ, смалодушествовали, опустили руки. Въ этомъ—уже наша вина.

Мы, напримѣръ, молчаливо приняли извращенное въ большой публикѣ толкованіе благостныхъ, памятныхъ всему русскому народу словъ Государя Императора въ рескриптѣ отъ 25 марта 1901 г. на имя генералъ-адъютанта Ванновскаго о необходимости сердечнаго попеченія школы о своихъ питомцахъ.

На эту нашу вину было указано въ циркулярѣ бывшаго министра народнаго просвѣщенія, Г. Э. Зенгера, отъ 28 іюня минувшаго года.

Оказывается, что мы упразднили самихъ себя въ смыслѣ „нравственнаго воздѣйствія на учащихся, настойчиваго проведенія извѣстной системы требованій, подчиненіе которымъ только и въ состояніи приучить юношу къ уваженію законности“, помочь ему выработать понятія объ обязанностяхъ, чести и долгѣ.

Упразднивъ самихъ себя, мы, будто бы въ цѣляхъ того же сердечнаго попеченія, на самомъ же дѣлѣ крайне безсердечно, упразднили въ школѣ и сколько-нибудь серьезное ученіе: наши недавно еще *учебныя* заведенія обратились въ *неучебныя*, въ какія то фабрики свидѣтельствъ, аттестатовъ, дипломовъ.

Мы забыли, господа, что значитъ праздность для дѣтей и юношей; мы упустили изъ вида, что „природа не терпитъ пустоты“.

Тѣ увеселенія учениковъ и ученицъ, которыми мы думали эту пустоту заполнить и которыя мы стали практиковать наперерывъ другъ передъ другомъ въ самыхъ неумѣренныхъ дозахъ, оказались для этого непригодными.

Мы опять забыли, что „дѣлу время, а потѣхѣ часъ“. И вотъ теперь мы пожинаемъ плоды своей слабости и забывчивости: въ школѣ водворилась полная распущенность. Весьма умѣренное еще изображеніе ея въ помянутомъ циркулярѣ Г. Э. Зенгера можетъ повергнуть въ ужасъ cadaго культурнаго человека.

А между тѣмъ на наше мѣсто пришли другіе, самозванные, учителя, разные „развиватели“; школьные предметы обученія замѣнились внѣшкольной пропагандой марксизма, социализма, ницшеанства, босячества и практическими упражненіями въ хулиганствѣ,

Получившіе у насъ свидѣтельства объ окончаніи средней школы, переходя изъ нея въ высшую крайне невѣжественными, безъ интереса къ ученю и любви къ наукѣ, непривычными къ труду и недисциплинированными, есте-

ственно не въ состояніи заинтересоваться наукой и воспринимать ее въ этой высшей школѣ. Имъ здѣсь не остается ничего дѣлать, какъ—забастовать, изыскивая для этого, конечно, всевозможные и самые невозможные предлоги.

Молодые, нѣжные организмы, особенно въ средней школѣ, не выдерживаютъ той атмосферы, въ которой живутъ. Здѣсь причина увеличивающагося числа самоубійствъ несчастныхъ юношей.

Дальше, господа, въ этомъ направленіи идти уже некуда: передъ нами пропасть, куда есть не мало охотниковъ столкнуть насъ.

Итакъ, надо остановиться, осмотрѣться. Мы, педагоги, должны вернуться на свои мѣста и прежде всего вновь водворить въ школѣ ученіе, серьезное ученіе. Мы обязаны потребовать отъ ввѣренныхъ нашему попеченію дѣтей и юношей неуклоннаго исполненія нашихъ школьныхъ законовъ: только такимъ путемъ мы можемъ развивать въ нихъ чувства законности, долга и отвѣтственности, разумѣется, сами при этомъ являя имъ постоянный живой примѣръ развитія въ насъ самихъ тѣхъ же чувствъ.

Родителей мы должны настоятельно просить помочь намъ, наконецъ, въ надзорѣ за ихъ дѣтьми въ домашней жизни, за ихъ знакомствами, времяпровожденіемъ, занятіями, чтеніемъ.

Серьезное обученіе и ученіе, нравственное и скромное поведеніе, приличное юношеству, строгое исполненіе своего долга и обязанностей какъ учащими, такъ и учащимися,—вотъ что необходимо для упорядоченія средней школы.

Обученіе должно быть воспитывающимъ. Первое мѣсто въ школѣ по воспитательному воздѣйствію на учащихся принадлежитъ въ настоящее время Закону Божию, отечественной исторіи, русскому языку и литературѣ и лицамъ, эти предметы преподающимъ.

Отцы законоучители, къ вамъ обращаю слово!

Вы учителя по преимуществу; вы проповѣдники Божественнаго ученія, дѣйствительнаго самого по себѣ на человѣческую душу, по природѣ христіанку; вы знаете эту душу,

раскрывающуюся передъ вами на исповѣди; вы имѣете великую Божественную благодать, полученную вами въ таинства священства.

Въ силу всего этого, а не какихъ либо внѣшнихъ средствъ, въ родѣ начальственныхъ распоряженій и предписаній, займите сами первенствующее среди учащихся мѣсто въ учебномъ заведеніи. Потщитесь насаждать истинную Православную вѣру, христіанское знаніе и христіанскую нравственность въ умы и сердца „малыхъ сихъ“.

Г.г. преподаватели отечественной исторіи! Я неуклонно буду требовать отъ васъ преподаванія вашего предмета въ духѣ исторической правды (Боже насъ сохрани отъ какой-либо неправды!), но въ тоже время въ направленіи строго національномъ и патріотическомъ, какъ этотъ предметъ преподается въ школахъ всего цивилизованнаго міра.

Не скрывайте отъ учащихся нашихъ слабыхъ сторонъ, печальныхъ событій въ исторіи родной земли, но приучайте, ихъ при этомъ относиться къ матери-Россіи и отрицательнымъ въ ней явленіямъ не такъ, какъ Хамъ отнесся къ своему отцу, а такъ, какъ отнеслись къ послѣднему Симъ и Іафетъ.

Старайтесь выяснитъ своимъ ученикамъ и ученицамъ великую, святую роль въ русской исторіи, въ культурѣ нашего отечества, Православной вѣры. Это весьма важно.

Господа! Россія создалась Самодержавіемъ, она вѣрна ему цѣлые вѣка, мы сами всѣ ему присягали.

Выясните же учащимся его великую историческую роль и значеніе, его необходимость для Россіи. Надъ этимъ вопросомъ поработало не мало русскихъ людей: Карамзинъ, наши славянофилы, Катковъ, Побѣдоносцевъ и многіе другіе, въ послѣднее время Черняевъ.

Покажите юношеству, въ чемъ состоятъ историческія и культурныя заслуги русской народности, какіе она совершила славные, истинно-христіанскіе подвиги на протяженіи своей свѣше тысячелѣтней исторіи, на чемъ основано ея право быть хозяйкой въ русской землѣ и владычествовать надъ многочисленными инородцами, входящими въ составъ

нашего Отечества. Вдохните, наконецъ, въ своихъ питомцевъ вѣру въ Россію.

Вотъ категорическое требованіе, которое я къ вамъ предъявляю, вотъ моя горячая просьба къ вамъ.

Г.г. преподаватели русскаго языка и словесности! Растите учащихся въ любви къ родной русской рѣчи, охраняйте въ школѣ ея чистоту, развивайте въ нихъ любовь къ изящной міровой, русской литературѣ и ея національнымъ элементамъ, развивайте самое чувство изящнаго, идеальнаго, чистыя стремленія. Охраняйте молодежь отъ пошлости; старайтесь, чтобы она, воспитанная на высокихъ образцахъ человѣческаго творчества, на глубокихъ, оригинальныхъ мысляхъ, умѣла трезво и критически относиться ко всякой пошлости, литературной въ особенности.

Скажу вамъ всѣмъ, господа, что въ преподаваніи отдѣльныхъ предметовъ, его направленіи, должно быть извѣстное единство: нельзя разрушать на одномъ урокѣ то, что любовно создается на другомъ.

Если гдѣ надлежитъ обратить особое вниманіе на воспитаніе, и именно въ направленіи религіозно-нравственномъ и національномъ, то это, несомнѣнно, въ нашихъ женскихъ гимназіяхъ, гдѣ учатся будущія жены и матери русскихъ людей. А между тѣмъ тутъ-то въ этомъ отношеніи едва ли не самое больное наше мѣсто!

Повторяю, что я говорю вообще и отнюдь не имѣя въ виду учебныя заведенія гор. Оренбурга.

Когда говоришь о воспитаніи въ открытой школѣ, то приходится говорить и о взаимодѣйствіи семьи и школы. Господа! За свою службу на Прибалтійской нашей окраинѣ я привыкъ цѣнить на практикѣ это взаимодѣйствіе и ту дѣйствительно незамѣнимую помощь, которую прочная, образованная, культурная семья оказываетъ школѣ, поддерживая въ дѣтяхъ всѣ добрыя навыки, добрую нравственность, уваженіе къ школѣ и ея дѣятелямъ.

Я прошу васъ и здѣсь привлекать семью къ тому же. Я увѣренъ, что добрымъ, сердечнымъ отношеніемъ къ дѣтямъ, вовсе не исключаящимъ, однако, твердости и настой-

чивости въ требованіяхъ, вы привлечете родителей къ тѣсному съ вами союзу. Чаше съ ними выдайтесь, чаше бесѣдуйте!

Къ сожалѣнію, надо, однако, сознаться, что встрѣчаются семьи, которыя не только не содѣйствуютъ школь, относясь индифферентно къ воспитанію своихъ дѣтей, но даже противодѣйствуютъ ей и смотрятъ на самую школу, какъ на простую фабрику дипломовъ для ихъ сыновей и дочерей.

Случается, что представители такихъ семействъ пробуютъ чуть не терроризировать учителей и даже начальниковъ учебныхъ заведеній. Будьте въ этихъ печальныхъ случаяхъ тверды, дѣйствуйте по закону и совѣсти, по долгу присяги, и ничего не бойтесь!

Я настаиваю на возможной индивидуализаціи воспитательныхъ пріемовъ. Но прошу васъ не забывать, что есть нѣкоторыя, правда немногія, основныя требованія, которымъ должны подчиняться всѣ учащіеся безъ изъятій.

Г.г. начальствующіе и учащіе въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ! По своей предыдущей службѣ я стоялъ очень близко къ дѣлу народнаго образованія и полюбилъ его всею душой. Но мнѣ приходилось до сихъ поръ работать преимущественно для образованія латышей и эстонцевъ. Я очень счастливъ, что воля Государя Императора привела меня сюда, гдѣ я могу поработать для образованія русскаго сельскаго населенія. Моею задачей будетъ возможное увеличеніе среди него числа школь. На какія бы средства онѣ не открывались,—казенныя-ли, общественныя (городскія и земскія), или частныя, я буду привѣтствовать ихъ съ одинаковою радостью, равно любить ихъ.

Но, господа,—я долженъ громко это заявить,—я буду дорожить только школами съ добрымъ направленіемъ обученія и воспитанія. Такихъ школь, о которыхъ мы недавно читали сообщеніе въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, послѣ ревизіи ихъ, тайнаго совѣтника Штюмера, мнѣ вовсе не нужно, и существованія ихъ въ Оренбургскомъ округѣ я не допущу. Дирекція и инспекція народныхъ училищъ обязаны зорко слѣдить за направленіемъ всѣхъ подвѣдомыхъ имъ школь; онѣ мнѣ за него отвѣчаютъ.

У насъ много школъ инородческихъ. Съ образованіемъ инородцевъ я близко ознакомился въ Рижскомъ округѣ. Но я отнюдь не склоненъ всѣ тамошнія нормы прямо переносить сюда: здѣсь есть много особыхъ условій, съ которыми къ тому же я еще не знакомъ. Въ этой области мнѣ предстоитъ многому поучиться.

Скажу только одно: я глубоко чту память покойнаго Н. И. Ильминскаго и отношусь съ полнымъ уваженіемъ къ его системѣ просвѣщенія нашихъ восточныхъ инородцевъ, но, добавлю, къ его системѣ въ чистомъ ея видѣ.

Мы здѣсь ни одни дѣятели на нивѣ народнаго просвѣщенія: съ нами встрѣчаются на ней другія вѣдомства. Нашъ искренній имъ привѣтъ, миръ и любовь! Нива эта широка, а дѣлателей мало: всѣмъ хватить мѣста, и никакая между-вѣдомственная борьба недопустима, хотя бы уже потому, что каждое вѣдомство дѣлаетъ одно и то же государево и земское дѣло.

Итакъ, господа, всѣ тѣ изъ васъ, которые будутъ прилагать честныя старанія по долгу присяги и совѣсти, воспитывать въ школахъ учащихся въ духѣ Вѣры, беззавѣтной преданности Царю-Самодержцу и въ сыновней любви къ великой Святой Руси будутъ имѣть во мнѣ искренняго, вѣрнаго друга, найдутъ энергичную поддержку. Я твердо увѣренъ, что мы будемъ со всѣми вами лучшими друзьями“.

Эта прекрасная, мужественная, простая и ясная рѣчь мастерски очерчиваетъ наши школьные порядки и сжато намѣчаетъ рядъ мѣропріятій, настоятельно необходимыхъ для желаннаго обновленія. Дѣйствительно, „дальше идти некуда“ и пора гг. наставникамъ вернуться къ ихъ прямымъ обязанностямъ, выполнять волю, Высочайше выраженную, а не слѣдовать коварнымъ внушеніямъ „свободомыслящей печати“, пора на дѣлѣ водворить религіозно-нравственное воспитаніе и внѣдрить въ учащихся уваженіе къ закону, сознаніе долга и обязанностей передъ Богомъ, Царемъ и Родиной не безучастно, по приказанію, повторяемыми словесами, а живымъ примѣромъ и безбоязненнымъ служеніемъ правдѣ.

Однако, опытный садовникъ хорошо знаетъ, что никакія удобренія или прививки не помогутъ заброшенному цѣлые годы саду; его надо предварительно „обмолодить“, надо на каждомъ захирѣвшемъ и устарѣвшемъ деревѣ тщательно вырѣзать всѣ усохшіе сучья, вычистить гнилыя раны, отпилить безплодныя, покрытыя лишаями вѣтви, удалить „водяные побѣги“, непроизводительно тянущіе сокъ. Разъ это сдѣлано, удобрите почву и черезъ нѣсколько лѣтъ обновленное дерево покроется свѣжей зеленой листвою, душистыми цвѣтами и обильными плодами.

Такъ надо поступить и съ покрывающимъ всю Россію садомъ народнаго воспитанія и образованія. Развѣ не нужно освободить нашу школу отъ такихъ „начальниковъ“, которые оставляютъ безнаказанными инородцевъ, позволяющихъ себѣ свистать во время пѣнія народнаго гимна и наглými выходками оскорблять патріотическія чувства русскихъ учениковъ и ученицъ? Развѣ мыслимы въ какой либо странѣ преподаватели, отказывающіе въ научномъ совѣтѣ юношѣ за то, что онъ открыто выражаетъ свою преданность Престолу и борется съ революціонной пропагандой? Развѣ терпимы въ стѣнахъ учебныхъ заведеній учителя, сравнивающіе народныхъ героевъ, покрывшихъ міровой славой русскій стягъ при Чемульпо, съ „канатными плясунами“? Развѣ можно допускать до отвѣтственныхъ постовъ наблюдателей за юношествомъ, тѣмъ болѣе во время лѣтняго отдыха, лицъ, открыто выражающихъ свое „неодобреніе“ къ внутренней политикѣ Правительства, раздающихъ ученикамъ для прочтенія разныя подозрительныя книжонки по „рабочему вопросу“, въ ущербъ для правильнаго хода ихъ учебныхъ занятій? Можно было бы предложить великое множество подобныхъ же вопросовъ, навѣянныхъ разными подметными и зарубежными изданіями, восхваляющими подобныя дѣянія и доносящими объ нихъ своему „международному“ начальству, но, думается, основная мысль наша уже достаточно намѣчена: обновленіе нашей школы можетъ быть достигнуто только при условіи тщательнаго подбора свѣдущихъ, любящихъ свое дѣло и убѣжденныхъ преподавателей, равно какъ

безотлагательнаго удаленія всѣхъ тѣхъ, кто святое дѣло воспитанія и образованія превращаетъ въ средство для проповѣди превратныхъ ученій. Это гнусное дѣяніе пробуютъ оправдывать ссылками на свободу науки. Но надо различать пытливую, творческую работу, напряженное исканіе научнаго изслѣдователя, имѣющаго право на полную „свободу мнѣнія и сомнѣнія“, отъ какого нибудь юношескаго доклада, устанавливающаго, на примѣръ, окончательную непригодность „трехъ гнилыхъ стержней“, т. е. Православія, Самодержавія и народности! Нельзя же допускать глумленія надъ святынями, приведенія инородцами текстовъ св. Писанія съ соотвѣтствующими, оскорбительными для вѣрующихъ толкованіями! „Руководитель“, быть можетъ, свѣдущій специалистъ, очень часто является круглымъ невѣждою въ богословіи, исторіи и другихъ отрасляхъ знанія, гдѣ онъ только повторяетъ „самыхъ передовыхъ мыслителей“ и поддакиваетъ имѣющимъ модный успѣхъ ученіямъ, вводя въ соблазнъ малоопытныхъ и несвѣдущихъ слушателей. Это уже не наука, а пропаганда, совершенно неумѣстная и недопустимая! Бываетъ и еще хуже: иные преподаватели укоряютъ студентовъ, за то, что тѣ слабо поддерживаютъ „борьбу съ правительствомъ“ и на замѣчаніе юношей, почему же вы сами не выступаете открыто, цинично ссылаются на свои семьи, на возможность лишиться куска хлѣба. Значитъ, позволительно ради партійныхъ цѣлей подставлять подъ послѣдствія уличныхъ беспорядковъ и забастовокъ „малыхъ сихъ“, тогда какъ житейское благоразуміе внушаетъ самимъ держаться въ сторонѣ. Вѣдь этому позорному поведенію имени нѣтъ: понятна сознательная гибель за истину; мученичество за великую идею благородно, но уничтожать надежды цѣлыхъ семействъ, обрекать на неизбѣжныя страданія незнающихъ ни жизни, ни прошлаго юношей, еще не окрѣпшихъ умственно и не могущихъ оцѣнить самостоятельно различныя „идеи“ и потирая руки, твердить, „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше“—подстрекать юнцовъ къ ниспроверженію правительства и получать отъ него жалованье, чины и ордена, это—возмутительнѣйшая мерзость, слывающая за самый на-

стоящій „либерализмъ“ и гражданское мужество. Наша многострадальная и обездоленная молодежь должна же, наконецъ, постичь нравственный обликъ такихъ людей и съ презрѣніемъ отвернуться отъ нихъ, какъ лицемѣрныхъ себялюбцевъ. Общество должно единодушно излить свое отвращеніе въ негодующемъ восклицаніи: маски долой, губители юныхъ душъ и ненавистники общественнаго благополучія! Оставлятъ въ рукахъ подобныхъ наставниковъ подрастающія поколѣнія значитъ готовить неисчислимые бѣды для Россіи и бесполезно губить множество юныхъ жизней. Надо строгими и послѣдовательными мѣрами вырвать пропаганду изъ стѣнъ учебныхъ заведеній, превратившихся въ разсадники крамолы, памятуя, однако, что самыя совершенныя программы горю не помогутъ, ибо будутъ извращены и изгажены недобросовѣстными исполнителями, а хитроумные „руководители общественнаго мнѣнія“ всю неудачу отнесутъ за счетъ „несостоятельныхъ идей“, положенныхъ въ основу тѣхъ или иныхъ уставовъ. Сей же обманъ будетъ горше перваго, ибо широкіе круги не отличаются проницательностью и всегда склонны взыаливать отвѣтственность на то или иное учрежденіе, либо на отдѣльныхъ лицъ.

Конечно, установленіе степени пригодности любого преподавателя не можетъ быть предоставлено гг. директорамъ, порою склоннымъ къ разнаго рода „политикѣ“ и укрывательству, и новый попечитель Оренбургскаго округа избираетъ совершенно правильный путь, намѣреваясь въ ближайшемъ будущемъ познакомиться съ *каждымъ наставникомъ на урокахъ*. Это дастъ ему мѣрило для самостоятельной оцѣнки подвѣдомственныхъ ему лицъ. Два—три случая устраненія опустившихся или злонамѣренныхъ и остальные подтянутся, сбросятъ угодничество и заискиваніе передъ „передовыми юношами“ и „общественнымъ мнѣніемъ“, представляемымъ обыкновенно какими нибудь крикунами и крикуньями, а честные труженики, безусловно преобладающіе въ рядахъ нашихъ учителей, выйдутъ изъ состоянія оцѣпененія и приложатъ усилія къ правильной постановкѣ святого и отвѣтственнаго дѣла воспитанія будущей Россіи.

Всякому ясно, что любое общественное улучшение достигается единственно путемъ улучшенія отдѣльныхъ личностей. Разъ каждый изъ насъ будетъ работать надъ самимъ собой, надъ поднятіемъ умственнаго и нравственнаго уровня своей семьи, своихъ дѣтей, обновленіе наступитъ скорѣе, чѣмъ ожидаютъ. Но возложить всѣ упованія на такое подвижничество всѣхъ и каждого нельзя. Стало быть, нужны извѣстныя цѣлесообразныя мѣропріятія, облегчающія производительную дѣятельность однихъ и ставящія преграду для злонамѣренныхъ козней, о которыхъ молчать не слѣдуетъ. Если бы надъ нашими учебными заведеніями былъ приподнятъ скрывающій многое *покровъ тайны*, то общество во очію убѣдилось бы, что надо немедленно оздоровить нашъ педагогическій міръ, а не карать только юношей, легковѣрныхъ и увлекающихся: они являются козлами отпущенія, а хищные волки прикрываются овечьей шкурой. Вотъ почему необходимо самое широкое гласное обсужденіе школьныхъ безобразій.

При стойкости, выдержкѣ и настойчивости еще возможно преодолѣть обильныя преграды и привлечь къ обновленію сочувствіе и содѣйствіе положительныхъ общественныхъ силъ и того огромнаго большинства учителей, которые чужды пропагандѣ, но не могутъ, по самой обстановкѣ, принести желанную пользу Родинѣ, а потому совершенно правильно г. Заіончковскій совѣтуетъ учителямъ почаще бесѣдовать съ родителями, открывать имъ глаза и привлекать ихъ расположеніе „добрымъ и сердечнымъ отношеніемъ къ ихъ дѣтямъ“. Какая мать, какой отецъ не желаютъ „счастья“ своему дѣтищу, не хотятъ увидѣть въ немъ полезнаго работника на пользу общую? Разъ они убѣдятся, что школа готовится дѣйствительно къ жизни, выпускаетъ зрѣлыхъ умственно и нравственно, разносторонне развитыхъ и воспитанныхъ молодыхъ людей, то все общество всячески будетъ выражать свое сочувствіе и проявить полную готовность оказать посильную помощь.

О деревѣ всегда судятъ по плодамъ, а потому наша школа, искалѣчившая столько питомицевъ, должна пока-

зять свою дѣятельность въ иномъ свѣтѣ и тогда къ ней не замедлитъ обнаружиться всеобщее уваженіе и довѣріе. Уловки разныхъ „проповѣдниковъ“, ихъ совѣты и обличенія только потому встрѣчаютъ вниманіе, что школа наша не можетъ указать на всѣмъ ясныя, осязательныя заслуги свои, на „плоды добрые“ своей дѣятельности. При иныхъ условіяхъ всѣ ковы останутся гласомъ вопіющаго въ пустынь, а изобличители „неправедные“ встрѣтятъ дружное всенародное неодобреніе.

Само собой понятно, что и общество наше должно вооружиться терпѣніемъ, не требовать немедленнаго устраненія всѣхъ нестроеній въ школьномъ дѣлѣ: вѣдь здоровье приходитъ золотниками и нужно время, чтобъ вылѣчить застарѣлую болѣзнь. Положеніе запущено, но не безнадежно. Націонализація русской школы несомнѣнно вдохнетъ въ нее свѣжія силы; больной встанетъ съ одра своего и пойдетъ по предназначенному ему Богомъ пути, разъ русское юношество будетъ спасено изъ цѣпкихъ рукъ поборниковъ насильственныхъ переворотовъ и проповѣдниковъ устраненія изъ школы тѣхъ творческихъ началъ, кои служили свѣтозарной путеводной звѣздой столькимъ поколѣніямъ.

„Мирный Трудъ“ 1904 г. № 6.

О настроеніи русской молодежи.

— — —

Уже давно наши высшія учебныя заведенія представляют собой печальную картину почти непрерывныхъ безпорядковъ; научные интересы играютъ въ жизни студенчества роль второстепенную; спокойныя занятія надъ собственнымъ развитіемъ смѣнились стремленіемъ поучать другихъ, вмѣшиваясь чуть не во всѣ отрасли государственной и общественной жизни; „учащаяся молодежь“ превратилась въ „неучащуюся“; появились нелѣпыя „забастовки“ и „обструкціи“ съ цѣлью помѣшать своимъ болѣе добросовѣстнымъ товарищамъ работать и пользоваться плодами своихъ трудовъ. Сотни даровитыхъ юношей вынуждены были „бросать“ университеты или институты, такъ какъ необходимость добывать для себя и семьи кусокъ хлѣба не позволяла имъ непроизводительно терять дорогіе годы изъ-за насилія и „террора“, пущенныхъ въ ходъ „забастовщиками“. Уровень выступающихъ, на смѣну старшимъ поколѣніямъ, общественныхъ дѣятелей и работниковъ во всѣхъ областяхъ сложной государственной организаціи замѣтно понизился и полная неподготовленность студенчества засвидѣтельствована во всеуслышаніе въ рядѣ высокоавторитетныхъ заявленій: возмнившіе себя всеобщими наставниками и спасителями оказались невѣжественными, неразвитыми людьми, не обладающими ни необходимыми знаніями, ни потребными навыками, при полномъ отсутствіи общаго, широкаго образованія, когда то выгодно отличавшаго всюду питомцевъ университетовъ. Безпомощные, неумѣлые, болѣзненно самолюбивые и совершенно чуждые дѣйствительности, рабы бумажныхъ теорій не могли внести въ жизнь ни творчества, ни личнаго почина, ни вдохновенной готовности служить родинѣ, насаж-

дая въ ея обширныхъ предѣлахъ знаніе, порядокъ, законность и благосостояніе. Россія не только не увеличивала, но даже не пополняла ряды столь необходимыхъ ей образованныхъ дѣятелей, а иностранцы и инородцы захватывали исподволь лучшія мѣста, завладѣвали выгодными предприятиями и оттирали далеко назадъ наивныхъ мечтателей, собирающихся облагодѣтельствовать „всечеловѣчество“...принесеніемъ въ жертву кровныхъ интересовъ родного народа.

Ради воспитанія десятковъ тысячъ передовыхъ борцовъ, необходимыхъ Россіи, чтобъ отстоять свое мѣсто на міровомъ поприщѣ, гдѣ состязаются всѣ племена за лучшее будущее, было затрачено множество средствъ, добытыхъ потомъ и кровью, неустанными трудами и безсонными ночами сотни милліоновъ прозябающихъ въ невѣжествѣ и бѣдности, возлагающихъ на юныя поколѣнія всѣ свои надежды и упованія. Но „избранные“ уклонились отъ пути истиннаго и въ слѣпомъ самообольщеніи забыли о своемъ неплатномъ долгѣ передъ народомъ: вмѣсто давно желаннаго свѣта науки и знанія они принялись насаждать тьму нелѣпыхъ, одностороннихъ теорій; вмѣсто того, чтобы работать *совмѣстно* съ народомъ надъ общимъ благополучіемъ они стали проповѣдывать насиліе, сѣять вражду и ненависть къ вѣковымъ святынямъ; отъ злобныхъ словъ быстро перешли къ черному дѣлу... Русь обогрилась кровью Царя-Мученика и множества вѣрныхъ слугъ Престола и Отечества, по мѣрѣ силъ и разумѣнія отстаивающихъ родные устои отъ напора близорукихъ изувѣровъ, подстрекаемыхъ зарубежными вдохновителями; ихъ коварство, чувствуя *себя* въ безопасности, посылало на гибель неопытныхъ юношей и губило цвѣты, чтобъ лишить святую Русь ожидаемыхъ вѣками плодовъ. Становилось страшно за будущее, ибо мозгъ великой страны явственно подвергался опасному заболѣванію, задерживающему правильный и постепенный ростъ ея мірового величія. Враги ликовали тихомолкомъ и радовались близкому оскудѣнію стойкихъ и сознательныхъ борцовъ за русскую національную идею: оно сулило осуществленіе горделивыхъ предсказаній нѣмецкихъ мыслителей, увѣряющихъ,

что весь міръ—достояніе германской расы, тогда какъ всѣ славяне осуждены быть лишь „культурнымъ матеріаломъ“, поставляющимъ потребное количество рабочихъ рукъ для выполненія „черной работы“ низшаго качества, гдѣ нужны лишь тѣлесная сила да рабское исполненіе приказаній, отдаваемыхъ будущими повелителями вселенной... Адскій замыселъ, лишить Россію *своихъ* инженеровъ, механиковъ, химиковъ, врачей, юристовъ, учителей, словомъ, людей мысли и зиждущаго дѣла, приводился въ исполненіе руками ея собственныхъ сыновъ, не понимающихъ, что совершаютъ самоубійство и посягаютъ на жизнь Родины—великой общей матери...

Но тонкіе подвохи не обманули всѣхъ юношей: природная сметка и здравый умъ подсказали наиболѣе стойкимъ, что нельзя, оставаясь невѣжественными и уклоняясь отъ занятій науками, притязать на руководящее положеніе. Такая затѣя была, очевидно, смѣшна и нелѣпа; всякій самостоятельно мыслящій юноша отлично понималъ, что его превращаютъ въ орудіе и лишаютъ самаго дорогого достоянія человѣка—*духовной свободы*, и возможности послужить ближнимъ сообразно ихъ справедливымъ запросамъ, не навязывая собственныхъ мудрствованій. И вотъ въ средѣ университетской молодежи возвышаются открыто свой мужественный голосъ противники незрѣлаго политиканства, высоко поднимая стягъ съ призывомъ: „университетъ для науки“! Всюду образовывается, такъ называемая, „оппозиція“, составившая могучій оплотъ порядка, о который разбились всѣ яростныя нападенія потерявшихъ почву „политикановъ и забастовщиковъ“; отчаянныя попытки прервать правильное теченіе академической жизни окончились полнымъ посрамленіемъ немногочисленныхъ фанатиковъ, утратившихъ всякое обаяніе благодаря своей безнравственной проповѣди: „цѣль—оправдываетъ средства“, и поступкамъ, естественно вытекавшимъ изъ такого боевого клича. „Оппозиція“, ставшая на стражѣ лучшихъ академическихъ преданій, сплотилась въ узаконенныя корпораціи, каковы „Трудъ и Надежда“ въ Томскѣ, „Денница“ въ Петербургѣ, „Единеніе—сила“ и „Разсвѣтъ“ въ Одессѣ. Сближаясь здѣсь въ силу тя-

готѣнія къ научнымъ знаніямъ и желанія расширить свой кругозоръ, юноши приучаются къ совмѣстной работѣ и получаютъ возможность дружно противодѣйствовать жалкимъ маріонеткамъ, приводимымъ въ движеніе одновременно всюду искусной рукой таинственныхъ вдохновителей, дергающихъ соотвѣтствующія нити. Теперь произвести безпорядки несравненно труднѣе и они всегда встрѣтятъ противодѣйствіе объединенныхъ въ различныхъ кружкахъ и корпораціяхъ благоразумныхъ студентовъ.

Движеніе противъ преждевременнаго увлеченія непосильнымъ для юнцовъ разрѣшеніемъ многовѣковыхъ, сложныхъ, общественныхъ и государственныхъ вопросовъ, вылилось, помимо научнаго единенія, и въ стремленіи поднять благородной самодѣятельностью нравственный уровень студенчества: въ Петербургѣ возникло „христіанское содружество учащейся молодежи“, объединившее воспитанниковъ нѣсколькихъ высшихъ учебныхъ заведеній на почвѣ глубокаго желанія усвоить и воплотить въ личной жизни безсмертный духъ Евангельскихъ завѣтовъ. Нравственныя задачи преслѣдуетъ также общество „Маякъ“, равно какъ недавно образовавшійся „кружокъ послѣдователей седьмой заповѣди“.

Правда, въ повременной печати поднялось по поводу послѣдняго неумѣстное зубоскальство, но всякій, кто знаетъ, сколько горя, болѣзней и преждевременныхъ смертей приносятъ юношамъ распутство, долженъ только съ полнѣйшимъ сочувствіемъ отнестись къ юному почину, выражающему жгучую потребность въ упорядоченіи нашего семейнаго уклада. Какіе мужья и отцы получаютъ изъ завсегдатаевъ всевозможныхъ вертеповъ, соблазнитель прислуги или попадающихъ на содержаніе къ любострастнымъ богатымъ старушкамъ—показываютъ ясно все растущее разложеніе семейной жизни, обиліе внѣбрачныхъ дѣтей, постоянныя дѣтоубійства... Юноши постигли старую истину: „прочная семья—дѣйствительная основа общественнаго и государственнаго строя“. Они имѣли мужество исповѣдать обязательность цѣломудрія среди всеобщей легкости нравовъ и тѣмъ показали, что въ нашей молодежи живетъ еще жажда личнаго усовершенствованія и вѣрности безсмысленно

высмѣиваемымъ Заповѣдямъ. Конечно, въ данномъ случаѣ починъ молодежи знаменуетъ собой попытку осуществить на дѣлѣ тѣ нравственныя требованія, какія выдвигаетъ взволнованная совѣсть наиболѣе чуткихъ изъ нашихъ современниковъ, возстающихъ противъ поправанія исконныхъ религіозно-нравственныхъ требованій.

Поворотъ молодежи въ сторону христіанскихъ идеаловъ явственно обнаружился и въ томъ сочувствіи, какое она выказала Русскому Собранію и его Отдѣламъ. Какъ извѣстно, пріѣздъ генерала М. М. Бородкина на открытіе Харьковскаго Отдѣла подаль поводъ къ всенародному выступленію „кружка русскихъ студентовъ“, поднесшаго Русскому Собранію икону Святого Серафима Саровскаго. Петербургскіе студенты своимъ присутствіемъ на засѣданіи 21-го ноября выразили полное одобреніе поступка харьковскихъ товарищей. Изъ Кіева, Риги, Одессы были присланы привѣтствія Русскому Собранію отъ воспитанниковъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній. Въ Варшавѣ обнаружилось желаніе студентовъ посѣщать засѣданія русскаго кружка, подобно тому какъ въ Петербургѣ и Харьковѣ значительное число посѣтителей докладовъ составляютъ тѣ же студенты; ихъ дѣйствительное настроеніе сказалось воочію въ тяжелые дни переживаемой нами войны, когда всюду учащаяся молодежь была охвачена могучимъ подъемомъ патріотической волны.

Правда, проявленіе чисто русскихъ чувствъ студентами сильно не понравилось политиканамъ и ихъ руководителямъ. Отданъ былъ приказъ гоненіями и преслѣдованіями, оскорбленіями и клеветой наказать дерзкихъ смѣльчаковъ, устрашить колеблющихся и предупредить утрату постоянно готоваго податливаго орудія въ лицѣ безвольной, запуганной массы студентовъ. Разсчеты не оправдались: русскіе студенты выказали стойкость и нравственную выдержку, а студенчество, вопреки ожиданіямъ „забастовщиковъ“, показало, что оно выросло за послѣдніе годы, желаетъ самостоятельно разобратся въ различныхъ взглядахъ, а не брать ихъ на прокатъ, повторяя, словно грамофоны, рѣчи недруговъ русскаго народа.

Потерявши голову и выбитые изъ, казалось, прочно

захваченныхъ позицій, они поняли, что молодежи надоѣли „забастовки“, что призывъ „университетъ для науки“ сплотилъ слишкомъ много сторонниковъ, дѣлающихъ посягательство на спокойствіе по прежнимъ поводамъ осужденными на неудачу, и вотъ многолѣтніе нарушители порядка превратились въ ярыхъ его защитниковъ... выступивъ противъ русскихъ студентовъ съ обвиненіемъ во внесеніи ими „политики“ въ стѣны университета! Этотъ нахальный приемъ соблазнилъ нѣкоторыхъ, обладавшихъ слишкомъ короткою памятью, и требованія прекращенія „дѣятельности, имѣющей политическую окраску“, стали раздаваться все громче и настойчивѣе. Слышались въ „обществѣ“ даже голоса, бездоказательно обвиняющіе „русскихъ студентовъ“ въ шпіонствѣ, доносахъ, возбужденіи умовъ студенчества, отвлекающемъ отъ правильныхъ занятій. Такимъ образомъ говорили какъ разъ тѣ, кто сквозь пальцы смотрѣлъ на буйства „забастовщиковъ“, выражалъ сочувствіе ихъ „борьбѣ съ правительствомъ“, поощряя къ насилію надъ огромнымъ большинствомъ, желавшимъ заниматься! Конечно, эти господа не могли примириться съ мыслью, что ихъ господству надъ молодежью пришелъ конецъ, ибо часть ея разорвала уже оковы духовнаго рабства, въ которомъ держали столько лѣтъ юныя поколѣнія непримиримые враги Россіи: имъ было ясно, что пройдетъ еще нѣсколько времени, отрезвленіе сдѣлаетъ еще большіе успѣхи и прозрѣвшее юношество займется своимъ прямымъ дѣломъ, подготовкой себя для служенія отечеству и его Верховному Вождю, а изъ ихъ рукъ окончательно ускользнетъ столь послушное, безотвѣтное орудіе, способное въ былые годы на полное самопожертвованіе ради внушенной идеи. Отсюда проистекали та злоба, та дикая нетерпимость и омерзительное коварство, которыя были обнаружены противъ первыхъ ласточекъ неизбежной весны—студентовъ, имѣвшихъ дерзость называть себя русскими и открыто исповѣдовать свою преданность Православію, Самодержавію и Народности. О, ихъ преступленіе было неслыханнымъ и требовало немедленной образцовой кары и вотъ появляются воззванія, требующія

исключенія изъ высшихъ учебныхъ заведеній всѣхъ студентовъ, „причастныхъ русскому собранію“, имена смѣльчаковъ вывѣшивались въ предупрежденіе всякаго общенія съ ними; „всеобщее презрѣніе“ должно было утѣшить ихъ, такъ какъ во всеуслышаніе заявлялось: „мы не потерпимъ, чтобы ихъ присутствіе позорило стѣны университета или институтовъ“! Конечно, евреи, армяне, поляки могутъ быть вѣрными сынами своихъ „угнетенныхъ“ (?) народовъ, но русскіе—„угнетатели“ не смѣютъ даже заикнуться о своей принадлежности къ великому племени, имѣющему безусловно всемірно историческое значеніе, славное прошлое и великое будущее! Однако всѣ эти вопли и неистовыя угрозы не встрѣтили отклика въ рядахъ русскаго студенчества, всегда отличавшагося, въ огромномъ большинствѣ, терпимостью къ мнѣніямъ и воззрѣніямъ другихъ, склонностью къ широкой уступчивости и благороднымъ отвращеніемъ къ насилію и преслѣдованію за убѣжденія. Всякій честный юноша понимаетъ, что одними словами нельзя убѣдить въ справедливости тяжкихъ обвиненій, взводимыхъ на товарищей; нужны неоспоримыя доказательства, а не наглые увѣренія. Нельзя же быть одновременно самозванными судьями и обвинителями. Смутьянамъ не удалось, несмотря на отчаянныя усилія и поддержку со стороны, вызвать общестуденческое движеніе противъ поборниковъ русской національной идеи; наоборотъ, стало явственно обнаруживаться въ средѣ молодежи желаніе лучше ознакомиться съ задачами и цѣлями „Русскаго Собранія“, чтобы каждый могъ выработать *самостоятельное* къ нему отношеніе.

Это единственно надежный и правильный путь, ибо не даромъ народная мудрость гласитъ: „не вѣрь чужимъ рѣчамъ, а вѣрь своимъ очамъ“! Сплетни и клеветническія измышленія, темные слухи и голословныя обвиненія не являются доказательствомъ для каждаго порядочнаго человека, а совершающаяся на глазахъ всѣхъ дѣятельность Собранія и его отдѣловъ прямо говоритъ: „прійди и посмотри, ибо намъ скрывать нечего; мы не заговорщики и не чело-вѣконенавистники, но люди, убѣжденные, на основаніи ря-

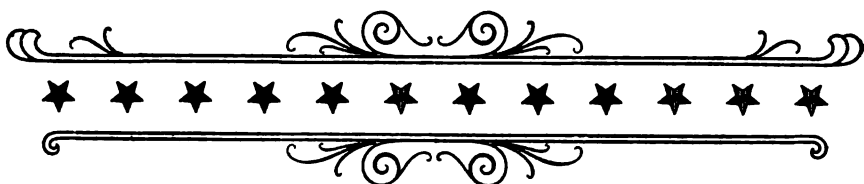
да непреложныхъ данныхъ въ томъ, что вѣковые устои нашей народной жизни и наши національныя святыни лишь помогаютъ осуществленію „племенъ святого братства“.

Само собою понятно, что открытое исповѣдованіе вѣрности исконнымъ творческимъ началамъ нашей исторической жизни *обязываетъ* къ живой дѣятельности и не можетъ ограничиваться лишь словесными заявленіями своей преданности родинѣ. Надо доказать любовь къ ней на дѣлѣ и русская молодежь не въ похвальбахъ пировъ и споровъ шумныхъ, а въ упорномъ трудѣ должна проявить свое національное самосознаніе. На всѣхъ поприщахъ у насъ раздаются крики: „дайте дѣльныхъ людей, дайте знающихъ работниковъ“! Наше отечество испытываетъ незнакомую другимъ странамъ острую нужду въ представителяхъ всѣхъ отраслей научнаго изслѣдованія и прикладнаго знанія, въ лицахъ, подготовленныхъ для отвѣтственной общественной самодѣятельности и плодотворной государственной службы. Утолить эту насущную потребность—вотъ прямой долгъ юныхъ поколѣній, вотъ ихъ великая задача, разрѣшеніе которой сулитъ рѣдкое счастье сознанія не даромъ прожитой жизни. Какъ изсохшая отъ зноя нива жаждетъ живительной влаги, обѣщая обильную жатву, такъ наша родина нуждается въ любовномъ самопожертвованіи своихъ сыновъ: словно капли, напоющія землю, отдѣльные труженики вносятъ свою маленькую долю въ грядущее процвѣтаніе отечества, но только дружный дождь приноситъ пользу пашнѣ, такъ и только совмѣстная работа многихъ тысячъ незамѣтныхъ маленькихъ тружениковъ приводитъ къ плодамъ добрымъ. Наше поколѣніе едва-ли доживетъ до пышнаго расцвѣта русской жизни на родныхъ устояхъ: намъ приходится выдерживать на своихъ плечахъ послѣдній яростный напоръ враждебныхъ стихій, но „русскіе студенты“ получаютъ поле уже значительно подготовленное для посѣва, кое гдѣ уже колосящееся и сулящее непрерывный приливъ потребныхъ сѣмянъ.

Да поможетъ же Богъ „юнымъ витязямъ“ смѣнить въ свое время смежившихъ очи работниковъ и высоко держать стягъ русскаго національнаго самосознанія. А для вы-

полненія этой великой отвѣтственной задачи имъ надо потратить годы юности на изученіе родной исторіи и родной страны, на ознакомленіе съ трудами русскихъ національных поэтовъ и писателей, на углубленіе въ міръ народныхъ думъ, святынь и упованій. Жалкое политиканство и кичливая надменность да будутъ имъ всегда чужды, ибо смѣшно рѣшать на школьной скамьѣ міровые вопросы: вѣдь „всякому овощу—свое время“. Нетерпимость, гоненія ино-вѣрцевъ и инородцевъ также не могутъ быть свойственны истинно русскимъ юношамъ, помнящимъ, что всѣ люди—дѣти Единаго Небеснаго Отца. Но необходимо ясное пониманіе нуждъ и пользы *своего* народа, чтобъ не сдѣлаться слугой враждебныхъ началъ, злоупотребляющихъ этимъ великимъ завѣтомъ христіанства ради своекорыстныхъ цѣлей. Наивно думать, что русскій долженъ помогать инородцамъ сохранять ихъ національныя особенности, отказываясь въ тоже время отъ родной стихіи. „Общечеловѣческая солидарность“, имѣющая такое обаяніе надъ горячими молодыми умами, требуетъ не отказа отъ своего народа, не передѣлки его вѣрованій, строя, идейнаго уклада по книжнымъ образцамъ, но какъ разъ обратнаго: полного и всесторонняго развитія духовныхъ дарованій любой народности, превращенія ея въ самосознающую собирательную личность. Совокупность такихъ собирательныхъ личностей можетъ въ далекомъ будущемъ привести къ „общечеловѣческой солидарности“. Но всегда каждый народъ, сознающій свои прошлыя судьбы и думающій о грядущихъ, долженъ руководиться древнимъ изреченіемъ: „познай самого себя“.

Это-то самопознаніе, это истолкованіе смутныхъ стихійныхъ чувствъ и стремленій, воплощеніе ихъ въ живомъ примѣрѣ, подкрѣпленіе ихъ доводами разума и науки—должны составить цѣль жизни и дѣятельности тѣхъ, кто называетъ себя „русскими студентами“. Иначе—эта кличка останется пустымъ звукомъ, лишеннымъ основаній притязаніемъ. Но да не будетъ сего во вѣки!

НАДЕЖДА РОССИИ.

— — —

Грозныя бѣды отовсюду надвинулись на матушку Русь: злые воры уже давно куютъ крамолу противъ собственной родины и кровавыми убійствами расчищаютъ себѣ путь къ желанной власти, богатству и земнымъ наслажденіямъ. Завѣты вѣчной Правды подвергаются глумленію и высмѣиванію со стороны представителей самомнящаго невѣжества, самозванныхъ пророковъ и высокомерныхъ лжеучителей, сѣющихъ въ умахъ и душахъ смуту, разладъ и ненависть. Забытъ Богъ и непререкаемая вѣрность Его ради пустыхъ, людскихъ измышленій и рабскаго служенія страстямъ своимъ, а священныя обязанности христіанина для многихъ превратились въ звукъ пустой. Чаша переполнилась беззаконіями и справедливое воздаяніе должно было покарать уклонившихся отъ тропы Христовой... И вотъ на Дальнемъ Востокѣ загремѣли выстрѣлы, наглый, кичливый и дерзкій врагъ накинулся на насъ, уповавшихъ на силу „международнаго права“, на свое великое боевое прошлое, на мощь многомилліоннаго народа... Все мыслящее, истинно русское общество въ печальную годину военныхъ невзгодъ, по примѣру предковъ, встало за поруганную честь отечества и, смиренно моля Всевышняго о побѣдѣ надъ супостатомъ, готовитъ ему отпоръ кровавый, жертвуя достояніемъ, даже жизнью ради торжества Россіи.

Но отщепенцы, предатели родины и лакеи космополитизма продолжали свою вредоносную дѣятельность даже въ такіе дни великихъ всенародныхъ испытаній. Они по своему безвѣрію не постигли смысла происшедшихъ событій,

не узрѣли всей глубины опасности, нависшей надъ міромъ христіанскимъ и грозящей самому преобладанію европейцевъ на земномъ шарѣ. Наоборотъ, они вздумали воспользоваться внѣшними затрудненіями въ собственныхъ видахъ и наивно рѣшили запугать правительство и общество злодѣйскими покушеніями и безчеловѣчными убійствами: мученикомъ долга и жертвой изувѣровъ палъ В. К. Плеве, отдавшій всѣ свои богатыя дарованія службѣ Царю и русской державѣ. Новое злодѣяніе обнаружило только идейную и умственную слабость ненавистниковъ Россіи и ея священныхъ устоевъ. Они все еще не понимаютъ, что никакое насиліе не можетъ ни искоренить идеи, ни доставить ей прочное торжество. Для нихъ остается невѣдомымъ историческій опытъ, непременно свидѣтельствующій, что политическія убійства, самый гнусный и подлый родъ убійствъ, остаются обыкновенно безплодными и къ нимъ прибѣгаютъ въ безсиліи только представители отживающихъ началъ, неспособныхъ достигъ торжества мощью собственной правоты. Припомнимъ, для примѣра, гибель Цезаря, Генриховъ III и IV, Вильгельма Оранскаго, Линкольна, даже Марата! Развѣ ихъ убійцы достигли намѣченной цѣли, развѣ злодѣйство остановило роковое теченіе событій? Развѣ можетъ насильственное устраненіе одного, вдобавокъ смертнаго по самой природѣ, чловѣка обуславливать побѣду какихъ либо идеаловъ, ибо отдѣльная личность не способна ни воплотить ихъ въ обществѣ, ни погубить ихъ. Среда же не измѣнится, историческое прошлое не изгладится изъ книги вѣчности, общія условія не пріймутъ новаго вида благодаря мученической кончинѣ борца за опредѣленное творческое и вѣковое начало.

Стало быть, только бессмысленная ненависть можетъ толкнуть на такое нелѣпое и позорное дѣяніе, заслуживающее только полного осужденія всѣхъ здравомыслящихъ людей независимо отъ ихъ политическихъ убѣжденій. Но отсутствіе политической и общественной зрѣлости сказались въ полной мѣрѣ на отношеніи нѣкоторыхъ круговъ къ омерзительному убійству Плеве: темными намеками и рабскимъ „езоповскимъ“ языкомъ они старались дать понять,

что эта „мѣра“ была вызвана крутымъ образомъ дѣйствій усопшаго сановника, а потому заслуживаетъ оправданія. Какъ будто злодѣйство перестаетъ быть таковымъ въ силу знаменитаго іезуитскаго правила: „цѣль оправдываетъ средства“. Эта неискусная уловка свидѣтельствуешь лишь о крайне невысокомъ нравственномъ уровнѣ общества, имѣющаго въ своихъ рядахъ убійцъ и ихъ духовныхъ сообщниковъ, а потому и навлекающаго на себя заслуженную кару Божию въ видѣ войны и надвигающейся изъ глубинъ Азіи холеры.

Но Всемогущій Богъ, отрезвляя насъ невзгодами, не забываетъ и милостями, ниспославъ Императору и Россіи долгожданнаго Наслѣдника и будущаго Повелителя, нареченнаго во святомъ крещеніи Алексѣемъ. Несомнѣнно, выборъ имени сдѣланъ не случайно: невольно передъ мысленнымъ взоромъ встаетъ образъ тишайшаго Царя, наиболѣе привлекательнаго изъ всѣхъ московскихъ Самодержцевъ. Послѣ лихолѣтья онъ оказалъ родинѣ много услугъ и подготовилъ осуществленіе великаго подвига, подъятаго его сыномъ. Истово-благочестивый, глубоко вѣрующій, поистинѣ православный Государь этотъ былъ милосердъ къ преступникамъ, заботился о насажденіи законности изданіемъ Судебника, радѣлъ о чистотѣ вѣры и правильности обряда исправленіемъ книгъ церковныхъ, не забывалъ о своихъ единовѣрцахъ и единоплеменникахъ, принявъ подъ свою высокую руку Малороссію. Важнѣйшія мѣропріятія проводились имъ въ тѣсномъ единеніи съ Землей и отличались поэтому соотвѣтствіемъ назрѣвающимъ современнымъ запросамъ. При немъ замѣчаются ростки славянской взаимности и западно-европейское просвѣщеніе проникаетъ уже приспособленнымъ къ національнымъ и вѣроисповѣднымъ особенностямъ славянскаго народа, ибо учителями выступаютъ южноруссы. Да поможетъ же Всевышній Царственному Младенцу быть, подобно Алексѣю Михайловичу, вѣрнымъ сыномъ св. православной церкви и просвѣщеннымъ Государемъ, блюстителемъ кровныхъ русскихъ нуждъ и поборникомъ великой всеславянской идеи, да найдетъ Онъ въ сы-

нахъ и внукахъ нашихъ достойныхъ сподвижниковъ и прилежныхъ работниковъ надъ благомъ родной земли. Современные же отцы да приложатъ рачительное стараніе къ воспитанію подрастающихъ поколѣній, дабы Россія узрѣла новыхъ Ртищевыхъ, Ординыхъ-Нащокиныхъ, Матвѣевыхъ, показавшихъ, что можно быть русскими людьми и по своему просвѣщенію не уступать образованнымъ сынамъ другихъ народовъ, ставя благо собственнаго выше всего.

Эта задача существенно облегчается трогательной и умилительной заботливостью о современныхъ нуждахъ, проявляемой Николаемъ II, по истинѣ Милостивымъ, ко ввѣренной Ему Промысломъ великой семьѣ русскаго народа. Какой русскій безъ сердечнаго волненія можетъ читать Высочайшій Манифестъ отъ 11 Августа? Позорное тѣлесное наказаніе, тяготѣвшее безъ малѣйшей пользы надъ милліонами нашихъ единокровныхъ братій, кануло нынѣ въ вѣчность безъ потрясеній и шума по волѣ Царя, довершившаго намѣренія своихъ державныхъ Дѣда и Родителя. Россія перестала быть „страною кнута“ и „представители господствующей народности“ получили то право личной неприкосновенности, коимъ уже давно пользуются разные инородцы. Вотъ краснорѣчивое доказательство ихъ мнимаго „угнетенія и приниженности“! Въ „великой семьѣ русскаго народа“ всѣ племена являются братьями и любвеобильное сердце Самодержца обнаруживаетъ о всѣхъ одинаковое попеченіе: рядомъ съ милостями для основанія государства—многомилліоннаго русскаго крестьянства, щедрой рукой разсыпаются льготы для инопеченниковъ, отъ „кочевыхъ, бродячихъ и осѣдлыхъ инородцевъ“, отъ туземцевъ Кавказскаго, Туркестанскаго и Степного края—до жителей Царства Польскаго и Великаго Княжества Финдляндскаго. Для Евреевъ, причинившихъ столько хлопотъ своими притязаніями и подстрекательствами, обнародовано особое распоряженіе, направленное къ уравниванію ихъ положенія съ другими жителями Имперіи. О, если бы наши инородцы и иноплеменники правильно поняли высокія побужденія Государя и стали бы работать надъ благомъ единого общаго

Отечества, оправдывая довѣріе и заботы со стороны Престола! Великодушіе имѣетъ неодолимую силу надъ благородными сердцами и будущее покажетъ, окажутся ли признательными тѣ, изъ среды коихъ вышло столько враговъ величія Россіи. Во всякомъ случаѣ, виновные должны нести заслуженныя кары, а цѣлые народы не могутъ подлежать отвѣту за вину отдѣльныхъ лицъ, хотя обязаны всячески противоdѣйствовать ихъ преступнымъ стремленіямъ.

Глубокая вѣра въ человѣка, въ лучшія качества его существа вѣетъ ото всего Манифеста и невольно заражаетъ и увлекаетъ всѣхъ читающихъ это дѣтище милосердія, продиктованное безконечной добротой и отзывчивостью, внушенное „постояннымъ влеченіемъ сердца“—„явить милость всѣмъ особенно въ ней нуждающимся, преклонить заботу къ судьбѣ тѣхъ, которые по бѣдности и временнымъ нуждамъ, оказались неисправными въ разныхъ платежахъ, а равно тѣхъ, кои, преступивъ велѣнія закона, искупили уже отчасти свою вину или по другимъ обстоятельствамъ, заслуживаютъ снисхожденія“.

Несмотря на великую тягость нежеланной войны, Государь простилъ недоимки, штрафы, взысканія буквально на цѣлыя сотни милліоновъ „съ ущербомъ для казны“ и „возмѣщеніемъ убытковъ земскимъ учрежденіямъ“. Милліоны людей такъ или иначе испытываютъ разнообразныя милости; многія тысячи „осиротѣвшихъ дѣтей офицерскихъ и нижнихъ чиновъ, запечатлѣвшихъ кровью на далекой окраинѣ пламенную преданость Россіи, получаютъ надлежащее призрѣніе и воспитаніе, ибо Монархомъ признано „священной Его обязанностью всемѣрно озаботиться изысканіемъ необходимыхъ для сего способовъ“.

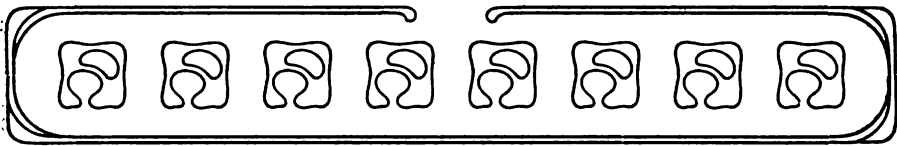
Царь всенародно свидѣтельствуетъ, что Ему „особенно отраднo прійти на помощь вѣрнымъ подданнымъ облегченіемъ ихъ неотложныхъ нуждъ“ въ „переживаемую нынѣ годину испытаній, которая вызвала напряженіе силъ народныхъ, но и явила предъ лицомъ всего міра высокіе примѣры непоколебимой доблести и беззавѣтной любви къ родинѣ“. Каждый подданный найдетъ отраду въ посильномъ

облегчені великаго подвига царственнаго служенія родной землѣ, ибо всѣ благія намѣренія Государя могутъ осуществиться только подъ условіемъ добросовѣстнаго выполненія всѣми нами лежащихъ на насъ обязанностей: въ то время какъ наши братья проливаютъ свою кровь и полагаютъ животъ свой за други своя въ ущельяхъ далекой Манджуріи, мы, оставшіеся дома, должны удесятерить производительность своего труда, зорко блюсти внутреннюю безопасность чтобъ наша дорогая родина вышла побѣдительницей изъ кроваваго навязаннаго ей состязанія. Наши герои должны быть увѣрены, что только подонки общества способны въ Россіи попираť ногами обязанности всякаго честнаго гражданина нашего великаго отечества, ибо надо опуститься до животнаго, или оподлиться окончательно, чтобъ въ такія минуты работать въ угоду врагамъ родины и мѣшать благороднымъ начинаніямъ Государя, всею душою желающаго, чтобъ его милости „послужили къ вящему укрѣпленію въ средѣ народной добрыхъ нравовъ, уваженія къ законнымъ правамъ cadaго“. Этой надеждой вдохновляются всѣ русскіе люди и они найдутъ въ себѣ достаточно силъ и мужества, чтобъ добиться ея осуществленія.

„Мирный Трудъ“ 1904 г. № 7.

Мнимая спасительность парламентаризма.

— — —

Въ послѣднее время усилились толки о преимуществахъ парламентаризма, отъ котораго ждутъ „весны“ для нашего отечества и чудеснаго исцѣленія всѣхъ нашихъ общественныхъ недуговъ. Даже вопросъ объ исходѣ войны съ Японіей ставится въ тѣсную связь съ измѣненіемъ нашего государственнаго строя: г. Меньшиковъ прямо говоритъ: „только *организованные* народы непобѣдимы. Пока Россія боится себя самой, пока силы народныя круто связаны, пока *нація не признана въ правахъ участія въ своей жизни* (курсивъ нашъ)—можно ли говорить о непобѣдимости и всесвѣтномъ господствѣ?“ Итакъ стоитъ ввести народоправство и мы получимъ основаніе говорить о непобѣдимости, о всесвѣтномъ господствѣ; все измѣнится какъ по мановенію волшебнаго жезла: русскій народъ перестанетъ быть „глупымъ“, „придурковатымъ“, „нищимъ“, „невѣжественнымъ, одичавшимъ до равнодушія къ своей судьбѣ“ и пр. Если повѣрить непогрѣшимости сужденій г. Меньшикова на слово (доказательствъ онъ не приводитъ), то невольно придется задуматься, какъ можно ввѣрять власть обществу, гдѣ „*глупость народная*“ держитъ и образованные кассы въ своемъ плѣну“, гдѣ „простонародные предразсудки идутъ до верховъ и дѣлаютъ нашу интеллигенцію *безвольной*“. Хорошъ совѣтъ—отдать „безвольнымъ“ и „глупымъ“ людямъ управленіе обширнымъ государствомъ, предоставить имъ „права участія въ своей жизни!“ да вѣдь это будетъ величайшей ошибкой, конечной гибелью всей страны, ибо, очевидно, несамостоятельные глупцы наносятъ множество нелѣпостей.

Только недомыслие может породить такую непродуманную политическую программу. Будь г. Меньшиковъ болѣе логичнымъ и послѣдовательнымъ, онъ прямо потребовалъ бы призванія новыхъ варяговъ съ Запада, который онъ рисуетъ намъ какимъ то земнымъ раемъ: тамъ, по его мнѣнію, нѣтъ „бытовой нечестности, продажности, жестокости, распутства, пьянства, неуваженія къ правамъ чело-вѣка, грубаго цинизма, который у насъ проникаетъ население до его корней“, ибо у насъ нравственность народная гораздо ниже, чѣмъ у сосѣдей и это со времени Тацита, т. е. съ той поры, когда не было помину о Россіи, русскихъ и даже о „нашихъ сосѣдяхъ“. Нельзя же взбираться на общественную трибуну съ такими скудными познаніями по исторіи родного народа съ единственною цѣлью облить его помоями. Народъ нашъ осудилъ такое поведеніе мѣткой и мудрой пословицей: „плоха та птица, что гнѣздо свое мараетъ“.

Неужели г. Меньшиковъ думаетъ, что въ Россіи никто не знаетъ, что происходитъ на Западѣ при господствѣ столь излюбленнаго имъ парламентаризма? Развѣ мы не читали о продажности народныхъ представителей, о подкупахъ на выборахъ, о дракахъ въ стѣнахъ парламентовъ, объ упадкѣ семейной жизни, вырожденіи, алкоголизмѣ, ростѣ преступности, безвѣріи, вопіющей нищетѣ, доводящей до самоубійства и смерти отъ голода, объ ожесточеніи соціальной борьбы въ тѣхъ странахъ, гдѣ народъ якобы оказывается вершителемъ своей судьбы!

Просвѣщенные и передовые мыслители Запада съ ужасомъ указываютъ на ту пропасть, куда онъ стремится; государственные люди озабочены изысканіемъ средствъ для борьбы со все растущимъ общественнымъ разложеніемъ, пониженіемъ культурнаго уровня и упадкомъ идейныхъ запросовъ въ массѣ народной. Неужели же г. Меньшиковъ не знаетъ о страшномъ ростѣ социализма, объ успѣхахъ анархизма, о политическихъ убійствахъ, возведенныхъ въ систему, о постоянныхъ стачкахъ и кровавой расправѣ съ рабочими на Западѣ?

Надо быть очень самонадѣяннымъ человѣкомъ, чтобъ выступить въ наши дни съ повтореніемъ чаадаевскихъ положеній: и теперь мы знаемъ Западъ лучше, чѣмъ онъ насъ, хотя правильное пониманіе Россіи прокладываетъ все шире себѣ дорогу въ средѣ западныхъ народовъ. Они признають, что наше духовное превосходство сказалось *въ нашихъ идеалахъ*, въ нашемъ исканіи путей къ осуществленію идеаловъ всесвѣтнаго мира и братства всѣхъ народовъ, къ водворенію Божьяго Царства на землѣ, гдѣ не будетъ обижающихъ и обиженныхъ, гдѣ возстановится давно попорченная правда. На Западѣ нашихъ писателей считаютъ учителями жизни, цѣнятъ ихъ напряженные поиски лучшаго, преклоняются передъ ихъ душевнымъ величіемъ и глубиною ихъ міровоззрѣнія, понимаютъ, что „глупый или придурковатый народъ“ не породилъ бы такихъ сыновъ, какъ Пушкинъ, Достоевскій, Тургеневъ, Толстой и цѣлыя тысячи второстепенныхъ величинъ, по мѣрѣ силъ служащихъ облагороженію души человѣческой. Лучшіе люди Запада сознають, что нельзя гоняться за внѣшностью и мѣрять ею качества народныя. Они, преклоняясь, подчеркиваютъ, сколько величія духовнаго проявлено русскими воинами на далекомъ Востокѣ, сколько подвиговъ совершено нашими женщинами, убирающими раненыхъ подъ выстрѣлами „просвѣщенныхъ японцевъ“.

Самопожертвованіе и самоотреченіе русскихъ людей ради служенія высшей идеѣ засвидѣтельствованы передъ всѣмъ міромъ въ безчисленномъ множествѣ примѣровъ и хорошо извѣстны г. Меньшикову, который постыдно замолчалъ эти дивныя дѣянія, изумляющія всѣхъ безпристрастныхъ наблюдателей, правильно оцѣненные даже нашими врагами.

Изумительно это глубокое паденіе человѣка, который столько толковалъ о любви къ ближнему, о самоусовершенствованіи, нравственной чуткости. Многіе ему вѣрили, но теперь ясно всѣмъ, что эта проповѣдь была лицемѣріемъ и погоней за успѣхомъ, прикрытой красивыми словами. Сладко говорилъ г. Меньшиковъ въ своихъ „Думахъ о счастьѣ“

и „Письмахъ къ ближнимъ“, и увлекалъ довърчивыя неопытныя сердца, несмотря на предостерегающіе голоса и кличку „нововременскій Іудушка“, заклеившую его на столбахъ многихъ повременныхъ изданій. Дѣйствительно, онъ оказался „мѣдью звенящей и кимваломъ бряцающимъ“, ибо *онъ любви не имѣетъ*. Выступить передъ 100-тысячной аудиторіей съ такимъ поруганіемъ Родины, зная, что клеветническія измышленія будутъ прочитаны тамъ, на полѣ брани, среди полагающихъ душу за други своя, среди ежеминутно ждущихъ смерти, больныхъ, раненыхъ—это верхъ жестокости и безсердечія. Это такое отсутствіе сознательнаго отношенія къ переживаемымъ нами событіямъ, что только у ненавистника Россіи могла подняться рука для написанія такого безпримѣрнаго „произведенія“.

Вѣдь г. Меньшиковъ несомнѣнно кое-что читаетъ и обдумываетъ, развѣ можетъ быть ему неизвѣстенъ, напр., такой отзывъ Ницше о Россіи: „Россія—единственная держава, у которой въ настоящее время есть будущность, которая можетъ ждать, можетъ обѣщать. Россія—явленіе, обратное жалкой нервности мелкихъ европейскихъ государствъ, для которыхъ съ основаніемъ „Германской имперіи“ наступило критическое время. У всего Запада исчезли тѣ инстинкты, изъ которыхъ вырастаютъ учрежденія, на которыхъ строится будущее; его современному духу ничто, быть можетъ, не противорѣчитъ въ такой степени, какъ эти инстинкты. Люди живутъ только сегодняшнимъ днемъ, живутъ торопливо, снимая съ себя всякую отвѣтственность за жизнь и это называютъ „свободой“¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ Ницше даетъ о парламентаризмѣ такой отзывъ: „ничто не причиняетъ такого вреда свободѣ, какъ общепризнанныя либеральныя учрежденія. Они подводятъ подъ одинъ уровень высокое и низкое, они дѣлаютъ людей мелкими и трусливыми,—въ нихъ торжествуетъ стадное животное. Либерализмъ въ переводѣ означаетъ торжество *стаднаго начала*“. Вотъ голосъ безспорно талантливаго наблюдателя, который прекрасно зналъ хваленый Западъ, а не

¹⁾ „Сумерки кумировъ“ § 39, стр. 216—217.

судилъ о немъ изъ царскосельской дали. Что-то непонятное произошло съ „кроткимъ проповѣдникомъ“, желающимъ облагодѣтельствовать насъ тѣмъ, что теряютъ почву на самомъ Западѣ. Въ самомъ дѣлѣ, г. Меньшикову слишкомъ хорошо извѣстно, что парламентскій строй держится на рѣшеніи вопросовъ большинствомъ народныхъ представителей, уполномоченныхъ на власть большинствомъ избирательныхъ голосовъ. Что же онъ можетъ возразить на такую отвѣдь Ибсена, вложенную этимъ великимъ писателемъ въ уста „Доктора Стокмана“: „Опаснѣйшіе среди насъ враги истины и свободы—это сплоченное большинство. Да, проклятое сплоченное, либеральное большинство!.. Вѣдь именно огромное большинство нашего общества лишаетъ меня свободы, хочетъ воспретить мнѣ говорить правду... Большинство никогда не бываетъ право. Никогда, говорю я! Это общественная ложь, одна изъ тѣхъ общепринятыхъ лживыхъ условностей, противъ которыхъ обязанъ возставать каждый свободный и мыслящій человѣкъ. Изъ какихъ людей составляется большинство въ странѣ? Изъ умныхъ или глупыхъ? Я думаю, всѣ согласятся, что глупые люди составляютъ страшное, подавляющее большинство на всемъ земномъ шарѣ. Но правильно-ли, чортъ возьми, чтобъ глупые управляли умными? (*шумъ и крики*) Да! Да! Вы можете перекричать меня, но не опровергнуть мои слова. На сторонѣ большинства *сила*, къ сожалѣнію, но *не право*“²⁾. Извѣстный романистъ, тонкій психологъ и истолкователь общественныхъ настроеній, *Поль Буржес*, раздѣляетъ точку зрѣнія Ибсена; „всеобщая подача голосовъ, пишетъ онъ, т. е. *глупая тиранія числа*, царство силы въ формѣ на-иболѣе несправедливой и слѣпой, вотъ режимъ, установленный демократіей всюду, гдѣ она восторжествовала. Къ этому она присоединила бѣшенное пробужденіе толпы, всеобщее недовольство судьбою и постоянную угрозу бунтомъ со стороны четвертаго класса, класса нищеты и ненависти къ цивилизаціи, которая обѣщала свободу, равенство, брат-

²⁾ Врагъ народа (Докторъ Стокманъ) пер. съ датскаго, стр. 90—91.

ство и обанкротилась съ этими неосуществимыми обѣщаніями“.

Въ самомъ дѣлѣ, почему надо думать, будто большинство людей, обладающихъ вдобавокъ непремѣнно опредѣленнымъ имущественнымъ цензомъ, обязательно проявитъ надлежащія для рѣшенія государственныхъ вопросовъ качества, будетъ стремиться къ общему благу, а не къ личнымъ выгодамъ, станетъ неустанно заботиться объ искорененіи общественныхъ золъ? Вѣдь дѣйствительность показываетъ совершенно обратное: всюду замѣчаются неспособность парламента быстро принимать надлежащее рѣшеніе и паденіе интереса народныхъ представителей къ ихъ обязанностямъ. По этому поводу проф. Лабандъ замѣчаетъ: „газеты сообщаютъ всему германскому народу, что около 20, 30 или 40 его представителей присутствовало въ засѣданіяхъ имперскаго парламента, а зрители съ трибунъ удостовѣряютъ, что они видѣли пустыя скамьи; однако-же, несмотря на это, въ парламентѣ принимались рѣшенія. Если не болѣе какъ ни на *чемъ не основанная и произвольная фикція*, будто большинство депутатовъ парламента выражаетъ волю большинства народа, то эта фикція доводится уже просто до смѣшного, если какая нибудь маленькая кучка случайно присутствующихъ членовъ парламента должна представлять собою представительство цѣлаго народа“.

Вторымъ признакомъ крушенія парламентаризма, несомнѣннымъ показателемъ его полного вырожденія на самомъ Западѣ, является все учащающаяся *обструкція*. Съ цѣлью затруднить принятіе мѣръ, внесенныхъ сильными противниками, говорятся безконечныя рѣчи, вносятся пустыя, величаемыя „неотложными“, предложенія. „Ораторамъ противной стороны мѣшаютъ говорить, кричатъ пѣтухами. Торжествуетъ тотъ, у кого крѣпче глотка. Это-ли осуществленіе народовластія?—спрашиваетъ г. Валерій Брюсовъ¹⁾. „Но еще бессмысленнѣе, продолжаетъ независимо мыслящій русскій поэтъ, обструкція по существу. Парламента-

¹⁾ См. „Новый Путь“ № 2. 1903 г. „Кризисъ парламентаризма“, стр. 208

ризмъ—правленіе большинства. Воля большинства должна быть свята. Какое же право имѣетъ оппозиція не подчиняться этой волѣ? Что такое обструкція, какъ не отреченіе отъ самаго принципа парламентаризма?”

На Западѣ много говорятъ и пишутъ о концѣ парламентаризма, который не оправдалъ возлагаемыхъ на него надеждъ и не удовлетворяетъ измѣнившимся общественнымъ и культурнымъ особенностямъ¹⁾. Поворотъ въ общественномъ настроеніи бросается въ глаза непредубѣжденному наблюдателю: „въ обществѣ и особенно въ народѣ парламентаризмъ уже совершенно утратилъ свое прежнее обаяніе. Не даромъ же здѣсь въ ходу популярныя названія парламентовъ: „заведенія для болтовни“ (Schwatzanstalten), „мельницы-трещотки для пустой соломы“ (Klappermühlen für leeres Stroh) и т. п. Наивныхъ до глупости людей, которые и теперь еще считали бы парламентаризмъ всеисцѣляющей панацей, или всеобщимъ цѣлительнымъ средствомъ, помогающимъ въ политическихъ, соціальныхъ, экономическихъ печаляхъ, нуждахъ и недугахъ, право, въ Германіи и со свѣчкой не найдете. Напротивъ, старики, въ юности вѣровавшіе въ эти иллюзіи, теперь сами постоянно смѣются надъ ними и въ разговорахъ, и въ печати. А люди, болѣе современные, когда заходитъ рѣчь о парламентахъ и возлагавшихся на нихъ ожиданіяхъ, лишь машутъ руками, покачиваютъ головами и вообще не хотятъ говорить объ этомъ²⁾. Неудивительно, что пользующійся всемірной извѣстностью философъ, Эдуардъ фонъ Гартманнъ³⁾ ищетъ помощи не въ одряхлѣвшемъ парламентаризмѣ, а въ цѣлесообразной дѣятельности правительства: „великая и очень важная задача, возлагаемая теперь на правительство, состоитъ въ упрощеніи и практичномъ устройствѣ законодательства, правосудія, административнаго и полицейскаго управленія. Дѣло идетъ о томъ, чтобы наскоро построенное временное зданіе, въ которомъ мы всѣ чувствуемъ себя

¹⁾ См. Мирный Трудъ 1902 г. № 3 „Упадокъ парламентаризма“ стр. 200.

²⁾ См. Berliner Blatt 1903. № 1.

³⁾ E. von Hartmann. Neue Tagesfragen. 1903.

стѣсненными и угнетенными, замѣнить новымъ, болѣе прочно устроеннымъ, въ которомъ были бы приняты во вниманіе всѣ серіозныя потребности и которое поэтому было бы болѣе удобообитаемымъ“.

Много можно было бы привести примѣровъ подобныхъ же сужденій выдающихся сыновъ Запада о парламентаризмѣ и его очевидной несостоятельности, но въ этомъ нѣтъ необходимости. Стоитъ лишь припомнить, что парламентаризмъ не спасъ Францію отъ дѣла Дрейфуса, не предотвратилъ нестроений въ нѣмецкой арміи, не разрѣшилъ рабочаго вопроса, не умиротворилъ національную вражду, не упорядочилъ отношеній церкви къ государству. Онъ запятналъ себя продажностью, гоненіями за вѣру и убѣжденія, преслѣдованіями народныхъ языковъ, угнетеніемъ населенія, непомѣрнымъ ростомъ милитаризма и т. п. Онъ не сдѣлалъ „организованную“ Италію непобѣдимой, ибо дикіе абиссинцы со своимъ Негусомъ разгромили обладавшихъ „говорильней“ итальянцевъ. Онъ не далъ австрійскимъ славянамъ „права участія въ своей жизни“, а превратилъ ихъ въ дойную корову, въ рабочій скотъ для нѣмцевъ, венгровъ, евреевъ и своихъ же измѣнниковъ. По плодамъ судимъ о деревѣ, а потому кто можетъ желать „организациі“ Россіи на западно-европейскій ладъ, какъ не наши враги, для которыхъ Самодержавіе остается неприступнымъ оплотомъ высокихъ общественныхъ идеаловъ справедливости и „законныхъ правъ cadaго“.

Почему мы должны преклоняться передъ выборнымъ правительствомъ, когда о парламентскихъ выборахъ въ Англіи, образцѣ конституціонныхъ системъ, замѣчательный философъ, критикъ и историкъ *И. Тэнъ*, рассказываетъ такіа прелести: „механика выборовъ груба, иногда грязна. Кандидатъ нанимаетъ отель или гостиницу, держитъ открытый столъ, вина вдоволь, катаетъ избирателей въ своихъ экипажахъ, нанимаетъ музыкантовъ, ораторовъ, которые говорятъ за него въ тавернахъ, иногда людей, которые сыплютъ въ его противника яблоками и кулачными ударами. Выборы стоятъ денегъ; избраніе обходится въ пять, шесть

тысячъ фунтовъ и болѣе (50,000—60,000 рублей!). Чтобы избиратель побезпокоился и пришелъ подать голосъ, нужно дать ему что нибудь положительное: мѣсто, обѣщаніе мѣста, нѣсколько хорошихъ обѣдовъ, эля и вина, сколько душа приметъ, иногда денегъ“. Всѣ безпристрастные отчеты о выборахъ показываютъ, что множество избирателей не пользуются своими правами, что правящая партія и оппозиція заманиваютъ обѣщаніями, прибѣгаютъ къ подлогамъ и подкупамъ при голосованіи, мѣшаютъ свободной подачѣ голосовъ, оказываютъ давленіе на избирателей, не гнушаются грубыми насиліями. Убитые и раненые или посаженные въ тюрьмы избиратели—вотъ наглядное доказательство „свободы, насаждаемой парламентаризмомъ“.

Вмѣсто прославленія Запада намъ надо изученіе нашего отечества, его особенностей и потребностей. Намъ надо устраненіе пагубнаго предразсудка, будто Самодержавіе несовмѣстимо съ самоуправленіемъ; намъ надо привлеченіе мѣстныхъ силъ къ разрѣшенію мѣстныхъ нуждъ, ибо въ обширнѣйшей державѣ Россійской столько разнообразія, что нельзя и думать объ общей для всѣхъ мѣркѣ. Но это самоуправленіе должно имѣть въ виду пользу края, а не притязать на рѣшеніе общегосударственныхъ вопросовъ. Дѣятельность земскихъ и городскихъ самоуправленій должна подлежать строгой отчетности передъ правительствомъ. Общество путемъ широкой гласности также должно знать *все* о дѣятельности своихъ избранниковъ, дабы самоуправленіе не оказалось самооткармливаніемъ сплоченной кучки воротилъ, пристроившихся возлѣ общественнаго пирога. Недаромъ примѣръ того же Запада наставляетъ насъ, что погоня за властью подъ видомъ народнаго представительства насаждаетъ господство кучки политикановъ, не пропускающихъ свѣжихъ, безкорыстныхъ работниковъ въ парламенты, политикановъ, дѣлящихъ между присными блага земныя, грабящихъ народъ соглашеніями съ международными капиталистами и уклоняющихся отъ плодотворнаго труда надъ общественными улучшеніями ради торжества

партийныхъ интересовъ. Чужой опытъ поучителенъ и не годится повторять сдѣланныя другими ошибки.

Хорошо поставленная печать, отвѣтственная передъ судомъ и закономъ, вполне чуждая зависимости отъ космополитовъ-плутократовъ, можетъ принести странѣ несравненно большую пользу, чѣмъ пресловутая „организация“. Но наше общество должно постичь отличіе между доносомъ и разоблаченіемъ, должно стряхнуть съ себя иго „самозванной цензуры“, требующей, чтобъ никто не смѣлъ касаться извѣстныхъ предметовъ. Для ищущаго правды такой запретъ никогда не будетъ имѣть связующей силы, но и среда обязана подняться надъ мелочами сплетенъ, личныхъ счетовъ, заугольных осужденій. Надо имѣть мужество открыто высказывать свои мнѣнія, не бояться давленія „общественнаго мнѣнія“, а честно исполнять свой долгъ, равнодушно относясь къ запугиваніямъ, которыя такъ любятъ пускать въ ходъ наши лжелибералы—типичные деспоты и угнетатели свободной мысли. Надо помнить золотыя слова И. С. Аксакова¹⁾: „свобода жизни разума и слова—такая свобода, которую, по настоящему, даже смѣшно и странно формулировать юридически и называть правомъ: это такое же право, какъ право быть человѣкомъ, дышать воздухомъ, двигать руками и ногами. Эта свобода вовсе не какая либо политическая, а есть необходимое условіе самого человеческого бытія; при нарушеніи этой свободы нельзя и требовать отъ человѣка никакихъ правильныхъ отправленій человеческого духа, ни вмѣнять что либо ему въ преступленіе; умерщвленіе жизни мысли и слова—самое страшнѣйшее изъ всѣхъ душегубствъ. Человѣкъ, стѣсненный въ свободѣ мыслить и выражать свою мысль словомъ, чувствуетъ себя стѣсненнымъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, требующихъ участія мысли и воли,—не годится ни для какого общественнаго дѣла, плохой гражданинъ, плохой слуга обществу и государству“. „Свобода слова не есть свобода политическая и защитники мнѣнія о несогласіи принципа свободной печати съ нашимъ политическимъ принципомъ могутъ точно также,

¹⁾ Сочиненія. Томъ IV стр. 399 сл.

съ неменьшимъ основаніемъ, утверждать, что эта форма правленія несомѣстима и съ свободой жизни, свободой—пить, ѣсть, дышать, ходить и двигаться. Если же признается возможнымъ и жить, и дышать, и совершать прочія отправленія подъ защитой неограниченной монархической власти, то нѣтъ причины унижать значеніе Самодержавія до такой степени, чтобы считать немыслимую жизнь духа и разума подъ его эгидою. Напротивъ, мы думаемъ, что настоящее, именно русское, Самодержавіе предполагаетъ полную свободу нравственной общественной жизни и безъ этой свободы перестаетъ быть русскимъ“.

Таково смѣлое и прямое сужденіе поборника славянофильскихъ завѣтовъ, сочиненія котораго получили право свободного обращенія благодаря широкимъ воззрѣніямъ чисто русскаго Самодержца, незабвеннаго Императора Александра III. Исполненіе пламенныхъ надеждъ всѣхъ лучшихъ людей Россіи—созданіе свободной и независимой печати, дорожащей своимъ правомъ и достойнымъ образомъ представленной, честной и неподкупной—поведетъ къ приобрѣтенію надлежащаго вліянія безкорыстными, свѣдущими и талантливыми людьми, къ паденію ложной славы тѣхъ, кто скрываетъ свою духовную несостоятельность ссылками на мнимое запрещеніе привительственной цензуры говорить о данномъ предметѣ. Вовсе не цензура, а раболѣпство передъ толпой, угодничество заставляютъ многихъ молчать и осуждать тѣхъ, кто смѣло касается наболѣвшихъ нуждъ, кто разоблачаетъ злоупотребленія, желая спасти невинныхъ, приносимыхъ въ изобиліи на алтари кровожадныхъ партійныхъ боговъ.

Но свобода печати—орудіе обоюдоострое, могущее причинить неисправимый вредъ при неосмотрительномъ съ нимъ обращеніи. Развращенная болтовня уличныхъ листовъ не приведетъ къ благу, если они получаютъ право судить и рядить обо всемъ съ высоты своего невѣжества. Нужны знанія, нужно глубокое проникновеніе святостью служенія свободнымъ словомъ великимъ идеаламъ Вѣры и Истины, нужна горячая искренняя любовь къ своему Отечеству,

благоговѣйное уваженіе къ его святынямъ и пламенное желаніе устраненія недочетовъ мирными средствами, безъ потрясеній и насилій: не проповѣдью презрѣнія къ своему и восхваленіемъ чужого, не огульной бранью и тяжкими оскорбленіями души народной, но любовнымъ и бережнымъ къ ней отношеніемъ можно выполнить великій и отвѣтственный долгъ гражданина, становящагося подъ знамя свободного слова. Понимающій свое призваніе, отвѣтственный передъ своей совѣстью и закономъ, писатель никогда не позволилъ бы себѣ бросать въ Россію такимъ комкомъ грязи, какой пустилъ въ дѣло г. Меньшиковъ, будь у насъ надлежащимъ образомъ развито національное самосознаніе, которое крѣпнетъ только при благопріятныхъ для свободного слова условіяхъ, при наличности независимой печати, которой у насъ еще совсѣмъ нѣтъ, ибо наши газеты, въ огромномъ большинствѣ, превратились въ промышленныя предпріятія и забыли о своихъ общественныхъ обязанностяхъ. Въдъ г. Меньшиковъ не встрѣтилъ даже отпора и только въ „Руси“ „Англичанка“ выступила съ горячимъ письмомъ: „Я живу много лѣтъ въ Россіи“, пишетъ здѣсь *иностранка*, защищающая нашу родину отъ клеветническихъ измышленій *русскаго* писателя, „и часто провожу лѣто въ русской деревнѣ. За всѣ эти годы я успѣла довольно хорошо узнать народъ и полюбила его всѣмъ сердцемъ за его глубокую вѣру, кротость, терпѣніе, природный умъ, разумъ и истинно христіанское отношеніе и состраданіе къ ближнему. Народъ съ такими качествами духовно великъ, и ему предстоитъ великое будущее. Фельетонъ г. Меньшикова ошеломилъ меня и обида за русскій народъ закипѣла въ душѣ. Онъ — „русскій“ и такъ мало знаетъ свой народъ!“.

Конечно не знаетъ, ибо ростъ народныхъ сбереженій, покупка крестьянами земель, машинъ, примѣненіе ими усовершенствованій при обработкѣ, полученіе ими наградъ на выставкахъ, всѣми признанная изобрѣтательность и сноровка русскаго рабочаго, развитіе промысловъ и торговли, появленіе въ деревняхъ зажиточнаго населенія, стремленіе

народа къ знанію рядомъ съ неутомимыми поисками *правды* и неумирающими мечтами о праведной землѣ показываютъ, что г. Меньшиковъ поспѣшилъ превратить русскаго чело-вѣка, угождая „Новостямъ“, въ какое-то грубое и глупое животное. Въ своемъ угодничествѣ онъ зашелъ такъ далеко, что выразилъ даже сомнѣніе, „сумѣетъ ли русскій народъ отстоять хоть свое-то мѣсто подъ небомъ“. Это стомилліонный христіанскій народъ съ тысячелѣтней исторіей, съ міровой литературой, своей наукой, искусствами не сумѣетъ? И все потому, что ему не хватаетъ говорильни, при помощи которой инородцы не замедлятъ внести западно-европейское разложеніе и сѣсть намъ, не любящимъ властвовать, на шею. Кого думаютъ обмануть такими ухищреніями? Нѣтъ, для русскаго молодого вина нужны не старые, поношенные мѣха западно-европейскаго производства, но новые собственнаго приготовленія. Наше спасеніе не въ заимствованіи у чужихъ народовъ, а въ пробужденіи національнаго творчества.

Первымъ его условіемъ, залогомъ наступленія свѣтлыхъ дней для Россіи—будетъ созданіе національной русской печати, получившей свободу поисковъ лучшаго и критики современнаго: совокупныя усилія ряда честныхъ, убѣжденныхъ людей, хотя бы и придерживающихся противоположныхъ воззрѣній, неизбежно приведутъ къ самому тщательному, всестороннему и внимательному выясненію необходимыхъ улучшеній, къ указанію потребныхъ средствъ и путей для ихъ осуществленія. Правительство получить возможность сдѣлать надлежащій выборъ и найдетъ поддержку во всѣхъ благомыслящихъ сынахъ Россіи. Но для устраненія партійной борьбы изъ за власти, ради пресѣченія злоупотребленій ею, во главѣ Россіи должна стоять неподкупная совѣсть христіанскаго Самодержца: вѣчно памятный завѣтъ славянофиловъ: „Царю свобода рѣшенія—землѣ свобода мнѣнія“ да послужить краеугольнымъ камнемъ, положеннымъ въ основу обновленія великой, непобѣдимой російской державы!

Не парламентаризмъ, проклинаемый въ Европѣ, а иное

самобытное сочетаніе свободной общественной самодѣятельности, и мощной, стоящей безконечно высоко, внѣ партій, власти потребно нашему дорогому отечеству: каждый получить возможность служить ему въ мѣру своихъ знаній, способностей и дарованій, разъ у насъ будетъ строго *отвѣтственная*, но свободная печать, стоящая на высотѣ своего великаго призванія. Намъ нужны не новыя учрежденія, но новые, политически и общественно развитые, люди, провѣрившіе свои убѣжденія путемъ свободнаго обмѣна мнѣній, имѣющаго цѣлью благо „всей семьи русскаго народа“.

„Мирный Трудъ“ 1904 г. № 8.

Опасныя стороны новаго закона о бракѣ.

— — —

Едва ли кто нибудь станетъ отрицать, что семейная жизнь на Западѣ и у насъ являетъ множество примѣровъ крайняго упадка нравственности и поруганія брака. Свобода любви возводится иными фанатиками въ обязанность молодыхъ поколѣній и проповѣдь полной разнузданности, приобретаемая своей соблазнительной легкостью многочисленныхъ сторонниковъ, грозитъ превратить въ царство разврата область семейныхъ отношеній.

„Неустройство семьи разстраиваетъ всю вселенную“, наставляетъ великій учитель, св. Іоаннъ Златоустъ, и дѣйствительно многія общественныя нестроенія коренятся въ паденіи прочнаго домашняго уклада, который держался на твердой вѣрѣ и возвышенномъ воззрѣніи на бракъ. Въ противоположность современнымъ любострастникамъ, утверждающимъ что „нѣтъ незаконныхъ касаній женщины, а есть только супружество“, низводимое ими до „прилѣпленія половъ“, даже языческій міръ далъ устами юриста Модестина прекрасное опредѣленіе брака, принятое и христіанскимъ законодательствомъ: „бракъ есть мужеви и женѣ сочетаніе и сбытіе во *всей жизни*, божественныя и чловѣческія правды общеніе“ гласитъ наша Кормчая, повторяя римскаго законовѣда.

Для христіанина бракъ есть таинство, стоящее очень высоко, ибо отношенія Христа къ церкви уподоблены апостоломъ отношеніямъ мужа къ женѣ. Естественно, что нравственная сторона брачныхъ узъ выдвигается, при такомъ пониманіи ихъ характера, на первое мѣсто и славное

прошлое христіанства знаетъ браки, чуждые тѣлесному общенію. Настоящій бракъ нерасторжимъ и заключается на всю жизнь—въ этомъ единодушно сходятся лучшіе люди древности, христіанскіе завѣты и наиболѣе глубокіе мыслители новаго времени. Разводъ допускается Спасителемъ только по „жестоковѣности сердца“ грѣшныхъ людей и Его глаголь будетъ вѣчно обязательенъ для всякаго вѣрующаго сына основанной Имъ церкви.

Но наше время видитъ страшный ростъ невѣрія, ведущаго къ новому торжеству первоначальныхъ грубыхъ языческихъ представленій. Утратившіе вѣру не могутъ признавать бракъ таинствомъ и возвращаются къ воззрѣніямъ дикарей на бракъ, опускаются даже ниже животныхъ въ своемъ утонченномъ сладострастіи. Изъ года въ годъ увеличивается это отступничество отъ христіанскихъ идеаловъ и передъ государствомъ встаетъ вопросъ, какъ упорядочить устои всякой общественной жизни—семью, какъ обезпечить дѣтей и предотвратить дальнѣйшее разложеніе. Для достиженія этой благой цѣли возможенъ, по нашему убѣжденію, лишь одинъ путь—разрѣшеніе такъ называемаго гражданскаго брака для лицъ, утратившихъ вѣру въ обязательность, святость и нерасторжимость брака церковнаго. Никакія распоряженія, никакія уступки не заставятъ невѣра вѣрить. Онъ лишь по внѣшности принадлежитъ къ числу сыновъ церкви. Снисхожденіе ея понимается имъ какъ проявленіе слабости и только укрѣпляетъ его въ высокомѣрномъ отношеніи къ учрежденію, допускающему очевидное отступленіе отъ вѣковыхъ руководящихъ началъ. Новые язычники должны имѣть особое брачное право, подобно мусульманамъ, евреямъ и другимъ инородцамъ. Но отнюдь нельзя ради упорядоченія семейныхъ отношеній однихъ лицъ вносить соблазнъ въ сердца другихъ, какъ, несомнѣнно, внесъ новый законъ, подвергающій православную русскую церковь заслуженнымъ нареканіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, всякій можетъ прочесть въ Евангеліи ясныя слова Спасителя: „что Богъ сочеталъ, того человекъ да не разлучаетъ“ (Маркъ X, 9), „всякій, разводящійся съ женою и

женящийся на другой, *прелюбопытствуетъ и всякій, женящийся на разведенной съ мужемъ, прелюбопытствуетъ*“ (Лука XVI, 18. Тоже Матеей V, 32, Маркъ X, 11).

Равнымъ образомъ всѣмъ извѣстно наставленіе св. апостола Павла: „А вступившимъ въ бракъ, не я повелѣваю, а Господь: *женѣ не разводиться съ мужемъ*. Если же разведется, то *должна оставаться безбрачною* или примириться съ мужемъ своимъ и *мужу не оставлять жены своей* (I. Кор. VII 10—11).

Въ виду этихъ ясныхъ свидѣтельствъ св. Писанія—опредѣляющаго кругъ обязанностей всѣхъ вѣрующихъ христіанъ, установленіе церковнаго брака для разведенныхъ по „жестоковѣности“ изъ за вины прелюбодѣянія вноситъ отступающее отъ толкованій св. Отцовъ пониманіе таинства и даетъ въ сущности разрѣшеніе на новое прелюбодѣяніе. Церковь можетъ вязать и разрѣшать, прощая грѣхи, но не освящать грѣхъ своимъ благословеніемъ. Вѣдь въ приводимой от. Іоанномъ Филевскимъ¹⁾ ссылкѣ на евангельское реченіе, читаемъ слова Спасителя „женщинѣ, взятой въ прелюбодѣянніи“: Иди и впредь *не грѣши*. Выходъ же ея замужъ послѣ развода былъ бы несомнѣннымъ грѣхомъ. Въ виду этихъ соображеній едва ли можно согласиться съ мнѣніемъ, усматривающимъ „главную заслугу“ новаго закона „въ снятіи со свѣтлыхъ ризъ церкви черныхъ пятенъ, брошенныхъ въ пылу гнѣва и негодованія тѣми, кто обвинялъ ее въ нелюбви и холодности къ браку“. Во первыхъ, не всякое обвиненіе справедливо, а во вторыхъ „черныя пятна“, бросаемаы гг. Розановымъ и Амфитеатровымъ, не могутъ пристать къ свѣтлой ризѣ церкви, пока она будетъ свято придерживаться евангельскихъ указаній. Надѣяться на прекращеніе нападеній на церковь г. Розанова послѣ новаго закона никакъ нельзя, что и доказали его послѣднія, еще болѣе ожесточенныя, выходки противъ цѣломудрія и нерасторжимаго брака. Надо думать о малыхъ сихъ

¹⁾ „Новый законъ въ пользу брака“. Письмо въ редакцію „Мирный Трудъ“ 1904 г. № 7.

и тяжелой отвѣтственности за внесеніе соблазна въ ихъ простыя вѣрующія сердца (Ср. Матѣей XVIII, 6. Маркъ IX, 42), ибо Спаситель (Матѣ. XVII, 27) и Апостолъ (I. Коринѣ. VII, 13) собственнымъ примѣромъ заповѣдали „не соблазнять братьевъ своихъ“. Гадательное присоединеніе къ церкви отшатнувшихся не искупитъ той путаницы, которая внесена сторонниками нравственной разнузданности, во всеуслышаніе и печатно объявляющими, что новый законъ является лишь первой ступеню къ разрушенію усвоенныхъ всѣми истинно православными людьми представленій о бракѣ, какъ о таинствѣ (Ефес. V, 32), нераздѣльно соединяющемъ два существа въ одно (Матѣ. XIX, 5—6, Маркъ X, 8). Разрушеніе одного таинственного сочетанія, оскверненнаго прелюбодѣянiемъ не даетъ права осквернителю вступать въ новое. Таково наставленіе св. писанія, таково воззрѣніе отцовъ церкви, такова практика первыхъ христіанъ, придерживающихся евангельскихъ завѣтовъ. Вотъ почему новый законъ можетъ еще дальше оттолкнуть отъ насъ католиковъ и раскольниковъ, которые, несмотря на свои заблужденія, все таки ближе стоятъ къ православію, чѣмъ проповѣдники „новаго христіанства“.

Никто не можетъ отрицать, что преимущества, доставленныя расторгшимъ бракъ по прелюбодѣянiю столь милостивымъ къ нимъ отношеніемъ, имѣютъ въ виду исцѣленіе одной изъ наиболѣе тяжкихъ язвъ времени. Но средства цѣленія способны вызвать заболѣваніе еще болѣе тяжкое у другихъ, доселѣ не утратившихъ духовнаго здоровья. Христіанину непререкаемо воспрещено Апостоломъ (Галат. I, 8) принимать иное благовѣствованіе, чѣмъ то „что мы благовѣствовали вамъ“. Воззрѣніе на бракъ, какъ благодатное таинство, проводится пастырскими наставленіями и школьнымъ преподаваніемъ. Всѣмъ православнымъ издревле внушается искать познанія и руководства въ словѣ Божьемъ и въ настоящее время уже миллионы читаютъ евангельскія истины, пытаясь сознательно проникнуть въ ихъ глубину. Немощи человѣческой, склонной впасть въ ошибку отъ не вѣрнаго пониманія различныхъ мѣстъ писанія, приходятъ

на помощь назиданія св. Отцовъ и Свѣтильниковъ церкви Христовой. Русь цѣлые вѣка придерживалась опредѣленнаго толкованія ясныхъ словъ Спасителя и древнехристіанское воззрѣніе на бракъ вошло въ плоть и кровь нашего народа. Трудно постичь, почему спокойствіе его пробудившейся совѣсти нарушено ради того, чтобъ относительно все таки немногочисленныя семьи получили церковное благословеніе. Облегчить ихъ тяжкое положеніе—задача достойная всякаго сочувствія, но ее надо рѣшать, не подвергая новымъ нареканіямъ русскую церковь и ея представителей. Вѣдь еще въ 1899 году оберъ-прокуроръ св. Синода, К. П. Побѣдоносцевъ, издалъ переводъ прекрасной книги Тирша: „Христіанскія начала семейной жизни“, которая получила вполне заслуженно широкое распространеніе. Здѣсь совершенно справедливо указывается, что государство ради существующей безнравственности можетъ быть вынуждено дѣлать уступки, подобно законамъ Моисея¹⁾, но и предлагается такой знаменательный вопросъ²⁾: „Если христіанское государство поступаетъ такимъ образомъ, что дѣлать христіанскому духовенству? Осмѣлится-ли и оно отступить отъ закона Христова, изрекать отъ лица Его благословеніе тамъ, гдѣ Онъ воспрещаетъ и гдѣ кара связана съ нарушеніемъ заповѣди? Должно-ли ему принимать на себя отвѣтственность за браки разведенныхъ лицъ только потому, что государственной власти, помимо христіанскаго закона, угодно называть такіе браки законными? На страшномъ судѣ нельзя будетъ ссылаться на свѣтскіе законы;—не кто другой, а самъ Христосъ будетъ судить своихъ служителей, судить по Своему слову, а не по человѣческому уложенію. Каждый самъ понесетъ свое бремя и ни одинъ изъ приставниковъ дома Божія, осквернившихъ тайну Божию, не спасетъ своей души, если станетъ оправдываться тѣмъ, что ему такъ было приказано отъ земной власти. Они повиновались властителямъ земнымъ и сдѣлались ослушниками Царя Небеснаго, измѣнили Его законамъ и повелѣніямъ, измѣнили и повѣ-

¹⁾ Ср. *Лютардъ*. Апологія христіанства, стр. 922.

²⁾ Стр. 40—41.

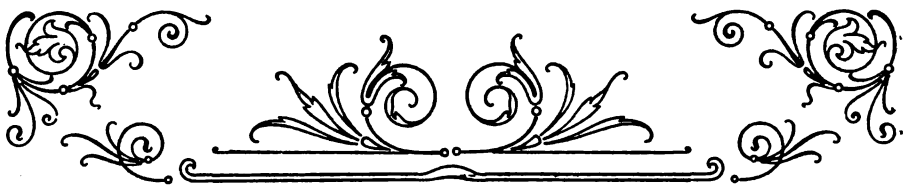
ренному имъ народу“. „Несомнѣнно то, что какъ совмѣстное многоженство Алкорана, такъ точно и послѣдовательное многоженство новаго законодательства¹⁾—мерзость передъ Богомъ. Послѣднее еще хуже, потому что оно совершается христіанами и оправдывается во имя Христа“.

Во избѣжаніе кривотолковъ и соблазновъ въ средѣ народной необходимо дать самое широкое распространеніе объясненію руководившихъ при изданіи закона побужденій, правильному истолкованію наводящихъ на раздумье мѣстъ св. Писанія, свидѣтельствъ Отцевъ и Учителей Церкви, равно какъ отношенію къ браку разведенныхъ прелюбодѣевъ со стороны представителей восточныхъ православныхъ церквей. На Руси развелось уже слишкомъ много сектантовъ, а потому лучше заранѣе принять мѣры для устраненія возможныхъ осложненій, неизбежно порождаемыхъ столь „значительной реформой въ брачномъ законодательствѣ“, лишенной надлежащей канонической основы.

„Мирный Трудъ“ 1904 г. № 8.

¹⁾ Пруссаго, умножившаго поводы къ разводамъ.

Десятилѣтіе правленія Государя Императора НИКОЛАЯ II.

— — —

Истекшее десятилѣтіе правленія нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая II въ достаточной степени выяснило руководящія идеи, положенныя Имъ въ основу царственнаго служенія Россіи и раскрываемыя въ рядѣ Высочайшихъ манифестовъ.

Первое мѣсто между этими обращеніями Царя ко всѣмъ его вѣрноподданнымъ, безспорно, занимаетъ Манифестъ отъ 26 февраля 1903 года, на который обращено нынѣ усиленное вниманіе общества. Здѣсь Императоръ всея Россіи подчеркиваетъ, что Онъ *„изволеніемъ промысла Божія“* вступилъ на Прародительскій Престоль и пріялъ священный обѣтъ *предъ лицемъ Всевышняго и совѣстью Своей*—свято блюсти *вѣковые устои* Державы Россійской и посвятить жизнь свою служенію возлюбленному Отечеству“.

Всѣмъ хорошо извѣстно, что главнымъ изъ вѣковыхъ устоевъ исторической жизни нашей Родины было Православіе: оно пріобщило нашихъ предковъ къ міровой культурѣ; оно дало намъ зачатки просвѣщенія и гражданственности; оно насадило и всегда поддерживало государственные порядки; оно избавило насъ отъ тѣхъ религіозныхъ смутъ и потрясеній, какія выпали на долю народовъ Запада, ибо св. Писаніе, живой источникъ вселенской Истины, сдѣлалось доступнымъ всему народу русскому тотчасъ по его обращеніи въ Христіанство. Вѣчные идеалы были поставлены передъ Россіей завѣтами Евангельскими и въ неуклонномъ

стремленіи къ ихъ достиженію указанъ смыслъ существованія російской державы. И вотъ Императоръ Николай II, подобно своимъ предкамъ, подаетъ примѣръ чисто сыновьяго почтенія и уваженія къ Православной Церкви и ея предписаніямъ: онъ свято и неукоснительно соблюдаетъ всѣ обряды церковные и прилагаетъ рачительное попеченіе о внѣдреніи христіанскихъ завѣтовъ въ сердца своихъ многомилліонныхъ подданныхъ. Особое вниманіе Онъ неизмѣнно обращаетъ на воспитаніе юношества въ духѣ религіозно-нравственномъ, какъ свидѣлствуютъ, между прочимъ, Его заботы о церковно-приходскихъ школахъ. Онъ желаетъ, чтобъ христіанскія истины сознательно усваивались подростающими поколѣніями, а потому въ старшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній вводится ознакомленіе учащихся съ выводами богословскихъ наукъ. Самая жизнь общественная, мысли Государя, должна стоять въ тѣсной связи съ приходомъ, бывшимъ нѣкогда основной ячейкой нашего общественнаго строенія: „задачею дальнѣйшаго упорядоченія мѣстнаго быта Манифестъ отъ 26 февраля ставитъ сближеніе общественнаго управленія съ дѣятельностью приходскихъ попечительствъ при православныхъ церквахъ. Улучшеніе имущественнаго положенія православнаго сельскаго духовенства признается также необходимымъ для усугубленія плодотворнаго участія священнослужителей въ духовной и общественной жизни ихъ паствы“. Но наше Отечество имѣетъ милліоны инославныхъ и иновѣрныхъ подданныхъ—всѣмъ имъ по прежнему, „предоставляется свободное отправленіе ихъ вѣры и богослуженія по обрядамъ оной, тогда какъ православная церковь благоговѣнно почитается первенствующей и господствующей“. Государь выражаетъ настойчивое желаніе укрѣпить неуклонное соблюденіе завѣтовъ вѣротерпимости, начертанныхъ въ основныхъ законахъ Имперіи Російской. И эта просвѣщенная, истинно-христіанская точка зрѣнія проводится въ жизнь. Свѣтская власть не принимаетъ у насъ никакихъ мѣръ противъ гр. Л. Толстого, тогда какъ на просвѣщенномъ западѣ законодательнымъ путемъ затрудняется даже воспитаніе дѣтей на христіанскихъ началахъ:

Франція вынесла распятія изъ школъ и воспретила преподаваніе начатковъ вѣры христіанской. Посѣщеніе храмовъ дѣтьми вмѣняется въ преступленіе родителямъ, которые за говѣнье и причащеніе попадаютъ въ особые списки, усердно составляемые масонскими ложами съ цѣлью повредить служебному положенію вѣрующихъ. Всякому ясно, гдѣ торжествуетъ нетерпимость, гдѣ мелочное насиліе надъ совѣстью оказывается возведеннымъ въ систему...

Вторымъ устоемъ самостоятельнаго бытія Россійской державы является Самодержавіе, идеальная форма чисто нравственныхъ узъ, соединяющихъ въ одно цѣлое Царя и ввѣренные Богомъ его заботамъ народы.

Самодержавіе было для насъ цементомъ, связующимъ разноплеменные и иновѣрные части русскаго государства съ его основнымъ ядромъ. Христіанскій Самодержецъ издревле считался воплощеніемъ закона, орудіемъ божественной воли, проводникомъ евангельскихъ указаній въ жизнь человѣческихъ обществъ. Долгій историческій опытъ показалъ, что лучшее будущее можетъ дать только власть, основанная на религіозныхъ вѣрованіяхъ, проникнутая сознаніемъ своей великой отвѣтственности передъ нелицепріятнымъ Судіей, власть, чуждая партійныхъ расчетовъ, не способная подпасть соблазну подкупа или личной выгоды, опирающаяся на всѣ классы населенія, а не на одну какую-либо сословную группу. Такъ понимаетъ свое самодержавное призваніе и Императоръ Николай II, призывая „всѣхъ вѣрноподданныхъ содѣйствовать Ему въ утвержденіи въ семьѣ, школѣ и общественной жизни нравственныхъ началъ, при которыхъ, подъ сѣнію самодержавной власти, только и могутъ развиваться народное благосостояніе и увѣренность каждаго въ прочности его правъ“.

Посвящая всѣ свои силы благу народному, нынѣ благополучно царствующій Государь обѣщаль охранять начало самодержавія также твердо и неуклонно, какъ охранялъ его незабвенный Царь-Миротворецъ. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что самоуправленіе должно прекратить свое существованіе. Только теоретики, воспитавшіе свою мысль

на западныхъ началахъ, могутъ утверждать, что Самодержавіе исключаетъ самодѣятельность общества и подавляетъ народную свободу.

Наоборотъ, нашъ Верховный Вождь задумалъ „преобразование губернскаго и земскаго управленій для усиленія способовъ непосредственнаго удовлетворенія многообразныхъ нуждъ земской жизни трудами *мѣстныхъ* людей, руководимыхъ сильной и закономѣрной властью, предъ Нимъ строго отвѣтственной“. „Съ помощью Божіей и при тѣсномъ единеніи всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества Императоръ Николай II надѣется „исполнить свои помышленія объ усовершенствованіи государственнаго порядка установленіемъ прочнаго строя мѣстной жизни, какъ *главнаго условія* преемственнаго Россійской Державы на твердыхъ основахъ вѣры, закона и власти“.

Стало быть, подобно своимъ великимъ предшественникамъ, христіанскимъ самодержцамъ, Русскій Монархъ желаетъ властвовать надъ свободными, а не надъ рабами, воздавая каждому по справедливости должное. Эта справедливость приводитъ къ возникновенію понятія великой семьи русскаго народа, ибо историческія условія включили въ составъ государства нашего нѣсколько милліоновъ иноплеменниковъ и иновѣрцевъ. Отсюда вытекаетъ необходимость опредѣлить ихъ отношеніе къ намъ—русскимъ.

Въ противоположность западнымъ государствамъ у насъ нѣтъ гоненій на народныя языки: во Франціи Комбъ борется съ бретонцами, навязывая имъ суровыми мѣрами языкъ французскій; въ Германіи родители подвергаются карамъ за то, что учатъ своихъ дѣтей молитвамъ на польскомъ языкѣ; законъ воспрещаетъ даже дома членамъ семьи обучать своихъ домашнихъ польской азбукѣ. А у насъ рядомъ съ русскими безвозбранно существуютъ инородческія школы; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ даже вовсе не преподается русскій языкъ! Мѣстные правовые обычаи и законы у насъ остаются неприкосновенными, поскольку ихъ существованіе совмѣстимо съ интересами цѣлаго—съ благомъ всей имперіи и общеимперскими нуждами. Насильственное обрусѣніе,

вродѣ онѣмеченія славянъ въ Германіи, не полагается нашимъ Государемъ въ основу его внутренней политики и всѣмъ открывается возможность добровольнаго и мирнаго сліянія съ господствующей народностью, какъ это было и въ древне-христіанскихъ державахъ Рима и Византіи. Наше же отечество призвано къ продолженію ихъ великой задачи—примиренію общечеловѣческихъ идеаловъ съ національными запросами путемъ мірового служенія заповѣдямъ Христовымъ.

Таже приверженность испытаннымъ стариннымъ способамъ управленія сказывается въ заботахъ о вѣщемъ укрѣпленіи и развитіи благосостоянія „основныхъ устоевъ русской сельской жизни—помѣстнаго дворянства и крестьянства“. Такимъ образомъ, попеченія о духовенствѣ, дворянствѣ и крестьянствѣ, вынесшихъ на своихъ плечахъ многовѣковое историческое служеніе Россіи, по прежнему остаются близкими сердцу Россійскаго Самодержца.

Но Онъ вовсе не является поборникомъ старины во всѣхъ ея проявленіяхъ и противникомъ нововведеній. Онъ неоднократно указываетъ на „возникающія потребности народной жизни“, выражаетъ непреклонную рѣшимость *незамедлительно* удовлетворить назрѣвшимъ нуждамъ государственнымъ—передавая, напримѣръ, „предначертанные труды по пересмотру законодательства о сельскомъ состояніи“ на мѣста для дальнѣйшей ихъ разработки и согласованія съ мѣстными особенностями въ губернскихъ совѣщаніяхъ при ближайшемъ участіи достойнѣйшихъ дѣятелей, довѣріемъ общественнымъ облеченныхъ“. Выходъ изъ общины облегченъ для отдѣльныхъ крестьянъ и приняты мѣры къ отмѣнѣ стѣснительной для крестьянъ круговой поруки; позорное тѣлесное наказаніе, тяготѣвшее на русскихъ крестьянахъ, также уничтожено, ибо оно не соотвѣтствовало измѣнившимся общественнымъ воззрѣніямъ. Новая условія міровой жизни вызываютъ со стороны Престола усердныя попеченія о русской промышленности и рачительныя заботы объ улучшеніи положенія многочисленнаго рабочаго люда, который въ законодательныхъ предначертаніяхъ находитъ

удовлетвореніе важнѣйшихъ изъ своихъ запросовъ. Многочисленные недочеты современной русской школы привлекаютъ особое вниманіе Государя, желающаго дать подростящимъ поколѣніямъ *національное чисто русское* воспитаніе и удовлетворить ясно сазнаваемую общественную потребность въ болѣе жизненной постановкѣ учебнаго дѣла. Да и вообще всякая современная нужда встрѣчается въ Царѣ живой откликъ, какъ свидѣтельствуешь длинный рядъ правительственныхъ мѣропріятій въ различныхъ областяхъ управленія.

Всякому непредубѣжденному человѣку ясно, что дѣйствительно только сочетаніе глубокой преданности испытаннымъ устоямъ нашей жизни съ стремленіемъ дать удовлетвореніе назрѣвающимъ потребностямъ, только взаимодействіе сильной государственной власти и самоуправляющихся мѣстныхъ учрежденій можетъ вывести наше отечество на торный путь дальнѣйшаго и столь необходимаго развитія и преуспѣянія. Таковы несомнѣнно благія намѣренія нашего Верховнаго Вождя, руководимаго ясными и опредѣленными воззрѣніями на задачи своей дѣятельности. Осуществленіе этихъ благородныхъ намѣреній безусловно привело бы Россію къ вожделѣнному благоденствію.

Но всѣмъ намъ понятно, что всякая политическая программа для своего осуществленія нуждается въ тысячахъ исполнителей и ея успѣхъ не зависитъ исключительно отъ воли одного, хотя бы и могущественнаго работника. Современная дѣйствительность показываетъ, что желанная удача далеко не увѣнчала широкія и благотворныя стремленія нашего Государя. Многіе ищутъ объясненія этого явленія въ бюрократическомъ гнетѣ, сковывающемъ силы, потребныя для творческой работы. Жалобы на средостѣніе, на бюрократію сдѣлались у насъ уже давно по истинѣ общимъ мѣстомъ; чиновничество уже давно служитъ „козломъ отпущенія“, и на него сыплется обильнымъ градомъ всевозможныя нареканія и укоризны. Оно де является виновникомъ всѣхъ бѣдъ и за все привлекается къ отвѣту. Полно, такъ ли это? Вѣдь эта стѣна, отдѣляющая Царя отъ на-

рода, состоитъ изъ великаго множества отдѣльныхъ кирпичей—постоянно обновляемыхъ всеильнымъ временемъ. Эта стѣна слагается изъ живыхъ людей, вышедшихъ изъ того же общества, въ немъ живущихъ, вращающихся, работающихъ. Развѣ чиновники не плоть отъ плоти, не кость отъ кости того же общества? Развѣ они не сыны той же общей матери нашей—Россіи? Если у насъ плохо, какъ говорятъ, бюрократія, то это значитъ, что само общество доставляетъ плохой матеріалъ для созданія необходимаго во всякомъ государствѣ механизма.

Откуда у насъ можетъ появиться увѣренность, что тѣ же люди, при другихъ порядкахъ, сразу сдѣлаются иными, станутъ лучше, честнѣе, добросовѣстнѣе?

Дѣйствительность безжалостно разбиваетъ эти наивныя мечты, ибо и въ земскихъ, и въ городскихъ управленіяхъ порою замѣчаются многочисленныя недочеты, происходятъ прямыя злоупотребленія и общественныя интересы неоднократно приносятся въ жертву личнымъ выгодамъ. Да и при парламентскомъ строѣ оказываются возможными хищенія Панамы, подкупность депутатовъ и продажность печати, мошенничества, въ родѣ дѣла Терезы Эмберъ или графа Мирбаха; у народовъ, обладающихъ „говорильней“, процвѣтаютъ, однако, тайныя и явныя сообщества, смѣющіяся надъ закономъ; вспомнимъ италіанскую Мафію, американскую Тамани Компанію, многочисленные тресты и синдикаты, беспощадно обирающіе потребителей и тратящіе сотни милліоновъ ради обезпеченія избранія соотвѣтствующихъ ихъ цѣлямъ дѣятелей на посты народныхъ представителей или носителей власти въ „конституціонныхъ государствахъ“. Своеобразная „бюрократія“ сохраняетъ могущество и при представительномъ правленіи, которое близорукіе или слѣпыя мечтатели настойчиво выдаютъ за всеисцѣляющее лекарство: вѣдь большинство депутатовъ въ сущности блюдетъ собственные интересы, оттираетъ „новыхъ людей“, въ теченіе многихъ лѣтъ просиживая свое депутатское кресло, подобно какому либо „канцелярскимъ чиновникамъ“. „Депутаты“ несомнѣнно образуютъ особую

группу въ массѣ населенія и отождествляютъ свои личные или классовые, интересы съ интересами народа, сводятъ своекорыстные счета, покровительствуютъ родственникамъ, берутъ взятки, плохо знаютъ живыя потребности страны, витаютъ въ мірѣ книжныхъ и бумажныхъ построений, плодятъ запросы и проэскты отстаиваютъ централизацию...

Никто не можетъ отрицать, что бюрократія свила себѣ теплое гнѣздо и въ нашихъ городскихъ и земскихъ управленіяхъ. „Выборные люди“ порою очень любятъ изображать изъ себя сановниковъ и получать многотысячные оклады, постоянно увеличиваемые; иные „избранники общества“ сводятъ свою дѣятельность къ посѣщенію всѣхъ торжественныхъ обѣдовъ и празднествъ, произнесенію пышныхъ рѣчей и посуловъ, величественному приему посѣтителей, рѣшеніямъ „по личному усмотрѣнію“ и сердитому ворчанію на гласность, избобличающую ихъ промахи и бездарность. Крѣпкою стѣною земская и городская „бюрократія“ ограждаетъ для присныхъ доходныя мѣста и образуетъ, въ иныхъ случаяхъ, чуть не замкнутую касту, съ наслѣдственной передачей прибыльныхъ должностей.

Пора же всѣмъ понять, что рядомъ съ хорошими полезными обществу чиновниками не мало найдется у насъ совершенно непригодныхъ, такъ называемыхъ, „общественныхъ дѣателей!“

Трудно возложить всѣ надежды на общественную самодѣятельность, когда на Западѣ, этомъ „образцѣ“ для нашихъ политикановъ, сотни тысячъ избирателей не хотятъ пользоваться своими „правами“, когда „депутаты“ пропускаютъ засѣданія и предоставляютъ вершить все кучкѣ заинтересованныхъ лицъ. У насъ тоже много кричатъ о необходимости штрафами заставить гласныхъ внимательнѣе относиться къ своимъ обязанностямъ и принимать болѣе дѣятельное участіе въ рѣшеніи земскихъ и городскихъ дѣлъ, ибо сколько разъ наши самоуправленія вовлекали своихъ довѣрителей въ невыгодныя сдѣлки, тормозили рѣшеніе неотложныхъ дѣлъ, откровенно благоволили своимъ приснымъ! Хороша общественная потребность въ самоуправле-

ніи, когда *надо* принудительными мѣрами обезпечивать возможность правильного дѣйствія выборныхъ учреждений! Ясно, что сами по себѣ учрежденія безсильны кореннымъ образомъ измѣнить дѣйствительность и степень ихъ пользы опредѣляется качествами отдѣльныхъ лицъ, образующихъ живой организмъ любого института. Вѣдь люди не перемѣняются, ихъ страсти и недостатки не улетучиваются, если они служатъ въ общественныхъ, а не казенныхъ учрежденіяхъ.

Въ мірѣ человѣческихъ отношеній улучшенія не происходятъ словно стихійныя перемѣны: времена года смѣняются въ природѣ правильной чередой, независимо отъ воли человѣка, наоборотъ, свободный починъ, творчество личности, самосознаніе общества опредѣляютъ превратности его судьбы. Вотъ почему въ переживаемое нами смутное время, чреватое опасностями и невзгодами, всѣ искренно желающіе столь необходимыхъ намъ улучшеній должны соединиться возлѣ Престола Самодержавнаго Государя, знаменующаго собой торжество свободной совѣсти христіанина надъ темными происками враждебныхъ силъ.

Монархъ, наслѣдникъ кесарскихъ полномочій, и есть тотъ „слуга Божій“ въ покорности коему для „воздаянія всѣмъ, дѣлающимъ злое“ (Рим. 13, 4), наставляетъ насъ Апостоль (1 Петр. 2, 13). Каждый убѣжденный христіанинъ, какъ воинъ Царя Небеснаго, обязанъ облегчать это противодѣйствіе царящему въ мірѣ злу, памятуя, что зло—явленіе мировое и независящее отъ формы правленія.

Великій поэтъ Гете сдѣлалъ очень вѣрное замѣчаніе, что единственной и глубочайшей темой исторіи міра и человѣка, темой, которой подчинены всѣ остальные, остается борьба между невѣріемъ и вѣрой. Борьба эта въ наши дни повсюду принимаетъ все болѣе напряженный характеръ, ибо древніе враги Христа въ современномъ обществѣ занимаютъ очень вліятельное положеніе и пользуются всякими средствами для приобрѣтенія еще большаго могущества и натиска на христіанскія твердыни. Одной же изъ главныхъ преградъ на пути, ведущемъ плутократовъ къ мировому преобладанію, стоитъ христіанское Самодержавіе.

Здѣсь кроется ключъ къ разумѣнію событій послѣднихъ лѣтъ.

Уже цѣлые десятки годовъ идетъ упорная борьба русскихъ творческихъ началъ съ началами, чуждыми русской жизни, препятствуя общей работѣ по улучшенію народнаго благосостоянія. Непрерывная волна смутъ, покушеній, даже безчеловѣчныхъ убійствъ силится неспровергнуть Самодержавный Престолъ и помѣшать осуществленію высокаго идеала—единенія Царя съ народомъ. Къ внутреннимъ нестроеніямъ присоединился нынѣ яростный напоръ внѣшнихъ враговъ: хитрые, храбрые японцы выступаютъ исполнителями велѣній международныхъ плутократовъ, а послѣднія событія показали воочію, что у насъ нѣтъ вѣрныхъ друзей и надежныхъ союзниковъ. Мы остались одинокими, ибо вражда къ православной Имперіи всюду дѣятельно насаждалась путемъ всяческихъ клеветъ и наглыхъ измышленій. На нашихъ глазахъ старинный недругъ—коварный Альбіонъ, бряцаетъ оружіемъ за то, что бдительность русскаго флотоводца охранила наши броненосцы отъ наглаго покушенія и тѣмъ разрушила тайные ковы противниковъ, страстно желающихъ спасти слабѣющую Японію, оказавшуюся неспособной ниспровергнуть съ разбѣга русскаго исполина. Это желаніе явственно сказывается въ стремленіи запугать русское общество угрозой новыхъ внѣшнихъ осложненій и внутреннихъ потрясеній. Опять пущены въ ходъ старыя средства: снова злые враги стараются превратить часть русской молодежи въ союзниковъ изнемогающихъ японцевъ. Вѣдь всякая вѣсть о „непопулярности войны въ Россіи“, или „о требованіи мира“—только увеличиваетъ мужество врага и ослабляетъ мощь нашихъ воиновъ. Самыя тяжелыя, неизлѣчимыя раны наносятъ имъ печальныя вѣсти съ тыла, ибо онѣ причиняютъ глубокую душевную скорбь о Родинѣ, терзаемой внутренними смутами передъ лицомъ вооруженнаго непріятеля. Для побѣды надъ нимъ прежде всего нуженъ бодрый духъ, увѣренность въ прочности домашнихъ порядковъ, въ неколебимомъ *всенародномъ* рѣшеніи наказать дерзкую наглость японцевъ такъ, чтобъ и другимъ непо-

вадно было лѣзть на Россію съ боемъ. Къ сожалѣнію ради внесенія смуты и по данному вопросу въ народную среду приняты обычныя мѣры виновниками нашихъ внутреннихъ злоключеній.

Наше общество они хотятъ сбить съ правильнаго пути воплями о необходимости немедленнаго мира съ врагомъ, получившимъ уже рядъ тяжкихъ пораненій; нашу молодежь заставляютъ ходить съ флагами по улицамъ съ криками „долой войну“, ибо кто повѣритъ, что русскій юноша самъ по себѣ будетъ желать позора своего Отечества и униженія передъ Японіей, равносильнаго признанію своей слабости. Нашъ народъ пытаются отвратить отъ пожертвованій на военныя нужды и въ годину войны, требующей страшнаго напряженія платежныхъ силъ, поднимаютъ вопросъ объ образованіи народнаго фонда для всеобщаго обученія, заранѣе осыпая бранью и угрозами всѣхъ, кто осмѣлится указать на несвоевременность и неосуществимость этой затѣи: всеобщее обученіе потребуетъ сотни милліоновъ, тогда какъ сборы даютъ всего лишь тысячи рублей. Побѣдивъ же Японію, можно употребить военную контрибуцію на образованіе народное и тѣмъ разрѣшить назрѣвшій вопросъ.

Но къ счастью, не такъ легко разрушить инстинктивное стремленіе простыхъ людей, неизмѣнно готовыхъ не мудрствуя лукаво, поддержать свою Родину въ борьбѣ съ врагомъ. Вотъ одинъ краснорѣчивый примѣръ изъ множества подобныхъ: наборщики харьковской губернской типографіи еще на дняхъ отказались отъ празднованія своего годового праздника (17 октября) и внесли свои трудовые гроши на общерусское дѣло, хотя рабочему человѣку такъ потребно отвлеченіе отъ будничной суеты. И это пожертвованіе происходитъ въ тѣ именно дни, когда всюду разбрасываютъ нелѣпыя воззванія и устраиваютъ уличныя демонстраціи. Люди труда, лишенные образованія, даютъ урокъ тѣмъ якобы образованнымъ юношамъ, которые обнаруживаютъ поразительное отсутствіе политическаго воспитанія и общественнаго такта. Это уродливое явленіе въ жизни

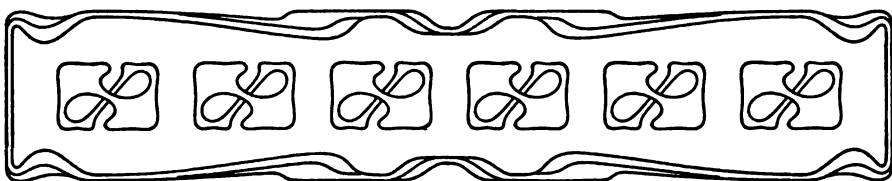
студенчества требуетъ дружнаго общественнаго осужденія и чисто культурнаго противодѣйствія.

Необходимо всѣмъ воспрянуть духомъ, памятуя, что желанный миръ тѣмъ скорѣе осѣнитъ наше отечество, чѣмъ полнѣе будетъ пораженіе высокомернаго противника. Это единственный выходъ, способный обезпечить намъ безопасность отъ притязаній сосѣдей и пресѣчь надобвшія внутреннія неурядицы. Для скорѣйшей же побѣды всѣмъ вѣрно-подданнымъ надлежитъ сплотиться вокругъ своего прирожденнаго и Богомъ вѣнчаннаго Вождя.

Первый примѣръ должны показать члены Русскаго Собранія, если они правильно понимаютъ современное положеніе дѣлъ. На насъ лежитъ сугубый и священный долгъ дать своему Государю сердечный откликъ на царственный призывъ, обращенный ко всѣмъ русскимъ людямъ. Надо рядомъ дѣлъ показать, что въ Россіи не перевелись вѣрно-подданные, готовые всячески поддержать своего Самодержца и оправдать Его высокое довѣріе къ общественной самодѣятельности, направленной къ водворенію безсмертныхъ началъ христіанской гражданственности.

„Мирный Трудъ“ 1904 г. № 9.

Россія и революція ¹⁾.

— — —

М.М. Г.Г.

Присланный съ береговъ Невы докладъ М. М. Бородин²⁾ очень обстоятельно и ярко очертилъ передъ нами поэтическую дѣятельность Ѳ. И. Тютчева. Но покойный поэтъ соединялъ въ себѣ богатыя дарованія художника съ недюжиннымъ умомъ политика-мыслителя и оставилъ, правда немногочисленныя, но въ высшей степени цѣнныя статьи по современнымъ политическимъ вопросамъ.

Я не буду затруднять ваше вниманіе полной характеристикой общественныхъ воззрѣній Ѳ. И. Тютчева: въ виду краткости остающагося въ моемъ распоряженіи времени я поставилъ себѣ болѣе скромную задачу—ознакомить Васъ съ взглядами этого превосходнаго знатока Запада на отношенія между Россіей и революціей. Соображенія, высказанныя по этому поводу Тютчевымъ, очень глубоки, прозорливы и самобытны. Для нашихъ же „смутныхъ дней“ они имѣютъ особую цѣнность и значеніе, объясняя многое изъ переживаемаго нами и давая ключъ къ сознательному проникновенію въ смыслъ разыгрывающихся событій. Въ виду особой важности и своеобразія мыслей этого умнаго и наблюдательнаго писателя необходимо привести ихъ въ подлинномъ видѣ, а не въ пересказѣ, способномъ затемнить ихъ высокія достоинства.

---

¹⁾ Докладъ, прочитанный въ Харьковскомъ Отдѣлѣ Русскаго Собранія 2 февраля 1904 года.

²⁾ См. Мирный Трудъ 1904 г. № 4.

Подъ живымъ впечатлѣніемъ событій 1848 года Тютчевъ пишетъ: ¹⁾

„Давно уже въ Европѣ существуютъ только двѣ дѣйствительныя силы—Революція и Россія. Между ними никакіе переговоры, никакіе трактаты невозможны; существованіе одной изъ нихъ равносильно смерти другой! Отъ исхода борьбы, возникшей между ними, величайшей борьбы, какой когда либо міръ былъ свидѣтелемъ, зависитъ на многіе вѣка вся политическая и религіозная будущность человѣчества. Фактъ этого соперничества обнаруживается нынѣ всюду, и не взирая на то,—таково пониманіе нашего вѣка, притупленнаго мудрованіемъ, настоящее поколѣніе далеко не создало вполне его истиннаго значенія, не оцѣнило его дѣйствительныхъ причинъ. До сихъ поръ искали его разъясненія въ сферѣ чисто политической; старались истолковать его различіемъ въ понятіяхъ о порядкѣ, исключительно человѣческомъ. Поистинѣ распря, существующая между Революціей и Россіей, зависитъ отъ причинъ болѣе глубокихъ. Онѣ могутъ быть опредѣлены въ двухъ словахъ: *Россія прежде всего христіанская имперія; Русскій народъ—христіанинъ* не только въ силу Православія своихъ убѣжденій, но еще благодаря чему то болѣе задушевному, чѣмъ убѣжденія. Онъ *христіанинъ* въ силу той способности къ самоотверженію и самопожертвованію, которая составляетъ какъ бы основу его нравственной природы. *Революція—прежде всего врагъ христіанства! Антихристіанское настроеніе есть душа Революціи*; это ея особенный отличительный характеръ. Тѣ видоизмѣненія, которымъ она послѣдовательно подвергалась, тѣ лозунги, которые она попеременно усваивала, все, даже ея насилія и преступленія были второстепенны и случайны, но одно, что въ ней не таково, это именно анти-христіанское настроеніе, ее вдохновляющее“. „Человѣческое я, желая зависѣть лишь отъ самого себя,

¹⁾ *Θ. И. Тютчевъ. Сочиненія. Изданіе второе. II. 1900 г. „Россія и революція“, стр. 474—475; 477—478. Для общаго знакомства съ взглядами Тютчева и ихъ значеніемъ необходимо обратиться къ прекрасной книгѣ И. С. Аксакова „Біографія Θ. И. Тютчева. Москва“. 1886.*

не признавая и не принимая другого закона, кромѣ собственнаго изволенія, словомъ *человѣческое я*, *замѣняя собою Бога*, конечно, не составляетъ еще чего либо новаго среди людей; но таковымъ сдѣлалось *самовластіе человѣческаго я*, *возведенное въ политическое и общественное право и стремящееся, въ силу этого права, овладѣть обществомъ*. Вотъ это то новое явленіе и получило въ 1789 году названіе „французской революціи“. „Февральскій взрывъ (1848 г.) тѣмъ уже оказалъ міру великую услугу, что ниспровергъ ходульныя подмостки заблужденій, скрывавшихъ дѣйствительность. Наименѣе проницательные умы вѣроятно поняли нынѣ, что исторія Европы въ теченіе послѣднихъ 33 лѣтъ была не что иное, какъ продолжительная мистификація. И точно, какимъ неумолимымъ свѣтомъ озарилось внезапно все это прошлое, столь недавнее и уже столь отъ насъ отдаленное? Кто, напримѣръ, не сознаетъ нынѣ, какое смѣшное притязаніе выражалось въ той *премудрости нашего вѣка*, *которая наивно вообразила*, что ей удалось подавить Революцію *конституціонными заклинаніями*, обуздать страшную энергію посредствомъ *формулы законности*. Послѣ всего того, что произошло, кто можетъ еще сомнѣваться, что съ той минуты, когда революціонное начало проникло въ общественную кровь, всѣ эти уступки, всѣ эти примиряющія формулы суть не что иное, какъ *наркотическія средства*, которыя могутъ, пожалуй, на время усыпить больного, но не въ состояніи воспрепятствовать дальнѣйшему развитію самой болѣзни“.

„За три послѣдніе вѣка историческая жизнь Запада необходимо была *непрерывною войною, постояннымъ приступомъ, направленнымъ противъ всѣхъ христіанскихъ элементовъ*, входившихъ въ составъ стараго западнаго общества. Эта разрушительная работа длилась долго, такъ какъ для того, чтобы имѣть возможность напасть на *учрежденія*, надо было прежде уничтожить ихъ связующую силу, т. е. *вѣрованія*. Первая французская революція тѣмъ именно и памятна во всемірной исторіи, что ей, такъ сказать, принадлежитъ починъ въ дѣлѣ достиженія *противохристіан-*

скою идеею правительственной власти надъ политическимъ обществомъ. Эта идея выражаетъ собою истинную сущность, такъ сказать, *душу революціи*. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно уяснить себѣ, въ чемъ состоитъ ея основное ученіе—то новое ученіе, которое революція внесла въ міръ. Это, очевидно, ученіе о верховной власти народа. А что такое власть народа, какъ не верховенство человѣческаго я, помноженнаго на огромное число, т. е. опирающагося на силу? *Вотъ почему нѣтъ ничего безсмысленнѣе или коварнѣе—какъ придавать особую цѣну созданнымъ революціей политическимъ учрежденіямъ*. Это осадныя орудія, превосходно приспособленныя къ тому употребленію, для котораго они построены, но помимо этого назначенія они въ правильномъ обществѣ никогда не найдутъ подходящаго приложенія.

Впрочемъ, революція сама позаботилась о томъ, чтобы не оставить въ насъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно ея истинной природы. Отношеніе свое къ христіанству она формулировала такъ: *„Государство, какъ таковое, не имѣетъ религіи“*, ибо таковъ символъ вѣры новѣйшаго государства. Вотъ, собственно говоря, та великая новость, которую революція внесла въ міръ, вотъ ея неотъемлемое существенное дѣло—фактъ, не имѣющій себѣ подобнаго въ предшествовавшей исторіи человѣческихъ обществъ. Въ первый разъ политическое общество отдавалось подъ власть государства, совершенно чуждаго всякаго высшаго освященія, государства, объявлявшаго, что у него нѣтъ души, а если и есть, то развѣ душа безвѣрная: ибо кто не знаетъ, что даже въ языческой древности, во всемъ этомъ мірѣ, по ту сторону креста, который жилъ подъ сѣнію общаго вселенскаго преданія (искаженного, но не прерваннаго язычествомъ) городъ, государство, были прежде всего учрежденіемъ религіознымъ? Это былъ какъ бы обломокъ общаго преданія, который, воплощаясь въ отдѣльномъ обществѣ, образовывался какъ независимый центръ. Это была, такъ сказать, ограниченная мѣстностію и овеществленная религія.

Нейтралитетъ, котораго революція *желаетъ* держаться

въ вопросахъ вѣры, очевидно, не есть съ ея стороны что-нибудь серьезное. Ей слишкомъ хорошо вѣдомы свойства ея противника, чтобы не знать, что по отношенію къ нему никакой нейтралитетъ невозможенъ: „*Кто не со Мною, тотъ противъ Меня*“. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы предложить христіанству нейтралитетъ, *нужно напередъ перестать быть христіаниномъ*. Софизмъ новаго ученія падаетъ здѣсь передъ всесильной природой вещей. Для того чтобы нейтралитетъ этотъ имѣлъ смыслъ и не былъ ложью и западнею, необходимо, чтобы новѣйшее государство согласилось отказаться отъ всякаго притязанія на *нравственный авторитетъ*, чтобы оно низвело себя на степень простого полицейскаго учрежденія, неспособнаго по существу выражать какую бы то ни было нравственную идею. Неужели можно серьезно утверждать, что революція для созданія ея и воплощающаго ее государства приметъ такое не только унижительное, но невозможное условіе? На самомъ дѣлѣ она и не думаетъ его принимать; напротивъ, какъ извѣстно, некомпетентность современнаго законодательства въ дѣлахъ вѣры для нея вытекаетъ лишь изъ убѣжденія, что такъ называемая религіозная мораль, не имѣющая никакого сверхъестественнаго утвержденія, достаточна для человѣческаго общества. Вѣрно ли это положеніе, или нѣтъ—но оно, несомнѣнно представляетъ *цѣлое ученіе, которое для всякаго добросовѣстнаго человѣка равносильно безусловному отрицанію христіанской истины*.

И въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что, несмотря на эту глаголемую некомпетентность и *конституціонный нейтралитетъ* новѣйшаго государства въ дѣлахъ вѣры—вездѣ, гдѣ это государство водворялось, оно не замедлило потребовать для себя и проявить на дѣлѣ по отношенію къ церкви ту же власть и тѣ же права, какія принадлежали прежнимъ правительствамъ. Для примѣра укажемъ на *Францію*. Конечно, законъ заявляетъ тамъ, что государство, какъ таковое, *не имѣетъ религіи*; однако же само государство, въ своихъ отношеніяхъ къ католической церкви, настойчиво продолжаетъ считать себя совершенно законнѣйшимъ

наслѣдникомъ *христiаннѣйшаго короля*. Возстановимъ же истину: новѣйшее государство потому лишь изгоняетъ *государственныя религіи*, что у него есть своя; а эта его религія—*революція*“¹⁾.

Какою жизненной правдой вѣетъ отъ этихъ словъ, написанныхъ 50 съ лишкомъ лѣтъ назадъ, хотя Тютчеву не были извѣстны новые труды²⁾, выяснившіе роль массоновъ въ великой французской революціи, безусловно имѣвшей антихристiанскій характеръ.

Какъ подтвердили дальнѣйшія событія точку зрѣнія Тютчева! Въ наши дни миллионы людей уже порвали связь съ христiанствомъ на Западѣ; новое язычество и его исчадіе новое варварство захватываютъ широкой волной обездоленный людъ, вѣрящій проповѣдямъ новой „религіи человѣчества“; атеизмъ и анархизмъ идутъ рука объ руку и увлекаютъ простецовъ въ пучину вѣрной гибели; культъ Сатаны, почитаніе Изиды, длинный рядъ другихъ суевѣрій находятъ себѣ многочисленныхъ поклонниковъ; урожденные христiане переходятъ въ мусульманство и буддизмъ, ищутъ въ *массонствѣ* удовлетвореніе извращенному религіозному чувству; некрещенный челоувѣкъ стоялъ недавно во главѣ Франціи, обезсиленной массонствомъ; война противъ христiанства идетъ по всей линіи и его древніе, исконные и непримиримые враги высоко подняли голову и при помощи денегъ и печати подрываютъ основы христiанской жизни Запада, передовая страна котораго на нашихъ глазахъ переживаетъ пору *гоненія за вѣру*. Вообще всюду на Западѣ замѣчается такъ называемая „дехристiанизация“, т. е. отказъ отъ христiанскихъ вѣрованій и идеаловъ. „Труждающіеся и обремененные“ забыли, чѣмъ они обязаны Спасителю, возвѣстившему равенство и братство всѣхъ людей передъ

¹⁾ *Θ. И. Тютчевъ. Сочиненія. Изданіе второе. II. 1900. „Папство и римскій вопросъ“ стр. 501—504.*

²⁾ О массонствѣ см. Gould. History of Freemasonry Londres 1884. La Maçonnerie pratique T. I—II. 1885. F i n d e l. Geschichte der Freimaurerei von der Zeit ihres Entstehens bis zur Gegenwart 1900 (посл. изд.). Allgemeines Handbuch der Freimaurerei 1901 (посл. изд.). Гессенъ. Евреи въ массонствѣ 1902.

Господомъ и общающему истинную свободу своимъ ученикамъ (см. Іоанн. VIII, 32.). Равнымъ образомъ „богатые и знатные“ устремились въ пучину наслажденій, „стяжанія несправедливаго“ и въ „меньшихъ братьяхъ своихъ“ усматриваютъ только „рабочую силу“, потребную для процвѣтанія дѣловескихъ предпріятій. Естественнo, что классовая рознь теперь достигаетъ на Западѣ страшнаго напряженія, а зажигательныя рѣчи анархистовъ и социалистовъ находятъ много горячаго матеріала. Для утратившаго вѣру челоуѣка земныя блага имѣютъ чарующую, манящую прелесть, ибо въ обладаніи ими онъ видитъ весь смыслъ и всю радость своего существованія. Отдѣльныя, исключительныя личности, отвергнувъ Бога и Христа Его, могутъ еще найти въ наукѣ и искусствѣ цѣль своей жизни, но толпа, въ общемъ, не поднимется на эту высоту и будетъ жаждать доступнаго ея развитію рѣшенія религіознаго вопроса: она или всему вѣритъ, или все отвергаетъ, причемъ примѣръ „образованныхъ людей“ увлекаетъ за собой народное множество. Вотъ почему Телець Златой насчитываетъ столько поклонниковъ, нетерпимыхъ, крайнихъ и враждебныхъ, до ненависти, къ христіанству. Тютчевъ вѣрно подмѣтилъ и эту черту изувѣрства у поборниковъ революціи, предсказавъ, что „не будетъ недостатка и въ преслѣдованіяхъ за вѣру (стр. 477). Независимо отъ откровеннаго заявленія Штрауса, что „мы — нехристіане“, русскій мыслитель правильно опредѣлилъ болѣзнь: съ тѣхъ поръ ея развитіе идетъ непрерывно и „богословіе атеизма“—изложенное евреемъ К. Марксомъ, возлагающимъ на міровую революцію всѣ надежды, вытѣсняетъ христіанское міровоззрѣніе... Ослабленіе христіанской вѣры на Западѣ краснорѣчиво сказывается въ матеріальныхъ затрудненіяхъ, переживаемыхъ папствомъ въ силу оскуднѣнія прилива лепты св. Петра. Да и протестантство переживаетъ глубокой кризисъ и быстро подвигается по наклонной плоскости мнимаго свободомыслія въ пропасть безвѣрія. Между искренно вѣрующимъ лютеранствомъ и новѣйшими его развѣтвленіями не можетъ быть ни объединенія, ни примиренія, какъ свидѣлствуетъ школа

„ортодоксальных“ протестантскихъ богослововъ, возстающая горячо противъ крайностей и уклоненій, отъ которыхъ пришелъ бы въ неописуемый ужасъ виновникъ реформаціи.

Тютчевъ правильно подмѣтилъ и вторую отличительную черту революціонныхъ движеній: враждуя съ христіанствомъ и выросшими на его почвѣ порядками, революція крайне отрицательно относится и къ великому началу народности: „въ глазахъ этой партіи вопросъ о національности не имѣетъ ни смысла, ни значенія. Въ интересахъ своей задачи, она ни на минуту не поколеблется принести въ жертву независимость своей страны“ (стр. 483). Блестящимъ подтвержденіемъ справедливости этого мѣткаго замѣчанія являются подвиги коммуны въ 1871 году и поведеніе современныхъ французскихъ социалистовъ съ Жоресомъ во главѣ. Знаменитое воззваніе Маркса также призывало къ объединенію пролетаріевъ всѣхъ странъ и имѣло слѣдствіемъ возникновеніе „интернаціональнаго общества“, вытравливающего преданность отечеству и родному народу. Такимъ образомъ невѣріе и космополитизмъ оказываются союзниками въ борьбѣ съ христіанствомъ¹⁾, стремясь къ насажденію „царства всеобщей сытости“ вмѣсто идеальнаго царствія Божьяго, которое открываетъ широкій просторъ личнымъ дарованіямъ cadaго отдѣльнаго человѣка. Превращеніе всѣхъ людей въ стадо равныхъ во всѣхъ отношеніяхъ животныхъ можетъ быть достигнуто лишь путемъ страшнаго пониженія общаго уровня, гибели всѣхъ выдающихся талантовъ, творчество коихъ обусловливало благополучіе и развитіе цѣлыхъ племенъ и народовъ. Кто же является носителемъ идеаловъ современныхъ революціонеровъ—африканскіе ли Готтентоты или малайскіе дикари? Въ кого изъ нихъ дол-

¹⁾ Правда, изворотливые „дѣлатели головъ“ ссылаются даже на Евангеліе. Дѣйствительно, Апостоль говоритъ, что передъ Богомъ нѣтъ различія между іудеемъ и еллиномъ (Рим. X. 12); „нѣтъ уже іудея, ни язычника; нѣтъ раба, ни свободнаго; нѣтъ мужскаго пола, ни женскаго: ибо все въ одно во Христѣ Іисусѣ (Галат. III, 28), „Гдѣ нѣтъ ни еллина, ни іудея, ни обрѣзанія, ни необрѣзанія, варвара, скифа, раба, свободнаго; но все и во всемъ Христосъ“. Но въ этихъ изреченіяхъ, конечно, нѣтъ отрицанія ни національностей, ни половъ, но только признаніе ихъ равенства передъ ебеснымъ Отцомъ.

женъ превратиться, *ради уравненія*, представитель кавказской расы?

Всякому ясно, что космополитическая проповѣдь требуетъ неосуществимаго и является лишь боевымъ средствомъ для завлеченія слабомыслящихъ и безвольныхъ въ станъ революціонеровъ. Къ сожалѣнію, Тютчевъ оказался пророкомъ не только для западныхъ народовъ, ибо и въ средѣ нашей молодежи увлеченіе космополитизмомъ является первымъ шагомъ къ отступничеству отъ служенія русскимъ національнымъ святынямъ. Впадая въ нѣкоторыя лишь частныя погрѣшности, Э. И. Тютчевъ изумительно вѣрно постигъ общій смыслъ событій и задолго до современнаго „крушенія парламентаризма“¹⁾ подчеркнул все безсиліе „конституціонныхъ заклинаній“. Они *нигдѣ* не привели къ водворенію прочнаго порядка и прекращенію соціальной борьбы. „Народное представительство“ оказалось, дѣйствительно, лишь „осаднымъ орудіемъ“ противъ твердыни христіанскаго государства; въ пробитую имъ брешь устремились къ власти честолюбцы, а толпа, обманутая въ своихъ наивныхъ надеждахъ на воплощеніе „свободы, равенства и братства“, теперь уже стремится къ ниспроверженію „буржуазнаго правительства“; проповѣдь анархизма и социализма дѣлаетъ быстрые успѣхи въ средѣ, понявшей, что новые властители преслѣдуютъ своекорыстные интересы подъ личиною „народнаго блага“. Рабочій вопросъ не рѣшенъ парламентаризмомъ и конституціонными гарантіями, какъ показываютъ постоянно повторяющіяся стачки, разгоняемая оружіемъ республиканскихъ войскъ. Только упорные и близорукіе мечтатели могутъ *теперь* прославлять „правовой порядокъ“ съ драками народныхъ избранниковъ въ засѣданіяхъ парламентовъ, хищеніями, продажною и полнымъ безсиліемъ рѣшать быстро назрѣвающіе вопросы первостепеннаго значенія; даже оборона страны, какъ показываетъ Франція, не можетъ быть поставлена какъ слѣдуетъ при управленіи партій, смѣняющихъ другъ друга у кормила правленія. Нелѣпо отождествлять съ народоправ-

¹⁾ См. Мирный Трудъ. 1902 г. № 3.

ствомъ узаконенное господство партій, составляющее душу конституціи. Только внепартійное правительство можетъ отстаивать интересы всего народа, „конституціонныя же заклинанія“ всегда удовлетворяютъ лишь *часть* общественныхъ силъ, оставляя остальныхъ въ жертву господствующимъ. Отсюда непрочность всѣхъ конституцій, указанная Тютчевымъ и засвидѣтельствованная исторіей.

Вѣрно понявъ положеніе дѣлъ и предугадавъ дальнѣйшее теченіе событій, русскій мыслитель отчаялся въ возможности для нашихъ сосѣдей собственными усиліями вернуться на покинутый торный путь: слишкомъ мрачны были тучи, надвинувшіяся на западно-европейское человѣчество на глазахъ Тютчева, и онъ пришелъ къ самымъ безотраднымъ выводамъ относительно грядущей судьбы Европы. Спасительнымъ маякомъ для прекраснаго знатока Запада было твердое упованіе на высокое призваніе нашего отечества:

„Тысячелѣтнія предчувствія не могутъ обманывать. Россія, страна вѣрующая, не ощутитъ недостатка вѣры въ рѣшительную минуту. Она не устрашится величія своего призванія и не отступитъ передъ своимъ назначеніемъ. И когда же это призваніе могло быть болѣе яснымъ и очевиднымъ? Можно сказать Господь начерталъ его огненными буквами. — Западъ исчезаетъ, все рушится, все гибнетъ въ этомъ общемъ воспламененіи. Европа Карла Великаго и Европа трактатовъ 1815 г., Римское папство и всѣ западныя королевства, католицизмъ и протестантизмъ, *вѣра уже давно утраченная и разумъ доведенный до безсмыслія, порядокъ отнынѣ немислимый, свобода отнынѣ невозможная* и надъ всѣми этими развалинами, ею же созданными, *цивилизациія убивающая себя собственными руками...* И когда надъ этимъ громаднымъ крушеніемъ мы видимъ всплывающе святымъ ковчегомъ эту имперію, еще болѣе громадную, то кто дерзнетъ сомнѣваться въ ея призваніи и, *намъ ли, сынамъ ея, являть себя невѣрующими и малодушными*“¹⁾.

Справедливость требуетъ, также, установить, что и на

¹⁾ *О. И. Тютчевъ. Сочиненія. Изданіе второе. II. 1900 г. „Россія и революція“, стр. 491—492.*

нашей родинѣ за послѣдніе 30—40 лѣтъ замѣчается широкое распространеніе противохристіанскихъ ученій и всяческихъ превратныхъ измышленій. Культъ революціи распространяется между полуобразованными людьми со значительнымъ успѣхомъ: нетвердые въ завѣтахъ Православія сыны Россіи обнаруживаютъ мало духовной стойкости и вмѣсто религіи *любви*, исповѣдуютъ религію *насилія и злобы*; вмѣсто *вѣры во второе пришествіе* они вѣрятъ въ конецъ существующаго строя благодаря *великой міровой соціальной революціи* (*Zusammenbruchstheorie*); вмѣсто ожидаемаго христіанами водворенія *Божескаго царства*, новой земли и новаго неба, они ожидаютъ наступленія *земного рая*, благодаря осуществленію путемъ всеобщаго *кровопролитія* своихъ мечтаній.

Множество жизней разбито, много силъ, полезныхъ для родины, погибло благодаря увлеченію этими вѣрованіями русской молодежи и рабочаго люда... *Пора отрезвиться*, пора вернуться къ единственному источнику вѣчной правды, пора прислушаться не къ разрушительнымъ кличамъ революціонеровъ, но къ созидательной работѣ Запада, который вовсе не находится въ такомъ безнадежномъ состояніи, какъ это представлялось Тютчеву, или можетъ показаться на первый взглядъ современному наблюдателю. Десятки милліоновъ сыновъ Запада остаются убѣжденными и вѣрующими христіанами; они не виноваты, что историческія условія лишили ихъ счастья быть послѣдователями *вселенскаго христіанства*, сохраненнаго всеобъемлющимъ духомъ эллиновъ для Восточной Церкви; *они* понимаютъ христіанство *уже*, сообразно національнымъ особенностямъ германскихъ и романскихъ народовъ, но отъ этого ихъ пламенная вѣра въ Искупителя не теряетъ, думается мнѣ, своего значенія. Вдобавокъ, на современномъ Западѣ замѣчается стремленіе къ сближенію съ православнымъ Востокомъ: старокатолики, англикане завязываютъ переговоры съ нами о воссоединеніи,—неговоря уже о постоянныхъ мечтаніяхъ папъ. Западные же, по преимуществу, ученые нанесли своими послѣдними трудами смертельный ударъ отрицательной кри-

тикѣ и прочно установили *подлинность Евангельскихъ писаній*. Лучшія апологетическія сочиненія выходятъ на томъ же Западѣ. Христіанство борется и побѣждаетъ древняго врага!

Нынѣ въ горькую годину нападенія язычниковъ, посягнувшихъ на устои, выросшаго на христіанскихъ завѣтахъ, международнаго права, *вся семья христіанскихъ народовъ должна слиться для отпора революціоннымъ броженіямъ*. Ясно всѣмъ, что японцы являются орудіемъ международной плутократіи, возжегшей недавно пламя гнусной бурской войны. Теперь идетъ новое кровопролитіе для ослабленія оплота христіанства—Россіи. Попраны ради торгашескихъ выгодъ завѣты мира, о водвореніи котораго такъ искренно, такъ безкорыстно заботился нашъ Государь.

Забыто единство происхожденія и общая принадлежность къ арійской расѣ, ибо японцы кажутся единовѣрцами нашимъ атеистамъ; въ нихъ усматриваютъ носителей послѣдняго слова „прогресса“, а потому смѣло можно ожидать что во всѣхъ странахъ невѣры, социалисты и анархисты будутъ считать свое дѣло общимъ съ Японіей, тогда какъ вѣрующіе христіане станутъ сочувствовать Россіи. Капиталисты прекрасно понимаютъ, что ихъ міровому господству не помѣшаютъ мятущіеся проповѣдники новаго язычества, тогда какъ христіанская монархія и русскій народъ, земледѣльческій и вѣрующій, являются главной помѣхой для порабощенія человѣчества немногимъ „денежнымъ королямъ“. Потому то японская ярость и обрушилась на наше отечество.

Зная главнаго своего врага, находящаго благопріятную почву въ нашемъ невѣжествѣ, жалкой подражательности, отсутствіи твердыхъ убѣжденій и смѣлой готовности открыто исповѣдать ихъ, мы должны въ переживаемыя всемірно-историческія минуты явить себя христіанскимъ народомъ, готовымъ положить душу за други своя. *Не въ людскихъ ухищреніяхъ, не въ силѣ оружія таится успѣхъ*. Онъ коренится въ нравственной мощи, въ вѣрованіяхъ, которыя все воодушевляютъ и двигаютъ горами. Вопреки предсказаніямъ революціонеровъ Россія въ часъ испытанія всюду оказалась вѣрною примѣру предковъ: сто милліоновъ возло-

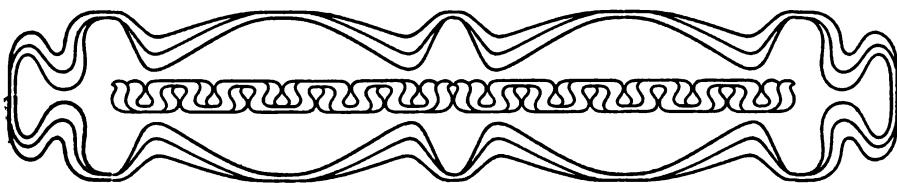
жили упованіе на Господа и по прежнему вознесли къ престолу Всевышняго пламенныя молитвы о спасеніи людей Его и благословеніи Его достоянія. Очевидно, вѣра во Христа и Церковь Его—всесильна въ Россіи; преданность русскихъ Вѣнценосному Вождю осталась непоколебимой; сознаніе народное выразилось одинаково повсемѣстно въ обширнѣйшихъ предѣлахъ нашей многострадальной родины. У Царя и у Его Народа оказалось одно сердце.

Надо пользоваться минутами такого подъема русскаго духа и проискавъ нашихъ внутреннихъ враговъ, желающихъ воспользоваться политическими осложненіями въ своихъ видахъ, противопоставить единодушный отпоръ всѣхъ тѣхъ, кто, подобно Ө. И. Тютчеву, сохранилъ беззавѣтную преданость незыблемымъ устоямъ Святой Руси—Православію, Самодержавію и Народности.

И эта вѣра въ Правду Бога
Ужъ въ нашей не умретъ груди,
Хоть много жертвъ и горя много
Еще мы видимъ впереди...
Но, Не вѣрь въ святую Русь, кто хочетъ,
Лишь вѣрь она себѣ самой—
И Богъ побѣды не отсрочить
Въ угоду трусости людской.

„Мирный Трудъ“ 1904 г. № 9.

По поводу студенческих беспорядковъ.

— — —

Всѣмъ хорошо извѣстно, что „университетскіе беспорядки“ съ 60 годовъ превратились въ средство борьбы съ существующимъ въ Россіи государственнымъ и общественнымъ строемъ. Длинная цѣпь „сходокъ“, „демонстрацій“, „манifestацій“, „забастовокъ“ тянется до нашихъ дней отъ „эпохи великихъ реформъ“. Правильное теченіе академической жизни давно нарушено и мирныя занятія наукой всегда находятся въ опасности быть прерванными нелѣпыми выходками „не учащейся молодежи“. „Политика“ широкой волной вторглась въ учебныя заведенія и незрѣлое, неопытное юношество вмѣсто исполненія своихъ прямыхъ обязанностей притязаетъ на рѣшеніе общегосударственныхъ вопросовъ первостепенной важности. На нашихъ глазахъ, какъ бы по данному заранѣ приказанію, въ различныхъ мѣстахъ выставляются одинаковыя „требованія“, ставятся тождественныя „условія“. Послѣднія газеты сообщаютъ о демонстраціяхъ въ рядѣ университетскихъ городовъ, причемъ всюду раздавались крики „долой войну!“, всюду заявлялось, что „балтійская эскадра должна быть возвращена“. Остальныя „требованія“ столь же краснорѣчиво доказываютъ, что наша молодежь попала въ цѣпкія руки *враговъ Россіи*, получаетъ отъ нихъ поддержку и руководство и легкомысленно служить ихъ орудіемъ. Безъ содѣйствія со стороны молодежь всѣхъ высшихъ и отчасти даже среднихъ учебныхъ заведеній не могла бы ни устраивать „сѣздовъ делегатовъ“, ни покрывать значительные расходы на ихъ поѣздки, на разсылку и изданіе прокламацій, на устройство беспоряд-

ковъ, на быстрое полученіе свѣдѣній о возникающихъ гдѣ-либо волненіяхъ и даже о мѣрахъ, подготовляемыхъ для ихъ пресѣченія. Никто не можетъ отрицать, что врагамъ русскаго дѣла удалось создать планомѣрную организацію, при помощи которой они мѣшаютъ правильному теченію общественной жизни Россіи и создаютъ затрудненія осуществленію тѣхъ мѣръ, кои задуманы нашимъ правительствомъ съ цѣлью произвести широкія преобразованія на испытанномъ вѣками основаніи. Уничтожить это основаніе — вотъ завѣтная цѣль недруговъ русскаго народа и они ловко пользуются простосердечіемъ и наивностью русскихъ юношей, выбирая именно ихъ для совершенія гнусныхъ политическихъ убійствъ, для произведенія безпорядковъ, подачи петицій и т. п. Коварный расчетъ очевиденъ: съ одной стороны скрывается иностранная и инородческая подкладка движеній, съ другой, получается основаніе кричать на весь міръ, что недовольство охватило всѣ слои *русскаго* общества, которое и выдѣляетъ де „передовыхъ борцовъ“ въ лицѣ „отзывчивой на высшіе запросы молодежи“. Хитрые рыбаки ловко закидываютъ удочку съ лакомою приманкой, а неопытныя рыбки попадаютъ на крючекъ или цѣлыми стаями заплываютъ въ сѣти пышныхъ воззваній и громкихъ словъ.

Нѣтъ, однако, никакихъ основаній утверждать, что *вся* молодежь оказывается столь недалководной и легкомысленной, что не понимаетъ настоящаго положенія вещей: обыкновенно въ волненіяхъ принимаетъ дѣятельное участіе лишь фанатизованное и сравнительно незначительное меньшинство студентовъ, примыкающихъ, такъ или иначе, къ различнымъ „тайнымъ организаціямъ“. Огромное большинство совершенно уклоняется отъ участія въ сходкахъ и демонстраціяхъ и тѣмъ самымъ даетъ вѣское основаніе утверждать, что все самостоятельно мыслящее, дѣйствительно развитое и передовое юношество не сочувствуетъ превращенію высшихъ учебныхъ заведеній въ „парламенты“ или очаги революціонной пропаганды. Каждый честный, дѣйствительно „зрѣлый“ и *сознающій* свои обязанности передъ семьей,

обществомъ и родиной, юноша понимаетъ, что годы пребыванія въ высшемъ учебномъ заведеніи являются невозвратимою порою подготовки для добросовѣстнаго выполненія долга гражданина въ теченіе всей дальнѣйшей жизни. Кто упуститъ это драгоцѣннѣйшее время, кто растратитъ на бесплодную болтовню и политиканство свои силы и способности, тотъ оказывается очень поверхностнымъ дѣятелемъ, ибо надо научиться самому прежде, чѣмъ учить другихъ. Повторять съ точностью попугая затверженныя на вѣру слова, твердить постоянно одно и то же—это первый признакъ весьма слабаго ума и полного отсутствія воли и характера. Дряблые люди, не смѣющіе *свое* сужденіе имѣть, боятся показаться смѣшными и отсталыми, а потому и считаютъ излишнимъ углубляться въ науку, работать надъ выковкой самостоятельныхъ убѣжденій: гораздо легче слѣдовать готовымъ прописямъ, благо онѣ одобрены „либеральными вожаками“ и мнѣніемъ „просвѣщенной Европы“. Такъ развивается духовное холопство, такъ создается лобопытное преклоненіе передъ тѣми, кто десятки лѣтъ стоитъ на славномъ посту, пережевывая одну и ту же жвачку. Новыя научныя теченія, новыя и цѣнныя наблюденія надъ современностью, измѣнившіяся міровыя условія—все это отбрасывается, подвергается запрету, ибо эти „общепризнанные столпы либерализма“ даже гордятся тѣмъ, что „ничему не научились и ничего не забыли“. Понятно, что слѣпые вожди могутъ только завести въ яму, которая столько уже лѣтъ наполняется тѣлами неопытныхъ и довѣрчивыхъ жертвъ! Кто изъ нихъ уцѣлѣетъ отъ гибели, тотъ обыкновенно остается искалѣченнымъ на всю жизнь, вѣчнымъ рабомъ, притязающимъ быть господиномъ.

Давно уже истинно русскіе люди обращали со скорбью вниманіе общества на такое печальное явленіе и старались помѣшать его распространенію ¹⁾. Но зло ширилось и крѣпло, ибо наша школа поставлена неправильно и лишена твердыхъ національныхъ основъ, которыя единственно могутъ

¹⁾ См., между прочимъ, поучительную книгу Гилярова-Платонова „Университетскій вопросъ“ (статьи за 1868—1884 г.). Петербургъ, 1903.

спасти наши подростоющія поколѣнія отъ пагубной заразы космополитическими и атеистическими идеалами.

Въ послѣднее время, однако, появились отрадные признаки, сулящіе наступленіе лучшихъ дней. Кровожадный Молохъ вызвалъ сознательное противодѣйствіе въ средѣ тѣхъ, кто доселѣ доставлялъ ему лишенныя своей воли жертвы. Русское студенчество встряхнулось и стало оказывать ¹⁾ противодѣйствіе попыткамъ фанатиковъ, стремящихся исказить прямое назначеніе университетовъ. Слишкомъ ужъ назойливо и нагло не желающіе учиться юнцы, руководимые „сѣдыми юношами“, селятся обмануть общество и представить себя выразителями настроенія *всего* студенчества, осмѣливаются самозванно „предъявлять требованія“ „отъ имени *всѣхъ* товарищей“, обыкновенно совершенно даже неосвѣдомленныхъ о замыслахъ и рѣшеніяхъ вожаковъ. Естественно, что они прилагаютъ всяческія старанія, чтобы сохранить ускользящую почву и пускаютъ въ дѣло возмутительныя клеветы и самыя гнусныя измышленія съ цѣлью предотвратить неизбежную гибель своего обаянія. Отсюда проистекаетъ упорная борьба между сторонниками порядка и проповѣдниками переворотовъ. Изъ стѣнъ университетовъ и институтовъ эта борьба вышла на улицу, какъ показываетъ демонстрація 25 октября, описанная въ рядѣ газетныхъ сообщеній: въ этотъ день изъ Петербургскаго университета вышли двѣ группы студентовъ и направились по разнымъ сторонамъ Невскаго проспекта. Когда одна группа начинала пѣть „чтото на мотивъ Марсельезы“, другая отвѣчала пѣніемъ народнаго гимна. Слѣдовательно, призывъ къ революціи нашелъ немедленное противодѣйствіе: часть студентовъ безбоязненно заявляла о своей вѣрности „Православному Царю“, а потому говорить: „все студенчество за насъ“ — стало неудобнымъ. Конечно, поведеніе „Денницы“, которой принадлежитъ честь устройства контръ-демонстраціи, заслуживаетъ полнаго одобренія со стороны всѣхъ истинно-русскихъ людей. Она дала „революціонерамъ“ превосходный урокъ и показала, что нападеніе на устои русскаго бытія

¹⁾ См. „О настроеніи русской молодежи“. Сборн. стр. 189—197.

встрѣтитъ и впредь достойный отпоръ. Постоянные оскорбленія и надругательства надъ священнѣйшими убѣжденіями, нелѣпыя выходки и смѣшныя притязанія, наглыя нападенія должны были вызвать сплоченную защиту, которая прекрасно справилась со своей задачей: лгуны были изобличены и посрамлены передъ всею столицею, а затѣмъ и передъ всѣмъ міромъ, ибо вѣсть о неудавшейся демонстраціи, принятой отъ имени якобы *всего* студенчества, и смѣломъ поведеніи „Денницы“ пронеслась всюду, вызывая отрадное успокоеніе и надежду, что повсемѣстно революціонная пропаганда будетъ обезсилена самодѣятельностью русской молодежи. По нашимъ свѣдѣніямъ, дѣйствительно, всюду замѣчается пламенное жаланіе положить окончательно предѣлъ позорящимъ Россію выходкамъ кучки политикановъ и бывали уже случаи, когда „зрители“ не оставались безучастными и слишкомъ явственно показывали, на чьей сторонѣ лежить ихъ сочувствіе, причемъ демонстрантамъ приходилось плохо отъ проявленія „народнаго мнѣнія“.

Харьковъ не оказывается исключеніемъ и въ стѣнахъ его высшихъ учебныхъ заведеній уже давно ведется оживленная антинаціональная и революціонная пропаганда. Противовѣсомъ ей служить дѣятельность такъ называемыхъ „русскихъ студентовъ“, которые впервые обратили на себя общественное вниманіе поднесеніемъ иконы св. Серафима генералу М. М. Бородину во время открытія Харьковскаго Отдѣла Русскаго Собранія¹⁾. Затѣмъ „русскіе студенты“ появляются снова въ тѣ вѣчно памятные дни, когда Харьковъ переживалъ высокій подъемъ чистыхъ чувствъ преданности Царю и Россіи, вызванный объявленіемъ войны и ночнымъ нападеніемъ союзницы всѣхъ атеистовъ—Японіи: Государь Императоръ соизволилъ начертать на телеграммѣ Начальника Харьковской губерніи: *Искренно тронутъ чувствами русскихъ студентовъ и жителей Харькова*“.

Эта историческая телеграмма гласила:

„Сегодня днемъ толпа народа преимущественно изъ студентовъ, отслуживъ молебенъ въ Покровскомъ монастырѣ, пришла во дворъ губерна-

¹⁾ См. Мирный Трудъ № 1. „Праздникъ русскаго самосознанія“.

торского дома и, пропѣвъ народный гимнъ, просила послать телеграмму: Ваше Императорское Величество, Всемилостивѣйшій Государь! Помолившись о ниспосланіи Всевышнимъ здоровья Вашему Величеству, русскіе студенты въ Харьковѣ вмѣстѣ съ его жителями повергають къ стопамъ Вашего Величества выраженіе безпредѣльныхъ вѣрноподданническихъ чувствъ и готовности всегда отдать свою жизнь за славу и честь дорогой Родины и за своего обожаемаго Монарха“.

Само собой понятно, что враги русскаго дѣла должны были приложить особыя старанія, чтобъ избавиться отъ противодѣйствія „русскихъ студентовъ“ и представить ихъ подонками студенческой среды. Ядъ клеветы и желчь злобныхъ измышленій послужили для этой цѣли и, безъ всякихъ доказательствъ, на „русскихъ студентовъ“ возвели рядъ обвиненій въ шпіонствѣ и доносахъ, приписавъ имъ прекращеніе лекцій одного молодого профессора, успѣвшаго всего лишь одинъ разъ поговорить съ каѳедры. Плодомъ усилій клеветниковъ было обостреніе отношеній между студентами, доведшее до печальныхъ проявленій крайней напряженности страстей, создавшихъ даже поводъ къ судебному разбирательству.

Наконецъ, о „русскихъ студентахъ“ мы еще разъ услышали въ рѣчи г. Министра Народнаго Просвѣщенія, обращенной къ профессорамъ Харьковскаго университета.

Эта рѣчь воспроизведена съ нѣкоторыми отличіями въ мѣстныхъ газетахъ, но ея общій смыслъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, ибо руководящая мысль выражена съ полной опредѣленностью и, только при нежеланіи понимать, ея ясныя выраженія могутъ быть истолковываемы въ превратномъ видѣ.

Приводимъ рѣчь г. Министра въ наиболѣе близкомъ къ подлиннику видѣ:

„Господа! обратился онъ къ профессорамъ, очень радъ познакомиться съ вами и привѣтствовать васъ. Харьковскій университетъ, впрочемъ, уже знакомъ мнѣ. Многихъ я знаю лично, другихъ знаю по ихъ трудамъ. Нѣкоторыя имена глубоко запали въ моемъ сердцѣ и въ немъ окружены яркимъ и красивымъ ореоломъ свѣточа науки. Но, господа, именно добрыя чувства заставляютъ меня подѣлиться съ вами и горестями, которыя испытываю и не одинъ я за послѣднее

время. Онѣ относятся, конечно, не къ одному харьковскому университету, но все-таки и къ нему не менѣе, чѣмъ къ другимъ. Дѣло въ томъ, что среди учащагося юношества, студентовъ, появились два разряда—такъ называемые *русскіе* студенты и стало быть по противоположности *не русскіе* студенты. Это грустное явленіе мнѣ, какъ истинно-русскому человѣку, кажется не только *непонятнымъ*, но положительно страннымъ. Вамъ, представителямъ чистаго знанія, извѣстно, что наука интернаціональна, но школа должна быть у насъ строго національной, русской. Иностранная государства подаютъ намъ въ этомъ отношеніи живой примѣръ. Национальная школа должна разсматриваться, какъ государственная система и всѣ отношенія къ ней должны опредѣляться именно этой государственной точкой зрѣнія. Я обращаюсь, господа, къ вамъ дѣятелямъ народнаго просвѣщенія, въ которыхъ такъ нуждается наша родина, и съ увѣренностью ожидаю, что вы поможете мнѣ въ этомъ дѣлѣ. На вашу долю выпали благія просвѣтительныя задачи, но прошу васъ помнить, что всѣ мы прежде всего служимъ русскому государству и въ силу этого должны прежде всего заботиться о его благѣ! Еще разъ привѣтствую васъ, господа!“

Какъ „истинно русскій человѣкъ“ и поборникъ національной школы, г. Министръ желаетъ, такимъ образомъ, чтобъ воспитанники Харьковского университета, какъ и *всѣхъ* русскихъ учебныхъ заведеній, чувствовали себя сынами великой матери Россіи и подданными обширнаго *русскаго государства*, служба которому должна стоять на первомъ мѣстѣ, ибо всѣмъ надлежитъ „прежде всего заботиться о его благѣ“. Грустное и странное явленіе, т. е. существованіе въ русскомъ университетѣ „*не русскихъ студентовъ*“, должно исчезнуть, такъ такъ на деньги русскаго народа и подъ покровительствомъ русскаго правительства должна существовать строго національная, *русская школа*. Психологически непонятно, какъ могутъ изъ русскихъ университетовъ выходить украинофилы, поклонники Великой Арменіи или проповѣдники возстановленія

Польши отъ моря до моря, или возобновленія древняго сіонскаго царства.

Какъ учрежденіе государственное, университетъ работаетъ надъ претвореніемъ въ русскихъ гражданъ сыновъ различныхъ племенъ, принадлежащихъ къ „великой семьѣ русскаго народа“, приобщаетъ ихъ къ русской культурѣ и широко открываетъ передъ ними двери государственной службы и общественной дѣятельности. Научныя знанія, являясь международнымъ достояніемъ, служатъ, однако, во всѣхъ иностранныхъ государствахъ прежде всего ихъ насущнымъ потребностямъ. Напримѣръ, нѣмецкая наука, пользующаяся заслуженной міровой славой, сыграла, однако, великую роль въ дѣлѣ созданія Германской имперіи и нѣмецкая школа является настоящимъ питомникомъ здравыхъ національных идеаловъ.

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія указаль въ своей рѣчи не только на болѣзнь, которою страдаетъ, подобно другимъ, и Харьковскій университетъ, но и на средство къ ея исцѣленію, какимъ является—живое содѣйствіе профессоровъ націонализаціи русской школы и ихъ служеніе русскому государству. Разъ устранится причина, исчезнетъ и слѣдствіе: если русскій университетъ сдѣлается разсадникомъ чисто русскихъ идеаловъ, если все студенчество сольется въ одномъ стремленіи къ усвоенію научныхъ истинъ ради послѣдующей службы Святой Руси, то всѣ студенты окажутся русскими, а потому и нынѣшнее раздѣленіе молодежи на враждующія стороны отойдетъ въ область печальнаго прошлаго.

Главнымъ и необходимымъ условіемъ желаннаго умиротворенія нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, несомнѣнно, является дружная совмѣстная работа профессоровъ надъ выясненіемъ своимъ слушателямъ важности національнаго начала и умѣлое руководство пытливыми запросами молодежи, удовлетворяемыми во всеоружіи точнаго знанія. Наставники собственнымъ примѣромъ должны поселить въ сердцахъ юношей сознаніе, что первый долгъ гражданина—повиноваться законамъ своего отечества, что истинно

просвѣщенный человѣкъ обязанъ знать и уважать прошлое своего народа и посильно служить его славѣ и величію, а не стремиться къ насильственнымъ переворотамъ. „Не-помнящіе родства отщепенцы“, возмнившіе себя космополитами, проявляютъ лишь несказанную наивность и не могутъ опереться на чисто научныя основанія—вотъ выводъ, который также способенъ направить молодежь на правильный путь. Но движеніе въ этомъ направленіи, чтобъ быть успѣшнымъ, обязательно должно имѣть опору въ уси-ліяхъ не отдѣльныхъ лицъ, а всего ученаго и учебного состава.

Къ сожалѣнію, это единеніе остается очень далекимъ отъ осуществленія и невольно припоминаются слова Гилярова-Платонова: „Не забудемъ, что бѣда у насъ именно въ томъ, что все расплзлось, студенты по себѣ, начальство по себѣ, профессора по себѣ. Министерство издаетъ правила, начальство принимаетъ съ ужимками, а профессора, хотя и содержимые на государственный счетъ, даже съ усмѣшкою, и первые обратятся съ недоброжелательною критикою начальственныхъ распоряженій къ тѣмъ же студентамъ. Это шпионы въ собственномъ лагерѣ и избавиться отъ нихъ можно только круговою отвѣтственностью; за безпорядки студентовъ должны отвѣчать не одни студенты, но начальство и профессора, каждый въ своей мѣрѣ“. Столь горькія строки написаны въ 1881 году, въ пору небывалаго шатанія умовъ и явнаго забвенія своего долга многими. Неужели же и въ наши дни такое явленіе можетъ повторяться въ профессорской средѣ, состоящей изъ мужей совѣта и науки? Гонимъ прочь подобныя сомнѣнія, ибо умудренное страшнымъ событіемъ 1 марта русское общество въ наиболѣе мыслящей своей части несомнѣнно прониклось сознаніемъ своей великой отвѣтственности предъ Родиной за всякое „неосторожное“ слово, за всякое „попуститель-ство“, за малодушное молчаніе въ минуту смутъ и неурядицъ. Но въ одномъ Гиляровъ безусловно правъ: для оздоровленія университеты должны представлять единое цѣлое, связанное общей отвѣтственностью.

Эта круговая порука должна привести г.г. профессоровъ къ попыткамъ возвышать свой голосъ для успокоенія взволнованныхъ умовъ и прилагать всѣ старанія къ прекращенію ложныхъ слуховъ и обвиненій, равно какъ къ устраненію безпорядковъ, погубившихъ уже столько молодыхъ жизней, которыя иначе были бы посвящены честному служенію нашему великому отечеству.

„Мирный Трудъ“ 1904 г. № 10.

Причины обостренія университетскихъ беспорядковъ.

— — —

Уже давно, университетскіе беспорядки сдѣлались у насъ хроническимъ явленіемъ, но обострились они особенно въ послѣднее время. Очевидно, что нельзя сваливать всю отвѣтственность на „злополучный“ новый уставъ и необходимо поискать причинъ этого обостренія въ особыхъ обстоятельствахъ: наша учащая молодежь находится въ возрастѣ отъ 18 до 25 лѣтъ, слѣдовательно, въ главной массѣ она происходитъ отъ родителей, получившихъ образованіе въ пресловутые 60 годы, бывшіе эпохой великихъ реформъ и, къ сожалѣнію, также великихъ глумленій надъ устоями русской жизни, великаго шатанія молодежи отъ одной отрицательной теоріи къ другой. Воспитавшись на Писаревѣ, Чернышевскомъ и другихъ тогдашнихъ кумирахъ, родители выступившаго на сцену въ самое послѣднее время поколѣнія могли передать своимъ дѣтямъ только слѣпое преклоненіе передъ своими божками и ихъ общественными идеалами. Неудивительно, если мы присутствуемъ передъ возрожденіемъ теченій, охватившихъ русское общество въ 60-е годы и помѣшавшихъ полному проведенію великихъ начинаній Александра II.

Въ поискахъ причинъ переживаемыхъ нами волненій на первое мѣсто надо поставить *почти полное отсутствіе положительныхъ воззрѣній въ современной семьѣ*: изъ ея нѣдръ юношество выноситъ недовольство и озлобленіе, присущее неудачнымъ преобразователямъ общества, вмѣстѣ съ уничтожающей критикой всего существующаго строя, оставшагося на своихъ историческихъ устояхъ вопреки всѣмъ

попыткамъ къ его ниспроверженію. Отъ разочарованныхъ родителей, въ огромномъ большинствѣ оставшихся чуждыми живыхъ родниковъ народной жизни, подросшее поколѣніе *едва-ли слышало* о необходимости служить вѣрою и правдою своему Отечеству, о долгѣ и обязанностяхъ передъ государствомъ и обществомъ. Не видѣло оно и ободряющихъ примѣровъ безкорыстнаго идеализма, способнаго заронить въ молодую душу жажду подвига, долгой, упорной и скромной работы на общую пользу. Слишкомъ много отцовъ промѣняли на чины, награды и оклады пылкія мечты своей юности, а потому погоня за наживой и карьерой становится естественнымъ удѣломъ тѣхъ, кто думаетъ идти по родительскимъ стопамъ. Измѣнивъ своимъ прошлымъ увлеченіямъ на дѣлѣ, не мало родителей остается имъ вѣрными на словахъ... громить безпощадно все и вся, заплевываетъ наше прошлое, издѣвается надъ всѣми святынями, надъ историческимъ нашимъ укладомъ, жаждетъ переворота и торжества чуждыхъ намъ началъ... И вотъ, подогрѣваемая красивыми и громкими фразами, молодежь думаетъ выполнить дѣло, неудавшееся отцамъ, не зная, что ихъ легкомысленныя мечтанія безповоротно осуждены исторіей, изблечившей на нашихъ глазахъ несостоятельность западно-европейскихъ образцовъ и порядковъ.

Конечно, болѣе трезвыя и правильныя воззрѣнія должна была-бы насадить школа, если-бы она была національной. Но наше учебное дѣло уже давно превратилось въ какое-то сплошное издѣвательство надъ потребностями дѣйствительной жизни: юная, еще не сложившаяся душа задыхается въ склепѣ лжеклассицизма и *лжесреализма*; оторванное отъ великой наставницы—природы, юношество поглощаетъ бумажную труху вмѣсто приобрѣтенія знаній; оно витаетъ въ какомъ-то призрачномъ міркѣ и совершенно не знаетъ ни своей Родины, ни условій другихъ странъ, не понимаетъ, что особенности строя являются плодомъ совокупной работы длиннаго ряда поколѣній, а потому и не могутъ быть разрушены уличными беспорядками и подпольными угрозами.

Безжизненное, сухое и отвлеченное знаніе можетъ интересовать лишь очень немногихъ. Наши-же премудрые педагоги, видя, что ученики вяло и апатично зубрятъ свои скучные учебники съ сознаніемъ ихъ полнѣйшей бесполезности, открываютъ „переутомленіе учащихся“ и начинаютъ всякими поблажками заманивать ихъ хотя-бы къ внѣшнему усвоенію школьных „предметовъ“. Подъ страхомъ грозныхъ циркуляровъ, учителя дѣлаютъ всѣхъ „успѣвающими“ или даже „преуспѣвающими“. Въ результатѣ „зрѣлые юноши“ покидаютъ среднюю школу безъ всякой подготовки къ серіознымъ научнымъ занятіямъ, безъ свѣдѣній и безъ способности къ усидчивому труду; они не знаютъ даже ни одного изъ тѣхъ языковъ, надъ которыми сидѣли цѣлые годы, и даже по-русски не умѣютъ ни писать правильно, ни выражаться сколько-нибудь литературно. Поверхностное усвоеніе множества предметовъ сдѣлало ихъ верхоглядами и развило самомнѣніе. Лекціи кажутся скучными и утомительными, практическія упражненія объявляются слишкомъ мелкими для жаждущихъ „широкихъ обобщеній“ и совершенно не понимающихъ условій научной работы. Отсюда—одинъ шагъ къ прекращенію посѣщенія лекцій и увлеченію политиканствомъ низшаго разбора. Тутъ не надо трудиться, не надо искать: разные пророки даютъ все уже совершенно готовымъ и „доказаннымъ“. Въ юношахъ появляется позерство, стремленіе играть роль, благо она привлекаетъ вниманіе сердобольныхъ перезрѣлыхъ дѣвъ и вызываетъ преклоненіе юныхъ товарищей и подростковъ-курсистокъ. Кружковое дѣло въ воображеніи разрастается въ міровое событіе; ловкіе проходимцы внушаютъ, что на нихъ сосредоточивается вниманіе „всего цивилизованнаго человечества“; передъ недоучившимися юнцами кадятъ, заискиваютъ, ублажаютъ и ловко дѣлаютъ ихъ орудіемъ иноземной интриги и внутренней пропаганды. Постороннія подстрекательства только потому имѣютъ успѣхъ, что падаютъ на вполнѣ подготовленную семьей и школой почву.

Но не однѣ нелѣпыя школьныя программы губятъ учениковъ: значительную долю отвѣтственности надо возло-

жить на преподавателей; пусть учебныя школы будутъ измѣнены къ лучшему, это не спасетъ тысячи юношей отъ невѣжества и отупѣнія, дѣятельно насаждаемаго множествомъ преподавателей, создаваемыхъ нашими историко-филологическими факультетами и институтами. Не даромъ сложилась поговорка: „филологъ не студентъ“. Вѣдь въ будущіе преподаватели, за очень малыми исключеніями, идутъ всѣ неудачники, всѣ неспособные пробить самостоятельнымъ и отвѣтственнымъ трудомъ дорогу на иныхъ поприщахъ, бѣдняки, не успѣвающіе въ погонѣ за кускомъ хлѣба ни думать, ни читать. Вѣдь и теперь государство покупаетъ своими стипендіями и разными льготами слушателей для историко-филологическихъ факультетовъ, а все-таки филологовъ—капля и они рѣзко выдѣляются отъ остальныхъ студентовъ. Между тѣмъ, этотъ злосчастный факультетъ является разсадникомъ педагоговъ для всей Россіи и держитъ въ своихъ рукахъ будущее великой страны, отдающей имъ своихъ сыновей для воспитанія.

Почему-же въ мѣстѣ святѣ царитъ мерзость запустѣнія? Потому, что учителей ждетъ самая горькая доля, тяжелый трудъ, дѣйствительное переутомленіе отъ занятій въ переполненныхъ классахъ, разстройство здоровья, ранняя смерть или необезпеченная грошевой пенсіей старость. Продавцы по винной монополіи и акцизные чиновники, своеобразные воспитатели народа въ духѣ трезвости, несравненно болѣе обезпечены и лучше поставлены въ обществѣ; за 30 часовъ недѣльнаго упornaго труда учитель едва вырабатываетъ 2000 р.; огромное большинство имѣетъ меньше 30 уроковъ и получаетъ еще болѣе ничтожное жалованье; гдѣ-же тутъ прожить съ семьей при той дороговизнѣ, какую вызываютъ наши милѣйшіе экономическіе (без) порядки? По расчету вполнѣ свѣдущаго лица, при теперешнихъ окладахъ уже въ 1886 г. у учителей ежегодно оставалось „на удовлетвореніе потребностей умственной жизни 10 к.“, а „на покупку новѣйшихъ сочиненій по своей спеціальности 20 коп.“ (см. Правда „Письма педагога“, стр. 72). Съ той поры цѣны на предметы первой необходимости поднялись еще больше,

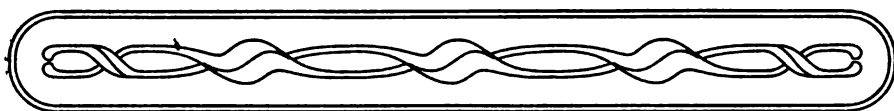
а оклады остались тѣ-же, тогда какъ въ дѣлѣ руководства подрастающими поколѣніями надо постоянно быть во всеоружіи; надо пополнять пробѣлы, чтобъ сѣумѣть удовлетворить запросамъ своихъ питомцевъ, надо имѣть ясную голову, свѣжій, а не переутомленный умъ, крѣпкіе, а не издерганные нервы. Видя-же передъ своими глазами жалкіе образы своихъ педагоговъ, помятуя свои шаловливыя выходки на ихъ счетъ, строгія имъ внушенія отъ сановитыхъ, родовитыхъ, богатыхъ и просто нахальныхъ лицъ, циркуляры начальства и окрики директоровъ—кто дерзнетъ пойти въ педагоги? Кто, имѣя возможность выбора возьметъ на свою долю эту чашу постоянныхъ мукъ? Все талантливое бѣжитъ съ ужасомъ прочь и только обиженные судьбою становятся въ ряды общественныхъ каторжниковъ-учителей.

Почти тоже надо сказать и о пополненіи рядовъ профессоровъ: молодыхъ ученыхъ со степенями „докторовъ“, имѣющихъ права на кафедрѣ, мы почти совсѣмъ не имѣемъ: рядомъ съ стариками, близящимися къ закату своей ученой жизни, виднѣются труженики, потратившіе 15—20 лѣтъ лучшей поры и получившіе геморрой, катарры разныхъ сортовъ и прогрессирующую близорукость въ награду за свою просвѣтительную работу. Получая гроши отъ правительства за свои необязательные курсы, они существуютъ на счетъ общественной благотворительности, такъ какъ гонорары уплачиваютъ за студентовъ въ сущности разныя „общества“ и частныя лица. Такъ прозябаютъ въ „почетной нищетѣ“ будущіе представители русской науки, обреченные на самую тяжелую обстановку. Для плодотворности занятій нужна здоровая и удобная квартира, свѣжая и питательная пища, спокойное настроеніе, порождаемое обеспеченностью семьи. новая книга, новый журналъ, приборы, аппараты и т. д. При тѣхъ-же средствахъ, какими располагаетъ Министерство Народнаго Просвѣщенія, при тѣхъ окладахъ, какіе оно можетъ предложить своимъ служащимъ, всякая бумажная реформа, всякая переменѣная устава не приведетъ къ искорененію зла, такъ какъ не создастъ добраго, любящаго свое дѣло и обеспеченнаго пер-

сонала, способнаго воздѣйствовать на молодежь и примѣромъ, и живымъ словомъ, вмѣсто позорной погони за лишнимъ рублемъ. Недовольные своей судьбою всегда брюзжать на порядки и заражаютъ своимъ недовольствомъ другихъ. Вотъ почему профессора не могутъ сдерживать порывы своихъ слушателей, ибо сами думаютъ о перемѣнѣ къ лучшему своего положенія, сами страдаютъ отъ невозможности даже при пламенномъ желаніи поставить преподаваніе на надлежащую высоту. Помѣщенія университетовъ, въ особенности провинціальныхъ, тѣсны, темны, плохо приспособлены. Вспомогательныя учрежденія бѣдны пособіями, препаратами, инструментами. На выпускъ необходимыхъ книгъ не хватаетъ денегъ, ибо сто рублей на кафедре явно недостаточно для своевременнаго приобрѣтенія новинокъ мірового изслѣдованія. Студентъ, желающій заняться какимъ-либо вопросомъ подъ руководствомъ профессора, прежде всего натывается на отсутствіе книгъ въ библіотекѣ, на недостачу необходимыхъ для произведенія опытовъ приборовъ. Руки опускаются у рѣдкаго искателя истины, когда онъ изъ разъясненій профессора пойметъ, что при современныхъ условіяхъ весьма мудрено утолить жажду познанія въ русскомъ университетѣ. Видя что государство не жалѣетъ никакихъ издержекъ на монополію и даетъ жалкіе гроши на народное просвѣщеніе, всякій юноша сознаетъ, что творится дѣло неподобающее, и получаетъ такимъ образомъ разительное и въ высокой степени знаменательное доказательство крайне своеобразной расцѣнки труда передъ государствомъ и обществомъ. Вотъ, почему слабость состава и неудовлетворительность положенія педагоговъ, отъ высшихъ и до низшихъ, необходимо причислить къ основнымъ причинамъ студенческихъ волненій.

Они усиливаются отъ отсутствія единства дѣйствія со стороны начальства высшихъ учебныхъ заведеній, раздѣленныхъ между разными вѣдомствами, далеко не всегда идущими рука объ руку...

„Борозды“ 1901 г.

Отвѣтъ „Вѣстнику Европы“.

— — —

Почтенный органъ господъ, притязающихъ на званіе „россійскихъ либераловъ самой чистой воды“, какъ „истый джентельменъ и сторонникъ спасительной гласности“ вскипѣлъ благороднымъ негодованіемъ и разразился градомъ крѣпкихъ словъ по поводу нашего журнала, помѣстивъ въ послѣдней (ноябрьской) книжкѣ въ отдѣлѣ „Изъ общественной жизни“ грубую и неприличную выходку анонимнаго автора, направленную противъ „Мирнаго Труда“ вообще и противъ одной изъ его статей въ особенности. Во избѣжаніе упрековъ въ „умолчаніи сути дѣла“, „искаженіи смысла“, „извращеніи“ или „невѣрной передачѣ содержанія“ приведемъ эту любопытную страницу „Вѣстника Европы“ (№ 11 стр. 452—453) цѣликомъ, безъ какихъ бы то ни было сокращеній:

„Къ числу провинціальныхъ подголосковъ реакціонной прессы прибавился недавно еще одинъ—„Мирный Трудъ“, издаваемый Харьковскимъ Отдѣломъ Русскаго Собранія ¹⁾, подъ редакціей предсѣдателя отдѣла, проф. Вязигина. Этотъ журналъ, повидимому, не довольствуется ролью мѣстнаго охранителя, въ духѣ „Русскаго Вѣстника“ и „Московскихъ Вѣдомостей“ и, какъ намъ пишутъ изъ Харькова, „отъ времени до времени“ вступаетъ на скользкій и опасный (для иныхъ) путь печатнаго доноса, съ извращеніемъ фактовъ, при полной невозможности полемики со стороны заинтересованныхъ лицъ. Кому знакома убогая впечатлѣніями жизнь даже такого провинціального города, какъ Харьковъ,

---

¹⁾ Образецъ освѣдомленности г. анонима: харьковскій Отдѣлъ на изданія тратитъ 250 руб. въ годъ, т. е. меньше, чѣмъ стоитъ наборъ и печатаніе одной книжки „Мирнаго Труда“!

тотъ не удивится, что здѣсь всякіе намеки не только комментируются, но ведутъ за собою нежелательныя послѣдствія. Въ № 6 „Мирнаго Труда“, въ статьѣ озаглавленной: „Обновленіе“, идетъ рѣчь о необходимости оздоровленія школы. Авторъ статьи, А. Каутъ (псевдонимъ), вопрошаетъ: „Развѣ не нужно освободить нашу школу отъ такихъ начальниковъ, которые оставляютъ безнаказанными инородцевъ, позволяющихъ себѣ свистать во время пѣнія народнаго гимна и наглými выходками оскорблять патріотическія чувства учениковъ и ученицъ? Развѣ мыслимы въ какой-либо странѣ преподаватели, отказывающіе въ научномъ совѣтѣ юношѣ за то, что онъ открыто выражаетъ свою преданность престолу и борется съ революціонной пропагандою? Развѣ терпимы въ стѣнахъ учебныхъ заведеній учителя, сравнивающіе народныхъ героевъ, покрывшихъ міровой славой русскій стягъ при Чемульпо, съ канатными плясунами? Развѣ можно допустить для отвѣтственныхъ постовъ наблюдателей за юношествомъ, тѣмъ болѣе во время лѣтняго отдыха, лицъ, открыто выражающихъ свое неодобреніе къ внутренней политикѣ правительства, раздающихъ ученикамъ для прочтенія разныя подозрительныя книженки по рабочему вопросу, въ ущербъ для правильнаго хода ихъ учебныхъ занятій?“ Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ четырьмя донесеніями и г. Каутъ прекрасно зналъ, куда мѣтилъ. Знаютъ это и его провинціальныя читатели, хотя фактическая сторона была имъ вполне извращена, взята лишь одна изъ легендарныхъ версій, враждебныхъ затронутымъ лицамъ. Замѣтимъ, что эти лица и *безъ* ¹⁾ сообщенія „Мирнаго Труда“ поплатились, въ большей или меньшей степени, за провинціальную сплетню. Чего же хотѣлъ достигнуть г. Каутъ? Можетъ-ли онъ указать на типичность излагаемыхъ имъ сообщеній? Конечно, нѣтъ. Мы имѣемъ дѣло со случаями индивидуальными, искаженными и невѣрно освѣщенными. Гдѣ искать провинціалу защиты отъ самозванныхъ охранителей? Предъ лицомъ прессы или суда? Оба пути почти недоступны учебному персоналу министер-

¹⁾ Курсивъ нашъ.

ства народнаго просвѣщенія. На эту-то беззащитность и свою безнаказанность рассчитывалъ „Мирный Трудъ“, печатая свои дерзкія инсинуаціи... Какая печальная картина нравовъ! Какъ тяжело положеніе дѣятелей, вынужденныхъ защищаться на два фронта—или, лучше сказать, остающихся совершенно беззащитными: передъ *оффициальнымъ обвиненіемъ*¹⁾—въ виду систематическаго недовѣрія къ ихъ оправданіямъ, передъ не-оффициальнымъ—за отсутствіемъ мѣстнаго независимаго органа, да и вслѣдствіе безименности „сообщеній“. Статьи въ родѣ той, о которой говоритъ нашъ корреспондентъ, похожи на анонимное письмо, распространяемое безъ указанія адресата: невозможенъ прямой, открытый отвѣтъ, до крайности затруднена защита, а намеки, понятные для посвященныхъ, дѣлаютъ свое дѣло, подхватываются праздношью и злорадствомъ и отравляютъ общественную атмосферу. Очистить ее можетъ только могучая струя свѣжаго воздуха, идущая изъ центра и всюду вносящая съ собою новую жизнь“.

Итакъ, оказывается, что мы лишены права касаться тѣхъ сторонъ нашей жизни, которыя считаемъ не соответствующими общественнымъ интересамъ и благу страны. Это право—особая привиллегія „Вѣстника Европы“ и его единомышленниковъ, которые могутъ говорить о всяческихъ нестроеніяхъ и не будутъ „доносчиками“, тогда какъ простое указаніе нами ряда нежелательныхъ явленій въ нашей школьной жизни превращается въ „печатный доносъ“. Избѣгая *личностей*, мы указали лишь на *явленія*, о которыхъ двухъ мнѣній быть не можетъ, ибо всякій честный человѣкъ скажетъ, что пора оздоровить наши „учебныя заведенія“, пора прекратить человѣческія жертвоприношенія, совершаемыя иными педагогами, которые, уклоняясь отъ своихъ прямыхъ обязанностей, закаляютъ довѣрчивое юношество передъ алтарями ложныхъ боговъ. Подсчитайте, сколько юныхъ жизней бесполезно погибло, сколько матерей и отцовъ льетъ горькія слезы и осыпаетъ проклятіями школу, сгубившую ихъ дѣтей! Нельзя оставаться равнодушнымъ къ

¹⁾ Курсивъ нашъ.

этимъ воплямъ и стонамъ, этому непрерывному истребленію русской молодежи. При такихъ условіяхъ указаніе всякаго рода нестроеній въ жизни нашихъ гимназій и училищъ— прямой долгъ каждого гражданина. Бороться надо не съ отдѣльными лицами, а съ общей распушенностью, которая всюду охватила нашъ педагогическій міръ, а для этого надо поднять таинственную завѣсу, скрывающую отъ общества внутреннюю жизнь нашихъ учебныхъ заведеній. Разоблаченіе ряда уродливыхъ явленій возбуждаетъ лишь общественное вниманіе и вовсе не является донесеніемъ. При такомъ смѣшеніи понятій невозможна гласность, немыслимо свободное обслѣдованіе нашихъ многочисленныхъ язвъ, недопустима свобода печати и мнѣній. Если на рядѣ „воровъ загорѣлись шапки“, то это свидѣтельствуєтъ лишь о распространенности отмѣченныхъ прискорбныхъ уклоненій г.г. педагоговъ отъ своего прямого долга. Безупречныхъ людей не испугаютъ „провинціальныя сплетни“, да и какія основанія имѣетъ г. анонимъ утверждать, что нами „фактическая сторона *вполнѣ* извращена, взята лишь одна изъ *легендарныхъ* версій, враждебныхъ затронутымъ лицамъ“, когда у насъ не названы ни мѣста событій, ни имена своеобразныхъ педагоговъ? Развѣ онъ навелъ справки во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи? У насъ прямо указано, (Мирный Трудъ, № 6, стр. 190), что „наши вопросы, навѣяны разными подметными и зарубежными изданіями, восхваляющими подобныя дѣянія“. Если они находятъ себѣ сочувствіе и полное одобреніе въ извѣстныхъ кругахъ, то и мы имѣемъ право на свободное выраженіе своей точки зрѣнія на это „превращеніе святого дѣла воспитанія и образованія въ средство проповѣди превратныхъ ученій“. Намъ нѣтъ дѣла до именъ столичныхъ и провинціальныхъ „наставниковъ“, которые возлагаютъ отвѣтственность за свои убѣжденія на „малыхъ сихъ“, на юнцовъ и рабочихъ, а сами получаютъ чины, ордена и большіе оклады. Но въ указаніи омерзительности и недопустимости такого поведенія положительно нѣтъ никакого состава преступленія, нѣтъ „доноса“, нѣтъ „дерзкой инсинуаціи“. Это только *мнѣніе*, ибо

мы думаемъ, что лучше быть „самозваннымъ охранителемъ“ слабыхъ, чѣмъ ихъ „самозваннымъ развратителемъ“, лучше предотвращать ихъ гибель, чѣмъ ей способствовать своими проповѣдями. Вѣдь по логикѣ г. анонима для спасенія утопающаго необходимо особое разрѣшеніе изъ центра, иначе попадешь въ число „самозванныхъ“ спасителей!

Помимо этихъ общихъ соображеній, надо принять во вниманіе, что, рисуя своихъ героевъ поплатившимися *и безъ сообщенія „Мирнаго Труда“*, г. анонимъ показываетъ въ то же время, что о „печатномъ доносѣ“, въ виду его безцѣльности, не можетъ быть и рѣчи. Развѣ можно донести, хотя-бы на невинныхъ *послѣ* того, какъ уже состоялась надъ ними кара? Вѣдь это явная бессмыслица, внушенная злобой и ненавистью, затмившими простой здравый смыслъ. Хороша также клеветническая уловка, состоящая въ томъ, что вскользь бросается обвиненіе, будто „Мирный Трудъ“ *„отъ времени до времени выступаетъ на скользкій путь печатнаго доноса“*, т. е. по просту, занимается доносами. Гдѣ доказательства этому позорному обвиненію? Вѣдь приводится только *одно* произвольное указаніе на статью въ № 6, да и то въ крайне невѣрномъ освѣщеніи. Нужно выставить рядъ безспорныхъ доводовъ, если обвинитель не желаетъ оказаться жалкимъ и трусливымъ клеветникомъ. Явная лживость тяжелыхъ и отвѣтственныхъ обвиненій, направленныхъ противъ насъ, очевидна для всякаго внимательнаго читателя. Но ему не трудно подмѣтить, что „Вѣстникъ Европы“, разсуждая логично, вынужденъ будетъ признать всякаго корреспондента „шпіономъ“ или „доносчикомъ“. Усвоивъ эту точку зрѣнія, мы получаемъ право говорить, что „харьковскій шпіонъ Вѣстника Европы“ занялся чтеніемъ нашихъ мыслей, опредѣливъ даже, *куда мѣтилъ* г. А. Каутъ. Вотъ образецъ чисто сплетническаго настроенія, которое типично не для одной провинціи: въ „Вѣстникѣ Европы“ неоднократно печатались романы г. Боборыкина, а досужіе сплетники изощрялись въ догадкахъ, кого имѣлъ въ виду или куда мѣтилъ почтенный романистъ. То же было съ Щедринымъ, то же происходитъ и съ

иными изъ современныхъ писателей. Стало быть, всѣ эти авторы оказываются „доносчиками“, „извратителями фактовъ“ и проч.?! Противъ нихъ тоже раздаются фарисейскіе вопли „о невозможности полемики со стороны заинтересованныхъ лицъ“. И романъ, и пьесу тоже можно сравнить съ своего рода „анонимнымъ письмомъ, распространяемымъ безъ указанія адресата“: „не возможенъ де прямой отвѣтъ, намеки де дѣлаютъ дѣло“ и проч. и проч., а потому „Вѣстникъ Европы“, печатая, напр., романы Боборыкина „время отъ времени тоже вступаетъ на скользкій путь печатнаго доноса“? Все это показываетъ, что сплетня царитъ одинаково и въ Петербургѣ и въ провинціи, и никакая могучая струя свѣжаго воздуха не пойдетъ изъ центра, зараженнаго той же болѣзнью. Пышное, велерѣчивое окончаніе замѣтки бросается въ глаза только своей несостоятельностью: кто повѣритъ, что принесетъ новую жизнь „струя“ изъ центра бюрократіи, изъ кабинетовъ генераловъ отъ либерализма или конституціи? Въмѣсто того, чтобъ помѣстить явно нелѣпныя донесенія своего „Харьковского шпиона“, почтенная редакція предложила бы ему ту самую „защиту прессы *предъ оффиціальными обвиненіями*, о которой онъ взываетъ, въ виду систематическаго недовѣрія къ оправданіямъ“ невинно пострадавшихъ. Кромѣ того слѣдовало бы „Вѣстнику Европы“ помочь выясненію истины учебнымъ персоналомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, который остается, по словамъ анонима, „беззащитнымъ предъ неоффиціальными обвиненіями за отсутствіемъ *„мѣстнаго независимаго органа“*. Разоблачивъ „легендарность“ обвиненій точнымъ изложеніемъ фактовъ, онъ защитилъ бы поправленную правду и обѣлилъ бы опредѣленные лица отъ незаслуженныхъ обвиненій. Намъ не важно, кто именно сдѣлалъ тотъ или иной проступокъ: мы боремся съ явленіями, тогда какъ защитнику отдѣльныхъ людей надо доказать ихъ правоту. Пусть-ка онъ перейдетъ отъ „доносовъ“ къ „фактамъ“ и назоветъ, кто именно поплатился, гдѣ и за что. Тогда выяснится дѣло, а теперь идетъ только пустозвонная болтовня, о томъ, что „кто-то“, „гдѣ-то“ по-

страдалъ за „что-то“. Правда, существуютъ какія-то „оффиціальныя обвиненія“, какъ наивно сознается не по разуму усердный защитникъ. И эти обвиненія вызвали, по его сознанію, и до статьи Мирнаго Труда, извѣстныя мѣры начальства. Но вѣдь для убѣжденнаго въ своей правотѣ чело-вѣка есть выходъ даже послѣ наложенія взысканія, какъ показалъ, между прочимъ, еще недавно благородный поступокъ Н. Л. Кладо, потребовавшаго преданія его суду. Значить, потерпѣвшіе и г. анонимъ вовсе не лишены возможности найти защиту въ судѣ и печати, не прибѣгая къ пошлымъ вымысламъ не повторяя вздорныхъ городскихъ слуховъ и толковъ и не становясь на скользкій путь доносовъ на непріятное имъ повременное изданіе. Право, надо было доносчикамъ лучше вооружиться, когда они выступали съ такими нравственно-отвѣтственными обвиненіями: законы распространяютъ свою защиту и на „Мирный Трудъ“. Вѣдь въ Россіи есть скорый и правый судъ, который воздастъ должное наглому клеветнику, хотя-бы онъ и укрылся, ради безнаказанности, за спиной „Вѣстника Европы“.

Очень жаль, что этотъ почтенный органъ упустилъ изъ виду, что онъ самъ въ сущности выступилъ съ ложнымъ „печатнымъ доносомъ“ на своего литературнаго противника, какимъ, безусловно, является „Мирный Трудъ“. И что хуже всего „донесъ“ тѣмъ кругамъ, какіе этого журнала въ рукахъ не имѣютъ, относятся къ сотрудникамъ „Вѣстника Европы“ съ довѣріемъ и, конечно, воспылаютъ негодованіемъ противъ проф. Вязигина и его псевдонима г. А. Каута. И все потому, что какому то таинственному незнакомцу вздумалось прибѣгнуть къ передержкамъ и вмѣсто разсмотрѣнія вопроса по существу перейти къ городскимъ сплетнямъ и досужимъ догадкамъ, введя редакцію „Вѣстника Европы“ въ явное заблужденіе. Мы увѣрены въ исправленіи ею этой невольной ошибки, въ которую она впала, помѣстивъ измышленія наивнаго клеветника, прикрывшаго, весьма неискусно, свой неудачный сыскъ лице-мѣрной гражданской скорбью.

Такимъ образомъ, вполне понятное нежеланіе касаться отдѣльныхъ лицъ, ограничившись борьбой съ явленіями, подало поводъ любителямъ выступить съ грязными нареканіями, причемъ г. анонимъ подчеркиваетъ даже то, что поднявшая шумъ статья подписана псевдонимомъ! Онъ нами добровольно раскрытъ, а потому мы имѣемъ право сказать г. анониму и автору неподписанной статьи „Вѣстника Европы“: *„Рыцари, подымите забрало!“*

„Мирный Трудъ“ 1904 г. № 10.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

— — —

Новый годъ начинается для всей Россіи при весьма тяжкихъ условіяхъ. Помимо войны съ храбрымъ и безза-
стѣнчивымъ внѣшнимъ врагомъ, на наше Отечество надви-
нулась грозная туча внутренней смуты. Обѣ невзгоды за-
стали насъ недостаточно подготовленными, тогда какъ не-
други исподволь, въ теченіи ряда лѣтъ, искусно вели свою
разрушительную работу, подкапываясь подъ основы нашего
международнаго положенія и нашего государственнаго и
общественнаго строя.

Правда, неоднократно раздавался съ высоты Престола
предупреждающій голосъ Верховнаго Вождя, обращавшагося
къ народу со словомъ увѣщанія и призывомъ всѣхъ вѣрно-
подданныхъ къ дружному противодѣйствію нашимъ много-
численнымъ нестроеніямъ. Государь дѣйствовалъ „подобно
человѣку, посѣявшему доброе сѣмя на полѣ своемъ. Когда
же *люди спали*, пришелъ врагъ его и посѣялъ между пше-
ницею плевелы“ (Матѣ. XIII, 24—25). Теперь всѣмъ видѣнъ
буйный ростъ этихъ плевелъ, и плоды нашего обществен-
наго сна на лицо: печать почти цѣликомъ проповѣдуетъ
отступничество отъ родныхъ устоевъ, ибо находится въ ру-
кахъ инородцевъ и космополитовъ; въ школь—мѣстѣ свя-
томъ, царитъ мерзость запустѣнія и происходитъ калѣче-
ніе подрастающихъ поколѣній, такъ какъ націонализація вос-
питанія не достигнута по отсутствію необходимыхъ работ-
никовъ; уклоненіе избирателей отъ пользованія ихъ права-
ми, въ сущности являющимися обязанностью, привело къ
захвату людьми опредѣленной партіи земскихъ и городскихъ

управлений, находящихся нынѣ почти повсемѣстно въ рукахъ сторонниковъ зарубежнаго уклада...

Но ихъ шумные крики всетаки не воспроизводятъ дѣйствительнаго настроенія всей русской земли, ибо ихъ пропустили въ гласные, имѣя въ виду лишь опредѣленные задачи, возлагаемыя на самоуправленіе городовымъ и земскимъ положеніями, т. е. безкорыстное служеніе мѣстнымъ нуждамъ, нынѣ остающимся въ небреженіи, благодаря погонѣ за властью.

Политическая честность требовала отъ нашихъ „общественныхъ дѣятелей“ предварительно узнать доподлинное настроеніе русскихъ людей, а не выступать самозванными выразителями мнимыхъ мнѣній молчащихъ избирателей: они виновны въ безучастіи къ общественнымъ дѣламъ, но нигдѣ и никому не давали полномочій требовать, въ грубыхъ и рѣзкихъ выраженіяхъ, государственнаго переворота. Поведеніе нашихъ земскихъ и городскихъ „политиковъ“ имѣло бы основаніе лишь въ томъ случаѣ, если бы были всюду произведены *новые выборы* во всѣ городскія и земскія управленія, и они получили бы большинство голосовъ, выразившихъ такимъ образомъ свое сочувствіе участію уполномоченныхъ, излюбленныхъ людей, въ рѣшеніи государственныхъ вопросовъ. Свободное избраніе ихъ было бы, дѣйствительно, одобреніемъ избирателями опредѣленной, *заранѣе извѣстной* имъ программы. Разъ этого нѣтъ, всѣ заявленія и „требованія“ остаются лишь выраженіемъ пожеланій только подписавшихъ ихъ лицъ, но отнюдь не мнѣніемъ всей страны; ихъ нельзя считать голосомъ всего общества, а тѣмъ болѣе народа: многомилліонная Русь не говоритъ устами сотенъ представителей лишь *части* зажиточныхъ классовъ. Это ясно для всякаго добросовѣстнаго человѣка, не омраченнаго партійными вождельніями.

Но наши „политики“ всегда отождествляютъ свои собственные мечтанія съ пожеланіями „*всего народа*“ и позволяютъ себѣ дѣйствовать отъ его имени, прибѣгая въ часы войны къ предъявленію самыхъ неумѣренныхъ требованій, приправленныхъ плохо прикрытыми угрозами, соблазняя

„малыхъ сихъ“ на забастовки и уличные беспорядки, за которые платится неимущій людъ, ибо его хотятъ заставить вытаскивать каштаны для другихъ: ни крестьяне, ни рабочіе властвовать не будутъ при „переворотѣ“, а этого не хотятъ понять у насъ многіе, не задающіе себѣ даже такого простого вопроса, какъ—„кто править страной при конституціонномъ строѣ?“ Вовсе не народъ, а капиталисты! Стоитъ приглядѣться къ глухой, напряженной социальной борьбѣ, которая происходитъ на всемъ Западѣ и сейчасъ же станетъ ясно, что нигдѣ конституція не дала рабочему люду удовлетворенія его справедливыхъ потребностей, что всегда можетъ сдѣлать власть, стоящая выше партій. Рабочіе никогда не могутъ сами стать у кормила правленія, ибо нельзя одновременно зарабатывать трудами рукъ своихъ пропитаніе семьѣ своей и „государить“. Въ такомъ же положеніи находятся 80 милліоновъ нашихъ крестьянъ, для которыхъ „правовой порядокъ“ будетъ густыми дебрями, гдѣ они заблудятся съ своими обычными представленіями, со своимъ стремленіемъ жить „по совѣсти“, „по Божьему“. Уничтоженіе неотчуждаемости надѣловъ повлечетъ за собою усиленную скупку земель и подъ гнетомъ податей, которая несомнѣнно увеличатся отъ затѣй кабинетныхъ заправиль, огромная масса населенія превратится въ вѣчныхъ батраковъ, лишенныхъ своего угла, обреченныхъ на смерть подъ заборомъ. „Конституція“, такимъ образомъ, принесетъ вѣчную кабалу и безпросвѣтное экономическое рабство самому многочисленному изъ нашихъ сословій. Не выиграютъ и остальные. Пусть духовенство не забываетъ Комба, російскіе послѣдователи котораго кое-гдѣ откровенно высказываютъ свои вождельнія. Православная Церковь, несомнѣнно, будетъ ими обездолена, сведена съ своего первенствующаго положенія, приравнена къ шаманству и язычеству, ибо новые язычники оказываются главными застрѣльщиками „переворота“. Смута погубитъ и среднее купечество, прервавъ правильный оборотъ денегъ и товаровъ, а соперничество юркихъ инородцевъ, получившихъ право повсемѣстной торговли, доведетъ его до окончательнаго за-

кабаленія. О разоренномъ, задолжавшемъ дворянствѣ и говорить нечего, такъ какъ его ждетъ полная утрата обломковъ родовыхъ имѣній за невозможностью ихъ удержать при измѣнившихся условіяхъ. Только капиталисты, крупные торговцы, фабриканты и владѣльцы обширныхъ помѣстій могутъ ждать *для себя* выгодъ отъ участія въ управленіи страной, ибо народъ, нынѣ не пользующійся дарованнымъ ему закономъ самоуправленіемъ, уклонится, по экономическимъ причинамъ, отъ бремени власти. И тогда Россію ждетъ участь древняго Рима, погубленнаго своекорыстіемъ и раздорами представителей самыхъ состоятельныхъ слоевъ населенія. Имперія эта пала потому, что дѣлала имъ уступки, обрекая на разложеніе трудящіеся, производительные классы, и выбирая опорой своего врага—капиталистовъ. Та же ошибка происходитъ и на нашихъ глазахъ...

Широкіе круги общества заблуждаются, по своей политической неподготовленности, въ своихъ представленіяхъ о благахъ „конституціи“, отождествляя ее съ осуществленіемъ самыхъ завѣтныхъ мечтаній, вопреки наглядному опыту странъ Запада.

Впрочемъ, слабость политическаго и общественнаго сознанія явственно выступаетъ даже у вожаковъ современнаго движенія. Это—обыкновенно, или своекорыстные дѣльцы или люди отвлеченной мысли, книжныхъ построеній, *отрывающіе* во всемогущество слова. Какъ наивный предокъ нашъ вѣрилъ, что „по щучьему велѣнію, по Иванушки хотѣнію“ явится и скатерть-самобранка, и коверъ-самолетъ и другія диковинки, такъ наши современники вѣрятъ въ волшебное могущество „конституціи“. Словно древніе заклинатели, отвращающіе общественныя бѣды таинственными словами, многіе думаютъ взмахомъ волшебной палочки искоренить всѣ общественные недочеты, исцѣлить язвы, болѣзненно терзающія *все* человѣчество! Развѣ это не пережитокъ, не обломокъ давно уже пройденной ступени въ развитіи человѣческаго мышленія?

Но отсутствіе критики простительно „некультурному

человѣку“, тогда какъ притязающіе на званіе „передовыхъ людей“ обязаны не закрывать глаза на современные „порядки“ въ конституціонныхъ государствахъ, не замалчивать крушенія „говорилень“ во всѣхъ странахъ міра. Нелѣпо прибѣгать къ лѣкарству, безсиліе котораго раскрыто воочію.

Сильное правительство, хорошо знающее нужды *своей* страны, высоко держащее знамя ея національнаго достоинства и народныхъ интересовъ, самосознающее общество, довѣряющее своему правительству, какъ созданію историческихъ силъ, и помогающее всѣми силами осуществленію имъ какъ міровыхъ задачъ, такъ и разрѣшенію назрѣвающихъ внутреннихъ вопросовъ, вотъ что нужно всѣмъ государствамъ безъ исключенія. Формы же правленія разнообразны и, какъ дѣло человѣческое, всѣ имѣютъ свои достоинства и недостатки, оказываются плодомъ длиннаго развитія, созданіемъ даннаго народа, но ставить какую-либо изъ нихъ на высоту общечеловѣческаго идеала, выдавать ее за единственно пригодную для всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ—значить впадать въ ошибку, изобличенную исторіей, и поднимать безконечный теоретическій споръ. Примѣръ на нашихъ глазахъ: „россійскіе конституціоналисты“ уже объявлены подлежащими сдачѣ въ архивъ, ибо новымъ волшебнымъ ключемъ къ всеобщему благополучію является „демократическая республика“, хотя уже слышатся крики, что наилучшимъ заклинаніемъ противъ всѣхъ бѣдъ—служить анархія, которую де и надлежитъ водворить на Руси по самому передовому мнѣнію.

Такимъ образомъ, дѣлежъ еще не захваченной власти вызываетъ раздоръ и борьбу въ средѣ самихъ смутьяновъ, что служить яснымъ предзнаменованіемъ тѣхъ благъ, какія дастъ Русскому народу осуществленіе затѣи желающихъ „государить“ надъ нимъ „политикановъ“.

Суть же дѣла—просто въ томъ, что съ теченіемъ времени дѣятельность человѣческихъ обществъ должна становиться болѣе сознательною, а потому люди должны стремиться къ достижимому, всестороннему развитію хорошихъ сторонъ своего уклада и устраненію его недочетовъ. У насъ,

наоборотъ, хотятъ непременно сломать выстроенный тысячелѣтной работой предковъ домъ и воздвигнуть на его мѣстѣ англійскій коттеджъ или французскую виллу, забывая о нашихъ морозахъ! Безспорно, домъ нуждается въ починкѣ; кое-гдѣ онъ осѣлъ; окна малы; развелись назойливые сверчки; крысы и мыши истребляютъ припасы; паразиты расползаются по всѣмъ комнатамъ. Но вѣдь можно пустить больше свѣта и воздуха, можно освободить заброшенные покои отъ разнаго сора и нечисти, не сламывая зданія, дававшего надежную защиту отъ многочисленныхъ историческихъ бурь и непогодъ. Вдобавокъ, надо спросить всѣхъ жильцовъ, желаютъ ли они очутиться подъ открытымъ небомъ, хотя бы „весною“, согласны ли они оставаться безъ крова до тѣхъ поръ, пока разрушители рѣшатъ, какой стиль лучше, конституціонный, республиканскій или анархическій!

Всѣ переживаемыя событія наглядно показываютъ, что самозванные вожаки русскаго народа не дали себѣ даже надлежащаго отчета въ своихъ стремленіяхъ, что они гонятся за пышными словами и непригодными учрежденіями, забывая о необходимости и спасительности производительнаго труда, который одинъ только вывелъ изъ варварства культурное челоувѣчество и способенъ стяжать ему относительное, возможное на землѣ благополучіе.

Вотъ почему, вступая въ третій годъ своего существованія, наше скромное изданіе по прежнему будетъ работать надъ уясненіемъ и укрѣпленіемъ нашихъ родныхъ, завѣтныхъ идеаловъ, отнюдь не отождествляя ихъ съ современной дѣйствительностью, не раболѣпствуя передъ иноземнымъ, но и не отвергая всякихъ улучшеній. Все хорошее, прибрѣтенное однимъ народомъ, является достояніемъ всего челоувѣчества, которое не должно быть однородной, подстриженной на одинъ ладъ, думающей по одной мѣркѣ совокупностью людей безъ рода и безъ племени, но братской семьей равноправныхъ членовъ, сохраняющихъ свой обликъ, свое мышленіе и свой домашній укладъ.

Можно смѣло сказать, что всѣ животныя никогда не превратятся въ „общезвѣря“, не сдѣлаются и люди „обще-

человѣками“. Святая книга не даромъ говоритъ намъ: И будетъ Онъ (Господь) судить *народы* и обличить многія *племена*; и перекуютъ мечи свои на орала и копья свои— на серпы; не подниметъ *народъ на народъ* меча и не будутъ болѣе учиться воевать (Исайи II, 4).

Таковъ великій идеалъ для всего человѣчества и его водворить не принужденное объединеніе, не насиліе надъ иномыслящими, не превращеніе всѣхъ въ общечеловѣческое стадо, пасомое капиталистами, а служеніе великимъ завѣтамъ христіанства, открывающимъ всему человѣчеству единую вселенскую истину.

Къ сожалѣнію, у насъ явственно сказывается ея забвеніе: требованія христіанской нравственности подмѣниваются разнаго сорта „этиками“, причемъ оказывается, что профессора должны дѣйствовать сообразно „профессорской этикѣ“, г.г. присяжные повѣренные имѣютъ свою особенную, врачи— врачебную и т. д., а вотъ когда иные военные проявляютъ „свою этику“, то поклонники снисхожденія къ „преступнику вообще“ предъявляютъ настойчивыя требованія болѣе жестокихъ и суровыхъ каръ. Гдѣ же простая послѣдовательность?

Слово вообще у насъ расходится съ дѣломъ: требующіе водворенія законности, начинаютъ съ нарушенія ясныхъ и точныхъ указаній дѣйствующаго закона; сторонники неприкосновенности жилищъ вопреки запрещеніямъ хозяевъ вламываются въ помѣщенія, высаживаютъ двери, бьютъ стекла, а порою и сторожей, въ видѣ нагляднаго доказательства своего уваженія къ человѣческой личности; проповѣдники свободы слова зажимаютъ рты гласнымъ изъ крестьянъ, мѣшаютъ высказываться своимъ противникамъ, запугиваніями производятъ давленіе на слабыхъ; защитники свободы убѣжденій обливаютъ грязью иномыслящихъ, прибѣгаютъ къ литературной травлѣ за независимыя мнѣнія, доносятъ толпѣ на смѣльчаковъ, возстающихъ противъ модныхъ воззрѣній; поборники свободы печати лгутъ на непріятныя имъ изданія, возмущаются разоблаченіями недочетовъ въ дѣятельности излюбленныхъ учрежденій или лицъ. Не истина стоитъ на первомъ мѣстѣ для „руководителей обществен-

наго мнѣнія“, а угожденіе партійнымъ интересамъ. Противники правительственнаго бюрократизма оказываются насадителями бюрократизма земскаго, который навязываетъ населенію свои бумажныя предписанія, вмѣсто того чтобы удовлетворять его дѣйствительныя нужды и потребности, ибо легче дѣйствовать по общей указкѣ, чѣмъ изучить мѣстныя условія. Вотъ почему у насъ раздается столько „блестящихъ рѣчей“, изготавливается безчисленное множество распоряженій, а благосостояніе идетъ на убыль. Оклады земскимъ и городскимъ „чиновникамъ, достигшіе чудовищныхъ размѣровъ, все увеличиваются, наглядно предупреждая, что „политическій переворотъ“ приведетъ къ замѣнѣ однихъ бюрократовъ другими, а можетъ быть, и тѣми же самими, но „съ увеличеніемъ содержанія“, какъ предвидѣлъ прекрасный знатокъ русской жизни, М. Е. Щедринъ. Вѣдь и нынѣ „всякій французъ желаетъ быть чиновникомъ!“ Наша „интеллигенція“ тоже, въ общемъ, можетъ существовать только народнымъ трудомъ, сама по себѣ будучи подготовлена лишь къ канцелярскимъ занятіямъ, составленію обширныхъ плановъ коренного переустройства съ цѣлью облагодѣтельствовать все человѣчество, кромѣ просто русскихъ людей...

Всѣ эти явленія наглядно показываютъ, что спасеніе корабля общей нашей матери Россіи, попавшаго нынѣ въ историческій водоворотъ, требуетъ особыхъ усилій, тѣмъ болѣе, что часть гребцовъ не хочетъ слушать приказовъ рулевого и алчетъ взять кормило въ свои руки, чтобы плыть на огни, зажженные коварной рукой, съ цѣлью вызвать крушеніе и воспользоваться богатой добычей. Тѣмъ дружнее должны сплотиться всѣ сохранившіе вѣрность кормчому, дабы облегчить ему выходъ на водную ширь. Надежное указаніе даетъ путеводная звѣзда, озарявшая тысячелѣтній путь нашей Родины, слѣдовать по которому и призываетъ Державный Вождь.

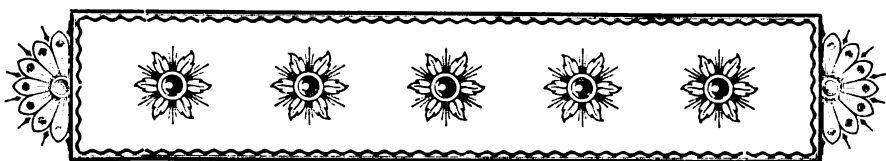
Съ Богомъ впередъ, русскіе люди, за творческую работу, за великое Государево и земское дѣло, за внутреннее строеніе нашего Отечества!

Вѣдь наши дорогіе братья мужественно подвизаются на далекомъ ратномъ полѣ, а мы сугубо должны всемѣрно облегчить ихъ бранный подвигъ честнымъ мирнымъ трудомъ, понимая, что всякая домашняя смута выдастъ ихъ головой непріятелю. Русскій народъ никогда не былъ предателемъ своей Родины и своихъ кровныхъ сыновъ; его мощный отпоръ сокрушилъ множество недруговъ и не японцамъ съ ихъ купленными приспѣшниками одолѣть дружную Россію!

12 Января 1905 года.

„Мирный Трудъ“ 1905 г. № 1.

Гоненія на Русскую молодежь.

— — —

Космополитическая закваска, положенная у насъ въ основу воспитанія подрастающихъ поколѣній, уже давно содѣйствуетъ изготовленію какихъ-то „общечеловѣковъ“, витающихъ въ мірѣ книжныхъ построеній и бумажныхъ теорій. Чуждые дѣйствительности, не знакомые ни съ историческимъ прошлымъ нашей страны, ни съ произведеніями лучшихъ писателей земли родной, ни съ твореніями русской политической мысли, они привыкаютъ рѣшать міровые вопросы по указкамъ „популярныхъ книжекъ“, бойкихъ журнальныхъ статей и вѣщаній „развивателей“, которые умѣло пользуются той неудовлетворительностью, той пылливой жаждой знанія, которая рано или поздно просыпается въ душѣ всякаго, мало-мальски одареннаго юноши. Не находя отвѣта у своихъ присяжныхъ преподавателей, а тѣмъ болѣе въ нѣдрахъ семьи, старшіе члены которой, сплошь и рядомъ, не могутъ, даже при желаніи, разъяснить недоумѣнія младшихъ, наша молодежь встрѣчаетъ откликъ на свои запросы на сторонѣ и попадаетъ въ руки убѣжденныхъ противниковъ нашего уклада. Безъ идеаловъ, безъ широкихъ замысловъ не можетъ обойтись русскій юноша и въ этомъ сказывается могучій размахъ, присущій русской душѣ, всегда склонной къ идеалистическимъ порывамъ и сочувствующей подвигу самопожертвованія.

Если бы эти исконныя силы были направлены и использованы надлежащимъ образомъ для служенія Родинѣ и ея дѣйствительнымъ нуждамъ, для осуществленія достижимыхъ цѣлей, то многимъ печальнымъ явленіямъ нашей обществен-

ной жизни былъ бы положенъ желанный конецъ. Но, по странному стеченію обстоятельствъ, необходимыя преобразованія нашей школы въ духъ національномъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ остаются неосуществленными, несмотря на ихъ признанную безотлагательность. Нестроенія усугубились путаницей, вносимой неопредѣленностью положенія, а жизнь не ждетъ и годъ за годомъ все новые выпуски „зрѣлыхъ“ юношей вступаютъ въ стѣны высшихъ учебныхъ заведеній, гдѣ политическая пропаганда уже давно свила теплое гнѣздо. Неподготовленные къ самостоятельному отпору, лишенные критическаго развитія юноши дѣлаются жертвой ненасытнаго удава и пополняютъ ряды борцовъ за насильственный переворотъ. Наука мало ихъ занимаетъ и аудиторіи въ часы лекцій пустуютъ, наполняясь во время сходовъ и пламенныхъ обсужденій.

Но не всѣ заражаются политиканствомъ; многіе развертываютъ неудовлетворенную гимназій пытливость и желаютъ углубленіемъ въ науку пополнить свои пробѣлы, облегчивъ правильнымъ товарищескимъ общеніемъ достиженіе высокой цѣли разносторонняго саморазвитія. Мирныя совмѣстныя занятія надъ различными научными вопросами ради подготовки къ послѣдующему служенію родинѣ привлекаютъ къ себѣ всѣхъ, желающихъ не даромъ провести не повторяющееся время пребыванія въ университетѣ. Естественно, что забастовки, прерывающія правильное теченіе академической жизни, не могутъ пользоваться сочувствіемъ этихъ сторонниковъ девиза: „университетъ для науки“. Отсюда возникаетъ естественное желаніе ихъ обезпечить себѣ возможность использовать годы ученія, сбросивъ гнетъ политикановъ, искажающихъ задачи университета. Эта потребность въ самопомощи сказывается тѣмъ настойчивѣе, чѣмъ чаще безпорядки терзаютъ наши высшія учебныя заведенія. Ихъ уставы превратились въ мертвую букву и для окончанія образованія теперь требуется разрѣшеніе, выдаваемое на право держать экзамены горстью „непримиримыхъ противниковъ“ существующаго строя. Разъ этого разрѣшенія нѣтъ, то никто не смѣетъ приступать къ испы-

таніямъ подѣ страхомъ оскорбленій, побоевъ, даже послѣдующихъ преслѣдованій, мѣшающихъ использовать пріобрѣтенныя знанія. Державшихъ экзамены отказываются принимать на мѣста, позорятъ, обвиняютъ въ доносахъ, шпіонствѣ и проч. и проч.

Беззащитные предѣ всѣми этими гоненіями юноши желаютъ честно работать, но не могутъ и падаютъ, обезсиленные отсутствіемъ надлежащей поддержки отъ общества, профессоровъ и даже начальства, которое отъ мѣръ строгости переходитъ къ уступчивости, то удаляетъ „виновныхъ“, то принимаетъ ихъ обратно. Эти колебанія изъ стороны въ сторону развиваютъ увѣренность въ безнаказанности, соблазняютъ умѣренныхъ, содѣйствуютъ запугиванію слабыхъ, поощряютъ къ упорству и настойчивости „непримиримыхъ“. Но сильна въ русскомъ юношѣ жажда знанія и въ этой столь неблагопріятной обстановкѣ онъ проявляетъ живое стремленіе къ ея утоленію и ради осуществленія этого своего святого и непреложнаго права объединяется въ кружки и общества, сопротивляется превращенію университетовъ и институтовъ изъ храмовъ науки въ мѣсто политическихъ сходбищъ. Какъ было указано ¹⁾ въ рядѣ учебныхъ заведеній появились противники насилій надъ совѣстью и запретовъ заниматься своимъ прямымъ дѣломъ. Но смѣльчаковъ ждали новыя, усиленныя гоненія со всѣхъ сторонъ и отъ товарищей, и отъ иныхъ преподавателей, и отъ общества; въ концѣ концовъ, началась настоящая травля въ печати, ухватившейся съ жадностью за дѣло студента Петрова, выстрѣлившаго въ своего товарища. Пока судъ не произнесъ своего приговора, обусловленнаго тщательнымъ изученіемъ всѣхъ подробностей этого прискорбнаго случая, но уже цѣлые потоки грязи вылиты на несчастнаго юношу, а его поступокъ поставленъ въ вину всѣмъ его товарищамъ. Развѣ доказано, что онъ дѣйствовалъ по ихъ порученію? Надо очень много злобы и человѣконенавистничества, чтобы взводить столь нелѣпыя обвиненія, какія позволилъ себѣ напр. мнящій себя архилиберальнымъ г. А.

¹⁾ См. „Мирный Трудъ“ 1904 г. № 1 и № 7.

Яблоновскій. Этотъ развязный господинъ вполнѣ бездоказательно утверждаетъ, что „молодые члены Русскаго Собранія иногда заходятъ такъ далеко по пути доносовъ, ябеды, предательства и буйной наглости, что вести съ ними „научныя“ бесѣды для человѣка съ нормальнымъ обоняніемъ положительно нестерпимо“. Но получать гонораръ отъ этихъ самыхъ студентовъ люди съ „нормальнымъ обоняніемъ“ могутъ? могутъ класть въ карманъ жалованье, не выполняя своихъ главныхъ обязанностей—„вести научныя бесѣды съ юношами“, не производя допросовъ, не прибѣгая къ сыску? Преподавателю, по нашему глубокому убѣжденію, нѣтъ дѣла до политическихъ воззрѣній студента, обращающагося къ нему за совѣтомъ, и разъ онъ отказывается выполнить свою обязанность, оплаченную, быть можетъ, послѣдними грошами бѣдняка, покупающаго ими необходимыя свѣдѣнія у своихъ наставниковъ, то этимъ самымъ свидѣтельствуетъ о своей полной несостоятельности. Профессоръ не сыщикъ, не палачъ, а наставникъ, не имѣющій права забывать о своемъ долгѣ, обязанный подавать примѣръ терпимости и уваженія къ чужимъ мнѣніямъ, хотя бы онъ ихъ не раздѣлялъ. Кто же научить юношу цѣнить свободу убѣжденій, неприкосновенность личныхъ воззрѣній, если профессора будутъ поступать вопреки своимъ словамъ и гнать иномыслящихъ? Можно ли строго обвинять послѣ этого студентовъ за ихъ вражду къ товарищамъ, которую нагло сѣютъ различные клеветническіе извѣты, бездоказательно повторяемые въ „самыхъ передовыхъ повременныхъ изданіяхъ“? Разные, съ позволенія сказать, „писатели“ (напр. Од. Нов. № 6484) безстыдно позволяютъ себѣ намекать на „факты такого свойства, что говорить о всѣхъ здѣсь нѣтъ возможности“, или называютъ русскихъ студентовъ за ихъ вѣрность національнымъ святынямъ „кучкой молодыхъ людей съ весьма сомнительными достоинствами“ (Южн. Обоз. № 2657). Когда отъ нихъ требуютъ, чтобъ былъ указанъ „хоть одинъ фактъ предосудительнаго характера въ образѣ дѣйствій корпораціи“, дѣйствующей по гласному уставу, обвинители ссылаются на цензурный запретъ или отмалчиваются.

А клевета уже сдѣлала свое черное дѣло, опозорила юношей въ глазахъ легковѣрной толпы и лишила нѣкоторыхъ изъ нихъ честнаго заработка, приче́мъ ихъ „политическіе противники“ пускаютъ въ ходъ даже такую гнусную уловку, какъ разсылка родителямъ учениковъ, съ которыми занимаются гонимые, позорящихъ ихъ честь анонимныхъ писемъ!

Вотъ почему обществу необходимо знать, что дѣлается въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, куда оно отдаетъ своихъ дѣтей нерѣдко на гибель, вмѣсто наставленія. Вотъ почему отчеты о дѣятельности такихъ кружковъ должны дѣлаться достояніемъ гласности, чтобы дать всякому объективные факты для самостоятельныхъ сужденій.

Этотъ пробѣлъ мы постараемся восполнить, частью подѣлившись имѣющимися въ нашемъ распоряженіи свѣдѣніями, частью надѣясь на полученіе ихъ отъ самихъ студентовъ.

Необходимо уяснить себѣ эти новыя данныя, свидѣтельствующія о глубокомъ упадкѣ нашихъ учебныхъ заведеній. Полное и долготѣнее извращеніе ихъ основныхъ задачъ привело къ такимъ явленіямъ, которыя не могутъ быть терпимы ни въ какой культурной странѣ, независимо отъ ея политическаго строя: самодержавная имперія, конституціонная монархія или демократическая республика одинаково нуждаются въ образованныхъ дѣятеляхъ и не могутъ допустить такого насилія искусственно подготовленнаго большинства надъ меньшинствомъ, какое стихійно приводитъ у насъ къ „временному закрытію“ высшихъ учебныхъ заведеній, вызываемому такъ называемыми забастовками.

Прежде всего надо отмѣтить, что „пресловутое большинство“ не можетъ требовать подчиненія всѣхъ своему рѣшенію. Это требованіе обличаетъ ясно свою нелѣпость: кто можетъ запретить алчущему человѣку пить въ виду того, что большинство даннаго общества не ощущаетъ жажды? Подобное насиліе несовмѣстимо съ человѣколюбіемъ и свободой личности. Толпа не имѣетъ права угнетать ее, тѣмъ болѣе исповѣдуя необходимость всякаго рода „свободъ“. Всякій долженъ быть свободенъ въ выборѣ того или иного рѣшенія, но никто не долженъ силою мѣшать

другому учиться. Ссылка на „товарищество“—наивная и дѣтская уловка, такъ какъ каждому надо уяснить себѣ, почему онъ *обязанъ* примкнуть непременно къ бастующимъ товарищамъ, а не къ желающимъ работать. Если большинство товарищей постановитъ убить или ограбить кого-либо, то я тоже долженъ, вѣроятно ради свободы совѣсти, принять въ этомъ дѣяніи участіе вопреки собственнымъ убѣжденіямъ, чтобы только не нарушить завѣты товарищества? Значитъ, случайное общество, куда юноша попадаетъ всего лишь на нѣсколько лѣтъ своей жизни, имѣетъ для него больше связующей силы, чѣмъ требованія извѣчной правды? Кто можетъ, однако, принять такой выводъ, а онъ неизбежно вытекаетъ изъ приведенныхъ посылокъ!

Но только неокрѣпшій умъ способенъ, отстаивая „права личности вообще“, являться одновременно жалкимъ рабомъ кружкового большинства и въ угоду ему топтать ногами свою собственную свободу. Вотъ ясное проявленіе разительной несамостоятельности нашихъ юныхъ преобразователей! Впрочемъ, вообще рѣзко бросается въ глаза недостатокъ послѣдовательности какъ у гонителей современной молодежи, такъ и у ихъ покорныхъ прислужниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, у насъ очень усердно и громко вопять о деспотизмѣ бюрократическаго правительства и... требуютъ безусловнаго подчиненія рѣшеніямъ какой либо сходки. Почему же ея постановленія *обязательныя* предписаній законной власти? Не потому ли, что эти самыя сходки являются органами *самозваннаго правительства*? Не потому ли, что онѣ „вырабатываютъ“ уже заготовленные заранѣе требованія, откровенно вынимаемая на глазахъ всѣхъ, изъ кармана, плохо натасканными „предсѣдателями“, протекаютъ подъ предсѣдательствомъ „выкрикнутаго и заранѣе обученнаго руководителя“? Не потому ли, что „ораторовъ, не принадлежащихъ къ опредѣленной партіи“, встрѣчаютъ свистками, шиканьемъ, перебиваютъ, высмѣиваютъ и не даютъ высказаться иномыслящимъ... изъ очевидной боязни, что толпа, податливая и увлекающаяся, можетъ склониться въ противоположную сторону? Не потому ли, что сторонники *май-*

наго и всеобщаго голосованія всегда настойчиво требуютъ открытой баллотировки, заботятся о своевременномъ освѣдомленіи *только своихъ* и, подготовивъ все, назначаютъ сходки, внезапно для противниковъ, пополняютъ свои ряды постоянными и пріѣзжими борцами, не принадлежащими къ данному учебному заведенію? И путемъ такихъ уловокъ добытое рѣшеніе выдается за обязательное для всѣхъ постановленіе!

Соотвѣтствуетъ ли это поведеніе давно установившимся требованіямъ порядочности? Впрочемъ о ней теперь мало думаютъ и заботятся. Поступая, напр., въ высшія учебныя заведенія студенты даютъ честное слово, принимаютъ обязательство подчиняться уставу и выполнять рядъ определенныхъ условій. Если они не пріемлемы, то человѣкъ съ убѣжденіями не дастъ на нихъ согласія, ибо честность требуетъ соблюденія своего слова. Правда, сейчасъ же идутъ разныя „оправданія“, ссылки на іезуитское правило: „цѣль де оправдываетъ средства“, другими словами узаконяется безнравственная борьба ради осуществленія „общаго блага“. Но вѣдь и правительства всюду тоже оправдываютъ свои распоряженія служеніемъ интересамъ страны, слѣдовательно и правительствамъ не можетъ быть запрета прибѣгать ко всякимъ путямъ для водворенія народнаго благополучія, т. е. казнямъ, ссылкамъ, всякаго рода взысканіямъ и проч. Но нападки на жестокость, угнетеніе слабыхъ, отсутствіе человѣколюбія и другіе обычные попреки обращаются только противъ правительствъ и какъ разъ тѣми, кто открыто заявляетъ, что не остановится *ни передъ какими насиліями*, лишь бы достигнуть намѣченной цѣли. Однако сказано, „какой мѣрой мѣряете—возмѣрится вамъ“!

При такомъ положеніи дѣла ясно, что о справедливости, свободѣ, равенствѣ, братствѣ рѣчи быть не можетъ со стороны тѣхъ, кто прибѣгаетъ къ омерзительнымъ политическимъ убійствамъ, отвергая смертную казнь, принятую, однако, въ „просвѣщенной Европѣ“, кто толкуетъ съ пѣной у рта о свободѣ совѣсти и тутъ же насилуетъ совѣсть своихъ товарищей, оказывая на нихъ давленіе запугиваніями, оскорбленіями, даже побоями, кто распинается о

свободѣ слова и зажимаетъ ротъ свистками, шумомъ, гамомъ всякому возражающему противъ торжества стадности, кто взываетъ о свободѣ печати и отказывается оглашать всѣ подробности преній на сходкахъ и засѣданіяхъ, и всякое неприятное разоблаченіе называетъ „доносомъ“, кто вопить о неприкосновенности жилищъ и личности и грозитъ выломать, а иногда даже выламываетъ, двери въ „храмъ науки“, уже давно, впрочемъ, его покинувшей, кто, или бьетъ иномыслящихъ, „при физической обструкціи“, или посягаетъ на ихъ здоровье, пуская въ ходъ „химическую обструкцію“, кто отстаиваетъ „свободу союзовъ и собраній“ и клеветаетъ на собранія своихъ противниковъ, всячески мѣшая ихъ совѣщаніямъ для выработки ихъ свободного рѣшенія, кто проповѣдуетъ равенство и братство и начинаетъ съ посягательствъ на жизнь и собственность своихъ братій, съ дерзкаго требованія отреченія отъ ихъ вѣрованій и идеаловъ, забывая, что равенство требуетъ уваженія и терпимаго отношенія къ равному брату своему, а не глумленія или насилія надъ нимъ.

Эти соображенія позволяютъ установить, что пышныя слова, громкіе призывы и освободительные кличи прикрываютъ собой возмутительнѣйшій деспотизмъ, грозящій истребленіемъ всѣмъ иномыслящимъ и ведущій, въ концѣ концовъ, къ самоистребленію даже самихъ поборниковъ переворота, какъ показываетъ краснорѣчивый опытъ французской революціи.

Очевидно, передъ нами болѣзненное, психопатологическое явленіе, которое можетъ оказаться чреватымъ послѣдствіями, если во время не будутъ приняты обществомъ и правительствомъ мѣры леченія. Слабая воля подготовлена уже къ зараженію массовымъ психозомъ и только другая, крѣпкая и здоровая воля можетъ образумить и отрезвить стадно увлекающихся. Но именно такого сильного, идейнаго и волевого противодѣйствія „духу времени“ почти совершенно не замѣчается. Молодежь, склонная къ податливости по самому возрасту, не имѣетъ надлежащей точки опоры даже въ своихъ руководителяхъ—профессорахъ, ибо все чаще

раздаются голоса, утверждающіе, что корень зла въ „профессорской забастовкѣ“. „Профессора первые забастовали!“ торжествующе возвѣщаетъ завзятый и многострадальный забастовщикъ своему колеблющемуся и необстрѣленному товарищу. „Значить надо и намъ бастовать“, соглашается застѣнчивый юнецъ, но если онъ принадлежитъ къ рѣдкой разновидности „занимающихся“, гдѣ-то въ уголкѣ сердца что-то шепчетъ ему, что онъ покривилъ душой, нарушилъ свои обѣщанія и уклонился отъ своего главнаго и наиболѣе важнаго долга—учиться, чтобы быть полезнымъ и свѣдущимъ членомъ общества, которое онъ хочетъ облагодѣтельствовать. Добросовѣстность подсказываетъ ему, что ни онъ, ни 0,99 его товарищей не постигаютъ хорошо, чѣмъ отличается конституція отъ бюрократическаго произвола. Онъ помнитъ, что читалъ еще недавно, какъ дрались депутаты въ парламентѣ, убѣждая другъ друга кулаками въ качествѣ самаго лучшаго доказательства, а въ свободомыслящей странѣ организовано шпіонство за вѣрующими христианами и воздвигнуто гоненіе на нихъ, какъ „въ древности“. Онъ изъ Иловайскаго знаетъ, что нѣкогда было тоже нѣчто „очень хорошее“—народовластіе; вѣче, великая хартія вольностей, земскій соборъ и французская революція, словно крошка, перемѣшались почти во всѣхъ головахъ съ зажигательными воззваніями, прочитанными украдкой на урокѣ латинскаго языка и такъ „интересно взволновавшими сѣренькую, будничную гимназическую жизнь, не скрашенную никакими увлекающими интересами“. Ни о долгѣ передъ Родиной, ни о стремленіи къ наукѣ не раздавалась въ душномъ надобѣвшемъ классѣ ничья страстная, воодушевленная рѣчь. Приходили ежечасно какіе-то „чиновники“, спрашивали, ставили отмѣтки, что-то объясняли и, очевидно, невыносимо скучали. Скукой были проникнуты ихъ тягучія разъясненія, съ поглядываніемъ на часы, и только на большой перемѣнѣ изъ учительской неслись взрывы дружнаго смѣха, слышались оживленные разговоры—вѣдь тамъ рассказывались анекдоты или пикантныя городскія новости, веселящія сердца усталыхъ „педагоговъ по неволѣ“...

Никакихъ знаній, никакихъ положительныхъ идеаловъ и горячая ненависть къ существующему строю или хладнокровная рѣшимость всячески добиться власти и богатства — вотъ все, съ чѣмъ выпускають гимназіи, за немногими исключеніями, своихъ воспитанниковъ.

Современная расшатанная интеллигентная семья, недовольная, негодующая, всеосуждающая, достойно поддерживала рѣзкости своихъ юныхъ членовъ и даже мечтала порою вслухъ, что дѣтямъ удастся проигранное отцами дѣло. Естественно, что оставшимся безъ руля, компаса и вѣтриль можно только плыть за тѣми „смѣльчаками“, которые сулятъ достиженіе „блаженной страны“ свѣтлаго будущаго, куда попадаютъ только „сильные душой“, но только не путемъ долгой предварительной работы надъ собой, а безотлагательной и „безпощадной“ борьбой съ „препятствіями“. Ни отпора этой проповѣди насилія, ни критики этихъ указаній, настойчивыхъ и принудительныхъ, наши юнцы дать не могутъ, а почва для воспріятія шаблона, хорошо обработанная гимназіей и семьей, жадно принимаетъ сѣмена „святого недовольства“. Забастовщикъ изготавливается очень быстро: вѣдь стать въ ряды „борцовъ за лучшее будущее“ — это „счастье“, такъ легко достижимое: надо только кричать „долой самодержавіе“, „да здравствуетъ учредительное собраніе“, требовать 10 сортовъ свободъ, правда не совсѣмъ ясныхъ, и, о верхъ знаній! усвоить секретъ изготовленія вонючей жидкости для усмиренія дерзкаго рвенія тѣхъ „отсталыхъ“, кто осмѣливается думать въ наше передовое время, что „университетъ для науки“. Этотъ „устарѣлый“ взглядъ давно уже опровергнутъ радикальными писателями, лстящими незрѣлой и невѣжественной толпѣ юнцовъ — воображающихъ, что хожденіе съ дубинами, красными знаменами и выкрикиваніе заученныхъ возгласовъ — есть гражданскій подвигъ, великое служеніе дѣлу желаннаго обновленія родины.

И такое явное заблужденіе молодежи вполне понятно. Прислушайтесь къ разговорамъ и спорамъ студентовъ — васъ поразитъ бѣдность идей и полное отсутствіе фактическихъ знаній. Они твердо повторяють заученное, усвоенное на

вѣру при чтеніи прокламацій и воззваній, но это вовсе не нѣчто продуманное, свое, безконечно дорогое. Они считаютъ ниже своего достоинства читать сочиненія противниковъ исповѣдуемыхъ построений; впрочемъ и творенія ихъ защитниковъ обыкновенно покрываются пылью или остаются неразрѣзанными на полкахъ даже собственной студенческой библиотеки, на которую съ гордостью указываютъ неопытнымъ товарищамъ. Вѣдь они не знаютъ даже, что надо сомнѣваться, чтобы начать думать сознательно, надо страстно желать знать, чтобы самостоятельно углубиться въ пучину науки. Зачѣмъ же такая мелкая, кропотливая работа, когда надо только взять на прокатъ, въ лучшемъ случаѣ добросовѣстно *увѣрывать* въ готовыя формулы, повторять ихъ громко, внушительно и настойчиво, чтобы сдѣлаться авторитетомъ для робкаго провинціала изъ какого-либо медвѣжьяго угла, гдѣ еще насаждаютъ „какіе то затхлые, казенные идеалы“. И вотъ студенчество, или вѣрнѣе слѣпо внушаемымъ кличамъ, или относится ко всему въ высокой степени безразлично, считая, что ради послѣдующихъ житейскихъ утѣхъ, обезпечиваемыхъ дипломами, *надо*, къ сожалѣнію, облечься на 4—5 лѣтъ въ студенческой мундиръ. И такая среда называется наиболѣе чуткой къ идеаламъ правды и передовой! Попадаютъ, конечно, самоотверженные, убѣжденные борцы, готовые совершить всякіе подвиги и жертвующіе собой безкорыстно, но не они составляютъ „большинство“, не они оказываютъ господствующимъ типомъ. Обратите вниманіе, какъ много „соціалъ демократовъ“ на школьной скамьѣ и спросите себя, куда они потомъ дѣваются, такъ какъ бородатый соціалистъ у насъ рѣдкая птица и обыкновенно состоитъ въ чинѣ не ниже дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Для уясненія причинъ этого явленія, припомнимъ картины студенческихъ нравовъ и интересовъ, нарисованныя въ извѣстной книжкѣ Гегидзе, заглянемъ въ гостинницы, рестораны, отдѣльные кабинеты и разные притоны, сколько тамъ теперь засѣдаетъ представителей неучащейся молодежи, которая во всеуслышаніе объявила себя „взволнованной и потрясенной послѣдними событіями, до та-

кой степени, что не можетъ заниматься наукой". Человѣкъ, способный кутить, ухаживать, веселиться, играть въ карты, очевидно, сохранилъ достаточно душевнаго равновѣсія. Кто же будетъ настолько наивенъ, чтобы повѣрить розказнямъ „о возмущенномъ гражданскомъ чувствѣ" всѣхъ тѣхъ, кто, словно страусы, прячутъ свою виновную голову за первый камень, за первую якобы „либеральную" отговорку? Уже теперь раздаются негодующіе голоса, подчеркивающіе, что и студенты и преподаватели даютъ уроки *внѣ* университета и тѣмъ показываютъ, что пресловутое волненіе имѣетъ какую-то таинственную силу сказываться только въ стѣнахъ университетовъ и институтовъ, да и то подъ непремѣннымъ условіемъ сохраненія—для однихъ содержанія, для другихъ—стипендій и пособій. Значить, откровенно высказывается намѣреніе не нести своихъ обязанностей, обусловившихъ и опредѣленные права. Это тоже любопытный показатель высокаго нравственнаго уровня, достигнутаго „самыми культурными слоями" невѣжественной Россіи! „Подавай мнѣ все, а я ничего не хочу дѣлать, пока не выйдетъ по моему" восклицаютъ прямые духовные потомки осмѣянныхъ нашими лучшими писателями представителей самодурства, распушенности и лѣни. Еще „Китъ Китычъ" былыхъ временъ громогласно провозгласилъ свои руководящіе идеалы: „моему ндраву не препятствуй" и „слышь, что моя нога говоритъ". Но такую откровенность онъ позволялъ себѣ въ собственномъ домѣ или какомъ нибудь кабацѣ. Самодуры крѣпостники сладко говорили о великихъ принципахъ на людяхъ, а въ своихъ помѣстьяхъ попирали человѣческую личность своихъ „подданныхъ и отъ нихъ зависящихъ". Теперь не то: въ храмъ науки, гдѣ должны царить независимыя мнѣнія и полная терпимость къ иномыслящимъ, раздается дикое гиканіе „расшибу"—противъ всѣхъ, кто хочетъ, чтобы „Китъ Китычи" и крѣпостники новаго образца не вторгались съ своими „требованіями" въ область научной и общественной мысли. Такъ проповѣдуется еще болѣе позорное и невыносимое духовное рабство.

Печальныя явленія эти объясняются прошлымъ. Госу-

дарство при Петрѣ погнало царственной дубинкой многихъ недорослей „въ науку“ къ иноземцамъ; типы, нарисованные Кантеміромъ, равно какъ „Митрофанушки“ фонвизинской эпохи наглядно показываютъ, какъ общество относилось къ наукѣ. Ненавистникамъ знанія вторитъ Фамусовъ, возражающій противъ книгъ и считающій „ученіе—чумою“. Даже въ воззрѣніяхъ Льва Толстого на науку слышится явственно отголосокъ былого пренебреженія къ научной работѣ—это показываетъ, что „наука для науки“ мало понятна нашимъ широкимъ общественнымъ кругамъ, а система преимуществъ по службѣ, доставляемыхъ „дипломированнымъ“, еще глубже укоренила воззрѣніе на науку—какъ что-то служебное и само по себѣ не особенно привлекательное. Университеты и институты сдѣлались въ сущности фабриками дипломовъ, а потому и учащіеся такъ легко перенесли нравы и приемы фабричныхъ въ великую область научнаго творчества и углубленія въ тайны природы и человѣческой мысли. Нѣтъ въ нашемъ „передовомъ обществѣ“ благоговѣйнаго преклоненія передъ наукой, нѣтъ священнаго трепета, который охватываетъ душу, когда передъ ней подымается покровъ, скрывающій истину. Вѣдь всѣмъ понятная задача нашихъ университетовъ, по мнѣнію весьма многихъ, очень проста—это подготовка „лицъ, коимъ зачтено положенное количество полугодій“ къ государственному экзамену! При такомъ воззрѣніи общества, у юношей нашихъ дней господствуютъ превратныя представленія о настоящихъ цѣляхъ научнаго знанія. Всеобщее паденіе культуры, распространяющейся и нынѣ очень тонкимъ налетомъ лишь по поверхности и не задѣвающей народныя глубины, также содѣйствовало возникновенію совершенно извращенныхъ требованій отъ высшихъ учебныхъ заведеній. А политиканство, прочно водворившееся въ ихъ стѣнахъ, словно сорная трава на дурно содержимыхъ огородахъ, окончательно подвергло опасности слабые ростки чисто научной дѣятельности...

Плоды сочетанія ряда указанныхъ условій стоятъ теперь передъ глазами cadaго изъ насъ: наши университеты,

наши институты, наши академіи, получая неподготовленныхъ ни семей, ни школой питомцевъ, насчитывающіе въ средѣ своихъ преподавателей не мало политикановъ извѣстнаго направленія, сдѣлались очагами революціонной пропаганды и очень плохо выполняли даже свое (чисто служебное) назначеніе—дать отечеству необходимыхъ ему свѣдущихъ людей, могущихъ работать въ различныхъ областяхъ нашей государственной и общественной жизни. Ибо кто посмѣетъ утверждать, что, за послѣдніе годы въ особенности, у насъ получали дипломы *только достойные*, кто позволить себѣ отрицать, что позорная система снисходительности къ вопіющимъ пробѣламъ, прямому послѣдствію позорнаго ничегонедѣланія и жалкаго политиканства, не привела уже къ очевидному, многими безпристрастно засвидѣтельствованному, пониженію уровня подготовки и работоспособности нашихъ молодыхъ дѣятелей на всѣхъ поляхъ плодотворной службы Государству и Обществу. Вѣдь въ „интеллигентныхъ кругахъ“ явственно угасло чувство долга, притупилось сознаніе отвѣтственныхъ обязанностей, забыто уваженіе къ закону. Правда, очень много страстныхъ рѣчей раздается о „попранныхъ правахъ“, которыя всегда вытекаютъ, однако, изъ честнаго выполненія обязанностей: безъ послѣднихъ, нѣтъ и первыхъ, а у насъ разсуждаютъ совершенно обратно, требуя всяческихъ *себѣ* правъ и рѣшительно отменяя всѣ обязанности, снисходительно передаваемые другимъ. *Себѣ*—наслажденіе и власть—„невѣжественному народу“—вѣчная работа и жизнь по указкѣ новыхъ „крѣпостниковъ“, объявляющихъ, *сами себя*, во всеуслышаніе „передовыми людьми“, „всея мыслящей Россіей“ и проч. Вотъ, въ сущности, къ чему сводится программа сторонниковъ переворота! Наивные люди! Кого они хотятъ обмануть такими приѣмами? Всякій знаетъ, что умному человеку не нужно увѣрять другихъ въ своемъ умѣ, ибо этотъ умъ признается за нимъ окружающими на основаніи поступковъ, а не его собственныхъ голословныхъ утвержденій. Такъ и дѣйствительно „передовыми“ признаетъ потомство не тѣхъ, кто себя величалъ таковыми, а тѣхъ, кто прозрѣ-

валъ будущее и указывалъ лучшіе пути къ достиженію правды и порядка. Даже всякій школьникъ знаетъ, что *вся* Россія не можетъ мыслить одинаково, а потому говорить о рѣшеніи *всей* мыслящей Россіи способны только круглые невѣжды и краснобаи, не отдающіе отчета въ собственныхъ словахъ, хотя и придающіе имъ безусловное, всемогущее значеніе. Недаромъ давно уже было отмѣчено, что „слишкомъ часто *разговоры* мы рады принять за дѣла“. Это старое заблужденіе прочно укоренилось въ нашемъ обществѣ, гдѣ *людямъ слова* отдаютъ обычно предпочтеніе передъ людьми дѣла. Вотъ свѣжій примѣръ распространенности этого предразсудка: одинъ молодой ученый восторженно описываетъ „засѣданіе младшихъ преподавателей университета“: „рѣдко видѣлъ я собраніе, которое такъ дѣловито, спокойно, *умно и красиво* ¹⁾ обсуждало свои дѣла“. Съ этого засѣданія я ушелъ съ чувствомъ величайшей и искренней гордости за тѣхъ милыхъ, умныхъ, дѣловитыхъ людей, которые оказались такъ безусловно на высотѣ своего нелегкаго положенія. Уходя я думалъ: „О, поручите этимъ людямъ отвѣтственное дѣло, они работать сумѣютъ“. Въ этомъ-то и позволительно сомнѣваться, потому что правленіе краснобаевъ, ораторовъ, адвокатовъ никогда не приводило страну къ прочному благополучію и беспощадная судьба поспѣшила опровергнуть радужныя мечты словопоклонника: спустя нѣсколько дней печатно было разъяснено, что при голованіи были допущены такія неясности, что одни вкладывали въ формулу одинъ смыслъ, другіе—другой. Пришлось инымъ даже отказываться отъ своего голоса, даннаго по недоразумѣнію. Вотъ и отдайте законодательство и управленіе страной людямъ, умѣющимъ говорить „умно и красиво!“

Обратимъ вниманіе и на пресловутую „взволнованность“—прервавшую правильный ходъ занятій въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Развѣ люди дѣла—правители и законодатели, могутъ такъ подпадать вліянію общественнаго настроенія или гнета обстоятельствъ? Историческіе дѣятели всегда стояли выше ихъ и потому вели народы и общества

¹⁾ Курсивъ автора.

за собой, а не приспособлялись къ такъ называемому „общественному мнѣнію“, которое не такъ легко установить. Мало того, всѣ истинно ученые люди поднимались выше переходящихъ временныхъ условій и научное творчество не связано съ опредѣленной формой правленія. Россія съ благоговѣніемъ произноситъ имена Грановскаго, С. М. Соловьева и другихъ тружениковъ на неблагодарной нивѣ отечественной науки, но вѣдь эти мужи знанія не отказывались отъ добровольно принятыхъ обязанностей, съ сохраненіемъ содержанія, назначеннаго за ихъ добросовѣстное выполнение, хотя имѣли множество поводовъ быть „глубоко взволнованными происходящими вокругъ печальными событіями“. Развѣ люди 40-хъ годовъ были способны уклониться отъ подачи помощи страждущимъ братьямъ, проливающимъ кровь за честь родины, или прервать правильное теченіе правосудія, задержать освобожденіе невинно заключенныхъ, затормазить торжество правой стороны? Конечно, нѣтъ, ибо они понимали *обязанности* просвѣщеннаго, культурнаго чело-вѣка, и были людьми въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Теперь разсуждаютъ такъ: „зло проявило свою силу, надвинулся мракъ—значить, добро должно спрятаться а всѣ свѣтильники надо погасить“. Хорошо же проповѣдуемое ими „добро“, внушающее такіе дѣянія! Прежде разсуждали иначе: „много дурного вокругъ—впередъ на работу надъ его искорененіемъ, надъ устраненіемъ причины зла—невѣжества! Напрягайте же всѣ усилія, чтобъ умудренные научнымъ опытомъ, трезвымъ словомъ и подвигомъ всей жизни высоко держать свѣточъ знанія, да свѣтитъ онъ, какъ Божье солнце—и добрымъ и злымъ, ободряя первыхъ и вразумляя послѣднихъ“.

Неужели утратили притягательную силу великіе завѣты властителей думъ, звавшихъ на борьбу съ царящимъ въ мірѣ зломъ? мучительно поднимался вопросъ при видѣ повсемѣстныхъ безобразій и стаднаго увлеченія тѣхъ, кто долженъ стоять на стражѣ всего возвышеннаго, великаго, истиннаго, быть хранителями идеаловъ, а не ихъ добровольными гасителями. Въ отвѣтъ слышались лишь торже-

ствующіе крики толпы и унылыя вѣсти изъ храмовъ науки, запертыхъ „взволнованными жрецами“. Но чу, раздались свѣжіе, юные голоса, требующіе открытія храмовъ для совершенія обычной работы; къ юношамъ присоединились сохранившіе вѣрность научнымъ преданіямъ ихъ наставники. Минута кратковременнаго торжества заблужденія миновала; завѣса спала съ глазъ многихъ и все шире, все могучѣе разливается теченіе, направляющееся въ старое русло добрыхъ академическихъ преданій и задачъ. Русская молодежь оказалась гораздо лучше, чѣмъ можно было бы о ней думать, принимая во вниманіе тяжелую обстановку, среди которой она развивается. Уже цѣлыя тысячи открыто сказали, что царству гонителей пришелъ конецъ. Безстрашно, мужественно, за полными подписями выступаютъ юноши противъ гнета и насилія какъ своихъ товарищей, такъ и наставниковъ. Не боятся смѣльчаки ни „черныхъ списковъ“, ни угрозъ, ни оскорбленій. Нравственная побѣда уже одержана ими, ибо что можетъ сломить силу духа, жаждущаго знанія? Конечно, гонители прибѣгаютъ къ дикимъ насиліямъ, но ихъ не боятся, идутъ на утонченныя преслѣдованія, на пытки „либеральныхъ застѣнковъ“, ибо ихъ презираютъ, а такое настроеніе сулитъ полный успѣхъ. Конечно, изувѣры и фанатики прибѣгнутъ къ запугиваніямъ, станутъ не допускать жаждущихъ къ источнику живой воды; найдутся, пожалуй, такіе господа изъ преподавателей, которымъ ихъ „убѣжденія“ не позволяютъ облегчить занятія тѣхъ, кто дерзнулъ честно, мужественно заявить во всеуслышаніе, что хочетъ работать вопреки насилію и принужденію. Но спрашивается, какъ поступили бы г.г. революціонеры, если бы власть была въ ихъ рукахъ и сторонники, положимъ, возстановленія самодержавія позволили бы себѣ устроить забастовку со всяческими обструкціями, съ цѣлью осуществить свои политическіе идеалы? Будьте покойны—мѣры были бы приняты самыя крутыя и быстрыя—профессора „неподобающаго направленія“ были бы лишены права преподавать; учебныя заведенія закрыты; ученики уволены. Вѣдь именно такъ поступилъ еще на нашихъ глазахъ ра-

дикальнѣйшій Комбъ! И такой образъ дѣйствій былъ бы встрѣченъ либеральной печатью съ такимъ же одобреніемъ, съ какимъ она привѣтствовала мѣры этого раструженнаго-ренегата противъ конгрегацій, въ школахъ которыхъ французское юношество получало несоотвѣтствующее видамъ правительства воспитаніе. У насъ же въ учебныхъ заведеніяхъ не только несоотвѣтствующаго, но и просто никакого воспитанія нѣтъ. Допустить же, чтобъ невоспитанные, необразованные, не достигшіе даже, по большинству конституцій, гражданскаго совершеннолѣтія юноши предъявляли политическія требованія правительству, своему прямому начальству, грозили своимъ наставникамъ и товарищамъ карами, убійствами,—возможно только при полной анархіи...

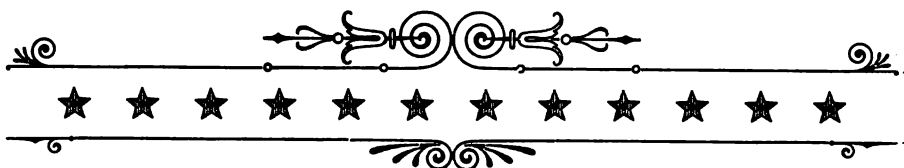
Благоразумное общество и правительство обязано поддерживать желающихъ работать и исполнять свой долгъ. Пусть по началу откроется хоть одинъ университетъ или институтъ, куда можно перевести всѣхъ студентовъ, желающихъ заниматься и профессоровъ, готовыхъ исполнять свой долгъ и передъ наукой и передъ Родиной. Это сосредоточеніе имѣетъ большой смыслъ, ибо такія учебныя заведенія съ идейно-объединеннымъ составомъ учащихся и учащихся, преданныхъ своему прямому дѣлу, скоро завоюютъ всеобщее уваженіе со стороны русскихъ людей, которые будутъ знать, куда отдавать своихъ дѣтей, чтобъ изъ нихъ вышли честные граждане, а не забастовщики и политики. Теперь же, сколько родителей скорбно думаетъ о дорогихъ существахъ, испытывающихъ позорное гоненіе за желаніе учиться и лишенныхъ права на свободный умственный трудъ, послѣ того какъ больше 40 лѣтъ тому назадъ было призвано Державной властью Божье благословеніе на свободный трудъ нашего крестьянина.

Освобожденіе нашего юношества отъ ига гонителей смѣло можно поставить рядомъ съ великимъ дѣломъ 19-го февраля 1861 г. Будущее Россіи зависитъ отъ подрастающихъ поколѣній и ихъ надо освободить отъ рабства иноземнымъ вліяніямъ, дать имъ настоящее знакомство съ отечествомъ, зажечь огонь любви къ Родинѣ и желанья.

отдать свою жизнь ей въ услуженіе ради водворенія правды и наряда въ ея обширныхъ предѣлахъ не путемъ кровавыхъ переворотовъ, а вѣрнымъ слѣдованіемъ по пути, проложенному предками. Нѣтъ той силы въ мірѣ, которая сломила бы 100 милліонный русскій народъ, вооруженный христіанскимъ просвѣщеніемъ, сознающій свое національное призваніе и преданный своему историческому укладу и Самодержавному Вождю! Зато небреженіе великимъ дѣломъ просвѣщенія грозитъ неописуемыми бѣдами, ибо гонители и „дѣлатели головъ“, располагая страшной властью надъ покорными стадами своихъ духовныхъ рабовъ, дождутся тогда своего торжества: прійдетъ пора, когда по зову природы, сойдутъ въ могилу нынѣ дѣйствующія поколѣнія и на ихъ смѣну явятся... теперешніе „забастовщики“. Легко понять, чьи идеалы *тогда* будетъ проводить эта многочисленная рать недовольныхъ и озлобленныхъ. Необходимо создать ей идейный противовѣсъ, оздоровивъ нашу школу, и это самая важная и самая неотложная наша задача рядомъ съ стремленіемъ къ побѣдѣ надъ японцами.

„Мирный Трудъ“ 1905 г. № 1—2.

Мертвое учрежденіе.

— — —

Въ настоящее время всюду идутъ толки о „земскомъ соборѣ“: его выдвигаютъ теперь не только „правовѣрные славянофилы“, но и такъ называемые „либералы“ склонны усматривать въ немъ наилучшее средство для устраненія переживаемыхъ неурядицъ. Даже крайніе и непримиримые противники существующаго строя, слѣдуя завѣтамъ Нечаева и Желябова, кричатъ о созывѣ земскаго собора, въ надеждѣ на быструю замѣну его „учредительнымъ собраніемъ“—знаменосцемъ „русской революціи“.

Вполнѣ раздѣляя славянофильское ученіе о необходимости тѣснаго общенія между Царемъ и народомъ, считаю, однако, требованіемъ научной совѣсти высказаться противъ извлеченія изъ могилы отжившаго свой вѣкъ учрежденія. Оно, какъ и всякое другое, было плодомъ взаимодействія 1) опредѣленныхъ идейныхъ представленій, 2) своеобразныхъ экономическихъ условій и 3) данной исторической обстановки. Безспорно, наше воображеніе и теперь можетъ рисовать себѣ величавую картину совѣщанія Царя и земли по вопросамъ первостепенной важности; наше чувство умиляется отъ мысли о единеніи между Державнымъ Вождемъ и его преданнымъ народомъ, смѣло говорящимъ, устами своихъ выборныхъ, о своихъ нуждахъ и пожеланіяхъ. Но холодный разумъ замѣчаетъ,—что прошлаго не вернешь: теперь другія времена и „археологическое учрежденіе“ имѣетъ научную цѣнность, но не житейскую.

Въ самомъ дѣлѣ, земскій соборъ дѣйствовалъ въ ту пору, когда „русское царство“ было едино по своимъ вѣ-

рованіямъ, когда міровоззрѣніе верховъ и низовъ общества было одинаково. Самодержецъ былъ „Помазанникомъ Божьимъ“ и „Государемъ“ по единодушному представленію всѣхъ своихъ подданныхъ. Ни иновѣрцы, ни инородцы не имѣли въ московскомъ государствѣ ни сплоченности, ни вліянія на ходъ событій, не засаривали русскую мысль сложнымъ налетомъ особыхъ политическихъ идеаловъ и чуждыхъ общественныхъ понятій.

Спрашивается, есть ли у насъ теперь такое духовное единство, какимъ мы обладали прежде? Нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! Русскій міръ утратилъ его и раскололся на множество слоевъ; появились между кровными русскими людьми невѣрующіе, свободомыслящіе, безразличные и всевозможные сектанты; иновѣрцы и инославные насчитываютъ нѣсколько десятковъ милліоновъ своихъ представителей въ русской семьѣ. Христіанская идея „домоправительства Божьяго“, лежащая въ основѣ земскаго собора, теперь не можетъ объединить его членовъ.

Развѣ мыслимы теперь такія единодушныя рѣчи на соборѣ: „Тебя убо, превеликій Государь, не по человѣческому единомышленію, ниже по человѣческому угодію предъизбра, но по праведному суду Божію сіе царское избраніе на тебѣ, Великомъ Государѣ возложи... *Не мы* сей подвигъ сотворихомъ, но Пречистая Богородица съ великими чудотворцы возлюби тебе и святую волю Сына Своего и Бога нашего изволи исполнити на тебѣ Государѣ нашемъ“.

Развѣ недостойный пастырь, обагранный кровью обманутыхъ имъ овецъ, отъ лица духовенства скажетъ: „въ томъ Его Государская воля, какъ Его Государя, Богъ вразумитъ, а наша должная за него Государя, Бога молить, о томъ совѣтовать намъ не пригоже“?

Развѣ современные бюрократы способны убѣжденно исповѣдать: „Вѣдаетъ Богъ да Государь нашъ, какъ ему Государю Богъ извѣститъ“?

Развѣ всѣ наши земцы и дворяне могутъ чистосердечно повторить такія слова: „Вѣдаетъ Богъ да Государь; какъ ему, Государю, годно, такъ и намъ, холопамъ его,

кажется, что за то за все пригоже Государю стояти, а наша должная, холопей его, за него Государя, и за его Государеву правду служить ему, Государю своему, до своей смерти“?

Кто, допросивъ себя, отвѣтитъ за всѣхъ утвердительно на поставленные вопросы? Конечно, ни одинъ правдивый и честный человѣкъ, сознательно относящійся къ дѣйствительности, не способенъ сказать на нихъ „да“, когда почти все мнимопередовое общество кругомъ громко кричитъ „нѣтъ“!

Этого мало. Вѣрованія, наложившія отпечатокъ на весь ходъ бывшихъ соборныхъ совѣщаній, шедшихъ по церковнымъ образцамъ, ярко сказались и на способѣ выработки окончательныхъ постановленій. Культъ большинства, исповѣдуемый у насъ почти всѣми, не находилъ поклонниковъ на соборахъ: рѣшеніе было „общимъ совѣтомъ всѣхъ“, „общимъ согласіемъ всѣхъ чиновъ московскаго государства людей“—т. е. единогласнымъ или даже „единомысленнымъ“, какъ говорятъ памятники. Нѣтъ подсчета голосовъ, нѣтъ большинства и меньшинства, но выработанное общимъ соглашеніемъ рѣшеніе подносится Царю не какъ „воля народа“, а какъ почтительное челобитіе.

Вотъ наиболѣе выпуклыя черты, свидѣтельствующія наглядно, что идейная подкладка земскихъ соборовъ совершенно отличается отъ господствующихъ въ нашемъ „образованномъ обществѣ“ представленій и идеаловъ.

Измѣнились и экономическія условія: московская Русь была въ пору земскихъ соборовъ страной земледѣльческой, занимала пространство приблизительно съ одинаковыми хозяйственными условіями. Торговля и промышленность были развиты сравнительно слабо; ввозъ иноземныхъ товаровъ и вывозъ русскихъ не достигали значительнаго развитія. Поэтому экономическое единообразіе не вызывало расчлененія населенія на борющіяся на экономической аренѣ классы, достигшіе яснаго сознанія общности и обособленности своихъ интересовъ. Участіе крестьянъ на земскихъ соборахъ было только случайнымъ, но достигнется ли умиротвореніе страны, если на земскомъ соборѣ нашихъ дней будутъ рѣшать большинствомъ голосовъ экономическіе вопросы *безъ*

крестьянъ и рабочихъ—самой многочисленной части населенія, но и совершенно не привыкшей къ организованной защитѣ своихъ кровныхъ интересовъ словомъ и голосованіемъ? Интересы различныхъ заводчиковъ и фабрикантовъ, въ значительной степени, вдобавокъ, иностранцевъ или инородцевъ, наконецъ, русскихъ, закабаленныхъ иноземнымъ капиталомъ, ставились у насъ на первое мѣсто въ ущербъ сельскому хозяйству—главной, все еще, основѣ благополучія многомилліоннаго русскаго народа. Голосъ послѣдняго почти не слышенъ, тогда какъ промышленники громко кричать о „своихъ нуждахъ“ и предстанутъ во всеоружіи на замышляемомъ соборѣ ярыми ратоборцами *своихъ* выгодъ. Они хотятъ играть политическую роль, подобно западно-европейскимъ собратамъ, и даже въ часъ общенароднаго бѣдствія отдѣляются, по своекорыстнымъ расчетамъ, отъ простыхъ русскихъ людей, несущихъ послѣдніе гроши на общерусское дѣло—войну съ внѣшнимъ врагомъ. Народъ, не испорченный „новыми ученіями“, хочетъ облегчить бремя войны государству и даетъ обильныя жертвы. Наши же капиталисты и ихъ литературные приспѣшники хотятъ воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Россіи и напоминаютъ своимъ поведеніемъ недостойнаго сына, требующаго, подъ угрозами, денегъ у своей больной матери. Развѣ столкнутся, при данныхъ обстоятельствахъ, наши волостные старшины съ людьми, вооруженными „послѣднимъ словомъ западно-европейской, (капиталистической или социалистической) науки“? Вѣдь они будутъ говорить на разныхъ языкахъ и не поймутъ другъ друга.

При такихъ условіяхъ рѣшеніе большинствомъ голосовъ приведетъ только къ взаимному недовольству и даже озлобленію, а „единомысленное“ рѣшеніе не можетъ быть принято при наличности глубокой идейной и социальной розни. Очевидно, что измѣнившіяся экономическія условія также не допускаютъ созванія стариннаго земскаго собора.

Противъ него говорятъ и историческія данныя: наблюденіе надъ жизнью народовъ свидѣтельствуетъ, что представительныя учрежденія разнообразныхъ образцовъ обя-

заны своимъ возникновеніемъ, между прочимъ, наличности опредѣленной культурной обстановки: правительство при безграмотности населенія, отсутствіи удобныхъ путей сообщенія привлекаетъ на свои совѣщанія прежде всего своихъ собственныхъ чиновниковъ, при помощи которыхъ править страной. Такъ было въ средніе вѣка во всѣхъ западно-европейскихъ странахъ. Такъ было и у насъ: проф. Ключевскій прямо говоритъ, на основаніи тщательнаго изученія состава земскихъ соборовъ, что правительство на нихъ совѣщалось со своими собственными органами. Надо было растолковать служилымъ людямъ ихъ обязанности, разъяснить волю и намѣренія правительства, чтобъ какойнибудь изворотливый дьякъ не перетолковалъ все по своему. При тогдашнихъ сообщеніяхъ справка по поводу неяснаго распоряженія требовала мѣсяцы и не даромъ „московская волокита“ вошла въ поговорку. Привлеченіе представителей облегчало знакомство населенія съ правительственными мѣропріятіями. Общеніе съ людьми изъ разныхъ мѣстъ было выгодно и для правительства, открывая ему нужды края. Съ этою цѣлью оно и привлекаетъ „добрыхъ и разумныхъ“ или „смышленныхъ“ людей, съ которыми можно было бы поговорить, „которымъ государевы и земскія дѣла за обычаи“, а потому способныхъ „умѣть рассказать обиды, насильства и разоренія“. Неужели можно думать, что земскій соборъ XX вѣка ограничится столь смиренными заявленіями, когда на каждомъ шагу нынѣ мы слышимъ „требованія“, предъявляемыя даже безусыми юнцами, чуждыми политической и общественной зрѣлости?

Естественно, что при тогдашней обстановкѣ государственная централизація требовала представительства, какъ средства для освѣдомленія и цѣлесообразныхъ рѣшеній. Но мы далеко ушли съ тѣхъ поръ. Центральное правительство въ вѣкъ телеграфовъ и телефоновъ можетъ получить самыя скорыя свѣдѣнія о мѣстной нуждѣ и положеніи дѣлъ въ краѣ. Желѣзныя дороги и пароходы связываютъ теперь неизмѣримо тѣснѣе одну часть свѣта съ другою, чѣмъ

прежде были связаны отдѣльныя области одной и той же страны. Правильно поставленная печать съ огромной быстротой и точностью можетъ передать распоряженіе правительства въ разные углы и своимъ правдивымъ голосомъ указать на всѣ запросы той или иной общественной группы или мѣстности. Вдобавокъ, населеніе увеличилось, количество „представителей“ возросло до сотенъ и тысячъ человѣкъ; выборы и содержаніе ихъ стоятъ огромныхъ денегъ, отрываютъ населеніе отъ производительнаго труда, вносятъ страстную избирательную горячку, подкупъ и позорную торговлю голосами. Постановленіе случайно образовавшагося и иногда совершенно ничтожнаго по численному перевѣсу большинства не удовлетворяетъ справедливымъ стремленіямъ меньшинства и въ качествѣ послѣдняго неотразимаго доказательства пускаютъ въ ходъ кулаки, трости, зонтики, чернильницы, прибѣгаютъ къ забастовкамъ. Всюду парламенты наглядно проявляютъ всѣ отрицательныя свойства толпы и принимаютъ противорѣчивыя и опрометчивыя рѣшенія.

Неудивительно, что сознаніе несоотвѣтствія представительства правленія измѣнившимся культурно-историческимъ условіямъ крѣпнеть у мыслящихъ людей, которые осуждаютъ парламентаризмъ и уклоняются отъ участія не только въ управленіи, но даже и въ выборахъ. Уже теперь все чаще раздаются мужественные и убѣжденные голоса, что полное крушеніе парламентаризма—вопросъ недалекаго будущаго.

Зачѣмъ же намъ прибѣгать къ этому непригодному и неповоротливому орудію, которое скоро найдетъ свое упокоеніе на историческомъ кладбищѣ, ибо наука и экономика уже выкопали могилу этому одряхлѣвшему дѣтищу иной эпохи, иныхъ культурныхъ условій, иныхъ экономическихъ и социальныхъ отношеній? Историческая обстановка московской Руси, отрѣзанной отъ мірового общенія и поглощенной упорной борьбой съ врагами, грозившими самому ея существованію, далеко отличается отъ современнаго положенія, занятаго въ международной семьѣ разноплеменной

имперіей, охватившей шестую часть суши и составляющей положительно особый міръ. Развѣ можно управлять имъ при помощи такого первобытнаго учрежденія, какъ земскій соборъ? Уроки исторіи явственно предупреждаютъ, что для существованія государствъ, подобныхъ Русскому, необходимо объединяющее и сильное Правительство, способное принять цѣлесообразное рѣшеніе и привести его къ исполненію, стоящее выше партій и племенныхъ счетовъ,—т. е. Самодержавіе, не стѣсняемое призракомъ неосуществимаго народовластія и выродившимися представительными учрежденіями. Конечно, Россіи необходимы нѣкоторыя измѣненія въ существующемъ положеніи вещей. Напримѣръ, намъ были бы весьма полезны голоса свѣдущихъ людей¹⁾, приглашенныхъ въ Государственный Совѣтъ при обсужденіи вопросовъ, по которымъ они оказываются „знатцами“, какъ говорили въ старину. Намъ нужно хорошо и прочно поставленное мѣстное самоуправленіе, освобожденное отъ излишней бюрократической централизаціи, честная, обслуживающая интересы страны, печать и право доводить при посредствѣ челобитныхъ до Престола назрѣвшія нужды отдѣльных мѣстностей и группъ населенія, равно какъ возможность обличенія и жалобы на Высочайшее имя по поводу административнаго произвола, порою допускаемаго

¹⁾ Прежде при меньшей сложности жизни „представители народа“ могли играть роль „свѣдущихъ людей“ при выработкѣ путей къ удовлетворенію разнообразныхъ нуждъ. Теперь требуются особыя знанія ряда обстоятельствъ, отмѣняемыхъ въ каждомъ данномъ случаѣ, напр. условій мірового производства, обмѣна товаровъ и пр. Откуда же большинство „депутатовъ“ можетъ взять эти обширныя и настоятельно необходимыя познанія? Въдѣ „избранникъ народный“ не энциклопедистъ на всѣ руки и сознательно можетъ голосовать только по ограниченному кругу вопросовъ; сплошь и рядомъ ему приходится брести по стопамъ вожаковъ. Какой же смыслъ въ „учрежденіи“, отражающемъ, очевидно, мнѣніе случайныхъ „свѣдущихъ людей“? Несравненно полезнѣе привлеченіе ихъ въ большинствѣ и по возможности разностороннемъ составѣ, такъ чтобы и меньшинство, скажемъ сахарозаводчиковъ, имѣло своего представителя при пересмотрѣ наприм. вопроса о нормировкѣ, чтобы противники университетской автономіи и ея защитники имѣли возможность отстаивать свою точку зрѣнія въ Совѣтѣ. Въ парламентахъ, наоборотъ, заводчики случайны могутъ рѣшить наприм. университетскій вопросъ и т. д.

сильными міра сего, прекрасно умѣющими и въ конституціонныхъ государствахъ угнетать слабыхъ и строить на ихъ трудахъ зданіе собственнаго благополучія.

Общественная справедливость, поэтому, нигдѣ не водворена конституціонализмомъ. Во что бы то ни стало желая перевезти къ намъ этого полуживого больного—прибѣгаютъ къ такому окольному пути, какъ извлеченіе изъ гроба покойника, искусственно воскрешаютъ земскій соборъ съ цѣлю умертвить его снова и замѣнить западно-европейской конституціей!

Это такое рабство мысли, такое паденіе самостоятельности, такое общественное ослѣпленіе, съ которымъ необходимо бороться каждому посильнымъ раскрытіемъ истиннаго положенія вещей и указаніемъ нелѣпости затѣваемаго созыва земскаго Собора. Въ свое время онъ честно послужилъ на благо родной земли, помогъ Царямъ уврачевать язвы и болѣзни, терзавшія Русь. Но эти безспорныя заслуги не даютъ ему право быть всеисцѣляющимъ средствомъ; при иныхъ обстоятельствахъ даже лекарство оказывается смертоноснымъ снадобьемъ, тѣмъ болѣе надо опасаться вырытаго изъ могилы мертвеца, который трупнымъ ядомъ безспорно заразитъ живое тѣло и безъ того болѣющей Россіи.

Нашъ поэтъ недаромъ говоритъ

„Спящій въ гробѣ мирно спи—

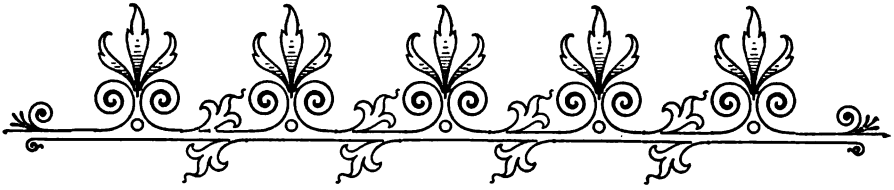
Жизнью пользуйся живущій“.

Для пользованія ею надо проявить творчество, открыть просторъ самобытнымъ дремлющимъ русскимъ силамъ, а не прибѣгать къ искусственному воскрешенію давно истлѣвшаго могильнаго праха. Не дряхлыя или даже мертвыя учрежденія, а удовлетвореніе назрѣвшихъ народныхъ нуждъ принесетъ Россіи желанное успокоеніе. Новая историческія условія требуютъ и новыхъ путей къ осуществленію того общенія между Самодержавнымъ Царемъ и его народомъ, которое является первымъ условіемъ водворенія правды и наряда на св. Руси, устроенія ея на незыблемомъ основаніи, созданномъ многовѣковой работой длинной цѣпи поко-

лѣній. Не годится вливать новое вино въ старые мѣха. Нѣтъ надобности и строить только по извѣстнымъ образцамъ: измѣненія въ мѣрѣ идей, перемѣна экономической обстановки, широкой міровой размахъ современнаго положенія Россіи вызываетъ къ созидательной, преобразовательной и дружной общественной работѣ, а не къ безплоднымъ спорамъ о достоинствахъ археологическихъ, ископаемыхъ учреждений, отжившихъ уже свой вѣкъ.

„Мирный Трудъ“ 1905 г. № 2.

Нѣсколько словъ о В. Н. Каразинѣ.

— — —

Недавно вышедшая въ Харьковѣ книжка, „В. Н. Каразинъ, мнимый основатель харьковскаго университета“, поднимаетъ очень интересный вопросъ о нравственномъ обликѣ этого дѣятеля и его дѣйствительныхъ заслугахъ. Неизвѣстный авторъ, къ сожалѣнію, позволившій себѣ рядъ рѣзкихъ и только вредящихъ установленію истины выходовъ противъ В. Н. Каразина и его „панегириста“, проф. Д. И. Багалѣя, взялъ на себя отчасти ту задачу, которую во время католическихъ канонизацій выполняетъ такъ называемый „адвокатъ дьявола“. Постановку памятника какому либо лицу можно уподобить своего рода свѣтской канонизаціи, а потому выясненіе и темныхъ сторонъ прослаиваемаго героя, выполняемое „адвокатомъ дьявола“, должно имѣть крупное общественное значеніе, какъ доказательство, въ случаѣ изобличенія полной несостоятельности всѣхъ нареканій, безупречнаго права на безсмертіе и признательность потомства.

Противникъ постановки памятника В. Н. Каразину утверждаетъ съ доказательствами въ рукахъ, что въ дѣлѣ основанія Харьковскаго университета Каразинъ „игралъ роль мухи на рогахъ вола“, и приводитъ рядъ данныхъ, свидѣтельствующихъ, что этотъ столь восхваляемый дѣятель оправдываетъ своимъ поведеніемъ отзывъ о немъ Г. Р. Державина: „Каразинъ—человѣкъ умный, расторопный, хотя впрочемъ не весьма завидной честиности“ (записки Державина стр. 773).

Если отбросить въ сторону недочеты изложенія, отры-

вистаго, несистематичнаго, изобилующаго рѣзкостями, то нельзя не признать, что всетаки послѣ прочтенія этой небольшой книжки, написанной, безъ сомнѣнія, очень свѣдущимъ и самостоятельно мыслящимъ человѣкомъ, у внимательнаго и безпристрастнаго читателя поднимается весьма сильное сомнѣніе въ высокихъ общественныхъ заслугахъ и выдающихся нравственныхъ качествахъ В. Н. Каразина, равно какъ возникаетъ желаніе самостоятельнымъ путемъ разрѣшить поднятые неизвѣстнымъ авторомъ вопросы и недоумѣнія.

Конечно всѣ они могутъ быть рѣшены только послѣ тщательнаго методическаго изслѣдованія достовѣрности всѣхъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи свидѣтельствъ. Но *до сихъ поръ* никто не далъ такого изслѣдованія и столь важный принципиальный вопросъ остается пока открытымъ. Если же мы обратимся къ нашимъ первоисточникамъ, то увидимъ, что всѣ благопріятныя Каразину современныя показанія по поводу его участія въ основаніи Харьковскаго Университета идутъ или отъ него самого или отъ лицъ, смотрѣвшихъ на дѣло его глазами, повторяющихъ его слова и рассказы. Стало быть, прежде всего надо установить степень довѣрія, которую можно оказать В. Н. Каразину, когда онъ повѣствуетъ о событіяхъ своей столь чреватой превратностями жизни. До появленія отмѣченной книжки это довѣріе было безграничнымъ и общепринятымъ: всѣ біографы Каразина полными горстями черпали изъ матеріаловъ, сохраненныхъ, главнымъ образомъ, Ф. В. Каразинымъ, который обрушился чуть не съ бранью на О. М. Бодянского, который въ „Чтеніяхъ“ ¹⁾ привелъ документальное доказательство уклоненія „одного каразинскаго памятника“ отъ истины въ сторону самовосхваленія. Рѣчь идетъ о пресловутомъ письмѣ В. Н. Каразина къ Императору Павлу, который за допущенныя дерзости въ объясненіи причинъ, побудившихъ „харьковскаго помѣщика, вопреки за-прещенію выѣзда изъ Россіи, бѣжать за границу“, якобы

¹⁾ См. „Чтенія въ обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“ книга III стр. 31—36 1866 годъ. О. М. Бодянский не поддался обаянію „каразинской легенды“ и первый сталъ бороться съ ней за историческую правду.

посадилъ смѣльчака въ Петропавловскую крѣпость ¹⁾. О. М. Бодянский нашелъ подлинное письмо Каразина къ Императору Павлу и, обнародовавъ его, показалъ, что сохраненное въ каразинскомъ семейномъ архивѣ посланіе представляетъ собой вольное воспроизведеніе, весьма далекое по тону и смыслу отъ подлинника. Ф. В. Каразинъ попробовалъ было защищать своего отца, однако эта защита свелась къ голословнымъ утвержденіямъ, и необоснованнымъ упрекамъ, а послѣ находки г. Трифильевымъ ²⁾ въ Государственномъ Архивѣ дѣла „о харьковскомъ дворянинѣ Каразинѣ, намѣревавшемся тайно уйти за границу“ (Государственный Архивъ VII разрядъ № 3267), утратилась и самая возможность спора о достовѣрности той или иной редакціи письма къ Павлу. Несомнѣнный подлинникъ объясняетъ причину бѣгства такъ:

„Государь! Жизнь моя была, есть и будетъ въ рукахъ Твоихъ; не смѣю отверзти устъ въ свое оправданіе, но не вѣрять мое сердце, чтобы преступленіе, гдѣ одно любопытство, одно невинное желаніе быть счастливымъ служило побудительною причиною, нашли въ Тебѣ мстителя“.

Подлинное посланіе заканчивается слѣдующимъ воззваніемъ къ „человѣколюбивому монарху“:

„Верховный судья, Милователь! Безпредѣльный Владыка! Отецъ! со слезами объемлю колѣна Твои и ожидаю наказанія, мною заслуженнаго, или прощенія, свойственнаго душѣ Твоей“.

Совершенно иначе звучитъ позднѣйшая редакція, въ которой Каразинъ называетъ себя „преступникомъ *противъ* повелѣній Самодержца Россіи, *не противу* чести, совѣсти, религіи и отечественныхъ законовъ“. Тутъ бѣгство за границу находитъ иное объясненіе:

„Прійми мое признаніе: я желалъ укрыться отъ твоего правленія, *страшась его жестокости*. Многіе примѣры, разнесенные молвой въ пространствѣ царства твоего, молвою, *върочтню*, удесатеренные, грозили моему воображенію день и ночь. Я не зналъ за собою вины. Въ уеди-

¹⁾ Такъ рассказывалъ и В. Н. Каразинъ В. Г. Анастасевичу, человѣку достойному довѣрія (см. Венгеровъ С. А. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ т. I стр. 520—529), воспоминанія котораго о хорошо ему извѣстномъ Каразинѣ напечатаны въ „Чтеніяхъ“ за 1861 г. кн. 3 отд. V стр. 192—199.

²⁾ См. Записки Императорскаго Харьковского Университета 1901 г. „Къ біографіи В. Н. Каразина“.

неніи сельской жизни не могъ я имѣть ни случаевъ, ниже поводовъ оскорбить тебя; *но свободный образъ моихъ мыслей могъ быть уже преступленіемъ...* Теперь въ волѣ твоей наказать меня—и оправдать страхъ мой, или простить—и заставить лить слезы раскаянія о томъ, что столь ложныя мысли имѣлъ о Государѣ великомъ милосердномъ“.

Ясно, что В. Н. Каразинъ въ послѣдствіи придалъ своему письму весьма своеобразный и смѣлый характеръ, тогда какъ оно въ дѣйствительности было вполне далеко отъ какихъ-либо обличеній и представляло собой усердное прошеніе, ловко рассчитанное на всѣмъ извѣстное великодушіе Павла и его отзывчивость на всякое откровенное изложеніе нуждъ. Этого мало: сохранившіеся документы о допросѣ Каразина на мѣстѣ, въ Ковно, неоспоримо свидѣтельствуютъ, что „несчастный преступникъ“ указывалъ—„что слабое его здоровье и мысли, какія онъ получилъ въ дѣтствѣ своемъ, лишили его службы и слѣдовательно *многихъ выгодъ* въ обществѣ“, а потому онъ задумалъ „въ окрестностяхъ Гамбурга, среди просвѣщеннаго общества, среди природы, искусствомъ доведенной до завиднаго совершенства, среди лучшихъ способовъ питать свою нравственность, провести нѣсколько лѣтъ, оставшихся ему по его болѣзни“. „Другихъ же намѣреній, вредныхъ или высшей власти противныхъ, онъ *никогда* въ себѣ не имѣлъ и имѣть не могъ“. „Женившись вдобавокъ на подданной, съ которою онъ, не взирая на укоризны родственниковъ, расположенъ былъ проводить жизнь свою, воображая, что въ отдаленномъ краю сіе различіе между состояніями и званіями супруговъ скрыто будетъ. Между прочимъ и сіе было одною изъ прочихъ причинъ, побуждающихъ его оставить отечество“.

Итакъ, и на допросѣ Каразинъ вовсе не проявилъ ни гражданскаго мужества высшей марки, ни прямолинейнаго осужденія образа правленія Павла, въ которыхъ готовы усматривать особую заслугу многіе на основаніи позднѣйшихъ наслоеній, сдѣланныхъ искусной рукой самого „сельскаго мечтателя“, уклонившагося отъ истины ради „краснаго словца“.

Необходимо отмѣтить и еще одно уклоненіе отъ дѣй-

свительности, допущенное В. Н. Каразинымъ ¹⁾: онъ придаетъ рѣшающее значеніе своему (искаженному имъ) письму: „слѣдствіемъ онаго была немедленно посылка за мной курьера и прощеніе, съ весьма милостивымъ принятіемъ на службу“. Въ дѣйствительности „9 сентября Павелъ I повелѣтъ соизвоилъ, чтобы Каразинъ немедля изъ Ковно былъ присланъ въ Петербургъ, гдѣ онъ и былъ 1 октября подвергнутъ новому еще болѣе тщательному допросу. Показанія Каразина, данныя на этомъ допросѣ, представляютъ еще болѣе невинною его попытку бѣжать за границу: Каразинъ ссылагается здѣсь на свою „страсть къ наукамъ“, „родъ философской жизни“, самое здоровье свое, которые отвлекли его навсегда отъ мысли служить въ Семеновскомъ полку:

„Я много разъ имѣлъ случай быть выпущену въ армію или другимъ образомъ получить чинъ, но я добровольно отказывался отъ него несмотря на усилія моихъ родственниковъ, и сіе изъ двухъ причинъ: зная, что я умру прежде, нежели заслужу оный по достоинству, даромъ же носить отличіе я гнушался; сверхъ того боялся я, что не найду со всѣми возможными отличіями того счастья, которое находятъ у себя въ кабинетѣ или въ сельской рошѣ своей“.

Эти и подобныя заявленія, откровенный рассказъ о продажѣ имущества и семейномъ положеніи подтверждали, что „преступникъ“ оказывался вполне безвреднымъ, даже наивнымъ мечтателемъ, настроеннымъ весьма „благонамѣренно“ и раскаивающимся въ своемъ опрометчивомъ поступкѣ, имъ теперь осуждаемомъ въ самыхъ опредѣленныхъ выраженіяхъ; въ подлинномъ письмѣ къ Государю, читаемъ:

„Государь! Угнетенная совѣсть нудитъ меня устремиться къ стопамъ твоимъ съ глубокимъ чувствованіемъ своего преступленія. Ты зришь во мнѣ, Государь! того дерзкаго, который въ послѣднихъ числахъ іюня безпокоилъ Твой отверзтый всегда для жалобъ подданныхъ слухъ прошеніемъ о позволеніи отлучиться въ чужіе края. Получивъ отказъ, отказъ умягченный выраженіями самой кротости, вмѣсто того, чтобы съ прочими вѣрно-поданными почтить съ благоговѣніемъ важныя причины, заставляющія Тебя ограничить входы и исходы Царства Твоего, простеръ я безумную наглость до толикой степени, что покусился близъ города Ковно ускользнуть отъ недремлющаго ока блюстителей Твоихъ предѣловъ. Посрами-

¹⁾ См. Русская Старина 1873 г. т. VII стр. 568. Документы, сообщенные Ф. В. Каразинымъ въ его обработкѣ и освѣщеніи.

тельное взятіе подѣ стражу есть слѣдствіемъ сего“... „Прощеніе мое, или и самое позволеніе удалиться, куда пожелаетъ человѣкъ, наказанный уже стыдомъ, раскаяніемъ и потерю неоцѣнимыхъ выгодъ въ отечествѣ своемъ, не можетъ на сердцахъ Твоихъ подданныхъ произвести иныхъ, кромѣ спасительныхъ, впечатлѣній. Но когда то невозможно и когда сія неограниченная довѣренность къ милосердію Твоему должна назваться дерзостью, Монархъ! по крайней мѣрѣ позволь умолять Тебя о повелѣніи представить меня ближе къ мѣсту величественнаго Престола Твоего; не одинъ я несу тяжесть заключенія, бременная жена, невинная моя спутница разделяетъ его со мною. Сократи томленіе несчастныхъ, ужасные часы неизвестности и страха и да не медлительный судъ, но слово Самодержавія рѣшить нашу участь“.

Столь прочувствованный и носящій всѣ признаки искренности вопль долженъ былъ повліять на всякаго правителя, тѣмъ болѣе на такого великодушнаго и отзывчиваго человѣка, какимъ былъ впечатлительный и воспримчивый Павелъ. Когда же допросъ привезеннаго въ Петербургъ Каразина подтвердилъ правдивость его заявленій и показанія его были провѣрены, то 4 октября послѣдовала по этому дѣлу такая резолюція: „Каразина Высочайше повелѣно опредѣлить въ штатцъ-службу“. Мало того, документально засвидѣтельствовано, что „сельскій мечтатель“ отказался отъ „счастія своего уединеннаго кабинета“ и поступилъ на службу по собственному желанію: генераль прокуроръ пишетъ объ этомъ государственному казначею:

„Его Императорское Величество Высочайше повелѣтъ соизволилъ харьковскаго дворянина Каразина опредѣлить въ службу *по его желанію*, а какъ объявилъ онъ желаніе быть подѣ начальствомъ вашего высокопревосходительства, то, препровождая его при семъ къ вамъ, покорно прошу его, какъ молодого человѣка, имѣющаго нѣкоторыя познанія, употребить при дѣлахъ по его способности и принять въ свое покровительство“.

Стало быть, Каразинъ вовсе не содержался въ крѣпости во все время царствованія Павла, какъ онъ *самъ разсказывалъ впоследствии* В. Г. Анастасевичу, а поступилъ, благодаря милости этого Государя, на государственную службу!

Слѣдовательно, позднѣйшіе разсказы и документы каразинскаго изготавленія неоспоримо опровергаются стоящими безусловно выше всякаго подозрѣнія официальными бумагами, совершенно чуждыми стремленія утаить или из-

вратить истину въ пользу заинтересованныхъ лицъ. Наоборотъ, Каразинъ, измѣняя въ послѣдствіи истину, имѣлъ отъ этихъ искаженій извѣстное удовлетвореніе, рисуя себя смѣлымъ обличителемъ „жестокости“ Павла и мученикомъ своего „свободомыслія“, что должно было привлечь, и привлекло, общественное и частное вниманіе къ мнимому страдальцу за свои возвышенныя убѣжденія. Это обстоятельство, въ силу основныхъ требованій исторической критики, заставляетъ съ большимъ недоувѣріемъ относиться ко всякому показанію В. Н. Каразина и лицъ, основывающихся на его документахъ и разсказахъ: человѣкъ, позволившій себѣ такъ извратить *въ свою пользу* дѣйствительность, является весьма сомнительнымъ источникомъ для воспроизведенія *его заслугъ*, вознаграждаемыхъ постановкою ему памятника.

Этого мало, такъ возвеличиваемый общественный дѣятель долженъ въ нравственномъ отношеніи быть образцомъ для подрастающихъ поколѣній, чтобъ каждый гражданинъ, указывая на памятникъ, могъ со спокойной совѣстью сказать своему ребенку: „слѣдуй примѣру этого человѣка; работай, какъ онъ, надъ благомъ родины, да будешь и ты однимъ изъ звеньевъ, которыя соединяютъ въ единую цѣпь великихъ поборниковъ свѣта и правды въ прошломъ съ продолжателями ихъ подвига въ грядущемъ“. Если вѣрить разсказамъ біографовъ В. Н. Каразина, безъ критики повторяющимъ его самовосхваленія, то невинный страдалецъ при Павлѣ, кратковременно возсіялъ лучезарной звѣздой при Александрѣ и всю свою долгую жизнь горѣлъ безкорыстнымъ огнемъ любви къ просвѣщенію своего родного края, много претерпѣлъ гоненій и преслѣдованій за свои свободолюбивыя убѣжденія и заслуженно стяжалъ, какъ жертва произвола, благодарность потомства. Но безпощадная дѣйствительность уничтожаетъ этотъ призракъ, созданный для потомства В. Н. Каразинымъ и его восхвалителями, причемъ главнымъ изобличителемъ неправды оказывается этотъ же, столь чуждавшійся, якобы, выгодъ и почестей „скромный сельскій мечтатель“. Вотъ, *напри-*

мѣръ, одно изъ безспорныхъ и документальныхъ доказательствъ его двуличія и тѣхъ темныхъ происковъ, коими онъ хотѣлъ возвратить себѣ вліятельное положеніе:

Академикъ А. Θ. Бычковъ нѣсколько лѣтъ назадъ обнародовалъ въ Русской Старинѣ ¹⁾ письмо (отъ 4 іюня) В. Н. Каразина къ министру внутреннихъ дѣлъ, графу В. П. Кочубею, которое мы и воспроизводимъ во всей его неприкосновенности:

„Сіятебнѣйшій графъ, милостивый государь! Я очень сожалѣлъ, что не могъ имѣть лестной для меня чести видѣть ваше сіятельство въ послѣдній разъ: я хотѣлъ было *показать* мѣста въ нѣсколькихъ нумерахъ нашихъ журналовъ, имѣющія отношеніе къ высылкѣ Пушкина: дабы болѣе увѣрить васъ, сіятельнѣйшій графъ, что я не сказалъ ничего лишняго въ бумагахъ моихъ 31 марта. Безумная эта молодежь хочетъ блеснуть своимъ неуваженіемъ правительства. Въ IV № „Соревнователя“ на стр. 70-й Кюхельбекеръ, взявъ эпиграфомъ изъ Жуковского: „И имъ ²⁾ не разорвать вѣнка, который взяло дарованье!“... восклицаетъ къ своему лицейскому современнику:

О Дельвигъ, Дельвигъ! Что награда
И дѣлъ высокихъ и стиховъ?
Таланту что и гдѣ награда
Среди злодѣевъ и глупцовъ?

Хотя надпись сей піесы просто „поэты“, но *цѣль* ея очень видна изъ многихъ мѣстъ; напримѣръ:

Въ рукъ суровой Ювенала
Злодѣямъ грозный бичъ свиститъ
И краску гонить съ ихъ ланить! (стр. 76).
О Дельвигъ, Дельвигъ! Что гоненія?
Безсмертіе равно удѣлъ
И смѣлыхъ, вдохновенныхъ дѣлъ
И сладостнаго пѣснопѣнья!—
Такъ! Не умереть и нашъ союзъ,
Свободный радостный и гордый
И въ счастья и въ несчастья твердый,
Союзъ любимцевъ вѣчныхъ музъ!
О вы, мой Дельвигъ, мой Евгений (Баратынскій)
Съ разсвѣта вашихъ тихихъ дней
Васъ полюбить небесный Геній!

¹⁾ См. Русская Старина 1899 г. май стр. 277—279 слова отмѣченныя разрядкой подчеркнуты въ подлинникѣ; курсивъ—нашъ.

²⁾ Т. е. Государю, Министру и такъ далѣе! (выноска В. Н. Каразина).

И ты,—нашъ юный Корифей,
 Пѣвецъ любви, пѣвецъ Руслана! (Пушкинъ)
 Что для тебя шипѣнье змѣй,
 Что крикъ и филина и врана ¹⁾ въ концѣ 77 и на 78 стр.).

Поелику эта пѣса была *читана въ общество*, непосредственно послѣ того, какъ высылка Пушкина сдѣлалась гласною, то и очевидно, что она по сему случаю написана ²⁾, Въ № IV „Невскаго Зрителя“ Пушкинъ прощается съ Кюхельбекеромъ. Между прочимъ...

„Прости... гдѣ-бъ ни былъ я: въ огнѣ ли смертной битвы,
 При мирныхъ ли брегахъ родимаго ручья
 Святому братству вѣренъ я“.

Сія пѣса, которую ваше сіятельство найдете на стр. 66-й упомяну-
 таго журнала, *чтобы отворотить вниманіе цензуры*, подписана яко-
 бы 9 июня 1817 года. Нравственность этого святого братства и союза
 (о которомъ я *предварялъ*) вы изволите увидѣть изъ другихъ № №,
 при семъ приложенныхъ: какъ-то изъ „Благонамѣреннаго“, страницы
 142 въ пьесѣ Баратынскаго Прощаніе, изъ Невскаго Зрителя книжки
 III стр. 56-й Посланіе—IV стр. 63-й „Къ прелестницѣ“. Чтобъ не
 утомлять ваше сіятельство болѣе сими вздорами, вообразите, что все это
 пишутъ и печатаютъ безстыдно не развратники, запечатлѣнные уже об-
 щимъ мнѣніемъ, но молодые люди, едва вышедшіе изъ царскихъ учи-
 лищъ, и подумайте о слѣдствіяхъ такого воспитанія. Я на это, на это
 только ищущу обратить вниманіе ваше.

При семъ же письмѣ, сіятельнѣйшій графъ, прилагаю четвертую
 тетрадь мою. Сдѣлайте милость поднесите ее такъ же, какъ и первыя (въ
 ожиданіи разрѣшенія по сему предмету). Осмѣливаюсь повторить, что
сверхъ исполненія долга сына отечества, каковымъ я хочу жить и
 умереть вопреки общей трусости и разврата, *единственная цѣль моя*
быть употребленнымъ по департаменту, который я предполагаю
 необходимымъ, и который порученіями Лавровымъ ³⁾, Фонтъ Фокамъ ⁴⁾
 и Германамъ никоимъ образомъ замѣненъ быть не можетъ!

Простите, ваше сіятельство, преданнѣйшаго вамъ вѣчно Василія
 Каразина.

¹⁾ Кюхельбекеръ, изливая *приватно* свое неудовольствіе, называетъ
 Государя Тиверіемъ... Въ чертѣ наимилосерднѣйшей нашель Тиверія—без-
 зумецъ! Примѣч. Каразина.

²⁾ Стихотвореніе Кюхельбекера, подъ заглавіемъ „Поэты“ помѣщено
 въ IV № „Соревнователя просвѣщенія и благотворенія“ 1820 г. на стр. 71
 —78. Заключительные стихи были слѣдующіе: „Лети и вырвись изъ ту-
 мана; изъ тьмы завистливыхъ временъ“.

³⁾ Ив. Павл. Лавровъ, д. с. с. директоръ департамента исполнитель-
 наго министерства внутреннихъ дѣлъ.

⁴⁾ Максимъ Яковл. Фокъ, управляющій цензурнымъ комитетомъ.

Р.С. Книжки не мои: я ихъ взялъ на время. Почему не забудьте, сѣятельнѣйшій графъ, мнѣ ихъ приказать доставить обратно *за печатью*.

Вотъ краснорѣчивое и непреложное доказательство того, что В. Н. Каразинъ дѣйствительно занимался доносами: вѣдь онъ самъ въ этомъ письмѣ указываетъ на „бумагу отъ 31-го марта“, подтвержденіемъ навѣтовъ которой оказывается рядъ совершенно искусственно подобранныхъ мѣстъ, въ качествѣ доказательствъ будто „молодежь *хочетъ* блеснуть своимъ неуваженіемъ правительства“, выставляя подъ стихами ложную дату, „чтобъ отвратить вниманіе цензуры“; онъ самъ сознается, что уже предварялъ о „святѣмъ братствѣ и союзѣ“ и теперь дѣлаетъ новый шагъ въ прежнемъ направленіи. Всякій безпристрастный читатель усмотритъ въ этомъ любопытномъ произведеніи явное угодничество, желаніе во что бы то ни стало выслужиться очевиднымъ стремленіемъ: обратить на себя вниманіе министра чтеніемъ чужихъ мыслей, перетолковываніемъ невинныхъ поэтическихъ произведеній, сообщеніемъ неосторожныхъ словъ, будто-бы „*приватно*“ или „въ обществѣ“, произнесенныхъ обвиняемыми; всюду сказывается страстное вождельніе съ „единственной цѣлью быть употребленнымъ по департаменту“ тайнаго шпіонства, „необходимаго“ потому, что существующіе органы наблюденія и пресѣченія оказываются далеко не столь проникательными и усердными, какъ доброволецъ, который въ другомъ письмѣ¹⁾ къ тому же министру внутреннихъ дѣлъ раскрываетъ воочію свои карты:

„Однимъ изъ вѣрнѣйшихъ средствъ, пишетъ здѣсь Каразинъ, какъ-выя можетъ имѣть правительство, узнать не отдѣльные анекдоты (пищу жалкихъ шпіоновъ), но подлинное внутреннее положеніе государства систематическимъ образомъ—было бы, кажется, учрежденіе статистическаго департамента, о которомъ я писалъ *неоднократно* вашему сѣятельству. Если-бы Государю Императору было благоугодно меня удостоить *скромнаго мѣста директора сего департамента*, то я увѣренъ, что вмѣстѣ съ значительною услугою собиранія свѣдѣній сего рода я *безъ всякаго шума и подѣ предлогомъ однихъ статистическихъ обзрѣній* открылъ въ связи тысячи происшествій и обстоятельствъ и злоупотребленій *важнѣйшихъ* вовсе неизвѣстныхъ правительству“.

¹⁾ Русская Старина 1870 г. т. II, стр. 547—548.

Можно ли требовать болѣе яснаго, опредѣленнаго и несомнѣннаго доказательства того, что В. Н. Каразинъ шпионствомъ и доносами хотѣлъ добиться служебнаго благополучія? Въ то время, какъ всѣ лучшіе люди ходатайствовали за Пушкина (Жуковский, Карамзинъ, Энгельгардтъ, Чаадаевъ, Оленинъ, Васильчиковъ и др.), который въ Царской семьѣ и въ Государѣ нашелъ великодушнаго покровителя, Каразинъ строчить министру свой омерзительный, ничѣмъ не оправдываемый доносъ на великаго поэта и его друзей! Это вовсе не случайность, не ложный шагъ, объясняемый усердіемъ не по разуму, увлеченіемъ борьбой, это не частное письмо къ другу, съ которымъ дѣлишься всѣми горестями и замыслами, нѣтъ, это хладнокровный и коварный извѣтъ, вызванный честолюбивыми побужденіями: В. Н. Каразинъ видимо не могъ забыть, что „пріобрѣлъ довѣренность монарха, живучи въ Москвѣ, увѣдомляя его о московскихъ всякаго рода происшествіяхъ, по извѣту безыменныхъ лицъ, къ свѣдѣнію Императора дошедшихъ“ ¹⁾. Вотъ почему онъ, прогнанный за болтливость и притязательность, изъ кожи лѣзетъ, чтобъ снова выступить въ величіи и славѣ, купленными столь гнусной цѣной... Немудрено, что В. Н. Каразинъ не пользовался у современниковъ доброй славой. Вотъ нѣсколько документальныхъ доказательствъ: когда въ Петербургѣ возникло „общество добрыхъ помѣщиковъ“, поставившее себѣ цѣлью „изысканіе способовъ къ улучшенію состоянія крестьянъ и къ постепенному освобожденію отъ рабства, какъ ихъ такъ и дворовыхъ людей, принадлежащихъ помѣщикамъ, въ сіе общество вступающимъ“ ²⁾, то „основатели общества съ самаго начала принуждены были отдѣлываться отъ участія въ немъ Каразина“ ³⁾. Ихъ побужденія прекрасно раскрываетъ письмо кн. И. В. Васильчикова, взявшаго свою подпись обратно:

¹⁾ См. Данилевскій, „Украинская Старина“, стр. 122. У Державина и даже Ф. В. Каразина сохраняются точныя указанія на отдѣльные случаи, когда Каразинъ производилъ негласныя дознанія, выполняя съ успѣхомъ и рѣдкимъ усердіемъ задачи агента третьяго отдѣленія.

²⁾ См. „Русская Старина“ 1891 г. т. III, стр. 366.

³⁾ См. Семевскій, „Исторія крестьянъ“, т. I, стр. 456. „Русскій Архивъ“ 1875 г. № 12 стр. 417.

„Въ столь важномъ дѣлѣ, въ которомъ довѣріе правительства и общества можетъ опереться *лишь на людей съ добрымъ именемъ, являются такія личности, отъ которыхъ не поздоровится.* Я не гонюсь за славой, а дѣйствую по убѣжденію и внушенію совѣсти. Одно изъ условій моей подписки была глубокая тайна и вдругъ я узнаю, что весь городъ объ этомъ говоритъ и что указываютъ на *Каразина, какъ на главнаго двигателя этого общества*“.

Каразина, который, какъ извѣстно, считалъ крѣпостное право „мнимой неволей“, „устоемъ порядка и существованія Россіи“, „залогомъ обработки полей“, „препятствіемъ для паденія промысловъ“, „обузданіемъ вольности“, а освобожденіе крестьянъ помѣщиками называлъ „сложеніемъ почетнаго бремени“ ¹⁾.

Неустойчивость взглядовъ В. Н. Каразина была хорошо подмѣчена его современниками: въ своемъ извѣстномъ стихотвореніи А. Θ. Воейковъ посвящаетъ ему такія убійственныя строки:

„Вотъ—въ передней, рабъ писатель,
Каразинъ-Хамелеонъ;
Земледѣль, законодатель!
Взглянемъ, что мараетъ онъ:
Пѣснь свободѣ, деспотизму,
Брань и лесть властямъ земнымъ,
Гимнъ похвальный атеизму
И Акаѳистъ всѣмъ святымъ“.

Не мало найдется и другихъ данныхъ ²⁾, которыхъ не коснулся также неизвѣстный авторъ въ своей книжкѣ, хотя они характеризовали В. Н. Каразина съ отрицательной стороны. Остается пожалѣть, что постановка ему памятника была рѣшена и выполнена *до* составленія его критическаго и обстоятельнаго жизнеописанія, до обнародованія *всѣхъ* его сочиненій и *писемъ*. Знаменитыя тетради, на которыя ссылается и самъ В. Н. Каразинъ и его послѣдующіе біографы, также пролили бы яркій свѣтъ на его личность и дѣятельность, но прошло уже нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ мѣткаго замѣчанія, сдѣланнаго О. М. Бодянскимъ, еще въ 1861 г. предложившимъ Ф. В. Каразину, вмѣсто

¹⁾ Подробности у Семевского (наз. соч.) и Лашенко „В. Н. Каразинъ, какъ помѣщикъ села Кручика“. „Харьковскій Сборникъ“ 1897 г.

²⁾ Хотя-бы попытка жениться на 12-лѣтней сироткѣ Надаржинской!

голословныхъ ссылокъ на эти творенія, сдѣлать ихъ общимъ достояніемъ путемъ обнародованія. Можно, пожалуй, подумать, что замедленіе этого обнародованія стоитъ въ связи съ нежеланіемъ давать критикѣ новыя данныя для нападенія.

Впрочемъ и печатный матеріалъ позволяетъ, какъ было указано, сдѣлать нѣкоторыя далеко не лестныя для Каразина заключенія, говорящія въ пользу воззрѣній, проводимыхъ неизвѣстнымъ авторомъ.

Теперь, отъ памятника, который хотятъ возвести на особой, нарочито приспособленной площадкѣ Университетскаго сада, пусть харьковскій обыватель, или любознательный путешественникъ, перейдетъ къ скромному бюсту, поставленному на глухой, сравнительно, улицѣ и вдумается въ любопытное сопоставленіе: тамъ будетъ стоять во весь ростъ, въ величественной позѣ статуя величайшаго самохвала и добровольнаго, но усерднаго доносчика чистой воды, а здѣсь взоръ останавливается на изображеніи предмета его извѣстовъ. Тамъ незаслуженно возвеличенъ любитель тайнаго сыска, поклонникъ „слова и дѣла“, а здѣсь мы видимъ въ тиши яркое солнце русской поэзіи, гордость русской и мировой литературы!

Памятникъ Каразину затмеваетъ собою бюстъ Пушкина, но не таково, конечно, дѣйствительное положеніе дѣлъ: Пушкинъ безсмертенъ, *благодаря* своимъ великимъ произведеніямъ, Каразинъ прославленъ, *потому что* всѣхъ его „твореній и дѣяній“ не знали, да и не знаютъ даже ставящіе ему памятникъ. Искусно сотканная изъ вымысловъ и позднѣйшихъ добавленій легенда поставила рядомъ жертву невыносимыхъ условій тогдашней русской жизни и неудачнаго дѣльца, желавшаго всю жизнь имѣть почетъ, вліяніе, выгоду. Но наши потомки лучше насъ будутъ знать наше прошлое и рано-ли, поздно-ли, каждый, даже и нынѣ еще величаемый дѣятель, найдетъ справедливую оцѣнку, достойное возмездіе за слова и дѣла свои. Попранная правда въ концѣ концовъ восторжествуетъ и тогда всякій займетъ свое мѣсто.

„Мирный Трудъ“ 1905 г. № 5.

Является-ли „Русское Собрание“ противникомъ всякихъ преобразованій? ¹⁾

— — —

Многочисленныя нареканія и клеветы, въ изобилии распускаемыя о „Русскомъ Собраніи“ и его цѣляхъ нашими ожесточенными и пренебрегающими правдой врагами, снова заставляютъ обратиться къ уясненію основныхъ нашихъ задачъ, дабы не соблазнилось сердце „единого отъ малыхъ сихъ“. Да и какъ не соблазниться? Въ нѣкоторыхъ газетахъ настойчиво увѣряютъ, что Русское Собрание хочетъ во что бы то ни стало „повернуть назадъ колесо исторіи“; другіе прямо утверждаютъ, что наши тайные замыслы имѣютъ въ виду добиться „возстановленія крѣпостного права“; третьи съ пѣной у рта доказываютъ, что мы натравливаемъ проповѣдью націоналистическаго человѣконенавистничества одну малоразвитую часть населенія на другую, „болѣе культурную“ и „передовую“; четвертые приписываютъ намъ даже руководство уличными безчинствами и выдаютъ насъ за вождей „черной сотни“; пятые считаютъ насъ „правительственными шпіонами“, которые предаютъ „борцовъ за освободительное движеніе“, будучи сторонниками „вѣчнаго застоя“, „косности“, „народнаго невѣжества“, „всякаго произвола и насилія, производимаго съ цѣлью укрѣпить господство безправія“; шестые твердятъ, что существующіе порядки мы считаемъ наилучшими въ мірѣ, а потому и

---

¹⁾ Рѣчь, произнесенная на чрезвычайномъ засѣданіи Харьковскаго Отдѣла „Русскаго Собранія“ 7 января 1905 года послѣ прочтенія извѣстія о милостивомъ приѣмѣ Его Императорскимъ Величествомъ челобитной „Русскаго Собранія“.

выступаемъ сознательными и непримиримыми противниками всякой попытки къ улучшеніямъ... Впрочемъ, всѣхъ измышлений и упрековъ не перечислишь, но и приведенныя обвиненія несомнѣнно показываютъ, что правильное представленіе о „Русскомъ Собраніи“ все еще не проникло въ общественное сознаніе. Однако, каждый безпристрастный человѣкъ согласится, что отвергать любое измѣненіе въ данномъ положеніи вещей можно только, или выступая поборниками началъ, осуждающихъ всякую перемѣну, въ корнѣ отвергающихъ необходимость улучшеній по своей глубокой враждебности къ дальнѣйшему движенію впередъ, или полагая, что достигнуто уже воплощеніе извѣстныхъ высокихъ, завѣтныхъ идеаловъ, совершеннѣе коихъ не можетъ быть ничего на землѣ.

Итакъ, „Русское Собраніе“ дѣйствительно окажется противникомъ всякихъ преобразованій, 1) если будетъ установлено, что тѣ идейныя начала, кои оно исповѣдуетъ, сами по себѣ рѣшительно осуждаютъ стремленіе къ лучшему, 2) если докажутъ, что оно признаетъ уже осуществленными извѣстные идеалы, коимъ служить, считая ихъ всесовершенными: вѣдь „отъ добра добра не ищутъ“.

Неоднократно было разъясняемо, что членовъ „Русскаго Собранія“ объединяетъ исповѣданіе вѣрности Православію, Самодержавію и Народности. Стало быть, надо, прежде всего, установить отношеніе этихъ руководящихъ началъ къ общественнымъ улучшеніямъ.

Христіанство поставило передъ человѣчествомъ идеальнѣе высшаго личнаго всесовершенства, ибо Спаситель заповѣдалъ: „Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный“ (Матѣ. V, 48); св. Апостолъ¹⁾ также наставляетъ въ необходимости „быть совершенными во всей полнотѣ, безъ всякаго недостатка“ (Іаков. I, 4). Но евангельскіе завѣты не ограничиваются указаніемъ на обязательность стремленія къ высочайшему идеалу всесовершенной личности, ибо недаромъ ежедневно во всѣхъ христіанскихъ храмахъ звучитъ пламенное прошеніе Господней молитвы: „Да прійдетъ

¹⁾ Ср. Колосс. IV, 12. Ефес. IV, 13. Тимов. 2, III, 17. Петра 1, II, 9.

царствіе Твое"! Недаромъ всѣмъ христіанамъ завѣщено самимъ Господомъ: „ищите же прежде царства Божія и Правды Его (Матѣ. VI, 33; ср. Лука XII, 31). Подъ царствіемъ же Божиимъ св. Отцы разумѣли совершенный общественный строй, который долженъ дать всему человѣчеству вождельный „миръ“ и водворить на землѣ торжество высшей правды¹⁾. Само собою понятно, что религіозное ученіе, ставящее передъ людьми такой высокій личный и общественный идеалъ, является непримиримымъ врагомъ всякой кощности и мертвящаго застоя. *Всѣ христіане* даже обязаны не довольствоваться достигнутой степенью совершенства, но неустанно стремиться къ большому распространенію евангельской истины и проведенію ея завѣтовъ въ нашу жизнь. Тѣмъ больше усилій для ихъ осуществленія могутъ и должны прилагать православные, ибо православіе сохранило въ идеальной чистотѣ безусловную истину соборной и апостольской церкви: оно одинаково далеко отъ двухъ противоположныхъ крайностей, представляемыхъ католичествомъ и протестанствомъ. Первое выдвигаетъ начало полного подчиненія авторитету непогрѣшимаго первосвященника, обладающаго, якобы, всесовершеннымъ знаніемъ истины, а потому требуетъ отъ отдѣльной личности отказа отъ духовной самостоятельности, ведущаго къ превращенію чловѣка въ своего рода „трупъ“ (*cadaver esto*), вслѣдствіе чего и воспрещаетъ мірянамъ даже чтеніе Библіи. Второе слишкомъ широко раскрываетъ двери личнаго разумѣнія предоставляя каждому свободу не только читать, но и толковать по своему св. Писаніе, равно какъ умаляетъ значеніе добрыхъ дѣлъ для спасенія. Православіе же оставляетъ за своими сынами нравственную свободу и отвѣтственность, осуждая индульгенціи, разрѣшая и поощряя самостоятельное углубленіе въ св. Писаніе. Но, признавая недостаточность единичныхъ усилій и способностей отдѣльнаго чловѣка для правильнаго воспріятія боговдохновенной истины,

¹⁾ Подробнѣе см. „Признаки божескаго царства по твореніямъ бл. Августина, Льва Великаго и Григорія Двоеслова“. Жур. Мин. Нар. Просв. 1901 г. № 3.

церковь православная выдвигаетъ обязательность соборнаго пониманія, установленнаго совмѣстными усиліями вѣрныхъ, и указываетъ на творенія св. Отцовъ, какъ на источникъ для провѣрки и исправленія заблужденій, въ которыя обычно впадаетъ недостаточно свѣдущій и не изошрившійся въ богословствованіи умъ заурядной и даже выдающейся личности. Равнымъ образомъ, отъ православныхъ требуется не душевное самоудовлетвореніе, достигаемое сознаніемъ своего правовѣрія, но неустанный подвигъ жизни по вѣрѣ, слѣдуя за вѣту апостольскому: „вѣра безъ дѣлъ мертва“ (Іаковъ II, 20, 26). Въ области общественной католичество неуклонно стремится къ подчиненію государства велѣніямъ папы, тогда какъ протестанство допускаетъ главенство свѣтскаго государя въ жизни церкви: такъ императрица Викторія, равно какъ ея предшественники и преемники, являлась главой англиканской церкви; Вильгельмъ, какъ и другіе протестантскіе короли, держитъ церковь своей страны въ подчиненіи. Православіе, наоборотъ, открываетъ передъ государствомъ полную самостоятельность въ его области, „воздавая Кесарево Кесареви“, но и отъ царей требуетъ, чтобы они воздавали „Божіе Богови“, помня, что представитель власти есть лишь „*Божій слуга*“, „отмститель въ наказаніе дѣлающему злое“ (Рим. XIII, 4).

Широта и безусловная истинность православнаго ученія, его превосходство надъ всѣми другими христіанскими исповѣданіями въ настоящее время признаются всѣми безпристрастными изслѣдователями Запада. Этого мало: на нашихъ глазахъ возникаетъ мощное стремленіе къ воссоединенію съ Православіемъ, ибо старо-католики, англикане, нѣкоторыя американскія религіозныя общины тяготеютъ „къ восточному христіанству“, истинность коего все неоспоримѣе подтверждается ростомъ научнаго изысканія, опровергнувшаго окончательно множество мнимыхъ открытій „свободомыслящихъ изслѣдователей“. Достоверность евангельскихъ разсказовъ, раннее возникновеніе христіанской письменности, важность и значеніе преданія дѣлаются въ ученомъ мірѣ общепризнанными и грядущее готовитъ,

благодаря точной наукѣ, великое торжество православія, которое никогда не осуждало научной пытливости, по глаголу апостольскому: „все испытывайте, хорошаго держитесь“ (Фесс. 1, V, 21); „Изслѣдуйте писанія“ (Іоан. V, 39) — вотъ великій завѣтъ, оставленный намъ воплощенной Истиной, налагающій на насъ обязанность самостоятельнаго усвоенія христіанскаго ученія и жизни, согласной съ его высоконравственными предписаніями. Поэтому исповѣданіе православія, какъ руководящаго начала, не можетъ привести ни къ проповѣди грубаго насилія, человѣконенавистничества и вражды, ни къ стремленію насадить невѣжество, грубость и рабство мысли въ странѣ, издавна православной, именующей себя „Святая Русь“. Вѣдь исторія краснорѣчиво говоритъ, что народы, воспринявшіе христіанство, дѣлались культурнѣе, человѣчнѣе и способнѣе къ дальнѣйшему движенію. Церковь была великой воспитательницей народовъ, разсадникомъ образованности и хранительницей наслѣдія древности. Вся наша литература держится на подвигѣ св. Кирилла и Меѳодія; благодаря нашему духовенству мы сохранили своеобразие, отбились отъ кочевниковъ, татаръ, поляковъ, Запада. Православіе создало наше отечество и нынѣ хранить его.

Но, быть можетъ, зиждущей и вѣчно обновляющей идейной мощи христіанства служатъ помѣхой, искажающей все доброе и хорошее, два другихъ начала, начертанныхъ на знамени Русскаго Собранія?

Наиболѣе ожесточенныя нападенія и обвиненія направляются, какъ извѣстно, противъ Самодержавія, якобы „сдѣлавшагося ненавистнымъ для всѣхъ мыслящихъ людей“ и вызывающаго де „презрѣніе всего міра къ Россіи, обладающей столь отсталой формой государственности“. Нѣтъ той хулы, нѣтъ того проклятія, какое не извергалось бы нынѣ на головы сторонниковъ Самодержавія, но самое ихъ существованіе оказывается явленіемъ знаменательнымъ и способнымъ возбудить пытливость безпристрастнаго и самостоятельно мыслящаго человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, очень трудно примирить справедливость обвиненій, возводимыхъ

на Самодержавіе, съ безусловной ему преданностью, обнаруживаемой, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ, людьми независимыми, стойкими и образованными, мыслителями, поэтами, писателями, государственными и общественными дѣателями, чуждыми корысти и честолюбія.

Идеаль христіанскаго Самодержавія, дѣйствительно, можетъ покорить многихъ своей нравственной высотой. Какъ Божій слуга, Самодержецъ на своихъ плечахъ выносить тяжкое бремя власти, облегчая другимъ заботы о вѣчномъ спасеніи. Его обязанность—водвореніе правды и наряда, укрѣпленіе міра, защита слабыхъ и бѣдныхъ; онъ долженъ поддерживать единство и чистоту вѣры, проводя въ жизнь соборныя и каноническія постановленія, но отнюдь не навязывая вѣрующимъ свои новшества, всегда вызывавшія ихъ отпоръ. Въ качествѣ справедливаго посредника, онъ воздастъ каждому должное и своей закономѣрной властью отстаиваетъ общее благо своихъ подданныхъ. Это не деспотъ, руководящійся личнымъ усмотрѣніемъ и своекорыстнымъ интересомъ, это не абсолютный монархъ, признающій себя первымъ слугою народа, но совершенно не считающійся съ народными воззрѣніями, это—„отъ Бога поставъ“ по мѣткому русскому выраженію. Онъ служитъ не преходящимъ цѣлямъ земнымъ, но надмірнымъ, ибо онъ руководится не измѣнчивой волей народа, а завѣтами вѣчной правды. Христіанство поняло, что законъ самъ по себѣ не можетъ привести къ совершенству (ср. Евр. VII, 19 и X, 1), что только личность, чутко прислушивающаяся къ голосу совѣсти, можетъ восполнить односторонность, сухость и суровость его предписаній. Въ качествѣ устроителя міра, поборника правды, примирителя борющихся словъ населенія Самодержецъ, просвѣщенный немеркнущимъ свѣтомъ Евангелія, стоитъ безконечно выше мятущихся народныхъ представителей, олицетворяющихъ собой интересы не правды и общаго блага, но, въ лучшемъ случаѣ, своихъ избирателей, а въ большинствѣ только свои собственные. Другое дѣло, наслѣдственный Самодержецъ, отъ рожденія стоящій внѣ партій, выше сословій, неподкупный,

обладающій всѣми благами и понимающій, что власть не только соблазнительное право повелѣвать, но и тяжелая отвѣтственная передъ Судьей царей служебная обязанность!

Правда, уже языческая восточная древность выдвигаетъ идеаль „царя правды“, „слуги великихъ боговъ“, „возвышеннаго божествомъ для управленія всѣми странами“, „получившаго свыше законъ, чтобъ право судить свой народъ“. Идеи греческой философіи, столкнувшись въ эллинистическихъ государствахъ съ восточными политическими идеалами, дали довольно стройное сочетаніе самодержавія съ самоуправленіемъ, выдвинувъ типъ царя-мудреца, правителя, устроителя соціальнаго мира, прекратителя гражданскихъ смутъ, поддерживающаго равновѣсіе борющихся интересовъ. Міродержавный Римъ, оплодотворенный эллинистическими идеями, отчасти осуществилъ въ имперіи идеаль общечеловѣческаго союза, подчиненнаго единому властелину, какъ воплощенію закона на землѣ, насадителю всѣмъ желаннаго мира и поборнику правды, выраженной въ общемъ для всѣхъ правъ—„писанномъ разумѣ“. Уже отецъ исторіи церкви, Евсевій приписываетъ римской имперіи высшее предназначеніе, идущее рядомъ съ распространеніемъ истинной вѣры: „по небесному Промыслу одновременно проросли два зерна, поднялись надъ землею и покрыли своей тѣнью міръ—римская имперія и вѣра христіанская, предназначенныя объединить вѣчнымъ согласіемъ весь родъ человѣческій“. Лучшія чаянія язычниковъ нашли выраженіе въ христіанскихъ императорахъ, объединившихъ въ своемъ лицѣ идеи библейскихъ помазанниковъ Божьихъ, римскихъ народныхъ представителей и просвѣщенныхъ эллинистическихъ устроителей общественнаго порядка. Идея всемірной имперіи своеобразно сочеталась съ идеей всесвѣтнаго божескаго царства и вдохновляла христіанскихъ самодержцевъ, ставя передъ ними совершенно опредѣленныя идейныя задачи. Римско-византійскій императоръ является божьимъ намѣстникомъ, „вдохновляемымъ божествомъ въ своихъ великихъ дѣяніяхъ“ для устроения земнаго града божьяго. Такъ смотрѣли на себя, такъ по-

нимали смыслъ своихъ властныхъ полномочій христіанскіе самодержцы Востока и Запада, образцами коихъ служатъ Юстиніанъ и Карлъ Великій, поборники водворенія царства божьяго на землѣ. Все западно-европейское средневѣковье придерживается такихъ же возвышенныхъ представлений о власти христіанскихъ государей, носящей священный отпечатокъ и стремящейся отстоять чистоту вѣры, водворить мирный строй и подчинить всѣхъ требованіямъ справедливаго закона. Но борьба съ папствомъ, широкое развитіе феодализма, слабость культурной подготовки варварскаго Запада, исказивъ идею, помѣшали укрѣпленію священной римской имперіи, притязавшей быть царствомъ божьимъ на землѣ. Востокъ, несравненно болѣе просвѣщенный, попрежнему ставилъ передъ самодержцемъ образецъ царя-мудреца и человѣколюбца, стража закона, пополнителя его пробѣловъ и недочетовъ, нелицепріятнаго судьи и блюстителя чистоты истинной вѣры, причемъ повиновеніе подданныхъ было обязанностью, пока властелинъ править на благо своего народа, на страхъ всѣмъ врагамъ христіанской державы, предназначенной охватить весь міръ.

Крушеніе второго Рима, еретичество первого перенесли идеальное предназначеніе христіанской имперіи на третій Римъ—Москву. Первоначально, подобно варварскимъ королямъ Запада, наши князья входили въ составъ великаго единого цѣлаго—„всего христіанства“ (*tota christianitas*) и были своего рода намѣстниками единого повелителя вселенной—православнаго императора. Поэтому кругъ ихъ обязанностей теоретически опредѣлялся заботами о чистотѣ вѣры, водвореніи мира и отправленіи правосудія по „закону святу“. Императоръ для нихъ былъ „святымъ самодержцемъ всея вселенныя“. Идея вѣчной христіанской имперіи требовала, чтобъ самый сильный изъ православныхъ князей принялъ на себя обязанности христіанскаго императора и вотъ уже Василія Васильевича называютъ „боговѣнчаннымъ православнымъ царемъ во вселенной“, а Іоанна III „самодержцемъ новымъ царемъ Константиномъ“. Вся полнота власти римско-византійскихъ божьихъ намѣстниковъ переходитъ къ мос-

ковскому государю вмѣстѣ съ ихъ идейными обязанностями. „Царь, царствуя, почитается совершающимъ великій подвигъ, подвигъ самопожертвованія для цѣлаго народа... Тотъ, кто беретъ на себя, на пользу общую, подвигъ орудованія мечемъ и тѣмъ избавляетъ милліоны отъ необходимости къ нему прикасаться, конечно по идеѣ (не всегда на дѣлѣ) подвижникъ, положившій душу свою за други своя, „больше же сія любви никто же имать“ (Іоан. XV, 13)... Власть, понятая какъ бремя, а не какъ „привиллегія“—краеугольная плита самодержавія христіанскаго“ ¹⁾ „Въ Россіи ни народу, ни самой власти не было нужды отыскивать для нея высшихъ священныхъ основъ, когда она освящалась самимъ ея призваніемъ, носительницы народной *тяготы*“: „Другъ друга тяготы носите и тако исполните законъ Христовъ“. „Носитель же общей тяготы не сугубо ли исполняетъ этотъ законъ и этимъ святится?“ ²⁾ „Царь для русскаго человѣка есть представитель цѣлаго комплекса понятій, изъ котораго само собой слагается такъ сказать „бытовое православіе“. Въ границахъ этихъ всенародныхъ понятій царь полновластенъ, но его полновластіе (единовластіе)—Самодержавіе—ничего общаго не имѣетъ съ абсолютизмомъ западно-кесарскаго пошиба. Царь есть отрицаніе абсолютизма именно потому, что онъ, связанъ предѣлами народнаго пониманія и міровоззрѣнія, которое служитъ той рамой, въ предѣлахъ коей власть можетъ и должна почитать себя свободной“ ³⁾.

Однако, историческій опытъ показалъ, что самодержавная форма правленія возможна только у того народа, который почитаетъ наицѣннѣйшими не могущество, не утонченность политической системы, не принципъ „обогащенія“,

¹⁾ Д. Х. Самодержавіе (опытъ схематическаго построенія этого понятія) Римъ 1899 г. Отпечатано на правахъ рукописи. Москва 1903. Стр. 40—41.

²⁾ Тамъ-же стр. 42.

³⁾ Тамъ же стр. 54. Вотъ глубоко вѣрная и проникновенная характеристика особенностей нашего самодержавія. Необходимо только имѣть въ виду, что все-таки оно и западно-кесарскій абсолютизмъ имѣетъ нѣчто общее, благодаря христіанскому самодержавію первыхъ вѣковъ. Глазки одного и того же побѣга были привиты къ разнымъ корнямъ, получились и неодинаковые плоды: на западѣ свойства дичка взяли верхъ, на востокѣ прививка нашла болѣе благоприятную обстановку.

а свободу быта и вѣры, свободу жизни, для достиженія которой государство только орудіе“ ¹⁾). Вотъ почему на Западѣ оно выродилось въ абсолютизмъ, затѣмъ въ конституціонализмъ, ставящіе цѣлью существованія государства улучшение матеріальной жизни, которому призваны служить и наука и просвѣщеніе. Востокъ всегда обладалъ болѣе глубокимъ взглядомъ на смыслъ жизни, понимая земное существованіе какъ ступень къ загробному, поэтому задача государства восточнаго типа—водвореніемъ справедливаго строя облегчить каждому свободное приготовленіе къ будущей жизни; западный человѣкъ ищетъ власти, восточный уклоняется отъ нея, какъ помѣхи для главнаго. Но и на Западѣ идея христіанской имперіи находила множество убѣжденных поборниковъ: Дантъ, благородный Ульрихъ фонъ-Гуттенъ оставили творенія, проникнутыя преклоненіемъ передъ ея задачами; возстаніе дворянъ и крестьянскія войны возлагаютъ надежду на императора, что онъ возстановитъ попоранную правду; да и доселѣ во всѣхъ странахъ 3. Европы существуютъ общественныя сочетанія, обращающія свои взоры на христіанскаго монарха, какъ исцѣлителя общественныхъ золъ и примирителя классовой борьбы ²⁾). На нашихъ глазахъ Вильгельмъ явственно вдохновляется идеалами имперіи и хочетъ быть вторымъ Карломъ Великимъ. Итакъ, сама по себѣ идея самодержавія представляется крупной культурной силой, преслѣдующей справедливое рѣшеніе общественныхъ задачъ и предоставленіе каждому должнаго. Ставя вершителемъ народныхъ судебъ не букву закона, не случайное рѣшеніе партійнаго большинства, не личный произволъ, а вѣрующую совѣсть человѣка, сознающаго страшную свою отвѣтственность за благо народа, оно не можетъ, безъ искаженія своей идеи, явиться началомъ, тормозящимъ всестороннее развитіе. Косность и застой,

¹⁾ Тамъ-же стр. 32.

²⁾ И. С. Аксаковъ говорилъ, „повѣрьте, что нашу теорію самодержавія когда нибудь откроютъ нѣмцы, изумятся ея правдѣ и глубинѣ, оправдаютъ философию и преподнесутъ ее намъ“. Отчасти это сбывается уже въ трудѣ проф. и академика фонъ Марбиза, посвященномъ вопросу о „новѣйшей монархіи“.

ненависть и вражда не могут находить поощреніе въ томъ, кто обязанъ вести свой народъ къ идеалу совершенства, указанному Евангеліемъ, кто долженъ содѣйствовать водворенію на землѣ мира и правды, предвѣстниковъ обѣтованнаго божескаго царства, которое объемлетъ весь человѣческій родъ.

Правильно понимаемая идея народности столь же благопріятна здоровому культурному развитію, какъ и истинное самодержавіе. Мало того, только чрезъ живую силу народности идеи православія и самодержавія получаютъ свое тѣло, переходятъ въ бытіе изъ міра представленій о должномъ и желанномъ. Самое распространеніе христіанства стоитъ въ неразрывной связи съ тремя великими національностями той поры: *еврейскій* мессіанизмъ, *греческая* философія и *римская* имперія подготовили міръ къ воспріятію вѣры въ Искупителя народовъ. Нельзя считать случайностью и тотъ первостепенный фактъ, что эллинскій духъ, всесторонне и широко развитой, изощренный въ философскомъ мышленіи наиболѣе пытливо искалъ вѣчную истину и оказался наиболѣе способенъ къ совершенному, соборному ея разумѣнію: Православіе является драгоцѣннымъ сокровищемъ, коимъ обладаютъ греки и восточные славяне, вѣрные воспитанники византійской образованности; пока ея благотворное вліяніе имѣло доступъ на христіанскій Западъ, народы германо-романскіе оставались причастными православію, но затѣмъ, въ силу особенностей національныхъ, романцы усвоили католическое пониманіе ученія Спасителя, а германцы, освободившись отъ преобладанія римской культуры, выдвинули протестантское исповѣданіе съ его развѣтвленіями. Нельзя не усмотрѣть воздѣйствія національностей и въ великихъ ересяхъ, напр. монофизитской, дожившей до нашего времени у *армянъ*, *коптовъ* и *абиссинцевъ*, причемъ церковь cadaго изъ этихъ народовъ имѣетъ и свои мѣстныя, національныя особенности; равнымъ образомъ моноелитство и несторіаѣство имѣли наибольшую силу въ Сиріи, гдѣ и уцѣлѣли до сихъ поръ ихъ обломки.

Такимъ образомъ, вѣчная и совершенная истина воспринималась неодинаково людьми въ зависимости отъ при-

надлежности ихъ къ тому или иному народу. Это совершенно понятно и естественно, ибо каждый народъ въ своемъ языкѣ имѣетъ не только готовое міровоззрѣніе, но и способы къ дальнѣйшему углубленію въ области мысли: на языкѣ дикарей и малокультурныхъ народовъ вовсе нѣтъ множества словъ для выраженія евангельской истины; само собой ясно, что и пониманіе таинствъ вѣры христіанской у нихъ не будетъ тождественнымъ съ эллинскимъ или римскимъ. Наконецъ, самая формулировка догматовъ христіанскаго вѣроученія была сдѣлана вселенскими соборами, въ составъ коихъ входили пастыри разныхъ странъ и народовъ, исповѣдавшихъ Христа. Стало быть, соборное сознаніе восполнило односторонность и погрѣшности отдѣльныхъ національныхъ пониманій. Но сходясь въ главномъ, существенномъ, отцы соборовъ не искореняли мѣстныхъ особенностей, жившія въ преданіяхъ и обрядахъ помѣстныхъ церквей— „дабы всякій языкъ исповѣдалъ, что Господь Іисусъ Христосъ въ славу Бога Отца“ (Филип. II, 11), ибо самъ Спаситель завѣщалъ своимъ ученикамъ: „Идите по всему міру и проповѣдуйте Евангеліе всей твари“ (Марк. XVI, 15).

Воздѣйствіе національности могуческазывается не только въ области религіозной, но даетъ содержаніе, прелесть и своеобразие всему укладу народной жизни; этого мало: творческому воздѣйствію національности обязаны своимъ существованіемъ всѣ великія явленія культурной жизни человечества, таковы, напримѣръ, *эллинская философія*, *римское право*, *итальянскій гуманизмъ* и т. п.; въ области даже наукъ точныхъ различаются національныя школы, нѣмецкая, англійская, французская и т. д., отличающіяся другъ отъ друга особымъ тяготѣніемъ къ извѣстному кругу вопросовъ и излюбленными приемами изслѣдованія. Литература, музыка и искусство любого народа служатъ неопровержимымъ доказательствомъ отличія его отъ сосѣдей по міровоззрѣнію, по отношенію къ природѣ и человѣку, должному и прекрасному. Даже фізіологическій строй людей отражаетъ на себѣ принадлежность ихъ къ той или иной расѣ и народу:

многіе изъ насъ по наружному облику безошибочно опредѣляютъ англичанина, еврея, нѣмца и т. д.

Правда, въ нашемъ обществѣ, якобы образованномъ, идея національности не пользуется должнымъ признаніемъ и намъ всѣмъ навязываютъ идеалы космополитизма, требуютъ отреченія отъ отечества и родного народа, внушаютъ работать надъ превращеніемъ въ какихъ-то „общечеловѣковъ“, надъ насажденіемъ „общечеловѣческихъ порядковъ и учрежденій“. При этомъ забываютъ, что космополитизмъ — созданіе нашего мышленія, но не нѣчто, дѣйствительно существующее. Мужчину и женщину, старца и ребенка мы съ полнымъ правомъ назовемъ „человѣкомъ“, но было бы нелѣпостью стремиться къ превращенію всѣхъ людей въ какое то безполое и лишенное возраста существо. Далѣе, кто опредѣлитъ цвѣтъ волосъ, кожи и глазъ, форму черепа, ростъ и другія примѣты „космополита“? Неужели надо перекрасить всѣхъ въ brunetовъ, чтобъ достигнуть всеобщаго благополучія? Отсюда понятно, что всякій народъ долженъ цѣнить и любить свое своеобразіе, а не стремиться къ недостижимому превращенію въ нѣчто отвлеченное; кромѣ того каждый проповѣдникъ космополитическихъ идеаловъ, представляетъ себѣ ихъ непремѣнно въ какой-либо народной окраскѣ, причемъ трудно доказать, почему западно-европейскія начала должны быть признаны общечеловѣческими, а не китайскія. Однако, вовсе не слѣдуетъ всякій національный признакъ возводить въ перлъ созданія, ибо всюду люди имѣютъ свои недостатки и рядомъ съ національными добродѣтелями мы имѣемъ и національные пороки. Но внѣ національности нѣтъ жизни, нѣтъ творчества, нѣтъ стремленія къ идеалу, такъ какъ каждый борецъ за него *думаетъ* на какомъ-либо языкѣ и тѣмъ закрѣпляетъ свою принадлежность къ какому-либо народу. Слѣдовательно, оставаясь даже наединѣ съ самимъ собой, человѣкъ не можетъ отрѣшиться отъ народности, а при общеніи съ другими онъ и подавно обнаруживаетъ свѣрю принадлежности къ тому или иному народу.

Итакъ, служеніе идеѣ народности вовсе не связано съ

ея обожествленіемъ, такъ какъ христіанство дало намъ надежное мѣрило должнаго и заповѣдало стремиться къ совершенству по мѣрѣ своихъ „талантовъ“. Необходимо развивать ихъ, пускать въ оборотъ, дабы не уподобиться „рабу лѣнивому и лукавому“, необходимо бороться съ дурными свойствами своего народа, восполняя пробѣлы опытомъ и назиданіемъ другихъ, ибо исторія учитъ, что народы вѣчно находятся въ школѣ взаимнаго обученія, созидаемой ихъ историческимъ существованіемъ. Каждый народъ вноситъ въ общее дѣло *свой* вкладъ и сознательный націоналистъ никогда не станетъ проповѣдовать гоненія и истребленія своихъ братьевъ, необходимыхъ ему для дальнѣйшаго поступательнаго движенія. Необъятное дѣло раскрытія истины, созиданія общественнаго блага осуществляется медленно, постепенно и на „урокъ“ cadaго выпадаетъ извѣстная, хотя и не одинаково замѣтная, доля работы, но безъ простаго рабочаго ни одинъ зодчій, какъ-бы онъ ни былъ геніаленъ, не воплотитъ своего величаваго замысла. Вотъ почему духовная свобода творческихъ и благихъ силъ всякаго народа должна быть признана прямымъ выводомъ изъ исповѣданія правильно понимаемыхъ націоналистическихъ идеаловъ. Развѣ можно ихъ поборниковъ объявлять принципиальными врагами просвѣщенія, противниками улучшеній, единственно потому, что они поняли неосуществимость и непригодность „космополитическихъ мечтаній?“ Дружная семья народовъ, сохраняющихъ свой духовный обликъ и своеобразіе внутренняго уклада, оказывается единственнымъ двигателемъ всесторонняго просвѣщенія, плодотворно работающимъ надъ благомъ всего человѣчества, понимаемаго какъ совокупность всѣхъ существующихъ племенъ, а не безжизненное созданіе отвлеченныхъ построений теоретиковъ космополитизма. Это соединеніе усилий всѣхъ народовъ для достиженія единой общей цѣли—водворенія на землѣ царства правды, указаннаго Евангеліемъ, придаетъ отмѣнную цѣнность національнымъ особенностямъ, вносящимъ свою лепту въ общее дѣло. Такъ благотворный солнечный лучъ проявляетъ свои живительныя свойства именно

потому, что состоитъ изъ совокупности разноцвѣтныхъ лучей, выполняющихъ каждый свою долю работы.

Стало бытъ, исповѣдуемая „Русскимъ Собраніемъ“ идеальная начала сами по себѣ не могутъ превратить ихъ поборниковъ въ насадителей вражды, въ противниковъ всякихъ улучшеній и всеобщаго просвѣщенія, ибо они всѣ *обязываютъ* своихъ сторонниковъ къ неустанному стремленію по мѣрѣ силъ содѣйствовать торжеству Добра и Истины.

Но, быть можетъ, „Русское Собраніе“ считаетъ свои идеалы уже осуществленными, отождествляя съ ними наши современные порядки? Въ самомъ дѣлѣ, разъ признаваемый совершеннымъ идеаль достигнутъ, надо заботиться лишь о сохраненіи пріобрѣтеннаго безцѣннаго сокровища, ибо всякое измѣненіе будетъ тогда не улучшеніемъ, а искаженіемъ. Такое воззрѣніе приписывается намъ многими, но оно опровергается самой природой нашихъ идеаловъ, ихъ всеобъемлемостью, ихъ высотой и широтой: водвореніе царствія Божьяго требуетъ совмѣстныхъ усилій всѣхъ людей, знаменуетъ собой полное искорененіе царящаго въ мірѣ зла, проявленія дремлющихъ добрыхъ склонностей во множествѣ миллионовъ. Поколѣніе за поколѣніемъ могутъ лишь приближаться къ завѣтной цѣли, совершенствуя себя для жизни будущаго вѣка, подготовляя въ своихъ дѣтяхъ продолжателей безконечнаго служенія вѣчнымъ идеаламъ. Прекрасно понимая все это, „Русское Собраніе“ съ самаго начала своей дѣятельности выдвинуло какъ разъ преобразовательныя, а не охранительныя задачи. Въ этомъ порукой является самый его уставъ, гласящій: „Русское Собраніе“ имѣетъ цѣлью содѣйствовать выясненію, укрѣпленію въ общественномъ сознаніи и проведенію въ жизнь исконныхъ творческихъ началъ и бытовыхъ особенностей Русскаго народа“. Изъ этой первой и главной статьи Устава неоспоримо вытекаетъ такое положеніе: всѣ члены „Русскаго Собранія“ объединяются сознаніемъ, что творческія наши начала *не проведены* въ жизнь, мало того, ихъ надо *еще* *выяснить* себѣ и другимъ и *укрѣпить* въ общественномъ сознаніи! Только недобросовѣстные обвинители могутъ утверждать,

что общество, поставившее себѣ такую цѣль, явно стремящуюся къ *измѣненію* существующихъ отношеній, проповѣдуетъ застой и не хочетъ никакихъ улучшеній. Совершенно ясно, что эти улучшенія признаются желанными, ибо русскіе идеалы не занимаютъ въ нашемъ обществѣ подобающаго положенія. Дѣйствительно, оглянемся вокругъ и да же бѣглый взоръ покажетъ, какъ рѣзко противорѣчатъ современные порядки идеальнымъ воззрѣніямъ русскаго народа.

Множество чадъ „Святой Руси“ уклонилось въ разныя ереси и впало въ религіозныя заблужденія; рядомъ съ изувѣрнымъ фанатизмомъ видны проявленія полнѣйшаго невѣрія; проповѣдь безбожія раздается одновременно съ провозглашеніемъ новыхъ вѣръ, поправляющихъ „ошибки“ Апостоловъ и св. отцовъ. Невѣжественные низы пребываютъ во мракѣ суевѣрій и придають неподобающее значеніе соблюденію однихъ обрядовъ, но остаются почти неосвѣдомленными въ самыхъ начаткахъ православія, а потому и дѣлаются легкой добычей разныхъ хищниковъ. Мнимо образованные, гордящіеся своей „просвѣщенностью“, верхи или примыкаютъ къ выводамъ отрицательныхъ философскихъ ученій, или относятся съ поразительнымъ безразличіемъ къ рѣшенію религіознаго вопроса, опредѣляющаго цѣль и смыслъ нашего земного существованія. Въ послѣднее время поклоненіе злобному противнику подвига Христова—Ницше, сдѣлалось у насъ моднымъ; открытая проповѣдь ненависти къ слабымъ, злоупотребленія своей силой, звучитъ все настойчивѣе; ей подтягиваютъ поклонники „святости плоти“ и выдумываютъ какое-то неохристіанство. Разнузданность страстей и неуваженіе къ святынямъ отражается и въ стремленіи при помощи полицейскихъ мѣръ удержать простой народъ въ лонѣ православія. Послѣднее горше первыхъ удручаетъ сердце тѣхъ, кто по свободному убѣжденію исповѣдуетъ великое превосходство православія, какъ единственно истинной вѣры, ибо даетъ пищу для озлобленныхъ нападеній, отталкиваетъ слабыхъ, принимающихъ случайное проявленіе излишняго усердія отдѣльныхъ лицъ за требованіе самаго православія, и ставитъ св. Церковь въ

ложное положеніе утѣснительницы. Скорбятъ вѣрующіе сыны о забвеніи многихъ полезныхъ каноническихъ предписаній, многихъ спасительныхъ обычаевъ, установленныхъ въ первоначальныя времена, но разрозненные, за прекращеніемъ правильной приходской жизни, не находятъ утѣшенія и въ дѣятельности, направленной къ искорененію замѣчаемыхъ нестроеній. Общеніе пастырей и благочестивыхъ мірянъ на помѣстныхъ соборахъ также вышло изъ употребленія и унылую картину представляетъ положеніе православія въ современной Россіи... Если же бросить взоръ на міровое положеніе христіанства, то сила вражды между исповѣдниками Евангельскаго ученія способна повергнуть въ отчаяніе даже крѣпкаго духомъ человѣка, и эта вражда проявляется въ ту пору, когда воздвигаются гоненія на служителей Божьихъ, когда за вѣрность Христу караютъ преслѣдованіемъ, разореніемъ, изгнаніемъ, когда цѣлыя страны отпадаютъ отъ Евангельскаго ученія, когда еврейство, буддизмъ и магометанство находятъ новыхъ поклонниковъ въ средѣ христіанъ, когда цѣлыя сотни тысячъ нашихъ братій пребываютъ въ открытомъ безвѣріи, а потому гонятся только за земнымъ благополучіемъ, пылая взаимной завистью и ненавистью. Какъ же могутъ ставшіе подъ знамя Креста признать такое положеніе соотвѣтствующимъ Евангельскимъ завѣтамъ и не стремиться всѣми силами къ личному и общественному улучшенію?

Пожалуй, кто-либо скажетъ, что мы признаемъ современный государственный строй воплощеніемъ идеаловъ самодержавія и народности, но и тутъ онъ впадетъ въ величайшую ошибку. Всѣ мы свидѣтели того, что нынѣ Царствующій Государь призналъ наши порядки подлежащими кореннымъ измѣненіямъ, ибо истиннаго Самодержавія у насъ нѣтъ и самобытныя наши русскія начала находятся въ положительномъ загонѣ. Царь, по народному воззрѣнію, Отецъ своего народа, долженъ знать правду обо всемъ, что касается Его дѣтей и общей матери Россіи, но кто станетъ утверждать, что нашему Самодержцу все вѣдомо, что слуги царскіе нелицепріятно доводятъ до Его свѣдѣнія „сущую

истину“, когда откровенность кн. Мещерскаго показала, что иные министры ложь возводятъ въ систему? Много лѣтъ назадъ Погодинъ писалъ: „Государь, очарованный блестящимъ отчетомъ, не имѣетъ вѣрнаго понятія о настоящемъ положеніи Россіи“... „Каждый министръ представляетъ собой самодержавнаго государя и также не имѣетъ никакой возможности узнать правду о своей части“. Стало быть, нужна широкая гласность и свобода обсужденія „канцелярскихъ тайнъ“, но обсужденія правдиваго и благожелательнаго, а не сѣющаго смуту въ умахъ всякою ложью. Облегченія въ положеніи печати возможны только при господствѣ законности. Наши основные законы, правда, незыблемо устанавливаютъ (ст. 47), что Россійская Имперія управляется „на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, учрежденій, установленій отъ самодержавной власти исходящихъ“, но всѣмъ извѣстны примѣры неисполненія Высочайшихъ повелѣній, остававшихся мертвой буквой, благимъ намѣреньемъ, ибо различныя вѣдомства предпочитали править на основаніи особыхъ циркуляровъ. Рядъ неоспоримыхъ данныхъ показываетъ, что „средостѣніе“ отдѣлило Царя отъ народа, скрываетъ дѣйствительность и тормозитъ осуществленіе плодотворныхъ начинаній, недаромъ русскій челоуѣкъ говоритъ объ „оградѣ, ставшей выше колокольной“, подмѣчаетъ, что „Царю изъ-за тына не видать“, а потому „не вѣдаетъ Царь, что дѣлаетъ псарь“. Общеніе, основанное на взаимной любви и довѣріи, власти и народа, бывшее существенной особенностью истиннаго самодержавія, прекратилось у насъ подъ напоромъ западно-европейскихъ идеаловъ абсолютной монархіи. Виновникъ ихъ пересадки Петръ Великій, давая ходъ дарованіямъ русскихъ людей независимо отъ происхожденія, оставался все-таки близокъ къ родной почвѣ, ибо несомнѣнно любилъ Россію и, несмотря на свои ошибки и увлеченія, оказалъ ей великое множество добра. Но его преемники пустили на первое мѣсто инородцевъ; русскіе люди были оттерты, а русскіе идеалы стали достояніемъ „чумазыхъ“, такъ какъ высшее общество тяготѣло къ политическому строю Европы, отво-

рачивалось отъ православія и даже забывало говорить на родномъ языкѣ. Нашъ высшій классъ и по своему составу все болѣе и болѣе становился инородческимъ, а потому русскія начала весь XVIII вѣкъ были подъ спудомъ. Но страшная мощь единенія Царя и народа не ускользала отъ внимательныхъ взоровъ наблюдателей и такой великій политикъ, какъ Наполеонъ прямо говорилъ „Если русскій царь отроститъ бороду, онъ непобѣдимъ“. Посмотрите на портреты нашихъ самодержцевъ и вы увидите, какъ съ начала XIX вѣка постепенно русскіе Государи возвращаются къ внѣшнему облику московскихъ царей: появляются усы, пробритый подбородокъ и, наконецъ, окладистая борода. Уже въ начинаніяхъ Александра II слышится поворотъ къ родной старинѣ, Александръ III являетъ изумленному міру образецъ Царя-Миротворца, неоднократно призывомъ „свѣдущихъ людей“ и другими мѣропріятіями показываетъ, что сознаніе необходимости „возвращенія домой“, къ старинному народному укладу, проникло на высоту престола. Недаромъ этотъ Императоръ во всеуслышаніе выразилъ свою радость, когда, наконецъ то, услышалъ русскую фамилію при первомъ представленіи ему высшихъ чиновъ. Нынѣ правящій Государь, вѣрный сынъ св. православной церкви и продолжатель начинаній своихъ Отца и Дѣда, неоднократно заявлялъ въ своихъ манифестахъ, что служеніе великимъ началамъ Православія, Самодержавія и Народности вдохновляетъ Его царственный трудъ. Его Императорское Величество только что осчастливилъ всѣхъ насъ своей благодарностью „за честныя, истинно русскія мысли“. Онъ пожелалъ нашему собранію „дальнѣйшаго развитія“ „на благо русское“. Онъ сказалъ, что въ нашей челобитной „ничего ни добавитъ, ни убавитъ нельзя“. Это высшая степень похвалы, это признаніе полного совпаденія Высочайшихъ воззрѣній съ исповѣдуемыми нами! Значитъ, близко уже „установленіе такого тѣснаго общенія между возлюбленнымъ Царемъ и русскимъ народомъ, при которомъ голоса сего послѣдняго непосредственно доходили бы до Помазанника Божьяго“. На насъ же лежитъ теперь сугубый

долгъ—приложить всѣ старанія, чтобъ голосъ народа былъ подлиннымъ, чтобъ разные самозванцы, сами себѣ присвоившіе права „земскихъ уполномоченныхъ“ и „народныхъ представителей“, были изобличены въ своей лжи передъ цѣлымъ міромъ. Привыкнувъ вѣками, что тяжесть управленія лежитъ на плечахъ Царя и Его чиновниковъ, русскіе люди даже въ предоставляемыхъ Властью Державной самоуправленіяхъ проявляютъ непомѣрную „уклончивость“ и тѣмъ самымъ даютъ возможность политикамъ и поборникамъ зарубежныхъ конституцій безъ помѣхи „подготавливать почву“ для „завершенія зданія“. Теперь эта разрушительная работа находится въ полномъ разгарѣ. „Столоначальникъ, управлявшій Россіей“, по мѣткому выраженію Императора Николая Павловича, нынче забастовалъ первымъ. Забастовали и другіе представители власти, еще недавно „самодержавно“ вершившіе дѣла по своему усмотрѣнію. Оказалось, что у Царя не хватаетъ людей для проведенія въ жизнь Его родныхъ и дорогихъ намъ замысловъ: одни все хотятъ „общечеловѣческой“ конституціи и торжества космополитическаго капитализма, а другіе стоятъ за торжество „полицейскаго государства“ съ его бюрократическимъ строемъ. Намъ не надо ни того, ни другого. Мы хотимъ вмѣстѣ съ Самодержавнымъ Царемъ зажечь по Божьему, по хорошему, по русски. Намъ не нужны заморскіе образцы, коими является и парламентаризмъ, и бюрократизмъ. Но царское довѣріе намъ надо оправдать, надо доставить Ему рядъ скромныхъ, мирныхъ тружениковъ, не ищущихъ власти, но честно, не за страхъ, а за совѣсть, дѣлающихъ свое маленькое дѣло. Соединенными усиліями и упорнымъ трудомъ, идейнымъ противодѣйствіемъ недругамъ мы можемъ послужить Царю и Родинѣ, выполнить ихъ призывъ. Итакъ, впередъ, безъ страха и сомнѣнія, за неотложное дѣло, за творческое улучшение святорусской земли, *за проведеніе въ жизнь завѣтныхъ русскихъ идеаловъ!*

„Мирный Трудъ“ 1905 г. № 6.

Отвѣтъ Г. А. Щечкову.

— — —

„Ибо надлежитъ быть и разномысліямъ
между вами“. I Кор. XI, 19.

Милостивый Государь!

Помѣстивъ Ваше письмо¹⁾ въ виду важности затрону-
тыхъ въ немъ общественныхъ вопросовъ, я принялъ на
себя обязательство дать свои разъясненія. Въ нихъ совер-
шенно устраняется личное препирательство, такъ какъ вся-
кому внимательному читателю статьи „Мертвое учрежденіе“²⁾
видно, что она представляетъ собой не „возраженія“, какъ
ошибочно Вы думаете, а „простыя замѣчанія“ по поводу
доклада Вашего, „Истинное значеніе земскихъ соборовъ“.
Замѣчанія эти выражаютъ личный мой взглядъ на возста-
новленіе бывшихъ земскихъ соборовъ.

Подобно Вамъ и многимъ другимъ, я признаю, что,
„земскій соборъ“ возможенъ только на почвѣ соборно-
сти, но въ отличіе отъ Васъ полагаю, что ея теперь
нѣтъ въ нашей общественной и политической жизни, а
потому „земскій соборъ“ прежняго типа невозможенъ. Вотъ
моя основная мысль, проводимая въ статьѣ „Мертвое учре-
жденіе“. Слѣдовательно, сторонникъ созыва теперь „зем-
скаго собора“ долженъ привести доказательства, что собор-
ность дѣйствительно существуетъ, напр. при полномъ упадкѣ
прихода, несоблюденіи ряда каноническихъ предписаній со-
борной церкви, упраздненіи помѣстныхъ соборовъ, забвеніи

¹⁾ См. Мирный Трудъ № 5, 1905 г.

²⁾ См. „Сборникъ“ стр. 301 и сл.

даже самага веденія общественныхъ дѣлъ соборне въ нашихъ самоуправленіяхъ и т. п. Если отлетѣла душа—остается трупъ, вотъ почему созывъ „земскаго собора“, при отсутствіи соборности, уподобленъ мною стремленію вырыть изъ гроба мертвеца. Отсюда ясно, что „Императорскій земскій соборъ“ не только будетъ *по внѣшности* не походить на земскій соборъ царскаго періода, но будетъ противорѣчить ему *по духу*, ибо міровоззрѣніе участниковъ очевидно иное, а „это все очень касается принципиальной стороны дѣла“: поступки людей обусловливаются ихъ вѣрованіями, ихъ представленіями о должномъ, справедливомъ, желанномъ. Неужели можно полагать, что только по внѣшности отличается отъ прежнихъ теперешній (мнимо) „земскій соборъ“, гдѣ будутъ засѣдать „представители“, „чуждые намъ по вѣрѣ и крови“, вмѣстѣ съ „образованными русскими“, отпавшими отъ православія и желающими „конституціи“, а, можетъ быть, и республики? Само собою понятно, что такое идейное противорѣчіе съ настроеніемъ участниковъ былыхъ соборовъ должно отразиться на дѣятельности новаго учрежденія, которое подъ старой вывѣской будетъ работать въ совершенно иномъ духѣ, въ зависимости отъ „большинства“, а не отъ „единомыслія“. Развѣ не служитъ вѣщимъ предзнаменованіемъ настойчивая проповѣдь недопущенія крестьянъ въ новый соборъ: вѣдь ясно, что наши передовые космополиты и республиканцы боятся ихъ „отсталости“, не хотятъ, чтобъ они сами довели до Царя свои нужды и пожеланія, навязываютъ имъ „представителей“, оторвавшихся отъ родной почвы.

Наше время имѣетъ свои особенности, выдвигаетъ свои запросы, кои и должны быть учтены и удовлетворены—не заимствованными учрежденіями, все равно современными западноевропейскаго, или старыми русскаго образца, а *новыми*, ибо каждое учрежденіе имѣетъ свое назначеніе, вытекаетъ изъ извѣстныхъ условій и исторической обстановки. Поэтому необходимо *творчество*, необходимо созданіе своего, болѣе совершеннаго, чѣмъ сосѣдское, или свое собственное, но сдѣлавшееся нынѣ неподходящимъ;

вѣдь на взрослога человѣка все равно нельзя надѣть платья, которое онъ носилъ, будучи ребенкомъ или даже юношей, а, скажемъ, англійскій „смокингъ“ будетъ смѣшенъ на нашемъ крестьянинѣ, да и не подойдетъ къ нему по своей дороговизнѣ.

Нельзя также утверждать, что „эти новыя формы“, *сами собою* неминуемо выстроятся по готовымъ образцамъ „парламентскаго типа“. Такого стихійнаго созданія учреждений исторія не знаетъ, ибо они „*сами собою*“ нигдѣ не возникаютъ, но воплощаютъ извѣстные замыслы различныхъ государственныхъ людей, являются плодомъ дѣятельности цѣлыхъ поколѣній, вдохновляемыхъ поисками лучшаго. Только подъ условіемъ признанія Россіи „тысячелѣтней обезьяной“, только заранѣе рѣшивъ, что всякое творчество у насъ изсякло окончательно, можно высказать подобное, ни на чемъ, впрочемъ, не основанное положеніе. Конечно, если „земскій соборъ“ будетъ составленъ по рецепту извѣстной партіи, рабски поклоняющейся Западу, то мы получимъ парламентъ, который полетитъ кувыркомъ предъ проявленіемъ подлинной народной воли, ибо народъ не удовлетворится ограниченіемъ власти Царя ради полученія тысячи маленькихъ „носителей Его суверенной власти“. На феодальномъ Западѣ политическое представительство понятно, а у насъ могутъ быть только отвѣтственные выборные, лучшіе люди, на коихъ, по призыву Царя, возлагается великое бремя—устроительства правды и наряда. Весьма любопытно, какія суверенныя права будутъ представлять у насъ напр., гг. еврейскіе депутаты, очень желающіе „володѣть и править“ нами русскими? Пусть построятъ *свой домъ* и живутъ въ немъ по своему обычаю, но въ нашемъ домѣ распорядокъ будетъ зависѣть отъ насъ, русскихъ, если только мы дѣйствительно не оказываемся народомъ, годнымъ лишь для одного удобренія, если жалкое подражаніе не нашъ горькій удѣлъ.

Но мощь русскаго народа проявилась въ нашей литературѣ, музыкѣ, искусствѣ, наукѣ и будущее за нами, разъ правильно будетъ рѣшенъ злополучный вопросъ, являющійся

вторымъ поводомъ къ разногласію между нами,—вопросъ національный.

Не могу я согласиться съ Вашимъ мнѣніемъ, будто „Россія для русскихъ“ противорѣчитъ девизу „Православіе, Самодержавіе и Народность“, „обеспечивая развитіе только одного національнаго начала въ ущербъ прочимъ двумъ“. Прежде всего „Россія для русскихъ“ вовсе не является, какъ я имѣлъ честь вамъ замѣтить¹⁾ при обсужденіи доклада „Наше знамя“, „формулой безпринципнаго націонализма“. Подобное пониманіе рѣшительно никѣмъ изъ сознательныхъ націоналистовъ не раздѣляется: дѣло въ томъ, что идеалы Православія и Самодержавія нуждаются для своего проведенія въ жизнь въ реальномъ началѣ—народности. Русскіе, по своему складу, чуждому мелкой исключительности, наиболѣе воспріимчивы къ широкимъ идеаламъ истинной Христіанской Вѣры и великимъ задачамъ Самодержавія, поэтому формула „Россія для русскихъ“ обозначаетъ собой, что Россія должна служить осуществленію этихъ, сродныхъ исконнымъ особенностямъ русскаго племени, началъ, а не какихъ либо чуждыхъ. „Россія для русскихъ“ требуетъ, чтобъ русскій человѣкъ получилъ просторъ жить по своимъ завѣтнымъ представленіямъ, а не по навязываемымъ зарубежнымъ образцамъ, а это мыслимо только тогда, когда русскіе снова сдѣлаются дѣйствительными хозяевами своего дома—Россіи, когда забравшіе себѣ все лучшее инородцы будутъ поставлены на свое мѣсто, когда отъ ихъ упорныхъ и наглыхъ посягательствъ будутъ на вѣки защищены наши дорогія святыни—Православная, Соборная и Апостольская Вѣра и „истинное Самодержавіе“. Отстаивая эти творческія начала, мы работаемъ не только для своего народа, но и для всего человѣчества, ибо настанетъ время, когда подлинная природа ихъ будетъ понята не только нами, порой недостойными ихъ носителями, но и всѣмъ міромъ. Великая терпимость, уживчивость, незлобливость русскаго человѣка представляются качествами, кои

¹⁾ См. „Мирный Трудъ“ № 3. Отчетъ о дѣятельности Харьковскаго Отдѣла Русскаго Собранія.

не допускать восторжествовать у насъ узкому, исключительному націонализму. Будущее сулитъ не истребленіе національности во имя космополитизма, а ожесточенную борьбу за существованіе между различными великими народностями. Русскіе же по особенностямъ своего народнаго характера оказываются примирителями двухъ крайностей: беспочвеннаго космополитизма и замкнутаго въ самодовольствѣ націонализма. Братство народовъ, сохраняющихъ свое „я“ во имя служенія высшей истинѣ, является завѣтомъ правильно понимаемаго сознательнаго націонализма. Если въ предѣлахъ Россіи оно будетъ осуществлено раньше, чѣмъ гдѣ-либо, то это будетъ воплощеніемъ понятія „великая семья русскаго народа“, въ составъ коей, какъ члены, войдутъ и наши инородцы и иновѣрцы, подъ условіемъ признанія ими нашихъ святынь и сохраненія за собой ихъ внутренней свободы, по сколько она не противорѣчитъ благу цѣлаго.

Этотъ идеаль справедливѣе и осуществимѣе, чѣмъ пагубное стремленіе къ отвлеченному общечеловѣчеству, вытравливающее драгоцѣнныя національныя особенности, являющіяся самостоятельными путями въ Царство Истины и Добра.

Стало быть, на мой взглядъ, положительно нѣтъ никакихъ основаній для возведенія на Русское Собраніе тяжкаго обвиненія въ измѣнѣ своему идейному знамени: надо только правильно понимать и содѣйствовать распространенію правильнаго пониманія формулы „Россія для русскихъ“. Примиреніе народности съ общечеловѣчествомъ, синтезъ космополитизма и націоналистическихъ началъ—великая задача грядущаго, въ разрѣшеніи коей русскимъ, „народу богоносцу“, по чаянію Достоевскаго, будетъ принадлежать главная роль, ибо способность къ пониманію другихъ, перевоплощеніе въ другихъ—наша національная черта, заслуживающая справедливой оцѣнки.

Непонятно, наконецъ, какъ отрицая формулу „Россія для русскихъ“ можно утверждать, что „только огражденіе себя отъ космополитизма можетъ спасти насъ отъ обезличенія“. Неужели это огражденіе будетъ достигнуто испо-

вѣданіемъ девиза: „Россія для инородцевъ“, неужели эти инородцы воплотятъ чуждые и непонятные имъ идеалы Православія и Самодержавія?

Намъ дорога русская Россія, какъ самое совершенное орудіе для отстаиванія нашихъ святынь, для сохраненія на благо всего человѣчества великихъ нашихъ идеаловъ, какъ единственная возможность подготовить въ дали вѣковъ ихъ полное торжество. Вотъ почему Русское Собраніе и призываетъ своихъ соотечественниковъ къ всестороннему развитію хорошихъ національныхъ задатковъ, къ борьбѣ съ національными нашими недостатками,—безпечностью, лѣнью, уклончивостью отъ выполненія своихъ гражданскихъ обязанностей; вѣдь благодаря именно нашему ничегонедѣланію, да политиканству и пошло у насъ все вкось да вкривъ на радость иноплеменниковъ и ихъ прислужниковъ. Исповѣдуемый нами принципъ не сѣетъ вражду, но служить простой справедливости; ибо ключи отъ русскаго дома должны быть въ русскихъ рукахъ, русское юношество должно получать національное воспитаніе, русскій человѣкъ—освободиться отъ гнета иностранщины, а все это дастъ только „Россія для Русскихъ“. Въ заключеніе позволяю себѣ выразить надежду, что наше разномысліе послужитъ разъясненію истины, и прошу принять увѣреніе въ моемъ глубокомъ уваженіи.

„Мирный Трудъ“ 1905 г. № 6.

Государственная Дума.

— — —

Одновременно съ Манифестомъ отъ 6-го августа были утверждены Положенія о Государственной Думѣ и о выборахъ въ Думу. При помощи этихъ документовъ перво-степенной важности можно уяснить себѣ истинный характеръ и значеніе новаго учрежденія, дать ему посильную оцѣнку и указать на ожидающее его будущее.

Прежде всего, бросается въ глаза полное отсутствіе связи Думы съ главнымъ устоемъ Россійской Державы— Православной Вѣрой: отъ выборныхъ, принадлежащихъ къ числу ея сыновъ, все равно, какъ отъ инославныхъ и ино-вѣрцевъ, требуется не присяга на Крестѣ и Евангеліи, а „торжественное обѣщаніе предъ Всемогущимъ Богомъ“, „удостоверенное своеручной подписью“. Слѣдовательно, послѣ указа о вѣротерпимости, дѣлается новый еще болѣе рѣшительный шагъ къ окончательному превращенію Россіи изъ государства христіанскаго въ „лишенное исповѣданія“ (confessionslos) по западно-европейскому образцу. Нигдѣ и ни въ чемъ православнымъ не отдается ни малѣйшаго преимущества; духовенство, бывшее встарь столь существенной частью Земскихъ Соборовъ, нынѣ имѣетъ голосъ лишь въ качествѣ землевладѣльцевъ, домовладѣльцевъ и „уполномоченныхъ отъ священнослужителей, владѣющихъ въ уѣздѣ церковной землею“ (ст. 12).

Столь же круто разрываетъ связь съ прошлымъ и отношеніе Положенія къ русской народности: отъ членовъ Думы требуется лишь знаніе русскаго языка, который, слѣдовательно, остается государственнымъ; но ни одно поста-

новленіе не обнаруживаетъ попеченія о закрѣпленіи за создателемъ русской державы, русскимъ народомъ, преобладающаго положенія. Въ силу этой особенности отнынѣ Россія перестаетъ быть государствомъ національнымъ, такъ какъ по своей „политической подготовкѣ“ и въ особенности по „богатству“ русскіе не могутъ сохранить за собой положеніе господствующей народности.

Что же касается до третьяго устоя нашей исторической и государственной жизни—Самодержавія, то объ его сохраненіи замѣтны нарочитыя попеченія: такъ уже Высочайшій Манифестъ говоритъ о „сохраненіи неприкосновеннымъ основного закона Россійской Имперіи о существѣ Самодержавной Власти“, а торжественное обѣщаніе вмѣняетъ прежде всего въ сугубую обязанность членовъ Государственной Думы „храненіе вѣрности Его Императорскому Величеству Государю Императору и Самодержцу Всероссійскому“, а затѣмъ уже „памятованіе лишь о благѣ и пользѣ Россіи“. Вступленіе въ Думу обусловлено принесеніемъ этого обѣщанія (ст. 13), что преграждаетъ доступъ въ нее всѣмъ искреннимъ противникамъ Самодержавія. Наконецъ, законосовѣщательный характеръ Думы подчеркивается Манифестомъ и все „Положеніе“ явственно показываетъ, что образъ правленія у насъ остается формально неограниченнымъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, что Дума приближаетъ насъ къ водворенію „истиннаго Самодержавія“, ибо Власть, устранившая свою прежнюю связь съ Народностью и Православіемъ, приложила, наоборотъ, къ западно-европейскому абсолютизму. Этого мало: въ „Положеніи“ явственно замѣчается уклонъ въ сторону парламентаризма, а, слѣдовательно и отступленіе отъ завѣтовъ неограниченной монархіи: въ лицѣ неутверждаемаго *никѣмъ* выборнаго Предсѣдателя Думы создается власть, облеченная весьма крупными полномочіями, которыми легко и злоупотреблять. Сплотившееся большинство, выставившее зависящаго *только отъ него* вожака, который черезъ годъ можетъ быть наказанъ неизбраніемъ, нельзя признать выразителемъ народнаго мнѣнія въ необходимой полнотѣ. Такимъ образомъ,

Дума вовсе не обезпечиваетъ желанную „свободу мнѣнія“, а представленіе Императору только проэктвъ, одобренныхъ $\frac{2}{3}$ голосовъ (ст. 48 и 49) сковываетъ и необходимую „свободу рѣшенія“. Заключение Думы можетъ не соответствовать интересамъ многомилліоннаго люда, лишеннаго голоса; а случайно оставшіеся въ меньшинствѣ не могутъ даже представить „особаго мнѣнія“, хотя и на Западѣ уже борются именно за „права меньшинства“. Благо русское требуетъ устраненія подобнаго ограниченія, противнаго завѣтамъ родной старины, не видѣвшей въ механическомъ подсчетѣ голосовъ пути къ правдѣ. Нельзя не отмѣтить и другого несоответствія „Положенія“ съ правильнымъ пониманіемъ природы Самодержавія: ст. 3 устанавливая, и безъ того понятную въ самодержавномъ государствѣ, возможность распушенія Думы Государемъ до истеченія пятилѣтняго срока, подчеркиваетъ, что тѣмъ же самымъ Указомъ назначаются новые выборы въ Думу. Здѣсь явственно сквозитъ желаніе сдѣлать существованіе Думы вѣчнымъ, лишивъ Власть права упразднить ее за выяснившейся непригодностью и неработоспособностью; земскіе соборы, поддерживавшіе дѣйствительное единеніе Царя и народа, не ставили Самодержцу такого обязательнаго указанія.

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ, что устанавливаемое Манифестомъ „единеніе Царя съ народомъ“ не таково, какимъ оно было встарь, а потому едва ли можетъ лечь въ основу порядка, отвѣчающаго самобытнымъ русскимъ началамъ.

Этотъ выводъ можно подтвердить и другими особенностями Положенія о Государственной Думѣ. Такъ, оно мѣриломъ доступа въ Думу выдвигаетъ имущественное начало, какъ будто достойными людьми, довѣріемъ общественнымъ облеченными, могутъ быть только обладающіе извѣстнымъ, очень высокимъ цензомъ. Стало быть, не личныя высокія качества, не разностороннія познанія, не дарованія истиннаго мужа совѣта и разума, а извѣстная степень зажиточности обусловливаетъ право участвовать въ совмѣстной законодательной работѣ съ Правительствомъ. Вотъ почему можно сказать, что Россія изъ государства христіан-

скаго и національнаго превращается въ плутократическое и становится на совершенно ложный путь, повторяя ошибку римскихъ императоровъ и ихъ подражателей: кесари выбрали себѣ опорой крупныхъ собственниковъ, отдавъ имъ въ подчиненіе средніе классы и рабочій людъ, и тѣмъ самымъ на собственной груди отогрѣли тѣхъ, кто привелъ къ разложенію единой имперіи и раздѣленію властныхъ полномочій единаго Властелина между множествомъ мелкихъ владѣтелей. Опытъ той-же Западной Европы показываетъ, что именно мелкое дворянство, крестьянство, среднее купечество всегда смотрѣли на Государя какъ на защитника отъ рабства капиталу, все равно земельному или денежному. Вѣдь даже великое крестьянское и дворянское возстаніе въ Германіи искали въ императорѣ стоятеля за попранные князьями правду и внутренній миръ. Равнымъ образомъ наблюденіе надъ современной жизнью Россіи показываетъ, что обладатели того же ценза отдали мѣстныя самоуправленія въ руки, почти повсемѣстно, сторонниковъ конституціоннаго уклада. И это вполне понятно, труженники не имѣютъ досуга и потребности властвовать, тогда какъ обезпеченные въ имущественномъ отношеніи имѣютъ слишкомъ много свободнаго времени и явственно хотятъ играть у насъ такую же роль, какую имъ предоставляетъ въ другихъ странахъ парламентаризмъ, являющійся не народоправствомъ, а орудіемъ для господства плутократіи. Правда, Положеніе дѣлаетъ попытку отвести нашему крестьянству извѣстное количество мѣстъ въ Думѣ, хотя и не соответствующее численному его преобладанію надъ другими сословіями, ибо статья 49 гласитъ: „въ каждомъ губернскомъ избирательномъ собраніи прежде всего выбираютъ *изъ своей среды* одного члена Государственной Думы“. Стало быть, крестьянство обезпечено по крайней мѣрѣ однимъ членомъ отъ губерніи. Но по статьѣ 17, „въ сѣздѣ уполномоченныхъ отъ волостей участвуютъ выборные отъ волостныхъ сходовъ уѣзда, по два отъ cadaго схода. Выборные эти избираются волостными сходами изъ числа

крестьянъ, принадлежащихъ къ составу сельскихъ обществъ данной волости“. Значить, не всѣ крестьяне оказываются выборщиками, а только члены волостныхъ сходовъ, т. е. болѣе зажиточный людъ, не всегда радѣющій объ интересахъ многочисленной крестьянской бѣдности, которая, такимъ образомъ, лишена голоса, подобно всему рабочему классу. Конечно, возможно, теоретически, что сходъ облечетъ своимъ довѣріемъ и какого-либо ходока изъ бѣдняковъ и рабочаго, принадлежащаго къ какому-либо изъ сельскихъ обществъ данной волости, но гораздо вѣроятнѣе, что выбраннымъ окажется какой-либо богатѣй, кулакъ, ибо иные крестьяне, не выходя изъ обществъ, обладаютъ значительнымъ количествомъ земли и большимъ вліяніемъ на односельчанъ. Въ виду этого обстоятельства можно ждать появленія такихъ выборныхъ отъ крестьянъ, интересы коихъ будутъ прямо противоположны крестьянскимъ. Нужно также принять во вниманіе неподготовленность сельского населенія къ политической жизни, отсутствіе въ немъ навыка и умѣнья разбираться въ предоставляемыхъ ему закономъ средствахъ къ отстаиванію своихъ польвъ, продолжительную опеку, загасившую стойкость и самостоятельность, невѣжество, открывающее широкій просторъ всякимъ, по преимуществу вреднымъ, вліяніямъ, и тогда едва ли будетъ возможно возлагать какія-либо особыя надежды на крестьянскихъ избранниковъ. Вдобавокъ, очутившись въ совершенно непривычной обстановкѣ, эти самые избранники будутъ себя едва ли чувствовать лучше, чѣмъ въ земскихъ собраніяхъ, гдѣ льются мало понятныя рѣчи и приходится голосовать по вопросамъ, требующимъ и знанія, и развитія и способности уловить отношеніе даннаго рѣшенія къ общимъ нуждамъ своихъ избирателей.

Едва ли оправдаются расчеты и составителей Положенія на предоставленіе крестьянскимъ выборнымъ голоса въ губернскомъ общемъ избирательномъ собраніи. Для рѣшающей роли нужна сплоченность всѣхъ крестьянскихъ выборщиковъ, знаніе ими кандидатовъ и сознательное предпочтеніе кого-либо изъ нихъ. При наличности этихъ дан-

ныхъ крестьяне могутъ оказаться вершителями исхода голосованій во многихъ мѣстахъ, но они слишкомъ мало освѣдомлены о положеніи дѣлъ за предѣлами родной волости, чтобъ знать всѣхъ выборщиковъ отъ губерніи. Поэтому крестьянскіе голоса безъ посторонняго, конечно нежелательнаго, вліянія разобьются, а, можетъ быть, дадутъ перевѣсъ какому-либо ловкачу, который плѣнитъ ихъ широковѣщательными посулами и обѣщаніями „чернаго передѣла“. Но при единодушii крестьянскіе выборные оказываются рѣшающей силой, такъ какъ едва ли можно разсчитывать, что мѣстные землевладѣльцы, промышленники и торговцы будутъ дѣйствовать, какъ одинъ человѣкъ, въ виду различія ихъ классовыхъ интересовъ и того страшнаго духовнаго разлада, охватившаго всѣ слои русскаго общества.

Имѣя это въ виду, статья 52 говоритъ о дополнительныхъ выборахъ, если избирательное собраніе не дастъ указаннаго въ особой росписи числа членовъ Государственной Думы для данной губерніи, города или области. Если эти дополнительные выборы не завершатся успѣхомъ, то назначаются на третій день окончательные, причемъ избранными считаются получившіе относительное большинство. Другими словами, небольшая, но сплоченная группа можетъ провести своего ставленника, такъ, напр., въ любомъ губернскомъ собраніи можетъ пройти, человѣкъ, располагающій, скажемъ, 20 голосами, если остальные распадутся между другими кандидатами, получающими 19 и менѣе избирательныхъ. Довольно мудро усмотрѣть въ такомъ избранникѣ лицо, признанное достойнымъ и облеченное довѣріемъ въ качествѣ выборнаго наприм. отъ Харьковской губерніи съ почти трехмилліоннымъ населеніемъ! Впрочемъ, количеству населенія не придается Положеніемъ почти никакого значенія, что явственно обнаруживается и на предоставленіи одинаковаго числа членовъ Думы городамъ и губерніямъ съ весьма рѣзкими колебаніями по числу жителей. Вообще нѣтъ никакой возможности открыть, почему данная губернія должна поставить то или иное количество выборщиковъ или членовъ Думы; въ иныхъ случаяхъ чи-

сло послѣднихъ даже менѣе числа уѣздовъ въ губерніи. Итакъ, Положеніе распредѣляетъ далеко не равномерно право населенія избрать лицъ, облеченныхъ его дѣйствительнымъ довѣріемъ. Вотъ почему „рописание членовъ Государственной Думы по губерніямъ, областямъ и городамъ“, равно какъ „рописание числа губернскихъ выборщиковъ“ требуетъ коренного пересмотра и составленія по всѣмъ извѣстнымъ основаніямъ, но не по бюрократическому усмотрѣнію, прикрытому завѣсой канцелярской тайны. Этотъ пересмотръ неизбѣженъ и вполне допустимъ, ибо Высочайшій Манифестъ не смотритъ на „Положеніе“, какъ на нѣчто, стоящее выше всякой критики и не нуждающееся ни въ какихъ улучшеніяхъ: заботясь о сохраненіи основныхъ законовъ Имперіи, Государь только сохранилъ „*всецѣло*“ за Собой заботу о дальнѣйшемъ усовершенствованіи учрежденія Государственной Думы“ и обѣщаетъ „дать по сему предмету соотвѣтственныя въ свое время указанія, когда жизнь сама укажетъ необходимость тѣхъ измѣненій въ ея учрежденіи, кои удовлетворяли бы вполне потребностямъ времени и благу государственному“.

Правда, и Государственной Думѣ предоставляется (ст. 34) право возбуждать предположенія объ отмѣнѣ или измѣненіи дѣйствующихъ и изданіи новыхъ законовъ, но предположенія эти не должны касаться началъ государственнаго устройства, установленныхъ законами основными. Нѣкоторыми органами поднятъ вопросъ, слѣдуетъ ли Положеніе о Государственной Думѣ признать такимъ основнымъ закономъ, объ отмѣнѣ или измѣненіи котораго не имѣютъ права ходатайствовать ея члены? Сопоставленіе съ Высочайшимъ Манифестомъ заставляетъ отвѣтить отрицательно, такъ какъ „усовершенствованіе“ и „измѣненіе“ оставлены *всецѣло* за Самодержавной Властью и, стало быть, надежды, высказываемыя въ печати, что первое же засѣданіе Думы должно поднять вопросъ объ ея преобразованіи, необходимо признать лишенными закономѣрной почвы.

Несомнѣнно, что выразительныя слова Манифеста предусмотрительно пресѣкаютъ всякую попытку Думы превра-

тятся въ Учредительное Собраніе, сообразно вождедѣніямъ поборниковъ революціоннаго движенія. Та же предусмотрительность замѣчается въ мѣропріятіяхъ, выработанныхъ на тотъ случай, когда въ стѣнахъ Думы появятся попытки произвести обструкцію: „когда Императорскому Величеству благоугодно будетъ обратить вниманіе на медленность разсмотрѣнія Государственною Думою внесеннаго въ нее дѣла, Государственный Совѣтъ назначаетъ срокъ, къ которому должно послѣдовать заключеніе Думы. Если же Дума не сообщаетъ къ назначенному сроку своего заключенія, то совѣтъ разсматриваетъ дѣло безъ заключенія Думы“ (ст. 53). Равнымъ образомъ, принята во вниманіе и возможная, на основаніи наблюденій надъ дѣятельностью нашихъ университетскихъ совѣтовъ, земскихъ собраній и городскихъ думъ, проволочка дѣлъ отъ неприбытія положеннаго ($\frac{1}{8}$) числа членовъ, что вызываетъ объявленіе засѣданія Думы не состоявшимся. Въ такихъ случаяхъ, по 52 статьѣ, подлежащее разсмотрѣнію дѣло назначается къ новому слушанію *не позже* двухъ, послѣ несостоявшагося засѣданія, недѣль. Если же разсмотрѣніе въ теченіе этого срока не послѣдуетъ или засѣданіе не состоится за неприбытіемъ членовъ, то Министру предоставляется право внести дѣло въ Государственный Совѣтъ безъ заключенія Думы.

Указанные способы борьбы съ обструкціей и небрежнымъ отношеніемъ къ обязанностямъ со стороны гг. членовъ Думы явственны показываютъ, что на гг. „достойнѣйшихъ представителей“ Законодатель смотритъ сквозь трезвые очки безпристрастнаго наблюденія вопіющихъ недочетовъ парламентаризма и самоуправления, предоставленнаго мало къ нему склонной средѣ. Имѣя это въ виду, для уменьшенія случайности выборовъ и послѣдствій избирательной горячки, Положеніе вводитъ многостепенность выборовъ и допускаетъ передачу правъ на голосъ лишь сыновьямъ и мужьямъ женщинъ обладающихъ цензомъ. Повидимому и хорошо извѣстныя стороны парламентскихъ преній, во время которыхъ иные депутаты говорятъ зажигательныя рѣчи, также учитываются Положеніемъ, такъ какъ по 44 статьѣ

допускаются къ оглашенію въ печати лишь отчеты о засѣданіяхъ Думы, составленные присяжными стенографами и одобренные предсѣдателемъ Думы. Однако 42 статья предоставляетъ тому же предсѣдателю право разрѣшать присутствовать въ засѣданіяхъ Общаго Собранія Думы представителямъ повременной печати въ числѣ не болѣе одного отъ отдѣльнаго изданія. Ясно, что подобное преимущество оказывается представителямъ печати для того, чтобъ они имѣли возможность знакомить публику со своими впечатлѣніями и отчетами о слышанномъ. Подлежатъ ли эти отчеты контролю предсѣдателя? Отвѣтъ не ясенъ для русскихъ представителей печати, если она останется подъ цензурой, и отрицательный для зарубежныхъ корреспондентовъ, которые, получивъ доступъ, будутъ мѣшать правду съ небылицами, ибо никакой цензурѣ не подлежатъ. По нашему мнѣнію, слѣдовало бы всѣхъ представителей печати поставить въ одинаковое и отвѣтственное положеніе, оставивъ за официальными отчетами, провѣряемыми предсѣдателемъ, такъ сказать исправляющее значеніе и характеръ документальныхъ историческихъ свѣдѣній. Закрытію же доступа (ст. 41) въ засѣданія Думы и Отдѣловъ для всѣхъ постороннихъ лицъ можно только порадоваться въ виду крайней невоспитанности нашей широкой публики, отсутствію въ ней надлежащаго такта и сдержанности, доказанному ея поведеніемъ на тысячахъ засѣданій, превращенныхъ ею въ какія то дикія сборища и противоправительственныя скопища. Нельзя не упомянуть, что страшная тиранія толпы помѣшала плодотворной дѣятельности Національнаго Собранія въ эпоху французской революціи и сдѣлала его жертвой кучки крайнихъ революціонеровъ, поддерживаемыхъ улицей. Неотвѣтственность членовъ Думы передъ избирателями, которымъ они не обязаны давать отчетъ (ст. 14), также ведетъ къ уменьшенію поводовъ вторженія толпы въ рѣшеніе государственныхъ вопросовъ, но и несомнѣнно уменьшаетъ благую связь съ Землей и можетъ дать званіе члена на цѣлыхъ пять лѣтъ лицемѣру, обманувшему довѣріе своихъ избирателей. Освобождая отъ от-

четовъ членовъ Думы, Положеніе зато позволяетъ имъ исполнять свои обязанности по собственному „крайнему разумѣнію и силамъ“, а не по указкамъ со стороны, и предоставляетъ имъ полную свободу сужденій и мнѣній по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Думы (ст. 14), хотя, конечно, предсѣдателю вмѣняется въ обязанность (ст. 39) останавливать членовъ Думы, если они уклоняются отъ соблюденія порядка и уваженія къ закону. Мало того, возможно удаленіе члена Думы изъ засѣданія или устраненіе его на опредѣленный срокъ лишь отъ участія въ засѣданіяхъ Думы, но эти кары осуществляются по постановленію собранія (ст. 40). Если же членъ Думы не ограничится словеснымъ нарушеніемъ закона, но совершитъ преступныя дѣянія при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ на немъ по сему званію, то подлежитъ отвѣтственности на основаніяхъ, установленныхъ для членовъ государственнаго совѣта, нарушившихъ долгъ службы (ст. 20). Несомнѣнно это создаетъ для членовъ Думы очень привилегированное положеніе, такъ какъ имъ предоставляется предварительная разработка и обсужденіе законодательныхъ предположеній и рассмотрѣніе росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ, а равнымъ образомъ ихъ вѣдѣнію подлежатъ всякія дѣла, вносимыя особымъ Высочайшимъ повелѣніемъ на усмотрѣніе Думы (ст. 33). Правда, Дума является лишь помощницей Государственнаго Совѣта, но избираемый ею предсѣдатель всеподданѣйше повергаетъ на Высочайшее благовозврѣніе о занятіяхъ Думы (ст. 10), слѣдовательно приравнивается къ министру. Заключенія, принятые большинствомъ Думы вносятся въ Государственный Совѣтъ (ст. 48), тогда какъ законодательныя предположенія, отклоненныя большинствомъ $\frac{2}{3}$ Думы и Совѣта возвращаются министру (ст. 49). Для устраненія разногласій между Думой и Совѣтомъ избирается особая коммиссія изъ членовъ обоихъ учрежденій, но перевѣсъ все таки оставленъ за Государственнымъ Совѣтомъ, какъ болѣе опытнымъ учрежденіемъ (ст. 50--51).

Всѣ эти великія права и полномочія выпадаютъ на долю выборнымъ лишь отъ имущественно обеспеченной

части населенія, такъ какъ предоставленіе избирательныхъ правъ нанимателямъ дорогихъ квартиръ открываетъ доступъ въ Думу представителямъ и денежнаго капитала, въ дополненіе къ представителямъ промышленности и землевладѣнія. Даже положенное вознагражденіе мало мѣняетъ дѣло: крестьянина хорошо обезпечиваетъ 10 руб. суточнаго вознагражденія (ст. 23), но средній купецъ, землевладѣлецъ, промышленникъ не соблазнится этимъ вознагражденіемъ, ибо отлучка причинитъ кормящему его и семью дѣлу непоправимый вредъ. Устраненіе же всѣхъ получающихъ вознагражденіе за государственную службу отъ участія въ Думѣ оставляетъ въ ней лишь двѣ силы—капиталистовъ разнаго рода, несомнѣнно хорошо знающихъ, чего они хотятъ, и крестьянъ, стремящихся къ земельному обезпеченію и едва-ли способныхъ бороться за вѣковые устои Россіи. Въ виду неясности отношеній¹⁾ Думы къ министрамъ, которые легко могутъ занять неприступное положеніе, это рѣзкое различіе между интересами и уровнемъ развитія двухъ главныхъ составныхъ частей Думы можетъ привести къ укрѣпленію министерской бюрократіи, въ особенности если будетъ установленъ кабинетъ министровъ, согласно дѣйствующій и дружно поддерживающій предложенія различныхъ вѣдомствъ: передъ искусившимися государственными людьми едва-ли окажутся способными устоять мало освѣдомленные члены Думы. Если же въ ней возобладаетъ революціонное настроеніе, то новое учрежденіе окажется очагомъ борьбы съ Правительствомъ.

Слѣдовательно, страшныя затраты, принимая во вниманіе расходы по организациі выборовъ, потерю времени выборщиками, стоимость содержанія Думы и ея канцеляріи, едва-ли окупятся той пользой, которую она можетъ принести странѣ въ теперешнемъ своемъ видѣ. Свободная, но отвѣтственная печать и свѣдущіе люди скорѣе указали бы дѣйствительныя народныя нужды и нашли бы средства для

---

¹⁾ Съ одной стороны Дума имѣетъ право дѣлать запросы министрамъ, а съ другой министры могутъ давать на нихъ отвѣты не лично, а чрезъ должностныхъ лицъ, или уполномочиваемыхъ (ст. 24).

удовлетворенія назрѣвшихъ потребностей нашей жизни, сдѣлавъ это въ большемъ согласіи съ завѣтами родной старины, чѣмъ законосовѣщательное учрежденіе такого состава и такого характера. Ни одно изъ современныхъ общественныхъ теченій въ Россіи не можетъ найти въ Думѣ полное удовлетвореніе своихъ завѣтныхъ стремленій: поборники безусловнаго преобладанія бюрократическихъ идеаловъ недовольны выборнымъ учрежденіемъ, получившимъ право не только обсуждать мѣропріятія, выращиваемыя въ глухой тиши петербургскихъ канцелярій, но и вносить собственные предложенія, едва не общающія безмятежный покой нашимъ сановникамъ; сторонники конституціоннаго уклада не способны помириться съ только законосовѣщательнымъ голосомъ, предоставленнымъ „народнымъ представителямъ“, и желаютъ скорѣйшаго превращенія Думы въ парламентъ. Крайніе радикальные круги негодуютъ по поводу крушенія требованій всеобщаго и прямого голосованія и мечтаютъ по прежнему о введеніи демократической республики, если не о насажденіи социалистическаго рая; желавшіе возврата къ родной старинѣ видятъ въ Думѣ платье не по русскому богатырскому плечу, плохо скроенное изъ кусковъ привозныхъ матерій и бѣлыми нитками сшитое съ уцѣлѣвшими остатками прежняго кафтана, уже давно перекроеннаго бюрократіей на западно европейскій ладъ. Не имѣя же корней въ обществѣ, Дума не можетъ оказаться жизнеспособной, а потому не внесетъ успокоенія, но сдѣлается неминуемо разсадникомъ борьбы противъ бюрократіи, противъ несправедливаго предпочтенія внѣшняго признака, опредѣляемаго то по имущественному, то по податному цензу—болѣе глубокому, внутреннему—личнымъ духовнымъ качествамъ, стяжавшимъ истинное довѣріе общественное, противъ преобладанія плутократическаго средостѣнія надъ національными русскими идеалами, требующими свободнаго единенія Царя по старинѣ со всей русской землей.

По поводу Высочайшаго Манифеста отъ 17-го октября 1905 года.

— — —

Какъ предвидѣли всѣ трезво мыслящіе наблюдатели русской жизни, завершеніе неслыханно позорной войны съ Японіей безславнымъ портсмутскимъ миромъ не принесло успокоенія нашему несчастному Отечеству. Крайняя партія, желающая „порвать всякую связь съ прошлымъ“ и превратить Россію изъ христіански-самодержавнаго, въ идеалѣ, государства въ демократическую республику или даже въ коммунистическую анархію, нашла въ непрерывныхъ уступкахъ правительства, подзадориваніи печати, растерянности общества благопріятную почву для постояннаго повышенія своихъ требованій, заявляемыхъ уже одновременно съ открытыми угрозами прибѣгнуть къ вооруженному возстанію и политической забастовкѣ. Какъ послѣ берлинскаго конгресса, такъ и теперь вслѣдъ за миромъ наблюдается вспышка революціоннаго движенія, нашедшаго для себя болѣе благопріятную обстановку. Печальныя событія послѣднихъ лѣтъ тяжело отразились на положеніи рабочаго и служилаго люда, который, при возрастающей дороговизнѣ предметовъ первой необходимости, испытывалъ все большую нужду въ улучшеніи своего экономическаго и соціальнаго положенія. Эта нужда не была своевременно удовлетворена, несмотря на указанія въ печати, на заявленія рабочихъ, отчасти и потому, что крайніе элементы выдвигали безусловно неприемлемыя требованія, исполненіе коихъ обрекало многія предпріятія на явные убытки и грозило прекращеніемъ или сокращеніемъ производства, т. е. обѣщало

выбросить на рабочій рынокъ цѣлыя тысячи безработныхъ. Но при благоразумной уступчивости, меньшей требовательности и большемъ общественномъ спокойствіи стороны, несомнѣнно, всюду пришли бы къ полюбовному соглашенію, какъ показываетъ прекращеніе желѣзнодорожной забастовки въ Москвѣ до объявленія Высочайшаго Манифеста отъ 17 октября. Къ несчастью, экономическій вопросъ получилъ яркую политическую окраску и „забастовка“ приобрѣла характеръ удара, направленнаго противъ Самодержавнаго правительства, дабы понудить его сдѣлать новый еще болѣе рѣшительный шагъ къ разрыву съ прошлымъ, съ народными вѣрованіями и упованіями. Подъ несомнѣннымъ давленіемъ извѣстій о безпорядкахъ на окраинахъ и въ рядѣ русскихъ городовъ, о перерывѣ желѣзнодорожныхъ сообщеній и прекращеніи, такъ сказать, правильнаго кровообращенія въ государственномъ организмѣ, Его Императорское Величество призналъ необходимымъ объединить дѣятельность высшаго правительства, возложивъ на его обязанность выполненіе непреклонной воли Самодержца: 1) „даровать населенію незаблемыя основы гражданской свободы, 2) привлечь теперь же къ участію въ Думѣ, въ мѣрѣ возможности, тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставивъ засимъ дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку и 3) установить, какъ незаблемое правило, чтобъ никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ Насъ властей“.

Несомнѣнно, что Манифестъ отъ 17 октября открываетъ новую страницу въ русской исторіи и по своей важности для будущаго нашего Отечества нуждается въ разносторонней оцѣнкѣ. Каждое же правительственное мѣропріятіе подлежитъ разсмотрѣнію, главнымъ образомъ, съ двухъ точекъ зрѣнія: теоретической, т. е. соотвѣтствія его извѣстнымъ идеальнымъ представленіямъ, и практической,

т. е. соотвѣтствія его современнымъ запросамъ народнымъ. Конечно, только смѣшеніе истиннаго Самодержавія съ полицейски-бюрократическимъ абсолютизмомъ позволяетъ утверждать, что гражданская свобода, по полной несовмѣстимости, не можетъ процвѣтать подъ скипетромъ самодержавныхъ Царей. Наоборотъ, труды незабвенныхъ поборонокъ русской самобытности—московскихъ славянофиловъ, прочно установили, что настоящее, народное Самодержавіе возможно сочетать съ осуществленіемъ началъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова и печати, собраній и союзовъ¹⁾). Расширеніе избирательныхъ правъ также ведетъ лишь къ болѣе полному единенію между Царемъ и Народомъ. Дѣйствительное участіе выборныхъ въ надзоръ за законмѣрностью дѣйствій *поставленныхъ Государемъ* властей въ свою очередь, въ идеѣ, не противорѣчитъ Самодержавію, ибо Царь такимъ путемъ ставитъ своихъ чиновниковъ подъ бдительный контроль народа, не поступаясь полнотой своей власти. Даже „одобреніе законовъ Государственной Думой“ нужно разсматривать какъ необходимое устраненіе бюрократическаго самовластия въ области законодательной, ибо бывали случаи, когда сановники неправильно излагали нужды народныя передъ Престоломъ и вызывали законодательныя распоряженія, несоотвѣтствующія ни общественнымъ потребностямъ, ни пользѣ Россійской Державы. Вспомнимъ, для примѣра, уставы нашей высшей и средней школы, которыя забыли свое воспитательное назначеніе и превратились поэтому въ разсадники бездушнаго политиканства! Въ этомъ пониманіи значенія предварительнаго „одобренія“ наставляетъ насъ и Св. Синодъ, пастырское посланіе коего гласитъ: „Для того, чтобы горе и нужды скорѣе достигали до престола царскаго, Государь благоизволилъ призвать на помощь Себѣ и самый народъ въ лицѣ облеченныхъ довѣріемъ народныхъ избранниковъ, чтобы они могли невозбранно и безбоязненно говорить правду о землѣ своей

¹⁾ См. между прочимъ, поучительную переписку Ѳ. Д. Самарина и А. А. Кирѣева „Мирный Трудъ“ 1905 г. № 4.

и чтобы ранѣе, чѣмъ Онъ, Государь, изъявить волю Свою на новый законъ, выборные отъ народа могли одобрить законодательное *предположеніе*. *Не устранился тѣмъ и не можетъ устраниваться Царь отъ народа Своего: Онъ всегдашній вершитель судебъ Русской земли и нынѣ и впредь только Его Высочайшей Властью будетъ освящаться законъ и утверждаться всякое право*“. Завѣты прошлаго также показываютъ, что участіе выборныхъ въ выработкѣ законодательныхъ постановленій не противорѣчитъ самодержавному началу, ибо, напр. для составленія Соборнаго Уложенія Самодержца всея Руси, Алексѣя Михайловича, были привлечены и выборные: „чтобы его государево царственное и земское дѣло съ тѣми со всѣми выборными людьми утвердить и на мѣрѣ поставить, чтобы тѣ всѣ великія дѣла по его государеву указу и соборному уложенію впредь были ничѣмъ нерушима“. Наконецъ, самъ Государь, неоднократно и торжественно заявлявшій, что Онъ свято соблюдеть припятый Имъ при вѣнчаніи на Царство обѣтъ самодержавно править Русскимъ Государствомъ, и послѣ 17-го октября продолжаетъ именоваться „Самодержцемъ Всероссійскимъ“.

Итакъ, по нашему глубокому убѣжденію, *теоретически* Высочайшій Манифестъ отъ 17-го октября не противорѣчитъ идеальному представленію о Самодержцѣ, находящемся въ постоянномъ единеніи со своимъ вѣрноподаннымъ народомъ, и не вводитъ у насъ западно-европейскаго парламентаризма. Но есть другая сторона—практическая и она-то наводитъ на самыя тяжелыя размышленія. Прежде всего, Манифестъ отъ 17 октября былъ понятъ, какъ поздняя вынужденная уступка, сдѣланная „не по волѣ, боязни ради и междуусобія отъ всѣхъ черныхъ людей, а не истинныя правды ради“. Рядъ газетныхъ статей торжествуетъ поѣтому новую побѣду „освободительнаго движенія“ и тутъ же предъявляетъ длинную вереницу новыхъ неприемлемыхъ требованій, взываетъ къ дальнѣйшей борьбѣ и даже вооруженному возстанію противъ „самодержавнаго правительства“. Непримиримыя противники нашего исконнаго уклада, такимъ образомъ, продолжаютъ смотрѣть на Россію, какъ на

страну, имѣющую по прежнему самодержавное правительство, съ которымъ они ведутъ смертельную борьбу. Но въ то-же время и въ зарубежной и въ отечественной печати раздаются иные голоса, твердящіе о происшедшемъ уже введеніи въ Россіи „конституціи“, въ которой одни видятъ благо, а другіе горе для русскаго народа. Стало быть, практически Манифестъ подалъ поводъ къ разномыслію и не безъ основанія, ибо „одобреніе“ можетъ быть понимаемо въ смыслѣ голоса рѣшающаго, такъ какъ Государственная Дума именуется нынѣ не законосовѣщательнымъ, а законодательнымъ учрежденіемъ. Эта неясность и неопредѣленность выражений вселяетъ въ сердца тревогу и опасенія, что вмѣсто обѣщаннаго намъ *бывшаго встарь* единенія Царя съ народомъ, вмѣсто *самобытнаго* развитія въ области государственной, Россія окончательно поворачивается на путь слѣпого подражанія западнымъ установленіямъ. Эта измѣна народнымъ чаяніямъ сулитъ великія бѣдствія странѣ, такъ какъ объединеніе дѣятельности высшаго правительства несомнѣнно происходитъ въ духѣ конституціонномъ, а не въ смыслѣ завѣтовъ Императора Александра III, который тоже имѣлъ въ виду это объединеніе подъ руководствомъ стоящаго *внѣ партій* Самодержца. Нынѣ же предсѣдательство въ преобразованномъ Совѣтѣ Министровъ вручено графу Витте, который откровенно заявляетъ о своей близости съ конституціонной партіей. На министерскіе посты призываются люди „*одинаковыхъ политическихъ убѣжденій*“, т. е. принадлежащіе къ одной и той же *политической партіи*. Мало того, графъ Витте считаетъ необходимымъ „приложить всѣ старанія, чтобы одушевляющая его работу идея стала идеей *всѣхъ* агентовъ власти отъ высшихъ до низшихъ“, т. е. правительство перестаетъ быть народнымъ и пріобрѣтаетъ чисто партійную окраску. Естественно поднимается вопросъ, будетъ ли оно достаточно безпристрастнымъ, не поддастся ли оно соблазну объявить свои собственные политическіе идеалы—идеалами большинства русскаго народа? Графъ Витте поспѣшилъ уже заявить, что „Россія переросла форму существующаго строя.

Она стремится де къ *строю правовому* на основѣ гражданской свободы“. Поэтому задача правительства сводится „къ устроенію *правового порядка*, къ установленію такихъ учреждений и такихъ законодательныхъ нормъ, которыя соотвѣтствовали бы выяснившейся (?) политической идеѣ большинства (?) русскаго общества“. Любопытно знать, какимъ путемъ графъ Витте узналъ мнѣніе большинства, вѣдь у насъ не было ни разсылки опросныхъ листовъ, ни всенароднаго голосованія, т. е. народныя стремленія не были до сихъ поръ уяснены съ надлежащей и безспорной точностью: если одна сторона можетъ указать на рядъ газетныхъ статей, предъявляющихъ извѣстныя требованія отъ имени „всего народа“, или „всей націи“, то и другая тоже ссылается на полное и всеобщее сочувствіе ея идеаламъ, объявляетъ ихъ всенародными. Адресы и депутаціи также говорили разное и свидѣлствуютъ о существованіи различныхъ теченій даже въ средѣ такъ называемаго „мыслящаго русскаго общества“. Подлинное же большинство народа еще не сказало своего послѣдняго слова.

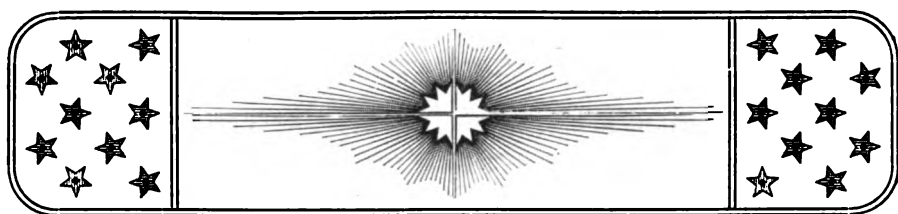
Самъ гр. Витте находитъ, однако, что правительству надлежитъ *выяснить и установить* запросы времени, руководствуясь, конечно, *господствующей въ большинствѣ* общества идеей, а не отголосками хотя бы и рѣзко выраженныхъ требованій *отдѣльныхъ кружковъ*“. Значитъ, г. предсѣдатель Совѣта министровъ еще собирается только „выяснять“ и „устанавливать“ современные запросы, сознавая въ тоже время, что „*сразу приуготовить* страну со 135-милліоннымъ населеніемъ, обширнѣйшей администраціей, *воспитанными на иныхъ началахъ*, къ воспріятію и усвоенію нормъ правового порядка не по силамъ никакому правительству, ибо принципы правового порядка воплощаются лишь постолько, поскольку населеніе получаетъ къ нимъ привычку—гражданскій навыкъ“. Это мысли вѣрныя, но какъ примирить необходимость продолжительной *подготовки* и многомилліоннаго населенія и администраціи къ воспріятію правового порядка съ утвержденіемъ, что *Россія уже переросла* форму существующаго строя? Это противо-

рѣчіе непримиримое, равносильное признанію того, что „правовой порядокъ“ навязывается народу, къ нему неподготовленному, властной волей бюрократіи, типичнымъ представителемъ которой всегда былъ гр. Витте, выступавшій еще недавно противникомъ самоуправленія. На нашихъ глазахъ происходитъ не освященное народнымъ желаніемъ преобразование Россіи, а чисто бюрократическій переворотъ, по свидѣтельству даже его виновника, не имѣющій корней въ народномъ сознаніи... Тяжкія испытанія надвигаются, благодаря этому, на наше Отечество и не общимъ ликова-ніемъ, спутникомъ удовлетворенія чаяній подлиннаго большинства, а ужасами погромовъ, избіеній, вооруженныхъ столкновеній отвѣтила страна на первые шаги новаго правительства, которое вынуждено было при содѣйствіи св. Синода объяснять народу, что онъ уже „созрѣлъ и достоинъ свободы мужа“. Если бы это было вѣрно, то не понадобилась бы и „подготовка“, немислимы были-бы и тѣ звѣрства, которыя произошли въ рядѣ городовъ и весей російскихъ... Въ печати промелькнуло указаніе, что гр. Витте *не ожидалъ* взрыва народныхъ страстей, но его считали неизбѣжнымъ всѣ тѣ, кто не ослѣпленъ партійными и теоретическими воззрѣніями. Народъ въ странныхъ для него, чисто конституціонныхъ, помѣткахъ министровъ на Манифестахъ усмотрѣлъ устраненіе Царя отъ дѣлъ, почувалъ что-то неладное, увидѣлъ, что его идеалы сокрушаются помимо его воли и, будучи неспособенъ, по безграмотности, къ борьбѣ словомъ, пустилъ въ дѣло грубую силу. Онъ понялъ, что Россія распадается, что окраины получаютъ самостоятельность, какъ Финляндія, которая отнынѣ связана съ Монархомъ, а не съ Россіей. Онъ *постигъ*, что Царь не становится ближе и доступнѣе, а наоборотъ воздвигается новая еще болѣе высокая и непроницаемая преграда, новое болѣе притязательное средостѣніе между „Надежей-Государемъ Батюшкой“ и Его дѣтьми. Вѣдь по газетнымъ свѣдѣніямъ уже прекращенъ пріемъ прошеній на Высочайшее Имя! Это значитъ, что даже слабая ниточка, связывавшая Царя и народъ, устанавливавшая непосред-

ственное общеніе между ними, нынѣ разрывается! Вѣковое же народное желаніе гласить: *кабы Царь всю правду вѣдалъ*. Развѣ можетъ дать Ему эту правду полномочный министръ, на первыхъ же порахъ доказавшій всему міру какъ свое незнаніе подлинныхъ запросовъ многомилліоннаго крестьянства, главнаго устоя Россіи, такъ и другихъ слоевъ, вѣрныхъ попрежнему Престолу Самодержавному. „Революція“, вѣдь, происходящая у насъ, подъ охраной отъ народной ярости войсками бунтарей, нуждающихся даже въ поддержкѣ „приготовишекъ“, производится *лишь* крайними партіями и не графу Витте, вождю *лишь* опредѣленной партіи, водворить желанный миръ и спокойствіе: отъ „анархіи, угрожающей, помимо всѣхъ ужасовъ борьбы, расчлененіемъ государства“, можетъ избавить насъ только Самодержецъ, отказавшійся отъ приказнаго строя и вступившій въ тѣсное единеніе, *какъ было встарь*, съ вѣрящимъ Ему, и только Ему, русскимъ народомъ.

„Мирный Трудъ“ 1905 г. № 9.

Письмо въ редакціи Харьковскихъ газетъ.

— — —

М. г., г. редакторъ! Позвольте просить васъ при посредствѣ вашей газеты довести до всеобщаго свѣдѣнія нижеслѣдующее постановленіе совѣта Харьковского отдѣла Русскаго Собранія: Въ экстренномъ засѣданіи совѣтъ Харьковского отдѣла Русскаго Собранія въ интересахъ выясненія истины постановилъ:

1) Потребовать отъ проф. Н. А. Гредескула, чтобы онъ печатно повторилъ какъ обвиненія, высказанныя имъ противъ Русскаго Собранія на засѣданіи Совѣта Императорскаго Харьковского университета 28 сентября 1905 г., такъ и доказательства, приведенныя въ ихъ подкрѣпленіе.

2) Просить всѣ Харьковскія газеты обнародовать это постановленіе 29 сентября 1905 года.

Предсѣдатель совѣта проф. *А. Вязигинъ*.

1-го Октября 1905 года № 8583, „Южный Край“.

Письмо проф. Н. А. Гредескула въ редакцію газ. „Харьковскій Листокъ“.

М. г., г. редакторъ!

Прошу васъ не отказать дать мѣсто въ вашей газетѣ моему отвѣту на письмо проф. А. С. Вязигина, помѣщенное у васъ 1 октября.

Во всѣхъ трехъ харьковскихъ газетахъ, 1 октября т. г. появился грозный декретъ совѣта Харьковского Отдѣла Русскаго Собранія: „*потребовать*“ отъ проф. Н. А. Гредескула, чтобы онъ печатно повторилъ какъ обвиненія, высказанныя имъ противъ

Русскаго Собранія на засѣданіи совѣта Императорскаго харьковскаго университета 28 сентября 1905 года, такъ и доказательства, приведенныя въ ихъ подкрѣпленіе“. Къ этому долженъ добавить, что совѣтъ Харьковского Отдѣла Русскаго Собранія почтилъ меня и личнымъ обращеніемъ ко мнѣ въ формѣ письма, въ которомъ также предложено означенное требованіе, но при этомъ добавлено: „Невыполненіе этого *требованія* будетъ истолковано нами, какъ признаніе въ полной несостоятельности вашихъ измышленій“.

Признаюсь, въ отвѣтъ на это *требованіе* людей, которымъ, раньше чѣмъ какъ-бы то ни было истолковать послѣдствія неисполненія своихъ требованій, слѣдовало-бы точнѣе уяснить себѣ, чего собственно они могутъ требовать и чего нѣтъ, мнѣ очень хотѣлось сохранить абсолютное молчаніе. Въ самомъ дѣлѣ, судя по тону этого требованія, можно подумать, что я гдѣ-то тайкомъ, украдкой нашептывалъ какія-то облыжныя рѣчи противъ Русскаго Собранія, и, вотъ, оно требуетъ, чтобы я повторилъ ихъ открыто, печатно. Но, вѣдь то, что я говорилъ, я говорилъ въ совѣтъ университета, не только въ присутствіи полнаго его состава, но и въ частности, въ присутствіи г.г. Вязигина, Остроумова и другихъ членовъ Русскаго Собранія. Если всѣ эти лица не запомнили моихъ словъ или не сумѣли ихъ передать, то совѣтъ Русскаго Собранія могъ-бы *просить* меня повторить печатно то, что я говорилъ въ совѣтъ, но *требовать* этого отъ меня... это ужъ слишкомъ,—и съ людьми, которые этого не понимаютъ, всякій вправѣ не разговаривать.

Итакъ, я считаю, что я вправѣ не исполнять *требованія* совѣта Русскаго собранія и предоставить ему *истолковать* послѣдствія неисполненія мною его требованія, какъ ему угодно.

Но я *хочу* повторить печатно то, что я говорилъ въ совѣтъ университета. Я *радъ* это сдѣлать при условіи, когда этого желаетъ само Русское собраніе. Пусть-же оно на меня потомъ не пеняетъ! Tu l'as voulu, George Dandin!

Въ совѣтъ университета было оглашено заявленіе студентовъ, въ которомъ они выражаютъ свой отказъ отъ слушанія лекцій проф. Остроумова, и былъ заслушанъ рассказъ проф. Буткевича о томъ, какъ студенты выразили ему свое „презрѣніе“ по поводу того, что онъ состоитъ членомъ Русскаго Собранія. Въ-стѣ съ тѣмъ деканомъ историко-филологическаго факультета было доведено до свѣдѣнія совѣта, что и профессора Буцинскій и Денисовъ подвергаются студенческому бойкоту, какъ члены Русскаго Собранія. Послѣ этого профессоръ Буткевичъ и профессоръ Остроумовъ стали взывать къ совѣту университета, чтобы онъ защитилъ ихъ отъ студенческихъ нападокъ во имя свободы мнѣнія и

убѣжденія, какъ научнаго, такъ и политическаго. На это проф. Буткевичу и проф. Остроумову, не только мною, но и другими, было сказано, что если бы можно было быть увѣренными, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ только о свободѣ научныхъ и политическихъ убѣжденій, то совѣтъ ни одной минуты не колебался бы стать на ихъ защиту и считалъ бы это своимъ долгомъ. Но дѣло, въ данномъ случаѣ, несомнѣнно сложное, такъ какъ съ нимъ связаны „поступки“, нравственная оцѣнка которыхъ не можетъ быть воспрещена студентамъ, такъ же какъ и другимъ лицамъ, и можетъ приводить къ различнымъ результатамъ...

Въ частности, я, развивая эту самую мысль, сказалъ слѣдующее: намъ трудно въ совѣтѣ университета защищать отъ нападковъ студентовъ тѣхъ изъ профессоровъ, которые принадлежатъ или принадлежали къ составу Русскаго Собранія потому что Харьковскій Отдѣлъ Русскаго Собранія запятналъ себя дѣяніями съ нравственной стороны совершенно предосудительными. Такое нравственно-предосудительное дѣяніе, для всѣхъ очевидное и не подлежащее никакому сомнѣнію, я прежде всего усматриваю въ томъ политическомъ доносѣ, который нашелъ себѣ мѣсто въ органѣ Харьковского Отдѣла Русскаго Собранія, журналѣ „Мирный Трудъ“, въ статьѣ г. А. Каута, подъ заглавіемъ „Обновленіе“, помѣщенной въ № 6 этого журнала за 1904 г. (впослѣдствіе г. А. Каутъ раскрылъ свой псевдонимъ и оказался предсѣдателемъ Харьковского Отдѣла Русскаго Собранія—проф. Вязигинымъ). Въ этой статьѣ имѣется слѣдующая страница (приводимъ ее цѣликомъ,—и какъ *corpus delicti*,— и потому, что любопытно иногда произведенія этого рода почитать заднимъ числомъ, послѣ того, какъ „свершились времена“ и изъ мрака этихъ временъ народились событія, о которыхъ и не снилось авторамъ подобныхъ страницъ):

„Опытный садовникъ хорошо знаетъ, что никакія удобренія или прививки не помогутъ заброшенному цѣлые годы саду; его надо предварительно „обмолодить“, надо на каждомъ захирѣвшемъ и устарѣвшемъ деревѣ тщательно вырѣзать всѣ усохшіе сучья, вычистить гнилыя раны, отпилить безплодныя, покрытыя лишаями вѣтви, удалить „водяные побѣги“, непроизводительно тянушіе сокъ. Разъ это слѣлано, удобрите почву и черезъ нѣсколько лѣтъ обновленное дерево покроется свѣжей зеленой листвою, душистыми цвѣтами и обильными плодами.“

„Такъ надо поступить и съ покрывающимъ всю Россію садомъ народнаго воспитанія и образованія. Развѣ не нужно освободить нашу школу отъ такихъ „начальниковъ“, которые оставляютъ безнаказанными инородцевъ, позволяющихъ себѣ свистать

во время пѣнія народнаго гимна и наглыми выходками оскорблять патріотическія чувства русскихъ учениковъ и ученицъ? Развѣ мыслимы въ какой-либо странѣ преподаватели, отказывающіе въ научномъ совѣтѣ юношѣ за то, что онъ открыто выражаетъ свою преданность Престолу и борется съ революціонной пропагандой? Развѣ терпимы въ стѣнахъ учебныхъ заведеній учителя, сравнивающіе народныхъ героевъ, покрывшихъ міровой славой русскій стягъ при Чемульпо, съ канатными плясунами? Развѣ можно допускать до отвѣтственныхъ постовъ наблюдателей за юношествомъ, тѣмъ болѣе во время лѣтняго отдыха, лицъ, открыто выражающихъ свое „неодобреніе“ ко внутренней политикѣ правительства, раздающихъ ученикамъ для прочтенія разныя подозрительныя книженки по „рабочему вопросу“, въ ущербъ правильному ходу ихъ занятій? Нѣсколько ниже въ этой же статьѣ, мы читаемъ: „Нельзя же допускать глумленія надъ святынями, приведенія инородцами текстовъ св. писанія съ соотвѣствующими, оскорбительными для вѣрующихъ толкованіями! „Руководитель“, быть можетъ, свѣдущій спеціалнсть, очень часто является круглымъ невѣждою въ богословіи, исторіи и другихъ отрасляхъ знанія, гдѣ онъ только повторяетъ „самыхъ передовыхъ мыслителей“ и поддакиваетъ имѣющимъ ложный успѣхъ ученіямъ, вводя въ соблазнъ малоопытныхъ и несвѣдущихъ слушателей. Это уже не наука, а пропаганда, совершенно неумѣстная и недопустимая!“—Сводя къ одному знаменателю свою почтенную работу, совершенную въ этой статьѣ, авторъ ея, проф. Вязигинъ, говоритъ: „Основная мысль наша уже достаточно намѣчена; обновленіе нашей школы можетъ быть достигнуто только при условіи тщательнаго подбора свѣдущихъ, любящихъ свое дѣло и убѣжденныхъ преподавателей, равно какъ безотлагательнаго (*безотлагательнаго!*...) удаленія всѣхъ тѣхъ, кто святое дѣло воспитанія и образованія превращаетъ въ средство для проповѣди превратныхъ ученій“,—чувствуете ли, читатель, гдѣ вы побывали? Признаюсь, въ совѣтѣ университета я этой страницы цѣликомъ не читалъ, я сдѣлалъ на нее только ссылку, чтобы не оскорблять чрезмѣрно нравственнаго чувства моихъ товарищей, ибо они всѣ уже читали ее въ свое время съ ужасомъ и отвращеніемъ. Но передъ тѣми, кто ея не читалъ, или основательно забылъ, я долженъ былъ ее возстановить цѣликомъ, со всѣмъ присущимъ ей ароматомъ, такъ какъ совѣтъ Харьковскаго Отдѣла Русскаго Собранія требуетъ отъ меня „доказательствъ“! Извольте, получите на глазахъ всѣхъ эту позорную страницу, гдѣ, кромѣ общаго призыва къ политическому преслѣдованію, содержится еще ровно *пять* поименныхъ доносовъ! Я говорю: поименныхъ, потому, что тѣ, кого надо, по рецепту опытнаго садовника, „вы-

рѣзать“ или „отпилить“, описаны въ статьѣ такъ, что въ нихъ сразу узнавались опредѣленные лица. Это, слѣдую по порядку ихъ описанія: проф. П. Т. Степановъ, проф. Н. А. Гредескулъ, учитель Сахаровъ, учитель Обуховъ и прив.-доц. Оатѣвъ. Я смѣло называю здѣсь печатно эти имена, потому что ихъ всѣ знаютъ и они, въ данномъ случаѣ, составляютъ то, что на судебномъ языкѣ называется *notorium*: общезвѣстное обстоятельство; никто изъ этихъ лицъ, конечно, не станетъ меня въ этомъ опровергать.

Вотъ какого рода „литература“ печаталась въ „Мирномъ Трудѣ“ проф. Вязигинымъ. Въ совѣтѣ университета по поводу приведенной страницы я сказалъ, что наибольшій умственный позоръ выпалъ на долю харьковского университета въ тѣ отдаленныя времена, когда въ немъ на кафедрѣ философіи былъ назначенъ частный приставъ; но наибольшій нравственный позоръ онъ претерпѣлъ нѣсколько больше года тому назадъ, когда въ іюньской книжкѣ „Мирнаго Труда“ проф. Вязигинъ напечаталъ только что цитированную нами статью. Право, менѣе горестно то, что частный полицейскій приставъ былъ превращенъ волею начальства въ профессора, чѣмъ то, что профессоръ совершенно добровольно превратился въ „частнаго“ полицейскаго пристава.

Сославшись въ совѣтѣ университета на только что указанное произведеніе профессора Вязигина и, охарактеризовавъ его описаннымъ способомъ, я, далѣе, сказалъ, что эта статья представляетъ собою только „идеологию“ Харьковского Отдѣла Русскаго Собранія, только теорію, за которой стояла его практика въ Харьковѣ, которая вполне соответствовала теоріи и, дѣйствительно, дала нѣкоторые результаты въ смыслѣ очищенія сада мѣстнаго просвѣщенія и образованія по рецепту „опытнаго“ садовника. Я, указавъ на то, что изъ лицъ, намѣченныхъ въ статьѣ проф. Вязигина, проф. Степановъ вынужденъ былъ удалиться изъ 2-й гимназіи, гдѣ онъ былъ директоромъ, учитель Сахаровъ также, а проф. Н. А. Гредескулъ сорвался съ удочки и остался въ университетѣ. Отмѣтивъ эти факты, я сказалъ, что если „опытнымъ садовникамъ“ не удавалось сдѣлать всего, чего они хотѣли, то это уже не ихъ вина, ибо они, съ своей стороны, сдѣлали все для достиженія полнаго результата, но ихъ „покушеніе“ было остановлено другими.

Вотъ все существенное, что я говорилъ въ засѣданіи совѣта университета 28 сентября. Замѣчу, что о „практикѣ“ харьковскихъ опытныхъ садовниковъ я сказалъ далеко не все, что могъ бы сказать, и о чемъ говорилъ, напр., въ засѣданіи харьковского окружнаго суда по дѣлу студ. Петрова. Къ сожалѣнію послѣднее разбиралось при закрытыхъ дверяхъ...

Проф. Н. А. Гредескулъ.

Письмо въ редакцію газеты „Южный Край“
проф. А. С. Вязигина.

Милостивый государь, г. редакторъ!

Позвольте прежде всего принести вамъ искреннюю признательность за помѣщеніе письма проф. Гредескула, которое проливаетъ давно желанный свѣтъ на клеветническія сплетни и обвиненія, разсѣваемаыя чьей-то опытной въ семь дѣлъ рукой противъ харьковскаго отдѣла Русскаго Собранія. Не откажите и мнѣ въ помѣщеніи нижеслѣдующихъ разъясненій, необходимыхъ для всесторонняго освѣщенія этого дѣла, задѣвающего интересы весьма многихъ изъ нашихъ согражданъ: въ самомъ дѣлѣ, уже давно „кто-то, гдѣ-то, тайкомъ, украдкой нашептывалъ какія то облыжныя рѣчи противъ Русскаго Собранія“, а отъ этихъ рѣчей страдали почтенныя и уважаемыя лица; довѣрчивые и честные юноши, повѣривъ на слово обвинителямъ, преслѣдовали, таварищей, виновныхъ лишь въ посѣщеніи нашихъ засѣданій, незаслуженно оскорбляли ихъ бранными кличками: эти гоненія доводили преслѣдуемыхъ до изступленія, толкали на безумные поступки, такъ что одинъ изъ гонимыхъ едва не сдѣлался убійцей; въ печати время отъ времени повторялись анонимныя обвиненія противъ Русскаго Собранія и меня лично, тогда какъ мой вызовъ, брошенный въ лицо, *почти годъ назадъ*, трусливымъ, заугольнымъ клеветникамъ—выступить гласно и открыто съ доказательствами—оставался „гласомъ вопіющаго въ пустынь“. Только теперь, когда „свершились времена“, получивъ увѣренность въ безнаказанности за свою ложь, что ли, эти господа посмѣлѣли, и проф. Гредескулъ выступилъ съ обвинительнымъ актомъ противъ Русскаго Собранія на засѣданіи совѣта харьковскаго университета. Это внезапное нападеніе получило, однако, немедленный отпоръ, послѣ котораго профессоръ Гредескулъ счелъ возможнымъ лишь поспѣшно заявить совѣту, что онъ не является авторомъ статьи въ „Вѣстникъ

Европы“, заставившей меня вызвать прячущихся клеветниковъ на судъ общественнаго мнѣнія. Никакихъ намековъ на то, что у обвинителя въ карманѣ остались еще данныя, выдвинутыя де имъ „на закрытомъ“, къ нашему великому сожалѣнію, засѣданіи харьковскаго окружнаго суда, проф. Гредескулъ въ засѣданіи совѣта *не дѣлалъ*. Позволивъ же себѣ опять сослаться на то, чего не вѣдаетъ никто, г. обвинитель снова заставляетъ обратиться къ нему съ *требованіемъ* выворотить, наконецъ, свой карманъ и выложить весь свой запасъ наружу. Правда, проф. Гредескулъ прикидывается, будто онъ не понимаетъ, что бываютъ положенія, когда „просить“ значитъ унижать свое достоинство, когда всякій честный человѣкъ можетъ и имѣетъ право только *требовать*. Ясно всякому, что если бы присутствовавшіе на совѣтѣ члены Русскаго Собранія сами изложили обвиненія проф. Гредескула, то онъ могъ бы, пожалуй, упрекать насъ въ искаженіи, неточностяхъ и проч. Вотъ почему намъ надо было *заставить* проф. Гредескула во всеуслышаніе повторить „все существенное, что онъ говорилъ въ засѣданіи совѣта“. Это намъ удалось вполне и мы, наконецъ-то, получили возможность оцѣнить передъ всѣми по достоинству тѣ способы борьбы съ Русскимъ Собраніемъ, къ которымъ прибѣгаютъ его политическіе противники. Въ своей „прокурорской рѣчи“ проф. Гредескулъ выставилъ такое положеніе: „харьковскій отдѣлъ Русскаго Собранія запятналъ себя дѣяніями (?), съ нравственной стороны совершенно предосудительными“. „Такое нравственно предосудительное дѣяніе (?), для всѣхъ (?) очевидное и не подлежащее никакому (?) сомнѣнію, я прежде всего усматриваю въ томъ политическомъ доносѣ, который нашелъ себѣ мѣсто“ въ статьѣ „Обновленіе“, напечатанной въ журналѣ „Мирный Трудъ“ (іюнь 1904 г.). Эта статья написана мною, а за нее тянуть къ отвѣту *все* Русское Собрание. Преклонимся же на минуту передъ той самомнящей непогрѣшимостью сужденій, которой вѣетъ отъ вышеприведенныхъ словъ проф. Гредескула, и согласимся, что всякое общество, всякая коллегія несетъ отвѣтственность за статьи своего

предсѣдателя: предсѣдатель написалъ, положимъ. „политическій доносъ“, значить, и всѣ члены—доносчики и т. п. Приложимъ теперь это положеніе къ самому проф. Гредескулу, ибо „какой мѣрой мѣряете,—возмѣрится вамъ“. Заранѣе просимъ читателей извинить за нѣкоторую рѣзкость выраженій, но они *не намъ принадлежатъ*, и только самооборона вынуждаетъ прибѣгнуть къ этому средству противъ мало стѣсняющагося въ выраженіяхъ и непомѣрно задорнаго „обличителя“, чтобы всѣмъ неоспоримо сдѣлалась ясной полная ошибочность и нелогичность его разсужденій.

Въ Москвѣ уже второй годъ издается журналъ „Правда“, гдѣ честно и послѣдовательно наши уважаемые политическіе противники проводятъ свои общественные идеалы, выросшіе на почвѣ ученія К. Маркса. Никто не заподозритъ сотрудниковъ упомянутаго журнала въ реакціонерствѣ, доносительствѣ и прочихъ подвигахъ, приписываемыхъ Русскому Собранію, а потому оцѣнка проф. Гредескула, сдѣланная въ августовской книжкѣ „Правды“ (стр. 194—196) за текущій годъ, приобрѣтаетъ крупное общественное значеніе. Здѣсь г. Н. Валентиновъ „во имя научной справедливости требуетъ самаго рѣзкаго осужденія подобнаго рода „профессорскаго чтенія“, какимъ является „шедевръ макулатурной критики“—публичная лекція проф. Гредескула „Марксизмъ и идеализмъ“. Совершенно справедливо заявивъ, что „критика требуетъ пониманія и изученія критикуемаго предмета“, равно какъ „нѣкотораго запаса философскаго знанія“, г. Валентиновъ продолжаетъ; „мы самымъ внимательнымъ образомъ читали брошюру почтеннаго профессора и ни того, ни другого не нашли. Проф. Гредескулъ пустился въ опасное море критики, безъ всякаго багажа. Правда, надъ убогой ладьей было выкинуто „профессорское“ знамя, но рискъ подобнаго путешествія не уменьшился, такъ какъ проф. обнаружилъ или „колосальное непониманіе марксизма, или просто, хотя совсѣмъ не простое, а умопомрачающее, невѣжество“.

Итакъ, г. предсѣдатель юридическаго Общества изобличается въ „умопомрачающемъ невѣществѣ“.

Стало быть, по логикѣ г. Гредескула, на всѣхъ членовъ

юридическаго Общества, между коими имѣется не мало крупныхъ научныхъ силъ, распространяется отвѣтственность за невѣжество его предсѣдателя? Далѣе, г. Валентиновъ, разоблачая „отсутствіе оригинальности“ и ошибочность „критики“ проф. Гредескула, доказываетъ, что послѣдній „не стѣсняется обнаружить свое, прямо трогательное философское младенчество“, и заключаетъ свою замѣтку выраженіемъ искренняго сожалѣнія объ аудиторіи „профессора“ Гредескула. Но, вѣдь, сей мужъ состоитъ деканомъ, т. е. предсѣдателемъ ученой коллегіи—юридическаго факультета значитъ, надо „жалѣть“ аудиторію всѣхъ его профессоровъ, даже тѣхъ, кто заслуженно пользуется авторитетомъ въ ученomъ мѣрѣ? Это примѣреніе исходной точки обвиненій противъ Русскаго Собранія къ самому обвинителю показываетъ всю ошибочность полемическаго приѣма, необдуманно пущеннаго въ дѣло нашимъ противникомъ. Вѣдь, всякій здравомыслящій человѣкъ скажетъ, что *каждое собраніе отвѣчаетъ лишь за свои постановленія и мѣры, принятыя съ его вѣдома и одобренія, при ихъ выполненіи. Частная, общественная и научная дѣятельность отдѣльнаго члена не можетъ быть поставлена въ вину всѣмъ его сочленамъ.* Поэтому обвинительный актъ, выдвинутый противъ Русскаго Собранія проф. Гредескуломъ, является мыльнымъ пузыремъ или, какъ я его назвалъ на засѣданіи совѣта, „покушеніемъ на преступленіе съ негодными средствами“.

Стоило только предать дѣло гласности, какъ всѣмъ должна стать очевидной *полная недоказанность* разпущенныхъ клеветниками обвиненій противъ Русскаго Собранія.

Теперь мнѣ остается сказать лишь нѣсколько словъ о моей статьѣ, отсылая за подробностями къ моему „Отвѣту „Вѣстнику Европы“, напечатанному въ 10-й книжкѣ „Мирнаго Труда“ за 1904 г., ибо я не могу злоупотреблять, при сведеніи старыхъ счетовъ, любезностью г.г. редакторовъ ежедневной газеты. Скажу только, что г. Гредескулъ признаетъ наличность указанныхъ мною нетерпимыхъ явленій и даже почему-то сразу узналъ себя въ „профессорѣ, отказавшемъ въ научномъ совѣтѣ юношѣ, открыто выражающему

свою преданность Престолу и борющемуся съ революціонной пропагандой“. Какъ въ своихъ статьяxъ, такъ и въ совѣтѣ и *теперь*, я повторяю, что профессоръ не можетъ унижаться до роли сыщика и допрашивать студента объ его политическихъ убѣжденіяхъ и поступкахъ, изъ нихъ вытекающихъ. Профессоръ, по моему, не „политическій агитаторъ“, а носитель научнаго свѣта, который, словно солнце, долженъ озарять „и добрыхъ, и злыхъ“. Если мы и тутъ станемъ на точку зрѣнія проф. Гредескула, то должны будемъ оправдать незначитываніе семестровъ студентамъ „забастовщикамъ“, какъ кару за политическія убѣжденія. На совѣтскомъ засѣданіи въ университетѣ я стоялъ и стою за недопустимость такого произвола надъ личностью студента, все равно, *выступаетъ ли въ роли палача студентовъ проф. „консерваторъ“ или „радикалъ“*. Я продолжаю думать,—какъ писалъ еще до „весны“ и въ той самой статьѣ, откуда проф. Гредескулъ вырвалъ только нѣсколько отдѣльныхъ фразъ,—что „если бы надъ нашими учебными заведеніями былъ приподнятъ скрывающій многое покровъ тайны, то общество воочію убѣдилось бы, что надо немедленно оздоровить нашъ педагогическій міръ, а не карать только юношей, легковѣрныхъ и увлекающихся: они являются козлами отпущенія, а хищные волки прикрываются овечьей шкурой. Вотъ почему необходимо самое широкое гласное обсужденіе школьныхъ безобразій“ (М. Т. 1904 г. № 6, стр. 192). Будучи всегда убѣжденнымъ сторонникомъ свободы печати, я въ своей статьѣ лишь отмѣтилъ явленія, возмутительныя не только съ точки зрѣнія членовъ Русскаго Собранія, но, смѣю думать, и многихъ родителей, которые согласятся со мной, что „подстрекать юнцовъ къ ниспроверженію правительства и получать отъ него жалованье, чины и ордена—это возмутительнѣйшая мерзость, слыущая за самый настоящій „либерализмъ“ и „гражданское мужество“. (Тамъ же ст. 191).

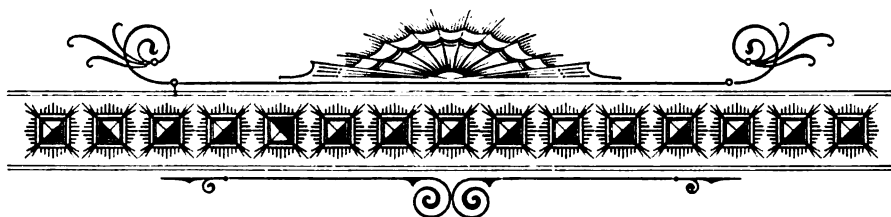
По моему глубокому убѣжденію, положительно смѣшно выступать съ обвиненіемъ въ „доносѣ“ противъ печатной статьи, говорящей къ тому же въ концѣ іюня о событіяхъ, происходившихъ нѣсколько мѣсяцевъ и недѣль назадъ. Ко-

нечно, надо признать за каждымъ въ отдѣльности право быть... „наивнымъ“, но все общество едва ли проявитъ такую умильную наивность, какъ голословное, но съ трескомъ бросаемое утверждение, будто печатная статья мало распространеннаго журнала, не называющая никого по имени, не указывающая даже мѣста дѣйствія, привела къ увольненію нѣсколькихъ лицъ. Полноте, неужели кто-нибудь повѣритъ, что правительство узнаетъ о дѣятельности своихъ чиновниковъ *только* благодаря „Мирному Труду“? Развѣ можно смѣшивать „политическій доносъ“ и непріятную обличительную статью? Проявивъ, такимъ образомъ, полное непониманіе самаго понятія „доносъ“, г. профессоръ-юристъ уподобился, какъ я заявилъ на совѣтѣ, „земскому начальнику-мордобойцѣ“, который, *почему то узнавъ себя*, положимъ въ статьѣ „Нашей жизни“ „Руси“ или „Сына Отечества“, кричитъ о „шпіонствѣ“, „доносѣ“, изображаетъ себя „жертвой“ и науськиваетъ своихъ единомышленниковъ на „проклятаго корреспондента“!

Нѣтъ, г. Гредескулъ, если ужъ гласность, такъ гласность всѣмъ, *вамъ и намъ*, а потому, признавъ, *вмѣстѣ со мною*, необходимость свободы печати, слова, мнѣній и убѣжденій, вы тѣмъ самымъ признали за мной право указывать обществу и правительству на тѣ явленія, которыя, съ моей, пускай ошибочной, точки зрѣнія, оказываются требующими безотлагательнаго искорененія. Вы бы лучше попробовали *доказать* мнѣ, что я заблуждаюсь, что указанные мною недочеты заслуживаютъ даже поощренія. Употреблять же крѣпкія слова не значитъ подкрѣплять гнилыя обвиненія, а потому всѣ ваши недостойныя вылазки лично противъ меня не могутъ придать силы несостоятельнымъ увѣреніямъ: всякій безпристрастный человѣкъ, уважающій свободное слово, пойметъ, почему только теперь, *послѣ новыхъ вызововъ*, г. Гредескулъ „захотѣлъ“ выступить въ печати, и учтетъ истинную стоимость вашихъ „доказательствъ“ и тѣхъ темныхъ обвиненій, которыя опять толкаютъ юношество на путь сыска и кары невинныхъ, вмѣсто возстановленія правильнаго хода научныхъ занятій.

~~~~~

УРОКИ ЖИЗНИ.

Поклоникамъ „прямого, равнаго, тайнаго и всеобщаго голосованія“, надлежитъ вдуматься въ смыслъ, происходящихъ у насъ на Руси кровавыхъ событій. Вѣдь развѣ не производится своеобразное „*всеобщее голосованіе*“, когда 40,000 человѣкъ плотной стѣною окружаетъ горящее зданіе, куда, укрылись, вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми, сторонники „освободительнаго движенія“, обреченные на мучительную и неизбѣжную гибель, когда многочисленная толпа разбиваетъ дома, предаетъ пламени помѣщенія, признаваемая ею очагомъ смуты, увѣчитъ и терзаетъ ея поборниковъ, когда жители цѣлаго города и окрестныхъ деревень заставляютъ „блѣдныхъ, перепуганныхъ студентовъ“ становиться на колѣни въ грязь Соборной площади передъ портретомъ Государя и приносить ему новую присягу, когда евреи поютъ „Боже, Царя храни“ подѣ страхомъ немедленнаго избіенія и ихъ раввинъ, вытребованный народомъ, отбираетъ клятву въ вѣрности Царю Самодержавному? Это безспорно *голосованіе* не записками и шарами, а поступками. Надо также принять во вниманіе, что толпа всюду состоитъ изъ „людей разнаго званія“,—т. е. представляетъ собой море народное, въ которомъ исчезаетъ капля „интеллигентно мыслящей Россіи“. Значитъ, въ рядѣ мѣстъ опредѣляется настроеніе *большинства*, предъ которымъ вѣдь *надо* преклоняться. Имущій и бѣднякъ, мужчины и женщины *равно* принимаютъ участіе въ дикой расправѣ и безъ всякихъ по-

средствующихъ ступеней *прямо* подають свой голосъ. Правда, эта подача происходитъ не *тайно*, но или при яркомъ свѣтѣ дня или въ сумракѣ ночи, озаренномъ пламенемъ горящихъ зданій. Но значеніе этого открытаго голосованія необходимо постичь каждому. Въ самомъ дѣлѣ, если „темный народъ“ рядомъ дѣяній обнаруживаетъ свое несочувствіе „освободительному движенію“, если крестьяне заявляютъ, что всякія „свободы“ нужны „господамъ“, а имъ нуженъ стоятель за правду и вѣру православную, Самодержавный Царь, да земля для пропитанія семействъ и добросовѣстнаго несенія службы государству, то прибѣгающіе къ „всеобщему голосованію“ играютъ съ огнемъ: а что какъ тайная подача голосовъ дастъ такихъ представителей, которые скажутъ: „пусть всѣ смутяны и недовольные нашимъ государственнымъ строемъ убираются себѣ по добру, по здорову въ тѣ края, гдѣ процвѣтають всѣ свободы, а люди умирають *ежедневно* на улицахъ большихъ городовъ *отъ голода*, гдѣ правителямъ привозятъ телѣги, нагруженные истощенными нуждой дѣтьми, и требуютъ для нихъ куска хлѣба, ибо конституція есть узаконенное *экономическое* порабощеніе слабыхъ бѣдняковъ богатымъ. Къ чему народу „гражданскія и политическія свободы“, если ими, *по экономическимъ, жизненнымъ условіямъ*, могутъ пользоваться *только немногіе*, свободные отъ добыванія въ потѣ лица ежедневнаго пропитанія?“

И народъ это понимаетъ, онъ выдвигаетъ совершенно правильно на первое мѣсто пожеланіе улучшенія *своего экономического положенія*. Въ этомъ вся суть и крестьянскаго, и рабочаго, и служилаго вопросовъ въ странѣ, гдѣ лишь 19% коренного населенія грамотно! Очевидно, что оно можетъ имѣть лишь весьма отдаленную потребность во всѣхъ модныхъ свободахъ и радикальная печать не даромъ вложила въ уста гр. Витте такое признаніе: „въ Россіи ясно сказалась неподготовленность къ провозглашеннымъ реформамъ общества. Русское общество совсѣмъ не желаетъ никакихъ свободъ. Мы ясно теперь видимъ, что это желаніе кучки революціонеровъ“. Нѣтъ ничего удивительнаго, если наше правительство прійдетъ къ заключенію, что „Россія вовсе

не переросла существующій строй“, какъ ошибочно думали всего нѣсколько дней назадъ, и совершенно не „нуждается въ правовомъ порядкѣ“, но наоборотъ, жаждетъ проявленія сильной власти государственной, при которой немислимы ни проповѣдь дикой разнузданности, слывающая за „свободу слова и печати“, ни разрушительная дѣятельность враговъ всякой общественности, прикрывающаяся „свободой союзовъ и собраній“, ни насиліе надъ огромнымъ большинствомъ мирнаго, желающаго работать и дѣлать свое маленькое дѣло населенія, тогда какъ его держитъ въ страхѣ кучка „дѣятелей“, попирающихъ законъ и требующихъ для себя безнаказанности и попустительства подъ предлогомъ „неприкосновенности личности“.

Великая страна успокоится только тогда, когда правительство перестанетъ заискивать передъ „представителями радикальной печати“, просить „братцевъ-рабочихъ“ о довѣріи и терпѣніи и прибѣгать къ содѣйствію иностранныхъ газетъ, твердящихъ о необходимости всѣмъ поддерживать графа Витте, которому у насъ почти никто не вѣритъ. Жизнь ясно показываетъ, что г. Предсѣдатель Совѣта Министровъ идетъ по ложному пути, не одобряемому страной, забываетъ, что Манифестъ 17 октября *„установилъ незыблемымъ правиломъ, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы“*. Зачѣмъ же правительство гр. Витте спѣшитъ съ такимъ изобиліемъ указовъ, рѣшающихъ важные вопросы объ амнистіи политическимъ преступникамъ, объ улучшеніи положенія крестьянъ, о финляндской автономіи и проч. и проч.? Вѣдь, пожалуй, эти вопросы нашли бы себѣ болѣе обстоятельное и болѣе согласное съ нуждами русскаго общества разрѣшеніе, если бы подверглись предварительной разработкѣ въ Думѣ, а не были изготовлены въ канцеляріяхъ различныхъ министровъ. Спѣшать и пастыри наши, въ Синодѣ засѣдающіе, съ измѣненіемъ молитвъ о Царѣ въ „конституціонномъ духѣ“—вѣдь Синодъ призналъ необходимость Церковнаго Собора—пусть же этотъ Соборъ и разъяснитъ вѣрующимъ сынамъ Церкви Православной, связаны ли они присягой,

данной на Крестѣ и Евангеліи *Самодержавному Царю*, ибо до снятія духовной властію сей клятвы, совѣсть наша обязываетъ стоять даже до смерти за Самодержавіе. Переменная молитвъ, произведенная бюрократическимъ путемъ, сулитъ лишь усиленіе смуты, равно какъ задуманное объясненіе, *отъ Писанія*, преимуществъ конституціи: вѣдь русскій народъ вѣками привыкъ молиться такъ, какъ молились наши предки, вѣками воспитывался въ мысли, что помазанникъ Божій, Самодержецъ—его исконный и единственный нелицепріятный защитникъ. Развѣ такія вѣрованія, впитавшіяся въ существо наше, изглаживаются по одному почерку пера, развѣ міровоззрѣніе народное мѣняется словно платки носовые? Уроки прошлаго и настоящаго показали, какъ опасно насиловать душу народную и тѣмъ ввергать въ соблазнъ „малыхъ сихъ“, сохраняющихъ доселѣ глубокую вѣру въ свои святыни. Вѣдь теперь выяснилось, что безоружный народъ, разстрѣливаемый бунтарями, стихійнымъ напоромъ разгонялъ вооруженныя шайки. Зачѣмъ же обрекать Русь святую на ужасы усобицы потворствомъ насильникамъ?

„Мирный Трудъ“ 1905 г. № 9.

Къ избирателямъ въ „Государственную Думу“ отъ сторонниковъ прочнаго порядка и законности.

Множество бѣдъ обрушилось разомъ на Россію: несчастная война подорвала ея международное положеніе, кредитъ палъ, сосѣди готовятъ войска для занятія порубежныхъ областей, а внутри идутъ смуты, собираются самозванные съѣзды, толкующіе о расчленіи Россіи, о рядѣ преобразованій, въ корнѣ потрясающихъ ея цѣдность и благосостояніе; разорительныя забастовки чередуются съ погромами; грабежи, поджоги, насилія идутъ рядомъ съ проповѣдью полного безначалія и требованіями отмѣны послѣднихъ преградъ, мѣшающихъ революціонному теченію смести съ лица земли плоды многолѣтней работы, пустить по міру сотни тысячъ людей, пролить цѣлые потоки неповинной крови... Всякій понимаетъ, что такъ жить дальше нельзя, что преступно оставлять Родину безпомощной среди столькихъ превратностей, одинаково пагубныхъ для каждого изъ насъ: ея позоръ, разореніе, крушеніе падутъ тяжелымъ гнетомъ на плечи всѣхъ насъ и нашихъ дѣтей, закабалятъ насъ на долгіе годы, если не навсегда, тѣмъ, кто въ нашемъ горѣ видитъ для себя источникъ радости.

Надо поэтому всѣмъ проникнуться сознаніемъ, что теперь на ставкѣ стоитъ самое существованіе Россіи, какъ великой державы, надо всѣмъ вѣрнымъ ея сынамъ „вспомнить свой долгъ передъ Родиною, помочь прекращенію неслыханной смуты и напрячь всѣ силы къ возстановленію ти-

шины и мира на родной землѣ“. Такова и воля Царская, которую необходимо, ради общаго блага, выполнить не за страхъ, а за совѣсть, пославъ въ Государственную Думу не смутьяновъ, праздно болтающихъ, а дѣлателей добрыхъ, безбоязненныхъ и честныхъ, радѣтелей за правду вѣковую, исконную, Богомъ благословенную, нашими прадѣдами намъ завѣщанную.

Облекая своимъ довѣріемъ выборныхъ, надо дать имъ такой наказъ: крѣпко на крѣпко стоять за то, чтобы въ царствѣ русскомъ русскій человѣкъ былъ хозяиномъ, а не работникомъ на иностранцевъ, чтобъ неизмѣримыя богатства страны нашей не переходили въ руки корыстолюбивыхъ чужаковъ, а облегчали нужду народную, чтобъ порядки у насъ были не заморскіе, а наши собственные, нами только забытые, чтобъ завѣтныя святыни наши вновь укрѣпили святорусскую землю.

Такова единомышленная воля всѣхъ истинно-русскихъ людей, которые могутъ послать въ Думу—Царю на совѣтъ и подмогу—только тѣхъ, кто одинаково съ ними признаетъ нижеслѣдующія неотложныя нужды Россіи:

1) Послѣ Манифеста отъ 17 апрѣля вдвойнѣ необходимо обезпечить за Церковью Православной, во всѣхъ предѣлахъ Россійской Державы, первенствующее положеніе, возстановить соборный строй и озаботиться, дабы пастыри добрые, готовые положить душу за овцы своя, выступали народными наставниками и руководителями.

2) Необходимо сохранить единство земли Русской, скрѣпленное кровью нашихъ предковъ и дружной вѣковой работой цѣлыхъ поколѣній, создавшихъ обширное царство Русское. При разноплеменности же его населенія, это единство требуетъ наличности сильной власти, воздающей каждому должное, устроительницы правды и порядка, защитницы всѣхъ слабыхъ и угнетенныхъ, для всѣхъ доступной, нелицеприятной, стоящей превыше всѣхъ партійныхъ и сословныхъ счетовъ, однимъ словомъ, власти во истину Самодержавнаго Царя, опирающагося на бывшее встарь тѣсное

единеніе съ народомъ и несущаго обязанности, возлагаемая на него завѣтами Вѣры Православной.

3) Для облегченія царственнаго служенія благу всей Россіи потребны на всѣхъ поприщахъ народной жизни хорошо подготовленные и свѣдущіе люди, сознающіе неотложность самобытнаго устроенія Русской земли на прочномъ историческомъ основаніи, а не на зыбкомъ пескѣ заимствованій у иностранцевъ ихъ отжившихъ учрежденій. Поэтому настоятельно необходимо незамедлительное устраненіе темноты народной путемъ, по возможности, всеобщаго обученія и не только насажденія различныхъ книжныхъ знаній, но и воспитанія народнаго въ духѣ преданности Царю, любви къ Отечеству, благоговѣйнаго уваженія къ своей Вѣрѣ и терпимости къ религіознымъ воззрѣніямъ другихъ.

4) Для упорядоченія пришедшихъ повсюду въ разстройство дѣлъ и успокоенія взволнованнаго общества, извѣрившагося какъ въ правительственной, такъ и въ выборной бюрократіи, необходимо поставить подъ широкій и дѣйствительный, строгій и требовательный контроль расширенную дѣятельность городскихъ и земскихъ самоуправленій, отвѣтственныхъ предъ судомъ за всякія злоупотребленія довѣріемъ населенія, ведущихъ свою полезную работу гласно и составленныхъ изъ людей, связанныхъ съ данною мѣстностью имущественными интересами.

5) Для обезпеченія и увеличенія благого вліянія честныхъ и независимыхъ людей на теченіе общественныхъ дѣлъ необходимо признаніе за каждымъ совершеннолѣтнимъ вѣрноподданнмъ русской Державы свободы личности, слова, печати, собраній и союзовъ, направленныхъ къ мирной и полезной дѣятельности. Всякое же проявленіе произвола и нарушеніе гражданскихъ правъ другого лица должно быть преслѣдуемо и караемо закономъ, ограждающимъ всѣхъ отъ насилія какъ правительственныхъ чиновниковъ, такъ и частныхъ лицъ, скопищъ и кружковъ, присваивающихъ себѣ, подъ шумъ смуты, право отдавать приказанія и запрещенія и преслѣдующихъ несогласныхъ не только угрозами, но и поступками. Всѣ эти самочинныя власти должны быть не-

медленно лишены возможности вредить государственному спокойствію и безопасности своихъ согражданъ, причемъ подстрекательства къ политическимъ стачкамъ и забастовкамъ должны быть признаны государственнымъ преступленіемъ.

Равнымъ образомъ немедленно должны быть пресѣкаемы злоупотребленія устнымъ и печатнымъ словомъ, распространеніе ложныхъ, сѣющихъ вражду или смущающихъ умы слуховъ и извѣстій, а печати вмѣнено въ обязанность безотлагательно помѣщать опроверженія, направленные къ выясненію истины не только правительствомъ, но и частными лицами, тогда какъ разсадникъ лживыхъ вѣстей и злонамѣренныхъ искаженій истины—телеграфныя агентства должны строго отвѣчать за оповѣщеніе всякаго ложнаго сообщенія.

6) Для упроченія порядка и увеличенія общаго благосостоянія необходимы: незамедлительное улучшеніе положенія основнаго кормильца и защитника Россіи—крестьянина, поддержка и усовершенствованіе главнаго занятія трудящагося населенія—земледѣлія, покровительство кустарнымъ промысламъ, устройство дешевого сельскаго кредита и обученія различнымъ ремесламъ, по возможности, во всѣхъ народныхъ школахъ, дабы поднять производительность народнаго труда.

7) Этимъ путемъ можетъ быть подготовлено и облегчено справедливое рѣшеніе поземельнаго вопроса, который, въ то же время, неотложно требуетъ расширенія площади крестьянскаго землевладѣнія. „Земельный голодъ“ нашего крестьянства долженъ быть утоленъ, подъ условіемъ полнаго признанія и уваженія ко всякой частной собственности. Кромѣ цѣлесообразнаго измѣненія условій дѣятельности Крестьянскаго банка, должно быть упрямочено переселеніе малоземельныхъ хозяевъ и безземельныхъ батраковъ на свободныя казенныя земли, причемъ необходимо, чтобъ, помимо льготнаго, безвозмезднаго полученія достаточныхъ надѣловъ, переселенцы получали потребныя для обзаведенія средства, какъ это дѣлалось у насъ для колонистовъ—выходцевъ изъ чужихъ краевъ.

8) Рабочій вопросъ, хотя и выдвинувшійся искусственно на первое мѣсто въ наши дни, также заслуживаетъ самаго внимательнаго къ нему отношенія какъ правительства, такъ и общества, причемъ прежде всего надо озаботиться о томъ, чтобы рабочіе были избавлены не только отъ злоупотребленій со стороны предпринимателей, но и отъ насильственного подчиненія разнымъ организаціямъ, посягающимъ на священное право каждого на свободный трудъ, устраивающимъ пагубныя для общаго благосостоянія забастовки и принуждающимъ открытымъ насиліемъ надъ товарищами принимать въ нихъ участіе даже тѣхъ, кто долженъ и хотеть заработать кусокъ хлѣба для себя и своей семьи. Поэтому большіе города должны быть очищены отъ празднаго люда, который подлежитъ водворенію на окраинахъ, а не обременительному для государства заключенію въ тюрьмахъ, гдѣ не исправляютъ, а развращаютъ окончательно даже случайныхъ преступниковъ. Поставленные въ необходимость и возможность трудиться многіе бездомные „хулиганы“ окажутся, безъ сомнѣнія, полезными работниками-собственниками въ малолюдныхъ областяхъ Россіи.

9) Необходимо обезпечить безпартійность, независимость и законмѣрность суда, который долженъ быть преобразованъ на началахъ широкой общедоступности для населенія, нынѣ нуждающагося въ дорого оплачиваемыхъ проводникахъ черезъ густой лѣсъ противорѣчивыхъ законовъ, разъясненій и рѣшеній, не всегда соотвѣтствующихъ народному воззрѣнію на справедливое и должное.

10) Податное обложеніе не должно чрезмѣрно напрягать платежныя средства народа, кои надлежитъ употреблять съ бережливой осмотрительностью на удовлетвореніе дѣйствительныхъ нуждъ, а не на поддержку рискованныхъ предпріятій. Государство должно отказаться отъ извлеченія выгодъ съ монополій, роняющихъ его достоинство и развращающихъ народъ. Въ то-же время должны быть приняты самыя рѣшительныя мѣры противъ расхищенія нашихъ національныхъ богатствъ иностранцами, противъ захвата част-

ными лицами и обществами угольного, нефтяного, соляного и другихъ промысловъ.

11) Всякое промышленное предпріятіе, возникающее въ силу мѣстныхъ условій и потребностей, должно находить поддержку въ правительственныхъ кругахъ, а не помѣхи, нынѣ создаемая путемъ искусственныхъ тарифовъ, стачекъ и соглашеній заводчиковъ, повышенія рабочихъ требованій, установленія нормы трудового дня, созданія стѣснительныхъ условій, выгодныхъ для международныхъ капиталистовъ, но зловредныхъ для многомилліоннаго населенія имперіи.

12) Признавая первенствующее положеніе русскаго народа, необходимо разрѣшить инородческій вопросъ безъ ущерба политическому единству и пользамъ нашей родины, въ духѣ справедливости и терпимости къ вѣрованіямъ, быту и языку каждаго культурнаго племени, земли коего вошли въ составъ государства русскаго. Поэтому надо, избѣгая насильственнаго обрусенія, не давать преждевременно равноправія тѣмъ инородцамъ, которые явственно обнаружили свою къ нему неподготовленность, открыто выступая во главѣ революціоннаго движенія, понося всѣ наши народныя святыни, явно угрожая цѣлости государства и безопасности общества. Еврейскій вопросъ требуетъ самаго осмотрительнаго къ нему отношенія, ибо послѣднія событія явственно показали, что еврейство добивается не уравниенія, а господства надъ многомилліоннымъ малограмотнымъ и совершенно неподготовленнымъ къ политической жизни населеніемъ. Съ этою цѣлью незамедлительно должны быть выработаны мѣры, ограждающія русскую школу, судъ, войско, и печать отъ разлагающагося вліянія еврейства, равно какъ русскую торговлю, промышленность и финансы отъ его барышнической дѣятельности.

13) Русская школа, отъ высшей и до низшей, должна быть построена на національной основѣ, служить разсадникомъ просвѣщенія, но не питомникомъ смуты. Поэтому всякое политиканство должно быть изгнано изъ стѣнъ учебныхъ заведеній, а забастовки учащихся и учащихся признаны и сдѣланы недопустимымъ явленіемъ.

14) Вопросъ о размѣрѣ вознагражденія всѣхъ служащихъ государству, начиная съ простого солдата и кончая первымъ министромъ, долженъ быть рѣшенъ въ духѣ справедливости и упраздненія всѣхъ должностей, не сопряженныхъ съ дѣйствительнымъ несеніемъ опредѣленныхъ обязанностей. Это упраздненіе позволить, безъ новаго обремененія казначейства, повысить содержаніе низшихъ служащихъ, терпящихъ нужду отъ все возрастающей дороговизны и вынужденныхъ нерѣдко искать побочныхъ доходовъ.

Намѣченные выше 14 пунктовъ, конечно, не исчерпываютъ всѣхъ многообразныхъ нуждъ Россіи, но имѣютъ въ виду указать лишь важнѣйшіе современные запросы и установить общую точку зрѣнія на необходимыя преобразованія. Ихъ проведеніе требуетъ объединенія всѣхъ созидательныхъ силъ страны и обузданія разрушительныхъ стремленій, усилившихся до опасныхъ размѣровъ благодаря полной неспособности графа Витте быть кормчимъ нашего государственнаго корабля. Всѣ благомыслящіе люди въ эту трудную годину бездѣйствія власти должны работать рука объ руку противъ созыва Учредительнаго Собранія, противъ всеобщихъ и прямыхъ выборовъ, ибо такой способъ избранія при 19⁰/₁₀₀ грамотныхъ приведетъ только къ усобицѣ и смутамъ. Поэтому надо ограничиться тѣмъ расширеніемъ избирательныхъ правъ, которое имѣетъ въ виду Манифестъ отъ 17 октября.

Во всякомъ случаѣ господству министерскихъ циркуляровъ долженъ быть положенъ предѣлъ: Россія должна управляться на основаніи законовъ, утвержденныхъ Самодержавной Властью: выходъ изъ переживаемыхъ бѣдствій не въ „конституціяхъ“ и „правахъ“, а въ подборѣ людей, понимающихъ трудность положенія и способныхъ къ совмѣстному служенію Государеву и земскому дѣлу. Каждый избиратель да помнитъ свою отвѣтственность передъ Богомъ и Родиной и подаетъ свой голосъ по свободному рѣшенію своему, а не по внушенію со стороны! Въ самостоятельности избирателей—спасеніе Отечества!

Харьковъ, 4 ноября 1905 года.

Первая годовщина Х. О. Р. С.

— — —

Въ виду продолжающихся недоумѣній по поводу возникновенія въ Россіи „Русскаго Собранія“ и его Отдѣловъ приходится начать обзоръ нашей дѣятельности за истекшій годъ новой попыткой разсѣять ходячія недоразумѣнія.

Какъ извѣстно, наше „образованное общество въ XVIII и началѣ XIX вѣка было почти цѣликомъ охвачено преклоненіемъ передъ всѣмъ иноземнымъ, по преимуществу французскимъ. Желая оказать противодѣйствіе этимъ увлеченіямъ С. Н. Глинка основываетъ въ 1808 году журналъ „Русскій Вѣстникъ“, имѣвшій задачей бороться съ французскимъ вліяніемъ. Название журнала вызвало рядъ возраженій со стороны современниковъ: многіе говорили, что всякій журналъ, выходящій въ Россіи и на русскомъ языкѣ будетъ русскимъ, а потому Глинка или ломится въ открытую дверь, или позволяетъ себѣ совершенно излишнее подчеркиваніе.

Прошло, однако, нѣсколько десятковъ лѣтъ и мы видимъ, рядомъ съ „Русскимъ Вѣстникомъ“, „Русское Богатство“, „Русскую Мысль“, „Русскія Вѣдомости“, „Русское Слово“, „Русскій Листокъ“ и множество другихъ повременныхъ изданій, включившихъ слово „русскій“ въ свое названіе. Слѣдовательно, общественное сознаніе уже пришло къ убѣжденію, что въ этомъ явленіи нѣтъ ничего нелѣпаго, или предосудительнаго.

Мало того: въ наши дни въ Россіи имѣется очень много обществъ самаго разнообразнаго характера, которыя именуютъ себя „русскими“, таковы, на примѣръ, благополучно существующія въ Петербургѣ общества: антропологическое, астрономическое, географическое, гимнастическое, историческое, фотографическое, литературное, горное, театральное,

музыкальное, электрическое, энтомологическое, хирургическое, пѣнія, птицеводства, плодоводства и т. п.¹⁾. Всѣ эти русскія общества преслѣдуютъ сравнительно узкія цѣли и состоятъ изъ лицъ, связанныхъ лишь единствомъ занятій или особыхъ интересовъ. Но никто не додумывался до обвиненія, будто напр. Русское музыкальное общество, отдѣлъ котораго является украшеніемъ нашего города, „взяло монополію“ и помимо его членовъ не можетъ быть русскихъ музыкантовъ. Равнымъ образомъ, изъ того, что въ Москвѣ группа профессоровъ издаетъ „Русскія Вѣдомости“ совершенно не слѣдуетъ, будто всѣ остальные „Вѣдомости“ называются „не русскими“. Существованіе журнала „Русская Мысль“ также вовсе не доказываетъ, что всѣ другія повременныя изданія не умѣютъ мыслить по-русски и являются проводниками „инородческихъ воззрѣній“. Но именно въ эту столь очевидную ошибку впадаютъ противники Русскаго Собранія въ Петербургѣ и его развѣтвленій, именно такъ непослѣдовательно разсуждаютъ тѣ досужіе обвинители, которые находятъ „страннымъ“ его появленіе и, пожимая плечами, говорятъ: „въ Россіи—и вдругъ Русское Собраніе“.

Это недоумѣніе проистекаетъ единственно отъ малаго знакомства съ цѣлями и задачами Русскаго Собранія. Въ самомъ дѣлѣ, какое иное названіе можно дать совокупности людей, поставившихъ задачей своей объединенной дѣятельности: 1) изученіе явленій русской и славянской народной жизни *въ ея настоящемъ и прошломъ*, 2) разработку вопросовъ русской и вообще славянской *словесности, художествъ, народовѣдѣнія, права и народнаго хозяйства*, а также изслѣдованіе *всѣхъ* другихъ проявленій *русской* и славянской духовной и обиходной самобытности, 3) охраненіе чистоты и правильности русской рѣчи, наконецъ, основаніе учреждений, имѣющихъ цѣлью распространеніе *русскаго* зодчества, *русской* одежды, *русской* утвари и т. п. (Уставъ Русскаго Собранія статьи 2—3). „Русское Собраніе“ стало быть, имѣетъ въ виду всестороннее изученіе нашего обширнаго

¹⁾ Подробное ихъ перечисленіе можно найти въ „Русскомъ Календарѣ“ за 1904 г.

отечества, раскрытіе его современныхъ нуждъ и освѣщеніе его прошлаго не въ какомъ либо отдѣльномъ отношеніи или особой отрасли, но во всей цѣльности, во всей сложности проявленій русскаго народнаго духа ради „выясненія, укрѣпленія въ общественномъ сознаніи и проведенія въ жизнь исконныхъ творческихъ началъ и бытовыхъ особенностей русскаго народа“ (Уст. ст. 1).

Правда, наши хулители говорятъ, что подобныхъ Русскому Собранію учрежденій не существуетъ ни въ одномъ изъ иностранныхъ государствъ, а потому де оно не имѣетъ права на существованіе. Какое изумительное паденіе самостоятельности проявляютъ эти люди! Вѣдь подобныя сужденія свидѣлствуютъ о полномъ отказѣ отъ самобытности, о долговременной привычкѣ жить только подражаніемъ, да заимствованіями у другихъ. Пусть себѣ считаютъ Россію только „тысячелѣтней обезьяной“! Для насъ мѣриломъ должнаго да служить наше собственное сознаніе своихъ потребностей, своихъ нуждъ и своихъ путей къ вѣковѣчнымъ идеаламъ. Слава Богу, что у насъ замѣчается нѣчто хорошее, чего нѣтъ въ другихъ странахъ!

Съ какихъ это поръ и кѣмъ русскому человѣку воспрещено изучать окружающую дѣйствительность и нашу величавую старину съ нашей, *русской* точки зрѣнія? Въ этомъ всегда былъ нашъ священный долгъ, наша прямая обязанность, которую всенародно и выполняютъ на всевозможныхъ поприщахъ русскіе люди.

Но, если отдѣльныя общества, посвящающія свои силы изученію и разработкѣ лишь частныхъ проявленій нашей культуры, присваиваютъ себѣ названіе русскихъ, то тѣмъ болѣе основаній на это почетное наименованіе имѣетъ общественное учрежденіе, желающее раскрыть русское начало въ *общемъ и цѣломъ*. Если нѣсколько сотенъ лицъ можетъ образовать, положимъ, русское географическое общество, то почему оказываются лишенными такихъ же правъ тысячи русскихъ людей, воодушевленныхъ пламенной вѣрой въ великое призваніе нашей Родины и горячимъ стремленіемъ поработать надъ удовлетвореніемъ современныхъ ея нуждъ

самостоятельно, по русски, безъ общепринятыхъ указокъ и раболѣпства передъ „просвѣщенной Европой?“.

Вѣдь въ „Русскомъ Собраніи“ около 3000 дѣйствительныхъ членовъ, которые представляютъ собой Россію въ маломъ объемѣ: въ ихъ рядахъ мы находимъ первыхъ сановниковъ Имперіи, г.г. членовъ государственнаго совѣта, министровъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, крупныхъ чиновниковъ, губернаторовъ и служащихъ во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Но и люди земли — предводители дворянства, городскіе головы, гласные, помѣщики, купцы, торговцы, ремесленники и крестьяне братски объединяются здѣсь съ архипастырями и священнослужителями, военными всѣхъ чиновъ, профессорами, учеными и преподавателями. Здѣсь и русская женщина является полноправнымъ членомъ; художники, писатели, артисты и простые обыватели на равныхъ правахъ входятъ въ составъ этой, поистинѣ, общерусской всесловной дружины, раскинувшейся отъ рубежа германскихъ странъ до побережья Тихаго океана, отъ непривѣтливаго сѣвера до благословеннаго юга. Приростъ новыхъ членовъ идетъ непрерывной волной и каждое общее собраніе производитъ новые выборы.

Проявленіе общественнаго вниманія и сочувствія „Русскому Собранію“ сказывается также въ стремленіи открывать мѣстные его отдѣлы: помимо Харьковскаго уже возбуждено ходатайство объ учрежденіи отдѣловъ въ Одессѣ, Оренбургѣ и Екатеринославѣ, готовится открытіе отдѣловъ въ Кіевѣ и другихъ городахъ (Воронежѣ, Саратовѣ, Тамбовѣ). Къ Собранію тяготеютъ и уже существующіе русскіе кружки въ Варшавѣ и Вильнѣ, которые представляютъ собой ядро будущихъ отдѣловъ. Стремленіе русскихъ людей къ объединенію, такимъ образомъ, сказывается всюду, встрѣчая повсемѣстно сочувствіе и поддержку.

Такъ создается мощное *общественное* теченіе, направленное къ углубленію нашего національнаго самосознанія. Ни насмѣшки, ни вымыслы не могутъ помѣшать побѣдоносному ходу его дальнѣйшаго развитія: это явленіе вызвано условіями и потребностями жизни, а потому оно вполне жизнеспособно.

Нагляднымъ примѣромъ можетъ послужить судьба Харьковскаго отдѣла: всего лишь *десять* человѣкъ были его учредителями, годъ тому назадъ, передъ открытіемъ, онъ насчитывалъ только *40* *человѣкъ*, а къ настоящему дню ихъ число увеличилось почти въ семь разъ (273 чл.: 219 харьк. и 54 иног.) не считая вновь поданныхъ заявленій, еще не рассмотрѣнныхъ совѣтомъ. Непрерывный ростъ Отдѣла не былъ остановленъ даже крайне своеобразными мѣстными условіями, ожесточеннымъ противодѣйствіемъ и дикими выходками, въ родѣ нападенія 27 ноября толпы буяновъ на Первую гимназію, съ цѣлью разогнать наше общее собраніе. Всѣмъ извѣстны также постоянныя угрозы и запугиванія, распространяемыя съ цѣлью помѣшать нашей мирной работѣ, отвлечь посѣтителей отъ нашихъ засѣданій и представить въ совершенно извращенномъ видѣ характеръ нашей дѣятельности.

Лучшимъ отвѣтомъ на всевозможныя досужія нареканія и нелѣпыя обвиненія послужатъ вполне точныя данныя о засѣданіяхъ Отдѣла, которыя позволяютъ каждому составить свое собственное сужденіе. За истекшій годъ нами было устроено 22 засѣданія, посвященныхъ большею частью чтенію и обсужденію весьма разнообразныхъ докладовъ и сообщеній. Всѣ они стоятъ въ тѣсной связи съ задачами, намѣченными Уставомъ, и касаются различныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ современностью. Такъ Отдѣлъ отмѣтилъ особымъ богослуженіемъ 200-лѣтнюю годовщину блаженной кончины св. угодника Митрофанія Воронежскаго, причемъ дѣйствительный членъ о. Іоаннъ Филевскій произнесъ слово, уясняющее, „въ чемъ христіанскій идеалъ святости“. Преждевременная кончина передового борца за русское дѣло, незабвеннаго В. Л. Величко, побудила насъ отслужить по доблестномъ учредителѣ Русскаго Собранія, заупокойную литургію, во время которой дѣйствительный членъ Отдѣла, преосвященный Стефанъ, еп. Сумскій, нынѣ епископъ Могилевскій и Мстиславскій, въ сильныхъ выраженіяхъ раскрылъ значеніе понесенной утраты. Кромѣ того политическимъ и публицистическимъ произведеніямъ Величко были

посвящены доклады М. М. Бородкина и А. С. Вязигина. Равнымъ образомъ Отдѣлъ отозвался на столѣтнюю годовщину рожденія Ѳ. И. Тютчева докладами М. М. Бородкина о поэтической дѣятельности Тютчева и А. С. Вязигина о его взглядахъ на Россію и революцію, тогда какъ проф. П. Н. Буцинскій остановился на „Разрывѣ Россіи съ Англіей и Франціей 1854 г.“ и выдающихся моментахъ изъ исторіи крымской кампаніи (по поводу 50-лѣтія этихъ событий). [Къ сожалѣнію, два доклада почтеннаго профессора не могли быть прочитаны въ Отдѣлъ за недостаткомъ помѣщенія, хотя также имѣли злободневный характеръ, будучи посвящены „Я. И. Ростовцеву“ (по поводу столѣтія со дня его рожденія) и „Присоединенію Малороссіи“ (по поводу 250-лѣтія этого событія)]. Десятилѣтіе восшествія на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Императора Николая II вызвало рѣчь проф. Т. И. Буткевича и сообщенія Н. И. Черняева и А. С. Вязигина.

Отмѣчая выдающіяся годовщины событій изъ русской жизни, Отдѣлъ не обходилъ молчаніемъ и знаменательные юбилеи западныхъ дѣятелей: по поводу столѣтія со дня смерти извѣстнаго кенигсбергскаго философа, д. ч. Н. Н. Страховъ прочиталъ докладъ „Кантъ, какъ великій учитель нравственности, въ связи съ современными стремленіями къ переоцѣнкѣ нравственныхъ цѣнностей“, а 1300-лѣтіе кончины святителя Григорія Двоеслова побудило А. С. Вязигина сдѣлать обзоръ его руководящихъ воззрѣній.

Приковавшая вниманіе всего русскаго общества война на Дальнемъ Востокѣ породила слѣдующія сообщенія: В. П. Вицинскаго „Санитарныя нужды нашей арміи на манчжурскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій“, проф. І. А. Бродовича „О христіанствѣ въ Японіи и Корей“, проф. П. Н. Буцинскаго „О походѣ въ Индію“; общее же міровое положеніе, созданное столкновеніемъ между Россіей и Японіей, обрисовано смѣлыми и яркими чертами въ „Политическихъ мечтахъ русскаго патріота“. Наконецъ, рядъ докладовъ затрагиваетъ текущіе вопросы русской жизни: проф. В. И. Альбицкій обстоятельно доказываетъ возможность устройства судоходства на днѣпров-

скихъ порогахъ, кн. М. Л. Шаховской останавливается на „Мелкой земской единицѣ“, и своеобразно освѣщаетъ выдвинутые проекты. Проф. П. Н. Буцинскій читаетъ докладъ „О предприимчивости русскаго человѣка“, побудившій П. П. Оленича-Гнененко выступить съ сообщеніемъ „о современныхъ проявленіяхъ предприимчивости русскаго человѣка“.

Уясненію значенія дѣятельности двухъ русскихъ писателей были посвящены доклады: П. П. Оленича-Гнененко „О причинахъ успѣха Максима Горькаго“ и М. М. Бородинъ „О литературныхъ заслугахъ графа А. К. Толстого“, тогда какъ М. П. Савиновъ, въ двухъ обстоятельныхъ сообщеніяхъ о замѣнѣ иностранныхъ словъ русскими точно указалъ пути для очищенія русской рѣчи, а П. П. Оленич-Гнененко далъ собственное объясненіе причинъ, „почему пиджакъ вытѣсняетъ „зипунъ“ въ крестьянскомъ обиходѣ“.

Что же касается общаго направленія нашей дѣятельности и цѣлей, поставленныхъ передъ собой Русскимъ Собраніемъ и его отдѣлами, то онѣ всесторонне были рассмотрѣны въ рѣчахъ проф. Т. И. Буткевича, М. М. Бородинъ и А. С. Вязигина, произнесенныхъ на открытіи Отдѣла, тогда какъ ближайшія его задачи были намѣчены послѣднимъ въ особомъ сообщеніи, прочитанномъ на первомъ общемъ собраніи г.г. членовъ Харьковскаго Отдѣла.

Большая часть рѣчей, докладовъ и сообщеній, сдѣланныхъ въ Отдѣлѣ, напечатаны въ мѣстныхъ повременныхъ изданіяхъ или вышли отдѣльнымъ тисненіемъ, на счетъ Отдѣла, который выпустилъ въ свѣтъ 17 книжекъ своихъ изданій.

Это обстоятельство даетъ въ руки каждому желающаго полную возможность совершенно самостоятельно судить о характерѣ докладовъ и направленіи дѣятельности Отдѣла.

Довольно хорошій сбытъ изданій Отдѣла свидѣтельству-етъ, что они удовлетворяютъ существующей общественной потребности. Необходимо, однако, отмѣтить, что Отдѣлъ совершенно не преслѣдуетъ коммерческихъ цѣлей: включивъ въ свою смѣту статью расхода въ 250 рублей на изданія, онъ отказался даже отъ возмѣщенія своихъ затратъ, пожертвовавъ не прибыль, а всю валовую выручку на военныя

нужды. Кромѣ того, подписка и кружечный сборъ усилили лепту Отдѣла на великое общерусское дѣло. Въ итогѣ Отдѣлъ могъ пожертвовать на усиленіе флота 772 рубля, отправить на Дальній Востокъ въ мартѣ 350 писанокъ на сумму въ 70 руб. 1 коп. и 3 ноября отослать Тамбовцамъ и Пензенцамъ, въ рядахъ коихъ имѣются члены Отдѣла, 205 „рождественскихъ мѣшковъ“ съ различными необходимыми для обихода предметами и 119 паръ теплыхъ перчатокъ на сумму 209 руб. 42 коп. не считая, въ обоихъ случаяхъ, многочисленныхъ пожертвованій вещами, сдѣланныхъ не только г.г. членами Отдѣла, но и посторонними лицами, сочувствующими мысли о посильномъ облегченіи нуждъ нашихъ доблестныхъ воиновъ. Точные списки пожертвованій и отчеты г.г. членовъ, завѣдывавшихъ отправкой посылокъ въ Манчжурію, будутъ обнародованы въ печатномъ отчетѣ о дѣятельности Отдѣла за первый годъ. Но и теперь Совѣтъ считаетъ своимъ пріятнымъ долгомъ поблагодарить всѣхъ жертвователей за ихъ откликъ на призывъ Отдѣла, равно и тѣхъ членовъ, кои приложили личный трудъ и понесли хлопоты при снаряженіи и отправкѣ посылокъ.

Къ числу проявленій общественной отзывчивости на нужды Отдѣла слѣдуетъ причислить пожертвованія книгъ и изданій, присылаемыхъ на пополненіе нашей бібліотеки съ различныхъ концовъ Россіи. Ясно, что Отдѣлъ имѣетъ разсѣянныхъ въ ея предѣлахъ друзей и пріобрѣтаетъ все увеличивающуюся извѣстность.

Отдѣлъ удостоился милостиваго вниманія Государя Императора, соизволившаго повелѣть: „искренно благодарить за теплыя чувства“, выраженіе коихъ было повергнуто къ стопамъ Его Величества по поводу войны съ Японіей.

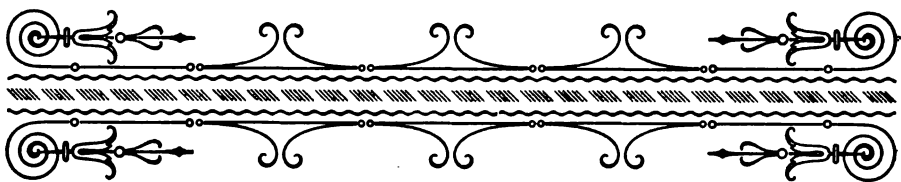
Эта Высочайшая благодарность была принята Отдѣломъ, какъ новое побужденіе къ посильному служенію назрѣвшимъ потребностямъ нашей Родины.

Озираясь назадъ на все сдѣланное, Отдѣлъ долженъ сознаться, что, хотя по производительности его дѣятельность можетъ выдержать сравненіе съ другими обществами, но главная работа лежитъ еще впереди. Необходимо расширить

рамки этой дѣятельности и придать ей болѣе жизненный характеръ. Чтенія и обсужденія докладовъ безусловно полезны, но ими ограничиться невозможно. Желаніе стать на болѣе практическую почву уже привело послѣднее общее собраніе къ рѣшенію открыть читальню Отдѣла; на очереди стоитъ также открытіе школы или какого-либо просвѣтительнаго учрежденія, гдѣ идеи, положенныя въ основу общественной работы Русскаго Собранія, нашли бы себѣ доступъ въ народную среду, будили бы ея самосознаніе и содѣйствовали бы укрѣпленію въ ней трезвыхъ и ясныхъ понятій о долгѣ и обязанностяхъ всѣхъ русскихъ людей.

Конечно всѣ эти благія помышленія могутъ быть осуществлены лишь при дружной, единодушной и совмѣстной работѣ г.г. членовъ, при тѣсномъ общеніи между ними, такъ какъ ихъ сплоченность, возникающая на идейной почвѣ, является мощнымъ двигателемъ на пути къ достиженію общественныхъ улучшеній. Въ стремленіи къ ихъ осуществленію сливаются всѣ граждане русской имперіи, а потому члены Русскаго Собранія, исповѣдуя ненарушимую вѣрность устоямъ нашего историческаго бытія, вовсе не проповѣдуютъ ни розни, ни ненависти: они хотятъ лишь внести въ общее дѣло свою лепту, и въ сознаніи полной безупречности своей скромной дѣятельности, спокойно ждутъ безпристрастной ея оцѣнки. Они не отдѣляются отъ другихъ въ особую, замкнутую и нетерпимую опричнину, но, по возможности, широко отворяютъ двери своихъ засѣданій и считаютъ себя въ правѣ разсчитывать и въ будущемъ на общественное вниманіе и сочувствіе. Вся наша дѣятельность протекаетъ при яркомъ свѣтѣ гласности. На многихъ нашихъ засѣданіяхъ бывало гораздо больше гостей, чѣмъ членовъ и весьма многіе посѣтители, повѣривъ своимъ очамъ, а не лживымъ рѣчамъ, заявили о своемъ желаніи вступить въ Отдѣлъ и пополнили наши ряды. Мы дѣйствовали всегда въ открытую, не утаили отчета *ни объ одномъ* засѣданіи, ибо *намъ* нечего прятать, нечего и стыдиться. Намъ не нуженъ покровъ тайны, но желательно лишь торжество правды.

1905 г.

О дѣятельности Харьковскаго Отдѣла Русскаго Собранія за 1904—1905 г.

— — —

Харьковскій Отдѣлъ Русскаго Собранія въ своей дѣятельности за минувшій годъ не оставался безучастнымъ зрителемъ великихъ потрясеній, переживаемыхъ нашимъ отечествомъ, но посильно откликнулся на запросы, выдвигаемые современными превратностями.

Прежде всего *несчастливая война*, принимавшая все болѣе неблагоприятный оборотъ, терзавшій всякое русское сердце, требовала отъ насъ опредѣленнаго къ ней отношенія. Мы понимали ея необходимость, заявивъ объ этомъ и въ телеграммѣ генералу Линевичу. Кромѣ того Отдѣлъ продолжалъ вносить свою лепту на военныя нужды, какъ путемъ кружечнаго сбора, такъ и отчисленіемъ для этой же цѣли всей выручки отъ продажи своихъ изданій, причемъ на выдачу пособій раненымъ, утратившимъ трудоспособность, было истрачено 192 рубля.

Помимо помощи жертвамъ кроваваго столкновенія на Дальнемъ Востокѣ, необходимо было принять во вниманіе явственно обнаружившуюся потребность въ правильномъ пониманіи русскимъ обществомъ значенія великой борьбы съ Японіей. Этотъ запросъ имѣли въ виду интересныя доклады проф. *Я. А. Денисова* „Мнимыя причины японскихъ успѣховъ“ и „Отклики русской женщины на современныя событія“.

Но въ этихъ докладахъ видное мѣсто пришлось отвести разсмотрѣнію тѣхъ печальныхъ явленій, которыя дѣлаютъ нашу жизнь невыносимо тяжелой, роняютъ достоин-

ство Россіи и грозятъ даже самому ея существованію какъ великой державы. Внутренняя смута, все усиливаясь, показывала на необходимость идейнаго отпора, разъясненія на-роставшихъ недоумѣній, освѣщенія происходящихъ вокругъ потрясеній. Дважды мы возбуждали соотвѣтствующія ходатайства, удостоившіяся Всемилостивѣйшаго одобренія, и вели борьбу словомъ, оказывая *идейное* противодѣйствіе революціоннымъ стремленіямъ: такъ ожесточенныя нападенія на нашъ государственный строй вызвали доклады *М. М. Бородкина*, „Необходимость самодержавія для Россіи“ *кн. М. Л. Шаховскаго* „Одинъ изъ современныхъ вопросовъ“ и „Вопросъ или недоразумѣніе?“, *Н. И. Черняева* „О значеніи Самодержавія“. Но отстаиваніе неприкосновенности и полноты власти русскаго Царя не превращалось у насъ въ слѣпую защиту приказнаго строя и западно-европейскаго самовластия (абсолютизма), какъ свидѣлствуютъ доклады г. *Шечкова* „Истинное значеніе земскихъ сборовъ“ и „Что такое русское земство?“, и рядъ сообщеній: проф. *П. Н. Буцинскаго* „Прозектъ Сперанскаго о Государственной Думѣ“, *кн. М. Л. Шаховскаго* „Мотивы къ закону о Государственной Думѣ“, *В. А. Задонскаго* „Защищать или защищаться?“ „Нѣсколько словъ по поводу проекта г. Шипова“ и „О роли духовенства во время выборовъ въ Государственную Думу“.

Не прошли мы мимо и злободневныхъ церковно-религіозныхъ запросовъ, какъ показываютъ доклады *Г. А. Шечкова* „Наше Знамя“, *о. І. Пичеты* „О церковныхъ сношеніяхъ Россіи съ христіанскимъ Востокомъ“ (по поводу мученической кончины Великаго Князя Сергія Александровича, бывшаго предсѣдателемъ палестинскаго общества) и, въ особенности, проф. *Т. И. Буткевича* „О вѣротерпимости въ Россіи“. По послѣднему вопросу происходили всѣмъ намъ памятныя, продолжительныя и горячія пренія, установившія, что Отдѣлъ, исповѣдуя завѣщанную намъ св. Церковью терпимость къ иновѣрцамъ, въ то же время твердо отстаиваетъ первенствующее положеніе Православія, какъ вселенской истины.

Такую же вѣрность своимъ основнымъ, руководящимъ началамъ мы обнаружили и въ отношеніи къ инородцамъ: не проповѣдая къ нимъ ни вражды, ни ненависти, мы предупреждали отъ опасныхъ увлеченій и повторенія старыхъ ошибокъ, выдвигали на первое мѣсто насущные интересы русскаго народа, причемъ инородческому вопросу были посвящены доклады проф. *П. Н. Буцинскаго* „Русскій мужикъ и нѣмецкій мужикъ колонистъ“, *П. Ф. Булацеля* „Современное положеніе русскаго дѣла на финляндской окраинѣ“ и *Н. Л. Мордвинова* „О служебной роли науки и лжелиберализма“.

Такимъ образомъ, служеніе идеаламъ Православія, Самодержавія и народности неизмѣнно оставалось главной двигающей силой всей дѣятельности Отдѣла. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что онъ выступаетъ яркимъ поборникомъ косности и застоя. Наоборотъ, именно исповѣдуемые нами творческія начала требуютъ неустаннаго проведенія ихъ въ жизнь, какъ выясняетъ докладъ проф. *А. С. Вязигина* „Является-ли Русское Собраніе противникомъ всякихъ преобразованій?“

Мы раньше многихъ другихъ заговорили объ ихъ необходимости, но подъ условіемъ сохраненія незыблемыми самыхъ устоевъ тысячелѣтняго существованія Россіи. Не разрывъ съ прошлымъ, а возвращеніе къ самобытнымъ началамъ, къ бывшему встарь тѣсному единенію между Властью и Народомъ—спасетъ наше Отечество въ тяжкую годину переживаемыхъ испытаній. Вѣдь это прошлое живетъ въ нашей крови, передается наслѣдственностью тѣлесныхъ и духовныхъ свойствъ и навыковъ, усваивается нами вмѣстѣ съ языкомъ, орудіемъ мышленія, выкованнымъ предшествовавшими поколѣніями. Изъ „кареты прошлаго“ не выпрыгнешь, не смотря на всѣ усилія, не смотря на всѣ приглашенія близорукихъ, одностороннихъ кабинетныхъ проповѣдниковъ, требующихъ отказа отъ всего, чѣмъ доселѣ жила, крѣпла и росла Россія.

Невозможно вычеркнуть многовѣковое прошлое вели-

каго народа изъ книги жизни, изъ груди миллионовъ, изъ сознанія мыслящихъ людей! Только на бумагѣ, все терпящей, допустимы упражненія надъ рѣшеніемъ будущихъ судьбъ безъ справокъ съ прошлымъ, опредѣляющимъ и запросы настоящаго. И нѣтъ той силы въ мірѣ, которая приказала бы думать иначе убѣжденному человѣку, свободно признающему истину великихъ завѣтовъ предковъ и свой долгъ продолжать ихъ созидательную работу для блага своихъ дѣтей! Развѣ могутъ честные, искренніе, сознательно выработавшіе опредѣленное міровоззрѣніе—люди перемѣнить свои политическіе и общественные идеалы по взмаху чьей либо палочки, по росчерку пера носителя правительственной власти? Только холопы да прирожденные лакеи способны раболѣпно на все отвѣчать „чего изволите?“

Правда, послѣднія событія вызвали уходъ изъ нашего Собранія нѣкоторыхъ членовъ, причемъ иные дѣлали изъ своего выхода „событіе дня“, трубили въ газетахъ, кичились явной неустойчивостью и непродуманностью своихъ убѣжденій. Были примѣры открытой измѣны нашему знамени, но это не смутило сердца вѣрныхъ! Плотнѣе сдвигались наши ряды, новые ратники заступали мѣсто выбывшихъ и духъ искренней преданности нашимъ святынямъ явственнѣе сказывался въ дѣйствіяхъ оставшихся. И это очищеніе неизбежно: въ каждомъ обществѣ могутъ появиться члены, вступившіе въ него въ силу постороннихъ соображеній, личныхъ выгодъ, видовъ на карьеру и проч. Наши недруги обвиняли *всѣхъ* насъ въ угодливости правительству, объясняли самое возникновеніе Русскаго Собранія честолюбивыми замыслами и стремленіями отдѣльных лицъ. Теперь эти нареканія должны пасть безповоротно, ибо теперь быть членомъ Русскаго Собранія не только не выгодно, но прямо таки опасно. Многіе изъ насъ получаютъ прямыя угрозы, испытываютъ „бойкотъ“, подвергаются ожесточеннымъ преслѣдованіямъ; достопочтенный Д. П. Леоновъ, едва не заплатилъ своей жизнью за смѣлое обличеніе на-

сильниковъ ¹⁾). И все таки огромное большинство членовъ отдѣла пребываетъ вѣрными разъ выбранному пути. Значить, наше юное общество обнаруживаетъ полную жизнеспособность и можетъ разсчитывать не только на дальнѣйшее существованіе, но и на постепенное развитіе.

Поэтому намъ надо намѣтить условія, которыя выдвигаетъ сама жизнь для болѣе успѣшнаго отстаиванія нашихъ родныхъ святынь. Вѣдь какъ ни содержательны доклады, какъ ни поучительны пренія, они имѣютъ лишь ограниченную площадь воздѣйствія, тогда какъ ее безусловно необходимо по возможности расширить, ибо на нашихъ глазахъ всяческими ухищреніями стараются передѣлать народное міровоззрѣніе тѣ, кому наши прадѣды вложили въ уста такое характерное признаніе: „я русскій, на манеръ

¹⁾ Гоненія на „Русское Собраніе“ производятся не случайно, не какими либо отдѣльными изувѣрами, а планомерно, злой волей тѣхъ шаекъ, которыя ведутъ Россію къ гибели и видятъ въ объединеніи русскихъ людей помѣху своимъ разрушительнымъ стремленіямъ. Совѣту Харьковскаго Отдѣла извѣстны случаи отказа отъ учета векселей, отъ продажи товаровъ, отъ мѣста и должностей членамъ Русскаго Собранія, *единственно* потому, что они смѣютъ въ *Россіи* объявлять открыто о своихъ *русскихъ убѣжденіяхъ*. Наши противники на каждомъ шагѣ клеветуютъ, лгутъ, производятъ сыскъ, „доносятъ“ и караютъ невинныхъ. Краснорѣчивыми проявленіями травли на Русское Собраніе служатъ дѣла студента Петрова и реалиста Култашева. Они осмѣлились посѣщать засѣданія Отдѣла и *поэтому* были обвинены въ „шпіонствѣ“ и „доносахъ“. Выведенный изъ равновѣсія безконечными преслѣдованіями г. Петровъ едва не сдѣлался убійцей своего товарища: къ счастью выстрѣлъ поранилъ лишь тужурку послѣдняго. Тѣмъ не менѣе противъ Петрова былъ возбужденъ, помимо обвиненія въ предумышленномъ покушеніи на убійство, гражданскій искъ въ 10,000 рублей! Послѣ тщательнаго разслѣдованія, вскрывшаго ужасную обстановку современной университетской жизни, *судъ присяжныхъ призналъ г. Петрова не виновнымъ*. Обвиненіе г. Култашева въ шпіонствѣ послужило поводомъ къ волненіямъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Харькова, такъ какъ нѣкоторые передовые юноши, очевидно подъ постороннимъ вліяніемъ, требовали удаленія товарища на основаніи темныхъ, непровѣренныхъ слуховъ. Къ счастью, родители пробудились отъ своей обычной спячки: изъ ихъ среды была выбрана *комиссія* и „невинная жертва наглой клеветы“ оказалась *единогласно оправданной* послѣ цѣлаго ряда засѣданій, раскрывшаго всю подлую интригу. Наконецъ, надо припомнить нападки на дѣятельность Отдѣла и злостныя измышленія, распространяемыя при помощи захваченной инородцами печати. Стоило, напримѣръ, нѣсколькимъ членамъ Отдѣла по частному почину устроить собесѣдованіе съ рабочими съ цѣлью разъяснить имъ вредъ забастовокъ, какъ въ еврейской газетѣ „Новости“ появилась статья, обливающая участниковъ собесѣдованія наг-

французскій, только немного погишпанистѣе“¹⁾). Всевозможныхъ породъ „міровые граждане“ наводняютъ своими „прокламаціями“, „воззваніями“, „листочками“ всю Россію, сѣютъ въ простыхъ умахъ смуту, колеблютъ вѣрованія, внушаютъ неразрѣшимыя сомнѣнія. Народъ, не смотря на свой порывъ къ свѣту знанія, пребывающій въ темнотѣ, нуждается въ разъясненіи дѣйствительнаго смысла непонятныхъ для него явленій, истиннаго значенія совершаемаго нашей бюрократіей переворота. Поэтому надо дешевыми или даже бесплатными, общедоступными изданіями утолить духовный голодъ, испытываемый нашимъ меньшимъ братомъ, иначе онъ набросится на нездоровую заморскую пищу и сильно разстроитъ свое духовное здоровье. Стало быть, необходимо изыскать потребныя средства и людей, способныхъ говорить съ народомъ понятнымъ ему языкомъ, могущихъ раскрыть глаза на происки, угрожающіе благосостоянію всей страны и показать воочию несостоятельность и непригодность навязываемыхъ намъ порядковъ.

лой клеветой. Правда не замедлила восторжествовать и на этотъ разъ: рабочіе за полными подписями подтвердили достовѣрность обстоятельнаго разсказа о собесѣдованіи, составленнаго участниками и напечатаннаго въ мѣстныхъ Вѣдомостяхъ. Опроверженіе клеветнической статьи было отправлено и въ „Новости“ заказнымъ письмомъ съ обратной роспиской, но, конечно, напечатано не было и еврейскія газеты продолжали содѣйствовать распространенію завѣдомой лжи. Чья-то искусная рука упорно разбрасывала обвиненія, выдавая ихъ за безспорную истину. Полная несостоятельность этихъ лживыхъ нареканій была, однако, изобличена, какъ только профессоръ Гредескулъ былъ вынужденъ повторить въ печати тѣ бездоказательныя обвиненія, которыя причинили, однако, многимъ столько нравственныхъ страданій и бросали въ Отдѣлъ грязью, обрекая нѣкоторыхъ изъ его членовъ даже на матерьяльныя лишенія, получивъ отпоръ изобличенный клеветникъ спрятался, не осмѣлившись продолжать честный бой во всеуслышаніе. Зато въ своей газетѣ онъ прибѣгнулъ изъ-за угла къ чисто „провокааторскимъ“ „доносамъ“ „самозванному правительству и взволнованному обществу“, а „Союзъ постановилъ не печатать изданій Отдѣла въ виду ихъ вреднаго направленія.“ Вотъ къ чему ведутъ толпу поборники свободы на словахъ и на дѣлѣ трусливые враги всякой свободной мысли! Любопытно, что буквально всюду противъ Русскаго Собранія и его Отдѣловъ прибѣгаютъ къ одинаковымъ приѣмамъ борьбы, что свидѣтельствуется о дѣйствіяхъ по общему плану, выработанному вожаками смуты: пробужденіе русскаго самосознанія равносильно полной неудачѣ ихъ чернаго дѣла. Отсюда ихъ ненависть къ Русскому Собранію!

¹⁾ В. Даль „Пословицы русскаго народа“. Т. III. Стр. 43.

Одновременно съ такъ направленной издательской дѣятельностью надо прибѣгнуть къ живому слову, устраивая собесѣдованія съ ищущими правды, желающими обосновать и отстоять свои вѣрованія и убѣжденія отъ нападенія противниковъ. Очень многіе просто не умѣютъ спорить, не располагаютъ необходимыми свѣдѣніями и данными для защиты своихъ убѣжденій, а потому уклоняются отъ борьбы съ болѣе опытными, развязными и не стѣсняющимися въ выборѣ доказательствъ насадителями зарубежнаго строя. Не подлежитъ сомнѣнію, что громадное большинство не оторвалось отъ родной почвы, что у насъ множество единомышленниковъ, лишь по невѣдѣнію къ намъ не премыкающихъ. Ради удовлетворенія несомнѣнной потребности многихъ уяснить себѣ значеніе исповѣдуемыхъ нами началъ надлежало-бы, не отказываясь отъ докладовъ, устраивать простыя собесѣдованія по заранѣ намѣченнымъ вопросамъ, имѣющимъ ближайшее отношеніе къ нашимъ основнымъ задачамъ.

Простая, безыскусственная рѣчь, живой обмѣнъ мнѣній несомнѣнно принесутъ значительную пользу тѣмъ, кто не привыкъ или не можетъ постояннымъ чтеніемъ разнообразныхъ книжекъ отыскивать рѣшеніе своихъ недоумѣній. Дружная совмѣстная работа, столкновеніе различныхъ точекъ зрѣнія, яркое освѣщеніе болѣе опытными и свѣдущими непонятнаго другимъ внесутъ въ среду нашихъ согражданъ не мало полезныхъ данныхъ и разовьютъ привычку вести борьбу съ мнѣніями, а не лицами, отстаивать свои убѣжденія доводами, а не насиліемъ!

Но и общедоступныя изданія, и бесѣды и доклады не могутъ замѣнить своего органа, газеты, которая-бы давала непосредственный откликъ на быстро-мчащіяся событія, разрѣшала вопросы дня, руководила и направляла-бы жаждающихъ правды на вѣрный путь среди тѣхъ бездонныхъ пропастей, извилистыхъ ущелій и глухихъ тупиковъ, кои въ изобиліи преграждаютъ ходъ всѣмъ намъ желаннаго преобразовательнаго движенія.

Жизнь не ждетъ выпуска листка, устройства бесѣды или написанія соотвѣтствующаго доклада: она сегодня тре-

буетъ отвѣта на выдвинутый ею вопросъ и рядовой обыватель заваливается грудой неразрѣшимыхъ загадокъ, усваиваетъ противорѣчивыя мнѣнія, наконецъ, просто плыветъ по теченію... Для цѣлесообразнаго отстаиванія своихъ идеаловъ намъ нужно собственное повременное изданіе. Въ этомъ мы согласились уже давно на нашихъ общихъ собраніяхъ. Теперь необходимое разрѣшеніе уже получено. Итакъ, настала пора отъ словъ перейти къ дѣлу и высоко поднять русское знамя, знамя стойкой охраны своихъ священныхъ правъ, вѣрнаго выполненія обязанностей передъ народомъ, отпора непомѣрнымъ притязаніямъ кичливыхъ инородцевъ и широкой терпимости къ тѣмъ, кто, уважая наши идеалы, искренно хочетъ идти рука объ руку съ нами къ водворенію свободы и порядка.

Шла рѣчь у насъ и о русской школѣ, гдѣ-бы наши дѣти воспитывались въ нашемъ народномъ духѣ, а не превращались въ бастуновъ, болтуновъ, невѣждъ и преступниковъ. Это грозная, неумолимая, насущная потребность, ибо наши дѣти должны быть продолжателями нашего дѣла, а не разрушителями нашего многовѣкового уклада. Зеленая молодежь, несвѣдущая, неопытная, развращенная передовыми педагогами, попала въ цѣпкія лапы инородческихъ руководителей революціоннаго движенія: всюду неучащіеся студенты, ученики всякихъ школъ устраиваютъ забастовки, принимаютъ участіе въ уличныхъ беспорядкахъ, руководятъ погромами, стрѣляютъ въ войска и безоружныхъ „патріотовъ“. Очевидно ихъ направляетъ чья-то злая воля, превратившая по природѣ мягкое, отзывчивое и честное русское юношество въ „стаю насвистанныхъ попугаевъ“, въ слѣпое орудіе разрушенія той самой родины, гдѣ имъ-же придется работать и жить. Истребленіе накопленныхъ вѣками богатствъ, памятниковъ старины, искусства, науки вотъ поприще, на которомъ подвизается „молодая Россія!“ Правда, только сравнительно немногіе всецѣло примкнули къ разрушителямъ, но всѣ почти безмолвствуютъ, не проявляютъ своей воли, поддаются внушенію. Надо вырвать школу изъ рукъ политикановъ, считающихъ ея захватъ луч-

шимъ средствомъ для поимки пресловутаго „таракана“. Ни въ одной странѣ міра дѣтей не превращаютъ въ „борцовъ“, понимая, что только сознательно мыслящій и самостоятельный человѣкъ можетъ возвышать голосъ и предъявлять „требованія“. Кто изъ насъ можетъ спокойно согласиться, чтобъ его сына или дочь развращали, толкали на улицу, подводили подъ пули и нагайки, обращали въ злодѣевъ, негодяи, скрывающіеся въ безопасной дали? Пора намъ поднять вопросъ объ учрежденіи такого учебнаго заведенія, которое бы воспитывало, обучало и готовило къ жизни подростокующія поколѣнія! Силъ у насъ достаточно, а средства должны дать тѣ родители, которые не поощряютъ праздности и политиканства своихъ чадъ! У насъ не будетъ людей, чуждыхъ намъ по вѣрѣ и крови, а потому не будетъ ни забастовокъ, ни безпорядковъ! Если правительственная школа представляетъ собой разлагающійся трупъ, то общество обязано создать свой питомникъ просвѣщенія для юныхъ душъ. Разъ мы откроемъ школу Русскаго Собранія, то спасемъ своихъ дѣтей и окажемъ Родинѣ несомнѣнную услугу.

Но этимъ не исчерпываются обязанности, возлагаемыя на насъ современными условіями: мы попали въ вихрь политической борьбы и не смѣемъ ни оставаться безучастными зрителями, ни отдаваться на волю бушующихъ волнъ: необходимо на собраніяхъ и сходахъ, въ кругу знакомыхъ и въ избирательныхъ засѣданіяхъ отстаивать наше родное, русское, необходимо подготовиться къ выборамъ какъ въ Государственную Думу, такъ и въ городскія и земскія самоуправленія. Врагъ торжествуетъ, но русская сила не сломлена, не перевелись еще стоятели за правду, смѣлые обличители лжи и честные оберегатели интересовъ населенія. Надо не пускать въ Думы и Управы тѣхъ, кто не выполняетъ своихъ служебныхъ обязанностей, хорошо оплачиваемыхъ на счетъ вносимыхъ нами и непомѣрно вздутыхъ налоговъ! Пусть политиканствуютъ, покрывая издержки изъ собственнаго кармана, а не изъ нашего! Мирному, трудящемуся люду надоѣли разорительныя забастовки, пагубныя смуты, прерывающія правильный оборотъ товаровъ,

обмѣнъ спроса и предложенія, одинаково опасныя и для производителей и потребителей. Разрушительный напоръ уже разбивается о несокрушимую вѣрность русскаго народа; во множествѣ мѣстъ возникаетъ грозное, встрѣчное теченіе; всюду зашевелились русскіе люди, понимающіе, что теперь надо самому народу встать на защиту потрясаемыхъ основъ; всюду возникаютъ общества, собранія, кружки, которые, образуютъ ячейки дѣйствительно „освободительнаго движенія“. Да, пора намъ сбросить съ себя инородческое, бюрократическое иго, пора намъ, кровнымъ русскимъ, показать, что мы хозяева родной земли, а не бездомные пришельцы, не имѣющіе даже собственнаго отечества!

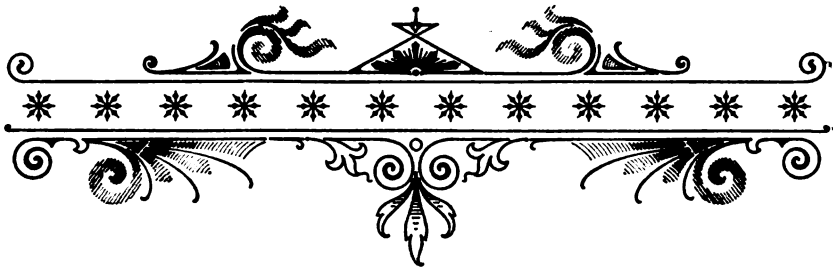
Но не ужасами и звѣрствами погромовъ надо обуздать зазнавшихся инородцевъ, а широкой сплоченностью и отвѣтнымъ бойкотомъ. Намъ закрываютъ кредитъ, намъ не продаютъ товаровъ, наши предпріятія пускаютъ по вѣтру, но безъ покупателя не можетъ существовать продавецъ. Поэтому, если мы будемъ покупать только у своихъ, то многіе присмирѣютъ. Конечно, силы Отдѣла не такъ велики, чтобъ онъ могъ вести одинокую борьбу. Но послѣднія событія привели къ сближенію прежде разрозненныхъ и затерянныхъ по градамъ и весямъ Россіи ея вѣрныхъ сыновъ. Съ разныхъ концовъ къ намъ протягиваются дружественныя руки и мы стоимъ наканунѣ объединенія всѣхъ противореволюціонныхъ обществъ во *всенародный русскій союзъ*, исповѣдующій тѣ же самыя начала, служенію которымъ мы отдали самихъ себя! Теперь обстоятельства измѣнились въ нашу пользу: Свобода собраній и союзовъ лишила нашихъ противниковъ той монополіи, которая позволила имъ раньше насъ организоваться; насъ сдерживало запрещеніе закона, они этимъ не стѣснялись, но теперь наше положеніе сравнялось. Свобода слова и печати также полезнѣе для насъ, чѣмъ для распространителей прокламаций и говоруновъ на неразрѣшенныхъ „митингахъ“. Вѣдь они наводняли всю Россію своими „нелегальными изданіями“, имѣя подпольныя типографіи, произносили зажигательныя рѣчи,—наши же уста оставались загражденными уваженіемъ

къ предписаніямъ власти. Теперь можетъ раздаться и наше свободное слово, ибо даже администрація графа Витте не можетъ помѣшать намъ сообразно новымъ законамъ расширить свою дѣятельность—и мы вѣдь имѣемъ неприкосновенность личности. Правда самозванные правители, выдающіе себя за выразителей пожеланій *всего* народа, выступаютъ противъ насъ съ разнообразными запрещеніями, но эта затѣя показываетъ лишь на признаніе невозможности одолѣть насъ въ гласномъ состязаніи! Кто увѣренъ въ своей правотѣ, тотъ хочетъ одинаковыхъ правъ и для своего противника, ибо только тогда побѣда надъ нимъ имѣетъ общественное значеніе. Если же вмѣсто столкновенія мнѣнній „передовые борцы“ прибѣгаютъ къ темнымъ способамъ, то этимъ самымъ они лишь подчеркиваютъ свое умственное безсиліе, свою неспособность честно послужить русскому народу и его Державному Вождю.

Великія блага получила Россія по волѣ Государя, зывающаго ко всѣмъ вѣрнымъ завѣтамъ родной старины о содѣйствіи его начинаніямъ. Пусть же не остается державный призывъ гласомъ вопіющаго въ пустынь! Все теперь зависитъ отъ умѣнья русскихъ людей достигъ желаннаго единенія.

Желѣзнымъ сомкнути кольцомъ,
Возстанемъ мы непобѣдимо—
Лишь тѣсно слитая съ Царемъ
Святая Русь нераздѣлима.
Кровавой куплены цѣной ея державныя владѣнія!
Наслѣдья старины родной
Мы не дадимъ на расхищенье!
Пусть всякій, кто отчизну чтить,
Кто вѣритъ въ Русь, идетъ за нами!
Господній Промыселъ намъ щить,
Престолу вѣрность—наше знамя!
Объединясь теперь подъ нимъ,
Въ борьбу за Русь мы смѣло вступимъ,
Ея основы отстоимъ
И стойкостью побѣду купимъ.

„Возрожденіе средневѣкового настроенія“.

— — —

Наше время сдѣлало насъ свидѣтелями и даже участниками великаго броженія, замѣчаемаго въ жизни образованнаго человѣчества: кумиры, передъ которыми преклонялись въ сравнительно недавнюю пору, видимо утрачиваютъ свое прежнее обаяніе надъ умами; гордая увѣренность въ незнающей преградѣ, всепроникающей силѣ человѣческаго разума, отъ котораго не сегодня-завтра ожидали окончательнаго разрѣшенія всѣхъ запросовъ и недоумѣній, устраненія „наивныхъ“, „отжившихъ“, вѣковыхъ вѣрованій, смѣняется нынѣ горькимъ сознаніемъ ограниченности познавательныхъ силъ человѣка и безсилія поднять роковую завѣсу, скрывающую тайны мірозданія; теоріи и гипотезы, смѣло устранявшія „заблужденія прежнихъ поколѣній“, не находятъ теперь столь многочисленныхъ, рьяныхъ и слѣпыхъ поборниковъ; всюду проглядываютъ сомнѣніе, разочарованіе, шатаніе изъ стороны въ сторону наряду съ растущимъ недовольствомъ настоящимъ; въ то же время всякій вдумчивый человѣкъ испытываетъ жгучую потребность въ сознательномъ отношеніи къ явленіямъ окружающаго его міра, въ особенности къ порядкамъ, царящимъ въ жизни современнаго ему общества, стремится разобраться въ противоположныхъ ея теченіяхъ, такъ или иначе удовлетворить неутомимые запросы своего духа, опредѣлить цѣль и смыслъ своего земного существованія. Но теперь до очевидности ясно для cadaго безпристрастнаго наблюдателя, что въ общественное сознаніе все шире и глубже проникаетъ мысль.

о невозможности „путемъ науки трудной“ получить удовлетворяющій всесторонне отвѣтъ на вѣковѣчные запросы человѣческаго духа. Правда, положительная, точная наука никогда не брала на себя подобнаго непосильнаго бремени, она ясно и открыто разграничивала область изслѣдованія и опыта отъ „вещей невидимыхъ и уповаемыхъ“; она говорила, что намъ доступенъ лишь міръ явленій, а не сущностей, что устанавливаемые ею законы обозначаютъ собой простую послѣдовательность міровыхъ видоизмѣненій, а не раскрываютъ причинъ, лежащихъ въ нихъ основаній. Но поверхностное знаніе обнаруживало и обнаруживаетъ притязанія на непомѣрно широкія обобщенія, что въ настоящее время объясняетъ горькія сѣтованія на „банкротство науки, не оправдавшей возлагаемыхъ на нее надеждъ“, „бесильной“ разрѣшить самые важные и мучительные для человѣка вопросы. И вотъ въ современномъ обществѣ замѣчается три наиболѣе выпуклыя направленія: одни продолжаютъ восхищаться послѣднимъ словомъ науки, просто-душно принимая на вѣру всякія утвержденія, выдаваемые за конечные выводы, и относясь съ предубѣжденіемъ къ религіознымъ представленіямъ о мірѣ и человѣкѣ, будто бы изболѣннымъ и отвергнутымъ точнымъ знаніемъ. Не нашедшіе-же путемъ научнаго изслѣдованія предмета своихъ пламенныхъ поисковъ или отказываются отъ всякаго разрѣшенія „проклятыхъ вопросовъ“, или обращаются къ религіи за устраненіемъ своихъ отравляющихъ существованіе недуговъ. Такимъ образомъ возникаютъ два знаменательныхъ теченія въ жизни мыслящаго человѣчества—пессимистическое настроеніе и стремленіе къ возрожденію прежнихъ вѣрованій. Пессимизмъ и его пророки, Шопенгауэръ и Гартманъ, овладѣваютъ умами съ тѣмъ большей легкою, что за отсутствіемъ цѣли и смысла жизни она является непомѣрно тяжелымъ бременемъ, игрою случая, теряетъ свою прелесть и обаяніе. Число самоубійствъ возрастаетъ до чудовищныхъ размѣровъ: по статистическимъ даннымъ на земномъ шарѣ въ каждый часъ среднимъ числомъ три человѣка добровольно прерываютъ свое существованіе. Но

такой исходъ является противоестественнымъ, признакомъ болѣзненнаго состоянія, и человѣку все таки остается присущимъ стремленіе жить, хотя бы чтобъ „мыслить и страдать“. Лишь очень немногіе по убѣжденію въ суетѣ, и тлѣнности земной жизни, съ ея преходящими и мимолетными радостями, погружаются въ Нирвану: пессимистическое же нѣтъ никогда не станетъ удѣломъ большинства среднихъ людей, ищущихъ въ міросозерцаніи поддержки для борьбы съ жизненными нестроеніями. Естественно, что всякій сознательно смотрящій на жизнь, а не прозябающій человѣкъ жаждетъ исхода, который далъ бы силу жить, устранилъ бы тяжелый душевный разладъ, поддержалъ бы въ несчастіи, раскрылъ тайну природы и назначенія мыслящихъ существъ. Такимъ исходомъ является возвратъ къ вѣрѣ, причемъ одни создаютъ новую болѣе рacionalesтическую религію, подкрѣпляемую будто бы научными положеніями и приспособленную къ выросшимъ новымъ потребностямъ, придумываютъ различныя „религіи будущаго“, когда появится „сверхчеловѣкъ“, стоящій выше добра и зла, дѣйствительный царь природы. Эти мечтанія, однако, остаются такъ сказать, книжными построеніями, культами съ немногочисленными приверженцами, а потому и не оказываютъ сильнаго вліянія на общество. Иное дѣло представляетъ мощное теченіе, отмѣченное на страницахъ самыхъ разнообразныхъ сочиненій, это возвратъ къ такъ называемому „средневѣковому настроенію“, по словамъ Золя: все современное человѣчество представляется ему больнымъ, который отвращается отъ науки и въ жаждѣ облегченія бросается въ объятія вѣры, „дѣтски наивной вѣры среднихъ вѣковъ, которая, не размышляя, преклоняетъ колѣна и молится“. Вотъ это-то „возрожденіе средневѣковаго настроенія“ заслуживаетъ особаго вниманія, какъ весьма любопытное и поучительное явленіе въ исторіи человѣчества, какъ показатель современнаго броженія и вѣщее знаменіе для временъ грядущихъ. Даже социалистическій органъ „Zukunft“ посвящаетъ особую статью „возвращенію ко Христу“. Здѣсь будетъ уместно привести нѣсколько наиболѣе примѣчательныхъ выписокъ:

„люди нашихъ дней не смѣются надъ религіей, а если и раздаются противорелигіозныя рѣчи, то звучать онѣ изъ устъ представителя уже прошедшаго стремленія. Нѣтъ цѣли посягать на остатки вѣрованій, потому что люди не становятся счастливыѣ, умертвивъ въ себѣ Бога“. „Полстолѣтія назадъ думали, что свобода снизойдетъ на землю, если исчезнетъ вѣра въ загробную жизнь. Но пришло невѣріе, а свобода не явилась. Безъ Бога подвинулись впередъ не дальше, чѣмъ прежде съ Богомъ. Не вѣрять ничему оказалось слишкомъ безотраднымъ и унылымъ, а потому отцы не считаютъ себя въ правѣ выступать передъ дѣтьми съ радикальнымъ отрицаніемъ и съ раздумьемъ глядятъ на рѣзвящуюся вокругъ рождественской елки толпу ребятишекъ: чему-то будетъ вѣрять этотъ маленькій народъ, въ силу ли и матерію или сдѣлается мистиками?“ Склонность къ вѣрѣ возрастаетъ, но чему долженъ вѣрять современный человѣкъ, если онъ опять обращается къ религіи? Недовольствуясь церковнымъ ученіемъ и не имѣя досуга для изученія религіозныхъ вопросовъ, люди нашего времени, зараженные духовнымъ малокровіемъ, грезятъ сверхчеловѣкомъ, который прійдетъ для утоленія ихъ душевной жажды. Но мы хорошо знаемъ, что человѣкъ будущаго можетъ быть лишь сочетаніемъ нашихъ воспоминаній о людяхъ прошлаго; наше же поколѣніе, переполненное рефлексами до такой степени, что едва само еще знаетъ, живетъ ли оно, разчленяющее все на атомы, мелочи, ничтожности, не можетъ служить почвой для новой религіи. Но почему же люди ищутъ сверхчеловѣка? потому, что они жаждутъ не папы, не соборовъ, не окружныхъ епископовъ и формулъ, а души, достаточно чистой и сильной, чтобъ притянуть ихъ къ себѣ, какъ солнце притягиваетъ и освѣщаетъ планеты. Мы желаемъ найти высокую душу цѣльную, правдивую, вѣрную, имѣющую въ избыткѣ все, что мы можемъ понять и не достигаемъ собственными силами“. Но есть ли такая душа? Да, есть—*Иисусъ*. Къ личности Іисуса приводитъ то соображеніе, что религія не можетъ быть сдѣлана или измышлена, по крайней мѣрѣ, въ наши дни; къ Нему ведетъ стремленіе

найти величайшую душу міровой исторіи. Или въ Немъ наша религія или для насъ вообще нѣтъ религіи. Магометъ, Будда имѣютъ кое-какое значеніе для другихъ отраслей человѣчества; для насъ они не идутъ въ расчетъ: они для насъ безличны, тогда какъ Іисусъ живетъ во всей нашей предшествующей исторіи: Павелъ, Оригенъ, Іеронимъ, Амвросій, Августинъ были Его воинами, Бонифацій, Карлъ Великій, Иннокентій, Григорій управляли отъ Его имени; Францискъ, Виклефъ, Гусъ любили Его; Лютеръ, Цвингли, Кальвинъ, даже Игнатій Лойола желали ему служить; Гансъ Эгgede, апостоль Гренландіи, стремился слѣдовать за Нимъ; Песталоцци, Шлейермахеръ желали быть Его учениками; Его рисовали художники отъ Рафаэля до послѣдняго времени; Ему принадлежали мелодіи Палестрины, Баха, Мендельсона; Его изображалъ Торвальдсенъ; Его воспѣвалъ Павелъ Гергардъ... гдѣ я долженъ начать и кончить, чтобъ сказать, что Онъ Единственный, Который не имѣетъ въ нашемъ культурномъ мірѣ никого, кто былъ бы столь же великъ? Кто столько времени былъ свѣтомъ людямъ, Тотъ имѣетъ право спросить насъ, почему вы не хотите болѣе знать Меня? Развѣ вы уже нѣчто совершенно иное, чѣмъ наши предки? Весьма сомнительно, чтобъ мы больше отличались отъ нѣмцевъ времени реформаціи, чѣмъ они отъ подданныхъ Карла Великаго. Если оказалось возможнымъ сдѣлать культурные успѣхи отъ Карла до Лютера, не разрывая узъ, связывающихъ съ личностью Іисуса, то неужели немыслимо держаться Его въ превратностяхъ новаго времени? Евангеліе заключаетъ въ себѣ нѣчто стоящее внѣ времени, живое для всѣхъ столѣтій. Не чудеса, не догматика привлекаютъ теперь къ Нему сердца, но воля Іисуса направляетъ нашу волю и углубленное познаніе Его воли должно вызвать самыя благія послѣдствія. Это познаніе не должно оставаться частнымъ дѣломъ, но сдѣлаться общимъ духомъ: всякій, лично познавшій Христа, долженъ содѣйствовать другимъ". Эта статья въ передовомъ органѣ нѣмецкихъ социалистовъ чрезвычайно знаменательна для общаго настроенія умовъ: очевидно, что „преобразователи общества“

не думаютъ больше объ „упраздненіи религіи“, не развращаютъ тлетворными ученіями своихъ послѣдователей, проповѣдая кощунство и издѣваясь надъ религіозной потребностью, какъ было сравнительно очень недавно, а наоборотъ высоко цѣнятъ христіанство и въ будущемъ видятъ крайнюю необходимость болѣе глубокаго проникновенія его духомъ. Несомнѣнный поворотъ въ сторону прежнихъ вѣрованій не ускользнулъ, такимъ образомъ, отъ „руководителей общественнаго мнѣнія на западѣ“ и на нашихъ глазахъ громадныя успѣхи дѣлаетъ такъ называемый „христіанскій социализмъ“. Папство, всегда чуткое къ нарождающимся движеніямъ,—недаромъ Левъ XIII предписалъ католическимъ богословамъ изучать Θому Аквината,—старается прибрать его въ свои руки, и съ высоты римскаго престола раздаются рѣчи въ пользу труждающихся и обремененныхъ. Повидимому, пророчество Достоевскаго начинаетъ сбываться: папа собирается дать хлѣбъ голодному рабочему люду и, опираясь на него, еще разъ добиться главенства надъ міромъ. Уже несомнѣнное увеличеніе обаянія папства служитъ яркимъ доказательствомъ поворота къ средневѣковымъ идеаламъ. Тогда завѣтной цѣлью всѣхъ стремленій было водворить на землѣ Божье царство, теперь эта величаяя идея пріобрѣтаетъ съ каждымъ днемъ все большее число сторонниковъ; въ цѣломъ рядѣ явленій сказываются очевидныя признаки возврата къ средневѣковой точкѣ зрѣнія. Конечно, полного, точнаго воспроизведенія прошлаго въ настоящемъ быть не можетъ, но сходство поразительно и многообразно: такъ въ области философскихъ воззрѣній замѣчается возрожденіе основныхъ положеній схоластики. Она учила, что познавательная сила разума ограничена: современный позитивизмъ вполнѣ усвоилъ эту точку зрѣнія: по мнѣнію Конта человѣчество должно ограничиться лишь доступнымъ ему знаніемъ; Дюбуа Раймонъ прямо говоритъ, что мы „не узнаемъ“ рѣшенія вѣчныхъ вопросовъ, наиболѣе близкихъ и животрепещущихъ для насъ; Спенсеръ считаетъ „непознаваемыми основныя начала“. Въ самое недавнее время знаменитый химикъ Оствальдъ обличаетъ „несостоятельность

научнаго матеріализма"; метафизика, недавно еще бывшая въ загонѣ, приобрѣтаетъ теперь права гражданства въ средѣ современныхъ философовъ. Ихъ усилія направлены на обсужденіе вопросовъ, нѣкогда волновавшихъ схоластиковъ, — бытіе личнаго Бога, безсмертіе души, свобода воли, происхожденіе и сущность зла, обоснованіе идеализма и т. д. не считаются незаслуживающими обсуждения, наоборотъ привлекаютъ особое вниманіе. Стоитъ заглянуть хотя бы въ „Вопросы философіи и психологіи“, чтобъ убѣдиться въ несомнѣнномъ интересѣ, какой возбуждаютъ теперь вопросъ „о видахъ вѣры и ея отношеніяхъ къ знанію“ (статья Введенскаго), „Споръ разсудка съ вѣрою“ (Каленова), „Психологическій детерменизмъ и нравственная свобода“ (С. Н. Трубецкаго), „Аскетическое начало нравственности“ (С. Соловьевъ), „Устои нравственной жизни и дѣятельности“ (Грота), „Жизнь какъ нравственная борьба“ (Каленова), „О добродѣтеляхъ“ (Б. Соловьева), „Сознаніе Бога и знаніе о Богѣ“ (Козлова), „Этика и догматика“ (С. Трубецкаго), „Безусловное начало нравственности“ (Б. Соловьева). „Основанія идеализма“ (С. Трубецкаго), „Понятіе о душѣ по даннымъ внутренняго опыта“ (Лопатина), „Христіанская гармонія духа“ (Неплюева). Всѣ эти статьи наглядно доказываютъ несомнѣнное сближеніе философіи съ богословіемъ и придаютъ чисто философскому журналу богословскій характеръ. Философія не дышетъ теперь враждою къ религіи, а, наоборотъ, все болѣе склоняется въ ея сторону. Опытъ и наблюденіе не считаются нынѣ единственными средствами познанія; „интуиціи“, прозрѣнію отводится все болѣе почетное мѣсто. Наука изъ недавней госпожи, возвращается въ прежнее положеніе служанки, ея выводы пригодны для подкрѣпленія откровенія, но не для его опроверженія. Французскій академикъ-критикъ Брюнетьеръ въ надѣлавшей такого шума статьѣ о банкротствѣ наукъ отдастъ предпочтеніе разсказу Моисея о мірозданіи передъ всѣми эволюціонными теоріями. Ученіе о духовномъ мірѣ, противоположномъ матеріальному, предметъ насмѣшекъ и гоненія, становится господствующимъ; появляется цѣлое новое те-

ченіе, такъ, напрімѣръ, неовиталистовъ, признающихъ самостоятельное жизненное начало, словомъ раздѣляющихъ воззрѣнія средневѣковья. Алхимія признается родоначальницей химіи и знаменитый химикъ Бертелло отводитъ осмѣяннымъ алхимикамъ почетное мѣсто; въ современной химіи принимается ученіе о единствѣ вещества, исходная точка средневѣковыхъ ученыхъ.

Еще больше точекъ соприкосновенія съ средневѣковымъ замѣчается въ близкихъ къ жизни областяхъ художественнаго творчества: натуралистическая школа съ своими пресловутыми „человѣческими документами“ не удовлетворяетъ теперь господствующему настроенію. Жажда необычнаго, таинственнаго, чудеснаго охватываетъ общество; оно тянется въ міръ сверхчувственнаго, увлекается „спиритизмомъ“, „медіумами“, бросается въ міръ суевѣрій; возрождается вѣра въ колдовство, въ силу злого духа. Во Франціи, въ самомъ ея сердцѣ, служатъ сатанѣ черныя мессы; вмѣсто воспроизведенія дѣйствительности поэзія погружается въ темныя дебри міра вѣдьмъ, оборотней, какъ показываетъ „En route“ Юнсманса, глубоко убѣжденнаго въ козняхъ дьявола. Наши символисты—жалкіе подражатели средневѣковыхъ аллегористовъ; ихъ фигурныя стихотворенія—упражненія ребенка въ сравненіи съ произведеніями средневѣковыхъ поэтовъ. Однимъ словомъ, даже уродливыя проявленія средневѣковой жизни находятъ поклонниковъ въ рядахъ современнаго измученнаго общества. Даже такой представитель натуралистической школы—какъ Золя—вынужденъ остановиться на все растущей потребности въ вѣрѣ и посвятить ей свои послѣдніе романы „Римъ“ и „Лурдъ“. Въ произведеніяхъ Бурже, Рода, Сенкевича, несомнѣнно отражающихъ поиски утраченной вѣры, также отмѣчены любопытныя проявленія этого возврата къ старому, къ прежнимъ жизненнымъ устоямъ. Въ области искусства появляется школа прерафаэлитовъ, живописцевъ, поставившихъ себѣ образцами невзыскательную средневѣковую живопись съ ея наивными попытками выразить торжество духа надъ плотью и символизмомъ. У насъ представителемъ этой стороны возврата

въ средневѣковью является Нестеровъ. Да и вообще попытки изобразить священные лица и событія въ натуралистическомъ направленіи отходятъ теперь на задній планъ, тогда какъ мощная кисть Васнецова, создавшего живопись кіевскаго владимірскаго собора, изумительно сильно и глубоко передаетъ религіозное воодушевленіе художника, по истинѣ родственное чувству, руководившему кистью средневѣковыхъ живописцевъ.

Поэзія и искусство служатъ наиболѣе чуткими показателями теченій и направленій современнаго имъ общества, а потому успѣхъ, выпавшій на долю драматическихъ произведеній, проникнутыхъ окраской чудеснаго, (Ганнеле, Принцесса Греза), увлеченіе операми Вагнера, берущаго свои сюжеты изъ средневѣковыхъ сказаній, поворотъ къ религіозной живописи—признаки одного и того же теченія, пробивающагося во всѣхъ областяхъ жизни. Но всего разнообразнѣе и всего замѣтнѣе сказывается возвращеніе къ средневѣковымъ идеаламъ въ области общественныхъ отношеній. Какъ извѣстно, весь строй средневѣковой жизни стремится воплотить своеобразно понимаемые завѣты Спасителя. „Законодательною книгою народовъ—было Евангеліе“. И вотъ на современномъ западѣ выступаютъ родственныя по цѣли стремленія, чрезвычайно любопытныя и характерныя. Появляется знаменитая „Армія Спасенія“, поставившая своей цѣлью воплотить ученіе Іисуса Христа о любви и помощи грѣшникамъ и обездоленнымъ. Эта любовь къ падшему и погибающему ближнему должна спасти и возродить міръ вопреки экономическимъ ученіямъ недавняго прошлаго, „доказавшимъ нелѣпость общественной благотворительности“. И вотъ „армія спасенія“, благодаря дѣятельности своего „генерала“ Буса, раскинулась по Европѣ Америкѣ и Австраліи своими 4000 корпусовъ; она кормитъ въ своихъ столовыхъ бѣдняковъ, даетъ ночлегъ не имѣющимъ крова, доставляетъ въ своихъ мастерскихъ работу безработному люду; „Учрежденія св. Магдалины“ содѣйствуютъ возвращенію на путь истинный несчастныхъ „жертвъ общественного темперамента“; для освобожденныхъ изъ тюрьмы

преступниковъ созданы особые пріюты. Словомъ, десятки тысячъ людей, благодаря „арміи спасенія“, находятъ пищу, кровь, работу, облагораживаются нравственно, помогая такимъ же несчастнымъ, какъ они сами. Въ прошломъ (1894) году „армія“ израсходовала 7.300,000 рублей, и все расширяетъ кругъ своихъ дѣйствій. Бусъ поглощенъ теперь мыслью объ основаніи за океаномъ колоніи, гдѣ всѣ, ненашедшіе себѣ счастья въ старомъ мірѣ, могли бы пристроиться и зажить въ довольствѣ. И все это совершается во имя „Исуса, спасающаго грѣшниковъ“. Религіозное одушевленіе, полнѣйшее обновленіе горячая убѣжденная преданность дѣлу—переносятъ насъ въ далекое средневѣковье, когда проповѣдь „миноритовъ“ потрясала и заражала всѣ свои населенія.

Другое знаменательное явленіе представляетъ собой „Союзъ для распространенія Эгидіевскихъ мыслей“. И здѣсь замѣчается тоже воздѣйствіе завѣтовъ Христа: цѣлью дѣятельности союза постановлено пробужденіе въ современникахъ христіанско-религіознаго сознанія, которое должно водвориться путемъ общей работы всѣхъ надъ самосовершенствованіемъ. Глубокая вѣра въ лучшее будущее, въ торжество „единого христіанства“ воодушевляетъ бывшаго полковника саксонской арміи Эгиди, вложившаго всю свою душу для осуществленія своего девиза: „религія не должна быть внѣ жизни, но наша жизнь—сама религія“, т. е. въ своихъ дѣлахъ мы должны доказать силу и твердость своихъ религіозныхъ убѣжденій. И вотъ вокругъ этого отставнаго военного сосредоточивается общее вниманіе; онъ находитъ сторонниковъ; онъ вліяетъ на пробужденіе и въ другихъ серьезнаго отношенія къ вѣрѣ. Любопытно, что Эгиди отвергаетъ войну и тутъ служитъ отголоскомъ мощнаго теченія. Повсюду теперь гремятъ витіи противъ рѣшенія международныхъ вопросовъ путемъ насилія. Съ кафедръ и трибунъ раздается дружный крикъ „долой оружіе“, издаются даже особые журналы, посвятившіе себя раскрытію ужасовъ войны, доказательству ея несоотвѣтствія съ лучшими сторонами природы человѣческой. И опять приходятъ на память средневѣковой „Божій миръ“, „братья мира“, указывавшіе на.

несоотвѣтствіе насилія съ завѣтами Спасителя, вѣрившіе, что „на землѣ долженъ быть миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе“. Предпринимались тогда и попытки всеобщаго разоруженія, о которомъ мечтаютъ и въ наше время.

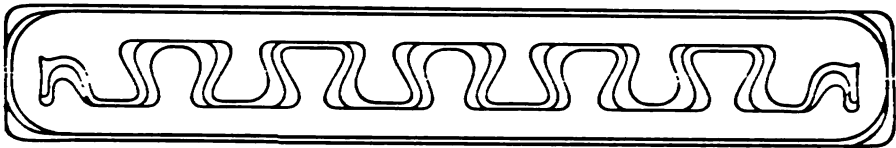
Не только кровопролитныя битвы внушаютъ отвращеніе современнымъ „братьямъ мира“; многимъ изъ сыновъ XIX вѣка кажется несомѣстимымъ съ нравственными требованіями употребленіе въ пищу мяса; повсюду открываются вегетаріанскія столовыя и число сторонниковъ безубойнаго питанія растетъ съ каждымъ днемъ; но едва ли кто нибудь изъ нихъ сравнивается по силѣ убѣжденія со средневѣковыми своими предшественниками, которые предпочитали лишиться жизни, чѣмъ зарѣзать пѣтуха.

Средневѣковье оживаетъ даже тамъ, гдѣ его, казалось, никакъ нельзя было ожидать—во взглядахъ и идеалахъ современныхъ свѣтскихъ „проповѣдниковъ-изобличителей“, типичнымъ представителемъ которыхъ является знаменитый писатель Земли Русской—Левъ Толстой. Его отрицаніе земной любви находитъ полнѣйшую аналогію въ средневѣковомъ воззрѣніи на бракъ: брачныя узы считались тогда дѣломъ грѣховнымъ, нечистымъ; похоть—слѣдствіемъ немѣренности въ пищѣ и питѣѣ; супружеское воздержаніе было идеаломъ, который многіе осуществляли въ своей жизни; бракъ казался поблажкой чувственнымъ наклонностямъ человѣка. Словомъ у средневѣковыхъ маралистовъ уже выставлены всѣ доводы Позднышева. Подобно средневѣковой Толстой отдаетъ предпочтеніе „простотѣ“ передъ „мудростью міра сего“, отрицаетъ значеніе науки и подчеркиваетъ ея безсиліе сдѣлать человѣка счастливымъ. И современный писатель и средневѣковье отдають рѣшительное предпочтеніе земледѣлію передъ торговлею и другими занятіями. Св. Бенедиктъ, Григорій Великій, Бернардъ Клервосскій, Ѳома Аквинатъ и Левъ Толстой считаютъ личный трудъ нравственной обязанностью человѣка: каждый, выполняя завѣтъ Божій, долженъ питаться трудами рукъ своихъ, работать ради работы, но не выгоды. Деньги считаются зломъ, ядовитой змѣей, по выраженію Бонавентуры. Церковь

запрещаетъ брать проценты, слѣдовательно стоитъ на той же точкѣ зрѣнія, съ какой Толстой отрицаетъ денежное хозяйство нашего времени. Проповѣдь „непротивленія злу насиліемъ“ раздавалась не разъ и въ средніе вѣка; тогда же схоластики и папы смотрѣли на государство, какъ на плодъ насилія сильныхъ надъ слабыми, отрицали права частной собственности и требовали, чтобъ каждый, имѣющій больше, чѣмъ нужно для удовлетворенія потребностей первой необходимости, дѣлился съ меньшими братьями. Идеаль средневѣковья—Божье царство—не чуждо и Толстому, который тоже хочетъ перестроить общество по своеобразно понимаемымъ завѣтамъ Спасителя, причемъ, подобно средневѣковымъ поборникамъ „вѣчнаго Евангелія“, по своему толкуетъ Новый Завѣтъ, стоитъ за внутреннее откровеніе, отрицая необходимость посредничества духовенства. Словомъ, у Толстого оказывается значительное количество точекъ соприкосновенія съ средневѣковымъ міромъ, и въ твореніяхъ забытыхъ средневѣковыхъ авторовъ можно отыскать много любопытныхъ совпаденій съ мыслями русскаго писателя, пользующагося міровой извѣстностью. Конечно, здѣсь не можетъ быть и рѣчи о прямомъ заимствованіи, какъ нельзя же сказать, что Беллами похитилъ у Бенедикта свою основную мысль о трудовой общинѣ, гдѣ всякій членъ обязанъ нести какую нибудь работу; нельзя сказать также, что Прудонъ, считающій собственность кражей, почерпнулъ свое опредѣленіе у Амвросія Миланскаго или Цезарія только потому, что первый также называетъ собственность захватомъ, а Цезарій прямо величаетъ богача „воромъ или наслѣдникомъ вора“. Черты сходства еще не доказываютъ тождества, потому что остается множество отличій, особенностей, присущихъ лишь данному времени. Тѣмъ не менѣе несомнѣннымъ кажется поворотъ къ средневѣковому настроенію, замѣчаемый во многихъ и разнообразныхъ проявленіяхъ современной жизни. Трудно вообще говорить о будущемъ, но въ высшей степени знаменательнымъ остается призывъ русской молодежи, обращенный къ товарищамъ—призывъ подражать Христу и Евангелію, равно какъ сви-

дѣтельство проф. Лависса, окрестившаго „мистиками“ французскую молодежь, этихъ людей грядущаго. Не даромъ въ послѣднее время сдѣлались довольно частыми постриженія молодыхъ воспитанниковъ свѣтскихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній—это яркое, краснорѣчивое доказательство силы религіознаго чувства въ средѣ новаго поколѣнія. Наиболѣе жизненною стороною „возрожденія средневѣковаго настроенія“ является, такимъ образомъ, возвратъ къ вѣрѣ, признаніе за нею ея правъ и необходимости для разумнаго міропониманія. Безъ вѣры—жизнь пустыня, наполненная ужасами, возбуждающая отчаяніе; только вѣра даетъ силу жить, зарождаетъ упованіе на милость Творца, не оставляя человѣка безпомощнымъ и одинокимъ. Отнынѣ насмѣшки и издѣвательства надъ вѣрой перестали находить когда-то модное сочувствіе; можно надѣяться, что и уродливыя и крайнія проявленія новаго движенія съ теченіемъ времени отпадутъ, останутся лишь наиболѣе здоровые зародыши. Возвратъ къ вѣрѣ поведетъ къ возвращенію блудныхъ сыновъ въ лоно любящей матери, св. Церкви, подъ руководствомъ которой единственно можетъ произойти полное обновленіе общества; иначе теченіе останется раздробленнымъ на мелкіе ручейки, вызоветъ частичныя, мѣстныя улучшенія, но не превратится въ мощный потокъ, разносящій во всѣ концы міра глубокую преданность завѣтамъ Спасителя и полную готовность осуществить свои вѣрованія на дѣлѣ.

Программы чтенія для самообразованія. С.-Петербургъ. 1895.

— — —

Въ наши дни вопросы, связанные съ народнымъ и личнымъ образованіемъ, являются, безспорно, одними изъ наиболѣе жгучихъ и современныхъ; они съ возрастающей силой приковываютъ вниманіе общества, все болѣе и болѣе сознающаго потребность, въ расширеніи своего умственнаго кругозора, въ распространеніи благъ просвѣщенія на всѣ слои населенія. Откликаясь на эту потребность, „комmissія учебнаго отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній“ въ Москвѣ обнародовала еще въ 1894 г. „программы домашняго чтенія“ съ цѣлью „придти на помощь лицамъ, желающимъ посредствомъ домашняго чтенія пополнить пробѣлы своего образованія“. Изданіе было, въ общемъ, встрѣчено очень сочувственно повременной печатью и повторено безъ измѣненій уже нѣсколько разъ. Примѣру москвичей не замедлили послѣдовать петербуржцы; въ исходѣ минувшаго года вышли отдѣльнымъ тисненіемъ „программы чтенія для самообразованія, составленныя „отдѣломъ для содѣйствія самообразованію въ Комитетѣ педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній“ и напечатанныя ранѣе въ 8 томѣ Историческаго Обозрѣнія (С.-Петербургъ 1895). Въ отличіе отъ своихъ предшественниковъ петербургскіе ревнители просвѣщенія поставили себѣ несравненно болѣе обширныя и отвѣтственныя задачи: своей программой они хотѣли „удовлетворить той потребности цѣлаго громаднаго круга читателей, которая заключается въ стремленіи къ

выработкѣ опредѣленнаго міросозерцанія“, философскаго, научнаго, нравственнаго и общественнаго“, а потому „составили и напечатали въ общее свѣдѣніе: 1) одну энциклопедическую программу, въ которой по каждой наукѣ указываются лишь важнѣйшіе вопросы, знакомство съ которыми необходимо для каждаго образованнаго человѣка, желающаго составить себѣ опредѣленное міросозерцаніе, и 2) отдѣльныя программы по тѣмъ-же наукамъ, ограничившись пока русской исторіей и политической экономіей“.

Само собою понятно, что наибольшій интересъ возбуждаетъ энциклопедическая программа, въ противоположность московскимъ, имѣющая въ виду „всю область научнаго знанія“, а „не предметы преподаванія на отдѣльныхъ факультетахъ“. Руководясь ею, „читатель, стремящійся дѣйствительно къ общему образованію“, не изучаетъ „лишь нѣкоторыя науки“, а усвоиваетъ „всѣ основныя данныя и главнѣйшіе выводы современнаго научнаго знанія“. Такимъ образомъ, по мнѣнію г. составителей программы съ проф. Н. И. Карѣвымъ во главѣ, ихъ дѣтище имѣетъ недосыгаемыя преимущества въ сравненіи съ московскимъ изданіемъ; по крайней мѣрѣ, все предисловіе направлено противъ лицъ ¹⁾, осмѣлившихся думать иначе, и посвящено восхваленію собственнаго произведенія, подчеркиванію всесторонности его и спеціальности, узости „программъ домашняго чтенія“. Уже эти первыя страницы разсматриваемой книги производятъ крайне неблагоприятное впечатлѣніе: подобная беззастѣнчивая реклама совершенно неумѣстна въ данномъ случаѣ: пусть ужъ торгаши зазываютъ покупателей въ свои лавочки самыми нелѣпыми обѣщаніями, къ чему цѣлому собранію ученыхъ и публицистовъ идти по ихъ стопамъ въ дѣлѣ общественнаго просвѣщенія, къ чему стараться уронить въ глазахъ читателей дѣльный трудъ, виновный лишь въ болѣе раннемъ выступленіи въ свѣтъ; къ чему сулить явно невыполнимыя вещи? Московское изданіе добросовѣстно выполнило свою скромную задачу и его составители внесли даже надлежащее безпристрастіе:

¹⁾ См. Міръ Божій 1895 г. іюль и Историческій Вѣстникъ 1895 г. августъ.

по философіи, напр. даны программы представителей двухъ противоположныхъ направленій, профессора Н. Я. Грота и прив. доц. А. С. Бѣлкина. Затѣмъ, систематическое чтеніе рассчитано на четыре года, и пока обнародована программа лишь перваго. Наоборотъ, программы, выработанныя подъ предсѣдательствомъ проф. Карѣева, преслѣдуютъ явно недостижимую цѣль, поражаютъ своей односторонностью и, несмотря на всю необъятную широту своихъ громкихъ обѣщаній, глубоко проникнуты нетерпимостью.

Выработка міросозерцанія—дѣло сложное, вѣнецъ долгой и упорной сознательной работы; его надо выстрадать, взять съ бою, а не усвоить готовымъ по данному рецепту. Если кто нибудь, прочитавъ сотню-другую указанныхъ комиссіей книгъ, вообразить себя „образованнымъ во всѣхъ отношеніяхъ“, то этимъ засвидѣтельствуетъ лишь свою умственную незрѣлость. Не чтеніе извѣстныхъ сочиненій ведетъ къ „выработкѣ философскаго, научнаго, нравственнаго и общественнаго міросозерцанія“, а тщательная работа надъ самимъ собой, вдумчивое отношеніе къ жизненнымъ явленіямъ и чужимъ мнѣніямъ. Надо развивать именно эту вдумчивость, никогда не выдавать себя за счастливыхъ обладателей полной истины, не внушать неопытнымъ ищущимъ, что въ такихъ и такихъ-то книгахъ заключается вся истина, что остальныхъ, поэтому и читать не стоитъ. Подобный пріемъ вполне пригоденъ для вербованія новыхъ ратниковъ въ ряды опредѣленной партіи, но не можетъ дать обществу людей съ самостоятельнымъ стойкимъ міросозерцаніемъ. Впрочемъ, несмотря на торжественные посулы предисловія, программы преслѣдуютъ именно такую партійную цѣль: они проповѣдуютъ эволюціонизмъ (стр. 6 и 7), который однако не является общепризнаннымъ ученіемъ, и—совершенно устраниаютъ Евангеліе и христіанство, какъ бы не признавая ихъ значенія „для усвоенія міросозерцанія“. Ошибка непростительная, но глубоко знаменательная: вопросъ религіозный, тѣ или иныя убѣжденія въ его области, является наиболѣе важнымъ: „нѣтъ большей противоположности, какъ противоположность между христіанскимъ

и нехристiанскимъ мiросозерцанiемъ, замѣчаетъ проф. Лю-
тардъ въ своей извѣстной „Апологiи христiанства“, отъ
того или другаго отношенiя къ христiанству, безспорно,
зависитъ уголъ зрѣнiя на вещи, направленiе общественной
дѣятельности и весь складъ личной жизни отдѣльнаго че-
ловѣка. И вотъ передъ каждымъ мыслящимъ человекомъ
въ извѣстную пору встаетъ неотвязный вопросъ, чему вѣ-
рить, чѣмъ руководиться. Дѣтскiя наивныя вѣрованiя не
удовлетворяютъ его болѣе; ощущается настоящая по-
требность въ ихъ разумномъ обоснованiи; духъ сомнѣнiя и
пытливости просыпается и властно требуетъ отвѣта. Именно
въ эти дни вдвойнѣ полезно опытное указанiе, благой со-
вѣтъ, правдивое слово, но для сохраненiя драгоцѣннѣйшаго
сокровища человекa—самостоятельности, для прочности
разъ принятаго рѣшенiя, необходимо предоставить его сво-
бодному выбору, личному почину, самостоятельному мышле-
нiю, а не рабскому усвоенiю готоваго мiросозерцанiя, хотя
бы и „научнаго“. Программа должна ограничиться указа-
нiемъ книгъ, имѣющихъ рѣшающее значенiе, какъ памят-
ники борьбы и усилий человѣческаго ума, разумное озна-
комленiе съ которыми способно разбудить мысль, припод-
нять ея полетъ надъ житейскими обыденными нуждами;
программа обязана приводить сочиненiя различныхъ на-
правленiй, отмѣтить наиболѣе выдающихся представителей
и противниковъ каждаго изъ важнѣйшихъ движенiй, пере-
житыхъ и переживаемыхъ человѣчествомъ. Пусть ищущiе
цѣльнаго мiровоззрѣнiя читаютъ и сами выбираютъ ту или
иную точку зрѣнiя, а не слѣдуютъ слѣпо за своими настав-
никами. Вѣдь давнымъ давно сказано: „non est jurandum
in verba magistri“. Да и всякiй искреннiй наставникъ не
станетъ выдавать себя за обладателя полнаго знанiя, за
непогрѣшимаго жреца научной истины. Навязыванiе моло-
дежи, алчущей и жаждущей правды, своихъ излюбленныхъ
авторитетовъ немыслимо при уваженiи и довѣрiи къ юнымъ
силамъ. Между тѣмъ составители программъ до такой сте-
пени привыкли кадить своимъ эволюцiоннымъ божкамъ,
что хотятъ осудить новое поколѣнiе на служенiе уже раз-

вѣнчаннымъ кумирамъ, въ родѣ Фогта и Льюса, которыми увлекались въ 60-хъ годахъ, хотя съ тѣхъ поръ наука сдѣлала громаднѣйшій шагъ впередъ, да и вообще многое измѣнилось даже въ запросахъ молодежи. Ихъ-то не знаютъ или, правильнѣе сказать, не желаютъ принять во вниманіе составители программъ, въ особенности проф. Карѣевъ, недавно взывавшій къ молодежи въ своихъ „письмахъ къ учащейся молодежи о самообразованіи и въ бесѣдахъ о выработкѣ міросозерцанія“. Двое юношей ¹⁾ выступили *противъ* излюбленныхъ мыслей своего наставника, признали его „неспособность“ помочь ихъ исканіямъ и оба приходятъ въ концѣ концовъ ко Христу и Евангелію, заявляя, что „нѣтъ иного пути“. Прославляя свои программы, проф. Карѣевъ не обмолвился ни единымъ словомъ о такомъ знаменательномъ явленіи, не счелъ нужнымъ считаться съ мнѣніемъ молодежи, ронять свое достоинство въ препирательствахъ съ юношами, и не внесъ Евангелія въ число книгъ, необходимыхъ для выработки міросозерцанія. Гдѣ-же безпристрастіе, гдѣ-же уваженіе къ потребностямъ наставляемыхъ, гдѣ-же столь необходимый въ дѣлѣ просвѣщенія обмѣнъ мыслей? Видна только нетерпимость и предвзятое осужденіе, замышляется очевидное, страшное насиліе надъ несложившимися еще умами, которыхъ заранѣе загоняютъ въ эволюціонную клѣтку, не давая даже возможности выбора, вырабатывается обдуманное убійство самостоятельности. Программы не только не признали за Евангеліемъ значенія могущественнѣйшаго пособія въ дѣлѣ выработки міросозерцанія, но тщательно избѣгаютъ давать въ руки читателей книги, способныя возбудить религіозную мысль: онѣ не указываютъ ни сочиненій Платона, прекрасно переведенныхъ на русскій языкъ Карповымъ, ни хотя-бы одного изъ бессмертныхъ твореній отцовъ церкви; не называютъ ни писемъ Паскаля, ни исповѣди Руссо, зато рекомендуютъ Вольтера. Тоже замѣчается и при выборѣ болѣе близкихъ къ намъ писателей: Бурже, Родъ, Аміэль изгнаны изъ про-

¹⁾ Г. Трико. Отвѣтъ одного изъ учащейся молодежи на письма къ ней г. Карѣева; 2. С. Обращеніе товарища къ студентамъ. П. 1895 г.

граммы, тамъ царить Ж. Зандъ, указываются „Наброски углемъ“ Сенкевича, но не „Безъ догмата“. Словомъ, для представителей современнаго религіознаго возрожденія, или для произведеній, такъ или иначе знакомящихъ съ безспорнымъ поворотомъ къ вѣрѣ, не нашлось мѣста, такъ какъ не отмѣченъ даже „Лурдъ“ Золя.

Рука объ руку съ такимъ пренебреженіемъ къ религіознымъ запросамъ читателей идетъ яркая нетерпимость ко всему, что способно содѣйствовать правильному развитію національнаго самосознанія: такъ признано излишнимъ углубленіе въ памятники нашей сѣдой старины, хотя, казалось-бы, что для выработки надлежащаго міросозерцанія русскому человѣку не мѣшаетъ изучить произведенія своего народа, отражающія его величавое міровоззрѣніе; да и врядъ ли возможно пренебречь Пушкинымъ, Гоголемъ, Лермонтовымъ, какъ это сдѣлалъ г. Скабичевскій, поставившій цѣлью составленной имъ программы по русской литературѣ „восполнить наиболѣе важный пробѣлъ нашего средняго образованія, а именно отсутствіе знаній *по исторіи русской мысли* и поэтическаго творчества за *текущее столѣтіе*“. Стало быть, г. Скабичевскій отступаетъ уже отъ общей цѣли программъ и стремится „пополнять пробѣлы“, а не вырабатывать міросозерцаніе, а потому даетъ списокъ подлежащихъ прочтенію памятниковъ русской литературы, „подбирая ихъ съ цѣлью уяснить главнѣйшіе моменты въ исторіи русской жизни и русскаго самосознанія, начиная съ 50-хъ годовъ нашего столѣтія“. Само собою понятно, что въ этой „исторіи русской мысли“ и русскаго самосознанія нѣтъ ни малѣйшаго указанія на сочиненія славянофиловъ, какъ будто безъ ознакомленія съ ними можно составить трезвое мнѣніе объ ихъ дѣятельности и воззрѣніяхъ, столь необходимое для правильнаго отношенія къ окружающей дѣйствительности. Пресловутая партійность и здѣсь ясно даетъ себя почувствовать: изъ сочиненій Достоевскаго напр., приведены только „Село Степанчиково“, „Неточка“ Незванова, „Записки изъ Мертваго Дома“ и „Преступленіе и Наказаніе“, — „Дневникъ Писателя“, „Бѣсы“, „Идіотъ“, „Братья Кара-

мазовы“ не признаны заслуживающими прочтенія, тогда какъ указаны мелкія сочиненія Помяловскаго, Слѣпцова, Рѣшетникова и т. д. Въ качествѣ критиковъ г. Скабичевскій выдвигаетъ Добролюбова, Чернышевскаго, Бѣлинскаго и самого себя, забывая о существованіи даже Писарева, не говоря уже о Н. Страховѣ, А. Григорьевѣ и О. Миллерѣ. Сочиненія ихъ, стало быть, также не пригодны „для поясненія главнѣйшихъ моментовъ въ исторіи русскаго самосознанія“. Словомъ, недочетовъ и пробѣловъ не оберешься: будь задача программъ умѣреннѣе, скромнѣе, не стремись онѣ заткнуть за поясъ москвичей, то поле предъявляемыхъ требованій существенно сузилось-бы и составители избѣгли бы многихъ нареканій и упрековъ въ упущеніяхъ, къ сожалѣнію явно тенденціозныхъ, предвзятыхъ и потому заслуживающихъ особаго осужденія. Иногда это доходитъ положительно до смѣшного: такъ, комиссія общаетъ „изъ обширной области естествознанія брать *только* то, что стоитъ въ болѣе или менѣе близкомъ отношеніи къ выработкѣ міросозерцанія“. Конечно, здѣсь не указывается прекрасная, широко охватывающая предметъ, книга Н. Страхова „Міръ, какъ цѣлое“, но зато приводятся: *Бойсь* „Мыльные пузыри“ или П. А. Ососковъ „Жигули и известнякъ, которымъ мостятъ улицы Самары“.

Ограничиваясь краснорѣчивымъ молчаніемъ о произведеніяхъ нелюбезнаго сердцу г. составителей направленія, программы очень ужъ громко говорятъ объ ихъ собственныхъ сочиненіяхъ, причемъ опять не сдерживаютъ своихъ обѣщаній, необдуманно расточаемыхъ: г. составители программъ отказываются отъ единственно возможнаго пути къ сколько нибудь удовлетворительному разрѣшенію поставленной ранѣе цѣли, не признавая „своей задачей указывать на лучшія книги всѣхъ народовъ и временъ по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія, члены отдѣла должны были считаться не столько съ безотносительными достоинствами авторовъ, сколько съ удобствами читателей“. И вотъ новѣйшіе энциклопедисты г.г. Антоновичъ и Рубакинъ, составлявшіе программы по астрономіи, геологіи, физической

географіи, ботаникѣ, зоологіи, общей фізіологіи и физической антропологіи, указываютъ въ числѣ руководствъ по геологіи столь „удобныя“ для читателей статьи—М. А. Антоновичъ „Ледниковая гипотеза и ледниковыя явленія въ Финляндіи и Повѣнецкомъ уѣздѣ“, помѣщенные въ Горномъ Журналѣ за февраль и мартъ 1878 г. Г.г. Карышевъ и Яроцкій предлагаютъ „неимѣющуюся въ продажѣ книгу“ А. И. Чупрова „Политическая Экономія“. По русской исторіи г.г. Мякотинъ, Семевскій и Сиповскій предлагаютъ изучать *литографированные курсы* проф. Ключевского и Милюкова и „печатныя, но не имѣющіяся въ продажѣ“ лекціи приватъ-доцента Мякотина, отмѣчая съ прискорбіемъ, что „всѣ эти курсы въ продажѣ не находятся и слѣдовательно могутъ быть доступны развѣ посѣтителемъ публичныхъ библиотекъ Петербурга и Москвы“. Равнымъ образомъ указаны „литографированныя“ лекціи Семевского о крестьянскомъ вопросѣ, а о трудахъ Аксакова, Кавелина, Забѣлина, Соловьева, Иловайскаго, дѣйствительно доступныхъ и заслуживающихъ прочтенія, программы не обмолвились и словомъ. Не отсталъ отъ товарищей и г. Скабичевскій, усиленно рекомендующій свои статьи въ „Отечественныхъ Запискахъ“, даже не подлежащихъ выдачѣ изъ библиотекъ. Но всѣхъ превзошелъ предсѣдатель, проф. Карѣевъ: составляя программу по социологіи, онъ 12 разъ указываетъ на отдѣльныя главы своихъ довольно туманныхъ сочиненій, 3 раза на Н. Михайловскаго и 2 на Спенсера; по всеобщей же исторіи онъ устанавливаетъ 14 отдѣловъ и 14 разъ отсылаетъ къ своимъ сочиненіямъ, даже еще не вышедшимъ въ свѣтъ, въ особенности къ „Исторіи Западной Европы“, которую называетъ прямо „незамѣнимой“, вѣроятно потому, что тамъ сплошь и рядомъ попадаются періоды въ 20 строкъ и для одолѣнія растянутого и водянистаго, вполнѣ необработаннаго, изложенія необходима желѣзная настойчивость и невѣроятныя усилія. Сочиненія-же такихъ историковъ, какъ Ранке, Грановскій и Кудрявцевъ, обойдены глубокимъ молчаніемъ. Явно, что интересы читателей, которымъ едва-ли удобно все это, принесены въ

жертву личному самолюбію г.г. составителей. Поспѣшность, непродуманность, легкое отношеніе къ столь отвѣтственному дѣлу, безпокойство по случаю успѣха москвичей и стремленіе къ лаврамъ—вотъ наиболѣе выпуклыя черты программы. При такихъ особенностяхъ онѣ могутъ быть причислены къ печальнымъ проявленіямъ современной жизни. Но вотъ прошло уже болѣе полугода со времени ихъ выхода въ свѣтъ, а о новомъ изданіи что-то нѣтъ и помину, тогда какъ московскія программы были переизданы спустя всего 2 мѣсяца послѣ обнародованія. Ясно, что несмотря на всѣ самовосхваленія и рекламу, успѣхъ не на сторонѣ петербургскаго изданія: щедрыя обѣщанія и ширококовѣщательныя зазыванія не соблазнили читателей, которые оцѣнили ихъ надлежащимъ образомъ, чему можно только искренне порадоваться.

Значеніе „освободительнаго движенія“.

— — —

Всѣ газеты переполнены славословіями въ честь „освободительнаго движенія“, многочисленные „митинги“ восхваляютъ его заслуги, пылкія рѣчи „передовыхъ обывателей“ превозносятъ его благодѣянія. Такъ создается господствующее общественное настроеніе, такъ распространяется внушеніе, подавляющее всякую слабую волю, подчиняющее умъ, не подготовленный къ стойкой и самостоятельной работѣ. Вдобавокъ, малѣйшее сомнѣніе карается самозваннымъ правительствомъ, которое воспретило печатать статьи „противъ освободительнаго движенія“ и постановило „бойкотировать за вредное направленіе“ тѣ изданія, гдѣ раздавались голоса, отстаивавшіе необходимость соблюденія порядка и проявленія твердой власти.

Тѣмъ болѣе необходимо выяснить нашему потерявшему голову обществу дѣйствительное положеніе дѣлъ, раскрыть глаза правдивымъ изложеніемъ безспорныхъ заслугъ такъ называемаго „освободительнаго движенія“: оно прежде всего *освободило* насъ отъ побѣды надъ изнемогавшей Японіей, отъ значенія великой державы, отъ международнаго кредита. Теперь даже султанъ турецкій прикрывается ссылкой на наши внутреннія дѣла, чтобъ не давать необходимыхъ преобразованій въ Македоніи! Еще недавно обаяніе русскаго величія стояло высоко, съ нами считались, насъ боялись, а теперь мы сдѣлались посмѣшищемъ для всего міра и многіе иностранцы открыто выражаютъ свое презрѣніе и омерзеніе къ русскому народу...

„Освобожденные“ отъ уваженія другихъ, мы „освобо-

дились“ отъ всякой вѣры въ свои силы, отъ увѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Огромная страна предалась самоубійственному „освобожденію“ отъ всякихъ узъ закона, отъ устоевъ порядка, отъ власти правительственной, отъ внутреннего мира и спокойствія! По странной *случайности* Россія уже освободилась отъ цѣнныхъ портовыхъ сооружений въ Одессѣ и Севастополѣ, Кронштадтѣ и Владивостокѣ, т. е. утратила главныя опоры своего морского могущества, „освободившись“ кстати и отъ боевого флота, который въ лицѣ множества измѣнниковъ и предателей „освободился“ отъ вѣрности присягѣ и долгу, отъ славныхъ преданій Андреевскаго стяга! Впрочемъ, „освобожденіе“ раздѣло насъ до гола въ духовномъ отношеніи, потому что мы сбросили всѣ завѣты предковъ, а фиговые листки, приклеиваемые людьми, чуждыми намъ по вѣрѣ и крови, только подчеркиваютъ нашу отвратительную наготу!

Естественно, что „освобожденіе“ отъ всякой сдерживающей силы, отъ прочныхъ идеаловъ народныхъ, толкаетъ насъ дальше и дальше: насъ уже „освободили“ и отъ Финляндіи и Польши, хотятъ „освободить“ и отъ другихъ странъ, даже отъ единства и цѣлости Россійской Державы!

Мы „освободили“ уже отъ всѣхъ приобрѣтеній, сдѣланныхъ культурной работой послѣднихъ столѣтій: мы „освобождены“ отъ желѣзнодорожныхъ сообщений, отъ правильного подвоза товаровъ и припасовъ, отъ услугъ почты и телеграфа, отъ приобщенія къ міровой жизни при содѣйствіи ежедневныхъ газетъ, отъ научной дѣятельности, отъ фабричнаго и заводскаго производства. Наши дѣти „освобождены“ отъ занятій въ забастовавшихъ школахъ и отъ уваженія къ родителямъ, причемъ передовые преподаватели-провокаторы „освобождаютъ“ нашихъ ребятъ отъ повиновенія старшимъ. Мало того, передовые газетчики „освобождаютъ“ солдатъ отъ необходимой въ войскахъ дисциплины и призываютъ къ возстанію военныхъ, этихъ, по призванію, защитниковъ родины отъ всякаго врага.

Наша бѣдная страна „освободилась“ отъ милліардовъ денегъ, понесла страшные убытки отъ всевозможныхъ заба-

стовокъ, наша деревня „освободилась“ отъ множества культурныхъ гнѣздъ, гдѣ сосѣднее населеніе училось усовершенствованному веденію хозяйства, имѣло постоянный заработокъ, получало рядъ неисчислимыхъ выгодъ: сожженіе мельницъ „освободило“ крестьянъ отъ возможности превратить свое зерно въ муку, избіеніе заводского скота „освободило“ отъ улучшенія знаменитую породу російскихъ „шкапъ“ и другихъ домашнихъ животныхъ; переработка сельскихъ произведеній прервалась и крестьянство „освободилось“ отъ вѣрнаго источника своихъ доходовъ. Многое стало ему не подъ силу и деревня „освободилась“ напр., отъ керосинового освѣщенія, вернулась къ лучинамъ и „каганцѣмъ“... Стало быть „освобожденіе“ возвращаетъ насъ къ удобствамъ жизни чуть не Московской Руси и сулитъ возстановленіе ея предѣловъ! Куда ни обратишь взоры — всюду гибель; разрушеніе, народное бѣдствіе, самоистребленіе! Кто можетъ отрицать, что въ пламени пожаровъ Россія „освободилась“ отъ множества цѣнныхъ произведеній искусства, отъ накопленнаго поколѣніями имущества, понесла невознаградимыя утраты! Сотни милліоновъ были обращены въ дымъ дикими „освободителями“.

Истребленіе множества цѣнностей „освободило“ насъ отъ достоянія, составлявшаго богатство, необходимое всей странѣ, — отъ всевозможныхъ полезныхъ сооружений, машинъ, приспособленій, безъ которыхъ наше родное хозяйство возвращается къ приѣмамъ обработки, кормившимъ нашихъ предковъ временъ царя Гороха, но осуждающимъ многомилліонное населеніе на голодовку или покупку хлѣба у другихъ. Значитъ, Россія „освобождается“ отъ производства въ широкихъ размѣрахъ тѣхъ самыхъ плодовъ народнаго труда, которыми мы почти исключительно расплачивались по всѣмъ долговымъ обязательствамъ и статьямъ расхода! Впереди стоитъ „освобожденіе“ Россіи отъ множества природныхъ богатствъ, обладаніе коими перейдетъ въ руки иностранцевъ, а наши потомки сдѣлаются ихъ экономическими рабами въ той самой странѣ, которая была такъ возвеличена нашими предками.

Но „освободительное движеніе“ еще не дошло до своей окончательной ступени. Раздается еще проповѣдь ненасытныхъ „освободителей“, требующихъ освобожденія отъ христіанскихъ идеаловъ и превращенія храмовъ Божьихъ въ мѣста „митинговъ“! Насъ хотятъ освободить отъ брака и семьи, установивъ „свободное сближеніе какъ у животныхъ“, отдавъ дѣтей социалистической общинѣ; хотятъ освободить отъ частной собственности, объявляя капиталъ и землю общимъ достояніемъ; хотятъ освободить отъ постоянного войска, вооруживъ всѣхъ „гражданъ“ для всеобщаго избіенія; хотятъ освободить отъ правъ гражданства и неприкосновенности личности, возвѣщая неотложное наступленіе „диктатуры пролетаріата“, „которая подавитъ всякое сопротивление“.

Итакъ мы „освобождаемся“ отъ родины, государства, просвѣщенія, различныхъ отдѣловъ производительности народной, отъ вѣрованій, семейства, собственности, безопасности и дарованныхъ Самодержцемъ гражданскихъ правъ!

За нами освободители оставляютъ лишь право не на существованіе, а на прозябаніе, пока имъ не вздумается прихлопнуть насъ по своему благоусмотрѣнію. Многіе, навѣрное, предпочли бы, чтобъ ихъ „освободили“ отъ самой жизни, недостойной мыслящаго человѣка. Вѣдь стихійное возвращеніе къ варварскимъ порядкамъ можетъ встрѣчать сочувствіе только въ грубой, невѣжественной средѣ—полуграмотныхъ рабочихъ и полуобразованныхъ обладателей различныхъ дипломовъ!

Всякій поклонникъ истинной свободы понимаетъ, что она заключается въ правѣ дѣлать лишь *невредящее другимъ*. Всякій поборникъ культурныхъ идеаловъ осуждаетъ насиліе запугиваніе, преслѣдованіе иномыслящихъ. Но „герои“ нашего „освободительнаго движенія“ боятся, по своему невѣжеству, свѣта истины и какъ истые жандармы затыкаютъ ротъ своимъ политическимъ противникамъ: развѣ воспрещеніе набирать статью или книгу свидѣтельствуешь объ умственномъ превосходствѣ „самозванныхъ цензоровъ?“ —Ничуть! Оно показываетъ лишь сознаніе ими своего без-

силія опровергнуть разумными доводами противника, доказать обществу правоту своихъ воззрѣній. Свободомыслящій человѣкъ не станетъ составлять списки (индексы) запрещенныхъ книгъ, ибо онъ жаждетъ *правды* и понимаетъ, что всестороннее освѣщеніе предмета, полное изслѣдованіе вопроса могутъ только помочь ея установленію. Однобокія истины не удовлетворяютъ духовныхъ запросовъ дѣйствительно культурнаго общества. И если „освободители“ наши не позволяютъ своей гвардіи, рабочимъ и юношамъ, читать „черносотенныя произведенія“, то этимъ только подчеркиваютъ свою трусость и подлость: бойкотъ въ области политическихъ и общественныхъ идей—есть высшая тиранія и самое позорное насиліе! Къ нему могутъ прибѣгнуть только подонки мыслящаго человѣчества, переносящіе торгашескіе приемы въ кругъ идейной борьбы.

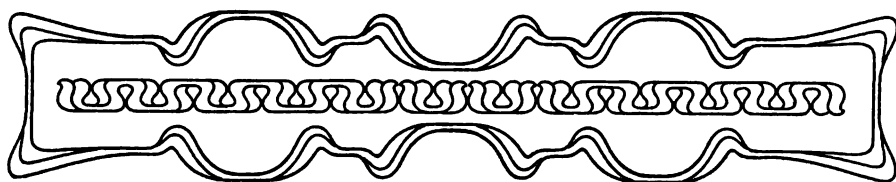
Тотъ, кто сражается съ мыслью при помощи такихъ ухищреній, все равно осужденъ на полную неудачу: бойкотомъ можно разорить торговца, но нельзя помѣшать распространенію здравыхъ, обоснованныхъ воззрѣній. Надо благодарить Бога, что наши „освободители“ такъ скоро сдержали съ себя личину борцовъ за зиждующіе идеалы, показавъ намъ свой дѣйствительный обликъ—гасителей просвѣщенія, мракобѣсовъ, насильниковъ и самодуровъ, ретроградовъ и крѣпостниковъ самой чистой воды. Они только примазались къ дѣйствительно освободительному движенію и все общество должно съ презрѣніемъ крикнуть этимъ палачамъ Родины—„прочь отъ великаго дѣла обновленія Россіи—вы способны своими грязными руками только запятнать драгоцѣнное всенародное достояніе, дарованное намъ милостью нашего Царя! И не удастся вамъ отдать Россію въ рабство Вашимъ господамъ! Не удастся остановить поступательный ходъ истиннаго освобожденія—пробужденія русскаго національнаго самосознанія! Народъ и общество, разбуженные великимъ пожаромъ, начинаютъ уже прозрѣвать и, сдѣлавъ два—три шага, *по недоразумѣнію*, вслѣдъ за Вами, видятъ преграждающую путь пропасть и пойдутъ по вѣрной дорогѣ, озаряемой нашими завѣтными

святынями. Если же безумцы „освободители“ осмѣлятся преградить это неудержимое стихійное движеніе, то будутъ сметены волной праведнаго гнѣва народнаго!

Уже слышенъ рокоть ея грознаго прибоя и наше Отечество можетъ быть спасено отъ великихъ потрясеній только единомушнымъ стремленіемъ всѣхъ русскихъ людей *къ освобожденію* отъ невѣжества и дикости, отъ безучастія къ дѣламъ общественнымъ, отъ порабожденія разрушительнымъ и темнымъ силамъ, взлелѣяннымъ нашимъ преступнымъ равнодушіемъ!

1905 г.

Что даютъ намъ забастовки?

(Открытое письмо къ рабочимъ).

— — —

Товарищи! Вы не будете спорить противъ того, что всякій разумный человѣкъ долженъ ясно *понимать, что онъ дѣлаетъ*. Оцѣнивать-же образъ дѣйствій свой и другихъ надо не по звонкимъ словамъ, а по прямымъ послѣдствіямъ поступковъ. Вотъ насъ коноводы увѣряютъ, что забастовка ведетъ къ великому благу для всей страны, а Вы прежде всего припомните, почему Вы платили за фунтъ соли, керосина, мяса, хлѣба и проч., почему покупали уголь и дрова *до смуты и теперь?* Припомните и скажите по совѣсти, развѣ можно назвать „благомъ“ осужденіе на голодъ и холодъ сотенъ тысячъ стариковъ, женщинъ и дѣтей, которыхъ мы содержали своимъ трудомъ?

Конечно, кое кто изъ нашего-же брата рабочаго пристроился къ „фондамъ“, выжимаемымъ изъ нашихъ-же опустѣлыхъ кармановъ, да къ „субсидіямъ“, присылаемымъ тѣми, кому выгодна смута. И вотъ коноводы во имя *братства* величаются и командуютъ надъ собственными товарищами, да произвольно тратятъ наши кровныя денежки, во имя *свободы* принуждаютъ насильно къ забастовкамъ, во имя *равенства* присваиваютъ себѣ надъ нами власть, выбрасывая на улицу тѣхъ, кто свободно и правдиво начинаетъ ихъ изобличать. Вѣдь только въ насмѣшку насъ можно теперь называть „свободными гражданами“, когда мы на самомъ дѣлѣ попали въ неслыханное рабство къ подстрекателямъ, насильникамъ и тунеядцамъ. Надо сознаться, что теперь насъ съ полнымъ правомъ приходится признать

рабами этихъ новыхъ господъ. Прежде мы платили сравнительно небольшіе налоги въ казну, а сейчасъ самозванное правительство обложило трудящихся бѣдняковъ тяжелыми поборами въ пользу своихъ цѣлей. Мы всѣ теперь *должны безпрекословно давать* извѣстный % съ своего заработка, подъ страхомъ изгнанія съ мѣста и „бойкота“! Намъ *заставляютъ* вступать въ союзы съ неразрѣшенными уставами, грозя, за *неповиновеніе*, суровыми *наказаніями*. Воистину рабочій людъ „попалъ изъ огня да въ полымя“, а наша хваленая „свобода“—пустой звукъ! Свободны насильничать коноводы, а мы-то попали въ новую зависимость, похуже крѣпостного права!

Правда, кое гдѣ намъ сократили рабочій день, кое гдѣ увеличили жалованіе или расцѣнку сдѣльной работы. Но пользы то отъ этого ни намъ, ни нашимъ семьямъ нѣтъ никакой: прогулы отбили насъ отъ правильнаго труда и сдѣльщикъ теперь сработаетъ меньше, чѣмъ прежде, потому что лишился возможности спокойно работать. Даже если намъ дадутъ прибавку платы, то эта прибавка въ нашихъ карманахъ не остается, а уходитъ на покрытіе необходимыхъ расходовъ, которые отъ общей дороговизны припасовъ и товаровъ только увеличиваются: вѣдь посулами не набьешь голодное брюхо: оно хочетъ хлѣба, а не революціи или республики. Знаемъ мы хорошо изъ газетъ и книжекъ, что и при республикѣ рабочій еле еле концы съ концами сводить, а богатѣютъ только капиталисты и, главное, банкиры, ничего полезнаго сами не производящіе.

Далѣе опять таки понятно, что всѣ фабрики и заводы могутъ работать только до тѣхъ поръ, пока производство выгодно; если-же оно станетъ приносить убытокъ, то его закроетъ всякій хозяинъ. Да и нельзя требовать, чтобъ заводы и фабрики сдѣлались богадѣльнями или благотворительными учрежденіями, а рабочіе изъ честныхъ тружениковъ превратились въ тунеядцевъ, живущихъ благодѣяніями заводчиковъ. Не всякій рабочій можетъ унизиться до существованія на чужой счетъ, получать деньги какъ подачку, какъ милостыню, безъ работы! Разъ производство

сокращается или даже прекращается, рабочій людъ, частью или цѣликомъ, остается безъ заработка и семьи рабочихъ должны голодать. Спросъ-же на фабричныя произведенія будетъ удовлетворенъ привозомъ необходимыхъ предметовъ изъ-за границы. Стало быть, деньги, которыя прежде шли русскимъ рабочимъ, попадаютъ въ карманы иностранныхъ фабрикантовъ. И безъ того конкуренція съ ними намъ тяжела, такъ какъ у нихъ промышленность сильнѣе развита и они могутъ производить дешевле, чѣмъ наши фабрики и заводы: первоначальныя затраты у нихъ давно уже покрыты, а наши предпріятія едва на ноги становятся. Покупатель вѣдь у насъ тоже тянется все къ „заграничному“, а потому забастовки ведутъ къ утратѣ русской промышленностью почти единственнаго ея рынка—внутренняго; онъ будетъ окончательно заваленъ иноземными товарами, которые и теперь получили, отъ забастовокъ, огромный сбытъ. Множество заводовъ и фабрикъ нашихъ *навсегда* прекращаютъ производство. А гдѣ-же найдетъ работу русскій рабочій—въ Германіи или Англіи, или какой нибудь другой странѣ? Вѣдь и тамъ стоитъ безработица и *свои* рабочіе пухнуть отъ голода за избыткомъ рабочихъ рукъ. Это всѣмъ хорошо извѣстно, хоть и тамъ уже давно проповѣдники социалистическаго ученія сулятъ всеобщее благополучіе и рай на землѣ. Иностранные рабочіе болѣе многочисленны, сильнѣе сплочены, лучше организованы, чѣмъ наши. Почему-же рабочей-соціалъ-демократической республики нѣтъ ни въ Англіи, ни въ Германіи? Да потому что тамъ народъ и все общество *очень хорошо понимаютъ*, что сказками про „щучье велѣніе, социалистовъ хотѣніе“ можно одурманить только легкомысленныхъ людей, а революцію считаютъ страшнымъ бѣдствіемъ для своего отечества. Въ чужихъ земляхъ рабочіе открыто говорятъ, что пойдутъ какъ одинъ человекъ *за родину*, не станутъ ее подвергать разоренію и смутѣ: тамъ на опытѣ извѣдали весь ужасъ революціи и безвластія. Кто живетъ своимъ умомъ, читаетъ газеты и книжки, если только онъ не станетъ кривить душой, скажетъ, что мы говоримъ правду. Но коноводы, по глупости или по под-

лости, ведутъ упорно русскаго рабочаго въ страшную кабалу иностраннымъ предпринимателямъ, такъ какъ забастовки одинаково разоряютъ и русскаго предпринимателя, и русскаго рабочаго, и русскаго покупателя, губятъ всю нашу молодую промышленность, заставляютъ насъ отдавать въ чужіе края деньги, которыхъ и безъ того у насъ въ Россіи меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ.

Значить, наши забастовки ведутъ неизбѣжно къ обнищанію рабочихъ, разоренію и обѣдненію всей страны. *Онѣ выгодны только врагамъ русскаго народа*, да иностраннымъ промышленникамъ и капиталистамъ.

Понятенъ также вредъ и отъ желѣзнодорожной забастовки. Отъ нея, кромѣ неисчислимыхъ убытковъ частныхъ лицъ, служащихъ, отправителей и получателей грузовъ, страдаютъ больше всего голодающія губерніи, которыя за прекращеніемъ подвоза къ нимъ хлѣба, осуждены на смерть отъ голода или на полное оскудѣніе въ то время, какъ въ другихъ мѣстахъ гніетъ на станціяхъ хлѣбъ, предназначенный голодающимъ. Значить, на душѣ забастовщиковъ будетъ гибель или болѣзнь множества людей. Не всякій можетъ взять на свою совѣсть такую тяжесть!

Нельзя оспаривать вредоносность и другихъ стачекъ: Развѣ можно одобрить забастовку врачей и аптекарей, во время которой несчастные больные и невинныя дѣти извивались въ страданіяхъ, не получая необходимыхъ лекарствъ? Развѣ можно не признать самоубійственной забастовку учащихся, которые тратятъ даромъ невозвратные годы и обрекаютъ родителей на непосильные расходы? Развѣ не является общественнымъ бѣдствіемъ забастовка почты и телеграфа? Развѣ не оказывается она явнымъ забвеніемъ долга и присяги? Развѣ терпима забастовка наборщиковъ, прекращающая обмѣнъ мыслей въ столь горячую пору?

У всѣхъ вообще забастовщиковъ мимолетныя личныя и партійныя соображенія стоятъ выше, чѣмъ польза и благо собственнаго семейства и цѣлаго государства. Словно лихая болѣзнь распространяется забастовочное повѣтріе. Въдѣ никакого ума не надо для предъявленія все новыхъ „требо-

ваній“, но только дѣйствительно умный человѣкъ умѣетъ соразмѣрять свои запросы, соображая, что выполнимо, а что невозможно и вредно, такъ какъ онъ ясно понимаетъ, что отъ великой смуты государство наше терпитъ ущербъ во всемъ; на желѣзныхъ дорогахъ оно несетъ страшные убытки, а доходы не поступаютъ; расходы не прекращаются, жалованье всѣмъ платить надо, надо содержать необходимую армію и флотъ.

Приходится нашему государству жить въ долгъ, а эти долги падаютъ новымъ бременемъ на всю страну, которая золотомъ должна оплачивать иностранцамъ большіе проценты. За все въ концѣ концовъ долженъ будетъ расплачиваться народъ, т. е. и мы—рабочіе понесемъ новые расходы отъ повышенія повинностей и учрежденія новыхъ налоговъ (на спички, табакъ, сахаръ и проч.). Всякій день забастовки ведетъ только къ увеличенію народныхъ убытковъ и ложится новой тяжестью на народъ, за который будто-бы ратуютъ „главаки“. Вѣдь и всѣ торговцы, несущіе теперь убытки, поднимутъ еще больше цѣны на все, а не станутъ торговать безъ пользы. Тотъ-же народъ, будетъ приплачивать за все изъ своихъ скудныхъ заработковъ.

Вотъ наглядные, всѣмъ очевидные плоды забастовокъ! Пусть-ка коноводы опровергнутъ наши доводы не застрашиваніемъ и насиліями, а разумными доказательствами!

А по нашему, стыдно русскому человѣку губить свою родину и своихъ братій въ угоду иноземцамъ! Пора намъ всѣмъ опомниться! *Всей Россіи грозитъ страшное безвыходное порабощеніе иноземному капиталу!* Международные банкиры старыхъ долговъ не простятъ, а новые займы выпускаютъ на тяжелыхъ и унижительныхъ для всѣхъ насъ условіяхъ. Наши природныя богатства, произведенія народнаго труда послужатъ лишь къ увеличенію сокровищъ тѣхъ, всесвѣтныхъ ростовщиковъ, которые занимаются только продажей денегъ въ своихъ конторахъ!

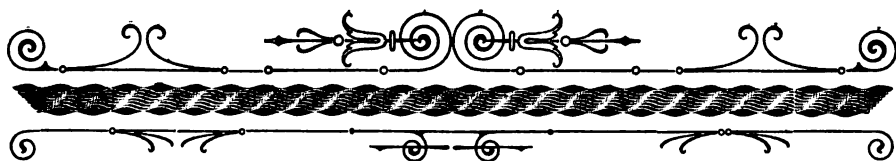
Горькую-же участь готовятъ забастовщики своей Родинѣ, своимъ дѣтямъ и своему народу, возбуждая всюду вражду, рознь и озлобленіе, подрывая политическое и эко-

номическое могущество Россіи. И не благословеніями, а проклятiями помянутъ насъ наши потомки, закабаленные благодаря преступному забвенію долга и обязанности нами — свидѣтелями и участниками всякихъ забастовокъ!

Положимъ-же конецъ всѣмъ этимъ безобразіямъ, дружно стряхнемъ съ себя позорное иго коноводовъ! Большинство изъ насъ хочетъ работать, хочетъ успокоенія, жаждетъ прекращенія смуты и если мы сплотимся противъ нашихъ работодателей, то ихъ самозванной власти прійдетъ быстрый конецъ, а мы и наши семьи вздохнемъ свободнѣе! Возьмемся-же поскорѣе за честный трудъ, необходимый нашему любимому отечеству! Долой забастовщиковъ! Долой палачей своего народа! Долой насильниковъ! Долой нашихъ работодателей!

1905 г.

Письмо русскому крестьянству.

— — —

Многіе изъ васъ, православные русскіе крестьяне, еще помнятъ времена крѣпостного права, отъ котораго избавила народъ не вооруженная борьба съ правительствомъ, не кровопролитіе и „забастовка“, а милость Самодержавнаго Царя Освободителя, вѣчнопамятнаго Александра II, который вопреки совѣтникамъ своимъ, надѣлилъ и землей многіе милліоны землепашцевъ, соблюдая имущественныя права бывшихъ владѣльцевъ.

Съ тѣхъ поръ многіе изъ отдѣльныхъ крестьянъ и цѣлыхъ обществъ на нашихъ глазахъ увеличили свои надѣлы при содѣйствіи крестьянскихъ банковъ, устроенныхъ мудрымъ Государемъ, Александромъ III.

Многіе изъ односельчанъ или сосѣдей вашихъ живутъ въ просторѣ и довольствѣ, выселившись въ далекія новыя мѣста гдѣ имъ отъ казны нарѣзали землю, во исполненіе приказаній Самодержцевъ.

Такъ безъ насилій получена народомъ *земля и воля*, дарованная законной властью, безъ обиды другихъ, безъ нарушенія заповѣдей Божіихъ.

Но съ годами все размножался людъ православный и становилось ему тѣснѣе жить, труднѣе кормить свою семью и нести всякіе тяготы государственныя и общественныя. Вѣдали и эту нужду цари наши и облегчали бремя народное: то уничтожали подати (напримѣръ подушную, паспортный сборъ), то упраздняли налоги (напр. на соль), то прощали недоимки, уменьшали платежи повинностей, вырабатывали льготныя условія покупки земли, заботились о пра-

вильныхъ переселеніяхъ. Всѣмъ вамъ вѣдомы эти попеченія царскія, дарованныя имъ льготы, да пособія нуждающимся.

По чистой совѣсти каждый скажетъ, что всегда были велики милости и заботы царскія о вѣрномъ ему простомъ народѣ. Но не все шло у насъ по волѣ царской, да и всю правду не могъ вѣдать царь, а потому не вездѣ одинаково соблюдался законъ, не всегда подоспѣвала потребная помощь. Замѣтилъ это царь, государь Николай II и рѣшилъ себѣ на подмогу, на совѣтъ и повѣрку служилыхъ людей созвать, *по старинѣ, Думу* изъ выборныхъ, „довѣріемъ народнымъ облеченныхъ“.

Въ эту Думу и должны войти крестьяне предпочтительно предъ людьми другого званія, чтобъ могли они разсказать царю всю правду про свое житье-бытье крестьянское.

Эта новая великая милость крестьянамъ показываетъ, что Царь особенно надѣется на нихъ, какъ на людей богобоязненныхъ, справедливыхъ, трудолюбивыхъ, и хочетъ отъ нихъ самихъ узнать всѣ ихъ нужды, чтобъ устроить все по хорошему, по Божьему, чтобъ никому ущерба не было, такъ какъ всѣ подданные предъ Царемъ равны, и всякому праву Онъ есть охранитель, отъ всякихъ насильниковъ заступникъ и всѣхъ преступленій каратель, отъ Бога поставленный: баринъ и мужикъ, чиновникъ и слуга, богачъ и бѣднякъ одинаковы предъ лицомъ Царя и онъ не допускаетъ взаимныхъ обидъ, отдавая каждому должное, отстаивая, за каждымъ по справедливости ему подобающее или принадлежащее.

Стало быть, надо Царю хорошо знать нужды и права всѣхъ своихъ подданныхъ, чтобъ ихъ какъ дѣтей своихъ въ мирѣ и согласіи держать. Ради этого мира внутренняго, раскрытія всякой неправды разрѣшено манифестомъ 17-го октября всѣмъ собираться для обсужденія общихъ дѣлъ, устраивать союзы, чтобъ облегчить другъ друга помощью, говорить и писать свободно обо всемъ, что для порядка и блага государственнаго потребно знать.

Задумалъ Царь великое и благое дѣло, но нашлись злые люди, враги святой Руси, ея величія и славы и стали

внушать малограмотнымъ и темнымъ крестьянамъ непутевыя мысли и толкать ихъ на неправедныя дѣла.

Совѣтчики непрощенные стали толковать вамъ: отбирайте все у господъ, истребляйте ихъ запасы, жгите ихъ усадьбы, уничтожайте ихъ заводы и мельницы. Присваивайте себѣ чужое и захватывайте что вздумается. Попуталъ лукавый многихъ крестьянъ, зажегъ у нихъ зависть и жадность, распалилъ водкой и пошли они на грабежъ, разбой и поджоги, забыли заповѣдь Божию: „не пожелай всего, елика суть ближняго твоего“ и завѣтъ старыхъ людей: „чужое добро въ прокъ не пойдетъ“.

Да и какая выгода крестьянину губить добро, вѣками накопленное? Что пользы ломать ноги у лошадей, отрѣзывать языки у скота, убивать цѣлые стада дорогихъ овецъ? Къ чему высыпать въ рѣку тысячи пудовъ сахару, муки или зерна? Зачѣмъ уничтожать машины, плуги, сѣялки, строенія? Только злобный духъ разрушенія можетъ увлечь человѣка на такое подлое и черное дѣло.

Какая выгода крестьянину сжить со свѣта „барина“, разрушить его экономію, гдѣ окрестные жители имѣли постоянный заработокъ? Вѣдь безъ денегъ нынѣ не проживешь; надо мужику *заплатить* разныя подати, которыя платятъ во всѣхъ государствахъ, чтобы было чѣмъ содержать войско, судъ, учителей и разныхъ другихъ нужныхъ людей. Надо *купить* керосинъ, мыло, ситца, соли, посуду, плугъ, косу, топоръ и прочее, въ хозяйствѣ необходимое. Всего самъ не сдѣлаешь, у себя на полѣ не вырастишь! Вотъ и добываютъ повсюду люди нужныя деньги честной работой у разныхъ „хозяевъ“. Безъ нихъ никакъ невозможно будетъ достать заработокъ подѣ-бокомъ, вотъ и станетъ тогда надобнымъ уходить далеко на цѣлые мѣсяцы, чтобы найти какую нибудь работишку, а отъ этого и хозяйство только въ безпорядокъ приходитъ и люди отъ деревенской работы отбиваются, къ городской жизни приучаются, съ пьянствомъ, гульбой, распутствомъ знакомятся. Много молодежи, уйдя изъ деревни, и въ тюрьмы попадаетъ

и родителямъ причиняетъ великое горе и срамъ, забываетъ про Бога и заповѣди Его.

Господь-же сказалъ: „другъ друга тяготы носите“—такъ мужикъ и баринъ другъ безъ дружки не справятся со своею „тяготою“: безъ барина мужикъ не имѣетъ работы, безъ мужика баринъ не имѣетъ рабочаго. Говорили старые умные люди „рука руку моетъ—обѣ бѣлы бываютъ“, такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ: при большихъ экономіяхъ множество народа старается учиться хозяйству, какъ надо землю получше обработать, многіе господа школы поустраивали, храмы Божьи посоздавали, больницы пооткрывали; сами лѣчатъ, совѣтъ добрый даютъ, иному и деньгами помогаютъ. Вѣдь это не выдумка, а правда святая, всѣмъ хорошо вѣдомая.

Въ экономіи-же мужикъ найдетъ лучшія сѣмена, запасъ хлѣба, соломы, половы, хорошаго корма, лучшую породу скота, лошадей, птицы, станетъ разводить ее самъ и богатѣть.

И не только мужикамъ экономіи полезны, но и всей странѣ онѣ нужны, такъ какъ онѣ-то и кормятъ большіе города и готовятъ хлѣбъ для продажи въ чужіе края, откуда намъ везутъ свои товары.

Такъ и живутъ *вездѣ* люди, что одному безъ другого никакъ обойтись нельзя! Если-бы всѣ стали мужиками, не было-бы ни правителей, ни судей, ни учителей, ни врачей, ни священниковъ, настала-бы у насъ полная тьма всенародная и безвластіе, а русскую землю забрали-бы себѣ иноземцы! Если-бы всѣ стали господами, то поумирили-бы съ голоду и также не отстояли-бы себя отъ чужихъ государствъ. Значить одинъ одному нужны и баринъ и мужикъ, какъ нуженъ глазъ и голова, руки и ноги здоровому человѣку.

Недаромъ Апостолъ говоритъ: „не можетъ глазъ сказать рукѣ: „ты мнѣ не надобна“, или-же голова ногамъ: „вы мнѣ не нужны“, ибо членовъ много, а тѣло одно“ (I Кор. XII, 21) Такъ-то въ государствѣ много живетъ разнаго люда и каждый имѣетъ свое дѣло, а государство одно и всѣ ему нужны, и тѣ, кто трудится руками своими и тѣ, кто работаетъ головой.

Не виноватъ „баринъ“, что „не родился мужикомъ“, за что-же его со свѣта сживать, когда Богъ опредѣлилъ

каждому свое „бремя“, свой „крестъ“, свой „урокъ“, ибо каждый имѣетъ свой даръ отъ Бога, по заповѣди апостольской: *„служите другъ другу, каждый тѣмъ даромъ, какой получилъ“* (I Петра IV, 10).

Вотъ и служить мужику „баринъ“ знаніями своими, и „мужикъ“ тоже выполняетъ Божій завѣтъ: „въ потѣ лица своего—ѣшь хлѣбъ свой“—и работаетъ у „господъ“.

Дружной работой „барина и мужика“ строилась Русь святая, вмѣстѣ они проливали кровь свою въ сраженіяхъ, то отражая враговъ, то заваеваемая для дѣтей своихъ новыя земли. Послѣ славныхъ походовъ возвращались они въ родныя гнѣзда и каждый брался за свое дѣло на пользу общую.

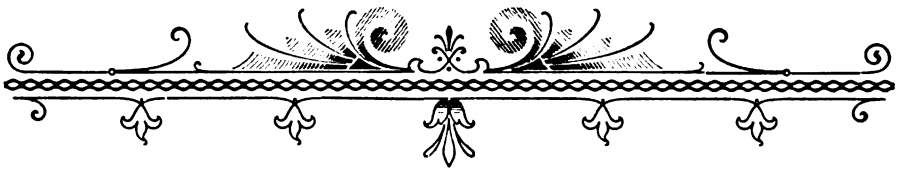
Бѣднѣло какое либо дворянское семейство, лишалось возможности учить своихъ малышей наукамъ разнымъ—становились они ничемъ неотличными отъ крестьянъ и жили „черной работой“. Оказывался смышленнымъ „мужицкій сынъ“, успѣвалъ въ наукахъ, проявлялъ храбрость, служилъ вѣрой-правдой и жаловали его Цари дворянствомъ и землями за службу вѣрную. У многихъ, вѣдь, баръ предками были простые мужики—крестьяне.

Такъ повелось у насъ издавна и государство русское при такомъ порядкѣ отъ враговъ ущерба не имѣло, справлялось съ сильными народами и только теперь, когда нашла смута великая, проиграли мы войну съ японцами и грозятъ намъ раздѣленіемъ нашихъ земель сосѣднія царства, радуясь злобно, что русскіе нынѣ совсѣмъ оглупѣли, идутъ другъ на друга, болтаютъ противъ своего царя, разоряютъ свое отечество, истребляютъ годами нажитое, всѣмъ нужное достояніе.

Пора намъ понять, что все это навожденіе къ добру не приведетъ и нашъ мужикъ, истребивъ „барина“, лишится своего вѣковаго руководителя и наставника, а тогда темныхъ людей голыми руками разберутъ иноземцы да народы пронырливые въ рабство безвыходное.

Будемъ-же по старинѣ мирно работать на пользу родины надъ водвореніемъ правды и порядка! Будемъ-же по прежнему крѣпко стоять за Вѣру, Царя и Отечество!

1905 г.

„Что надо теперь дѣлать русскимъ людямъ?“

— — —

„Непреклонная Царская воля“ привлекаетъ нынѣ „достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, выборныхъ отъ населенія людей“ „къ работѣ государственной“, дабы установить, какъ „было встарь“, единеніе „между Царемъ и *всею Русью*“, ради укрѣпленія въ ней прочнаго порядка, выполнѣ отвѣчающаго „самобытнымъ русскимъ началамъ“, „при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости основныхъ законовъ Имперіи“. Стало быть, долгъ вѣрноподанныхъ и святость присяги повелѣваютъ „благомыслящимъ людямъ всѣхъ сословій и состояній, каждому въ своемъ званіи и на своемъ мѣстѣ“, соединиться въ совмѣстной работѣ надъ осуществленіемъ державныхъ предначертаній, направленныхъ къ „обновленію духовной жизни народа, упроченію его благосостоянія и усовершенствованію государственнаго порядка“. Для достиженія такихъ благихъ и высокихъ цѣлей необходимо, чтобъ воля царская была „выполнена правильно“, чтобъ не была разорвана „естественная связь съ прошлымъ“, чтобъ не былъ разрушенъ „существующій государственный строй“ предпочтеніемъ „началъ, нашему отечеству несвойственныхъ“ и чуждыхъ русской жизни.

Вопреки столь опредѣленнымъ и яснымъ указаніямъ Самодержца лукавые витіи, выдавая себя, безъ всякаго права, за уполномоченныхъ стомилліоннаго народа, упорно и настойчиво стремятся введеніемъ зарубежнаго строя отдать св. Русь въ кабалу людямъ, „чуждымъ намъ по вѣрѣ и крови“, навязываютъ намъ „конституцію“, при которой, по наглядному опыту всѣхъ другихъ странъ, неизбѣжно

господствуютъ подкупъ, насиліе и произволъ борющихся изъ-за власти партій въ прямой и непоправимый ущербъ населенію. „Благо же русское“, по „завѣтамъ родной старины“, требуетъ, чтобъ только русскіе, тысячелѣтнимъ трудомъ создавшіе свой домъ, оставались въ немъ полными хозяевами, чтобъ наше крестьянство и нынѣ выносящее на своихъ плечахъ главное бремя всякихъ налоговъ, весьма часто употребляемыхъ самоуправленіями не на прямую пользу плательщиковъ, само высказало свои подлинныя желанія, пославъ въ законо-совѣщательное учрежденіе своихъ выборныхъ, которые не станутъ говорить тамъ блестящія рѣчи, а навѣрное проявятъ живую и плодотворную дѣятельность, въ соотвѣтствіи насущнымъ нуждамъ и кореннымъ народнымъ стремленіямъ. Помѣстное дворянство, искони вѣрное самобытнымъ русскимъ началамъ, должно рука объ руку съ крестьянствомъ продолжать свой многолѣтний трудъ надъ водвореніемъ правды и наряда въ нашемъ отечествѣ, руководясь завѣтами св. Православной Церкви, внѣдряемыми въ души вѣрующихъ ея достойными пастырями.

Соединенными и дружными усиліями духовенства, служилаго дворянства и крестьянства мало по малу создалась и разрослась могучая русская держава и ея великое прошлое обѣщаетъ полный успѣхъ совмѣстной ихъ работѣ, руководимой Государевой волей. Нельзя, однако, упускать изъ вида, что къ нашему времени усложненіе бытовыхъ условій постепенно выдвигало новыя общественныя силы, а потому справедливость требуетъ призвать къ совѣщанію о домостроительствѣ государственномъ наше купечество, городскихъ обывателей, промышленниковъ и рабочихъ, дабы всѣ трудящіеся и производительныя подраздѣленія русскаго народа могли внести свою долю въ общее дѣло. Таже справедливость побуждаетъ отвести совѣщательный голосъ культурнымъ инородцамъ, обладавшимъ своей собственной территоріей, по приговору исторіи нынѣ нераздѣльно связанной съ Россійской имперіей.

Итакъ, каждый изъ благомыслящихъ русскихъ людей, по волѣ Царской, обязанъ безотлагательно приложить са-

мая рачительныя старанія, чтобъ въ составъ законо-совѣщательнаго учрежденія вошли дѣйствительно лучшіе люди, „выборные ¹⁾), облеченные народнымъ довѣріемъ и способные честно и совѣстливо радѣть о всякомъ государевомъ дѣлѣ“. Нынѣшнихъ же городскихъ и земскихъ дѣятелей, какъ избранныхъ для несенія особой, ясно указанной закономъ, службы населенію нельзя огульно признать пригодными для участія въ законо-совѣщательномъ учрежденіи: одни изъ нихъ ничего не дѣлали, другіе слишкомъ много говорили и даже открыто ратовали противъ самыхъ устоевъ вѣковой жизни Россіи, а потому отнюдь не могутъ пользоваться всенароднымъ довѣріемъ. Послѣдніе прискорбныя для всѣхъ любящихъ Родину событія должны всѣхъ пробудить отъ сладкихъ мечтаній, неоспоримо доказавъ, что группа извѣстной окраски, весьма малочисленная по сравненію съ народнымъ множествомъ, но сильная своей сплоченностью и беззастѣнчивостью, явственно хочетъ навязать всѣмъ свою разрушительную программу и, при помощи инородческой или рабски услужливой печати, выдаетъ своихъ членовъ, выкрикнутыхъ на какихъ-то „частныхъ совѣща-

¹⁾ Что же касается способовъ избранія ихъ, то, по нашему мнѣнію, при многомилліонномъ и чрезвычайно разнообразномъ, по культурному уровню и племенному составу, населеніи Россіи не можетъ быть и рѣчи о „всеобщей и прямой подачѣ голосовъ“, которая, кромѣ того, потребуетъ отъ бѣдной страны неслыханно большой затраты времени и средствъ. Поэтому правоспособными избирателями необходимо признать лишь лицъ, достигшихъ гражданскаго совершеннолѣтія (25 л.) и платящихъ какой-либо государственный налогъ по имуществу или роду занятій. Женщины не могутъ быть лишены тѣхъ правъ, коими онѣ пользуются по земскому и городскому положенію, и должны сохранить право передачи принадлежащихъ имъ голосовъ. Во избѣжаніе давленій на избирателей и подлоговъ съ записками въ странѣ малограмотныхъ, выборы могутъ производиться только шарами и должны быть по крайней мѣрѣ двустепенными во избѣжаніе излишней многочисленности членовъ совѣщательнаго учрежденія, навязывающей ему всѣ недостатки многочленной и пестрой толпы. Срокъ дѣйствія полномочій и предметы занятій новаго учрежденія каждый разъ заранѣе опредѣляются Самодержавнымъ Государемъ, распускающимъ собраніе по своему усмотрѣнію и до срока, разъ дѣятельность членовъ будетъ признана несоотвѣтствующей русскимъ началамъ. Если даже выборы въ законосовѣщательное учрежденіе и будутъ безословными, то и тогда предварительная ихъ подготовка сословными группами принесетъ свою пользу, выдвинувъ потребныхъ Россіи людей. Чѣмъ больше правъ получить это учрежденіе, тѣмъ необходимѣе озаботиться о достойныхъ „выборныхъ“.

ніяхъ“, за подлинныхъ народныхъ представителей, за истинныхъ истолкователей настроенія и пожеланій всей земской и городской Россіи. Этимъ самоизбранцамъ, подавляющимъ свободу иномыслящихъ, необходимо, наконецъ, дать надлежащій общественный отпоръ и немедленно приложить усилія всѣхъ сторонниковъ порядка и законности къ подготовкѣ избранія въ законосовѣщательное учрежденіе надежныхъ, честныхъ, безбоязненныхъ и любящихъ Родину людей. Къ сожалѣнію, они по своей скромности остаются въ тѣни, не кричатъ о своихъ гражданскихъ добродѣтеляхъ и, въ большинствѣ случаевъ, оказываются даже совершенно неизвѣстными широкимъ кругамъ избирателей, что при выборномъ началѣ отдастъ страшный перевѣсъ уже успѣвшимъ объединиться противникамъ устоевъ русскаго государственнаго и общественнаго уклада. Вотъ почему надо признать существованіе величайшей опасности, грозящей, что, при такихъ условіяхъ, избранными окажутся не болѣе многочисленные, но еще не сплотившіеся поборники „самобытныхъ русскихъ началъ“, но какъ разъ ихъ непримиримые враги, которые предадутъ на долгіе годы наше отечество гражданской смутѣ и даже усобицамъ, ибо и нынѣ замѣчается крайнее озлобленіе народа противъ непрошенныхъ благодѣтелей съ ихъ подстрекательствами и назойливыми прокламаціями, противъ „будущихъ правителей“, которые уже теперь отняли у страны внутренній миръ и подорвали правильную въ ней общественность своими насиліями и убійствами.

Стало быть, первая и главная, неотложная потребность нашего смутнаго времени—*объединеніе всѣхъ* на почвѣ добросовѣстнаго, чуждаго кривотолковъ и искаженій, выполненія царскихъ предначертаній, а не споры и пререканія о подробностяхъ. Надо проникнуться духомъ искренней уступчивости и соглашенія, дабы сплотиться ради творческаго служенія нашей общей Матери, несчастной, но великой Россіи. Если мы то и дѣло узнаемъ о „постановленіяхъ и требованіяхъ“ всевозможныхъ „частныхъ сѣздовъ“ шумливыхъ и говорливыхъ представителей крайняго направле-

нія, то и всѣ умѣренные должны, наконецъ, возвысить смѣло и открыто свой голосъ и устроить свой сѣздъ. Для успѣшнаго противодѣйствія смутѣ надо повсемѣстно немедленно образовать ячейки единомышленниковъ, которые выяснили бы, на кого изъ мѣстныхъ людей лучше всего для „государева дѣла“ слѣдовало бы возложить тяжелое бремя борьбы въ законосовѣщательномъ учрежденіи съ началами, чуждыми русской жизни, и выясненія передъ Престоломъ ея подлежащихъ удовлетворенію нуждъ и насущныхъ потребностей. Въ особенности важно заблаговременное разъясненіе крестьянамъ необходимости самостоятельнаго избранія дѣйствительно „добрыхъ мужей совѣта“, способныхъ безбоязненно постоять за наши святыни и правдиво повѣдать Царю о запросахъ деревни, а не смутьяновъ и горлановъ изъ „худыхъ мужиковъ-вѣчниковъ“.

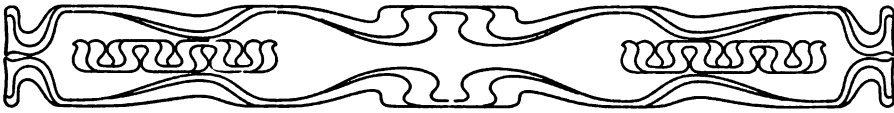
Пусть каждый постарается сговориться сначала со своими сосѣдами и близкими знакомыми, выясняя общими силами положеніе дѣлъ всѣмъ остальнымъ, а затѣмъ уполномоченные отъ болѣе или менѣе значительнаго количества мѣстныхъ людей должны сѣхаться для выработки общаго плана повсемѣстной дѣятельности, необходимой для правильнаго осуществленія задуманныхъ Царемъ широкихъ преобразованій.

Это воззваніе наше просимъ распространять между единомышленниками, дабы поскорѣе сплотить ихъ въ могучую и непреодолимую общественную силу, направленную на безкорыстное служеніе благу и величію Россіи ¹⁾.

24 Іюня 1905 г. „Мирный Трудъ“ № 6.

---

¹⁾ Позволяемъ себѣ указать на важнѣйшіе изъ существующихъ уже „союзовъ“, преслѣдующихъ приблизительно одну и ту же цѣль—обновленіе Россіи въ духѣ ея самобытныхъ началъ: *Петербургъ*. 1) „Русское Собраніе“. Троицкая, 13. Совѣту. 2) Отечественный Союзъ. Галерная, 58. Графу Бобринскому, „Союзу“. *Москва*. 3) „Союзъ Русскихъ людей“. Поварская, домъ Коннозаводства, гр. П. С. Шереметеву. 4) Страстной бульваръ. Редакція „Московскихъ Вѣдомостей“, Монархической партіи. 5) *Варшава*. Русскій Кружокъ. А. А. Боголюбову. 6) *Одесса*. „Отдѣлъ Русскаго Собранія“. Юнкерское училище. 7) *Харьковъ*. „Отдѣлъ Русскаго Собранія“. Редакція журнала „Мирный Трудъ“.

Папа Григорій Великій, какъ церковно-общественный дѣятель ¹⁾.

— — —

Сегодня исполнилось ровно 1300 лѣтъ со дня блаженной кончины святителя Григорія Двоеслова, папы римскаго, память коего празднуется 12 Марта и нашей православной церковью. На стягъ же Русскаго Собранія начертаны священныя для насъ слова—„Православіе, Самодержавіе, Народность“, а потому великіе подвижники христіанства должны привлекать особое вниманіе Отдѣла: въ ихъ образѣ дѣйствій мы можемъ найти цѣнныя руководящія указанія для нашей дѣятельности, въ ихъ идеалахъ—путеводный свѣточъ, въ ихъ твореніяхъ—откликъ и отвѣтъ на волнующія насъ недоумѣнія. Такъ и Григорій Двоесловъ во многихъ отношеніяхъ можетъ дать намъ поучительный примѣръ, но само собою понятно, что въ краткомъ очеркѣ нельзя съ исчерпывающей полнотой указать на всѣ заслуги великаго папы, а потому приходится довольствоваться разъясненіемъ его основныхъ воззрѣній, представляющихъ для насъ наибольшій интересъ.

Принадлежа по своему происхожденію къ знатному и старинному римскому роду Аниціевъ, св. Григорій былъ глубоко проникнутъ любовью къ родному городу въ родной странѣ. Онъ горько сѣтовалъ по поводу ея невзгодъ и всею душею отдавался заботамъ объ улучшеніи ея положенія, о защитѣ своихъ „возлюбленнѣйшихъ сыновей—римскихъ гражданъ“. Съ сердечной болью онъ говоритъ о страш-

---

¹⁾ Докладъ, прочитанный 13 Марта 1904 года на засѣданіи „Харьковскаго Отдѣла Русскаго Собранія“.

ной опасности грозившей Риму отъ Лангобардовъ, горько сожалѣя о видѣнныхъ имъ собственными глазами римлянахъ, связанныхъ на подобіе собакъ веревками за ноги и предназначенныхъ на продажу въ далекой странѣ франковъ. Переживая вмѣстѣ съ паствою тяжкія невзгоды варварскаго нашествія, онъ прилагаетъ рачительныя попеченія о выкупѣ плѣнныхъ, о снабженіи Рима хлѣбомъ, объ отвращеніи ярости лангобардовъ отъ вѣчнаго города и при этомъ не жалѣетъ ни силъ ни средствъ. Лишенный боевой поддержки со стороны Византіи, осыпаемый алчными требованіями свирѣпаго вождя варваровъ, онъ стойко борется съ врагами, отстаивая обломки „римской республики“ отъ напора язычниковъ. Онъ готовъ скорѣе умереть, чѣмъ поступиться правами римской церкви. Онъ стоитъ на стражѣ ея обычаевъ и не допускаетъ новшествъ, придерживаясь мѣстныхъ преданій. Отъ своихъ римскихъ предковъ онъ унаслѣдовалъ привязанность къ старинному образцу, настойчивую заботливость объ его сохраненіи, а потому, присущій римлянамъ „консерватизмъ“ сказывается весьма часто въ его поведеніи.

Какъ извѣстно, эта черта, свойственная и предшественникамъ папы Григорія, обусловила соблюденіе Римомъ православныхъ воззрѣній въ вѣка расколовъ и ересей, порождаемыхъ религіозной пытливостью и свободомысліемъ. Какъ истый римлянинъ, Григорій не полагается на собственное мнѣніе и въ дѣлахъ вѣры основывается на преклоненіи передъ авторитетомъ, высоко ставя, между прочимъ, бл. Августина, которому онъ весьма многимъ обязанъ. Но эта зависимость отъ другихъ не помѣшала Григорію оставить свой весьма замѣтный слѣдъ въ отческой литературѣ: ему принадлежатъ такіа сочиненія, какъ „Пастырское Правило“, своего рода настольная книга для священнослужителей, переведенная при его жизни на греческій, аллегорическія толкованія св. Писанія (Бесѣды на книгу св. пророка Іезекииля, Нравоучительныя толкованія на книгу Іова, Бесѣды на Евангелія), „Собесѣдованія о жизни италійскихъ отцовъ и о вѣчности душъ“, давшія ему прозваніе Двоеслова и представляющія любимое чтеніе для средневѣковыхъ

иноковъ. Большая часть твореній св. Григорія переведена на русскій языкъ, что является краснорѣчивымъ доказательствомъ ихъ значенія для православнаго христіанина. Помимо литературной дѣятельности, Двоесловъ оставилъ послѣ себя и другое наслѣдіе, особенно цѣнное для западнаго христіанства: По свидѣтельству источника, хорошо освѣдомленнаго, папа Григорій приложилъ много попеченій для увеличенія благолѣпія церковнаго богослуженія и ввелъ особый напѣвъ въ церковныя пѣснопѣнія. Преданіе, правда, болѣе поздняго происхожденія и недостоверное, приписываетъ ему составленіе чина литургіи преждеосвященныхъ даровъ, но, повидимому, папа только ознакомилъ съ нимъ западныя церкви, „будучи готовъ подражать хорошему“.

Обладая сокровищемъ православнаго ученія, хранимаго вселенской, еще не раздѣленной церковью, святитель Григорій Двоесловъ не въ однихъ только предназначенныхъ для вѣрующихъ сочиненіяхъ старался просвѣтитъ свѣтомъ истиннымъ ходящихъ во тьмѣ, но посвятилъ всю свою дѣятельность святому дѣлу назиданія язычниковъ, евреевъ и еретиковъ. Его отношенія къ нимъ заслуживаютъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія, ибо западно-христіанскій міръ находился подъ сильнымъ обаяніемъ поданнаго папой Григоріемъ образца, да и болѣе отдаленное потомство можетъ извлечь полезныя указанія изъ его откликовъ на запросы живой современности. Проникнутый ревностнымъ стремленіемъ къ расширенію области, населенной исповѣдниками христіанства, до „самыхъ крайнихъ земли“, папа обращаетъ свой взоръ на Персію, ибо побѣды византійскаго оружія внушали надежду на подчиненіе этой имперіи власти Христа. Но Востокъ не обѣщалъ столь обильной жатвы, какъ западный міръ, переполненный еще языческими народами. Григорій заблаговременно готовится жнецовъ нивы господней, созрѣвавшей въ Британіи,—въ „закоулкѣ міра“, куда въ дни юности было увлекъ его самого пламенный порывъ къ проповѣдничеству слова истины. Узнавъ, что англійскій народъ страстно хочетъ обратиться въ христіанскую вѣру, папа снаряжаетъ на далекій островъ, находя-

щійся за враждебными землями, цѣлую миссію, руководить ею, своей настойчивостью преодолеваетъ всѣ препятствія, памятуя, что „лучше не начинать хорошее дѣло, чѣмъ начавши удалаться отъ него вспять“. Считая за руководящее правило, что св. церковь, обращая въ христіанство язычниковъ, иное исправляетъ съ рвеніемъ, другое переноситъ со снисходительностью и на третье обдуманно не обращаетъ вниманія, Григорій даетъ рядъ совѣтовъ и указаній, свидѣтельствующихъ о большой гибкости и приспособляемости, примѣняемыхъ къ дѣлу, лишь-бы была достигнута главная цѣль—крещеніе язычниковъ. Папа совѣтуетъ не забывать, что невозможно вырвать все разомъ у грубыхъ людей, вѣдь и стремящійся взойти на высочайшее мѣсто, поднимается не скачками, но по ступенямъ, или идетъ шагами. Однако такой мягкій образъ дѣйствій, такое расчетливое отношеніе къ слабостямъ людскимъ не возводится папой въ неизблемое требованіе. Григорій постоянно дѣйствуетъ примѣнительно къ обстоятельствамъ: въ Британіи, лежащей на краю міра, онъ не хочетъ своей требовательностью и неуклонностью погубить нѣжныя ростки христіанскихъ вѣрованій, но зато совершенно иначе дѣйствуетъ тамъ, гдѣ можетъ опереться на силу христіанской власти—въ областяхъ, не порвавшихъ связи съ римской имперіей. Такъ онъ, убѣжденный, что всѣ язычники должны сдѣлаться рабами Христа, увѣщаетъ вождя Барбарициновъ, (племени, въ коемъ не было христіанъ за исключеніемъ одного только вождя),—кого только возможно приводитъ ко Христу и заставляютъ креститься и любить вѣчную жизнь. Съ этимъ же языческимъ племенемъ византійскій полководецъ Забарда заключилъ миръ подъ условіемъ обращенія въ христіанство, что вызвало одобреніе папы. Но не только сила оружія должна была увеличивать число новообращенныхъ, а и рядъ другихъ принудительныхъ мѣръ: недовольный тѣмъ, что въ числѣ церковныхъ крѣпостныхъ церкви г. Кальяри находились язычники, Григорій предписываетъ заботиться объ отвращеніи ихъ отъ невѣрія: „если же окажется столь упорный и вѣролом-

ный крѣпостной, что не согласится прійти ко Господу, то надлежитъ его обременить такой тяжестью оброка, чтобъ онъ самой карой увеличеннаго обложенія побуждался поспѣшить къ истинѣ.

Григорій въ этомъ вопросѣ стоялъ на такой точкѣ зрѣнія: крѣпостные ввѣрены господамъ для земныхъ пользъ и службъ, но на господахъ лежитъ обязанность озаботиться о вѣчномъ достояніи для ихъ душъ. Поэтому полученіе доходовъ и оставленіе подвластныхъ въ идолопоклонствѣ недопустимо. Надо, чтобъ обѣ стороны выполняли свои обязанности, ибо что скажутъ господа на страшномъ судѣ, когда выяснится, что они, получивъ подъ свою власть враговъ божьихъ, пренебрежительно не позаботились подчинить ихъ Богу и вернуть ихъ къ Нему.

Очевидно, язычество разсматривается какъ уклоненіе отъ исконнаго правовѣрія, а обращеніе въ христіанство признается простымъ возвращеніемъ къ истинному Богу. Исходя изъ этого положенія, Григорій считаетъ дозволенными крутыя мѣры „противъ идолопоклонниковъ, гадателей и прорицателей“, ибо они поддерживали суевѣрія въ народѣ. Такъ онъ предписываетъ обличать ихъ предъ народомъ и отвлекать ихъ отъ такой святотатственной грязи напоминаніемъ о страшномъ судѣ Божьемъ и указаніемъ на опасность въ этой жизни. Тѣхъ же, кто не пожелаетъ исправиться и отказаться отъ подобныхъ занятій, надлежитъ, по его мнѣнію, съ пламеннымъ усердіемъ обуздывать и, если они рабы, наказывать ударами и мученіями, благодаря коимъ они пришли бы къ улучшенію. Если же это — свободные, то они повинны тюремному заключенію и должны быть подвергнуты строгому покаянію, дабы муки тѣлесныя могли бы вернуть къ вождѣльному духовному здоровью пренебрегшихъ спасительными и отвлекающими отъ смертной опасности словами.

Итакъ, желая спасти души отъ вѣчной гибели, Григорій считалъ дозволеннымъ прибѣгать къ воздѣйствію путемъ угрозъ и установленныхъ законами каръ. Однако, такое вмѣшательство мірской власти вело къ злоупотре-

бленіямъ, свѣтскіе чиновники брали взятки съ приносившихъ жертвы идоламъ и даже послѣ крещенія язычниковъ требовали съ нихъ эти „обычные поборы“. Естественно, что папа одобрялъ лишь тѣхъ сановниковъ, которые примѣняли къ гадателямъ и заклинателямъ предписанныя закономъ взысканія, такъ какъ остатки языческихъ суевѣрій отмѣчались большою живучестью и даже нѣкоторые духовные имѣли въ своихъ домахъ идоловъ и подозрѣвались въ совершеніи передъ ними жертвоприношеній. Такимъ образомъ, усилія папы искоренить язычество встрѣчали противодѣйствіе въ условіяхъ окружающей его дѣйствительности и внѣшнія мѣры не приводили къ желанному успѣху.

Рядомъ съ идолопоклонниками въ предѣлахъ римской державы жили и другіе „невѣрные“, о включеніи коихъ въ лоно церковное считалъ необходимымъ заботиться папа Григорій. Это были „исконные враги Христовы“—евреи. Цѣпко держась другъ за друга, они въ пору разложенія единой имперіи сумѣли сохранить за собой и значительное вліяніе и несмѣтныя богатства, по обыкновенію не считались съ требованіями и предписаніями закона, старались извлечь выгоду изъ труда рабовъ и пользовались тяжелымъ положеніемъ христіанъ, чтобъ, закабаливъ ихъ, оторвать ихъ отъ вѣры въ Искупителя міра.

Въ ту смутную пору Еврейскія общины были разбросаны не только по крупнымъ торговымъ сосредоточіямъ, какъ Римъ или Неаполь, но и по мелкимъ городкамъ средней и южной Италіи, въ Сициліи, Сардиніи, Галліи, Испаніи, на собственныхъ земляхъ и въ „помѣстьяхъ св. Петра“. Пользуясь своимъ богатствомъ и попустительствомъ купленныхъ властей Евреи позволяли себѣ прямое нарушеніе законовъ, пріобрѣтали рабовъ христіанъ, занимаясь даже ихъ скупкой съ барышническими цѣлями. Мало того, они насильно заставляли своихъ рабовъ обрѣзываться, насаждали въ средѣ христіанъ духовную рознь и старались даже изъ ихъ религіознаго рвенія извлечь для себя выгоду.

Григорій въ своихъ отношеніяхъ къ Евреямъ сталъ на точку зрѣнія закона и требовалъ его неукоснительнаго

исполненія, обращаясь къ свѣтскимъ сановникамъ и епископамъ съ увѣщаніями и напоминаніями „идти по стезѣ правды“. Тамъ, гдѣ ссылка на римскіе законы не могла имѣть особо убѣдительнои силы, папа выдвигалъ законъ христовъ, указывая, напримѣръ, Брунгильдѣ на то, что „всѣ христіане—члены христовы, стало быть нельзя оказывать главѣ почитаніе и одновременно разрѣшать ея врагамъ попираить члены, а потому надлежитъ освобождать вѣрныхъ Богу отъ враговъ Его“, „дабы не осквернялась христіанская вѣра подчиненіемъ христіанъ іудеямъ“. Григорій не жалѣлъ средствъ для выкупа попавшихъ въ іудейскую неволю, когда „не могъ ихъ освободить при посредствѣ законнаго насилія“, по причинѣ подкупности или слабости предержавшихъ властей. Но оберегая христіанъ отъ іудейскаго засилья, папа не одобрялъ отнятія у евреевъ тѣхъ правъ, кои предоставлены были имъ дѣйствующими и неотмѣненными законами. Евреямъ разрѣшалось имѣть синагоги, но не возводить ихъ вновь. Поэтому Григорій осуждаетъ захваты синагогъ, вызванные непомѣрнымъ усердіемъ ревнителей. Такъ, когда въ Кальяри, главномъ городѣ Сардиніи, новообращенный іудей Петръ, на другой день послѣ своего крещенія ворвался въ синагогу и помѣстилъ тамъ икону Пресвятой Дѣвы и Честной Крестъ, папа поручаетъ епископу Кальяри „съ должнымъ почетомъ вынести изъ синагоги христіанскія святыни“. Но иногда усердіе христіанъ заходило такъ далеко, что они, напримѣръ въ Палермо, отбирали еврейскія синагоги и освящали ихъ. Узнавъ объ этомъ, папа предписалъ своимъ уполномоченнымъ произвести оцѣнку стоимости захваченнаго имущества и уплатить ее евреямъ, ибо „разъ освященное не можетъ переходить обратно къ іудеямъ“. „Захваченныя же въ синагогахъ книги и украшенія должны быть возвращены безъ всякаго колебанія, ибо хотя евреямъ не дозволяется въ своихъ синагогахъ дѣлать что либо, кромѣ установленнаго закономъ, но и имъ не должно причинять, вопреки правдѣ и справедливости, какой либо ущербъ“. Ту же точку зрѣнія Григорій развивалъ по поводу перевода террачинской си-

нагоги на другое мѣсто. Соглашаясь съ справедливостью удаленія евреевъ изъ сосѣдства съ храмомъ, такъ какъ голоса поющихъ въ синагогѣ были слышны въ церкви, папа находить необходимымъ отвести для ихъ празднествъ другое мѣсто, ибо „римскими законами имъ разрѣшено жить и безпрепятственно располагать своими поступками въ предѣлахъ правды, а потому мы воспрещаемъ обременять или утѣснять евреевъ вопреки требованію права“. Но тамъ, гдѣ законъ не устанавливалъ льготъ для евреевъ, папа руководился стремленіемъ увеличить число ихъ обращеній путемъ воздѣйствія на склонность евреевъ къ погонѣ за выгодой и деньгами. Григорій не довѣрялъ особенно искренности еврейскихъ крещеній, но руководился чисто практическимъ соображеніемъ: уменьшая оброкъ для желавшихъ креститься евреевъ, живущихъ на церковныхъ земляхъ, онъ рассчитывалъ, что примѣру крестившихся послѣдуютъ и другіе и „хотя они прійдутъ въ лоно церкви недостаточно вѣрующими, ихъ потомство будетъ уже крещено болѣе вѣрующимъ“. Но, крестившись, Евреи не оставляли свои хищническія повадки и Григорію приходилось заниматься разслѣдованіемъ ихъ проступковъ для воздаянія за ихъ надлежащей властью „въ умилоствленіе Бога и примѣръ другимъ“. Нерѣдки были возвращенія въ іудейство новообращенныхъ, что заставляло папу высказываться противъ принудительнаго крещенія, тогда какъ около этого же времени франкскій король Хильперихъ приказываетъ евреямъ креститься и употребляетъ насиліе для приведенія въ исполненіе своего приказанія, а Зигбертъ Вестготскій предписываетъ подвергать всѣхъ нежелающихъ креститься евреевъ тѣлесному наказанію и изгнанію изъ Испаніи.

Въ противоположность такимъ крайнимъ мѣрамъ Григорій, выражая сочувствіе стремленіямъ и намѣреніямъ прибѣгавшихъ къ насильственному крещенію, считалъ, однако, что „слѣдуетъ собирать въ единство вѣры кротостью, благожелательствомъ, увѣщаніями и совѣтами, дабы угрозы и муки не отвратили тѣхъ, кого сладость проповѣди и страхъ грядущаго пришествія Судьи могли привлечь къ вѣрѣ“.

Закономѣрное и чуждое грубаго насилія отношеніе папы къ Евреямъ вызвало рядъ ихъ обращеній къ нему за помощью и защитой отъ притѣсненій. Но многія жалобы оказывались кляузными и умудренный опытомъ папа всегда требовалъ точной провѣрки ихъ показаній и строго обличалъ ухищренія и подкупы, къ которымъ прибѣгали іудеи. Они даже вестготскому королю Реккареду давали множество золота, лишь бы онъ не осуществлялъ ограничительныхъ мѣръ, направленныхъ противъ іудейскаго корыстолюбія и алчности. Реккаредъ не попался на золотую удочку и папа привѣтствовалъ его стойкость передъ соблазномъ и стремленіе къ осуществленію требованій закона, выработаннаго опытомъ великой римской имперіи, которая прекрасно знала неизмѣнившіяся доселѣ противогосударственныя свойства Евреевъ.

Стало быть, отношенія Григорія Великаго къ іудеямъ опредѣлялись съ одной стороны стремленіемъ просвѣтить ихъ свѣтомъ христіанской истины, а съ другой желаніемъ оставаться всегда на почвѣ законности и соблюденія предписаній дѣйствовавшего въ ту пору права.

Такое же преклоненіе передъ велѣніями закона ярко проходитъ черезъ всѣ поступки и распоряженія папы относительно еретиковъ. Многократно Григорій указываетъ, что сановникамъ имперіи должно быть „очень хорошо извѣстно, какъ настойчиво преслѣдуетъ законъ нечестивѣйшую низость еретиковъ“. „Если они въ Ваши времена получаютъ возможность распознаться, хотя ихъ осуждаютъ и чистота нашей вѣры и преграды, поставленныя мірскими законами, то это является великимъ грѣхомъ“, отвѣтственность за который тяготѣла надъ пренебрегающими закономъ.

Возмущенный попустительствомъ тогдашнихъ правителей, папа обрушивается на нихъ со своими обличеніями: „Прежде всего обратите вниманіе, пишетъ онъ префекту Африки Панталеону, какое мнѣніе останется о Васъ у людей, если подъ Вашимъ управленіемъ находятъ путь для своихъ правонарушеній тѣ, кого, во времена другихъ, обуздывали справедливымъ образомъ. Засимъ, да будетъ Вамъ вѣдомо, что Богъ нашъ взыщетъ отъ руки Вашей—души погибшихъ,

если Вы пренебрежете улучшеніемъ такого беззаконія, насколько этого требуетъ возможность“. Не ограничиваясь увѣщаніями сановниковъ Григорій обращается съ разоблаченіями и къ самому Императору, настаивая на принятіи дѣйствительныхъ мѣръ къ исполненію требованій закона, несоблюдаемаго нерадивыми и преступными чиновниками. Борьба противъ еретическихъ заблужденій представлялась папѣ войною съ нечестивыми врагами небеснаго Царя или леченіемъ опасной и заразной болѣзни. Григорій настаиваетъ на цѣлесообразности лишь во время начатаго леченія: „Мы знаемъ, что если противопоставить въ началѣ заболѣванія рачительную заботу свѣдущихъ врачей, то болѣзнь прекращается раньше, чѣмъ она успѣваетъ повредить. Поэтому мы должны всячески поспѣшить, дабы захватить самое начало болѣзни душъ и предусмотрительной заботливостью оградить овчарню, къ которой мы приставлены стражами“.

Усердно ратуя противъ еретическихъ заблужденій, искажавшихъ самыя основы христіанскаго вѣроученія, Григорій проявлялъ въ тоже время мягкую терпимость къ мѣстнымъ особенностямъ и обрядамъ. Такъ, напримѣръ, онъ пишетъ одному испанскому епископу: „при единствѣ вѣры нисколько не вредитъ святой церкви различіе въ обрядѣ“. На этомъ основаніи онъ и допускалъ однократное погруженіе въ воду при таинствѣ крещенія для испанскихъ христіанъ, дабы отвлечь ихъ отъ „аріанскаго нечестія“. Онъ съ живѣйшимъ сочувствіемъ отнесся къ просьбѣ Нумидійцевъ, которые высказали желаніе, чтобъ „были сохранены въ полной неприкосновенности ихъ древніе обычаи“: „Мы разрѣшаемъ ненарушимое существованіе для всякаго Вашего обычая, лишь бы онъ ни въ чемъ не нарушалъ православную вѣру“. Слѣдовательно, только въ главномъ и существенномъ должно было сказываться единство вѣры, на которомъ, подобно блаженному Августину, настаивалъ папа Григорій, обращаясь къ свѣтскимъ властямъ съ призывомъ, „въ качествѣ воителей Господнихъ“, „подавить попытки возставшихъ противъ православной церкви ерети-

ковъ и сжать ихъ гордыя выи ярмомъ справедливости“. —Въ этихъ суровыхъ словахъ слышно глубокое и непоколебимое убѣжденіе человѣка, чуждаго теплохладной терпимости къ неправдѣ и готового постоять до конца за истину ученія св. православной церкви. Онъ самъ пишетъ о себѣ Сабиніану: „я готовъ скорѣе умереть, чѣмъ допустить, чтобы въ мои дни была бы обезчещена церковь св. Петра. Ты хорошо знаешь мой нравъ, ибо я долго переносу, но если разъ рѣшу не переносить, то спокойно иду противъ всѣхъ опасностей“. Отсюда вовсе не слѣдуетъ, что папа всегда и всюду шелъ на проломъ, безъ оглядки, такъ какъ онъ признавалъ, что „на горѣ не поднимаются скачками, но нужно идти шагомъ“.

Такъ житейская мудрость, свойственная римлянамъ практичность уживалась въ немъ съ пламенной вѣрой, присущей жителю знойнаго Юга, даже при рѣшеніи сложныхъ вопросовъ, сопряженныхъ съ отстаиваніемъ Православія среди тогдашнихъ превратностей. Противъ него поднимались не только коварные іудеи, озлобленные и фанатизованные еретики, но и многочисленные раскольники, которые изъ невѣжественнаго упрямства не хотѣли подчиняться голосу вселенскихъ соборовъ, нарушали завѣщанный Спасителемъ миръ, откалывались отъ установленной Имъ единой церкви и суетно искажали Евангельскую правду.

Среди всѣхъ этихъ осложненій Григорій высоко держалъ священное знамя идеала, унаслѣдованнаго имъ отъ своихъ великихъ предшественниковъ и насаждаемаго имъ въ сердцахъ современниковъ. Такъ, подобно своему духовному руководителю и образцу—блаженному Августину, папа Григорій съ особой любовью и обстоятельностью останавливается на разъясненіи правильнаго понятія о мирѣ, какъ главномъ признакѣ истинно христіанскаго строя.

Съ наибольшей полнотой онъ раскрываетъ свои воззрѣнія по данному вопросу въ настольной книгѣ средневѣковаго духовенства, „Пастырскомъ правилѣ“, дающемъ совѣты и назиданія по многообразнымъ поводамъ. Здѣсь, между прочимъ, папа наставляетъ, какъ „слѣдуетъ увѣще-

вать сварливыхъ и миролюбивыхъ“. Основываясь на подборѣ мѣстъ св. Писанія, онъ показываетъ, что миръ является завѣтомъ Божиимъ и необходимымъ условіемъ спасенія. Раздоры мѣшаютъ приносить жертву Богу, а потому ведутъ къ пагубнымъ послѣдствіямъ, „ибо благо не можетъ наступить раньше окончательнаго искорененія зла“. Глухимъ къ божественнымъ предписаніямъ, по его совѣту, слѣдуетъ указывать, что неразумная природа открываетъ, какой вредъ причиняютъ себѣ разумныя существа своими раздорами: „вѣдь птицы собираются въ стаи для перелета и безсловесныя животныя пасутся стадами“.

Однако папа совершенно далекъ отъ проповѣди мира со всѣми во что бы то ни стало: онъ отличаетъ земной миръ отъ горняго (superna). Нельзя, потакая нечестивцамъ ради мира людскаго, отдѣляться отъ Бога, установившаго свой миръ. „Миръ преходящій—только нѣкій слѣдъ мира вѣчнаго. Что же можетъ быть нелѣпѣе любви къ слѣду, оставленному на прахѣ, при отсутствіи любви къ Оставившему этотъ слѣдъ? Не должно бояться нарушить преходящій временный миръ словомъ порицанія, когда примѣры изъ Ветхаго завѣта свидѣтельствуютъ, что даже употребленіе насилія противъ злыхъ угодно Богу. Вотъ почему сама Истина глаголетъ: „не миръ пришелъ Я принести, но мечъ“. Враговъ Божьихъ надо возненавидѣть совершенною ненавистью, т. е. подавлять нравы злыхъ и исправлять ихъ жизнь. Правда, апостолъ предписываетъ имѣть миръ со всѣми, но онъ же дѣлаетъ оговорку: „насколько это возможно съ нашей стороны“. Нарушая внѣшній миръ въ сердцахъ злыхъ своими порицаніями, мы сохраняемъ, поскольку зависитъ отъ насъ, съ ними миръ внутренній. Для образумленія сѣющихъ раздоры надлежитъ показать имъ, что они слѣдуютъ дьяволу и являются врагами Божиими.

Если миротворцы—сыны Божьи, то нарушители мира, несомнѣнно, сыны сатаны. Соединяющіеся въ мирѣ со злыми отдаютъ свои силы неправдѣ. Много вреда, если нѣтъ единства между добрыми, но еще вреднѣе, когда оно есть между злыми. Радѣющіе о мирѣ сперва должны внушить злымъ

любовь къ внутреннему миру, чтобъ потомъ принесъ имъ пользу миръ внѣшній: отъ любви къ ближнему восходятъ къ миру Создателя.—Въ своихъ посланіяхъ Григорій также неоднократно возвращается къ миру и раскрываетъ его значеніе для общецерковной жизни.

По его мнѣнію, внутри церкви должны царить любовь и единое исповѣданіе вѣры для поддержанія единства. Пастыри должны прилагать особыя старанія для сохраненія мира и единства въ церкви, пребывать въ миролюбіи и никоимъ образомъ не подавать повода къ раздору: „единственнымъ средствомъ для соблюденія заповѣди мира, пишетъ Григорій константинопольскому патріарху, является смиреніе, требующее устраненія соблазнительныхъ и гордыхъ титуловъ, дабы вы не оказались отдѣленными отъ мирнаго общенія съ нами. Да будетъ у насъ единъ духъ, единъ умъ, едина пріязнь, единая связь согласія во Христѣ, восхотѣвшемъ, дабы мы были Его членами“.

Во всей своей дѣятельности Григорій и стоялъ на стражѣ мира, пытаясь устранить поводы къ раздору и затушить вспыхнувшія страсти. Но онъ видѣлъ ясно, что „живя во плоти“ невозможно добиться истиннаго мира. Только Христосъ обладалъ совершеннымъ миромъ, а потому миръ нашъ—въ Искупителѣ, въ покорности и повиновеніи Богу. Стало быть, миръ съ Богомъ ведетъ къ непрестанной борьбѣ съ древнимъ врагомъ. Итакъ, Григорій Великій, подобно блаженному Августину, отдѣляетъ миръ „земной“, „временный“, „преходящій“, „ложный“, „человѣческій“ отъ „полнаго“, „вѣчнаго“, „истиннаго“, „совершеннаго“, „Божьяго“ и опредѣляетъ послѣдній, какъ повиновеніе Богу.

Спутникомъ мира у Григорія, какъ и у блаженнаго Августина, является единство: „церковь укрѣпляетъ себя миромъ и связываетъ себя единствомъ, чтобъ быть страшнѣе для враговъ“. Единство служитъ предметомъ особыхъ заботъ и попеченій папы, ибо Христосъ претерпѣлъ смерть ради укрѣпленія единства между членами церкви.

Въ свою очередь единство почіетъ на „корнѣ благо-

честія“—правдѣ, и по ея требованіямъ папа старается вершить всѣ дѣла и улаживать всякія затрудненія.

Преклоненіе Григорія передъ правдой отмѣчено въ одной изъ характернѣйшихъ средневѣковыхъ легендъ, которая повѣствуетъ, что папа не могъ примириться съ мыслью о загробныхъ мукахъ „справедливаго“ императора Траяна. Его гоненія противъ христіанъ, запечатлѣнные мученичествомъ такихъ подвижниковъ, какъ св. Климентъ, папа римскій, св. Игнатій Богоносецъ, св. Симеонъ Праведный, объяснялись стремленіемъ къ поддержанію въ полной силѣ велѣній закона, а потому Григорій, будучи самъ ревнителемъ законности, скорбѣлъ о заблужденіи Траяна и хотѣлъ разрѣшить его отъ содѣянныхъ, по невѣдѣнію истины, грѣховъ. Сохраненное жизнеописаніемъ сказаніе гласитъ, что папа вызвалъ изъ могилы прахъ императора, чтобъ окрестить душу. Прахъ разсыпался, а окрещенная душа взята на небо.

Придавая столь большое значеніе справедливости, Григорій слѣдовалъ ея указаніямъ и въ области экономическихъ отношеній. Такъ онъ ввелъ тщательную провѣрку отчетовъ управителей церковными имуществами, „дабы казна церковная не была осквернена поступленіемъ въ нее нечистой прибыли“. Поэтому онъ считалъ необходимымъ защищать отъ злоупотребленій крестьянъ-земледѣльцевъ и точно опредѣлялъ размѣръ оброковъ, лежавшихъ на крѣпостныхъ. Папой были заведены особыя книги, въ которыхъ записывались всѣ слѣдуемые съ нихъ платежи. Облегчая всячески положеніе зависимаго люда, Григорій считалъ себя обязаннымъ рачительно заботиться о собственности св. Петра, ибо былъ убѣжденъ въ томъ, что долженъ дать отвѣтъ самому Богу „за имущество бѣдняковъ, которое ему поручено для раздачи“. Тутъ онъ стоялъ на точкѣ зрѣнія христіанской древности, которая считала церковныя имущества „достояніемъ бѣдныхъ“, а духовенство лишь управителями „помѣстій“ или „угодій“ того или иного святого, пожертвованныхъ благочестивымъ усердіемъ вѣрующихъ.

Слѣдуя этому завѣту своихъ великихъ предшественни-

ковъ Григорій тратилъ громадныя средства римской церкви на помощь страждущимъ и нуждающимся, открывалъ странно-пріемные дома и ночлежные пріюты, щедро раздавалъ милостыню, не останавливаясь даже передъ продажей церковной утвари въ случаяхъ крайней нужды. Жизнеописание сообщаетъ, что однажды въ ночлежномъ домѣ былъ найденъ покойникъ. Григорій подумалъ, что этотъ человѣкъ умеръ отъ голода, и былъ такъ этимъ огорченъ, что самъ отлучилъ себя на нѣкоторое время отъ священнодѣйствій, „какъ будто умертвилъ сего мужа собственными руками“.

Списки бѣдняковъ, получавшихъ отъ папы пособія, поражали своими громадными размѣрами и въ благодарной памяти потомства Григорій извѣстенъ, какъ „отецъ семьи Христовой“.

Много ему приходилось тратить денегъ и на выкупъ несчастныхъ, брошенныхъ тогдашними военными бурями и житейскими невзгодами въ цѣпи тяжкаго рабства. Недовольствуясь своей помощью, онъ совѣтуетъ другимъ слѣдовать его примѣру, ибо „хорошо поступаетъ тотъ, кто сжалится надъ участью людей, которыхъ изначала природа произвела свободными, а обычное право довело до рабства, и облагодѣтельствуетъ ихъ, возвративъ имъ ту свободу, въ коей они рождены, ибо Икупитель нашъ, Создатель всей твари, соизволилъ по своей милости принять человѣческую плоть, дабы возстановить насъ прежней свободѣ, разорвавъ своей божественной благодатью плѣняющія насъ узы рабства“.

Итакъ, неправда, по представленію папы, нарушала установленный Христомъ законъ и попирала исконную свободу. Вотъ почему онъ и обращается къ одному изъ первыхъ сановниковъ имперіи съ такимъ назиданіемъ: „чтобы Вы ни дѣлали, Вы должны прежде всего соблюдать правду, а за тѣмъ во всемъ беречь свободу“... „Вы должны прилежать къ свободѣ тѣхъ, кто ввѣренъ Вашему надзору, какъ къ своей собственной, и если Вы не хотите, чтобъ Вашу свободу нарушали Ваши начальники, то уважайте и оберегайте свободу своихъ подчиненныхъ“.

Это весьма поучительное и для нашего времени наставленіе дано Григоріемъ по весьма знаменательному поводу: одинъ изъ сановниковъ позволилъ себѣ, вопреки закону, самоуправно подвергнуть тѣлесному наказанію почтеннаго и свободнаго гражданина. Негодованіе папы было весьма сильно и высказалось въ такихъ благородныхъ словахъ: „тѣмъ, что свободные подвергаются тѣлесному наказанію, помолчу, что оскорбляется Всемогущій Богъ, помолчу, что сильно отягчается Ваша добрая слава, но пятнается вообще время нашего благочестивѣйшаго Императора, ибо отличіе между царями другихъ народовъ и римскимъ императоромъ состоитъ въ томъ, что цари народовъ—владыки рабовъ, а римскій императоръ—владыка свободныхъ“.

Такъ 1300 лѣтъ тому назадъ заклеилъ самоуправство святитель Христовъ, а еще въ наше время наши братья не избавлены отъ позора тѣлеснаго наказанія въ христіанской странѣ, именующей себя „святой Русью“!

Взглядъ папы Григорія на свободу, какъ признакъ подвластныхъ христіанскому Императору, въ противоположность языческимъ государямъ, имѣетъ также большое значеніе для нашихъ дней, омраченныхъ многими злоупотребленіями „власть имущихъ“ въ ущербъ правильному представленію о христіанскомъ самодержавіи.

Однимъ изъ пожеланій, выраженныхъ Григоріемъ при вступленіи на престолъ новаго императора, было: „Да будетъ для cadaго отдѣльнаго лица возстановлена свобода подъ властью благочестивой имперіи“. Это пожеланіе стоитъ въ связи съ августиновскимъ представленіемъ о правдѣ, которая требуетъ, чтобъ „каждому воздавалось свое“.

При такихъ руководящихъ воззрѣніяхъ, конечно, нѣтъ и не можетъ быть рѣчи объ уподобленіи христіанскаго Государя римскому абсолютному властелину, который не былъ даже связанъ закономъ, или деспоту, воплощавшему полный произволъ. По усвоеннымъ папой Григоріемъ представленіямъ христіанской древности смыслъ и цѣль существованія свѣтской власти заключались въ выполненіи опредѣленныхъ обязанностей, въ рачительныхъ попеченіяхъ о соблюденіи

великихъ завѣтовъ единства, мира и правды, какъ основныхъ признакахъ христіанскаго государства. Онъ часто напоминалъ объ этомъ порфириноснымъ владыкамъ и высказывалъ имъ горькія истины по поводу распоряженій и повелѣній, нарушавшихъ требованія этого высокаго идеала. Въ этомъ отношеніи особенно интересны его письма къ императору Маврикію. Въ одномъ изъ нихъ идетъ рѣчь о распоряженіи, вызванномъ крайне тяжелымъ положеніемъ, въ какомъ находилось государство, тѣснимое отовсюду врагами, но стѣснившимъ свободу отдѣльныхъ лицъ и чувствительно задѣвшемъ интересы церкви. Дѣло въ томъ, что Маврикій воспретилъ вступленіе въ монастырь воинамъ до истеченія срока службы, такъ какъ это вступленіе прикрывало порой простое нежеланіе подвергаться боевымъ опасностямъ.

Григорій счелъ невозможнымъ не высказать передъ Императоромъ своихъ чувствъ, вызванныхъ этимъ указомъ. „Повиненъ передъ Господомъ Богомъ, пишетъ папа Маврикію, тотъ, кто не является искреннимъ во всѣхъ своихъ словахъ и поступкахъ передъ свѣтлѣйшими Государями“. „Я признаюсь своимъ государямъ, что сильно испуганъ этимъ указомъ, ибо благодаря ему для многихъ запирается путь къ небесамъ. Многіе могутъ вести благочестивую жизнь, оставаясь даже въ мірской одеждѣ, но еще больше такихъ, которые не могутъ спастись, если не оставятъ все мірское. Я же, говорящій это своимъ государямъ, кто такой, какъ не червь и прахъ? Но я все таки не могу молчать передъ своими государями, ибо чувствую, что этотъ указъ посягаетъ на Бога, виновника всего. Вѣдь, власть надъ всѣми людьми свыше дарована моимъ государямъ, дабы получали поддержку стремящіеся ко благу, дабы шире открывалась дорога въ небесную высь, дабы царство земное служило небесному царству. И вотъ во всеуслышаніе говорится: „кто разъ занесенъ въ списки земного воинства, тому нельзя служить въ воинствѣ Христовомъ“. На это вотъ что отвѣчаетъ Христосъ чрезъ меня, послѣдняго раба своего и Вашего: „я тебя сдѣлалъ изъ секретарей министромъ двора, изъ министровъ двора—Цезаремъ,

изъ цезарей императоромъ, и даже, мало того, отцомъ императоровъ. Я ввѣрилъ твоей длани священниковъ Моихъ, а ты отвлекаешь воиновъ своихъ отъ службы Мнѣ“. Отвѣтъ, о благочестивѣйшій Государь, рабу своему, какъ отвѣтишь ты на эти слова Господа, пришедшаго на послѣдній судъ?“

Напомнивъ, что подобный указъ былъ данъ впервые Юліаномъ Отступникомъ и нарисовавъ яркую картину приближающагося страшнаго суда, на которомъ императору придется предстать предъ очами всемогущаго Бога, Григорій закликаетъ измѣнить несправедливый законъ, ибо „тогда растетъ сила войска государева противъ враговъ, когда увеличивается Божье войско молящихся“. „Впрочемъ, будучи покоренъ Вашимъ приказаніямъ, я разослалъ этотъ указъ по различнымъ областямъ, но такъ какъ этотъ законъ отнюдь не согласенъ съ волею всемогущаго Бога, то я и обратился къ свѣтлѣйшимъ Государямъ со словами увѣщанія. Стало быть, я исполнилъ свой долгъ передъ обѣими сторонами, оказалъ повиновеніе императору и не промолчалъ о томъ, что чувствовалъ во имя Бога“.

Изъ этого письма явствуетъ, что папа считалъ покорность предержащимъ властямъ необходимой даже тогда, когда признавалъ ихъ распоряженія несправедливыми, несоотвѣтствующими божескимъ предъуказаніямъ. Но слѣдуя такимъ образомъ апостольскому назиданію: „всякая душа да повинуется властямъ предержащимъ“, Григорій стоялъ за открытое исповѣданіе правды и смѣлое обличеніе несправедливаго указа, памятуя, что „Богу надлежитъ воздавать Божіе“.

Нетрудно, однако, подмѣтить, что подобно бл. Августину, папа отводитъ свѣтской власти, въ сущности, служебное положеніе, ибо земное царство признается предназначеннымъ къ служенію небесному. Естественно поэтому, что Григорій обращается за содѣйствіемъ къ свѣтскимъ сановникамъ для осуществленія своихъ рѣшеній и распоряженій по поводу язычниковъ и еретиковъ.

Императоръ былъ въ его глазахъ „стражемъ церковнаго мира“, охрана котораго лежала и на сановникахъ,

причемъ мѣриломъ должны были служить каноны и отческія постановленія, соблюденіе коихъ было обязательно для самодержавныхъ повелителей вселенной и всѣхъ христіанскихъ государей. Такъ Григорій увѣщаетъ франкскую королеву Брунгильду, чтобъ она „исправила все совершенное вопреки канонамъ и не допускала какого-бы то ни было нарушенія церковныхъ установленій“.

Въ видѣ каноническихъ постановленій папа имѣлъ руководство для опредѣленія правильности любого распоряженія свѣтской власти: если оно не стояло въ противорѣчій съ ними, ему надлежало слѣдовать; въ противномъ случаѣ, лишь не впадая въ грѣхъ, его можно переносить. Но всякая мѣра, противная канонамъ, сулила навлечь бѣды на христіанскій міръ, такъ какъ „гнѣвъ божественнаго мщенія губить тѣхъ, кого Божьи завѣты не возвращаютъ на стезю справедливости“. Наоборотъ, исправленіе содѣяннаго вопреки Божьей волѣ приноситъ во всемъ царствамъ пользу, а борьба съ врагами Бога даетъ земное счастье и небесныя радости.

Всѣмъ своимъ существомъ Григорій былъ убѣжденъ въ справедливости этой точки зрѣнія, а потому зорко слѣдилъ за всѣми нарушеніями каноновъ и обращалъ на нихъ вниманіе Императора, требуя исправленія замѣченныхъ нестроений и устраненія церковныхъ раздоровъ. Такъ онъ пишетъ императору Маврикію: „Благочестивѣйшій и отъ Бога поставленный Государь нашъ, въ числѣ другихъ заботъ, составляющихъ царское бремя, бодрствуетъ надъ сохраненіемъ любви между святителями, по справедливости, духовнаго рвенія, благочестиво и здраво разсуждая, что никто не можетъ правильно управлять земнымъ, если не умѣетъ изслѣдовать небесное и судить о мирѣ государства по миру вселенской церкви. Ибо, свѣтлѣйшій Государь, какая доблесть людская, какая мощь плотской длани дерзнетъ поднять нечестивую руку противъ величія Вашей христіанской имперіи, если единодушный помыселъ святителей ревностно станетъ, — какъ надлежитъ, возносить устами своими мольбы за Васъ передъ Искупителемъ? Или какой мечъ дикаго племени

будетъ свирѣпствовать съ неслыханной жестокостью надъ избіеніемъ вѣрныхъ, если наша жизнь, жизнь тѣхъ, кто именуется, но не является священнослужителями, не будетъ отягчена самыми дурными дѣяніями? Но когда мы оставляемъ подобающее намъ и мечтаемъ о неподобающемъ намъ, мы присоединяемъ свои грѣхи къ силамъ варваровъ и наша вина остритъ мечи враговъ, ослабляя силы государства“.

Въ яркихъ и рѣзкихъ чертахъ Григорій обрисовываетъ несоотвѣтствіе образа дѣйствій иныхъ святителей съ ихъ проповѣдями и завѣтами Христовыми. „Вотъ все въ странахъ Европы попало въ подчиненіе варварамъ, разрушены города, уничтожены боевые станы, цѣлыя области лишены жителей; не видно ни одного земледѣльца, свирѣпствуютъ и господствуютъ ежедневно служители идоловъ, избивая вѣрныхъ и, однако, святители, которымъ надлежало-бы лежать со слезами въ прахѣ на камняхъ, требуютъ для себя суетныя наименованія и кичатся новыми и языческими прозвищами?“ Папа имѣетъ въ виду принятіе константинопольскимъ патріархомъ титула „вселенскій“—и обвиняетъ его въ дерзости, нарушившей евангельскія установленія и св. каноны.

Чтобы понять негодованіе Григорія, надо принять во вниманіе особенности міровоззрѣнія того времени. Для Григорія и его современниковъ весь міръ, вся вселенная представлялись единымъ цѣлымъ, которое должно быть просвѣщено свѣтомъ христіанскаго вѣроученія и находится подъ управленіемъ одного христіанскаго государя. Естественно, что единая „вселенная“ могла имѣть только одного „вселенскаго епископа“. Папа былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что это званіе „въ честь св. Петра, князя Апостоловъ“, было преподнесено достопочтеннымъ Халкедонскимъ соборомъ римскому первосвященнику, но ни одинъ изъ нихъ не соглашался пользоваться этимъ столь исключительнымъ наименованіемъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Григорій, подобно бл. Августину и множеству средневѣковыхъ мыслителей, вѣрилъ, что „земное царствіе божіе“—„святая церковь“, „градъ Господень“ нарочито ввѣренъ Богомъ Апостолу

Петру, „верховному патріарху и князю Апостоловъ“. Григорій отождествляетъ съ св. Петромъ римскую кафедру—„главу вѣры“; по его убѣжденію, самъ апостолъ возсѣдаетъ на ней въ лицѣ своихъ преемниковъ“. „Приматъ римской церкви“ для папы представляется искони установленнымъ, не нуждающимся въ доказательствахъ. Въ силу этого кругъ попеченій римскаго первосвященника распространяется на всѣ церкви; ему подчинены всѣ епископы, не исключая константинопольскаго патріарха; его исповѣданіе служитъ мѣриломъ истины въ дѣлахъ вѣры; къ нему, какъ къ высшему судѣ, согласно канонамъ, должны восходить апелляціонныя жалобы. Итакъ, Григорій считаетъ всѣ преимущества „апостольскаго престола“ скрѣпленными установленіями св. Отцовъ и Соборовъ.

На иной точкѣ зрѣнія стояли многіе восточные святители и современникъ Григорія, константинопольскій патріархъ св. Іоаннъ Постникъ, принявшій титулъ „вселенскаго“.

Правда, и они отождествляли, подобно евангелисту Лукѣ, „вселенную“ съ „римской имперіей“, но сосредоточіемъ ея считали не старый Римъ, а новый,—Царь-Градъ или Константинополь. Естественно, что и епископъ столицы долженъ былъ возвыситься въ кругу своихъ собратій и церковь, по преданію основанная св. Апостоломъ Андреемъ *Первозваннымъ*, не признавала надъ собой первенства „римской кафедры“.

Такимъ образомъ, политическія соображенія и мѣстничество стольныхъ городовъ усугубляли разнь, вызываемую національными и обрядовыми особенностями, и вели къ печальнымъ препирательствамъ и спорамъ, которые завершились въ послѣдствіи раздѣленіемъ единого тѣла мірообъемлющей христіанской церкви.

Безпристрастное и вполне научное изученіе христіанской древности доказываетъ ошибочность основныхъ посылокъ папы Григорія, ибо Халкендонскій соборъ не подносилъ папѣ титула „вселенскій“: на третьемъ его засѣданіи были лишь прочитаны прошенія, въ коихъ просители именovali такъ римскаго епископа, а на шестомъ легатъ папы

почтилъ его этимъ именемъ. Однако и духовенство востока иногда въ своихъ жалобахъ и прошеніяхъ обращалось къ папамъ, называя ихъ „вселенскими епископами“, но вся церковь никогда не признавала за ними исключительнаго права на этотъ титулъ. Да и сами папы, его не употребляли, какъ совершенно правильно отмѣчаетъ Григорій. Зато онъ ошибается, когда настаиваетъ на исключительныхъ правахъ, дарованныхъ якобы Спасителемъ св. Петру. Точныя изысканія установили, что для такого мнѣнія въ писаніи и древнѣйшемъ преданіи нѣтъ никакихъ безспорныхъ доказательствъ. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что папа, равно какъ и множество другихъ святителей, не могли вѣрить въ исключительныя полномочія „князя апостоловъ“. Григорій весь былъ проникнутъ убѣжденіемъ въ ихъ справедливости, не зналъ тутъ ни сомнѣній, ни колебаній. Онъ ратовалъ и тутъ за „правду“, оставляя въ сторонѣ всякія личныя побужденія, ибо ему было чуждо властолюбіе и честолюбіе: онъ прямо пишетъ Маврикію: „развѣ я въ этомъ вопросѣ, благочестивѣйшій Государь, защищаю собственное дѣло, развѣ я мщу за личную обиду—я отстаиваю дѣло Всемогущаго Бога, дѣло вселенской церкви“.

Это заявленіе глубоко искренно и душевная чистота намѣреній и стремленій папы стоитъ выше всякихъ подозрѣній, ибо всею своею многотрудною жизнью Григорій показалъ, что онъ былъ истиннымъ свѣтильникомъ единой церкви христовой, не чуждымъ заблужденій, присущихъ времени, но всецѣло убѣжденнымъ въ правильности исповѣдуемыхъ имъ идеаловъ.

Будучи опытнымъ и гибкимъ дипломатомъ, тонкимъ и дальнозоркимъ политикомъ, глубокимъ и разностороннимъ знатокомъ запросовъ человѣческаго сердца, онъ совершенно сознательно порою идетъ на встрѣчу стихійному приспособленію, дѣлаетъ уступки вѣрованіямъ и обычаямъ язычниковъ, чтобы уловить ихъ души въ сѣти преемниковъ галилейскаго рыбака. Онъ прозрѣваетъ будущее и ради грядущихъ поколѣній изъясляетъ согласіе на послабленія.

Подвижникъ по своей личной жизни, отрекшійся отъ

соблазновъ грѣшнаго міра и постоянно вздыхающій по прелестьямъ тихаго созерцанія въ обители, „рабъ рабовъ божьихъ“, Григорій, въ силу обязанностей вселенскаго пастыря, прибѣгаетъ къ средствамъ, которыя считаетъ наиболѣе пригодными для спасенія ввѣренной ему свыше паствы. Не самостоятельное разрѣшеніе отвлеченныхъ богословскихъ вопросовъ занимаетъ его умъ, но наилучшее устройство земного царствія Божьяго—церкви, обнимающаго и добрыхъ и злыхъ, совершенныхъ и не совершенныхъ. Въ этомъ стремленіи таится ключъ къ правильному пониманію его значенія.

Столь широкая и плодотворная дѣятельность папы Григорія нашла, въ существенномъ, одинаковую оцѣнку со стороны Востока и Запада: и православная и католическая церковь признали его *святимъ*, какъ и другихъ славныхъ подвижниковъ, съ честью потрудившихся на обширной нивѣ Христовой.

Большой идеалъ единства всего христіанскаго міра, сознающаго свою обособленность отъ язычниковъ, сказывается въ почитаніи этихъ „божьихъ сотрудниковъ“ и въ наши дни, когда событія снова выдвигаютъ необходимость для всѣхъ христіанъ соединиться ради отпора общему врагу: невѣрію, язычеству, мусульманству, еврейству пользуются разрозненностью и внутренними распрями послѣдователей различныхъ христіанскихъ исповѣданій, достигаютъ небывалаго успѣха и открыто посягаютъ на державное положеніе христіанства въ человѣчествѣ. Нападеніе язычниковъ-японцевъ на Россію встрѣчаетъ полное одобреніе и вызываетъ радость у невѣровъ, какъ зарубежныхъ, такъ и доморожденных; социалистическіе органы, изрыгающіе постоянно хулу на христіанство, рукоплещутъ японцамъ; евреи, высоко поднявшіе надменную голову, явно и тайно выступаютъ противъ Россіи—оплота христіанской идеи боговластія. Мы свидѣтели не только войны Японіи съ нашимъ отечествомъ, а одного изъ проявленій исконной, вѣковой и непримиримой борьбы между христіанствомъ и его извѣчными врагами. Всѣ они спѣшатъ засвидѣтельствовать, что Японія выступаетъ борцомъ за общее дѣло, противъ земнаго града божьяго—церкви, основанной Спасителемъ.

Японскій художникъ Хирошиге пишетъ теперь картину „Опасность съ Запада“: здѣсь изображена вооруженная съ головы до ногъ Японія, къ которой ласково—просительно жметъ Китай; рядомъ гордый, словно вылитый изъ бронзы житель Индостана, скуластый малаецъ и пришибленный кореецъ. Взоры всѣхъ пытливо устремлены на Западъ, гдѣ видѣнъ озаренный лучами *блглый крестъ*, на который указываетъ Японія.

Японскій живописецъ, очевидно, подражаетъ извѣстной картинѣ Императора Вильгельма—„Опасность съ Востока“. Но для болѣе правильнаго воспроизведенія дѣйствительности слѣдовало-бы японцу проявить больше самостоятельности и изобразить вдали золотого тельца, передъ которымъ раболопно склонились евреи и измѣнившіе истинному Богу арійцы, протягивающіе японцамъ съ Запада руки съ предложеніемъ союза и услугъ въ борьбѣ съ христіанами: броненосцы, пушки, снаряды, уголь, деньги, даны язычникамъ старой Англіей и юной торгашеской Америкой. Къ счастью, сознаніе правильнаго положенія дѣлъ не исчезло въ Европѣ; не говоря уже о единокровныхъ и единовѣрныхъ братьяхъ славянахъ Россіи сочувствуютъ французскіе націоналисты, сохранившіе вѣру отцовъ; въ Германіи, гдѣ христіанскіе завѣты, своеобразно толкуемые, свято хранятся значительнымъ большинствомъ населенія, раньше другихъ поняли значеніе Россіи, какъ передового оплота христіанской Европы; духовный вождь католическаго міра выражаетъ пожеланіе побѣды русскимъ ради успѣха миссіонерскаго дѣла...

Словомъ, всюду вѣрующіе *христіане* нравственно стоятъ на сторонѣ Россіи, забывая религіозную рознь и вражду. Ихъ пора миновала и именно наше отечество, пріютившее подъ своею сѣнью милліоны христіанъ различныхъ исповѣданій, должно явиться носителемъ великой идеи объединенія всѣхъ христіанъ, водворенія мира и правды на землѣ. Издревле церковь православная молится о мирѣ *всего міра* и соединеніи *всѣхъ*, памятуя завѣтъ Апостольскій: старайтесь сохранять единство духа въ союзѣ мира (Еф. IV, 3), доколѣ *всѣ* прійдемъ въ единство вѣры и познанія Сына

Божія (Еф. IV, 13). Божественный Искупитель, пріявшій позорную смерть на крестѣ за грѣхи *всего человечества*, заповѣдалъ своимъ послѣдователямъ: „да будутъ всѣ—едино“, и далъ намъ внушающее бодрость обѣтованіе: „Есть у Меня и другіе овцы, которыя не сего двора; и тѣхъ надлежитъ Мнѣ привести; и онѣ услышатъ голосъ Мой, и будетъ одно стадо и одинъ Пастырь“—Христосъ!

Какъ плодъ евангельскихъ завѣтовъ, идеалъ, вдохновлявшій папу Григорія, сохраняетъ доселѣ свое обаяніе и проявляетъ мощную притягательную силу среди великихъ историческихъ событій, нами переживаемыхъ!

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

